СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ЭДГАРА ПО

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія бр. Пантелеевыхъ. Верейская, 16.
1896

Дозволено цензурою. Спб. 20 Февраля 1896 г.

Редакторъ
Ѳ. И. Булгаковъ.

Издатель
Г. Ф. Пантелеевъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ, ПРИТЧИ И СКАЗКИ.

Переводъ М. А. Энгельгардтъ.

Повѣсть о приключеніяхъ Артура Гордона Пима изъ Нантукета,

въ которой подробно описываются

возмущеніе и жестокая рѣзня на Американскомъ бригѣ «Грампусѣ» въ плаваніи къ Южнымъ морямъ; вторичный захватъ корабля уцѣлѣвшими отъ рѣзни; крушеніе и ужасныя муки голода, постигшія экипажъ; спасеніе его Британской шкуной «Дженъ Гай»; плаваніе этого судна въ Антарктическій океанъ; его плѣнъ и истребленіе экипажа на островахъ подъ 84° южной широты, а равно и невѣроятныя приключенія и открытія въ дальнѣйшемъ плаваніи къ Югу, вызванныя этимъ бѣдственнымъ событіемъ.

Предварительныя замѣчанія.

Возвратившись въ Соединенные Штаты нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ послѣ ряда необычайныхъ приключеній въ Южномъ Океанѣ, изложенныхъ на нижеслѣдующихъ страницахъ, я познакомился въ Ричмондѣ съ кружкомъ джентльменовъ, которые крайне заинтересовались всѣмъ, что я видѣлъ въ посѣщенныхъ мною странахъ, и настойчиво убѣждали меня познакомить публику съ моимъ путешествіемъ. Однако, различныя причины удерживали меня отъ этого, — причины частію личнаго свойства, касающіяся меня одного, частью иного рода. Между прочимъ, останавливало меня слѣдующее соображеніе: я не велъ журнала въ теченіе большей части путешествія и боялся, что не съумѣю составить на память отчетъ настолько подробный и связный, что онъ не только будетъ, но и покажется истиннымъ,—не считая, конечно, тѣхъ неизбѣжныхъ и естественныхъ преувеличеній, отъ которыхъ никто не убережется, излагая рядъ событій, оказавшихъ сильнѣйшее вліяніе на воображеніе разсказчика. Другое соображеніе было такого рода: мои приключенія имѣютъ до того чудесный характеръ, что, не подтвержденныя свидѣтельскими показаніями (остался въ живыхъ только одинъ свидѣтель, да и тотъ на половину индѣецъ), найдутъ довѣріе развѣ въ моей семьѣ и среди близкихъ друзей, которымъ извѣстна моя правдивость; публика же, по всей вѣроятности, сочтетъ мой разсказъ только остроумной и безсовѣстной вы-

думкой. Но главная причина, заставлявшая меня отклонять предложеніе пріятелей, было недовѣріе къ моимъ авторскимъ способностямъ.

Въ числѣ джентльменовъ, заинтересовавшихся моимъ разсказомъ, въ особенности той частью его, которая относится къ Антарктическому Океану, былъ мистеръ Поэ, редакторъ Южнаго Литературнаго Вѣстника, ежемѣсячнаго журнала, издаваемаго мистеромъ Томасомъ В. Уайтомъ въ городѣ Ричмондѣ. Онъ настойчиво убѣждалъ меня составить полный отчетъ обо всемъ мною видѣнномъ и испытанномъ, причемъ возлагалъ большія надежды на проницательность и здравый смыслъ публики, увѣряя, что самые недостатки (въ литературномъ отношеніи) моего разсказа придадутъ ему характеръ правдивости.

Не смотря на эти увѣщанія, я все не могъ рѣшиться. Наконецъ, видя, что со мной ничего не подѣлаешь, мистеръ Поэ предложилъ слѣдующую комбинацію: онъ самъ составитъ отчетъ о первой части моихъ приключеній, на основаніи моего разсказа,—и напечатаетъ его въ Южномъ Вѣстникѣ подъ видомъ вымысла. На это я не имѣлъ ничего возразить, оговоривъ только, чтобы мое настоящее имя было сохранено. Такимъ образомъ въ январьской и февральской книжкахъ Вѣстника (1837) явились двѣ главы этого яко бы вымышленнаго разсказа, подписаннаго именемъ мистера Поэ, чтобы усилить характеръ вымысла.

Пріемъ, оказанный этой мистификаціи со стороны публики, побудилъ меня составить и напечатать подробное описаніе всѣхъ моихъ приключеній. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на сказочный характеръ, такъ искусно приданный первой части отчета, напечатанной въ Вѣстникѣ (причемъ ни одинъ фактъ не былъ искаженъ или измѣненъ), публика отнюдь не оказалась склонной принимать его за сказку и мистеръ Поэ получилъ нѣсколько писемъ, выражавшихъ совершенно противоположное мнѣніе. Отсюда я заключилъ, что факты, изложенные въ разсказѣ, сами по себѣ представляются вѣроятными и что, слѣдовательно, мнѣ нечего бояться недовѣрія публики.

Въ заключеніе этого exposé замѣчу, что читатель самъ увидитъ, гдѣ кончается трудъ мистера Поэ и начинается мой разсказъ. Прибавлю, что и въ первыхъ страницахъ, принадлежащихъ перу мистера Поэ, нѣтъ ни одного вымышленнаго факта. Указывать же, гдѣ начинается мой разсказъ, излишне: даже не читавшіе Вѣстника увидятъ это по разницѣ въ стилѣ.

А. Г. Пимъ.

Нью-Іоркъ, іюль 1838 г.

ГЛАВА I.

Мое имя Артуръ Гордонъ Пимъ. Отецъ мой былъ почтенный торговецъ морскимъ товаромъ въ Нантукетѣ, гдѣ я родился. Мой дѣдъ по матери былъ стряпчій съ хорошей практикой. Онъ успѣшно велъ свои дѣла и счастливо спекулировалъ съ акціями Эдгартонскаго Новаго Банка. Эти и другія аферы доставили ему порядочный капиталецъ. Ко мнѣ онъ былъ привязанъ, кажется, больше, чѣмъ къ кому бы то ни было, такъ что я могъ надѣяться получить въ наслѣдство большую часть его состоянія. Когда мнѣ исполнилось шесть лѣтъ, онъ отправилъ меня въ школу старика Риккетса, однорукаго джентльмена, большого чудака—его знаютъ всѣ, кому случалось бывать въ Нью-Бедфордѣ. Въ его школѣ я оставался до шестнадцати лѣтъ, а затѣмъ перешелъ въ академію мистера Э. Рональда. Тутъ я подружился съ сыномъ мистера Барнарда, капитана корабля, совершавшаго рейсы по дѣламъ торговаго дома Ллойдъ и Вреденбургъ. Мистеръ Барнардъ также хорошо извѣстенъ въ Нью-Бедфордѣ; сколько мнѣ извѣстно, у него есть родственники въ Эдгартонѣ. Его сынъ Августъ былъ двумя годами старше меня. Онъ плавалъ съ отцомъ на китобоѣ «Джонъ Дональдсонъ» и постоянно разсказывалъ мнѣ о своихъ приключеніяхъ въ южной части Тихаго Океана. Я часто бывалъ у него, иногда оставался на цѣлый день и даже на ночь. Мы спали въ одной постели, и я не смыкалъ глазъ до разсвѣта, когда бывало онъ начнетъ разсказывать о дикаряхъ острова Тиніана и другихъ мѣстъ, посѣщенныхъ имъ во время плаванія. Въ концѣ концовъ я только и думалъ, что объ его разсказахъ, и мало по малу меня обуяла страсть къ мореплаванію. Я пріобрѣлъ за семьдесятъ пять долларовъ парусную лодку, называвшуюся «Аріель». Она была съ палубой и каюткой, оснащена какъ одномачтовое судно; вмѣстимость ея я не помню, но на ней легко могло помѣститься десять человѣкъ. Въ этой лодкѣ мы предпринимали самыя отчаянныя экскурсіи и, вспоминая о нихъ, я только удивляюсь, какимъ чудомъ я остался живъ.

Разскажу объ одной экскурсіи въ видѣ предисловія къ болѣе длинному и достопамятному сообщенію. Однажды вечеромъ у мистера Барнарда собрались гости, и мы съ Августомъ хватили по этому случаю лишняго. Какъ всегда въ такихъ случаяхъ, я остался ночевать у него. Ложась спать (гости разошлись около часа ночи), онъ былъ, повидимому, очень спокоенъ и ни единымъ словомъ не заикнулся о своей любимой темѣ. Прошло съ полчаса, я уже сталъ забываться сномъ,—какъ вдругъ онъ вскочилъ и съ страшнымъ ругательствомъ поклялся, что никакіе Артуры Гордоны въ мірѣ

не заставятъ его спать при такомъ чудесномъ юго-западномъ вѣтрѣ. Я изумился, какъ никогда въ жизни, не понимая, о чемъ онъ толкуетъ,—и подумалъ, что онъ просто не помнитъ себя отъ вина и водки. Но онъ очень спокойно замѣтилъ, что напрасно я принимаю его за пьянаго, что, напротивъ, никогда въ жизни онъ не былъ трезвѣе. Ему только надоѣло валяться, какъ собака, на постели въ такую прекрасную ночь и потому онъ намѣренъ встать, одѣться и покататься на лодкѣ. Не понимаю, что со мной сдѣлалось, но, услыхавъ эти слова, я такъ и вздрогнулъ отъ радости: его безумная выдумка показалась мнѣ самой разумной и счастливой мыслью. Дулъ почти ураганъ, погода стояла холодная: дѣло было въ концѣ октября. Тѣмъ не менѣе я вскочилъ съ постели, какъ встрепанный, въ какомъ-то экстазѣ, и объявилъ, что я не трусливѣе его, что мнѣ тоже надоѣло валяться, какъ собака, на постели, и что я также готовъ на какія угодно выходки и продѣлки, какъ любой Августъ Барнардъ въ Нантукетѣ.

Мы живо одѣлись и поспѣшили къ лодкѣ. Она стояла у старой, ветхой пристани, близь верфи Панки и К°, стукаясь о тяжелыя бревна. Августъ вскочилъ въ нее и принялся вычерпывать воду, которая наполняла лодку почти до половины. Покончивъ съ этимъ, мы подняли кливеръ и гротъ и смѣло пустились въ море.

Какъ я уже упомянулъ, дулъ сильный вѣтеръ съ юго-запада. Ночь была ясная и холодная. Августъ помѣстился у руля, а я на палубѣ подлѣ мачты. Мы неслись стремглавъ, и еще не обмѣнялись ни единымъ словомъ съ тѣхъ поръ, какъ оставили верфь. Наконецъ, я спросилъ своего товарища, куда онъ думаетъ направиться и когда мы вернемся. Онъ посвисталъ и отвѣтилъ сварливымъ тономъ: — Я направлюсь въ открытое море, а ты можешь, если угодно, вернуться домой.—Взглянувъ на него, я тотчасъ убѣдился, что, несмотря на свою кажущуюся nonchalence, онъ находится въ сильнѣйшемъ возбужденіи. Я ясно видѣлъ при свѣтѣ луны, что лицо его блѣе мрамора и руки дрожатъ до того, что руль почти не слушается ихъ. Я понялъ, что дѣло неладно и не на шутку встревожился. Въ то время я еще плохо управлялъ лодкой и всецѣло зависѣлъ отъ искусства моего товарища. Вѣтеръ какъ на зло усилился, а мы уже вышли почти въ открытое море; но я все-таки не хотѣлъ выказать трусость и съ полчаса еще хранилъ молчаніе. Наконецъ, однако, не выдержалъ и сказалъ Августу, что пора бы намъ вернуться домой. Какъ и раньше, онъ не сразу отвѣтилъ:— Поспѣемъ,—пробормоталъ онъ наконецъ, — время есть... домой поспѣемъ. — Я ожидалъ подобнаго отвѣта, но въ тонѣ его словъ было что-то особенное, отчего морозъ пробѣжалъ у меня по тѣлу. Я пристально посмотрѣлъ на Августа. Губы его посинѣли, колѣни

дрожали такъ, что онъ врядъ-ли могъ стоять. — Ради Бога, Августъ,—воскликнулъ я, не на шутку перепуганный, — что съ тобой? въ чемъ дѣло? что ты?—Дѣло!—пробормоталъ онъ съ изумленіемъ, выпуская руль и падая на дно лодки,—дѣло?—ничего—ладно—самъ видишь... ѣдемъ д... д... домой! — Тутъ мнѣ разомъ все стало ясно. Я кинулся къ нему, приподнялъ его. Онъ былъ пьянъ—пьянъ какъ стелька—не могъ ни стоять, ни говорить, ни видѣть. Глаза его были совсѣмъ стеклянные; и когда я въ отчаяніи выпустилъ его, онъ покатился какъ чурбанъ въ воду, на дно лодки. Очевидно, онъ выпилъ вечеромъ гораздо больше, чѣмъ я думалъ,—и его поведеніе въ постели было результатомъ той степени опьяненія, когда, какъ при нѣкоторыхъ формахъ помѣшательства, человѣкъ по наружности вполнѣ владѣетъ собой и дѣйствуетъ сознательно. Холодный ночной воздухъ произвелъ свое обычное дѣйствіе,—нервное возбужденіе улеглось,—и смутное сознаніе опасности, безъ сомнѣнія, ускорило катастрофу. Теперь онъ лежалъ безъ чувствъ и, по всей вѣроятности, долженъ былъ пролежать такъ нѣсколько часовъ.

Врядъ-ли можно себѣ представить мой ужасъ. Винные пары окончательно испарились, но тѣмъ сильнѣе было мое смущеніе и робость. Я зналъ, что мнѣ не справиться съ лодкой и что бурный вѣтеръ, въ соединеніи съ отливомъ, влекутъ насъ къ гибели. Надвигалась буря; у насъ не было ни компаса, ни провизіи, а сохраняя то же направленіе, мы должны были къ утру потерять изъ вида землю. Эти мысли и рой другихъ, не менѣе страшныхъ, съ быстротой молніи проносились въ моей головѣ и въ первыя минуты совершенно парализировали меня. Лодка бѣшено мчалась, разсѣкая волны, съ раздутыми парусами, ныряя носомъ въ пѣнѣ. Рѣшительно не понимаю, какъ она не перевернулась: Августъ, какъ я уже сказалъ, бросилъ руль, а я былъ въ такомъ волненіи, что не подумалъ за него взяться. Къ счастью, лодка устояла, а я понемногу овладѣлъ собою. Вѣтеръ, однако, крѣпчалъ съ каждой минутой; и всякій разъ, какъ мы разсѣкали носомъ волну, она обрушивалась на корму и заливала насъ цѣлымъ потокомъ. Я до такой степени окоченѣлъ, что почти потерялъ способность чувствовать. Наконецъ, во мнѣ проснулась рѣшимость отчаянія и, бросившись къ мачтѣ, я отпустилъ парусъ. Какъ и слѣдовало ожидать, онъ вылетѣлъ за бортъ и, намокнувъ въ водѣ, сломилъ и утащилъ за собой мачту. Это обстоятельство спасло насъ отъ неминуемой гибели. Съ однимъ кливеромъ я лавировалъ кое-какъ противъ вѣтра, подвертываясь иногда подъ валъ, но, по крайней мѣрѣ, избавившись отъ страха немедленной смерти. Я взялся за руль и сталъ дышать свободнѣе, видя, что еще остается надежда на спасеніе.

Августъ по прежнему лежалъ на днѣ; видя, что ему угрожаетъ опасность захлебнуться, такъ какъ вода стояла почти на цѣлый футъ, я кое-какъ приподнялъ его и, обвязавъ веревкой вокругъ таліи, прикрѣпилъ другой конецъ къ рымъ-болту на палубѣ.

Устроившись такимъ образомъ, какъ умѣлъ, и насколько позволяло мнѣ мое волненіе и окоченѣвшія руки, я поручилъ свою участь Богу и рѣшился перенести все, что ни случится, съ твердостью, на какую только былъ способенъ.

Не успѣлъ я принять это рѣшеніе, какъ внезапно, громкій, протяжный вопль, точно вырвавшійся изъ глотокъ тысячи демоновъ, наполнилъ пространство. Въ жизнь свою не забуду смертельнаго ужаса, который оледенилъ меня въ эту минуту. Волосы мои встали дыбомъ, кровь застыла въ жилахъ, сердце замерло и, не успѣвъ оглянуться и опредѣлить причину этого шума, я повалился безъ чувствъ на тѣло моего товарища.

Очнувшись, я оказался въ каютѣ большого китоловнаго судна «Пингвинъ», шедшаго въ Нантукетъ.

Нѣсколько человѣкъ стояли надо мною; Августъ, блѣдный какъ смерть, растиралъ мнѣ руки. Увидѣвъ, что я открылъ глаза, онъ разразился бурными восклицаніями восторга и благодарности, вызвавшими смѣхъ и слезы среди окружавшихъ меня съ виду грубыхъ людей. Вскорѣ я узналъ обстоятельства нашего спасенія. На насъ налетѣлъ корабль, шедшій въ Нантукетъ подъ всѣми парусами, какіе только можно было распустить при такой погодѣ. Матросы замѣтили нашу лодку, но слишкомъ поздно, ихъ-то крикъ и испугалъ меня такъ страшно. Огромный корабль прошелъ надъ нами такъ же легко, какъ наша лодка прошла бы надъ перышкомъ. Ни единаго крика не раздалось съ лодки; послышался только легкій скрипъ, сливавшійся съ ревомъ вѣтра и волнъ, когда наше легкое суденышко нырнуло въ воду и прошло подъ килемъ своего губителя; больше ничего. Думая, что наша лодка (на которой не видно было мачты) случайно оторвалась отъ пристани, капитанъ (Е. Т. Блокъ изъ Нью-Лондона) хотѣлъ продолжать путь, не придавая значенія этому случаю. Къ счастью, двое матросовъ божились, что замѣтили въ лодкѣ человѣка и доказывали, что его еще можно спасти. Возникли препирательства, Блокъ разсердился и замѣтилъ, «что ему нѣтъ дѣла до яичной скорлупы, что корабль не будетъ останавливаться ради всякаго вздора, что коли человѣкъ тонетъ, такъ, значитъ, онъ самъ того хотѣлъ; и чортъ его дери, пусть себѣ тонетъ». Но тутъ вмѣшался его помощникъ Гендерсонъ, справедливо возмутившійся, какъ и весь экипажъ, такимъ безсердечіемъ. Чувствуя за собой поддержку, онъ рѣшительно объявилъ капитану, что тотъ заслуживаетъ висѣлицы и что онъ не

послушается, хотя бы его повѣсили на берегу. Высказавъ это, онъ прошелъ на корму, толкнувъ Блока (который поблѣднѣлъ и молча отвернулся) и схвативъ руль, скомандовалъ твердымъ голосомъ: «Становись подъ вѣтеръ!» Люди бросились по мѣстамъ и корабль круто повернулъ. Все это длилось минутъ пять, такъ что почти не оставалось надежды на спасеніе людей, бывшихъ въ лодкѣ,—предполагая, что въ ней были люди. Тѣмъ не менѣе, какъ уже извѣстно читателю, и я, и Августъ были спасены, благодаря двумъ счастливымъ случайностямъ, почти непостижимымъ, какія приписываются благочестивыми и мудрыми людьми спеціальному вмѣшательству Провидѣнія. Пока корабль поворачивался, Гендерсонъ велѣлъ спустить лодку и соскочилъ въ нее съ двумя матросами, видѣвшими въ лодкѣ людей. Лишь только они отчалили отъ корабля съ подвѣтренной стороны, онъ сильно накренился къ вѣтру и Гендерсонъ, вскочивъ, крикнулъ своимъ матросамъ: «греби назадъ!» Онъ ничего не прибавилъ къ этому и только кричалъ: «греби назадъ! греби назадъ!» Матросы изо всѣхъ силъ налегли на весла, но въ это время корабль повернулся и быстро двинулся впередъ, хотя экипажъ торопился убрать паруса. Помощникъ, не смотря на всю опасность этой попытки, ухватился за гротъ-руслени, лишь только могъ достать ихъ. Корабль снова качнуло такъ, что правая сторона обнаружилась почти до киля,—тутъ выяснилась причина криковъ Гендерсона. На гладкомъ и блестящемъ днѣ корабля (онъ былъ обшитъ мѣдью) виднѣлась человѣческая фигура, повисшая самымъ страннымъ образомъ и бившаяся о корпусъ корабля при каждомъ его движеніи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ въ тѣ минуты, когда корабль накренялся, и съ рискомъ потопить лодку, я былъ освобожденъ изъ своего опаснаго положенія и поднятъ на корабль. Оказалось, что гвоздь, выдававшійся изъ корпуса корабля, зацѣпилъ меня въ то время, когда мое тѣло проходило подъ килемъ. Шляпка гвоздя прорвала воротникъ моей зеленой байковой куртки и зацѣпила меня за шею, пройдя между двумя сухожиліями какъ разъ подъ правымъ ухомъ. Меня тотчасъ уложили въ постель, хотя я не подавалъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. На кораблѣ не было медика. Капитанъ, однако, отнесся ко мнѣ очень внимательно, вѣроятно, желая загладить въ глазахъ экипажа свое жестокое поведеніе.

Тѣмъ временемъ Гендерсонъ снова отчалилъ отъ корабля, хотя вѣтеръ превратился въ настоящій ураганъ. Вскорѣ онъ увидѣлъ обломки лодки, а одному изъ матросовъ послышался крикъ о помощи среди завываній бури. Это побудило смѣлыхъ моряковъ продолжать свои поиски въ теченіе получаса, хотя капитанъ Блокъ нѣсколько разъ давалъ имъ сигналъ вернуться, а хрупкое суде-

нышко ежеминутно подвергалось страшной опасности. Въ самомъ дѣлѣ, трудно понять, какъ могла уцѣлѣть такая маленькая лодочка. Впрочемъ, она предназначалась для охоты на китовъ и, какъ я узналъ потомъ, была устроена на подобіе спасательныхъ лодокъ въ Уэльсѣ, т. е. имѣла отдѣленія, наполненныя воздухомъ.

Видя, что поиски остаются тщетными, они рѣшились вернуться. Но въ эту самую минуту послышался слабый крикъ и мимо нихъ мелькнула какая-то черная масса, они погнались за ней и поймали ее. Это была палуба «Аріэля». Августъ бился подлѣ нея, повидимому, въ смертельныхъ мукахъ. Схвативши его, они убѣдились, что онъ привязанъ къ палубѣ веревкой. Если припомнитъ читатель, это я привязалъ его къ рымболту, чтобы поддержать въ сидячемъ положеніи,—въ результатѣ моя выдумка спасла ему жизнь. «Аріэль» былъ сколоченъ кое-какъ и попавъ подъ корабль разбился на куски; палуба оторвалась отъ остова лодки и всплыла (какъ и остальные обломки, безъ сомнѣнія) на поверхность. Августъ всплылъ вмѣстѣ съ нею и такимъ образомъ ускользнулъ отъ гибели.

Спустя болѣе часа послѣ того какъ его взяли на корабль, онъ пришелъ, наконецъ, въ себя и понялъ, что случилось съ лодкой. Опомнившись совершенно, онъ разсказалъ о своихъ ощущеніяхъ въ водѣ. Онъ помнилъ, что пришелъ въ себя подъ водою, гдѣ вертѣлся съ поразительной быстротой, чувствуя, что какая-то веревка обматывается вокругъ его шеи. Минуту спустя онъ почувствовалъ, что быстро поднимается наверхъ, но тутъ голова его стукнулась о что-то жесткое и онъ снова потерялъ сознаніе. Затѣмъ опять очнулся, и тутъ уже мысли его нѣсколько прояснились, хотя все еще оставались смутными и туманными. Онъ понималъ теперь, что случилось какое-то несчастіе и что онъ находится въ водѣ, хотя ротъ его оказался на поверхности и онъ могъ дышать довольно свободно. Вѣроятно, въ эту минуту палуба неслась по вѣтру, увлекая его за собою, причемъ онъ лежалъ на спинѣ. Въ этомъ положеніи онъ, конечно, не могъ утонуть. Но вотъ волна бросила его на палубу, за которую онъ и уцѣпился съ крикомъ о помощи. За минуту передъ тѣмъ, какъ мистеръ Гендерсонъ увидѣлъ его, онъ выпустилъ палубу и скатился въ море, считая себя погибшимъ. Все это время онъ ни разу не вспомнилъ объ «Аріэлѣ», ни объ обстоятельствахъ, приведшихъ къ этому несчастію. Смутное чувство ужаса и отчаянія всецѣло овладѣло его чувствами. Когда, наконецъ, онъ былъ вытащенъ изъ воды, сознаніе снова оставило его, и только черезъ часъ онъ опомнился. Что касается меня, то я былъ возвращенъ къ жизни изъ состоянія, граничившаго со смертью (и то лишь черезъ три съ половиной часа послѣ того, какъ всѣ средства были перепробованы), посредствомъ сильнаго растиранья фланелью съ

горячимъ масломъ: средство, рекомендованное Августомъ. Рана на моей шеѣ, хотя и ужасная съ виду, оказалась неопасной и скоро зажила.

«Пингвинъ» вошелъ въ гавань около девяти часовъ утра, выдержавъ сильнѣйшій шквалъ, какой когда-либо случался близъ Нантукета. Мы съ Августомъ явились въ домъ мистера Барнарда какъ разъ къ завтраку, который, къ счастью для насъ, запоздалъ, благодаря вчерашней попойкѣ. Кажется, присутствовавшіе были слишкомъ утомлены, чтобы обратить вниманіе на нашъ изможденный видъ, который бросился бы въ глаза при мало-мальски внимательномъ наблюденіи. Впрочемъ, школьники истинные виртуозы по части обмана, и врядъ-ли кому-нибудь изъ нашихъ нантукетскихъ друзей пришло въ голову, что ужасная исторія, о которой разсказывали въ городѣ матросы, потопившіе будто бы цѣлый корабль съ экипажемъ человѣкъ въ тридцать—сорокъ, имѣла какое-либо отношеніе къ «Аріэлю», мнѣ или моему спутнику. Мы же часто говорили объ этомъ происшествіи,—но не могли вспомнить о немъ безъ ужаса. Августъ откровенно сознался, что никогда въ жизни не испытывалъ такого адскаго чувства, какое испыталъ въ нашей маленькой лодочкѣ въ ту минуту, когда понялъ степень своего опьяненія и убѣдился, что не справится съ нимъ.

ГЛАВА II.

Можно бы было думать, что катастрофа, о которой я только что разсказалъ, охладитъ мою едва зародившуюся страсть къ морю. Напротивъ, никогда еще я не испытывалъ такой жажды къ приключеніямъ, которыми полна жизнь моряка, какъ спустя недѣлю послѣ нашего чудеснаго избавленія. Этотъ короткій періодъ времени оказался совершенно достаточнымъ, чтобы изгладить изъ моей памяти мрачныя и освѣтить самымъ яркимъ свѣтомъ увлекательныя и живописныя стороны нашего опаснаго предпріятія. Наши бесѣды съ Августомъ каждый день становились оживленнѣе и интереснѣе. Его разсказы о морскихъ приключеніяхъ (теперь я подозрѣваю, что добрая половина ихъ была чистымъ враньемъ) дѣйствовали возбуждающимъ образомъ на мой восторженный темпераментъ и мое мрачное, но пылкое воображеніе. Какъ это ни странно, но именно картины ужасныхъ страданій и отчаянія всего сильнѣе разжигали мою страсть. Свѣтлая сторона жизни моряка не особенно трогала меня. Я только и бредилъ кораблекрушеніями и голодомъ, смертью или плѣномъ у варварскихъ племенъ, жизнью,

полною горя и слезъ на какой-нибудь пустынной скалѣ, затерянной въ безбрежномъ, невѣдомомъ океанѣ. Подобныя грезы или желанія—такъ какъ они доходили до желаній—свойственны, какъ я убѣдился впослѣдствіи, — всѣмъ вообще меланхоликамъ; но въ то время я принималъ ихъ за пророческія указанія судьбы, которыя мнѣ надлежитъ выполнить. Августъ вполнѣ раздѣлялъ мой образъ мыслей. По всей вѣроятности, наша тѣсная дружба до извѣстной степени сроднила наши характеры.

Спустя полтора года послѣ катастрофы съ «Аріэлемъ», фирма Ллойдъ и Вреденбургъ (кажется, находившаяся въ связи съ домомъ Эндерби въ Ливерпулѣ) занялась починкой и снаряженіемъ брига «Грампуса» для ловли китовъ. Это была старая, ветхая посудина, почти негодная для плаванія даже послѣ починки. Не знаю, почему его выбрали вмѣсто хорошихъ, новыхъ судовъ, принадлежавшихъ тѣмъ же арматорамъ. Мистеръ Барнардъ былъ назначенъ капитаномъ, Августъ отправлялся вмѣстѣ съ нимъ. Пока шла починка, онъ не разъ уговаривалъ меня воспользоваться этимъ прекраснымъ случаемъ удовлетворить мою страсть къ путешествіямъ. Я-то былъ не прочь, — но устроить это дѣло оказалось не легко. Отецъ мой не высказывался рѣшительно противъ путешествія; но съ матерью начиналась истерика всякій разъ, какъ рѣчь заходила объ этомъ планѣ; а главное, дѣдушка, отъ котораго я ждалъ такихъ великихъ и богатыхъ милостей, поклялся, что не оставитъ мнѣ ни гроша, если я только заикнусь еще разъ о своемъ намѣреніи. Впрочемъ, эти затрудненія не могли поколебать мое рѣшеніе, напротивъ —только подливали масла въ огонь. Я рѣшилъ отправиться во что бы то ни стало и, сообщивъ объ этомъ Августу, обсудилъ вмѣстѣ съ нимъ способъ осуществленія моихъ желаній. Въ тоже время я пересталъ говорить съ родными о путешествіи и такъ усердно предался обычнымъ занятіямъ, словно и думать забылъ о своемъ планѣ. Впослѣдствіи я не разъ съ неудовольствіемъ и удивленіемъ вспоминалъ о моемъ тогдашнемъ поведеніи. Только жгучее, неутолимое желаніе осуществить, наконецъ, давно лелѣянную мечту о путешествіи могло побудить меня на такое глубокое лицемѣріе,—лицемѣріе, проникавшее всѣ мои слова и дѣйствія въ теченіе такого долгаго времени.

Вознамѣрившись обмануть родныхъ, я естественно долженъ былъ предоставить многое Августу, который постоянно бывалъ на «Грампусѣ», устраивая каюту для отца и трюмъ. По вечерамъ мы сходились и толковали о своихъ надеждахъ. Такъ прошло около мѣсяца, а мы еще не придумали никакого путнаго плана. Наконецъ, онъ объявилъ мнѣ, что нашелъ способъ уладить дѣло. У меня былъ родственникъ въ Нью-Бедфордѣ, нѣкій мистеръ Россъ, въ

домѣ котораго я гостилъ иногда по двѣ, по три недѣли. Бригъ долженъ былъ отплыть въ половинѣ іюня (1827) и вотъ мы рѣшили, что за день или за два до отплытія мой отецъ получитъ записку отъ мистера Росса, съ приглашеніемъ мнѣ пріѣхать недѣли на двѣ къ Роберту и Эммету (его сыновья). Августъ взялся написать и доставить эту записку. Затѣмъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Нью-Бедфордъ, я отправлюсь къ моему товарищу, который спрячетъ меня на «Грампусѣ». Онъ обѣщалъ снабдить мое убѣжище всѣмъ необходимымъ для того, чтобы съ удобствомъ провести въ немъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ мнѣ нельзя будетъ показаться на палубу. Когда бригъ отойдетъ отъ берега настолько, что уже нельзя будетъ вернуться, я водворюсь въ каютѣ; что касается его отца,—говорилъ Августъ,—то онъ только посмѣется этой шуткѣ. Съ какимъ-нибудь встрѣчнымъ кораблемъ можно будетъ послать письмо моимъ родителямъ съ объясненіемъ всего случившагося.

Наконецъ наступила половина іюня; все было приготовлено, записка написана, доставлена по принадлежности, и однажды утромъ, въ понедѣльникъ, я вышелъ изъ дома, направляясь якобы на Нью-Бедфордскій пакетботъ. Августъ поджидалъ меня на углу улицы. Рѣшено было, что я спрячусь гдѣ-нибудь до вечера, и только съ наступленіемъ темноты проскользну на бригъ. Но мы рѣшили, что это можно сдѣлать сейчасъ же, такъ какъ намъ благопріятствовалъ густой туманъ. Августъ пошелъ на пристань, а я слѣдовалъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, завернувшись въ толстый матросскій плащъ, который онъ захватилъ для меня. Только что мы свернули за уголъ, за колодцемъ мистера Эдмунда, какъ передо мной очутился, глядя на меня во всѣ глаза, — кто бы вы думали?—самъ старый мистеръ Петерсонъ, мой дѣдушка!—Господи Боже мой, Гордонъ!—сказалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы, — что это? что это такое? съ какой стати ты нарядился въ эту грязную хламиду?

— Сэръ,—отвѣчалъ я, принимая видъ негодующаго изумленія и стараясь говорить самымъ грубымъ голосомъ,—вы жестоко ошибаетесь, во-первыхъ, мое имя вовсе не Гордонъ, а во-вторыхъ, какъ ты смѣешь, старый бродяга, называть мое новое пальто грязной хламидой?—Не могу вспомнить безъ смѣха, какое курьезное дѣйствіе произвела эта милая реплика на стараго джентльмена. Онъ отступилъ шага на два или на три, поблѣднѣлъ, потомъ побагровѣлъ, сдернулъ съ носа очки, опять надѣлъ ихъ, и кинулся на меня, замахнувшись зонтикомъ. Но тутъ же опомнился, повернулся и поплелся по улицѣ, трясясь отъ злобы и бормоча себѣ подъ носъ:—Никуда не годятся... Новые очки... Думалъ, это Гордонъ... Проклятый морской волкъ.

Счастливо избѣжавъ опасности, мы продолжали путь съ большой осторожностью и благополучно добрались до мѣста назначенія. На кораблѣ оказалось всего двое-трое матросовъ, да и тѣ были заняты на бакѣ. Капитанъ Барнардъ, какъ намъ было извѣстно, находился въ конторѣ Ллойда и Вреденбурга, гдѣ долженъ былъ остаться до поздняго вечера, такъ что съ этой стороны намъ не угрожала никакая опасность. Августъ первый поднялся на палубу, а за нимъ послѣдовалъ и я, незамѣченный матросами. Мы тотчасъ же спустились въ каюту, которая оказалась пустой. Помѣщенія на бригѣ были устроены очень комфортабельно,—даже роскошно для китоловнаго судна. Тутъ были четыре офицерскихъ каюты съ широкими и удобными кроватями. Я замѣтилъ также прекрасный каминъ; полы въ капитанской и офицерскихъ каютахъ были устланы толстыми дорогими коврами. Высота каютъ была не менѣе семи футовъ, словомъ, все оказалось гораздо удобнѣе и лучше, чѣмъ я ожидалъ. Августъ, впрочемъ, не позволилъ мнѣ долго прохлаждаться, замѣтивъ, что нужно спрятаться какъ можно скорѣй. Онъ провелъ меня въ свою каюту на лѣвой сторонѣ брига. Войдя, онъ заперъ за собою дверь на ключъ. Мнѣ казалось, что я никогда еще не видалъ такой чудесной комнатки. Она имѣла десять футовъ въ длину. Въ ней находилась только одна кровать—большая и удобная, какъ тѣ, что я видѣлъ раньше; столъ, стулъ и висячая полка съ книгами, преимущественно по морской части. Кромѣ того было много другихъ мелочей, между прочимъ, и шкафикъ или погребецъ съ разными разностями по съѣстной и питейной части.

Августъ подавилъ пальцами одно мѣсто на коврѣ, подъ которымъ кусокъ пола въ шестнадцать квадратныхъ дюймовъ былъ вырѣзанъ, а затѣмъ вложенъ обратно. Когда Августъ нажалъ этотъ квадратъ, онъ приподнялся такъ, что можно было засунуть палецъ между нимъ и поломъ. Такимъ образомъ можно было поднять трапъ (коверъ былъ прибитъ къ нему гвоздиками) и спуститься въ трюмъ. Августъ зажегъ спичкой маленькую восковую свѣчку, вставилъ ее въ потайной фонарь и спустился въ отверстіе, сказавъ мнѣ, чтобы я слѣдовалъ за нимъ. Я повиновался, и онъ закрылъ за нами трапъ при помощи гвоздя, вбитаго съ нижней стороны; коверъ, разумѣется, занялъ свое прежнее положеніе на полу и, такимъ образомъ, всякіе слѣды отверстія исчезли.

Фонарикъ бросалъ такой слабый свѣтъ, что я съ трудомъ пробирался среди всевозможнаго хлама. Мало по малу, однако, глаза мои освоились съ окружающимъ полумракомъ, и я пошелъ смѣлѣе, придерживаясь за куртку моего товарища. Наконецъ, послѣ продолжительной ходьбы по лабиринту безчисленныхъ узкихъ проходовъ, онъ привелъ меня къ окованному желѣзомъ ящику, въ родѣ

тѣхъ, которые употребляются иногда для упаковки дорогого фаянса. Онъ былъ въ четыре фута высотой, въ шесть длиной, но очень узокъ. На немъ стояли два большихъ пустыхъ боченка изъ подъ масла, а надъ ними цыновки, нагроможденныя до самаго потолка. Кругомъ были навалены всевозможныя вещи, корабельные припасы, корзины, коробья, бочки, тюки, такъ что я рѣшительно не понималъ, какъ мы ухитрились добраться до ящика. Впослѣдствіи я узналъ, что Августъ нарочно нагружалъ этотъ трюмъ, желая устроить для меня надежное убѣжище и въ нагрузкѣ помогалъ ему только одинъ человѣкъ, не отправлявшійся на Грампусѣ.

Мой другъ указалъ мнѣ, что стѣнка на одномъ концѣ ящика вынималась. Онъ вынулъ ее и я съ большимъ удовольствіемъ увидѣлъ свое помѣщеніе. Дно ящика было прикрыто матрацомъ, взятымъ съ одной изъ кроватей въ каютѣ, кромѣ того, тутъ были различные запасы, какіе только оказалось возможнымъ помѣстить въ такомъ маленькомъ пространствѣ, гдѣ я все-таки могъ сидѣть или вытянуться во всю длину. Въ числѣ прочихъ вещей тутъ было нѣсколько книгъ, перо, чернила, бумага, три одѣяла, большая кружка воды, боченокъ морскихъ сухарей, три или четыре большихъ болонскихъ колбасы, огромный окорокъ, кусокъ холодной баранины и полдюжины бутылокъ съ виномъ. Я немедленно расположился въ своей маленькой квартиркѣ и ужь, конечно, съ большимъ удовольствіемъ, чѣмъ любой монархъ располагался когда-нибудь въ новомъ дворцѣ. Августъ объяснилъ мнѣ, какъ задвигать ящикъ и, поднявъ къ потолку фонарикъ, показалъ протянутую подъ нимъ черную веревку. Эта веревка проходила отъ моего убѣжища по всѣмъ проходамъ къ гвоздю въ трапѣ. Посредствомъ этой веревки я могъ добраться до трапа, безъ всякой помощи съ его стороны, еслибъ какой-нибудь непредвидѣнный случай помѣшалъ ему вывести меня. Затѣмъ онъ ушелъ, оставивъ мнѣ фонарь съ порядочнымъ запасомъ свѣчей и спичекъ, и обѣщалъ приходить ко мнѣ какъ только представится возможнымъ сдѣлать это незамѣтно. Это происходило 17 іюня.

Я оставался въ своей конуркѣ три дня и три ночи (по приблизительному разсчету) почти безвыходно,—вылѣзъ только раза два, чтобы немножко поразмять члены. Въ теченіе этого періода я ни разу не видѣлъ Августа, но не особенно безпокоился по этому поводу, зная, что бригъ можетъ съ минуты на минуту сняться съ якоря и что въ суматохѣ отъѣзда моему другу трудно найти удобный случай пробраться ко мнѣ. Наконецъ я услышалъ, какъ трапъ отворился и снова захлопнулся и Августъ въ полголоса спросилъ меня, какъ я себя чувствую и не нужно-ли мнѣ чего-нибудь.— Ничего не нужно, — отвѣчалъ я, — мнѣ отлично; скоро-ли бригъ

снимется съ якоря?—Черезъ полчаса не больше,—отвѣчалъ онъ.—Я зашелъ извѣстить тебя объ этомъ и предупредить, чтобы ты не тревожился моимъ отсутствіемъ. Мнѣ нельзя будетъ навѣщать тебя... можетъ быть, дня три или четыре. Наверху все въ порядкѣ. Когда я уйду и закрою трапъ, проберись къ нему по веревкѣ, ты найдешь мои часы на гвоздѣ. Они пригодятся тебѣ—вѣдь ты не можешь слѣдить за временемъ. Я увѣренъ, что ты не знаешь, сколько времени провелъ въ этой норѣ—всего три дня—сегодня у насъ двадцатое. Я бы самъ принесъ тебѣ часы, да боюсь, меня, того и гляди, хватятся.—Съ этими словами онъ ушелъ.

Часъ спустя я замѣтилъ, что бригъ движется и поздравилъ себя съ началомъ путешествія. Довольный этимъ я рѣшился выжидать спокойно, пока естественный ходъ событій не позволитъ мнѣ промѣнять этотъ ящикъ на болѣе просторное, хотя врядъ-ли болѣе удобное помѣщеніе въ каютѣ. Прежде всего я позаботился достать часы. Зажегши свѣчку, я пробрался съ помощью веревки по безчисленнымъ извилинамъ, причемъ нѣсколько разъ убѣждался, что, пройдя изрядное пространство, оказывался шага на два на три позади того мѣста, гдѣ былъ раньше. Наконецъ я добрался до гвоздя, взялъ часы и благополучно вернулся на прежнее мѣсто. Затѣмъ я разсмотрѣлъ книги, такъ предупредительно оставленныя мнѣ Августомъ, и выбралъ путешествіе Льюиса и Кларка къ устью Колумбіи. Я читалъ его нѣсколько времени, но вскорѣ сталъ дремать и, погасивъ свѣчку, заснулъ спокойнымъ сномъ.

Проснувшись, я не сразу, опомнился и сообразилъ, гдѣ нахожусь. Мало по малу, однако я вспомнилъ все, зажегъ свѣчку и посмотрѣлъ на часы; но они остановились и я не могъ опредѣлить, сколько времени длился мой сонъ. Мои члены совсѣмъ онѣмѣли, такъ что мнѣ пришлось вылѣзти изъ ящика и поразмяться. Почувствовавъ внезапно волчій аппетитъ, я вспомнилъ о баранинѣ, которую уже пробовалъ раньше и нашелъ превосходной. Каково же было мое удивленіе, когда я убѣдился, что она совершенно протухла. Это обстоятельство не на шутку встревожило меня, такъ какъ, сопоставляя его съ разстройствомъ мыслей въ первыя минуты пробужденія, я начиналъ думать, что проспалъ очень долго. Можетъ быть, это зависѣло отчасти отъ удушливой атмосферы трюма, которая въ концѣ концовъ могла привести къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ. Голова моя жестоко болѣла; дышалъ я съ трудомъ и меня осаждали самыя мрачныя мысли. Тѣмъ не менѣе я не рѣшился поднять тревогу, отворивъ трапъ или какимъ-либо инымъ способомъ, и ограничился тѣмъ, что завелъ часы и покорился судьбѣ.

Въ теченіе слѣдующихъ томительныхъ сутокъ никто не явил-

ся ко мнѣ на помощь и я не могъ не обвинять Августа въ грубой небрежности. Больше всего тревожилъ меня недостатокъ воды; въ кружкѣ оставалось не болѣе полупинты, а меня томила жестокая жажда, такъ какъ приходилось питаться колбасой. Я чувствовалъ себя очень скверно и рѣшительно не могъ читать. Меня клонилъ сонъ, но я боялся заснуть, думая, нѣтъ-ли въ спертомъ воздухѣ трюма какого-нибудь ядовитаго начала, въ родѣ угара. Между тѣмъ, качка корабля показывала мнѣ, что мы уже находимся въ открытомъ морѣ, а глухой гулъ свидѣтельствовалъ о сильномъ вѣтрѣ. Я не могъ объяснить себѣ отсутствіе Августа. Безъ сомнѣнія, мы отплыли уже такъ далеко, что я могъ бы выйти. Очевидно, что-нибудь случилось съ нимъ,—но я не могъ себѣ представить никакой причины, которая заставила бы его такъ долго держать меня въ заключеніи,—развѣ только онъ скоропостижно скончался или упалъ за бортъ. Но мой умъ отказывался вѣрить этому. Можетъ быть, противный вѣтеръ задерживалъ насъ по близости отъ Нантукета. Но и это предположеніе не выдерживало критики, потому что въ такомъ случаѣ бригъ накренялся бы въ разныя стороны, между тѣмъ, онъ все время шелъ наклонившись вправо, слѣдовательно, подъ вѣтромъ слѣва кормы. Притомъ, если даже мы находились по близости отъ острова, почему Августъ не зашелъ увѣдомить меня объ этомъ? Раздумывая такимъ образомъ о своемъ одинокомъ и безутѣшномъ положеніи, я рѣшилъ подождать еще сутки, а затѣмъ, если помощи не будетъ, пробраться къ трапу и либо вступить въ переговоры, либо, по крайней мѣрѣ, подышать свѣжимъ воздухомъ и раздобыть воды въ каютѣ. Обдумывая это рѣшеніе, я, не смотря на все стараніе не спать, погрузился въ глубокій сонъ или скорѣе оцѣпенѣніе. Я видѣлъ самые ужасные сны. Всевозможныя бѣдствія и ужасы обрушивались на меня. Между прочимъ, мнѣ чудилось, будто меня душатъ огромными подушками какіе-то безобразные и свирѣпые демоны. Чудовищныя змѣи обвивались вокругъ меня и пристально смотрѣли мнѣ въ лицо своими зловѣщими, сверкающими глазами. Безграничныя, безотрадныя, мрачныя пустыни разстилались вокругъ меня. Огромные стволы сѣрыхъ голыхъ деревьевъ тянулись безконечными рядами всюду, куда хватитъ глазъ. Ихъ корни исчезали въ черныхъ, неподвижныхъ и мрачныхъ водахъ безбрежнаго болота. Эти странныя деревья казались одаренными человѣческой жизнью и, размахивая своими голыми вѣтвями, молили о пощадѣ безмолвныя воды жалобными отчаянными голосами, полными муки и отчаянія. Сцена измѣнилась; я стоялъ нагой и одинокій на жгучемъ пескѣ Сахары. У ногъ моихъ лежалъ скорчившись свирѣпый тропическій левъ. Вдругъ его дикіе глаза открылись и уставились на меня. Су-

дорожнымъ прыжкомъ онъ вскочилъ на ноги и оскалилъ свои страшные зубы. Въ ту же минуту изъ его багровой глотки вырвался ревъ, подобный грому небесному, и я упалъ на землю. Задыхаясь въ пароксизмѣ ужаса, я, наконецъ, очнулся. Нѣтъ, это не былъ только сонъ. Теперь я владѣлъ своими чувствами. Лапы какого-то громаднаго звѣря давили мою грудь, его жаркое дыханіе касалось моего лица, страшные бѣлые клыки блестѣли во мракѣ.

Если бы тысяча жизней зависѣла отъ одного моего движенія или слова, я не могъ бы ни пошевелиться, ни крикнуть. Чудовище оставалось въ одномъ и томъ же положеніи, не проявляя никакихъ враждебныхъ намѣреній, а я лежалъ подъ нимъ безпомощный и, какъ мнѣ казалось, на волоскѣ отъ смерти. Я чувствовалъ, что душевныя и тѣлесныя силы оставляютъ меня, что я гибну, и гибну просто отъ страха. Мой разумъ мѣшался—смертная тоска овладѣла мною—въ глазахъ темнѣло—даже огненные зрачки чудовища потускнѣли. Сдѣлавъ страшное усиліе, я обратился съ молитвой къ Богу и приготовился къ смерти. Звукъ моего голоса повидимому разбудилъ бѣшенство звѣря. Онъ кинулся на мое тѣло, и, къ величайшему моему изумленію,—принялся лизать мое лицо и руки, съ глухимъ и тихимъ визгомъ, со всѣми признаками радости и нѣжности! Я былъ пораженъ, ошеломленъ, но не могъ не узнать особенный визгъ моего нью-фаундленда Тигра и его манеру ласкаться. Это былъ онъ. Кровь разомъ прихлынула къ моимъ вискамъ, невыразимое одуряющее чувство избавленія и возрожденія овладѣло мною. Я быстро приподнялся на матрацѣ, обвилъ руками шею моего вѣрнаго спутника и друга, и тяжесть, такъ долго угнетавшая мое сердце, разрѣшилась потокомъ жаркихъ слезъ.

Какъ и въ прошлый разъ, мои мысли были въ разбродѣ. Долго я не могъ ничего сообразить, но мало по малу мыслительныя способности вернулись ко мнѣ, и я припомнилъ все, что со мной случилось. Присутствіе Тигра оставалось для меня непонятнымъ, и послѣ тщетныхъ попытокъ объяснить себѣ это обстоятельство, я долженъ былъ отказаться отъ этого и только радовался, что онъ раздѣляетъ мое тоскливое уединеніе и утѣшаетъ меня своими ласками. Большинство людей любятъ своихъ собакъ, но я питалъ къ Тигру чувство болѣе сильное, чѣмъ обыкновенная привязанность, и надо сказать правду, вполнѣ заслуженное. Въ теченіе семи лѣтъ онъ былъ моимъ неразлучнымъ спутникомъ и много разъ обнаруживалъ благородныя качества, за которыя мы цѣнимъ это животное. Я выручилъ его еще щенкомъ изъ лапъ негоднаго уличнаго мальчишки въ Нантукетѣ, тащившаго собаку въ воду съ петлей

на шеѣ: три года спустя Тигръ заплатилъ мнѣ свой долгъ, избавивъ меня отъ дубины уличнаго вора.

Приложивъ къ уху часы, я убѣдился, что они вторично остановились; это ничуть не удивило меня, такъ какъ я былъ увѣренъ, что проспалъ, какъ и прошлый разъ, очень долго; сколько именно времени,—этого я, конечно, не могъ рѣшить. Меня била лихорадка, томила нестерпимая жажда. Я ощупью разыскалъ въ ящикѣ кружку съ водой, такъ какъ свѣча въ фонарѣ сгорѣла до тла, а спички не попадались мнѣ подъ руку. Отыскавъ кружку, я убѣдился, что она пуста; видно Тигръ соблазнился и вылакалъ воду; онъ же съѣлъ и остатки баранины, обглоданная кость которой валялась у входа въ ящикъ. Тухлой баранины я не жалѣлъ, но сердце замирало при мысли о водѣ. Я чувствовалъ страшную слабость, такъ что дрожалъ какъ въ лихорадкѣ при малѣйшемъ движеніи или усиліи. Въ довершеніе моихъ мученій бригъ раскачивался и ходилъ ходенемъ, бочки изъ подъ масла, лежавшія на моемъ ящикѣ, каждую минуту грозили слетѣть и загородить мнѣ дорогу. Морская болѣзнь тоже донимала меня жестоко. Въ виду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, я рѣшилъ немедленно пробраться къ трапу, пока еще не утратилъ окончательно силы. Остановившись на этомъ рѣшеніи, я снова принялся шарить спички и восковыя свѣчи. Спички я скоро нашелъ, но свѣчи не попадались мнѣ подъ руку (хотя я хорошо помнилъ, въ какомъ мѣстѣ положилъ ихъ), — и потому, прекративъ поиски, я велѣлъ Тигру лежать смирно, а самъ отправился къ трапу.

Тутъ еще яснѣе обнаружилась моя слабость. Я съ величайшими усиліями пробирался ползкомъ и часто мои члены внезапно ослабѣвали до того, что я падалъ ничкомъ, близкій къ обмороку. Тѣмъ не менѣе я упорно тащился впередъ, содрогаясь при мысли лишиться чувствъ въ какомъ-нибудь изъ этихъ узкихъ проходовъ, что, разумѣется, повлекло бы за собой неминуемую смерть. Наконецъ, ринувшись впередъ отчаяннымъ усиліемъ, я стукнулся лбомъ объ острый уголъ окованнаго желѣзомъ ящика. Ударъ оглушилъ меня на нѣсколько минутъ, а затѣмъ я съ невыразимымъ отчаяніемъ убѣдился, что ящикъ, свалившійся вслѣдствіе качки корабля, совершенно загородилъ мнѣ путь. Никакими усиліями не могъ я сдвинуть его хоть на одинъ дюймъ, такъ плотно засѣлъ онъ среди окружающихъ тюковъ. Мнѣ оставалось только либо искать, несмотря на свою слабость, другого пути, либо перелѣзть черезъ ящикъ. Первый способъ представлялъ столько затрудненій и опасностей, что я не могъ подумать о немъ безъ дрожи. При моемъ душевномъ и тѣлесномъ изнеможеніи я бы непремѣнно сбился съ пути и погибъ жалкою смертью въ лабиринтѣ ходовъ и за-

коулковъ трюма. Итакъ, собравшись съ силами, я попытался, не теряя времени, перелѣзть черезъ ящикъ.

Вставъ на ноги, я убѣдился, что эта задача еще труднѣе, чѣмъ казалось моему напуганному воображенію. Съ каждой стороны у моего прохода возвышалась сплошная стѣна тяжелой клади, которая при малѣйшемъ толчкѣ могла обрушиться мнѣ на голову или загородить обратный путь. Ящикъ, находившійся передо мною, былъ очень высокъ и массивенъ; я тщетно старался уцѣпиться за его верхушку, да если бы это и удалось, у меня не хватило бы силы подняться на рукахъ и перелѣзть черезъ ящикъ. Наконецъ, напрягая всѣ силы, чтобы сдвинуть его, я почувствовалъ, что одна изъ досокъ поддается. Оказалось, что она держится очень слабо. Съ помощью перочиннаго ножа я отодралъ ее, хотя и не безъ труда, совсѣмъ; и, пробравшись въ отверстіе, убѣдился, къ своей великой радости, что съ противуположной стороны ящикъ былъ открытъ,—иными словами: крышки вовсе не было. Послѣ этого я безъ особенныхъ затрудненій добрался до гвоздя. Съ бьющимся сердцемъ я выпрямился и слегка подавилъ трапъ. Вопреки моимъ ожиданіямъ онъ не поддавался и я надавилъ сильнѣе, все еще опасаясь застать кого-нибудь посторонняго въ каютѣ Августа. Къ моему удивленію трапъ все-таки не поддавался, такъ что я не на шутку встревожился, вспомнивъ, какъ легко онъ открывался раньше. Я сильно толкнулъ его—не поддается! налегъ изо всей силы—ничего не выходитъ! уперся съ бѣшенствомъ, съ яростью, съ отчаяніемъ—всѣ мои усилія остались тщетными. Очевидно, отверстіе было замѣчено и забито гвоздями, или надъ нимъ помѣстили тяжесть, которую я не въ силахъ былъ сдвинуть.

Невыразимый ужасъ и отчаяніе овладѣли мною. Тщетно я пытался уразумѣть вѣроятную причину моего погребенія заживо. Я не могъ собраться съ мыслями и, повалившись на полъ, предался самому мрачному отчаянію; мнѣ уже чудились муки голода, жажды, удушья, всѣ ужасы, терзающіе погребеннаго заживо. Наконецъ, присутствіе духа до нѣкоторой степени вернулось ко мнѣ. Я всталъ и принялся ощупывать пальцами щели или скважины люка. Отыскавъ ихъ, я сталъ всматриваться, не проникаетъ-ли сквозь нихъ свѣтъ изъ каюты; но его не было замѣтно. Тогда я просунулъ въ щель остріе перочиннаго ножа,—оно наткнулось на какое-то препятствіе. Царапая его ножемъ, я убѣдился, что это желѣзо, и именно, судя по особенному волнистому движенію лезвія—желѣзная якорная цѣпь. Теперь мнѣ оставалось только вернуться къ моему ящику и тамъ либо покориться своей печальной судьбѣ, либо собраться съ мыслями и придумать какой-нибудь способъ избавленія. Я тотчасъ пустился въ обратный путь и по-

слѣ безчисленныхъ затрудненій добрался до ящика. Когда я въ изнеможеніи растянулся на матрацѣ, Тигръ улегся рядомъ со мною, повидимому, желая утѣшить или ободрить меня своими ласками.

Наконецъ, вниманіе мое было привлечено его страннымъ поведеніемъ. Полизавъ нѣсколько минутъ мое лицо и руки, онъ внезапно останавливался и испускалъ легкій визгъ. Протягивая руку, я всякій разъ убѣждался, что онъ лежитъ на спинѣ, задравъ лапы кверху. Я никакъ не могъ объяснить себѣ это странное поведеніе. Видя его безпокойство, я подумалъ, нѣтъ-ли у него какой-нибудь раны или ушиба, и тщательно ощупалъ его лапы,—но онѣ, повидимому, были совершенно здоровы. Тогда, рѣшивъ, что онъ голодаетъ, я далъ ему кусокъ ветчины, которую онъ проглотилъ съ жадностью, но тѣмъ не менѣе продолжалъ свои загадочныя эволюціи. Наконецъ, я рѣшилъ, что онъ, подобно мнѣ, томится жаждой, и совсѣмъ было успокоился на этомъ объясненіи, когда мнѣ пришло въ голову, что я ощупалъ только его лапы, а между тѣмъ рана могла находиться на туловищѣ или на головѣ. Я снова принялся ощупывать его; на головѣ ничего не нашелъ, но проводя рукой по спинѣ замѣтилъ, что въ одномъ мѣстѣ шерсть какъ-то взъерошилась. Оказалось, что въ этомъ мѣстѣ былъ шнурокъ, опоясывавшій его туловище. При болѣе тщательномъ изслѣдованіи я нашелъ узелокъ, въ которомъ, повидимому, была завязана бумажка, приходившаяся какъ разъ подъ лѣвымъ плечомъ животнаго.

ГЛАВА III.

У меня тотчасъ мелькнула мысль, что это записка отъ Августа, что какой-нибудь непредвидѣнный случай помѣшалъ ему освободить меня изъ заточенія и онъ придумалъ этотъ способъ увѣдомить меня о положеніи дѣлъ. Дрожа отъ нетерпѣнія, я вновь принялся отыскивать спички и свѣчи. Я смутно припоминалъ, что упряталъ ихъ очень тщательно передъ тѣмъ, какъ улегся спать, и до своего путешествія къ трапу хорошо помнилъ, въ какомъ мѣстѣ положилъ ихъ. Но теперь я тщетно старался припомнить это мѣсто, и цѣлый часъ провелъ въ безплодныхъ поискахъ. Врядъ-ли когда-нибудь я испытывалъ такое адское безпокойство и нетерпѣніе. Наконецъ, ощупывая всюду (и случайно высунувъ голову изъ ящика), я замѣтилъ какой-то странный свѣтъ. Изумленный, я попытался добраться до него, такъ какъ онъ находился неподалеку отъ меня. Но, сдвинувшись съ мѣста, я потерялъ изъ вида свѣтъ, и только принявъ прежнюю позу, поймалъ его снова. Тогда я сталъ осторожно водить головой изъ стороны въ сторону

и вскорѣ убѣдился, что двигаясь потихоньку въ направленіи противуположномъ тому, которое я принялъ въ первый разъ, могу приблизиться къ свѣту, не потерявъ его изъ вида. Добравшись до него по извилистымъ, узкимъ проходамъ, я убѣдился, что свѣтъ исходитъ отъ спичекъ, валявшихся въ пустомъ опрокинутомъ боченкѣ. Я недоумѣвалъ, какимъ образомъ онѣ попали сюда, когда рука моя нащупала два или три комка воску, очевидно, изжеваннаго собакой. Я тотчасъ догадался, что она сожрала весь мой запасъ свѣчей и потерялъ всякую надежду прочесть письмо Августа. Незначительные остатки воска такъ перемѣшались съ соромъ, что я не могъ извлечь изъ нихъ никакой пользы и бросилъ ихъ безъ вниманія. Отъ спичекъ осталось всего двѣ-три головки фосфора; я подобралъ ихъ и вернулся къ ящику, гдѣ Тигръ оставался все время.

Я не зналъ, что предпринять дальше. Въ трюмѣ было такъ темно, что я не могъ разсмотрѣть свою руку, даже когда подносилъ ее къ самому лицу. Бѣлый клочекъ бумаги былъ едва различимъ, и то, когда я смотрѣлъ на него не прямо, а искоса, обративъ къ нему внѣшнюю часть ретины. Можно судить поэтому, какъ темно было въ трюмѣ. Повидимому, запискѣ моего друга, если только это была его записка, суждено было только окончательно истерзать мою и безъ того измученную душу. Тщетно я придумывалъ всевозможные способы раздобыть свѣта,—способы одинъ другого нелѣпѣе, какіе могутъ придти въ голову развѣ курильщику опіума и кажутся ему то удивительно разумными, то никуда не годными, смотря потому, разсудокъ или воображеніе берутъ верхъ. Наконецъ, у меня мелькнула мысль, показавшаяся мнѣ вполнѣ раціональной, такъ что только подивился, какъ не пришла она раньше. Я положилъ бумажку на переплетъ книги и натеръ ее кусочками фосфора, которые нашелъ въ боченкѣ. Бумага немедленно засвѣтилась яркимъ свѣтомъ и если бы на ней было написано что-нибудь, я, безъ сомнѣнія, прочелъ бы безъ труда. Но ни единой буквы!.. бѣлая, гладкая бумага и больше ничего. Черезъ нѣсколько мгновеній свѣтъ мало по малу замеръ, и сердце мое замирало вмѣстѣ съ нимъ.

Я уже говорилъ, что передъ этимъ мой умъ былъ близокъ къ состоянію полнаго идіотизма. Были, конечно, минуты совершенной ясности и пробужденія энергіи,—но очень рѣдко. Надо помнить, что я въ теченіе многихъ дней дышалъ зачумленной атмосферой замкнутаго трюма на китоловномъ суднѣ, при очень скудномъ запасѣ воды. Въ теченіе послѣднихъ четырнадцати-пятнадцати часовъ я вовсе не пилъ и не спалъ. Соленое мясо было моей единственной пищей послѣ порціи баранины; правда, у меня имѣлись

еще сухари, но они были такъ сухи и жестки, что положительно не шли въ мою пересохшую и распухшую глотку. Я былъ въ жару и, вѣроятно, не на шутку боленъ. Только этимъ и объясняется, какъ могъ я провести нѣсколько часовъ въ состояніи самаго жалкаго отчаянія, и лишь тогда сообразить, что слѣдовало посмотрѣть и другую сторону бумажки. Не пытаюсь изобразить бѣшенство (такъ какъ гнѣвъ господствовалъ надъ всѣми остальными чувствами), овладѣвшее мною, когда мысль объ этой оплошности внезапно озарила меня. Само по себѣ упущеніе было бы нетрудно исправить, если бы не моя безумная, ребяческая выходка: увидѣвъ, что на бумагѣ ничего не написано, я разорвалъ ее на клочки и бросилъ ихъ, такъ что теперь не могъ найти.

Однако, сообразительность Тигра помогла мнѣ справиться съ самой трудной частью задачи. Найдя послѣ долгихъ поисковъ клочекъ бумаги, я поднесъ его къ мордѣ Тигра и старался дать ему понять, что онъ долженъ розыскать остальное. Къ моему изумленію (такъ какъ я никогда не обучалъ его разнымъ штукамъ, которыми славятся его собратья), онъ, повидимому, сразу понялъ, чего мнѣ нужно и, пошаривъ кругомъ, вскорѣ принесъ мнѣ другой довольно большой клочекъ. Сдѣлавъ это, онъ пріостановился, тыкаясь носомъ въ мою руку, какъ будто ожидая моего одобренія. Я погладилъ его по головѣ, и онъ снова отправился на поиски. Прошло нѣсколько минутъ пока онъ вернулся,—за то на этотъ разъ принесъ мнѣ третій и послѣдній клочекъ бумаги, которую я разорвалъ только на три куска. Къ счастію, мнѣ не трудно было отыскать оставшіеся кусочки фосфора—по свѣту, который они издавали. Затрудненія, которыя я испыталъ, выучили меня осторожности, и я хорошенько подумалъ, прежде чѣмъ приступилъ къ дѣлу. По всей вѣроятности, что-нибудь было написано на той сторонѣ бумаги, которую я не разсматривалъ,—но гдѣ же эта сторона? Сложивъ куски вмѣстѣ, я могъ быть увѣреннымъ, что слова (если только они есть) окажутся всѣ на одной сторонѣ въ той же связи, какъ были написаны,—но на какой именно сторонѣ? Необходимо было выяснить это обстоятельство, потому что остатковъ фосфора не хватило бы на третью попытку, если бы вторая не удалась. Я разложилъ бумагу на переплетѣ книги, какъ раньше, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ обдумывалъ, какъ приняться за дѣло. Наконецъ, мнѣ пришло въ голову, что на исписанной сторонѣ могутъ оказаться какія-нибудь неровности, которыя можно замѣтить при тщательномъ ощупываніи. Я немедленно приступилъ къ дѣлу и осторожно провелъ пальцемъ по бумагѣ,—ничего особеннаго не было замѣтно, тогда я перевернулъ бумажку, снова провелъ по ней пальцемъ и замѣтилъ слабый, чуть видный свѣтъ. Онъ могъ

исходить только отъ частичекъ фосфора, которымъ я натиралъ бумагу въ первый разъ. Стало быть записка,—если только она была,—находилась на противуположной сторонѣ. Я снова перевернулъ бумагу и повторилъ свой прежній опытъ. Когда я натеръ ее фосфоромъ, она засвѣтилась яркимъ свѣтомъ,—и мнѣ сразу бросились въ глаза нѣсколько строчекъ, написанныхъ, повидимому, красными чернилами. Но свѣтъ, хотя яркій, длился всего мгновеніе. Не будь я такъ взволнованъ, я успѣлъ бы прочесть всѣ три фразы,—я ясно видѣлъ, что ихъ было три. Но торопясь прочесть все разомъ, я схватилъ только шесть послѣднихъ словъ:— «Кровью,—сиди смирно; или ты пропалъ».

Если бы я прочелъ всю записку, понялъ весь смыслъ предостереженія, полученнаго мною отъ моего друга,—еслибы это предостереженіе было связано съ самымъ трагическимъ, самымъ ужаснымъ происшествіемъ,—я навѣрно не испыталъ бы такого мучительнаго, хотя неизъяснимаго, ужаса, который возбудила во мнѣ эта отрывочная фраза. «Кровь»,—зловѣщее слово,—всегда, во всѣ времена связанное съ тайной, страданіемъ, ужасомъ,—съ какимъ утроеннымъ значеніемъ оно явилось передо мною,—какъ мрачно и глухо отдались его смутные слоги (не связанные съ предыдущимъ и послѣдующимъ содержаніемъ письма и тѣмъ болѣе загадочные) среди мрака моей темницы, въ глубочайшихъ изгибахъ моей души!

Безъ сомнѣнія, у Августа были основательныя причины желать, чтобы я остался въ своемъ убѣжищѣ, но я тщетно придумывалъ тысячи объясненій,—ни одно изъ нихъ не давало удовлетворительнаго рѣшенія этой тайны. Вернувшись изъ своего путешествія къ трапу и еще не замѣтивъ страннаго поведенія Тигра, я рѣшился во что бы то ни стало дать знать о своемъ существованіи экипажу, или, если это не удастся, попробовать самому выбраться на палубу. Надежда на исполненіе котораго-нибудь изъ этихъ проектовъ давала мнѣ силы переносить мое бѣдственное положеніе. Но вотъ, нѣсколько словъ, прочтенныхъ мною, разомъ убили эту надежду, и тутъ-то я въ первый разъ вполнѣ почувствовалъ весь ужасъ моей горькой участи. Въ припадкѣ отчаянія я снова кинулся на матрацъ и долго, не менѣе сутокъ, валялся въ забытьи, лишь изрѣдка, на минуту, приходя въ себя.

Наконецъ, я еще разъ очнулся и сталъ размышлять о своемъ ужасномъ положеніи. Врядъ-ли я могъ прожить еще сутки безъ воды, а протянуть дольше было рѣшительно невозможно. Въ первое время моего заключенія я пользовался напитками, которые оставилъ мнѣ Августъ, но они только возбуждали лихорадочное состояніе, ничуть не утоляя жажды. Теперь у меня оставалось

четверть пинты крѣпкой персиковой настойки, которой рѣшительно не выносилъ мой желудокъ. Колбасы были съѣдены до чиста, отъ окорока остался только кусокъ кожи, а отъ сухарей только крошки,—все остальное было съѣдено Тигромъ. Въ довершеніе всего голова моя разбаливалась все сильнѣе и сильнѣе, и бредъ почти не прекращался съ той самой минуты, когда я заснулъ въ первый разъ. Я едва могъ переводить дыханіе и всякій вздохъ сопровождался жестокими колотьями въ груди. Но былъ у меня и еще источникъ безпокойства, и такого ужаснаго, что оно заставило меня очнуться отъ забытья. Причиной этого безпокойства было странное поведеніе собаки.

Я замѣтилъ перемѣну въ ея поведеніи, когда въ послѣдній разъ натиралъ фосфоромъ записку. Въ это время Тигръ съ глухимъ ворчаньемъ ткнулъ мордой мою руку, но я былъ такъ возбужденъ, что не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Вскорѣ потомъ я бросился на матрацъ и впалъ въ состояніе, близкое къ летаргіи. Внезапно я услышалъ какое-то хрипѣніе надъ самымъ моимъ ухомъ и, очнувшись, убѣдился, что это Тигръ; онъ задыхался и хрипѣлъ, повидимому, въ страшномъ возбужденіи, а глаза его свѣтились дикимъ огнемъ во мракѣ трюма. Я окликнулъ его, онъ отвѣчалъ глухимъ ворчаніемъ, затѣмъ успокоился. Я снова впалъ въ забытье, и снова очнулся при такихъ же обстоятельствахъ. Это повторялось три или четыре раза, пока, наконецъ, поведеніе Тигра внушило мнѣ такой страхъ, что я окончательно пришелъ въ себя. Теперь онъ лежалъ у входа въ ящикъ, съ ужаснымъ, хотя глухимъ рычаніемъ и судорожно скрежеталъ зубами. Я не сомнѣвался, что вслѣдствіе спертой атмосферы или недостатка воды онъ взбѣсился,—и рѣшительно не зналъ, что мнѣ предпринять. У меня не хватало духа убить его, а между тѣмъ это было необходимо для моего спасенія. Я ясно видѣлъ его глаза, устремленные на меня съ выраженіемъ лютой злобы, и съ минуты на минуту ожидалъ нападенія. Наконецъ, я не могъ болѣе выносить этого положенія и рѣшилъ во что бы то ни стало выйти изъ ящика и, если это окажется необходимымъ, убить собаку. Но, чтобы выбраться изъ ящика, приходилось перелѣзть черезъ Тигра, а онъ, повидимому, рѣшился предупредить меня, поднялся на переднія лапы (я угадалъ это по измѣнившемуся положенію его глазъ) и оскалилъ свои бѣлые зубы, блестѣвшіе въ темнотѣ. Я взялъ остатки кожи отъ окорока, бутылку съ водкой и большой кухонный ножъ, оставленный мнѣ Августомъ, затѣмъ, закутавшись какъ можно плотнѣе въ пальто, двинулся къ выходу изъ ящика. Лишь только я пошевелился, собака съ громкимъ рычаніемъ кинулась на меня. Она ударилась всей тяжестью своего тѣла о мое правое

плечо и я упалъ влѣво въ то время, какъ бѣшеное животное перескочило черезъ меня. Я упалъ на колѣни, запутавшись головой въ одѣялахъ, это спасло меня отъ вторичнаго нападенія: я чувствовалъ, какъ острые зубы вонзились въ шерстяное одѣяло, окутывавшее мою шею, но, къ счастью, не прокусили его насквозь. Я, однако, находился подъ животнымъ и черезъ нѣсколько мгновеній долженъ былъ очутиться въ его власти. Отчаяніе придало мнѣ силы: я приподнялся, отбросилъ отъ себя собаку, накинулъ на нее одѣяло и матрацъ, и прежде чѣмъ она выпуталась изъ нихъ, выскочилъ изъ ящика и задвинулъ отверстіе. Во время этой борьбы я выпустилъ остатки ветчины, такъ что теперь всѣ мои съѣстные припасы ограничивались нѣсколькими глотками водки. Когда я замѣтилъ это, мной овладѣлъ одинъ изъ тѣхъ припадковъ своенравія, которые свойственны избалованнымъ дѣтямъ:—приставивъ бутылку къ губамъ, я залпомъ осушилъ ее и затѣмъ съ бѣшенствомъ швырнулъ объ полъ.

Не успѣло замереть эхо этого удара, какъ я услышалъ свое имя, произнесенное торопливымъ шепотомъ. Это было такъ неожиданно, и мое волненіе было такъ велико, что я не могъ вымолвить слова. Языкъ совершенно отнялся у меня, и я стоялъ между тюками въ смертельномъ страхѣ, что другъ мой, не слыша отвѣта, сочтетъ меня умершимъ и вернется на палубу—стоялъ судорожно дрожа всѣми членами, задыхаясь въ безплодныхъ усиліяхъ произнести хоть слово. Если бы тысячи міровъ зависѣли отъ одного слога, я не могъ бы произнести его. Послышался слабый шорохъ среди клади, въ направленіи каюты. Шорохъ становился слабѣе, слабѣе, слабѣе. Забуду-ли когда-нибудь мои чувства въ эту минуту? Онъ уходилъ,—мой другъ, мой товарищъ, отъ котораго я ожидалъ такъ много,—онъ уходилъ,—покидалъ меня,—уходилъ! Онъ оставлялъ меня на жалкую смерть въ отвратительной и ужасной темницѣ, а между тѣмъ, одно слово, одинъ звукъ могли бы спасти меня, но я не могъ выговорить этого слова! Конечно, я испытывалъ агонію, въ тысячу разъ сильнѣйшую самой смерти. Голова моя закружилась и я упалъ на ящикъ.

При этомъ кухонный ножъ выскользнулъ изъ-за моего пояса и со звономъ упалъ на полъ. Никогда никакая музыка не раздавалась такъ сладко въ моихъ ушахъ! Я вслушивался съ замирающимъ сердцемъ,—какое дѣйствіе произведетъ этотъ шумъ на Августа, такъ какъ никто кромѣ Августа не могъ окликнуть меня по имени. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній все было тихо. Наконецъ, я снова услышалъ имя Артуръ, произнесенное тихимъ и нерѣшительнымъ голосомъ. Возродившаяся надежда развязала мой языкъ и я заоралъ во всю глотку:—Августъ! Августъ!—

Тише, ради Бога молчи!—отвѣчалъ онъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ,—я сейчасъ проберусь къ тебѣ.—Долго я прислушивался, какъ онъ пробирался среди груза, и каждая минута казалась мнѣ вѣкомъ. Наконецъ, я почувствовалъ его руку на моемъ плечѣ и въ ту же минуту онъ поднесъ бутылку съ водой къ моимъ губамъ. Только тотъ, кому случалось быть вырваннымъ изъ когтей смерти или испытать нестерпимыя муки жажды при такихъ же ужасныхъ обстоятельствахъ, только тотъ способенъ понять невыразимое блаженство высочайшаго изъ физическихъ наслажденій.

Когда я нѣсколько утолилъ свою жажду, Августъ вынулъ изъ кармана три или четыре вареныхъ картофелины, которыя я съ жадностью проглотилъ. Съ нимъ былъ потайной фонарикъ, и отрадный свѣтъ доставилъ мнѣ почти столько же наслажденія, какъ пища и питье. Но я сгоралъ нетерпѣніемъ узнать причину его продолжительнаго отсутствія, и онъ приступилъ къ разсказу о томъ, что случилось на кораблѣ со времени отплытія.

ГЛАВА IV.

Какъ я и предполагалъ, бригъ снялся съ якоря часъ спустя послѣ того, какъ Августъ оставилъ мнѣ свои часы. Это было двадцатаго іюня. Если помните, я въ то время уже третьи сутки сидѣлъ въ трюмѣ и въ теченіе всего этого времени на бригѣ стояла такая толчея и бѣготня, особливо въ каютахъ, что другъ мой ни разу не могъ заглянуть ко мнѣ, не рискуя выдать тайну трапа. Когда, наконецъ, онъ явился ко мнѣ, я увѣрилъ его, что чувствую себя какъ нельзя лучше, и въ теченіе двухъ слѣдующихъ дней онъ не особенно безпокоился обо мнѣ, хотя все-таки поджидалъ случая спуститься въ трюмъ. Случай представился только на четвертый день послѣ отплытія. Не разъ, въ теченіе этого періода, его подмывало открыть тайну отцу и выпустить меня, но мы все еще находились въ виду Нантукета, и по нѣкоторымъ замѣчаніямъ капитана Барнарда можно было предположить, что онъ вернется, если узнаетъ о моемъ присутствіи. Кромѣ того, Августъ не могъ себѣ представить, чтобы я въ чемъ-нибудь нуждался или въ случаѣ надобности не вылѣзъ бы самъ. Итакъ, онъ рѣшилъ оставить меня въ покоѣ, пока не представится случая навѣстить меня незамѣченнымъ. Какъ я уже сказалъ, случай представился на четвертый день послѣ отплытія или на седьмой, считая съ того момента, когда я спрятался въ трюмѣ. Онъ спустился ко мнѣ, не захвативъ съ собой ни воды, ни провизіи, намѣреваясь вызвать меня къ трапу и затѣмъ уже подать мнѣ изъ каюты все, что понадобит-

ся. Спустившись онъ убѣдился, что я сплю; повидимому, я храпѣлъ очень громко. По всѣмъ соображеніямъ, это былъ тотъ самый сонъ, который овладѣлъ мною тотчасъ по возвращеніи моемъ отъ трапа съ часами и который слѣдовательно длился три дня и три ночи слишкомъ. Недавно я имѣлъ случай убѣдиться по собственному опыту и свидѣтельству другихъ въ усыпляющемъ дѣйствіи запаха стараго рыбьяго жира въ замкнутомъ помѣщеніи; и когда я подумаю о тѣсномъ трюмѣ и о долгомъ времени, въ теченіи котораго «Грампусъ» служилъ китоловнымъ судномъ, то удивляюсь скорѣе тому, что проснулся, наконецъ, чѣмъ продолжительности своего сна.

Сначала Августъ окликнулъ меня вполголоса, не опуская трапа,—но я не отвѣчалъ. Тогда онъ опустилъ трапъ — и крикнулъ громче, потомъ очень громко, — я продолжалъ храпѣть. Онъ не зналъ, что дѣлать. Чтобы пробраться между кладью къ моему ящику требовалось не мало времени, и капитанъ Барнардъ могъ замѣтить его отсутствіе, такъ какъ Августъ помогалъ ему вести и приводить въ порядокъ бумаги, касающіяся цѣли плаванія, и могъ понадобиться каждую минуту. Итакъ, подумавъ немного, онъ рѣшилъ вернуться въ каюту и дождаться другого случая. Въ этомъ рѣшеніи поддерживало его и то обстоятельство, что я, повидимому, спалъ самымъ спокойнымъ сномъ,—значитъ, не испытывалъ никакихъ особенныхъ неудобствъ. Пока онъ раздумывалъ обо всемъ этомъ, вниманіе его привлечено было какимъ-то страннымъ шумомъ, раздавшимся, повидимому, въ капитанской каютѣ. Онъ поспѣшно выскочилъ изъ трюма, захлопнулъ трапъ и отворилъ дверь своей каюты. Не успѣлъ онъ перешагнуть черезъ порогъ, какъ выстрѣлъ изъ пистолета опалилъ ему лицо и ударъ ганшпугомъ сбилъ его съ ногъ.

Чья-то сильная рука схватила его за горло; но все-таки онъ могъ видѣть, что дѣлается вокругъ. Отецъ его, связанный по рукамъ и по ногамъ, лежалъ на ступенькахъ лѣстницы, ничкомъ, съ глубокой раной на лбу, изъ которой кровь струилась ручьемъ. Онъ ничего не говорилъ и, повидимому, находился при послѣднемъ издыханіи. Помощникъ, наклонившись надъ нимъ съ дьявольской улыбкой, обыскивалъ его карманы, изъ которыхъ вытащилъ въ эту минуту толстый бумажникъ и хронометръ. Семь человѣкъ изъ экипажа (въ томъ числѣ поваръ-негръ) обыскивали каюты на правой сторонѣ, гдѣ было сложено оружіе и вскорѣ появились оттуда съ ружьями и порохомъ. Всего, кромѣ Августа и капитана Барнарда, въ каютѣ находилось девять человѣкъ самыхъ отъявленныхъ бездѣльниковъ изъ всего экипажа. Негодяи поднялись на палубу, куда потащили и моего друга, связавъ ему руки на спину. Тутъ они подошли къ баку, въ то время запертому; двое стали у

дверей съ топорами, двое у главнаго люка. Помощникъ громко крикнулъ:—Эй вы, внизу! вылѣзайте наверхъ—по одиночкѣ—и безъ разговоровъ!—Прошло нѣсколько минутъ; наконецъ, одинъ англичанинъ, юнга, выползъ съ горькими слезами, униженно умоляя о пощадѣ. Отвѣтомъ ему былъ ударъ по лбу. Бѣдняга грохнулся на палубу, не пикнувъ, и черный поваръ поднялъ его на руки какъ ребенка и выбросилъ въ море. Услышавъ паденіе тѣла и всплескъ воды, находившіеся внизу на отрѣзъ отказались выйти на палубу, и ни угрозы, ни обѣщанія не могли выманить ихъ, пока кто-то не предложилъ выкурить ихъ. Тогда они разомъ кинулись наверхъ и была минута, когда могло показаться, что побѣда останется за ними. Однако, бунтовщики успѣли затворить бакъ, когда выскочили всего шесть человѣкъ. Эти шестеро, видя, что численный перевѣсъ на сторонѣ бунтовщиковъ, и будучи къ тому же безоружными, сдались послѣ непродолжительной борьбы. Помощникъ успокоивалъ ихъ ласковымъ словами — безъ сомнѣнія, для того, чтобы обмануть оставшихся внизу, такъ какъ они могли слышать каждое его слово. Результатъ доказалъ его сообразительность, такъ же, какъ его дьявольскую гнусность. Оставшіеся внизу согласились сдаться и вылѣзли по одиночкѣ на палубу, гдѣ ихъ перевязали и бросили рядомъ съ первыми шестью — всего неучаствовавшихъ въ бунтѣ оказалось двадцать семь человѣкъ.

Затѣмъ послѣдовала ужасная бойня. Связанныхъ матросовъ перетащили на шкафутъ. Здѣсь поваръ убивалъ ихъ ударами топора по головѣ, а остальные мятежники тотчасъ выбрасывали жертву за бортъ. Такимъ образомъ были убиты двадцать два человѣка и Августъ считалъ себя погибшимъ, съ минуты на минуту ожидая своей гибели. Наконецъ, однако, злодѣи устали или утомились своей кровавой работой,—бросили четверыхъ оставшихся, въ числѣ которыхъ оказался и Августъ, достали водки и началась попойка, длившаяся до самой ночи. Во время пирушки они обсуждали, что дѣлать съ оставшимися въ живыхъ плѣнниками, которые лежали въ четырехъ шагахъ и могли слышать каждое слово. По-видимому, водка оказала смягчающее дѣйствіе на нѣкоторыхъ бунтовщиковъ, потому что раздались голоса, совѣтовавшіе пощадить плѣнниковъ съ условіемъ присоединиться къ бунту и раздѣлить добычу. Но черный поваръ (во всѣхъ отношеніяхъ сущій чортъ, пользовавшійся такимъ же, если не большимъ вліяніемъ, какъ самъ подшкиперъ) не хотѣлъ ничего слушать и нѣсколько разъ вставалъ, намѣреваясь продолжать бойню. Къ счастью, онъ былъ такъ пьянъ, что менѣе кровожадные безъ труда могли удержать его. Въ числѣ послѣднихъ оказался нѣкто Дэркъ Петерсъ, завѣдывавшій канатами. Этотъ человѣкъ былъ сынъ индіанки изъ племени Эпсаро-

касъ близъ Скалистыхъ Горъ у верховья Миссури. Отецъ его, кажется, торговалъ звѣриными шкурами,—во всякомъ случаѣ имѣлъ сношенія съ торговыми стоянками индѣйцевъ на рѣкѣ Льюисъ. Самъ Петерсъ былъ человѣкъ необычайно свирѣпаго вида. Небольшаго роста, не болѣе четырехъ футовъ восьми дюймовъ, онъ, однако, обладалъ геркулесовскимъ сложеніемъ. Въ особенности руки его поражали своей чудовищной шириной и длиной, напоминая скорѣе звѣриныя лапы. При этомъ руки и ноги были искривлены самымъ страннымъ образомъ и, казалось, вовсе лишены способности сгибаться. Голова у него тоже была пребезобразная,—огромная, заостренная къ верху (какъ у большинства негровъ) и совершенно лысая. Чтобы скрыть этотъ послѣдній недостатокъ, вовсе не зависѣвшій отъ возраста, онъ носилъ парикъ изъ первой попавшейся шерсти, напр., изъ шкуры испанскаго дога или американскаго сѣраго медвѣдя. Въ то время, о которомъ я говорю, у него былъ парикъ изъ медвѣжьей шкуры, придававшій еще больше свирѣпости его лицу, сохранившему племенныя черты Упсарокасъ. Ротъ у него доходилъ почти до ушей; тонкія губы, какъ и остальныя черты, отличались неподвижностью, такъ что господствующее выраженіе его лица оставалось неизмѣннымъ при самомъ сильномъ возбужденіи. Чтобы имѣть понятіе объ этомъ выраженіи, представьте себѣ необычайно длинные выдающіеся зубы, никогда не прикрывавшіеся губами. Съ перваго взгляда можно было подумать, что онъ смѣется, но, вглядываясь пристальнѣе, вы съ ужасомъ убѣждались, что если это выраженіе веселья, то во всякомъ случаѣ, веселья дьявольскаго. Много розсказней ходило объ этомъ человѣкѣ среди нантукетскихъ моряковъ. Розсказни эти имѣли въ виду, главнымъ образомъ, его чудовищную силу, особенно въ минуты возбужденія, а нѣкоторыя изъ нихъ заставляли сомнѣваться въ его разсудкѣ. На «Грампусѣ» однако къ нему относились, повидимому, съ пренебреженіемъ. Я распространяюсь о Дэркѣ Петерсѣ, потому что, не смотря на свою свирѣпую наружность, онъ сдѣлался главнымъ орудіемъ спасенія жизни Августа, а также потому, что мнѣ не разъ придется упоминать о немъ въ дальнѣйшемъ разсказѣ,—разсказѣ, послѣдняя часть котораго, замѣчу мимоходомъ, трактуетъ о происшествіяхъ, настолько выходящихъ за предѣлы человѣческаго опыта и, слѣдовательно, человѣческой довѣрчивости, что у меня нѣтъ ни малѣйшей надежды снискать довѣріе публики. Я надѣюсь, однако, что время и успѣхи науки подтвердятъ мои важнѣйшія и наименѣе вѣроятныя откры

После долгихъ колебаній и бурныхъ споровъ, рѣшено было посадить плѣнниковъ (за исключеніемъ Августа, котораго Петерсъ желалъ, во что бы то ни стало, сохранить въ качествѣ конторщика,

какъ онъ выражался смѣясь), въ маленькій вельботъ и пустить на произволъ судьбы. Подшкиперъ отправился въ каюту посмотрѣть, живъ-ли еще капитанъ Барнардъ, который, если припомнитъ читатель, былъ брошенъ внизу, когда бунтовщики отправились наверхъ. Минуту спустя оба вернулись на палубу: капитанъ блѣдный какъ смерть, но нѣсколько оправившійся отъ раны. Онъ обратился къ матросамъ, уговаривая ихъ едва внятнымъ голосомъ не бросать его на произволъ судьбы, а вернуться къ исполненію своихъ обязанностей,—и обѣщая высадить ихъ, гдѣ они захотятъ и не преслѣдовать судомъ. Но съ такимъ же успѣхомъ онъ могъ бы говорить вѣтрамъ. Двое негодяевъ схватили его за руки и бросили за бортъ въ лодку, которая уже была спущена на воду. Четверымъ плѣнникамъ развязали руки и велѣли слѣдовать за капитаномъ, что они и исполнили безъ разговоровъ, – только Августъ остался на палубѣ связаннымъ, хотя бился и молилъ позволить ему проститься съ отцомъ. Затѣмъ спустили въ лодку горсть сухарей и кувшинъ съ водой,—но ни мачты, ни паруса, ни весла, ни компаса. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ лодку тащили на буксирѣ, потомъ, посовѣтовавшись еще разъ, бунтовщики обрѣзали веревку. Наступила ночь,—темная, безлунная и беззвѣздная ночь,—море глухо шумѣло и волновалось, хотя сильнаго вѣтра не было. Лодка моментально скрылась изъ вида съ несчастными пловцами, которымъ, конечно, нельзя было разсчитывать на спасеніе. Впрочемъ, это происходило подъ 35°30′ сѣверной широты и 61°20′ западной долготы, слѣдовательно по близости отъ Бермудскихъ острововъ. Въ виду этого, Августъ старался утѣшить себя мыслью, что лодкѣ, быть можетъ, удастся достигнуть берега или наткнуться на какой-нибудь корабль.

На бригѣ подняли всѣ паруса и продолжали путь къ юго-западу; кажется, бунтовщики задумали какую-то разбойничью экспедицію. Насколько можно было понять, дѣло шло о захватѣ корабля, шедшаго съ острововъ Зеленаго Мыса въ Порто-Рико. На Августа не обращали никакого вниманія; онъ былъ развязанъ и могъ свободно ходить всюду, кромѣ каютъ. Тѣмъ не менѣе положеніе его оставалось очень шаткимъ; матросы постоянно были пьяны и онъ не могъ разсчитывать на ихъ добродушіе или беззаботность. Но пуще всего терзало его безпокойство обо мнѣ,—такъ онъ говорилъ мнѣ, и я вѣрю этому, такъ какъ никогда не имѣлъ повода сомнѣваться въ искренности его дружбы. Не разъ онъ рѣшался сообщить бунтовщикамъ о моемъ пребываніи на кораблѣ, но его удерживало воспоминаніе объ ихъ жестокости и надежда подать мнѣ помощь при первомъ удобномъ случаѣ. Однако, не смотря на то, что онъ все время былъ на сторожѣ, случая не

представлялось въ теченіе трехъ дней. Наконецъ, однажды ночью поднялся сильный вѣтеръ съ востока, такъ что всѣ матросы принялись убирать паруса. Воспользовавшись этой суматохой, онъ незамѣтно проскользнулъ въ свою каюту. Каково же было его огорченіе и ужасъ, когда онъ убѣдился, что каюта превращена въ складочное мѣсто для разныхъ запасовъ, а на трапѣ лежитъ громадная въ нѣсколько фатомовъ якорная цѣпь, которую перетащили сюда изъ рубки! Отодвинуть ее значило бы выдать тайну и потому онъ поспѣшилъ вернуться наверхъ. Лишь только онъ показался на палубѣ, подшкиперъ схватилъ его за горло, спрашивая, зачѣмъ онъ таскался въ каюту и хотѣлъ уже бросить его за бортъ, но тутъ вступился Дэркъ Петерсъ и еще разъ спасъ ему жизнь. На этотъ разъ Августу надѣли на руки колодки (на кораблѣ было нѣсколько паръ), связали ноги, стащили его въ переднюю каюту и бросили на койку, сказавъ, что онъ не выйдетъ на палубу, «пока бригъ не перестанетъ быть бригомъ». Такъ выразился поваръ, бросившій его на койку, — трудно рѣшить, что онъ хотѣлъ сказать этой фразой. Но это происшествіе въ концѣ концовъ привело къ моему избавленію, какъ сейчасъ увидитъ читатель.

ГЛАВА V.

По уходѣ повара Августъ предался отчаянію, думая, что ему уже не выбраться живымъ изъ койки. Онъ рѣшилъ сообщить обо мнѣ первому, кто къ нему подойдетъ, разсудивъ, что лучше мнѣ положиться на милость бунтовщиковъ, чѣмъ погибнуть отъ жажды въ трюмѣ. Въ самомъ дѣлѣ, я уже десять дней находился въ своемъ убѣжищѣ, а моего запаса воды могло хватить дня на четыре, не больше. Пока онъ думалъ объ этомъ, ему пришло въ голову, нельзя-ли пробраться ко мнѣ черезъ главный люкъ. При другихъ обстоятельствахъ онъ не рѣшился бы на такое трудное и рискованное предпріятіе; но теперь у него оставалось такъ мало надежды на спасеніе жизни, что онъ махнулъ рукой на опасность и рѣшилъ попытаться во что бы то ни стало.

Прежде всего надо было избавиться отъ колодокъ. Сначала онъ не зналъ, какъ съ ними быть и боялся, что ничего не подѣлаетъ; но вскорѣ убѣдился, что они снимаются очень легко, безъ особенныхъ усилій: колодки были слишкомъ велики для гибкихъ и тонкихъ костей юноши и руки его свободно проходили въ нихъ. Затѣмъ онъ развязалъ ноги, оставивъ веревку въ такомъ положеніи, чтобы можно было быстро завязать ее, если бы кто-нибудь изъ матросовъ вздумалъ спуститься въ каюту. Осмотрѣвъ

перегородку, къ которой примыкала его койка, онъ убѣдился, что она сдѣлана изъ мягкихъ сосновыхъ досокъ, не болѣе дюйма толщиной, такъ что прорѣзать ее будетъ не особенно трудно. Тутъ послышался голосъ на верху и едва онъ успѣлъ связать ноги и просунуть правую руку въ колодку (съ лѣвой онъ не снималъ ее), какъ явился Дэркъ Петерсъ въ сопровожденіи Тигра, который тотчасъ же вскочилъ въ койку и растянулся рядомъ съ моимъ другомъ. Собака была взята на бригъ Августомъ, который зналъ мою привязанность къ этому животному и думалъ, что мнѣ пріятно будетъ взять ее съ собой. Онъ сходилъ за ней тотчасъ послѣ того, какъ спряталъ меня въ трюмѣ, но забылъ сообщить мнѣ объ этомъ, когда принесъ часы. Со времени мятежа онъ не видѣлъ ее и считалъ погибшей, думая, что какой-нибудь негодяй изъ шайки подшкипера выбросилъ ее за бортъ. Впослѣдствіи оказалось, что она залѣзла подъ вельботъ, откуда не могла выбраться безъ посторонней помощи. Наконецъ, Петерсъ выпустилъ ее оттуда и подъ вліяніемъ добраго чувства, которое вполнѣ оцѣнилъ мой другъ, привелъ въ каюту, захвативъ также немного солонины, картофеля и кружку воды; затѣмъ онъ ушелъ на палубу, обѣщавъ принести побольше ѣды завтра.

Когда онъ ушелъ, Августъ высвободилъ обѣ руки изъ колодокъ и развязалъ ноги. Затѣмъ отвернулъ конецъ матраца, на которомъ лежалъ, и принялся рѣзать перегородку перочиннымъ ножемъ (негодяи не подумали обыскать его) какъ можно ближе къ койкѣ. Онъ выбралъ это мѣсто, потому что въ случаѣ тревоги легко было закрыть его, уложивъ матрацъ по прежнему. Въ этотъ день, впрочемъ, никто его не потревожилъ, а къ ночи ему удалось перерѣзать доску. Надо замѣтить, что со времени возстанія никто изъ матросовъ не ночевалъ на бакѣ, всѣ переселились въ капитанскую каюту, истребляли запасы и вина, а за бригомъ почти не смотрѣли. Это обстоятельство оказалось весьма кстати для насъ съ Августомъ, потому что въ противномъ случаѣ ему не удалось бы добраться до меня. Теперь же онъ продолжалъ работу съ надеждой на успѣхъ. Однако, уже разсвѣтало, когда онъ окончилъ второй разрѣзъ (приблизительно на футъ выше перваго), устроивъ такимъ образомъ отверстіе, черезъ которое пролѣзъ въ верхній трюмъ. Затѣмъ онъ пробрался безъ особенныхъ затрудненій, не смотря на груды бочекъ, наваленныхъ до самой палубы, къ главному нижнему люку. Тутъ онъ замѣтилъ, что Тигръ все время слѣдовалъ за нимъ. Но спуститься теперь же ко мнѣ было слишкомъ рискованно, такъ какъ главная трудность—пробраться среди клади нижняго трюма—оставалась еще впереди. Въ виду этого онъ рѣшилъ вернуться и подождать

до ночи. Во всякомъ случаѣ онъ хотѣлъ теперь же открыть трапъ, чтобы въ слѣдующій разъ пройти какъ можно скорѣе. Едва онъ пріотворилъ его, какъ Тигръ бросился къ щели, обнюхалъ ее и съ глухимъ воемъ принялся царапать лапами доску, точно желая поднять ее. Очевидно, онъ чуялъ мое присутствіе въ трюмѣ. Августу пришло въ голову написать и послать мнѣ записку, такъ какъ было бы весьма важно увѣдомить меня о положеніи дѣлъ, чтобы я сидѣлъ смирно, если даже ему не удастся проникнуть ко мнѣ на слѣдующій день. Дальнѣйшія событія показали, какъ удачна была эта мысль: не получивъ записки, я навѣрно придумалъ бы какой-нибудь способъ, хотя бы самый отчаянный, дать знать экипажу о своемъ присутствіи и въ результатѣ, по всей вѣроятности, насъ укокошили бы обоихъ.

Главное затрудненіе было добыть матеріалы для письма. Изъ старой зубочистки Августъ устроилъ перо, — ощупью, потому что тьма была кромѣшная. Для записки послужилъ чистый листокъ подложнаго письма отъ имени мистера Росса. Это былъ первый экземпляръ письма, но Августъ нашелъ почеркъ недостаточно похожимъ и написалъ второе, а первое сунулъ въ карманъ, гдѣ оно и оказалось—весьма кстати—въ настоящую минуту. Не было только чернилъ, но онъ и тутъ нашелся, надрѣзавъ перочиннымъ ножомъ палецъ повыше ногтя. Крови вытекло довольно, какъ всегда изъ порѣзовъ, сдѣланныхъ въ этомъ мѣстѣ. Затѣмъ онъ написалъ письмо, насколько могъ ясно въ такой темнотѣ и при такихъ обстоятельствахъ. Онъ вкратцѣ сообщилъ мнѣ, что на бригѣ произошелъ бунтъ, что капитана Барнарда высадили и пустили на произволъ судьбы въ лодкѣ, и что я могу разсчитывать на скорую помощь, но не долженъ поднимать шумъ. Письмо заканчивалось словами:—«Пишу кровью—сиди смирно или ты пропалъ».

Записка была привязана къ собакѣ, которая бросилась въ трюмъ, тогда какъ Августъ вернулся въ каюту. Чтобы скрыть отверстіе въ перегородкѣ, онъ воткнулъ надъ нимъ перочинный ножъ и повѣсилъ на него матросскую куртку, оказавшуюся на койкѣ. Затѣмъ продѣлъ руки въ колодки и завязалъ ноги.

Едва онъ покончилъ съ этимъ, какъ вошелъ Дэркъ Петерсъ, сильно навеселѣ, но въ отличномъ расположеніи духа. Онъ принесъ моему другу его порцію на сегодняшній день: дюжину печеныхъ картофелинъ и кружку воды. Онъ посидѣлъ немного на сундукѣ подлѣ койки, разсказывая вполнѣ откровенно о подшкиперѣ и обо всемъ, что происходило на кораблѣ. Поведеніе его показалось Августу крайне страннымъ и нелѣпымъ, даже напугало его. Наконецъ, Петерсъ всталъ и убрался на палубу, обѣщая принести хорошій обѣдъ завтра. Въ теченіе дня явились къ моему другу

двое матросовъ (гарпунщиковъ) и поваръ: пьяные до положенія ризъ. Какъ и Петерсъ, они не стѣсняясь болтали о своихъ планахъ. Повидимому, на кораблѣ царило полное разногласіе; только одинъ пунктъ не возбуждалъ споровъ: грабежъ корабля, шедшаго съ островов Зеленаго Мыса, встрѣча съ которымъ ожидалась съ минуты на минуту. Насколько можно было судить, причиной возстанія явились не только корыстныя цѣли; главную роль въ немъ играла личная ненависть подшкипера къ капитану Барнарду. Теперь бунтовщики раздѣлились на двѣ партіи: партію подшкипера и партію повара. Подшкиперъ предлагалъ овладѣть первымъ подходящимъ кораблемъ и снарядить его на какомъ-нибудь изъ Антильскихъ острововъ для морского разбоя. Вторая партія, болѣе многочисленная, къ которой принадлежалъ и Петерсъ, хотѣла продолжать путь въ южную часть Тихаго Океана, и тамъ заняться ловлей китовъ или чѣмъ-нибудь другимъ, глядя по обстоятельствамъ. Доводы Петерса, не разъ бывавшаго въ тѣхъ мѣстахъ, имѣли, повидимому, большое значеніе въ глазахъ бунтовщиковъ, колебавшихся между смутными представленіями о наживѣ и развлеченіяхъ. Онъ расписывалъ яркими красками утѣхи и развлеченія на островахъ Тихаго Океана, полнѣйшую безопасность и свободу, но больше всего превозносилъ чудный климатъ, обиліе житейскихъ благъ и восхитительную красоту женщинъ. До сихъ поръ не пришли къ окончательному рѣшенію, но разсказы метиса-канатчика производили сильное впечатлѣніе на пылкую фантазію моряковъ и, по всей вѣроятности, побѣда должна была остаться за нимъ.

Просидѣвъ около часа, всѣ трое ушли, и въ этотъ день никто болѣе не заглядывалъ въ переднюю каюту. Августъ лежалъ смирно до наступленія ночи. Затѣмъ онъ снялъ колодки, развязалъ ноги и приготовился къ предпріятію. На одной изъ коекъ нашлась бутылка, которую онъ наполнилъ водой, набивъ карманы картофелемъ. Къ своей великой радости, онъ отыскалъ также фонарь съ небольшимъ огаркомъ сальной свѣчи. Онъ могъ зажечь ее, когда угодно, такъ какъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи коробочку фосфорныхъ спичекъ. Когда совершенно стемнѣло, онъ пролѣзъ въ отверстіе перегородки, уложивъ постельное бѣлье такъ, чтобы казалось, будто подъ одѣяломъ лежитъ человѣкъ. Очутившись за перегородкой, онъ по прежнему завѣсилъ отверстіе курткой. Затѣмъ пробрался среди бочекъ къ нижнему люку. Тутъ зажегъ свѣчку и спустился внизъ, пробираясь съ величайшимъ трудомъ среди клади. Невыносимая духота и вонь смутили его на первыхъ же шагахъ. Онъ не могъ себѣ представить, чтобы я выжилъ такъ долго въ такой удушливой атмосферѣ. Онъ окликнулъ меня нѣсколько разъ,

но я не отвѣчалъ; повидимому, его подозрѣнія подтверждались. Качка была сильная и шумъ такой, что было бы безполезно прислушиваться къ слабому звуку моего дыханія или храпѣнія. Онъ открылъ фонарь и поднялъ его какъ можно выше, въ надеждѣ, что, замѣтивъ свѣтъ, я откликнусь или позову на помощь. Но я не отзывался, и его предположеніе насчетъ моей смерти начинало превращаться въ увѣренность. Но все-таки онъ хотѣлъ пробраться къ ящику, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній. Нѣсколько времени онъ шелъ въ жестокомъ безпокойствѣ, пока не наткнулся на препятствіе, преграждавшее ему путь. Силы оставили его и, кинувшись на кучу хлама, онъ заплакалъ, какъ дитя. Въ эту минуту раздался звонъ разбитой бутылки, которую я швырнулъ объ полъ. Счастье, что я поддался этому ребяческому капризу, потому что отъ него, какъ оказалось, зависѣло мое спасеніе. Но я узналъ объ этомъ только спустя много лѣтъ. Весьма естественный стыдъ и смущеніе помѣшали ему признаться откровенно въ своемъ малодушіи и слабости, и только впослѣдствіи онъ покаялся мнѣ чистосердечно. Дѣло въ томъ, что, встрѣтивъ на своемъ пути препятствіе, онъ рѣшилъ вернуться въ каюту, отказавшись отъ попытки пробраться ко мнѣ. Но, прежде чѣмъ обвинять его, нужно принять въ соображеніе обстоятельства. Ночь проходила и его отсутствіе могло быть и было бы замѣчено, если бы онъ не вернулся до разсвѣта. Свѣча догорала, а вернуться къ верхнему трюму въ темнотѣ было очень трудно. Далѣе, надо согласиться, что онъ имѣлъ полное основаніе считать меня погибшимъ; а въ такомъ случаѣ не было смысла пробираться къ моему ящику; мнѣ это не могло помочь, а ему грозило страшной опасностью. Онъ нѣсколько разъ окликалъ меня и ни разу не получилъ отвѣта. Я пробылъ одиннадцать дней и одиннадцать ночей съ ничтожнымъ запасомъ воды, которой навѣрно не берегъ въ первые дни моего заключенія, такъ какъ разсчитывалъ на скорую помощь. Атмосфера трюма тоже должна была показаться ему, дышавшему относительно свѣжимъ воздухомъ каюты, убійственной, гораздо болѣе убійственной, чѣмъ мнѣ, когда я впервые спустился въ трюмъ, потому что передъ тѣмъ всѣ люки были открыты въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Прибавьте къ этому недавнюю сцену кровопролитія и ужаса; заключеніе моего друга, испытанныя имъ лишенія, случайное избавленіе отъ смерти, теперешнее шаткое и двусмысленное положеніе—все обстоятельства, способныя убить энергію въ человѣкѣ—и вы, подобно мнѣ, отнесетесь къ этой кажущейся измѣнѣ скорѣе съ сожалѣніемъ, чѣмъ съ гнѣвомъ.

Августъ ясно слышалъ звонъ разбитой бутылки, но не былъ увѣренъ, что этотъ звукъ исходитъ изъ трюма. Какъ бы то ни

было, это возбудило въ немъ сомнѣніе, заставившее его продолжать поиски. Онъ взобрался на груду багажа почти къ самому потолку и, выждавъ минуту затишья, окликнулъ меня во всю глотку, забывъ на минуту объ опасности быть услышаннымъ наверху. Если помнитъ читатель, на этотъ разъ я услышалъ его, но страшное волненіе помѣшало мнѣ отвѣтить. Рѣшивъ, что его опасенія подтвердились, онъ спустился на полъ, чтобы вернуться, не теряя времени. Въ торопяхъ онъ свалилъ нѣсколько боченковъ, — этотъ шумъ, если помните, я тоже услышалъ. Онъ уже отошелъ довольно далеко, когда звукъ упавшаго ножа снова привлекъ его вниманіе. Онъ тотчасъ вернулся и, взобравшись, какъ раньше, на грузъ, крикнулъ также громко, выждавъ минуту затишья. На этотъ разъ я отвѣтилъ. Радуясь, что я еще живъ, онъ рѣшилъ пренебречь всякой опасностью и, во что бы то ни стало, добраться до меня. Выбравшись кое-какъ изъ груды разнаго хлама, онъ нашелъ, наконецъ, болѣе широкій проходъ и послѣ долгихъ усилій добрался до ящика въ состояніи полнаго изнеможенія.

ГЛАВА VI.

Пока мы оставались у ящика, Августъ сообщилъ мнѣ главнѣйшія обстоятельства этого разсказа. Подробности я узналъ позднѣе. Онъ боялся, что его отсутствіе будетъ замѣчено, да и я горѣлъ нетерпѣніемъ выбраться изъ этой проклятой тюрьмы. Мы рѣшили вернуться къ отверстію въ перегородкѣ, за которой я долженъ былъ остаться, между тѣмъ какъ онъ перелѣзетъ въ каюту. Мы ни за что не хотѣли оставить Тигра въ ящикѣ; но что было съ нимъ дѣлать? Повидимому, онъ совершенно успокоился, мы не могли даже разслышать его дыханіе, приложивъ ухо вплотную къ ящику. Я былъ убѣжденъ, что онъ околѣлъ, и потому рѣшился открыть ящикъ. Оказалось, что онъ лежалъ, вытянувшись, въ полномъ оцѣпенѣніи, но еще живой. Время было дорого, но я не могъ бросить на произволъ судьбы животное, дважды послужившее орудіемъ моего спасенія. Итакъ, мы потащили его съ собой, какъ ни трудно намъ приходилось, особенно Августу, который долженъ былъ перелѣзать черезъ препятствіе съ тяжелой собакой на рукахъ. У меня, при моей крайней слабости и истощеніи, не хватило бы силъ на это. Наконецъ, мы добрались до отверстія; Августъ пролѣзъ въ него первый, затѣмъ перетащилъ Тигра. Все обошлось благополучно, и мы не преминули воздать хвалу Богу за наше избавленіе отъ смертной опасности. Пока рѣшено было, что я останусь подлѣ отверстія, черезъ которое мой товарищъ можетъ

снабжать меня пищей и питьемъ, и подлѣ котораго я могъ дышать сравнительно чистымъ воздухомъ.

Въ объясненіе нѣкоторыхъ мѣстъ моего разсказа, касающихся нагрузки брига, которыя могутъ показаться сомнительными читателямъ, знакомымъ съ этимъ предметомъ, я долженъ замѣтить, что эта въ высшей степени важная задача была исполнена на «Грампусѣ» съ самой постыдной небрежностью со стороны капитана Барнарда, который не обнаружилъ, въ данномъ случаѣ, ни заботливости, ни опытности, безусловно необходимыхъ въ такомъ рискованномъ предпріятіи. Нагрузку ни въ коемъ случаѣ не слѣдуетъ производить кое-какъ, и не одна катастрофа, даже изъ извѣстныхъ мнѣ лично, была вызвана небрежностью въ этомъ отношеніи. Прибрежныя суда, которымъ то и дѣло приходится нагружаться или разгружаться, чаще всего страдаютъ отъ неумѣлой или неряшливой укладки груза. Главное—уложить грузъ или балластъ такъ, чтобы они не могли передвигаться при самой сильной качкѣ. Для этого нужно обращать вниманіе не только на внѣшній видъ, но и на свойства и на количество груза. Въ большинствѣ случаевъ нагрузка производится посредствомъ винта. Такимъ образомъ грузъ табаку или муки укладывается въ трюмъ корабля такъ плотно, что тюки или мѣшки сплющиваются и, только спустя нѣкоторое время послѣ разгрузки, принимаютъ прежнюю форму. Такая плотная нагрузка производится, впрочемъ, главнымъ образомъ для того, чтобы выиграть мѣсто въ трюмѣ; такъ какъ при полномъ грузѣ такихъ товаровъ, какъ мука или табакъ, нечего опасаться передвиженія тюковъ. Напротивъ, такая плотная нагрузка можетъ повлечь за собой опасность совершенно иного рода. Грузъ хлопчатой бумаги, напримѣръ, плотно спресованной, можетъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ расшириться, причемъ корабль дастъ трещины. Безъ сомнѣнія, къ такимъ же послѣдствіямъ можетъ повести начавшееся броженіе табака, если промежутки между тюками не ослабятъ расширенія.

При неполной нагрузкѣ угрожаетъ опасность отъ передвиженія тюковъ, и противъ нея необходимо принять мѣры предосторожности. Только тотъ, кому случалось испытать сильный штормъ, или вѣрнѣе сказать качку при мертвой зыби послѣ шторма, имѣетъ представленіе о страшной силѣ сотрясеній корабля и, слѣдовательно, толчковъ, получаемыхъ вещами. Въ такихъ случаяхъ становится очевидной необходимость самой тщательной укладки неполнаго груза. Когда корабль лежитъ въ дрейфѣ (особенно съ маленькимъ переднимъ парусомъ), то, при неправильномъ устройствѣ носа, часто ложится на бокъ; это случается каждыя четверть часа или двадцать минутъ, но безъ всякихъ опасныхъ послѣдствій,

если только нагрузка произведена правильно. Въ противномъ случаѣ, весь грузъ скатывается на ту сторону, которая лежитъ на водѣ, и корабль, утративъ равновѣсіе и не имѣя возможности выпрямиться, неминуемо наполнится водою и пойдетъ ко дну. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что добрая половина кораблей, погибшихъ во время шторма, обязана своей гибелью плохой укладкѣ груза или балласта.

Уложивъ неполный грузъ какъ можно плотнѣе, необходимо устлать его крѣпкими досками, простирающимися поперекъ всего корабля. Доски эти нужно закрѣпить стойками, упирающимися въ палубу. Если грузъ состоитъ изъ зерна или другого подобнаго товара, слѣдуетъ принять особыя мѣры предосторожности. Если при отплытіи корабля трюмъ до верху наполненъ зерномъ, то по прибытіи на мѣсто, онъ окажется полнымъ только на три четверти, хотя при сдачѣ груза пріемщику и измѣреніи зерна бушель за бушелемъ, его можетъ оказаться больше, чѣмъ отправлено (вслѣдствіе разбуханія зеренъ). Эта кажущаяся убыль зерна происходитъ вслѣдствіе уплотненія груза во время путешествія,— уплотненія, которое находится въ прямой зависимости отъ погоды, т. е. тряски. Такъ что если даже зерно застлано досками и укрѣплено стойками, оно все-таки можетъ при продолжительномъ плаваніи повести къ самой печальной катастрофѣ. Чтобы предупредить подобнаго рода несчастія, необходимо хорошенько утрясти грузъ передъ отплытіемъ, для чего существуютъ различныя приспособленія. Но даже при всѣхъ этихъ предосторожностяхъ, при самой тщательной укладкѣ и закрѣпленіи груза, ни одинъ морякъ, знающій свое дѣло, не будетъ чувствовать себя спокойнымъ во время шквала, если корабль нагруженъ зерномъ,—въ особенности при неполной нагрузкѣ. Между тѣмъ, существуютъ сотни каботажныхъ судовъ, а по Европейскимъ берегамъ еще болѣе, которыя ежедневно выходятъ изъ портовъ при неполной нагрузкѣ самымъ опаснымъ товаромъ, не принимая никакихъ мѣръ предосторожности. Можно удивляться, что катастрофы не случаются еще чаще. Мнѣ лично извѣстенъ печальный примѣръ подобной неосторожности, именно крушеніе шкуны «Свѣтлякъ». Капитанъ Джоэль Райсъ на пути изъ Ричмонда въ Виргиніи къ Мадерѣ въ 1825 г. совершилъ много плаваній безъ всякихъ приключеній, хотя относился къ нагрузкѣ спустя рукава. Ему никогда раньше не случалось плавать съ грузомъ зерна, и на этотъ разъ зерно было насыпано кое-какъ, наполняя корабль только до половины. Путешествіе совершалось при легкомъ вѣтрѣ, но за день пути до Мадеры подулъ сильный NNE, заставившій капитана дрейфовать. Онъ шелъ противъ вѣтра, оставивъ только фокъ-зейль

на двойныхъ рифахъ; корабль держался какъ нельзя лучше, не зачерпнулъ ни капли воды. Къ ночи вѣтеръ нѣсколько ослабѣлъ и качка усилилась, но все-таки судно выдержало ее исправно, пока громадный валъ не опрокинулъ его на бимсы правымъ бортомъ. Послышался шумъ пересыпающагося зерна, трапъ главнаго люка вылетѣлъ подъ его напоромъ и корабль пошелъ ко дну, какъ пуля. По близости случился небольшой шлюпъ съ Мадеры, который выловилъ одного матроса (только одинъ и спасся) и, благополучно выдержавъ штурмъ, вернулся въ гавань. Нагрузка на «Грампусѣ» была произведена самымъ небрежнымъ образомъ, если только можно примѣнить слово нагрузка къ безпорядочной грудѣ бочекъ для китоваго жира *) и корабельныхъ снастей. Я уже говорилъ о нагрузкѣ нижняго трюма. Въ верхнемъ, между грузомъ и палубой, было достаточно мѣста для моего тѣла, у главнаго люка значительное пространство тоже осталось незаполненнымъ, немало пустыхъ промежутковъ было и въ другихъ мѣстахъ между кладью. Подлѣ отверстія, прорѣзаннаго Августомъ, могла бы помѣститься большая бочка и я устроился очень удобно въ этомъ пространствѣ.

Пока мой другъ улегся въ койкѣ, надѣлъ колодки, завязалъ ноги,—наступилъ разсвѣтъ. Мы во время вернулись, потому что едва онъ улегся,—вошли подшкиперъ, поваръ и Дэркъ Петерсъ. Сначала они завели разговоръ о кораблѣ съ острововъ Зеленаго Мыса, отсутствіе котораго, повидимому, крайне тревожило ихъ.

Наконецъ, поваръ подошелъ къ койкѣ Августа и усѣлся въ изголовьи. Я могъ видѣть и слышать все изъ моего убѣжища, такъ какъ доска не была вложена обратно, и я съ минуты на минуту ожидалъ, что негръ толкнетъ куртку, висѣвшую на перочинномъ ножѣ, и наша тайна откроется, и тогда поминай насъ какъ звали. Но счастье по прежнему благопріятствовало намъ и хотя онъ нѣсколько разъ дотрогивался до куртки во время качки корабля, однако, не такъ сильно, чтобы замѣтить отверстіе. Куртка была пришпилена къ перегородкѣ, такъ что не могла раскачиваться. Тѣмъ временемъ Тигръ лежалъ въ ногахъ кровати и, повидимому, начиналъ приходить въ себя: я замѣтилъ, что онъ нѣсколько разъ открывалъ глаза и переводилъ духъ.

Спустя нѣсколько минутъ поваръ и подшкиперъ ушли наверхъ, а Дэркъ Петерсъ остался. Онъ дружески заговорилъ съ Августомъ и мы не могли не замѣтить, что его опьяненіе, казавшееся очень

---

*) На китоловныхъ судахъ устраиваются обыкновенно желѣзные резервуары для жира; почему ихъ не было на «Грампусѣ», я не знаю.

сильнымъ при поварѣ и подшкиперѣ, было въ значительной степени притворнымъ. Онъ вполнѣ откровенно отвѣчалъ на вопросы моего друга; сказалъ, что не сомнѣвается въ спасеніи моего отца, такъ какъ въ тотъ самый день на разсвѣтѣ не менѣе пяти кораблей было въ виду у брига; словомъ, всячески утѣшалъ его, чѣмъ не мало удивилъ и обрадовалъ меня. Я начиналъ надѣяться, что съ помощью Петерса намъ удастся снова овладѣть бригомъ и при первомъ удобномъ случаѣ сообщилъ о своихъ соображеніяхъ Августу. Онъ считалъ это возможнымъ, но настаивалъ на крайней осторожности, такъ какъ поведеніе Петерса могло быть объяснено какимъ-нибудь капризомъ. Ручаться за здравость его разсудка было рѣшительно невозможно. Просидѣвъ около часа, Петерсъ ушелъ на палубу и вернулся только въ полдень, притащивъ Августу изрядный кусокъ солонины и пуддинга. Когда мы остались одни, я раздѣлилъ съ нимъ трапезу, не вылѣзая за перегородку. Въ теченіе дня никто не являлся въ каюту, а съ наступленіемъ ночи я перелѣзъ къ Августу на койку и проспалъ спокойно и крѣпко до разсвѣта, когда онъ разбудилъ меня, заслышавъ шумъ на палубѣ, и я поспѣшилъ убраться въ свое убѣжище. Утромъ мы убѣдились, что Тигръ почти совсѣмъ поправился и не выказывалъ никакихъ признаковъ водобоязни; напротивъ, съ жадностью выпилъ воду, которую далъ ему Августъ. Въ тотъ же день къ нему вернулись прежняя сила и аппетитъ. Его странное поведеніе было вызвано, по всей вѣроятности, спертымъ воздухомъ трюма и не имѣло ничего общаго съ обыкновеннымъ собачьимъ бѣшенствомъ. Я радовался, что не бросилъ его въ трюмѣ.

Было 30-е іюня, тринадцатый день со времени нашего отплытія изъ Нантукета.

Второго іюля подшкиперъ явился въ каюту пьяный, по обыкновенію, и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Онъ подошелъ къ койкѣ и, хлопнувъ Августа по спинѣ, спросилъ, обѣщается-ли онъ вести себя хорошо и не ходить болѣе въ капитанскую каюту, если онъ, подшкиперъ, освободитъ его. На это мой другъ, разумѣется, отвѣчалъ утвердительно; тогда негодяй освободилъ его, заставивъ напередъ хлебнуть рому изъ фляжки, которую досталъ изъ кармана. Затѣмъ оба ушли на палубу и я не видалъ Августа въ теченіе трехъ часовъ. Наконецъ, онъ вернулся съ пріятнымъ извѣстіемъ, что ему позволено ходить всюду, только не далѣе большой мачты, а ночевать по прежнему въ передней каютѣ. Онъ принесъ мнѣ сытный обѣдъ и большую кружку воды. Бригъ всё еще крейсировалъ въ ожиданіи корабля съ острововъ Зеленаго Мыса; въ настоящую минуту на горизонтѣ былъ замѣченъ парусъ,—какъ предполагали—ожидаемаго судна. Такъ какъ проис-

шествія слѣдующей недѣли не представляютъ ничего важнаго и не имѣютъ прямого отношенія къ главнымъ событіямъ моего разсказа, то я приведу ихъ въ формѣ дневника.

3 іюля. — Августъ раздобылъ для меня три одѣяла, съ помощью которыхъ я устроилъ себѣ очень удобную постель въ моемъ убѣжищѣ. Въ теченіе дня никто не приходилъ въ каюту, кромѣ моего друга. Тигръ улегся на койкѣ подлѣ отверстія и спалъ тяжелымъ сномъ, какъ будто еще не совсѣмъ оправился отъ болѣзни. Подъ вечеръ сильный порывъ вѣтра чуть не опрокинулъ бригъ, прежде чѣмъ успѣли убрать парусъ. Впрочемъ, вѣтеръ тотчасъ же улегся и не причинилъ намъ особеннаго вреда, изорвавъ только маленькій парусъ на форъ-марсѣ. Дэркъ Петерсъ весь день относился къ Августу очень ласково и долго бесѣдовалъ съ нимъ о Тихомъ Океанѣ и островахъ, которые ему случалось посѣщать. Онъ спрашивалъ, желаетъ-ли Августъ предпринять съ бунтовщиками путешествіе съ цѣлью открытій и развлеченія въ эти области, и прибавилъ, что экипажъ понемногу переходитъ на сторону подшкипера. На это Августъ отвѣтилъ, что онъ охотно отправится въ такое плаваніе, разъ ничего лучшаго не представляется, и что это во всякомъ случаѣ предпочтительнѣе разбойничьей жизни.

4 іюля.—Корабль, замѣченный на горизонтѣ, оказался маленькимъ бригомъ изъ Ливерпуля и былъ пропущенъ безпрепятственно. Августъ провелъ большую часть дня на палубѣ, стараясь разузнать побольше о намѣреніи бунтовщиковъ. Они часто ссорились и бранились; во время одной ссоры китобой Джимъ Боннеръ былъ выброшенъ за бортъ. Партія подшкипера одолѣваетъ. Джимъ Боннеръ былъ изъ шайки повара, къ которой принадлежитъ и Петерсъ.

5 іюля.—На разсвѣтѣ поднялся сильный вѣтеръ съ запада и къ полудню превратился въ ураганъ, такъ что на бригѣ были оставлены только трайсель и фокъ-зейль. Матросъ Симсъ, тоже принадлежавшій къ партіи повара, упалъ пьяный съ форъ-марса въ море и утонулъ; никто даже не попытался его спасти. Теперь на бригѣ тринадцать человѣкъ, именно: Дэркъ Петерсъ, черный поваръ Сеймуръ, Джонсъ, Грили, Гартманъ Роджерсъ и Вильямъ Алленъ изъ партіи повара; подшкиперъ, фамилію котораго я никогда не могъ узнать, и его приверженцы: Абсаломъ Гиксъ, Вильсонъ, Джонъ Гёнтъ и Ричардъ Паркеръ, не считая Августа и меня.

6 іюля.—Буря продолжалась весь день, сопровождаемая дождемъ и разражаясь по временамъ настоящимъ шкваломъ. Бригъ далъ порядочную течь, одна изъ помпъ работала безпрерывно, Августъ тоже долженъ былъ качать. Въ сумерки большой корабль

прошелъ мимо насъ и былъ замѣченъ только на разстояніи человѣческаго голоса. Предполагаютъ, что это былъ тотъ самый корабль, на который мѣтили бунтовщики. Подшкиперъ окликнулъ его, но ревъ бури заглушилъ отвѣтъ. Въ одиннадцать часовъ боковой шквалъ сорвалъ часть обшивки съ лѣваго борта и причинилъ другія мелкія поврежденія. Къ утру прояснѣло и на восходѣ солнца вѣтеръ почти затихъ.

7 іюля.—Весь день сильное волненіе; плохо нагруженный бригъ страшно раскачивался, и я слышалъ изъ своего убѣжища, какъ вещи перекатывались въ трюмѣ. Я жестоко страдалъ отъ морской болѣзни. Петерсъ долго разговаривалъ съ Августомъ, сообщилъ ему, что Грили и Алленъ перешли на сторону подшкипера и рѣшили сдѣлаться пиратами. Онъ предложилъ Августу нѣсколько вопросовъ, которые тотъ не вполнѣ понялъ. Течь на кораблѣ увеличилась и мало надежды исправить поврежденіе, такъ какъ вода пробирается въ швы. Щель на носу заткнули парусомъ, послѣ этого течь уменьшилась и мы могли откачать воду.

8 іюля.—Легкій бризъ поднялся на разсвѣтѣ съ востока. Подшкиперъ направилъ бригъ къ юго-западу, къ Антильскимъ островамъ, имѣя въ виду осуществленіе своихъ разбойническихъ замысловъ. Ни Петерсъ, ни поваръ не стали спорить; но по крайней мѣрѣ, Августъ не слыхалъ возраженій съ ихъ стороны. Мысль о захватѣ корабля съ острововъ Зеленаго Мыса оставлена. Воду откачивала одна помпа, дѣйствуя по три четверти часа каждый часъ. Парусъ изъ носовой щели вынули. Въ теченіе дня окликнули двѣ небольшія шкуны.

9 іюля.—Прекрасная погода. Весь экипажъ занятъ починкой обшивки. Петерсъ снова имѣлъ продолжительный разговоръ съ Августомъ и на этотъ разъ объяснился откровеннѣе. Онъ сказалъ, что ни въ какомъ случаѣ не перейдетъ на сторону подшкипера; и даже намекнулъ, что не прочь отнять у него команду. Спросилъ, согласится-ли Августъ помогать ему, на что тотъ безъ колебаній отвѣчалъ «да». Тогда Петерсъ обѣщалъ повыспросить на этотъ счетъ остальныхъ и ушелъ. Въ этотъ день Августу не удалось поговорить съ нимъ еще разъ.

ГЛАВА VII.

10 іюля.—Окликнули корабль, шедшій изъ Ріо-де-Жанейро въ Норфолькъ. Погода пасмурная, легкій порывистый вѣтеръ съ востока. Сегодня умеръ Гартманъ Роджерсъ; съ нимъ сдѣлались судороги еще восьмого, послѣ стакана грога. Онъ принадлежалъ къ партіи повара и былъ самымъ надежнымъ помощникомъ Пе-

терса. Послѣдній сообщилъ Августу, что подозрѣваетъ подшкипера въ отравленіи Роджерса и ожидаетъ такой же участи для себя, если только не будетъ на сторожѣ. Теперь на его сторонѣ остались только Джонсъ и поваръ; къ противоположной партіи принадлежатъ пятеро. Онъ говорилъ Джонсу о своемъ намѣреніи отобрать команду у подшкипера; но такъ какъ этотъ проектъ былъ принятъ очень холодно, то онъ не рѣшился настаивать и не говорилъ объ этомъ съ поваромъ. И хорошо сдѣлалъ, потому что въ тотъ же день вечеромъ поваръ заявилъ о своемъ намѣреніи присоединиться къ подшкиперу и формально перешелъ на его сторону; а Джонсъ поссорился съ Петерсомъ и далъ ему понять, что подшкиперъ узнаетъ о его замыслахъ. Очевидно, нельзя было терять времени и Петерсъ объявилъ, что непремѣнно попытается завладѣть бригомъ, если только Августъ ему поможетъ. Мой другъ изъявилъ свое полное согласіе и счелъ этотъ моментъ удобнымъ, чтобы сообщить о моемъ присутствіи на бригѣ. Метисъ былъ не столько удивленъ, сколько обрадованъ этимъ извѣстіемъ, такъ какъ не разсчитывалъ на Джонса, который, очевидно, гнулъ на сторону подшкипера. Затѣмъ они сошли въ каюту; Августъ позвалъ меня, и мы познакомились съ Петерсомъ. Рѣшено было, что мы попытаемся овладѣть кораблемъ при первомъ удобномъ случаѣ, не принимая Джонса въ сообщники. Въ случаѣ успѣха высадимся въ ближайшемъ портѣ. Ссора съ товарищами лишала Петерса возможности предпринять плаваніе по Тихому Океану—немыслимое безъ экипажа,—но онъ разсчитывалъ избавиться отъ суда по невмѣняемости (онъ клялся всѣми святыми, что принялъ участіе въ бунтѣ подъ вліяніемъ помѣшательства) или, въ случаѣ осужденія, испросить помилованіе на основаніи заявленій Августа и моихъ. Наше совѣщаніе было прервано крикомъ: — всѣ наверхъ крѣпить паруса, заставившимъ Августа и Петерса броситься на палубу.

По обыкновенію команда была пьяна, и не успѣла убрать паруса, какъ сильный шквалъ положилъ корабль на бимсы. Однако, онъ выпрямился, черпнувъ порядкомъ воды. Едва успѣли привести все въ порядокъ, налетѣлъ новый шквалъ, тамъ еще—эти, впрочемъ, не причинили вреда. По всему было видно, что собирается буря, и точно: скоро поднялся страшный вѣтеръ съ сѣверо-запада. Паруса были убраны какъ можно тщательнѣе, и мы, по обыкновенію, легли въ дрейфъ съ однимъ фокъ-зейлемъ. Къ ночи вѣтеръ и волненіе усилились. Петерсъ съ Августомъ вернулись въ переднюю каюту и мы продолжали наше совѣщаніе.

Мы всѣ соглашались, что настоящая минута — самая благопріятная для осуществленія нашихъ замысловъ, тѣмъ болѣе, что именно теперь никто не могъ ожидать какой-либо попытки въ этомъ

родѣ съ нашей стороны. Паруса были убраны, слѣдовательно, не было надобности маневрировать до наступленія хорошей погоды, а тогда, въ случаѣ успѣха нашей попытки, мы могли бы освободить одного или двухъ изъ нашихъ противниковъ, съ условіемъ помочь намъ провести корабль въ портъ. Главное затрудненіе заключалось въ неравенствѣ силъ. Насъ было трое противъ девяти. Все оружіе находилось въ ихъ распоряженіи, кромѣ пары пистолетовъ, которые припряталъ Петерсъ, и большого матросскаго ножа, съ которымъ онъ никогда не разставался. По нѣкоторымъ признакамъ—напримѣръ, по тому, что всѣ топоры и ганшпуги были спрятаны—мы догадывались, что подшкиперъ подозрѣвалъ Петерса и слѣдовательно не упуститъ случая отдѣлаться отъ него. Ясно было, что намъ давно пора приняться за осуществленіе нашего плана. Но шансы на успѣхъ были такъ слабы, что требовалась крайняя осторожность.

Петерсъ предложилъ слѣдующій планъ: онъ отправится наверхъ, заведетъ разговоръ съ вахтеннымъ (Алленъ) и постарается безъ шума спровадить его за бортъ; затѣмъ мы выйдемъ на палубу, вооружимся чѣмъ попало, и займемъ люкъ, прежде чѣмъ наши враги подумаютъ о сопротивленіи. Я возражалъ противъ этого плана, такъ какъ не думалъ, что подшкиперъ (человѣкъ очень ловкій во всемъ, что не касалось его предразсудковъ) такъ легко попадется въ ловушку. Одно то обстоятельство, что на палубѣ былъ поставленъ вахтенный, доказывало, что нашъ врагъ на чеку—вахтенныхъ не ставятъ, когда корабль лежитъ въ дрейфѣ, развѣ на такихъ судахъ, гдѣ царствуетъ строжайшая дисциплина. Такъ какъ я пишу главнымъ образомъ, если не исключительно, для лицъ, совершенно незнакомыхъ съ мореплаваніемъ, то считаю не лишнимъ сдѣлать кое-какія поясненія. «Ложиться въ дрейфъ» — мѣра, принимаемая при различныхъ обстоятельствахъ и на разный ладъ. Въ хорошую погоду это дѣлается для того, чтобы остановить корабль—дождаться другого судна и т. п. Но мы имѣемъ въ виду дрейфованіе при сильномъ вѣтрѣ. Это дѣлается, когда вѣтеръ противный и слишкомъ силенъ, чтобы можно было поднять паруса, не рискуя опрокинуться; иногда и при попутномъ вѣтрѣ, но сильномъ волненіи. Если корабль идетъ на фордевиндъ при сильномъ волненіи, то много вреда ему приносятъ толчки и захлестываніе воды черезъ корму. Поэтому въ такихъ случаяхъ почти всегда убираютъ паруса. Если корабль далъ течь, то его нерѣдко оставляютъ подъ парусами даже при сильнѣйшемъ волненіи, такъ какъ при дрейфѣ трещины расширяются сильнѣе, чѣмъ на ходу. Часто также оказывается необходимымъ пустить корабль на фордевиндъ, потому что ураганъ грозитъ изорвать на

клочки парусъ, съ помощью котораго корабль направляютъ носомъ къ вѣтру, или вовсе нельзя исполнить этого послѣдняго и важнѣйшаго маневра вслѣдствіе какихъ-либо недостатковъ въ конструкціи корабля.

Корабли при вѣтрѣ ложатся въ дрейфъ на различный ладъ, сообразно своей конструкціи. Иные съ помощью фокъ-зейля, и, кажется, этотъ парусъ употребляется чаще всѣхъ. На большихъ судахъ съ четырехъугольными парусами имѣются для этой цѣли особые паруса, такъ называемые штурмовые стаксели. Иногда поднимаютъ кливеръ, или кливеръ и фокъ-зейль, или фокъ-зейль, или фокъ зейль на двойныхъ рифахъ, нерѣдко пользуются и задними парусами. Парусъ на форъ-марсѣ часто лучше всѣхъ другихъ удовлетворяетъ этому назначенію. На «Грампусѣ» пользовались фокъ зейлемъ, взявъ его на всѣ рифы.

Собираясь лечь въ дрейфъ, поворачиваютъ корабль носомъ къ вѣтру, такъ чтобы парусъ надувался вѣтромъ, будучи положенъ на стеньгу, то есть поставленъ діагонально поперекъ корабля. Разъ это сдѣлано, носъ уклоняется лишь на нѣсколько градусовъ отъ линіи направленія вѣтра, и сторона носа, обращенная къ вѣтру, должна выдерживать главный напоръ волнъ. Въ такомъ положеніи хорошій корабль выдержитъ очень сильный ураганъ, не зачерпнувъ ни капли воды и не требуя особенныхъ заботъ со стороны экипажа. Руль обыкновенно принайтовываютъ, но въ этомъ нѣтъ надобности (если не обращать вниманія на шумъ, производимый оставленнымъ на свободѣ рулемъ), потому что онъ и безъ того не имѣетъ значенія для судна, лежащаго въ дрейфѣ. Даже лучше оставить его на свободѣ, потому что въ этомъ случаѣ волнамъ не такъ легко сорвать его. Пока цѣлъ парусъ, корабль хорошей постройки будетъ сохранять свое положеніе и выдерживать сильнѣйшее волненіе, какъ существо, одаренное жизнью и разумомъ. Но если вѣтеръ изорветъ парусъ (это случается обыкновенно лишь при сильнѣйшемъ ураганѣ), тогда положеніе становится очень опаснымъ. Корабль уклоняется отъ вѣтра и становится игрушкой волнъ; единственное средство въ такихъ случаяхъ—направить его противъ вѣтра съ помощью какого-нибудь другого паруса. Иные корабли ложатся въ дрейфъ вовсе безъ парусовъ; но на нихъ нельзя полагаться.

Но вернемся къ разсказу. Раньше подшкиперъ не ставилъ вахтеннаго, когда корабль ложился въ дрейфъ, и отступленіе отъ этого правила, въ связи съ отсутствіемъ топоровъ и ганшпуговъ, заставляло насъ думать, что противники на сторожѣ и врядъ-ли попадутся въ расплохъ. Однако, необходимо было на что-нибудь рѣшиться, и какъ можно скорѣе, такъ какъ, если подозрѣніе про-

тивъ Петерса уже возникло, то, несомнѣнно, его попытаются укокошить при первомъ удобномъ случаѣ, а случай, конечно, представится во время бури.

Августъ замѣтилъ было, что, если Петерсъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ сдвинетъ цѣпь съ трапа въ каютѣ Августа, то мы можемъ пробраться туда черезъ трюмъ; но минутное размышленіе убѣдило насъ, что при такой качкѣ и тряскѣ подобная попытка неосуществима.

Къ счастью, у меня явилась наконецъ мысль подѣйствовать на суевѣрный страхъ и преступную совѣсть подшкипера. Какъ уже извѣстно читателю, утромъ скончался одинъ матросъ, Гартманъ Роджерсъ, заболѣвшій два дня тому назадъ, выпивъ стаканъ грогу. Петерсъ увѣрялъ, что его отравилъ подшкиперъ, и что у него, Петерса, есть на это несомнѣнныя доказательства. Какія именно, онъ не пожелалъ сообщить намъ, что, впрочемъ, вполнѣ согласовалось съ его страннымъ характеромъ. Во всякомъ случаѣ, существовали эти доказательства или нѣтъ, мы вполнѣ раздѣляли подозрѣнія Петерса, и сообразно съ этимъ рѣшились дѣйствовать.

Роджерсъ умеръ часовъ въ одиннадцать утра, въ страшныхъ судорогахъ; и тѣло его, спустя нѣсколько минутъ послѣ смерти, приняло самый страшный и отвратительный видъ, какой только можно себѣ представить. Животъ страшно вздулся, какъ у утопленника, пробывшаго подъ водой нѣсколько недѣль. Руки тоже распухли, тогда какъ лицо скорчилось, съежилось и приняло мѣловой оттѣнокъ, за исключеніемъ двухъ или трехъ яркокрасныхъ пятенъ, какія бываютъ при рожѣ; одно изъ нихъ проходило наискось черезъ все лицо, совершенно закрывая глазъ, точно повязка изъ краснаго бархата. Въ такомъ безобразномъ состояніи тѣло было перенесено изъ каюты на палубу съ тѣмъ, чтобы бросить его въ море, когда подшкиперъ, увидавъ трупъ (до сихъ поръ онъ не видалъ его) и терзаемый угрызеніями совѣсти, или пораженный ужасомъ при видѣ такого страшнаго зрѣлища, велѣлъ зашить покойника въ койку и похоронить, какъ это принято на морѣ.

Отдавъ распоряженіе, онъ ушелъ внизъ, чтобы не видѣть тѣла. Пока матросы исполняли его приказаніе, налетѣлъ шквалъ и погребеніе было отложено. Тѣло, брошенное на произволъ судьбы, попало въ жолобъ бакборда, гдѣ и оставалось въ то время, о которомъ я разсказываю. Обсудивъ нашъ планъ, мы немедленно принялись за его осуществленіе. Петерсъ вышелъ на палубу, гдѣ сейчасъ же наткнулся на Аллена, сторожившаго, повидимому, скорѣе переднюю каюту, чѣмъ бригъ. Судьба этого негодяя, впрочемъ, скоро свершилась; подойдя къ нему съ беззаботнымъ видомъ, Петерсъ, неожиданно, схватилъ его за горло, и прежде чѣмъ тотъ

успѣлъ пикнуть, выбросилъ за бортъ. Затѣмъ онъ кликнулъ насъ и мы поднялись наверхъ. Прежде всего мы стали искать какого-нибудь оружія, что представляло не мало затрудненій, такъ какъ на палубѣ можно было стоять, только ухватившись за что-нибудь, и волны то и дѣло перекатывались черезъ нее. Въ то же время необходимо было торопиться, такъ какъ подшкиперъ каждую минуту могъ выслать людей къ помпамъ. Мы не нашли ничего, кромѣ двухъ ручекъ отъ насоса; одну взялъ Августъ, другую я. Затѣмъ мы сняли рубашку съ покойника и выбросили тѣло за бортъ. Послѣ этого я и Петерсъ вернулись внизъ, а Августъ остался на палубѣ, ставъ на мѣсто Аллена и, повернувшись спиной къ каютѣ, чтобы шайка подшкипера не могла узнать его сразу, если вздумаетъ подняться наверхъ.

Спустившись въ каюту, я немедленно переодѣлся, стараясь нарядиться покойникомъ. Рубашка, снятая съ трупа, очень пригодилась при этомъ, такъ какъ была страннаго, бросающагося въ глаза фасона,—родъ блузы, которую покойный надѣвалъ поверхъ прочей одежды,—голубая съ бѣлыми шнурками. Надѣвъ ее, я устроилъ себѣ съ помощью постельнаго бѣлья громадное брюхо, въ подражаніе ужасному раздувшемуся животу трупа. Затѣмъ придалъ соотвѣтственный видъ рукамъ, надѣвъ бѣлыя шерстяныя перчатки и набивъ ихъ тряпьемъ. Послѣ этого Петерсъ разрисовалъ мнѣ физіономію, натеревъ ее мѣломъ и запачкавъ кровью, которую добылъ изъ собственнаго пальца. Полоса, проходившая черезъ глазъ, не была забыта и придавала лицу самый ужасный видъ.

ГЛАВА VIII.

Когда я поглядѣлъ на себя въ осколокъ зеркала при тускломъ свѣтѣ фонаря, мной овладѣлъ такой ужасъ при видѣ моей наружности и при воспоминаніи объ ужасномъ предметѣ, который я копировалъ, что я задрожалъ какъ листъ и готовъ былъ отказаться отъ своей роли. Но колебаться не приходилось и мы съ Петерсомъ отправились на палубу.

Тутъ все обстояло благополучно, и мы поползли, придерживаясь за бортъ, къ лѣстницѣ въ главную каюту. Трапъ былъ притворенъ, но не совсѣмъ: на верхней ступенькѣ лѣстницы лежали дрова, не позволявшіе захлопнуть его вплотную. Заглянувъ въ щель, мы легко могли осмотрѣть внутренность каюты. Хорошо, что мы не вздумали захватить шайку въ расплохъ: они очевидно приготовились къ нападенію. Только одинъ спалъ у самой лѣстницы, положивъ подъ рукою заряженное ружье. Остальные сидѣли на матра-

цахъ, вынутыхъ изъ коекъ и разложенныхъ на полу. Они были заняты какимъ-то серьезнымъ разговоромъ и, судя по пустымъ бутылкамъ и оловяннымъ кружкамъ, разбросаннымъ на полу, проводили время весело, однако, не казались особенно пьяными. Ножи, пистолеты и цѣлая куча ружей лежали на койкѣ подъ рукою.

Мы прислушивались къ ихъ разговору, не зная, что предпринять, такъ какъ еще не выработали планъ дѣйствій, рѣшившись только напугать ихъ привидѣніемъ Роджерса. Они обсуждали свои пиратскіе замыслы; насколько мы могли понять, у нихъ явился новый планъ: соединиться съ экипажемъ какой-то шкуны «Шершень», овладѣть, если возможно, этой шкуной, а затѣмъ пуститься въ болѣе крупное предпріятіе, характеръ котораго оставался для насъ неяснымъ.

Одинъ изъ матросовъ завелъ рѣчь о Петерсѣ, а другой отвѣчалъ ему шепотомъ и въ заключеніе прибавилъ громко, что онъ «не понимаетъ, что такое они дѣлаютъ на бакѣ съ капитанскимъ отродьемъ и что хорошо бы поскорѣе спровадить обоихъ за бортъ». Отвѣта не послѣдовало, но мы не могли не замѣтить, что предложеніе пришлось по душѣ компаніи, въ особенности Джонсу. Я былъ крайне взволнованъ, тѣмъ болѣе, что ни Августъ, ни Петерсъ, повидимому, не знали, что предпринять. Во всякомъ случаѣ я рѣшился продать жизнь какъ можно дороже и не поддаваться страху.

Страшный шумъ вѣтра, завывавшаго въ снастяхъ, и валовъ, перекатывавшихся черезъ палубу, заглушалъ слова матросовъ; мы могли разобрать ихъ только урывками, въ минуты затишья. Въ одну изъ такихъ минутъ мы ясно услышали, какъ подшкиперъ приказалъ матросу «сходить и посмотрѣть, что дѣлаютъ эти проклятые бездѣльники и велѣть имъ явиться въ каюту, такъ какъ онъ, подшкиперъ, не намѣренъ допускать секретовъ у себя на бригѣ». Къ счастью для насъ, качка въ эту минуту была такъ сильна, что приказаніе не могло быть исполнено немедленно. Поваръ поднялся было на ноги, но страшный толчокъ швырнулъ его въ дверь сосѣдней каюты, причинивъ немалую суматоху. Мы коекакъ удержались на мѣстахъ и успѣли добраться до бака, прежде чѣмъ посланный явился,—то есть, высунулъ голову изъ люка, — такъ какъ на палубу онъ не выходилъ. Замѣтивъ на вахтѣ человѣческую фигуру и принявъ ее за Аллена, онъ во все горло передалъ ему распоряженіе подшкипера. Петерсъ, измѣнивъ голосъ, отвѣчалъ:—Ладно!—и поваръ спустился обратно, въ увѣренности, что все обстоитъ благополучно.

Послѣ этого мои товарищи смѣло отправились въ капитанскую каюту. Подшкиперъ принялъ ихъ съ притворнымъ радушіемъ и

сказалъ Августу, что въ виду его хорошаго поведенія онъ можетъ помѣститься въ каютѣ. Затѣмъ онъ протянулъ имъ кружку, до половины наполненную ромомъ и предложилъ выпить. Все это я видѣлъ и слышалъ въ щель трапа. Я захватилъ съ собой обѣ ручки отъ насоса и держалъ ихъ на готовѣ.

Я старался какъ можно внимательнѣе слѣдить за тѣмъ, что происходило внизу, чтобы не упустить момента и спуститься въ каюту по сигналу Петерса. Онъ между тѣмъ завелъ рѣчь о кровавыхъ событіяхъ возстанія и мало по малу перешелъ къ безчисленнымъ суевѣріямъ, распространеннымъ среди моряковъ. Я не могъ разобрать его рѣчей, но по лицамъ присутствовавшихъ видѣлъ, что этотъ разговоръ произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе. Подшкиперъ былъ очевидно взволнованъ, а когда одинъ изъ матросовъ упомянулъ объ ужасномъ видѣ трупа Роджерса, онъ казался близкимъ къ обмороку. Петерсъ обратился къ нему съ вопросомъ, не лучше-ли выбросить трупъ за бортъ, чтобы избавиться отъ ужаснаго зрѣлища. На это негодяй не могъ даже отвѣтить, задыхаясь отъ волненія, и только обвелъ глазами присутствующихъ, точно умоляя ихъ исполнить предложеніе Петерса. Никто, однако, не шевельнулся, по лицамъ было видно, что нервы у всѣхъ напряжены до послѣдней степени. Петерсъ подалъ мнѣ знакъ. Я тотчасъ открылъ трапъ и, безмолвно спустившись по лѣстницѣ, появился среди собесѣдниковъ.

Впечатлѣніе, произведенное этимъ внезапнымъ появленіемъ, не покажется удивительнымъ, если принять въ соображеніе данныя обстоятельства. Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ у зрителя остается искра сомнѣнія въ реальности призрака; тѣнь надежды,—хотя бы самой слабой,—что его дурачатъ, что передъ нимъ ряженый, а не житель загробнаго міра. Можно смѣло сказать, что это смутное подозрѣніе является почти неизбѣжно, что потрясающее впечатлѣніе подобныхъ случаевъ зависитъ скорѣе отъ сомнѣнія—ч т о е с л и э т о в ъ с а м о м ъ д ѣ л ѣ п р и з р а к ъ?—чѣмъ отъ непоколебимой вѣры въ его реальность. Но въ настоящемъ случаѣ у бунтовщиковъ не могло быть и тѣни сомнѣнія въ томъ, что явившаяся передъ ними фигура—ожившій трупъ Роджерса или, по крайней мѣрѣ, его призракъ. Изолированное положеніе брига, его недоступность вслѣдствіе урагана, оставляли такъ мало мѣста для обмана, что онъ долженъ былъ казаться невозможнымъ командѣ. Въ теченіе двадцати четырехъ дней мы только перекликались изрѣдка съ другими судами. Вся команда собралась въ каютѣ, за исключеніемъ Аллена; но его гигантскій ростъ (онъ былъ шести футовъ шести дюймовъ) слишкомъ намозолилъ глаза матросамъ, чтобы они хоть на секунду могли пред-

положить его въ появившейся фигурѣ. Прибавьте къ этому зловѣщій вой бури, характеръ разговора, затѣяннаго Петерсомъ, глубокое впечатлѣніе, произведенное отвратительнымъ видомъ трупа на воображеніе матросовъ, совершенство моей костюмировки, тусклый, трепетный свѣтъ фонаря, раскачивавшагося взадъ и впередъ,—и вы нисколько не удивитесь, что мое появленіе произвело даже болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ мы ожидали. Подшкиперъ вскочилъ съ матраца, на которомъ лежалъ,—и, не молвивъ слова, грохнулся замертво на полъ. Изъ остальныхъ семи только трое обнаружили нѣкоторое присутствіе духа. Четверо другихъ точно приросли къ полу—я въ жизнь свою не видѣлъ такой жалкой растерянности и ужаса. Мы встрѣтили сопротивленіе—да и то слабое и нерѣшительное—только со стороны повара, Джона Гента и Ричарда Паркера. Первыхъ двухъ Петерсъ застрѣлилъ немедленно, а я повалилъ Паркера ударомъ ручки отъ насоса по головѣ. Тѣмъ временемъ Августъ схватилъ ружье, лежавшее на полу и выстрѣлилъ одному изъ бунтовщиковъ (Вильсону) въ грудь. Теперь оставалось только трое; но они успѣли нѣсколько оправиться и, можетъ быть, начинали догадываться объ обманѣ, по крайней мѣрѣ, дрались отчаянно, и только благодаря чудовищной силѣ Петерса намъ удалось одержать верхъ. Эти трое были: Джонсъ, Грили и Абсаломъ Гиксъ. Джонсъ повалилъ Августа на полъ, нанесъ ему нѣсколько ранъ въ правую руку и, вѣроятно, покончилъ бы съ нимъ (такъ какъ я и Петерсъ не могли сразу расправиться съ нашими противниками), еслибъ на выручку ему не явился другъ, на котораго мы вовсе не разсчитывали. Этимъ другомъ оказался Тигръ. Ринувшись въ каюту съ глухимъ рычаньемъ въ самую критическую для Августа минуту, онъ бросился на Джонса и въ одно мгновеніе повалилъ его на полъ. Однако, мой другъ былъ слишкомъ израненъ, чтобы явиться мнѣ на помощь, а меня крайне стѣснялъ мой костюмъ; собака же не выпускала Джонса. Но у Петерса хватило силы расправиться съ обоими оставшимися противниками и, конечно, онъ покончилъ бы съ ними еще быстрѣе, если бъ не страшная качка корабля и тѣснота помѣщенія. Онъ схватилъ тяжелую скамейку и размозжилъ голову Грили, когда тотъ прицѣлился въ меня изъ ружья; затѣмъ, сильнымъ толчкомъ его отбросило къ Гиксу, котораго онъ схватилъ за горло и задушилъ почти мгновенно. Такимъ образомъ мы сдѣлались господами брига гораздо скорѣе, чѣмъ я разсказалъ.

Изъ нашихъ противниковъ оставался въ живыхъ только Ричардъ Паркеръ. Если помните, я повалилъ его ударомъ по головѣ въ самомъ началѣ схватки. Теперь онъ лежалъ недвижимо на полу каюты, но когда Петерсъ толкнулъ его ногой,—онъ заговорилъ,

умоляя о пощадѣ. Ударъ только оглушилъ его на время, но не ранилъ серьезно. Теперь онъ очнулся и мы для безопасности скрутили ему руки на спину. Собака все еще рычала, ухвативъ Джонса за горло; осмотрѣвъ его, мы убѣдились, что онъ умеръ; кровь ручьемъ струилась изъ глубокой раны, нанесенной острыми зубами Тигра.

Былъ часъ пополуночи, и буря все еще страшно бушевала. Бригъ, очевидно, слишкомъ отяжелѣлъ; необходимо было его облегчить. Почти съ каждой волной онъ черпалъ воду, которая проникла и въ каюту, такъ какъ я оставилъ открытымъ трапъ. Обшивку праваго борта сорвало, также шлюпку на кормѣ. Скрипъ и трескъ гротъ-мачты доказывали, что и она не долго продержится. Чтобы выгадать побольше мѣста въ нижнемъ трюмѣ, основаніе мачты было укрѣплено между верхней и нижней палубами (самый скверный способъ установки мачтъ, практикуемый иногда плохими судостроителями), такъ что она грозила вылетѣть изъ степса. Къ довершенію бѣдъ мы набрали воды на семь футовъ.

Оставивъ тѣла убитыхъ въ каютѣ, мы немедленно взялись за помпы.—Паркера тоже развязали и заставили приняться за работу. Августу перевязали, какъ умѣли, израненную руку и онъ дѣлалъ все, что могъ, то есть очень мало. Во всякомъ случаѣ мы убѣдились, что можемъ справиться съ течью, работая безпрерывно. Такъ какъ насъ было всего четверо, то работа оказалась тяжелой, но мы старались не падать духомъ и съ безпокойствомъ ожидали разсвѣта, когда надѣялись облегчить бригъ, срубивъ гротъ-мачту.

Такимъ образомъ мы провели ночь въ страшной тревогѣ и утомительной работѣ, а когда разсвѣло, буря не только не ослабѣла, но, повидимому, и не собиралась ослабѣвать. Мы вытащили тѣла на палубу и выбросили ихъ за бортъ. Нашей ближайшей задачей было срубить гротъ-мачту. Послѣ необходимыхъ приготовленій Петерсъ принялся рубить мачту (топоры онъ досталъ въ каютѣ). Такъ какъ корабль страшно накренялся въ подвѣтренную сторону, то рѣшено было обрубить тали съ навѣтреннаго борта, послѣ чего вся масса дерева и снастей рухнула въ море, не причинивъ существеннаго вреда бригу. Корабль нѣсколько облегчился, но наше положеніе все-таки оставалось крайне затруднительнымъ и, не смотря на всѣ наши усилія, мы не успѣвали откачивать воду, работая на двухъ помпахъ. Августъ почти не могъ помогать намъ. Въ довершеніе всего сильное волненіе вывело бригъ изъ его прежняго положенія и, прежде чѣмъ онъ успѣлъ установиться какъ слѣдуетъ, новый валъ положилъ его плашмя. Балластъ скатился на подвѣтренную сторону (грузъ

давно швыряло туда и сюда) и въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній мы были увѣрены, что опрокинемся. Наконецъ, бригъ нѣсколько выпрямился, но балластъ по прежнему оставался ближе къ бакборту и мы черпали столько воды, что помпы оказывались совершенно безполезными, тѣмъ болѣе, что и руки наши почти онѣмѣли, потрескались и сочились кровью.

Вопреки совѣту Паркера, мы рѣшились срубить фокъ-мачту и съ большимъ трудомъ исполнили эту работу. Падая за бортъ, она сорвала бушпритъ, такъ что отъ нашего корабля остался только голый корпусъ.

До сихъ поръ мы могли утѣшаться хоть тѣмъ, что у насъ уцѣлѣла большая шлюпка, совершенно не поврежденная бурей. Но не долго пришлось намъ утѣшаться; послѣ того, какъ фокъ-мачта рухнула за бортъ вмѣстѣ съ фокъ-зейлемъ, конечно, съ помощью котораго мы могли бы сохранять надлежащее положеніе, бригъ сдѣлался игрушкой волнъ и не прошло нѣсколькихъ минутъ, какъ онѣ очистили палубу до гола, смывъ шлюпку, сорвавъ лѣвый бортъ и даже разбивъ въ дребезги воротъ. Словомъ, мы очутились въ самомъ жалкомъ положеніи.

Къ полудню вѣтеръ началъ какъ будто утихать, но мы напрасно надѣялись: черезъ нѣсколько минутъ буря завыла съ удвоеннымъ бѣшенствомъ. Къ четыремъ часамъ вѣтеръ до того усилился, что не было никакой возможности держаться на ногахъ, а когда наступила ночь, я потерялъ всякую надежду, что бригъ устоитъ до утра.

Къ полночи мы сидѣли очень глубоко въ водѣ, доходившей теперь до нижней палубы. Вскорѣ затѣмъ сорвало руль страшнымъ валомъ, который поднялъ корму надъ водой, – спустя мгновеніе, корабль шлепнулся обратно съ такимъ грохотомъ, какой бываетъ при крушеніи. Мы разсчитывали, что руль выдержитъ до конца, потому что онъ отличался необыкновенной прочностью и особеннымъ устройствомъ, какого мнѣ не приходилось видѣть ни раньше, ни послѣ. Вдоль главнаго бруса шелъ рядъ крѣпкихъ желѣзныхъ крючьевъ, и такой же вдоль ахтеръ-штевня. Сквозь эти крючья проходилъ здоровый рычагъ кованой стали; руль, прикрѣпленный такимъ образомъ къ ахтеръ-штевню, свободно двигался на рычагѣ. О чудовищной силѣ волны, сорвавшей его, можно судить потому, что всѣ крючья ахтеръ-штевня, проходившіе насквозь и заклепанные на нижней сторонѣ, были вырваны изъ дерева начисто.

Не успѣли мы перевести духъ послѣ страшнаго толчка, какъ новый валъ обдалъ палубу, сорвалъ трапъ и наполнилъ корабль водой.

ГЛАВА IX.

Къ счастію, при наступленіи ночи мы привязали себя къ остаткамъ ворота и лежали на палубѣ плашмя. Эта предосторожность спасла насъ отъ гибели. Теперь насъ только ошеломила масса воды, схлынувшая, когда мы уже готовы были задохнуться. Отдышавшись, я окликнулъ товарищей. Мнѣ отвѣтилъ только Августъ словами: «Все кончено, да помилуетъ Богъ наши души». — Мало по малу оправились остальные двое и совѣтовали намъ не терять присутствія духа, такъ какъ еще оставалась надежда: грузъ былъ такого рода, что корабль не могъ утонуть, а къ утру буря, по всѣмъ вѣроятіямъ, должна была стихнуть. Эти слова вдохнули въ насъ новую жизнь. Странно: хотя я очень хорошо понималъ, что корабль, нагруженный пустыми бочками изъ подъ сала, не можетъ утонуть, но совершенно упустилъ это изъ вида и ожидалъ съ минуты на минуту, что мы пойдемъ ко дну. Ободрившись, я пользовался каждой удобной минутой, чтобы прикрѣпить себя получше къ брашпилю, и вскорѣ замѣтилъ, что мои товарищи заняты тѣмъ же самымъ. Ночь была чернѣе тюрьмы, а страшный вой, грохотъ и ревъ бушевавшаго моря не поддается никакому описанію. Наша палуба находилась на одномъ уровнѣ съ моремъ, точнѣе, мы были окружены грядой пѣны, которая то и дѣло заливала насъ. Безъ всякаго преувеличенія, — наши головы оставались надъ водой развѣ одну секунду изъ трехъ. Хотя мы лежали бокъ о бокъ, но не могли видѣть другъ друга, также какъ и самый бригъ, на которомъ насъ такъ страшно качало. По временамъ мы окликали другъ друга, стараясь поддержать надежду и ободрить того, кто падалъ духомъ. Августъ съ его израненной рукой былъ предметомъ нашего общаго безпокойства; онъ, понятно, не могъ привязать себя достаточно крѣпко, и мы каждую минуту ожидали, что его снесетъ за бортъ, а помочь ему рѣшительно не могли. Къ счастью, его положеніе было не такъ опасно, какъ наше: тѣло его защищалось обломкомъ брашпиля, значительно ослаблявшимъ силу валовъ. Не попади онъ на это мѣсто (совершенно случайно), ему, конечно, не сдобровать бы до утра. Положеніе корабля вообще благопріятствовало намъ. Какъ я уже говорилъ, онъ сильно накренился на лѣвый бортъ, такъ что палуба почти до половины находилась въ водѣ. При такомъ положеніи брига волны, ударявшія въ правый бортъ, разбивались, не достигая до насъ, а поднимавшіяся слѣва, не могли причинить намъ особеннаго вреда вслѣдствіе нашего положенія.

Въ такомъ отчаянномъ состояніи мы дожидались разсвѣта,

который только еще яснѣе обнаружилъ передъ нами окружавшіе насъ ужасы. Бригъ превратился въ простое бревно, носившееся туда и сюда по прихоти волнъ; вѣтеръ усиливался, превратившись въ настоящій ураганъ, и для насъ не оставалось, повидимому, никакой надежды на спасеніе. Нѣсколько часовъ мы пролежали молча, съ минуты на минуту ожидая, что веревки, привязывавшія насъ къ брашпилю, лопнутъ, или остатки самого брашпиля будутъ смыты за бортъ, или какой-нибудь изъ гигантскихъ валовъ, вздымавшихся вокругъ насъ и надъ нами, окунетъ корпусъ брига такъ глубоко, что мы захлебнемся, прежде чѣмъ вынырнемъ. Но милосердіемъ Божіимъ мы избавились отъ такой участи, а около полудня выглянуло и пригрѣло насъ благодатное солнце. Вскорѣ затѣмъ вѣтеръ значительно ослабѣлъ, и Августъ, заговоривъ въ первый разъ со вчерашняго вечера, спросилъ у Петерса, лежавшаго рядомъ съ нимъ, надѣется-ли онъ на спасеніе. Метисъ не отвѣчалъ, и мы подумали было, что онъ захлебнулся; однако, спустя нѣкоторое время онъ заговорилъ къ великой нашей радости, хотя очень слабымъ голосомъ, жалуясь на нестерпимую боль отъ веревокъ, которыя врѣзались ему въ животъ. Онъ увѣрялъ, что если не разрѣжетъ ихъ, то умретъ, такъ какъ не въ силахъ выносить болѣе. Это очень огорчило насъ, но помочь ему не было возможности, пока волны перекатывались черезъ палубу. Мы уговаривали его потерпѣть, обѣщая помочь при первой возможности. Онъ отвѣчалъ, что скоро будетъ поздно; что онъ умретъ прежде, чѣмъ мы успѣемъ помочь ему; а затѣмъ, постонавъ нѣсколько минутъ, умолкъ, изъ чего мы заключили, что онъ умеръ. Къ вечеру море стихло настолько, что валы набѣгали на судно приблизительно каждыя пять минутъ, не чаще; вѣтеръ тоже значительно ослабѣлъ, хотя все еще давалъ себя чувствовать. Я не слышалъ моихъ товарищей въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, и теперь окликнулъ Августа. Онъ отвѣчалъ, но очень невнятно, такъ что я не могъ разобрать его словъ. Я обратился къ Петерсу и Паркеру, но ни тотъ, ни другой не отвѣтили.

Вскорѣ послѣ этого я впалъ въ состояніе полузабытья, полнаго самыхъ очаровательныхъ видѣній: мнѣ грезились зеленыя деревья, волнующіяся нивы, хороводы танцующихъ дѣвушекъ, группы всадниковъ и тому подобныя картины. Какъ я припоминаю теперь, господствующей чертой ихъ было движеніе. Мнѣ ни разу не пригрезился неподвижный предметъ, напр., домъ, или гора, или что-нибудь подобное; передо мной безконечной вереницей проносились вѣтряныя мельницы, корабли, огромныя птицы, воздушные шары, всадники, экипажи, мчавшіеся во весь опоръ. Когда я очнулся, солнце уже поднялось довольно высоко; на-

сколько я могъ сообразить, прошелъ уже часъ послѣ восхода. Мнѣ стоило не малыхъ усилій сообразить, гдѣ я и что со мной, и въ теченіе нѣкотораго времени я былъ въ полной увѣренности, что лежу въ трюмѣ подлѣ ящика бокъ о бокъ съ Тигромъ, за котораго я принималъ тѣло Паркера.

Наконецъ, очнувшись совершенно, я убѣдился, что вѣтеръ утихъ и море почти успокоилось. Моя лѣвая рука отвязалась отъ брашпиля и была сильно ушиблена повыше локтя; правая совсѣмъ онѣмѣла, а кисть страшно распухла отъ веревки. Другая веревка, которую я обвязалъ вокругъ таліи, тоже затянулась и причиняла мнѣ жестокія страданія. Взглянувъ на своихъ товарищей, я убѣдился, что Петерсъ еще живъ, хотя веревка до такой степени перетянула ему животъ, что, казалось, перерѣзала его пополамъ; когда я пошевелился, онъ сдѣлалъ слабое движеніе рукой, указывая на веревку. Августъ не подавалъ признаковъ жизни и лежалъ скорчившись на обломкѣ брашпиля. Паркеръ спросилъ, хватитъ-ли у меня силы освободить его отъ путъ, прибавивъ, что я долженъ постараться сдѣлать это, иначе мы всѣ погибнемъ. Я сказалъ, что постараюсь помочь ему; пусть только онъ потерпитъ. Затѣмъ я досталъ изъ кармана перочинный ножъ и послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ успѣлъ таки открыть его. Послѣ этого перерѣзалъ лѣвой рукой веревку на правой, а тамъ и всѣ свои путы. Но попытавшись встать, я убѣдился, что ноги не слушаются меня, какъ и правая рука. Когда я сказалъ объ этомъ Паркеру, онъ посовѣтовалъ мнѣ полежать нѣсколько минутъ спокойно, придерживаясь лѣвой рукой за брашпиль, пока не возстановится кровообращеніе. Я такъ и сдѣлалъ и вскорѣ онѣмѣніе стало проходить, такъ что сначала я пошевелилъ одной ногой, потомъ другой, а затѣмъ и правой рукой. Тогда я подползъ къ Паркеру и перерѣзалъ его веревки, послѣ чего онъ тоже вскорѣ получилъ способность владѣть своими членами. Теперь мы поспѣшили освободить Петерса. Веревка разрѣзала его шерстяныя панталоны, обѣ рубашки, и впилась въ пахъ, откуда кровь такъ и хлынула, когда мы перерѣзали, наконецъ, его узы. Но лишь только мы освободили его, онъ заговорилъ и, повидимому, сразу почувствовалъ сильное облегченіе, двигаясь гораздо свободнѣе, чѣмъ мы, вѣроятно, вслѣдствіе кровотеченія.

Мы не надѣялись привести въ чувство Августа, такъ какъ онъ не подавалъ признаковъ жизни. Но, осмотрѣвъ его, мы убѣдились, что онъ только лишился чувствъ отъ потери крови, такъ какъ вода смыла перевязки съ его ранъ. Веревки, привязывавшія его къ брашпилю, были затянуты такъ слабо, что не могли причинить смерти. Отвязавъ и вытащивъ тѣло изъ подъ обломковъ брашпи-

ля, мы перетащили его на сухое мѣсто, положили такъ, чтобы голова приходилась нѣсколько ниже туловища, и принялись растирать. Спустя полчаса, онъ пришелъ въ себя, но долго еще, до слѣдующаго утра, не узнавалъ насъ и не могъ говорить. Пока мы освобождались отъ своихъ узъ, наступилъ вечеръ и снова стали собираться тучи, такъ что мы опять пришли въ отчаяніе: поднимись теперь ураганъ, намъ бы, конечно, не сдобровать. Къ счастію, вѣтеръ всю ночь оставался слабымъ, и море мало по малу успокоивалось, воскрешая въ насъ надежду на спасеніе. Легкій вѣтерокъ по прежнему дулъ съ NW, но погода была довольно теплая. Мы хорошенько привязали Августа къ брашпилю, чтобы онъ не скатился за бортъ при качкѣ брига, такъ какъ держаться онъ не могъ отъ слабости. Мы же могли обойтись безъ этой мѣры предосторожности. Мы усѣлись поплотнѣе въ кучку и держались за веревки, привязанныя къ брашпилю, толкуя, какимъ способомъ избавиться отъ нашего ужаснаго положенія. Много облегчила насъ возможность снять и высушить платье. Это замѣчательно согрѣло и ободрило насъ. Августу мы тоже помогли раздѣться и выжали его платье, послѣ чего онъ почувствовалъ сильное облегченіе.

Больше всего терзали насъ голодъ и жажда, и когда мы думали, какъ помочь этой бѣдѣ, то начинали сожалѣть, что насъ не постигла болѣе легкая смерть въ волнахъ. Мы, однако, старались утѣшить себя надеждой, что какой-нибудь корабль замѣтитъ насъ во время, и уговаривали другъ друга не поддаваться унынію.

Наконецъ, забрезжило утро четырнадцатаго іюля; погода по прежнему стояла ясная и теплая, съ свѣжимъ, но легкимъ вѣтеркомъ съ NW. Море успокоилось совершенно и, такъ какъ бригъ нѣсколько выпрямился и палуба обсохла, то мы могли двигаться по ней довольно свободно. Мы ничего не ѣли и не пили болѣе трехъ сутокъ; необходимо было попытаться достать что-нибудь снизу. Но бригъ былъ такъ переполненъ водой, что попытка не обѣщала успѣха. Мы устроили нѣчто въ родѣ драги, изъ двухъ деревяшекъ, связанныхъ крестъ на крестъ, вколотивъ въ нихъ нѣсколько гвоздей, которые нашлись въ обломкахъ трапа. Привязавъ эту штуку къ веревкѣ, мы закинули ее въ каюту и волочили взадъ и впередъ съ слабой надеждой выловить что-нибудь съѣдобное. Въ этой работѣ мы провели большую часть утра, но поймали только нѣсколько одѣялъ, зацѣпившихся за гвозди. Да и трудно было разсчитывать на большій успѣхъ съ такимъ неуклюжимъ снарядомъ.

Мы попытались выловить что-нибудь изъ передней каюты, и съ такимъ же успѣхомъ, такъ что совсѣмъ было пришли въ отчаяніе, когда Петерсъ вздумалъ спуститься въ каюту, обвязав-

шись веревкой. Мы, конечно, съ радостью приняли этотъ проектъ, оживившій наши надежды. Онъ тотчасъ же скинулъ съ себя все кромѣ панталонъ и мы обвязали его веревкой вокругъ таліи и черезъ плечо, такъ что она никоимъ образомъ не могла соскользнуть. Предпріятіе, во всякомъ случаѣ, было трудное и опасное; такъ какъ, не найдя провіанта въ каютѣ—что было весьма вѣроятно—пришлось бы пробираться подъ водой по узкому проходу въ десять или двѣнадцать футовъ длиной, въ кладовую, добыть въ ней съѣстныхъ припасовъ и такимъ же порядкомъ вернуться обратно.

Обвязавшись веревкой, Петерсъ спустился въ каюту по лѣстницѣ, пока вода не дошла ему до подбородка, затѣмъ нырнулъ, головой внизъ, стараясь пробраться направо, къ кладовой. Первая попытка, однако, оказалась совершенно безуспѣшной. Не прошло полминуты, какъ онъ сильно дернулъ за веревку (сигналъ, по которому мы должны были вытаскивать его). Мы тотчасъ потащили его вонъ, но такъ неосторожно, что онъ жестоко ушибся о лѣстницу. Онъ ничего не досталъ и не могъ пробраться по корридору, такъ какъ вода поднимала его вверхъ, къ палубѣ. Онъ явился наверхъ въ изнеможеніи и отдыхалъ добрыхъ четверть часа, прежде чѣмъ рѣшился на вторичную попытку.

Эта послѣдняя увѣнчалась еще меньшимъ успѣхомъ; Петерсъ оставался подъ водой такъ долго, не подавая сигнала, что мы, наконецъ, встревожились и вытащили его почти безъ чувствъ. Оказалось, что онъ нѣсколько разъ дергалъ веревку, но мы не слыхали сигнала, по всей вѣроятности оттого, что веревка зацѣпилась за перила лѣстницы. Эти перила такъ мѣшали намъ, что мы рѣшились обломать ихъ, а потомъ уже приступить къ дальнѣйшимъ попыткамъ. Такъ какъ у насъ не было другого орудія кромѣ собственныхъ рукъ, то мы спустились по лѣстницѣ какъ можно глубже, налегли общими силами на перила и, наконецъ, сорвали ихъ.

Третья попытка также осталась безуспѣшной и намъ стало ясно, что исполнить планъ Петерса возможно только съ помощью какой-нибудь тяжести, безъ которой водолазу не удержаться на полу. Долго мы искали чего-нибудь подходящаго, наконецъ, къ великой нашей радости, замѣтили, что одинъ изъ фокъ-русленей почти оторвался, такъ что намъ ничего не стоило оторвать его совсѣмъ. Привязавъ его къ ногѣ, Петерсъ снова нырнулъ и на этотъ разъ добрался до кладовой. Къ его невыразимому огорченію послѣдняя оказалась запертой. Пришлось вернуться обратно, такъ какъ Петерсъ не могъ пробыть подъ водой больше минуты. Теперь наше положеніе не на шутку казалось отчаяннымъ, и мы съ Августомъ не могли удержаться отъ слезъ. Но это была минут-

ная слабость. Мы кинулись на колѣни и молили Бога не оставить насъ въ опасности. Молитва возродила въ насъ надежду и силы, и мы снова принялись обсуждать средства къ спасенію.

ГЛАВА X.

Вскорѣ потомъ случилось происшествіе, которое кажется мнѣ самымъ потрясающимъ,—по той невыразимой радости, которую оно возбудило въ насъ сначала, и невыразимому ужасу, которымъ смѣнилась эта радость,—самымъ потрясающимъ изъ всѣхъ приключеній, испытанныхъ мною въ теченіе девяти долгихъ лѣтъ,—приключеній поразительныхъ, неслыханныхъ, непостижимыхъ. Мы лежали на палубѣ, подлѣ входа въ главную каюту, разсуждая, какъ бы пробраться въ камбузъ, когда, взглянувъ на Августа, я замѣтилъ, что онъ лежитъ блѣдный, какъ мертвецъ, съ дрожащими губами. Испугавшись, я заговорилъ съ нимъ, но онъ ничего не отвѣтилъ, и я уже думалъ, что съ нимъ случился припадокъ болѣзни, когда обратилъ вниманіе на его глаза, уставившіеся въ одну точку позади меня. Я оглянулся. Никогда не забуду безумной радости, пронизавшей все мое существо, когда я увидѣлъ огромный бригъ, шедшій прямо на насъ и находившійся всего въ двухъ миляхъ разстоянія. Я вскочилъ, точно пуля внезапно ударила меня въ сердце и, протянувъ руки къ кораблю, стоялъ недвижимо, лишившись языка. Петерсъ и Паркеръ тоже увидѣли бригъ, но волненіе у каждаго выразилось различно. Первый пустился въ плясъ, выкидывая самыя невозможныя штуки, издавая дикія восклицанія и междометія, тогда какъ второй залился слезами и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ плакалъ какъ дитя.

Замѣченный нами корабль былъ большой двустнастный бригъ, голландской постройки, выкрашенный въ черную краску, съ пестрымъ вызолоченнымъ рѣзнымъ носомъ. Онъ, очевидно, сильно пострадалъ отъ непогодъ,—быть можетъ, отъ той самой бури, которая принесла намъ столько вреда,—такъ какъ потерялъ фокъ-мачту и часть лѣваго борта. Когда мы замѣтили его, онъ, какъ я уже сказалъ, находился въ двухъ миляхъ отъ насъ и направлялся на нашъ бригъ. Вѣтеръ былъ очень слабый и насъ крайне удивило, что на кораблѣ были подняты только фокъ-зейль, гротъ и бомъ-кливеръ,—понятно, что онъ двигался очень медленно и наше нетерпѣніе доходило до судорогъ. При всемъ своемъ возбужденіи мы не могли не обратить вниманія на его странныя движенія. Онъ вертѣлся туда и сюда, и мы раза два готовы были думать, что онъ либо вовсе не замѣтилъ насъ, либо замѣтивъ, но не видя людей на палубѣ, рѣшилъ идти своимъ путемъ. Тогда мы начинали

кричать во всю глотку, и корабль поворачивалъ въ нашу сторону—это странное явленіе повторилось два или три раза, такъ что мы рѣшили, наконецъ, что рулевой попросту пьянъ.

Никого не было видно на палубѣ, пока корабль не подошелъ на четверть мили. Тутъ мы замѣтили на немъ трехъ человѣкъ, судя по одеждѣ, голландцевъ. Двое лежали на кучѣ старыхъ парусовъ на бакѣ, а третій стоялъ у бушприта, наклонившись надъ лѣвымъ бортомъ и глядя на насъ, повидимому, съ величайшимъ любопытствомъ. Это былъ рослый, дюжій мужчина, очень смуглый. Казалось, онъ старался ободрить насъ, веселыми, хотя странными жестами, кивая головой, смѣясь и оскаливая свои блестящіе бѣлые зубы. Когда корабль подошелъ ближе, мы замѣтили, что красная шапочка, прикрывавшая его голову, свалилась въ море, но онъ не обратилъ на это вниманія, продолжая смѣяться и жестикулировать. Я подробно описываю всѣ эти обстоятельства—описываю, понятно, именно такъ, какъ онѣ намъ к а з а л и с ь.

Бригъ подходилъ къ намъ, двигаясь все тише и тише и—я не могу спокойно разсказывать объ этомъ происшествіи — сердца наши страшно бились и души изливались въ восклицаніяхъ восторга и благодарности Господу за это неожиданное и чудесное избавленіе. Какъ вдругъ, внезапно, съ корабля (который подошелъ къ намъ почти въ плотную) донесся запахъ, смрадъ, которому нѣтъ названія, адскій, удушающій, нестерпимый, невозможный. Я, задыхаясь, повернулся къ товарищамъ; они были блѣдѣе мрамора. Но времени для разспросовъ не было—бригъ находился уже шагахъ въ пятидесяти и, повидимому, намѣревался подойти вплотную къ нашей кормѣ, чтобы мы могли перейти на него прямо, безъ помощи шлюпки. Мы ринулись на корму, но онъ внезапно повернулся и прошелъ мимо насъ на разстояніи двадцати футовъ, такъ что мы могли окинуть взглядомъ всю его палубу. Забуду-ли когда-нибудь это трижды ужасное зрѣлище! Двадцать пять или тридцать человѣческихъ труповъ, въ томъ числѣ нѣсколько женскихъ, валялись на палубѣ между кормой и кухней въ состояніи самаго отвратительнаго разложенія. Мы видѣли ясно, что ни единой живой души не осталось на этомъ проклятомъ кораблѣ! И все-таки мы не могли удержаться отъ криковъ о помощи! Да, мы громко и долго умоляли эти отвратительные образы не бросать насъ на произволъ судьбы, которая превратитъ насъ въ такіе же трупы, и принять въ свою компанію. Мы обезумѣли отъ ужаса и отчаянія,—мы не могли выдержать такого страшнаго разочарованія.

Когда раздался нашъ первый отчаянный крикъ, намъ отвѣтилъ

съ бушприта незнакомаго корабля голосъ, до такой степени похожій на человѣческій, что самый тонкій слухъ не могъ бы не обмануться. Въ эту минуту новый внезапный поворотъ судна открылъ передъ нами нос вую часть, и происхожденіе крика сразу стало яснымъ для насъ. Рослая фигура по прежнему стояла, нагнувшись надъ бортомъ и кивая головой, но теперь мы не могли видѣть ея лицо. Руки свѣшивались за перила, ладонями наружу. Колѣни упирались въ толстый канатъ, протянутый отъ основанія бушприта до крамбола. На спинѣ, выглядывавшей изъ подъ разодранной рубахи, сидѣла огромная чайка и жадно клевала отвратительное мясо, запустивъ клювъ и когти глубоко въ тѣло и пачкая въ крови свои бѣлыя перья. Когда бригъ проходилъ мимо насъ, птица съ очевиднымъ усиліемъ вытащила изъ тѣла свою окровавленную голову и, посмотрѣвъ на насъ съ минуту, словно въ изумленіи, лѣниво поднялась съ трупа и пролетѣла надъ нашей палубой съ кускомъ запекшагося, похожаго на печень, мяса въ клювѣ. Этотъ отвратительный комъ шлепнулся къ ногамъ Паркера. Прости меня Богъ, но въ эту минуту въ умѣ моемъ мелькнула мысль, которой я не стану передавать. Я машинально шагнулъ къ окровавленному мясу, но, оглянувшись, встрѣтилъ взглядъ Августа,—такой выразительный, что разомъ пришелъ въ себя. Кинувшись къ ужасному комку, я съ омерзеніемъ выбросилъ его въ море.

Тѣло, изъ котораго онъ былъ вырванъ, раскачивалось и тряслось вслѣдствіе движеній птицы, отчего мы и приняли его за живого человѣка. Когда чайка вылетѣла, оно нѣсколько откинулось и мы увидѣли лицо трупа. Нѣтъ, никогда не видалъ я такого зловѣщаго зрѣлища! Глазъ уже не было, мясо вокругъ рта обвалилось, обнаживъ зубы. Такъ эта улыбка будила въ насъ надежду! такъ это... нѣтъ, не буду продолжать. Какъ я уже сказалъ, бригъ тихонько прошелъ мимо насъ, и медленно, но упорно, продолжалъ свой путь по вѣтру. Съ нимъ и его страшнымъ экипажемъ исчезли наши радужныя надежды на избавленіе. Онъ двигался такъ медленно, что мы, пожалуй, успѣли бы добраться до него, но жестокое разочарованіе, и ужасное зрѣлище парализировали наши духовныя и физическія силы. Мы видѣли и чувствовали, но не могли ни соображать, ни дѣйствовать, а когда оправились, было—увы—слишкомъ поздно. До чего мы одурѣли подъ вліяніемъ этого происшествія, можно судить потому, что, когда бригъ уже почти исчезъ изъ вида, мы серьезно обсуждали предложеніе достигнуть его вплавь!

Съ тѣхъ поръ я тщательно старался найти разгадку этой страшной тайны. Какъ я уже сказалъ, общій видъ и постройка брига, равно какъ и костюмы экипажа заставляли предполагать въ немъ голландское торговое судно. Мы, конечно, могли бы прочесть его

имя на кормѣ и замѣтить другія детали, еслибъ не были такъ страшно потрясены. По шафранному оттѣнку труповъ, которые еще не успѣли разложиться, мы заключили, что вся команда погибла отъ желтой лихорадки или другой подобной же болѣзни. Если такъ (а другого объясненія я положительно не могу придумать), то, судя по положенію труповъ, смерть настигла ихъ съ поразительной быстротой и внезапностью, совсѣмъ не такъ, какъ бываетъ обыкновенно при опустошительныхъ эпидеміяхъ. Возможно, конечно, что причиной мора были случайно отравленные съѣстные припасы, или какая-нибудь ядовитая рыба, птица, или другое морское животное... Но стоитъ-ли придумывать безплодныя объясненія тайны, которой суждено навѣки остаться необъяснимой.

ГЛАВА XI.

Мы провели остатокъ дня въ тупомъ оцѣпенѣніи, слѣдя глазами за удаляющимся кораблемъ, пока наступившая темнота не скрыла его отъ нашихъ взоровъ. Тутъ мы нѣсколько пришли въ себя. Муки голода и жажды заставили насъ забыть обо всемъ остальномъ. Но до утра нельзя было ничего предпринять, такъ что мы улеглись поудобнѣе въ надеждѣ отдохнуть хоть немного. Сверхъ всякаго ожиданія мнѣ удалось это и я проспалъ до разсвѣта, когда менѣе счастливые товарищи разбудили меня, чтобы снова пуститься на ловлю припасовъ.

Стоялъ мертвый штиль, море было гладко, какъ скатерть— погода теплая и мягкая. Бригъ скрылся изъ вида. Мы начали съ того, что оторвали второй фокъ-руслень и привязали оба къ ногамъ Петерса. Затѣмъ онъ снова спустился въ каюту въ надеждѣ добраться до камбуза и выломать дверь. Это могло бы удасться, если бъ онъ добрался до двери достаточно быстро; а такъ какъ корпусъ брига значительно выпрямился со вчерашняго дня, то онъ разсчитывалъ на успѣхъ.

Онъ очень быстро добрался до камбуза и, отвязавъ отъ ноги цѣпь, попытался разбить дверь, — но безуспѣшно: она оказалась гораздо прочнѣе, чѣмъ мы думали. Долгое пребываніе подъ водой до такой степени изнурило его, что онъ не могъ возобновить попытки. Кто-нибудь долженъ былъ смѣнить его. Паркеръ немедленно предложилъ свои услуги; но, повторивъ попытку три раза, не успѣлъ даже добраться до двери. Израненная рука Августа дѣлала безполезной всякую попытку съ его стороны; если бъ даже ему удалось дойти до камбуза, онъ не могъ бы разбить дверь. Такимъ образомъ пришлось мнѣ попытать счастья.

Петерсъ оставилъ фокъ-руслень въ коридорѣ, а держаться на полу съ одной только цѣпью было слишкомъ трудно. Поэтому я прежде всего рѣшился отыскать оставленную цѣпь. Шаря руками по полу, я нащупалъ какой-то твердый предметъ, схватилъ его, не разбирая, что это такое, и тотчасъ поднялся на палубу. Находка оказалась бутылкой и притомъ—можете себѣ представить нашу радость!—бутылкой портвейна. Поблагодаривъ Бога за такую своевременную помощь, мы тотчасъ откупорили бутылку моимъ перочиннымъ ножомъ и, хлѣбнувъ по небольшому глотку, почувствовали невыразимое облегченіе, приливъ новыхъ силъ и бодрости. Затѣмъ мы закупорили бутылку и подвѣсили ее на носовомъ платкѣ, чтобъ не разбилась.

Отдохнувъ немного послѣ этой счастливой находки, я снова спустился и, отыскавъ цѣпь, вернулся наверхъ. Привязавъ ее къ ногѣ, я нырнулъ въ третій разъ и, убѣдившись, что дверь рѣшительно не поддается моимъ усиліямъ, выбрался на палубу съ отчаяніемъ въ душѣ.

Казалось, для насъ не остается никакой надежды. Я видѣлъ по лицамъ товарищей, что они ожидаютъ смерти. Вино привело ихъ въ состояніе страннаго опьяненія, котораго я не испытывалъ, быть можетъ, благодаря своему купанью. Они болтали всякій вздоръ о вещахъ, не имѣвшихъ никакого отношенія къ нашему положенію. Петерсъ разспрашивалъ меня о Нантукетѣ. Августъ тоже подошелъ ко мнѣ и серьезнѣйшимъ тономъ попросилъ у меня гребенку, говоря, что въ его волосы набилась рыбья чешуя и что ему не мѣшаетъ почесаться передъ выходомъ на берегъ. Паркеръ казался трезвѣе и убѣждалъ меня нырнуть еще разъ и поискать, не попадется-ли что-нибудь. Я послушался и, пробывъ подъ водой не меньше минуты, вытащилъ кожаный чемонданчикъ, принадлежавшій капитану Барнарду. Мы тотчасъ открыли его съ слабой надеждой, не окажется-ли тамъ что-нибудь съѣстное или питейное. Но тамъ оказался только бритвенный приборъ и двѣ рубашки. Я снова отправился на поиски и на этотъ разъ вернулся съ пустыми руками. Высунувъ голову изъ воды, я услышалъ на палубѣ звонъ разбитаго стекла, а выйдя изъ каюты, убѣдился, что мои товарищи по свински воспользовались моимъ отсутствіемъ, выпили остатки вина и торопясь повѣсить бутылку на старое мѣсто, выронили ее и разбили. Я упрекалъ ихъ за этотъ безсердечный поступокъ. Августъ залился слезами, остальные двое засмѣялись, стараясь обратить дѣло въ шутку, но не дай мнѣ Богъ видѣть еще разъ подобный смѣхъ: эти судорожныя гримасы были просто ужасны. Повидимому, дѣйствіе вина, выпитаго на пустой желудокъ, съ каждой минутой сказывалось сильнѣе и сильнѣе. Они были

мертвецки пьяны. Насилу удалось мнѣ уговорить ихъ лечь, и они тотчасъ же впали въ тяжелое забытье. Теперь я, можно сказать, остался одинъ на бригѣ, предаваясь размышленіямъ самаго мрачнаго и печальнаго характера. Я не видѣлъ иного исхода кромѣ мучительной смерти отъ голода или, въ лучшемъ случаѣ, гибели въ волнахъ при первой бурѣ, такъ какъ мы, конечно, не могли бы пережить ее при такомъ крайнемъ изнеможеніи.

Лютый голодъ, терзавшій меня, былъ просто нестерпимъ, и я чувствовалъ себя способнымъ на все, чтобы только утолить его. Я отрѣзалъ ножикомъ кусочекъ кожи отъ чемодана и попытался съѣсть его, однако, рѣшительно не могъ проглотить. Тѣмъ не менѣе я чувствовалъ нѣкоторое облегченіе, разжевывая, а потомъ выплевывая маленькіе кусочки кожи. Съ наступленіемъ ночи мои товарищи проснулись одинъ за другимъ въ состояніи крайняго изнеможенія и ужаса — результатъ опьяненія, которое теперь прошло. Они дрожали точно въ жестокой лихорадкѣ и жалобно просили воды. Ихъ состояніе поразило и тронуло меня; вмѣстѣ съ тѣмъ я порадовался счастливой случайности, которая помѣшала мнѣ выпить мою долю вина и раздѣлить ихъ мрачную меланхолію и жалкое отчаяніе. Ихъ поведеніе, однако, крайне тревожило меня,—я ясно видѣлъ, что если въ ихъ состояніи не произойдетъ перемѣны къ лучшему, то мнѣ нечего разсчитывать на ихъ помощь. Я еще не оставилъ надежды выловить что-нибудь въ каютѣ, но объ этомъ нечего было и думать, пока никто изъ нихъ не оправился настолько, чтобы держать веревку. Паркеръ казался мнѣ нѣсколько бодрѣе другихъ и я всячески старался разбудить его. Думая, что морская ванна можетъ оказать благотворное дѣйствіе, я обвязалъ его веревкой, подвелъ къ отверстію въ каюту (онъ повиновался мнѣ машинально), столкнулъ въ воду и тотчасъ же вытащилъ обратно. Я могъ поздравить себя съ удачной выдумкой, потому что онъ вышелъ на палубу освѣженный и отрезвленный, и спросилъ меня, зачѣмъ это я его выкупалъ. Когда я объяснилъ ему, онъ поблагодарилъ меня, сказалъ, что теперь дѣйствительно чувствуетъ себя гораздо лучше и сталъ очень здраво разсуждать о нашемъ положеніи. Мы рѣшили попробовать то же средство надъ Августомъ и Петерсомъ, что и исполнили немедленно; имъ оно тоже помогло. Мысль о ваннѣ пришла мнѣ въ голову потому, что я читалъ въ какой-то медицинской книгѣ о полезномъ дѣйствіи душа въ случаяхъ mania a potu.

Видя, что теперь можно довѣрить товарищамъ веревку, я раза три—четыре попробовалъ нырнуть въ каюту, хотя было уже совсѣмъ темно и легкій, но свѣжій вѣтеръ съ сѣвера колебалъ корпусъ брига. Мнѣ удалось достать два кухонныхъ ножа, пустой

кувшинъ и одѣяло, но ничего съѣстного. Я продолжалъ свои попытки, пока не изнемогъ совсѣмъ, но больше ничего не добылъ. Затѣмъ смѣнили меня Петерсъ и Паркеръ, но также безуспѣшно, такъ что въ концѣ концовъ, мы отказались отъ попытокъ, видя, что только изнуряемся понапрасну.

Мы провели остатокъ ночи въ сильнѣйшихъ физическихъ и моральныхъ страданіяхъ. Наконецъ забрезжило утро шестнадцатаго іюля, мы жадно вглядывались въ горизонтъ,—не явится-ли помощь—напрасно! Море было по прежнему тихо, только легкая зыбь набѣгала съ сѣвера. Вотъ уже шестой день мы ничего не ѣли и не пили, кромѣ портвейна, и чувствовали, что не долго выдержимъ, если не найдемъ чего-нибудь подкрѣпиться. Никогда я не видалъ раньше — и не желалъ бы видѣть впредь — человѣческихъ существъ до такой степени изможденныхъ, какъ Петерсъ и Августъ. Если бы они встрѣтились мнѣ на сушѣ въ такомъ состояніи, ни за что бы я не узналъ ихъ. Лица ихъ до того измѣнились, что у меня невольно являлось сомнѣніе, неужели это мои товарищи, тѣ самые, съ кѣмъ я имѣлъ дѣло нѣсколько дней тому назадъ. Паркеръ—хотя и онъ похудѣлъ и ослабѣлъ до того, что едва могъ поднять голову — измѣнился не такъ сильно. Онъ выносилъ страданія очень терпѣливо, не жалуясь и стараясь всячески ободрить насъ. Я съ своей стороны,—хотя и былъ боленъ въ началѣ путешествія, да и вообще не отличался крѣпкимъ сложеніемъ,—оказался выносливѣе моихъ товарищей, не такъ похудѣлъ, и удивительно сохранилъ умственныя способности, тогда какъ остальные превратились въ какихъ-то идіотовъ, впали въ дѣтство, смѣялись, корчили гримасы и мололи всякій вздоръ. По временамъ, однако, они внезапно оживали, приходили въ сознаніе, вскакивали на ноги въ порывѣ энергіи и говорили о нашемъ положеніи вполнѣ разумно, хотя съ безнадежнымъ отчаяніемъ. Возможно, что я производилъ на своихъ товарищей такое же впечатлѣніе, какъ они на меня, продѣлывая безсознательно тѣ же самыя глупости. Этотъ пунктъ остался для меня невыясненнымъ.

Около полудня Паркеръ заявилъ, что видитъ землю со стороны праваго борта и я насилу удержалъ его на палубѣ: онъ во что бы то ни стало хотѣлъ броситься въ воду и плыть къ берегу. Петерсъ и Августъ не обратили вниманіе на его слова, погрузившись въ мрачныя думы. Взглянувъ по направленію его руки, я не увидалъ ни малѣйшихъ признаковъ берега — да и не могло его быть: я зналъ, что мы далеко отъ суши. Тѣмъ не менѣе, я нескоро убѣдилъ Паркера въ его ошибкѣ. Наконецъ, убѣдившись, онъ залился слезами и ревѣлъ, какъ младенецъ, часа два или три, пока не заснулъ отъ усталости.

Петерсъ и Августъ пытались глотать кусочки кожи. Я совѣтовалъ жевать ихъ, а потомъ выплевывать, но для этого они были слишкомъ слабы. Я же продолжалъ жевать и находилъ въ этомъ нѣкоторое облегченіе. Пуще всего терзала меня жажда и если я не напился морской воды, то только потому, что помнилъ, къ какимъ ужаснымъ послѣдствіямъ приводило это людей, бывшихъ въ нашемъ положеніи.

День приходилъ къ концу, когда я замѣтилъ парусъ на востокѣ. Повидимому, это былъ большой корабль, шедшій прямо на насъ. Онъ находился отъ насъ миляхъ въ десяти—двѣнадцати, мои товарищи еще не замѣтили его, а я не говорилъ имъ о своемъ открытіи, опасаясь новаго разочарованія. Наконецъ, когда онъ подошелъ ближе, я ясно увидѣлъ, что онъ идетъ прямо на насъ. Я не могъ больше сдерживаться и сообщилъ объ этомъ моимъ товарищамъ по несчастію. Они тотчасъ вскочили на ноги и снова предались порыву неудержимой радости, плакали, смѣялись идіотскимъ смѣхомъ, метались по палубѣ, дергали себя за волосы, молились и ругались въ одно время. Я былъ такъ пораженъ ихъ поведеніемъ и надеждой на избавленіе, что невольно присоединился къ ихъ безумному веселью, прыгалъ и катался по палубѣ, хлопалъ въ ладоши, изливая свою радость и благодарность въ дикихъ крикахъ и неистовыхъ жестахъ, пока не опомнился, увидѣвъ съ невыразимымъ, нечеловѣческимъ отчаяніемъ, что корабль повернулся къ намъ кормою и пошелъ въ направленіи противуположномъ прежнему.

Не сразу удалось мнѣ втолковать моимъ злополучнымъ товарищамъ, что наши надежды снова рухнули. На всѣ мои доводы они отвѣчали взглядами и жестами, говорившими, что ихъ не обманешь такими шутками. Поведеніе Августа въ особенности тронуло меня. Не смотря на всѣ мои увѣренія въ противномъ, онъ доказывалъ, что корабль быстро приближается, и готовился пересѣсть на него. Увидѣвъ подлѣ брига группу водорослей, объявилъ, что это лодка, и хотѣлъ броситься въ нее, отбиваясь съ отчаянными криками, когда я насильно удержалъ его на палубѣ.

Успокоившись нѣсколько, онъ продолжалъ слѣдить глазами за кораблемъ, пока тотъ не скрылся изъ вида. Погода нахмурилась, поднялся свѣжій вѣтеръ. Какъ только корабль исчезъ, Паркеръ обернулся ко мнѣ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, что меня бросило въ дрожь. Это было выраженіе спокойной рѣшимости, котораго я раньше не замѣчалъ у него, и прежде чѣмъ онъ открылъ ротъ, мое сердце подсказало мнѣ, что онъ хочетъ предложить. Онъ объявилъ, въ короткихъ словахъ, что одинъ изъ насъ долженъ умереть, дабы спасти жизнь другимъ.

ГЛАВА XII.

Я уже раньше думалъ о возможности этого ужаснаго исхода и втайнѣ рѣшился лучше принять какую угодно смерть, чѣмъ согласиться на такое крайнее средство. Моя рѣшимость не ослабѣла и теперь, не смотря на терзавшій меня голодъ. Ни Петерсъ, ни Августъ не слышали предложенія Паркера. Я отвелъ его въ сторону и, мысленно попросивъ Бога помочь мнѣ отговорить его отъ этого ужаснаго намѣренія, долго толковалъ съ нимъ, умоляя его во имя всего святого отказаться отъ этой мысли и не говорить о ней остальнымъ.

Онъ слушалъ меня, не возражая на мои аргументы, такъ что я начиналъ уже надѣяться на успѣхъ моего краснорѣчія. Но когда я умолкъ, онъ отвѣчалъ, что вполнѣ согласенъ съ моими словами, знаетъ и самъ, что предложенное имъ средство ужасно и возмутительно; но вытерпѣлъ уже все, что въ силахъ вытерпѣть человѣческая природа, и считаетъ нелѣпостью умирать всѣмъ, когда смерть одного можетъ поддержать и, весьма вѣроятно, спасти остальныхъ. Въ заключеніе онъ прибавилъ, что я напрасно стараюсь отговорить его, такъ какъ онъ твердо рѣшился на это средство еще до появленія корабля и только надежда на спасеніе помѣшала ему высказать свою мысль раньше.

Я просилъ его, по крайней мѣрѣ, отложить этотъ планъ до слѣдующаго дня, въ надеждѣ, что явится другой корабль и подастъ намъ помощь. Я приводилъ всѣ аргументы, какіе только могъ придумать, и какіе только могли, по моему соображенію, повліять на такую грубую натуру. Онъ отвѣтилъ, что и безъ того молчалъ до послѣдней минуты; что больше онъ не въ силахъ выдержать; и если отложитъ исполненіе своего плана хотя бы до завтрашняго дня, то это будетъ слишкомъ поздно, по крайней мѣрѣ, для него.

Видя, что просьбы и увѣщанія на него не дѣйствуютъ, я заговорилъ другимъ тономъ. Я замѣтилъ, что страданія изнурили меня не такъ сильно, какъ ихъ; что въ настоящую минуту я сильнѣе и здоровѣе, чѣмъ онъ, Петерсъ или Августъ, что мнѣ не трудно будетъ съ нимъ справиться и если онъ вздумаетъ сообщить остальнымъ свои кровожадные и каннибальскіе замыслы, то я сброшу его въ море. Услыхавъ это, онъ схватилъ меня за горло и, выхвативъ ножъ, нѣсколько разъ пытался пырнуть меня въ животъ; только крайняя слабость помѣшала ему исполнить это злодѣйство. Я же, внѣ себя отъ бѣшенства, толкнулъ его на край палубы съ твердымъ намѣреніемъ выбросить за бортъ. Его спасло вмѣшательство Петерса, который бросился между нами, спрашивая, что

случилось. Паркеръ тутъ же изложилъ свой планъ, прежде чѣмъ я успѣлъ помѣшать этому.

Дѣйствіе его словъ было еще ужаснѣе, чѣмъ я ожидалъ. Августъ и Петерсъ, которые, повидимому, давно уже пришли къ той же страшной мысли, тотчасъ согласились съ Паркеромъ и настаивали на немедленномъ исполненіи его плана.

Я разсчитывалъ, что хоть одинъ изъ нихъ сохранитъ твердость духа настолько, чтобы принять мою сторону и помочь мнѣ воспрепятствовать исполненію ужаснаго замысла; вдвоемъ мы, конечно, могли бы не допустить до этого. Но, потерявъ всякую надежду, я понялъ, что мнѣ необходимо подумать о собственной безопасности, такъ какъ, доведенные до отчаянія и раздраженные моимъ сопротивленіемъ, товарищи, чего добраго, могли назначить мнѣ худшую роль въ готовившейся драмѣ.

Я сказалъ, что согласенъ на ихъ предложеніе, но просилъ обождать хоть часъ, пока разсѣется туманъ и корабль, который мы видѣли, быть можетъ, появится опять. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ добиться согласія. Какъ я и ожидалъ, поднялся вѣтеръ, туманъ разсѣялся, но корабля не было видно, и мы приготовились бросить жребій.

Съ крайнимъ отвращеніемъ приступаю къ описанію послѣдовавшей за тѣмъ возмутительной сцены; сцены, врѣзавшейся въ мою память съ своими мельчайшими деталями, такъ что никакія событія не могли изгладить этого мрачнаго воспоминанія, которому суждено отравлять каждую минуту моего дальнѣйшаго существованія. Постараюсь разсказать какъ можно короче. Чтобы сдѣлать ужасный выборъ, приходилось бросать жребій. Мы нарѣзали щепочекъ; рѣшено было, что держать буду я. Я удалился на одинъ конецъ брига, а мои товарищи молча усѣлись на другомъ, спиной ко мнѣ. Ни разу въ теченіе всей нашей ужасной драмы не испытывалъ я такого мучительнаго безпокойства, какъ въ эту минуту. Врядъ-ли найдутся въ жизни человѣческой такія минуты, когда воля не цѣплялась бы за существованіе; желаніе жить возрастаетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ ничтожнѣе нить, на которой держится жизнь. Но теперь, когда спокойный, рѣшительный и мрачный характеръ моего дѣла (столь непохожій на оглушающую опасность бури или постепенно наступающіе ужасы голода) давалъ мнѣ возможность сообразить, какъ мало у меня шансовъ на спасеніе отъ ужаснѣйшей смерти—ужаснѣйшей въ виду ея цѣли—теперь вся моя энергія разлетѣлась какъ пухъ по вѣтру, оставивъ меня безпомощной жертвой самаго подлаго страха. Я не могъ даже собрать щепочки: пальцы отказывались служить, колѣни тряслись. Въ головѣ моей мелькали тысячи плановъ, одинъ

глупѣе другаго, увернуться отъ участія въ жребіи. Я хотѣлъ броситься на колѣни передъ моими товарищами и умолять ихъ сдѣлать для меня исключеніе; хотѣлъ кинуться на нихъ внезапно, и, умертвивъ одного, сдѣлать жребій излишнимъ,—словомъ, я готовъ былъ на все, лишь бы не исполнять того, что я долженъ былъ исполнить. Наконецъ голосъ Паркера, требовавшій, чтобъ я поскорѣе избавилъ ихъ отъ мучительнаго ожиданія, вернулъ меня къ дѣйствительности. Но и теперь я никакъ не могъ рѣшиться собрать щепочки, а придумывалъ всевозможныя уловки, чтобы заставить кого-нибудь изъ товарищей вытянуть короткую щепку: рѣшено было принести въ жертву того, кто вытянетъ самую коротенькую. Прежде чѣмъ осуждать меня за такое безсердечіе, попытайтесь представить себя въ такомъ же положеніи.

Наконецъ пришлось таки рѣшиться, такъ какъ медлить долѣе становилось невозможнымъ, и съ сердцемъ, готовымъ выскочить изъ груди, я пошелъ на носъ, гдѣ ожидали меня товарищи. Я вытянулъ руку, Петерсъ тотчасъ вытащилъ щепочку. Онъ былъ свободенъ: ему досталась не самая коротенькая. Еще шансъ прибавился противъ меня. Я напрягъ всѣ свои силы и протянулъ жребіи Августу. Онъ тоже вытащилъ и тоже удачно; теперь шансы умереть или жить были для меня одинаковы. Въ эту минуту бѣшенство тигра зажглось въ моей груди, и я почувствовалъ къ моему злополучному товарищу самую бѣшеную, самую адскую ненависть. Но это чувство вскорѣ исчезло; и я, закрывъ глаза, съ судорожной дрожью, протянулъ ему руку съ двумя оставшимися щепочками. Прошло добрыхъ пять минутъ, пока онъ собрался съ силами, чтобы вытянуть жребій, и все это время я ни разу не открылъ глазъ. Наконецъ одна изъ щепочекъ была разомъ выдернута изъ моей руки. Судьба рѣшила,—но я еще не зналъ: въ мою пользу или противъ меня. Всѣ молчали, а я не рѣшался взглянуть на щепочку, которую держалъ въ рукѣ. Наконецъ Петерсъ взялъ меня за руку, и я невольно открылъ глаза и увидѣлъ по лицу Паркера, что я спасенъ, а онъ приговоренъ къ смерти. Я перевелъ духъ и упалъ безъ чувствъ на палубу.

Я очнулся во время, чтобы видѣть развязку трагедіи: смерть того, кто былъ ея главнымъ авторомъ. Онъ не оказалъ никакого сопротивленія и умеръ мгновенно, пораженный Петерсомъ въ спину. Не стану описывать страшнаго пиршества, послѣдовавшаго немедленно. Такія вещи можно себѣ представить, но словами не передать ихъ нечеловѣческаго ужаса. Скажу кратко: утоливъ палящую жажду кровью жертвы, мы съ общаго согласія обрубили ей руки, ноги и выбросили ихъ вмѣстѣ съ внутренностями въ море, а остальнымъ туловищемъ питались въ теченіе четырехъ вѣчно па-

мятныхъ дней: семнадцатаго, восемнадцатаго, девятнадцатаго и двадцатаго іюля.

Девятнадцаго пошелъ проливной дождь, и длился пятнадцать-двадцать минутъ. Намъ удалось собрать немного воды съ помощью одѣяла, которое мы выудили изъ каюты послѣ бури. Воды набралось всего съ полъ-галлона, но и это ничтожное количество придало намъ силъ и бодрости.

Двадцать перваго намъ снова пришлось круто. Погода по прежнему стояла ясная и теплая, иногда поднимался туманъ и легкій вѣтеръ, преимущественно съ сѣверо-запада.

Двадцать второго, когда мы сидѣли, прижавшись другъ къ другу и погрузившись въ угрюмыя размышленія о нашемъ плачевномъ положеніи, въ умѣ моемъ мелькнула мысль, явившаяся внезапно, какъ свѣтлый лучъ надежды. Я вспомнилъ, что когда мы рубили фокъ-мачту, Петерсъ сунулъ мнѣ топоръ и попросилъ спрятать его куда-нибудь, а я положилъ его въ передней каютѣ на койкѣ, за минуту передъ послѣднимъ валомъ, наполнившимъ бригъ водою. Мнѣ пришло въ голову, что, отыскавъ этотъ топоръ, мы могли бы прорубить палубу надъ камбузомъ и достать съѣстные припасы.

Когда я сообщилъ объ этомъ проектѣ своимъ товарищамъ, они испустили слабый крикъ радости, и мы тотчасъ отправились къ передней каютѣ. Спуститься въ нее было труднѣе чѣмъ въ главную, вслѣдствіе малыхъ размѣровъ люка. Тѣмъ не менѣе я не колебался и, обвязавъ себя веревкой, смѣло нырнулъ ногами впередъ, живо добрался до койки и сразу нашелъ топоръ. Находка была встрѣчена на палубѣ криками радости и торжества, и въ моей удачѣ мы усмотрѣли доброе предзнаменованіе.

Затѣмъ мы начали рубить палубу съ энергіей, какую только могла вдохнуть намъ оживившаяся надежда. Рубили по очереди Петерсъ и я, такъ какъ больная рука Августа не позволяла ему принять участіе въ работѣ. Мы едва держались на ногахъ отъ слабости и могли работать безъ отдыха не болѣе двухъ-трехъ минутъ; вскорѣ намъ стало очевидно, что пройдетъ много долгихъ часовъ, прежде чѣмъ мы прорубимъ достаточно широкое отверстіе. Это обстоятельство, однако, не смутило насъ и, провозившись всю ночь, при свѣтѣ луны, мы окончили работу на разсвѣтѣ двадцать третьяго.

Петерсъ вызвался отправиться на поиски, спустился въ отверстіе и скоро вернулся съ небольшимъ боченкомъ, который къ великой нашей радости оказался полнымъ оливками. Подѣливъ ихъ между собою и съѣвъ съ величайшей жадностью, мы возобновили поиски. На этотъ разъ Петерсу повезло свыше всякихъ ожиданій:

онъ вернулся почти немедленно съ большимъ окорокомъ и бутылкой мадеры. Наученные опытомъ, мы хлебнули только по небольшому глотку вина. Окорокъ былъ сильно попорченъ морской водой; годнаго для ѣды мяса сохранилось всего фунта два около кости. Мы и его подѣлили. Петерсъ и Августъ не удержались и съѣли свою часть немедленно, я же былъ осторожнѣе и ограничился маленькимъ кусочкомъ, опасаясь мученій жажды. Затѣмъ мы прилегли отдохнуть, такъ какъ были страшно утомлены.

Около полудня, чувствуя себя бодрѣе и крѣпче, мы снова пустились на поиски провизіи. Я и Петерсъ ныряли поочередно до самаго вечера, и всякій разъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. Намъ удалось достать четыре боченка съ оливками, окорокъ, плетеную бутыль, галлона въ три, превосходной капской мадеры, и, что особенно обрадовало насъ, небольшую галапагосскую черепаху. Капитанъ Барнардъ передъ самымъ отплытіемъ «Грампуса» купилъ ихъ нѣсколько штукъ на шкунѣ «Мэри Питтсъ», только что вернувшейся изъ путешествія въ Тихій Океанъ.

Мнѣ не разъ придется упоминать объ этой породѣ черепахъ. Онѣ водятся, какъ, безъ сомнѣнія, извѣстно читателю, главнымъ образомъ на группѣ островов Галапагосъ, безъ сомнѣнія, потому и получившихъ свое названіе,—такъ какъ испанское слово galli-pago означаетъ прѣсноводную черепаху. Вслѣдствіе особенностей склада и походки этой черепахи ее называютъ иногда черепаха-слонъ. Онѣ бываютъ нерѣдко огромныхъ размѣровъ. Мнѣ самому случалось видѣть экземпляры въ 1200—1500 фунтовъ вѣсомъ, хотя я не помню, чтобъ какой-нибудь мореплаватель упомянулъ объ экземплярѣ, превышавшемъ восемьсотъ фунтовъ. Внѣшній видъ ея очень страненъ, даже отвратителенъ. Походка очень тихая, мѣрная, тяжелая, тѣло тащится на футъ отъ земли. Шея длинная, и необычайно гибкая; обыкновенная длина ея отъ 18 дюймовъ до двухъ футовъ, но мнѣ случилось однажды убить черепаху, у которой разстояніе отъ плечей до конца головы равнялось тремъ футамъ десяти дюймамъ. Голова поразительно напоминаетъ змѣиную. Эти черепахи могутъ выносить голодъ невѣроятно долго; извѣстны случаи, когда онѣ оставались въ трюмѣ корабля въ теченіе двухъ лѣтъ безъ всякой пищи, и въ концѣ этого срока оказывались такими же жирными и здоровыми, какъ въ началѣ. Въ одномъ отношеніи эти странныя животныя похожи на дромадера или верблюда пустыни. У основанія ихъ шеи находится мѣшокъ, постоянно наполненный водою. Случалось, убивъ черепаху, прожившую годъ безъ пищи, находить въ ея мѣшкѣ не менѣе трехъ галлоновъ свѣжей прѣсной воды. Пищей имъ служитъ дикая петрушка, сельдерей, портулакъ, морскія водоросли. Ихъ мясо пре-

восходнаго вкуса и очень питательно; безъ сомнѣнія, тысячи моряковъ, занимавшихся въ Тихомъ Океанѣ ловлей китовъ и другими промыслами, обязаны жизнью этимъ черепахамъ.

Черепаха, пойманная нами въ камбузѣ, была не велика, фунтовъ въ шестьдесятъ пять или семьдесятъ вѣсомъ. Это была самка, здоровая и жирная; въ ея мѣшечкѣ оказалось болѣе четверти галлона чистой свѣжей воды. Для насъ это было истинное сокровище, и мы, точно сговорившись, бросились на колѣни съ горячей молитвой благодарности.

Вытащить животное на палубу было довольно трудно, вслѣдствіе ея чудовищной силы и отчаяннаго сопротивленія. Она чуть было не вырвалась изъ рукъ Петерса, но Августъ успѣлъ накинуть ей петлю на шею, а я соскочилъ въ люкъ и помогъ Петерсу выпихнуть ее на палубу.

Мы перелили воду изъ мѣшка черепахи въ кувшинъ, который, если припомнитъ читатель, выловили раньше въ каютѣ. Затѣмъ мы отбили горлышко бутылки и, заткнувъ его пробкой, устроили нѣчто въ родѣ стакана вмѣстимостью въ четверть пинты. Выпивъ по полному стаканчику, мы рѣшили ограничить этимъ нашу дневную порцію, на все время, пока хватитъ воды.

Въ теченіе послѣднихъ двухъ или трехъ дней погода стояла теплая и сухая, такъ что одѣяла, выловленныя нами изъ каюты, и наша одежда совершенно просохли. Эту ночь мы провели съ сравнительнымъ комфортомъ, поужинавъ оливками и ветчиной и хлебнувъ по глотку вина. Опасаясь, что ночью поднимется вѣтеръ и снесетъ наши запасы за бортъ, мы привязали ихъ покрѣпче къ остаткамъ брашпиля. Черепаху, которую намъ хотѣлось подольше сохранить живой, перевернули на спину и тоже привязали.

ГЛАВА XIII.

24 іюля.—Мы проснулись утромъ замѣчательно бодрыми и свѣжими. Несмотря на наше опасное положеніе, вдали отъ материка, съ запасомъ пищи, котораго при самой строгой экономіи не могло хватить болѣе чѣмъ на двѣ недѣли, почти безъ воды, на утломъ плоту, носившемся по прихоти вѣтра и волнъ,—несмотря на все это, воспоминаніе о безконечно болѣе страшныхъ мукахъ и опасностяхъ, отъ которыхъ мы такъ недавно и такъ чудесно избавились, заставляло насъ считать наши теперешнія лишенія самымъ обыкновеннымъ бѣдствіемъ. Такъ относительно понятіе о худомъ и хорошемъ.

Мы собирались возобновить наши поиски въ камбузѣ, когда пошелъ дождь съ грозой и мы поспѣшили собрать сколько можно

воды съ помощью той же простыни, которой пользовались раньше. Для этого мы натянули простыню, поддерживая ее за концы, подъ кувшиномъ, въ который просачивалась вода. Мы почти наполнили его, когда сильный шквалъ, набѣжавшій съ сѣвера, заставилъ насъ прекратить это занятіе, такъ какъ остовъ брига снова стало качать, и мы не могли удерживаться на ногахъ. Тогда мы снова привязали себя къ брашпилю и стали ожидать дальнѣйшихъ событій гораздо спокойнѣе, чѣмъ можно было бы думать.

Въ полдень вѣтеръ усилился, а къ ночи превратился въ ураганъ и поднялъ страшное волненіе. Опытъ научилъ насъ, какъ наилучше привязать себя, и эту ночь мы провели въ сравнительной безопасности, хотя волны окачивали насъ ежеминутно, угрожая снести за бортъ. Къ счастью, погода была такая теплая, что эти души доставляли намъ скорѣе удовольствіе, чѣмъ досаду.

25 іюля.—Къ утру ураганъ превратился въ обыкновенный десяти узловой вѣтеръ, и море успокоилось настолько, что мы могли обсушиться. Но къ великому нашему огорченію два боченка съ оливками и окорокъ были унесены волнами, не смотря на то, что мы привязали ихъ какъ можно тщательнѣе. Мы, однако, рѣшили погодить убивать черепаху, а позавтракали оливками, выпивъ по стклянкѣ воды пополамъ съ виномъ; эта смѣсь сильно подкрѣпила и освѣжила насъ, не вызвавъ тяжелаго опьяненія, какъ раньше портвейнъ. Волненіе все-таки было еще слишкомъ сильно, чтобы возобновить поиски въ камбузѣ. Въ теченіе дня изъ люка выбросило нѣсколько вещей, не имѣвшихъ для насъ значенія и тотчасъ же смытыхъ за бортъ. Мы замѣтили также, что бригъ накренился гораздо сильнѣе, чѣмъ раньше, такъ что мы не могли держаться не привязанные. Это обстоятельство привело насъ въ уныніе. Въ полдень солнце стояло почти въ зенитѣ; и мы не сомнѣвались, что постоянные сѣверные и сѣверо-западные вѣтры загнали насъ къ экватору. Къ вечеру мы увидѣли нѣсколько штукъ акулъ и струхнули, когда одна изъ нихъ, громадной величины, смѣло направилась къ намъ. Была минута, когда палуба совершенно погрузилась въ воду и чудовище проплыло надъ нами, остановившись на мгновеніе надъ каютой и ударивъ Петерса хвостомъ. Къ счастію, волна перебросила ее за бортъ. Если бы погода была тихая, мы безъ труда изловили бы ее.

26 іюля.—Вѣтеръ улегся, море успокоилось настолько, что мы рѣшили возобновить поиски въ камбузѣ. Провозившись цѣлый день, мы убѣдились, что не найдемъ ничего нужнаго: ночью буря проломила дно камбуза и всѣ запасы провалились въ трюмъ. Можете себѣ представить, въ какое отчаяніе привело насъ это открытіе.

27 іюля.—Море почти гладкое, легкій вѣтеръ по прежнему съ сѣверо-запада. Послѣ полудня солнце жестоко печетъ. Мы воспользовались этимъ, чтобы высушить одежду. Для облегченія отъ жажды купались въ морѣ, но при этомъ пришлось соблюдать крайнюю осторожность въ виду акулъ, плававшихъ вокругъ брига.

28 іюля.—Все еще стоитъ хорошая погода. Бригъ до того накренился, что мы опасаемся какъ бы онъ не перевернулся. Приготовились къ этой случайности, привязавъ нашу черепаху, кувшинъ съ водой и боченки съ оливками какъ можно выше, съ наружной стороны брига, подъ гротъ-русленями. Море весь день гладкое, вѣтеръ чуть замѣтный.

29 іюля.—Та же погода. Раненая рука Августа обнаруживаетъ симптомы гангрены. Онъ жалуется на сонливость и нестерпимую жажду, но не испытываетъ острой боли. Мы ничего не могли сдѣлать для него. Мы помазали раны уксусомъ изъ подъ оливокъ, но это, повидимому, ничуть не уменьшило его страданій. Мы всячески старались облегчить его и назначили ему тройную порцію воды.

30 іюля.—Необычайно жаркій день, безъ малѣйшаго вѣтерка. Огромная акула плыла подлѣ брига большую часть дня. Мы тщетно пытались поймать ее въ петлю. Августу гораздо хуже, онъ чахнетъ на глазахъ отъ недостатка пищи и отъ ранъ. Все время умолялъ избавить его отъ страданій, говоря, что ничего не желаетъ кромѣ смерти. Вечеромъ мы съѣли послѣдніе оливки. Вода въ кувшинѣ до того испортилась, что мы не могли ее пить безъ примѣси вина. Рѣшили убить черепаху утромъ.

31 іюля.—Послѣ крайне безпокойной и утомительной ночи, вслѣдствіе положенія брига, мы убили и освѣжевали черепаху. Она оказалась гораздо меньше, чѣмъ мы думали, хотя въ хорошемъ состояніи,—мяса набралось всего фунтовъ десять. Чтобы сохранить этотъ запасъ подольше, мы разрѣзали мясо на тонкіе куски и наполнили ими три оставшіеся боченка изъ подъ оливокъ и бутылку отъ портвейна, а сверху залили уксусомъ изъ подъ оливокъ. Такъ мы уложили фунта три, рѣшивъ не трогать ихъ, пока не съѣдимъ остального. Рѣшено было ограничиваться четырьмя унціями въ день на каждаго; такимъ образомъ, всего достало бы намъ на двѣ недѣли. Въ сумерки разразилась гроза съ дождемъ, но прошла такъ скоро, что мы успѣли собрать не болѣе полъ пинты воды. Съ общаго согласія мы уступили ее Августу. Онъ пилъ воду прямо съ простыни (мы держали ее надъ нимъ и вода стекала ему въ ротъ), такъ какъ собирать ее было некуда: пришлось бы вылить мадеру изъ плетеной бутыли или гнилую воду

изъ кувшина. Мы бы, конечно, такъ и сдѣлали, если бы гроза затянулась.

Вода не доставила облегченія бѣднягѣ. Рука его почернѣла отъ кисти до плеча, ноги похолодѣли, какъ ледъ. Мы съ минуты на минуту ожидали его смерти. Онъ былъ страшно изнуренъ: передъ отплытіемъ изъ Нантунета въ немъ было сто двадцать семь фунтовъ вѣса, а теперь не болѣе сорока или пятидесяти. Глаза его такъ ввалились, что почти исчезли, а кожа на щекахъ до того обвисла, что мѣшала ему не только жевать твердую пищу, но даже глотать жидкость.

1 августа.—Та же тихая погода и невыносимая жара. Жестоко страдали отъ жажды; вода въ кувшинѣ окончательно испортилась и кишитъ червями. Мы все-таки заставили себя пить ее, пополамъ съ виномъ, но это питье почти не утоляло нашей жажды. Купанье въ морѣ больше облегчало насъ, но мы лишь изрѣдка могли прибѣгать къ нему, потому что акулы то и дѣло появлялись подлѣ брига. Мы убѣдились, что Августу нѣтъ спасенія; онъ, очевидно, находился при послѣднемъ издыханіи. Мы ничѣмъ не могли облегчить его страданія. Около полудня онъ скончался въ страшныхъ судорогахъ, не вымолвивъ слова въ теченіе послѣднихъ часовъ. Смерть его произвела на насъ такое мрачное, гнетущее впечатлѣніе, что мы весь день просидѣли подлѣ тѣла не шевелясь, и переговариваясь только шепотомъ. Только съ наступленіемъ темноты мы рѣшились выбросить тѣло за бортъ. Оно имѣло невыразимо отвратительный видъ и разложилось до такой степени, что, когда Петерсъ попробовалъ приподнять его, одна нога осталась въ его рукахъ. Когда эта разложившаяся масса соскользнула въ море, мы увидѣли, при окружавшемъ ее фосфорическомъ свѣтѣ, штукъ семь или восемь огромныхъ акулъ, которыя разнесли добычу на куски, щелкая зубами такъ, что ихъ навѣрно было слышно за милю. Мы содрогнулись отъ ужаса при этомъ звукѣ.

2 августа.—Та же зловѣщая тишина и жара. Утро застало насъ въ страшномъ упадкѣ духа и физическомъ истощеніи. Вода въ кувшинѣ оказалась рѣшительно негодной для питья, превратилась въ какой-то студень, переполненный червями. Мы вылили ее въ море, и вымыли кувшинъ сначала морской водой, потомъ уксусомъ отъ оливокъ. Наша жажда стала рѣшительно нестерпимой и мы тщетно пытались утолить ее виномъ, которое дѣйствовало на нее, какъ масло на огонь, и страшно опьяняло насъ. Потомъ мы попробовали облегчить наши страданія морской водой, пополамъ съ виномъ, но это питье моментально вызвало страшную рвоту, такъ что мы тотчасъ же отказались отъ него. Цѣлый день искали случая выкупаться,—напрасно; акулы положительно оса-

дили нашъ плотъ. Безъ сомнѣнія, тутъ были и вчерашнія чудовища, ожидавшія новой подачки. Это обстоятельство крайне смущало насъ, внушая самыя зловѣщія и мрачныя предчувствія. Купанье удивительно облегчало насъ и лишиться этого облегченія было просто невыносимо. Къ тому же, намъ угрожала нешуточная опасность отъ такого сосѣдства; малѣйшая оплошность, неловкое движеніе могли бы предать насъ въ жертву этимъ хищнымъ рыбамъ, которыя нерѣдко прямо бросались на насъ. Наши крики и маханье руками, повидимому, ничуть не пугали ихъ. Петерсъ ударилъ топоромъ одну изъ самыхъ крупныхъ, но даже тяжелая рана не испугала ее и она продолжала бросаться на насъ. Въ сумерки набѣжала туча, но, къ нашему крайнему огорченію, прошла мимо безъ дождя. Невозможно передать, какъ жестоко терзала насъ жажда. Мы провели безсонную ночь изъ-за этихъ мученій и страха акулъ.

3 августа.—Никакой надежды на помощь, а бригъ наклоняется все больше и больше, такъ что держаться на палубѣ совершенно невозможно. Старались закрѣпить наше вино и черепаху такъ, чтобы они не погибли, если бригъ перевернется. Вытащили изъ русленей два гвоздя и вколотили ихъ топоромъ въ корпусъ брига, на разстояніи двухъ футовъ отъ воды, недалеко отъ киля, такъ какъ мы совершенно легли на бокъ. Къ этимъ гвоздямъ привязали свои запасы; тутъ они будутъ цѣлѣе, чѣмъ подъ гротъ-русленями. Цѣлый день жестоко страдали отъ жажды, выкупаться не удалось: акулы не отстаютъ отъ брига. Ночь провели безъ сна.

4 августа.—Передъ самымъ разсвѣтомъ мы замѣтили, что бригъ опрокидывается, и приготовились къ катастрофѣ. Сначала онъ поворачивался медленно, такъ что мы успѣшно взбирались къ килю, съ помощью веревокъ, которыя заранѣе привязали къ гвоздямъ. Но мы не разсчитали силы ускоренія толчка; бригъ неожиданно кувырнулся такъ быстро, что мы не удержались на его поверхности и, не успѣвъ толкомъ сообразить, въ чемъ дѣло, очутились въ водѣ, на глубинѣ нѣсколькихъ фатомовъ, подъ огромнымъ корпусомъ судна.

Очутившись въ водѣ, я выпустилъ изъ рукъ веревку и, чувствуя крайнее истощеніе силъ, покорился судьбѣ и ожидалъ смерти. Но и на этотъ разъ я обманулся, не принявъ въ разсчетъ обратное движеніе корабля, качнувшагося назадъ. Токъ воды, поднятый этимъ движеніемъ, выбросилъ меня на поверхность еще быстрѣе, чѣмъ я попалъ въ воду. Я оказался ярдахъ въ двадцати отъ корабля, который раскачивался съ боку на бокъ, взбурливъ воду далеко вокругъ. Я нигдѣ не видалъ Петерса. Замѣтилъ только

бочку изъ подъ жира и другія вещи съ брига, разсѣянныя кругомъ.

Пуще всего меня пугали акулы, которыя должны были находиться по близости. Стараясь напугать ихъ, я отчаянно колотилъ руками и ногами по водѣ, пока плылъ къ бригу. Безъ сомнѣнія, этой уловкѣ, при всей ея простотѣ, я обязанъ своимъ спасеніемъ; за минуту передъ тѣмъ, какъ бригъ опрокинулся, море буквально кишѣло акулами, такъ что я долженъ былъ почти задѣвать за нихъ, подплывая къ бригу,—да такъ и было, конечно. Какъ бы то ни было, я добрался до него невредимымъ, хотя въ такомъ изнеможеніи, что врядъ-ли бы могъ вылѣзть изъ воды безъ помощи Петерса, который появился совершенно неожиданно (взобравшись на киль съ противоположной стороны) и бросилъ мнѣ веревку.

Избавившись отъ одной опасности, мы тотчасъ убѣдились, что намъ угрожаетъ другая, не менѣе страшная — смерть отъ голода. Всѣ наши припасы исчезли въ морѣ и, не видя никакой возможности помочь этой бѣдѣ, мы предались отчаянію и разревѣлись какъ дѣти, не пытаясь даже ободрить другъ друга. Трудно представить себѣ такое малодушіе, и оно покажется просто непонятнымъ тому, кто никогда не находился въ такомъ же положеніи. Но слѣдуетъ помнить, что мы почти лишились разсудка, вслѣдствіе долгихъ лишеній и ужасовъ всякаго рода, и врядъ-ли могли считаться въ это время разумными существами. Впослѣдствіи я терпѣливо выносилъ такія же и худшія бѣдствія, а Петерсъ, какъ ниже увидятъ, относился къ нимъ съ стоической философіей, столь же невѣроятной, какъ его теперешняя слабость и глупость:—таково вліяніе условій.

Опрокинувшійся бригъ, потеря вина и черепахи, въ сущности не ухудшили нашего положенія, такъ какъ дно корабля фута на два на три отъ киля, также какъ и самый киль, были сплошь покрыты слоемъ крупныхъ ракушекъ, оказавшихся превосходной пищей. Такимъ образомъ, въ двухъ отношеніяхъ катастрофа съ бригомъ оказалась для насъ полезной: во-первыхъ, доставила намъ запасъ пищи, которой, при экономномъ употребленіи, хватило бы на мѣсяцъ, во-вторыхъ, наше теперешнее положеніе было гораздо удобнѣе и безопаснѣе, чѣмъ раньше. Досадно было только то, что вмѣстѣ съ припасами исчезли и простыни и посуда, такъ что въ случаѣ дождя намъ не во что было бы набрать воды.

Это обстоятельство мѣшало намъ оцѣнить выгоды нашего новаго положенія. На всякій случай мы сняли съ себя рубашки, чтобы въ случаѣ дождя воспользоваться ими, какъ раньше простынями, хотя и не разсчитывали добыть такимъ образомъ больше

четверти пинты воды, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Ни единаго облачка не было видно весь день и мы страдали невыразимо. Ночью Петерсъ заснулъ на часокъ тяжелымъ, безпокойнымъ сномъ, но я не могъ сомкнуть глазъ.

5 августа.—Легкій вѣтеръ нанесъ массу водорослей, въ которыхъ мы нашли одиннадцать маленькихъ крабовъ, оказавшихся превосходной пищей. Скорлупки ихъ были такъ нѣжны, что мы ѣли ихъ цѣликомъ и нашли, что они менѣе возбуждаютъ жажду, чѣмъ ракушки. Не замѣчая и признака акулъ въ этихъ водоросляхъ, мы рѣшились выкупаться и провели въ водѣ четыре—пять часовъ. Это значительно облегчило наши мученія, такъ что мы могли заснуть и провели ночь спокойнѣе чѣмъ предъидущую.

6 августа.—Въ этотъ день небо послало намъ сильный и продолжительный дождь, продолжавшійся съ обѣда до наступленія темноты. Вотъ когда мы пожалѣли о потерѣ кувшина и бутыли, такъ какъ могли бы наполнить ихъ, несмотря на неудобный способъ собиранія воды посредствомъ рубашекъ. Теперь намъ пришлось выкручивать ихъ себѣ въ ротъ—и въ этомъ занятіи мы провели весь день.

7 августа.—На разсвѣтѣ мы оба въ одно время увидѣли на востокѣ парусъ, очевидно, приближавшійся къ намъ! Мы привѣтствовали это чудное зрѣлище слабымъ, но восторженнымъ крикомъ, и тотчасъ принялись подавать сигналы всѣми способами, какіе могли придумать: махали рубашками, поднимались насколько позволяли наши слабыя силы, даже кричали во весь голосъ, хотя корабль находился на разстояніи по меньшей мѣрѣ пятнадцати миль. Какъ бы то ни было, онъ продолжалъ подвигаться къ намъ и мы видѣли, что если только онъ не вздумаетъ перемѣнить курса, то подойдетъ такъ близко, что замѣтитъ насъ. Черезъ часъ мы уже ясно различали людей на палубѣ. Это была длинная, низкая шкуна съ косыми стеньгами и, повидимому, очень многочисленнымъ экипажемъ. Теперь насъ должны были замѣтить и мы уже начинали тревожиться, не хотятъ-ли насъ бросить на произволъ судьбы—адская жестокость, повидимому невѣроятная, и тѣмъ не менѣе не однажды совершавшаяся въ морѣ при подобныхъ же обстоятельствахъ существами, причислявшими себя къ роду человѣческому *). Въ этомъ отношеніи мы, слава Богу, ошиб-

---

*) Случай съ бригомъ «Полли» изъ Бостона такъ замѣчателенъ и судьба его экипажа такъ сходна съ нашей, что я не могу не сообщить его здѣсь. Этотъ корабль, въ сто тридцать тоннъ, отплылъ изъ Бостона съ грузомъ лѣсныхъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ, въ Сенъ-Круа, 12-го декабря 1811 года, подъ командой капитана Кано. Кромѣ капитана на кораблѣ было восемь душъ: помощникъ,

лись, такъ какъ на палубѣ шкуны внезапно поднялась суматоха и минуту спустя онъ поднялъ англійскій флагъ и направился на насъ. Чересъ полчаса мы находились въ его каютѣ. Это была шкуна «Дженъ Гай», капитанъ Гай, отправлявшаяся съ торговыми цѣлями въ Тихій Океанъ.

ГЛАВА XIV.

Джэнъ Гай была прекрасная шкуна въ сто восемьдесятъ тоннъ, съ необычайно длиннымъ заостреннымъ носомъ и при попутномъ вѣтрѣ превосходный ходокъ. Въ другихъ отношеніяхъ она не обладала особенными достоинствами и слишкомъ глубоко сидѣла, если имѣть въ виду торговлю, для которой она предназначалась. Для этого рода торговли требуется корабль большихъ размѣровъ и малаго углубленія—корабль тоннъ въ триста — триста пятьдесятъ. Онъ долженъ быть хорошо вооруженъ, запастись крѣпкими якорями и канатами, а главное имѣть многочисленный и смѣлый экипажъ: человѣкъ пятьдесятъ—шестьдесятъ по меньшей мѣрѣ. Команда Джэнъ Гай состояла изъ тридцати пяти матросовъ, не считая капитана и его помощника, но вооруженіе и оснастка судна не удовлетворили бы моряка, знакомаго съ трудностями и опасностями этого рода торговли.

четверо матросовъ, поваръ, и нѣкій м-ръ Гентъ съ рабыней негритянкой. Пятнадцатаго, благополучно миновавъ мель Георга, корабль получилъ течь во время бури, налетѣвшей съ юго-востока, и опрокинулся, но снова выпрямился, когда мачты снесло за бортъ. Въ такомъ положеніи, безъ огня и съ ничтожнымъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ, экипажъ оставался сто девяносто одинъ день (съ 15-го декабря до 12-го іюня), когда капитанъ Кано и Самуэль Беджеръ, единственные оставшіеся въ живыхъ, были взяты на бортъ «Славы Гулля», капитанъ Фичерстонъ, возвращавшейся домой изъ Ріо-де-Жанейро. Въ этотъ моментъ они находились подъ 28° сѣв. широты и 32° зап. долготы, сдѣлавъ на развалинѣ корабля около двухъ тысячъ миль! Девятаго іюля «Слава» встрѣтилась съ бригомъ «Дромео», капитанъ Перкинсъ, который высадилъ несчастныхъ въ Кеннебекѣ. Разсказъ, изъ котораго мы заимствовали эти свѣдѣнія, заканчивается слѣдующими словами:

— «Является весьма естественный вопросъ, какъ могли они проплыть такое огромное разстояніе въ наиболѣе посѣщаемой части Атлантическаго океана и остаться незамѣченными. Имъ встрѣтилось болѣе дюжины кораблей и одинъ подошелъ такъ близко, что они видѣли на палубѣ и на снастяхъ матросовъ, которые смотрѣли на нихъ. Но, къ невыразимому отчаянію изнуренныхъ голодомъ и холодомъ страдальцевъ, эти жестокіе люди не вняли голосу человѣколюбія, подняли паруса и оставили несчастныхъ на произволъ судьбы».

Капитанъ Гай былъ джентльменъ съ изящными манерами, очень опытный въ южной торговлѣ, которой посвятилъ большую часть жизни. Но ему не хватало энергіи и, слѣдовательно, предпріимчивости, необходимой въ данномъ случаѣ. Онъ былъ однимъ изъ собственниковъ корабля, находившагося подъ его командой, и получилъ неограниченное право крейсировать въ Южныхъ моряхъ и забирать всякій грузъ, какой попадется подъ руку. Какъ водится при такихъ путешествіяхъ, на кораблѣ былъ достаточный запасъ бусъ, зеркальцевъ, огнивъ, топоровъ, пилъ, рубанковъ, стамесокъ, долотъ, буравчиковъ, напилковъ, скобелей, струговъ, терокъ, молотковъ, гвоздей, ножей, ножницъ, бритвъ, иголокъ, нитокъ, посуды всякаго рода, коленкора, дешевыхъ украшеній и т. п.

Шкуна отплыла изъ Ливерпуля десятаго іюля, пересѣкла тропикъ Рака двадцать пятаго подъ двадцатымъ градусомъ западной долготы и двадцать девятаго достигла острововъ Зеленаго Мыса, гдѣ запаслась солью и другими необходимыми припасами. Третьяго августа она оставила острова Зеленаго Мыса и направилась къ юго-западу, уклоняясь въ сторону Бразиліи, чтобы перейти экваторъ между двадцать восьмымъ и тридцатымъ градусами западной долготы. Это обычный курсъ кораблей, направляющихся изъ Европы къ мысу Доброй Надежды или въ Остъ Индію. Слѣдуя этимъ путемъ, они избѣгаютъ штилей и сильныхъ противныхъ вѣтровъ, господствующихъ у гвинейскаго берега, такъ что въ концѣ концовъ эта дорога оказывается кратчайшей, корабль достигаетъ мыса при постоянномъ попутномъ вѣтрѣ съ запада. Капитанъ Гай намѣревался сдѣлать первую остановку у острова Кергуэленъ,—я хорошенько не знаю зачѣмъ. Въ день встрѣчи съ нами шкуна находилась на высотѣ мыса Сенъ Рокъ, подъ тридцать первымъ градусомъ западной долготы, такъ что мы, по всей вѣроятности, сдѣлали не менѣе двадцати градусовъ по направленію отъ сѣвера къ югу!

На «Джэнъ Гай» къ намъ отнеслись со всѣмъ вниманіемъ, какого требовало наше плачевное состояніе. Въ двѣ недѣли, въ теченіе которыхъ шкуна продолжала свой путь къ юго-востоку при легкомъ вѣтрѣ и прекрасной погодѣ, Петерсъ и я совершенно оправились отъ послѣдствій нашихъ недавнихъ лишеній и ужасныхъ страданій и все случившееся съ нами представлялось намъ скорѣе страшнымъ сномъ, отъ котораго мы, къ счастью, очнулись, чѣмъ событіями трезвой и холодной дѣйствительности. Я не разъ замѣчалъ впослѣдствіи, что этого рода забвеніе всегда наблюдается при внезапномъ переходѣ отъ радости къ горю или наоборотъ, причемъ степень его пропорціональна разницѣ въ предыдущемъ и послѣдующемъ

состояніяхъ. Такъ и въ настоящемъ случаѣ я рѣшительно не могъ себѣ представить въ полномъ объемѣ бѣдствія, перенесенныя мною на корпусѣ брига. Вспоминались событія, но не чувства, возбуждавшіяся этими событіями. Я помнилъ только, что въ то время какъ они происходили, мнѣ казалось, что человѣческая натура не въ силахъ вынести большихъ мученій.

Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мы продолжали наше плаваніе безъ всякихъ происшествій, кромѣ случайныхъ встрѣчъ съ китобоями и еще болѣе частыхъ съ черными или настоящими китами, называемыми такъ въ отличіе отъ кашалотовъ. Шестнадцатаго сентября, подлѣ мыса Доброй Надежды, шкуна выдержала первый сильный шквалъ со времени отплытія изъ Ливерпуля. Въ этомъ мѣстѣ, а еще чаще къ югу и востоку отъ мыса, мореплавателямъ часто приходится бороться съ сильнѣйшими штормами. Они поднимаютъ страшное волненіе, но главная опасность этихъ штормовъ въ почти мгновенной перемѣнѣ вѣтра,—что случается обыкновенно въ самый разгаръ бури. Въ данный моментъ дуетъ настоящій ураганъ съ сѣвера или сѣверо-востока,—а въ слѣдующій онъ мчится съ юго-запада съ почти невѣроятной силой. Передъ этимъ небо обыкновенно свѣтлѣетъ съ южной стороны; благодаря этому признаку, корабль можетъ приготовиться къ перемѣнѣ вѣтра.

Было около шести часовъ утра, когда на насъ налетѣлъ съ сѣвера шквалъ. Къ восьми буря усилилась и поднялось чудовищное волненіе. На шкунѣ убрали всѣ паруса; тѣмъ не менѣе она страшно раскачивалась и показала себя плохимъ пловцомъ, черпая носомъ всякій разъ какъ спускалась съ волны и выпрямляясь съ большимъ трудомъ. Передъ заходомъ солнца замѣтили свѣтлое пятно на юго-западѣ, часъ спустя маленькій передній парусъ безсильно трепался о мачты. Черезъ двѣ минуты, несмотря на всѣ приготовленія, мы разомъ легли на бокъ, точно волшебствомъ; и цѣлый водопадъ пѣны окатилъ палубу. Къ счастью, вѣтеръ оказался мимолетнымъ шкваломъ и мы выпрямились, не потерявъ ни единой рейки. Сильное волненіе донимало насъ еще нѣсколько часовъ, но къ утру мы находились въ такомъ же хорошемъ положеніи, какъ передъ бурей. Капитанъ Гай говорилъ, что мы уцѣлѣли какимъ-то чудомъ.

Тридцатаго октября мы были въ виду острова Принца Эдуарда подъ 46° 53′ южной широты и 37° 46′ ~~западной~~ Восточной долготы. Два дня спустя мы прошли острова Владѣнія, затѣмъ миновали острова Крозетъ подъ 42° 59′ южной широты, 48° ~~западной~~ долготы. Восемнадцатаго мы увидѣли землю Кергуэленъ или островъ Отчаянія, въ южномъ Индійскомъ океанѣ и бросили якорь въ гавани Рождества.

Островъ, или скорѣе группа островов, находятся на разстояніи восьмисотъ лигъ къ юго-востоку отъ Мыса Доброй Надежды. Онъ былъ открытъ въ 1772 г. французскимъ барономъ де Кергуленъ или Кергуэленъ, который принялъ его за часть огромнаго южнаго материка и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ о немъ сообщеніе дома, возбудившее большую сенсацію. Въ слѣдующемъ году правительство, заинтересовавшееся этимъ открытіемъ, послало барона изслѣдовать новую землю, причемъ ошибка обнаружилась. Въ 1777 г. Капитанъ Кукъ посѣтилъ эту группу островов и далъ главному изъ нихъ названіе островъ Отчаянія,—названіе, вполнѣ заслуженное. Правда, приближаясь къ островамъ, мореплаватель можетъ подумать иное, такъ какъ они одѣты съ сентября до марта роскошной зеленью. Этой обманчивой наружностью они обязаны маленькому растенію въ родѣ камнеломки, въ изобиліи растущему на торфянистой почвѣ. Другихъ растеній нѣтъ, кромѣ жесткой травы подлѣ гавани, лишаевъ, и какихъ-то кустарниковъ, напоминающихъ видомъ капусту, но горькаго и ѣдкаго вкуса.

Поверхность острововъ холмистая, хотя сколько нибудь высокихъ горъ нѣтъ. Вершины ихъ одѣты вѣчнымъ снѣгомъ. Есть нѣсколько бухтъ,—самая удобная гавань Рождества. Это первая бухта на сѣверо-восточной сторонѣ, когда минуешь мысъ Франсуа, образующій сѣверную оконечность острова. Мысъ заканчивается высокой скалою съ широкимъ естественнымъ проходомъ въ видѣ арки. Входъ въ гавань находится подъ 48° 40′ южной широты, 69°6′ западной долготы. Самое удобное мѣсто для якорной стоянки — подъ защитой маленькихъ острововъ, охраняющихъ корабли отъ восточныхъ вѣтровъ. Къ востоку отъ мѣста стоянки находится бухта Осъ у входа въ гавань. Это маленькій заливчикъ, окруженный землею почти со всѣхъ сторонъ, въ который ведетъ проходъ въ четыре фатома глубиною и гдѣ можно найти мѣсто для стоянки глубиною отъ трехъ до десяти фатомовъ, съ плотнымъ глинистымъ дномъ. Корабль можетъ простоять здѣсь на носовомъ якорѣ въ совершенной безопасности хоть цѣлый годъ. На западъ у входа въ бухту Осъ бѣжитъ ручеекъ съ превосходной прѣсной водой.

На островѣ Кергуэленъ попадаются тюлени и въ изобиліи водятся морскіе слоны. Пернатое населеніе очень многочисленно. Бездна пингвиновъ, четырехъ различныхъ видовъ. Самый крупный изъ нихъ—королевскій пингвинъ, названный такъ за свою величину и красоту оперенія. Верхняя сторона его обыкновенно сѣрая, иногда съ лиловымъ оттѣнкомъ, нижняя—снѣжной бѣлизны. Голова и ноги блестящаго чернаго цвѣта. Но главная красота его оперенія—двѣ широкихъ золотистыхъ полосы, проходящія отъ головы до груди. Клювъ длинный, пунцовый или свѣтло-розовый.

Эти птицы ходятъ прямо, съ величавой осанкой. Они держатся закинувъ голову; крылья висятъ какъ руки, хвостъ приходится на одной линіи съ ногами; все это придаетъ имъ такое сходство съ человѣкомъ, что въ сумеркахъ нетрудно ошибиться. Королевскіе пингвины, найденные нами на Кергуэленѣ, были ростомъ побольше гуся. Другіе виды пингвинъ-франтъ, пингвинъ-глупышъ и пингвинъ-грачъ. Они гораздо меньше, не такъ красивы и во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ перваго. Кромѣ пингвина тамъ много другихъ птицъ, изъ которыхъ упомяну о голубыхъ буревѣстникахъ, чибисахъ, уткахъ, курочкахъ Портъ-Эгмонта, бакланахъ, капскихъ голубяхъ, буревѣстникахъ, крачкахъ, качуркахъ, большомъ чистикѣ и, наконецъ, альбатросѣ.

Большой чистикъ размѣрами не уступаетъ альбатросу. Это хищная птица, но вовсе не пугливая; хорошо приготовленная, доставляетъ вкусное блюдо. Летая, онъ часто несется надъ самой водой, раскинувъ крылья и, повидимому, вовсе не шевеля ими и не дѣлая ни малѣйшихъ усилій для того, чтобы двигаться.

Альбатросъ одна изъ самыхъ крупныхъ и сильныхъ птицъ Южнаго Океана. Онъ принадлежитъ къ семейству чаекъ и ловитъ добычу на лету; на сушу является только для вывода птенцовъ. Между этой птицой и пингвиномъ существуетъ странная дружба.

Они сообща устраиваютъ гнѣзда по опредѣленному плану: гнѣздо альбатроса помѣщается въ серединѣ квадрата, образуемаго гнѣздами четырехъ пингвиновъ. Эти гнѣздовья часто описывались, но такъ какъ моимъ читателямъ, быть можетъ, никогда не попадались подобныя описанія, и такъ какъ мнѣ не разъ придется упоминать о пингвинахъ и альбатросахъ, то я опишу подробнѣе ихъ образъ жизни и гнѣздованья.

Когда наступаетъ время нестись, птицы собираются въ огромномъ количествѣ и въ теченіе нѣсколькихъ дней, повидимому, обсуждаютъ вопросъ о гнѣздовьѣ. Наконецъ принимаются за дѣло. Выбираютъ ровную площадку, достаточныхъ размѣровъ, обыкновенно въ три-четыре акра, какъ можно ближе къ морю, но внѣ линіи прилива. Мѣсто выбирается поглаже, по возможности безъ каменьевъ. Затѣмъ птицы, очевидно, съ общаго согласія и побуждаемыя общимъ импульсомъ, проводятъ съ математическою точностью квадратъ или параллелограмъ,—смотря потому, какая форма болѣе подходитъ къ условіямъ,—такихъ размѣровъ, чтобы можно было помѣститься всѣмъ, ни больше, ни меньше. Повидимому, это дѣлается для того, чтобы предотвратить возможность вторженія пришельцевъ, не участвовавшихъ въ общей работѣ. Одна изъ сторонъ четыреугольника, обращенная къ морю, остается открытой для входа и выхода.

Проведя границы колоніи, птицы начинаютъ очищать площадку отъ разнаго хлама, подбирая одинъ за другимъ каменья и складывая ихъ вдоль границъ, такъ что съ трехъ сторонъ, обращенныхъ къ сушѣ, образуется стѣнка. Вдоль внутреннихъ сторонъ стѣнки вытаптывается совершенно ровная и гладкая дорожка, отъ шести до восьми футовъ шириною, вокругъ всего гнѣздовья—для общей прогулки.

Затѣмъ приступаютъ къ раздѣленію площадки на небольшіе и совершенно одинаковые квадраты. Для этого протаптываются узенькія тропинки, пересѣкающіяся подъ прямыми углами, на протяженіи всей площадки. Въ каждой точкѣ пересѣченія тропинокъ устраивается гнѣздо альбатроса, а въ центрѣ квадрата гнѣздо пингвина—такъ что каждый пингвинъ окруженъ четырьмя альбатросами, а каждый альбатросъ четырьмя пингвинами. Гнѣздо пингвина представляетъ небольшое углубленіе въ землѣ, достаточное для помѣщенія одного яйца. Гнѣздо альбатроса болѣе сложной постройки, имѣетъ видъ холмика вышиною въ футъ и два фута въ діаметрѣ, устроеннаго изъ земли, водорослей и раковинъ. На верхушкѣ его дѣлается углубленіе для кладки яицъ.

Птицы стараются не оставлять гнѣзда ни на минуту въ теченіе высиживанія или даже до тѣхъ поръ, пока птенцы не подростутъ настолько, что могутъ сами заботиться о себѣ. Пока самецъ летаетъ въ море за добычей, самка исполняетъ материнскую обязанность и только съ возвращеніемъ своего сожителя позволяетъ себѣ отлучиться отъ гнѣзда. Яйца никогда не остаются открытыми, если одна изъ птицъ слетаетъ съ гнѣзда, другая тотчасъ садится на ея мѣсто. Эта предосторожность необходима въ виду воровскихъ наклонностей, которыми отличаются члены колоніи, всегда готовые стянуть у сосѣда яйца при первомъ удобномъ случаѣ.

Нѣкоторыя колоніи населены исключительно пингвинами и альбатросами, но въ большинствѣ случаевъ къ нимъ присоединяются и другія морскія птицы, пользуясь всѣми правами гражданства и устраивая свои гнѣзда тамъ и сямъ, гдѣ найдется мѣстечко, но никогда не пытаясь захватить мѣста хозяевъ. Издали эти колоніи представляютъ странное зрѣлище. Воздухъ надъ площадкой переполненъ альбатросами (и болѣе мелкими видами), которые безостановочно рѣютъ надъ гнѣздами, то улетая въ океанъ, то возвращаясь обратно. На площадкѣ видна масса пингвиновъ, иные расхаживаютъ взадъ и впередъ по тропинкамъ, другіе съ свойственной имъ военной осанкой прогуливаются по дорожкѣ, окаймляющей колонію. Словомъ, какъ ни смотри на эти поселенія, не можешь не поражаться разумнымъ образомъ дѣйствій этихъ пер-

натыхъ существъ. И врядъ-ли какое-нибудь зрѣлище доставитъ болѣе пищи для ума разумнаго человѣческаго существа.

На утро, послѣ нашего прибытія въ гавань Рождества, помощникъ капитана мистеръ Паттерсонъ приказалъ спустить лодки и отправился за тюленями (хотя время для охоты еще не наступило) оставивъ капитана Гая съ его молодымъ родственникомъ на западномъ берегу гавани; у нихъ было какое-то дѣло на островѣ, но въ чемъ оно состояло, я не знаю. Капитанъ Гай захватилъ съ собой бутылку, въ которой было запечатано письмо, и направился къ самому высокому холму. По всей вѣроятности, онъ намѣревался оставить тамъ записку для другого корабля, который долженъ былъ явиться вслѣдъ за нами. Какъ только онъ исчезъ изъ вида, мы (я и Петерсъ отправились въ лодкѣ помощника) пустились въ путь вокругъ острова, высматривая тюленей. Мы потратили на эти поиски около трехъ недѣль, осмотрѣвъ всѣ закоулки и бухточки не только на островѣ Кергуэленъ, но и на сосѣднихъ островкахъ. Наши труды, однако, не увѣнчались сколько-нибудь значительнымъ успѣхомъ. Мы видѣли много мохнатыхъ тюленей, но они были очень осторожны, такъ что при всѣхъ стараніяхъ мы добыли только триста пятьдесятъ шкуръ. Морскіе слоны попадались въ изобиліи, особенно на западной сторонѣ главнаго острова, но мы убили всего двадцать штукъ, да и то съ большими затрудненіями. На маленькихъ островахъ мы нашли множество щетинистыхъ тюленей, но не стали ихъ трогать. Вернувшись на шкуну одиннадцатаго, мы застали на ней капитана Гая съ племянникомъ, которые вынесли очень безотрадное впечатлѣніе изъ своей экскурсіи внутрь острова, оказавшагося крайне пустынной и безплодной страной. Они провели на островѣ двое сутокъ, по милости младшаго помощника, который вслѣдствіе какого-то недоразумѣнія не догадался во время выслать за ними лодку.

ГЛАВА XV.

Двѣнадцатаго мы оставили гавань Рождества и направились на западъ, оставивъ справа островъ Маріонъ, принадлежащій къ группѣ Крозетъ. Затѣмъ мы миновали островъ Принца Эдуарда, оставивъ его лѣвѣе и уклонившись къ сѣверу прибыли черезъ двѣ недѣли къ островамъ Тристанъ д'Акунья подъ 37°8′ юж. широты и 12°8′ запад. долготы.

Этотъ архипелагъ, нынѣ хорошо изслѣдованный и состоящій изъ трехъ круглыхъ островковъ, былъ открытъ португальцами, вторично посѣщенъ голландцами въ 1643 г. и французами въ 1767 г. Островки расположены трехугольникомъ и отстоятъ другъ отъ

друга на десять миль, такъ что раздѣлены широкими проливами. Всѣ они очень высоки, въ особенности островъ Тристанъ д'Акунья. Это самый обширный изъ трехъ, миль пятнадцать въ окружности и такой высокій, что въ ясную погоду его видно на разстояніи восьмидесяти или девяноста миль. Сѣверный берегъ его возвышается на тысячу съ лишнимъ миль надъ уровнемъ моря. На этой высотѣ находится плоскогоріе, тянущееся до средины острова и увѣнчанное высокимъ конусомъ въ родѣ Тенерифскаго пика. Нижняя половина конуса одѣта громадными деревьями, верхняя же— голая скала, почти всегда скрывающаяся въ облакахъ и покрытая снѣгомъ въ теченіе большей части года. Вокругъ острова нѣтъ мелей и рифовъ; берега замѣчательно крутые и море глубоко. На сѣверо-западной сторонѣ есть бухта съ чернымъ песчанымъ берегомъ, у котораго легко пристать на лодкахъ при южномъ вѣтрѣ. Тутъ можно запастись прѣсной водой и наловить трески и другой рыбы.

Слѣдующій по величинѣ островъ, самый западный въ группѣ, называется Неприступнымъ. Онъ находится подъ 37°17′ южной широты и 12°24′ западной долготы. Онъ имѣетъ семь--восемь миль въ окружности и совершенно неприступный видъ. Вершина его заканчивается плоскогоріемъ. Островъ крайне безплоденъ, на немъ нѣтъ почти никакихъ растеній, кромѣ чахлыхъ кустарниковъ.

Островъ Соловей самый маленькій и южный по положенію, подъ 37°26′ южной широты, 12°12′ западной долготы. Южная оконечность его примыкаетъ къ группѣ высокихъ утесистыхъ островковъ, нѣсколько такихъ утесовъ есть и на сѣверно-восточной сторонѣ. Почва неровная и безплодная, посреди острова проходитъ глубокая долина.

Въ извѣстное время года берега этихъ острововъ изобилуютъ морскими львами, морскими слонами, щетинистыми и мохнатыми тюленями, также всякаго рода морскими птицами. Киты также часто попадаются по сосѣдству. Въ прежнее время эти различныя животныя ловились въ такомъ изобиліи, что острова часто посѣщались. Сначала ѣздили сюда голландцы и французы. Въ 1790 г. капитанъ корабля «Индустрія» Паттенъ пробылъ на Тристанъ д'Акунья семь мѣсяцевъ (съ августа 1790 г. по апрѣль 1791 г.), занимаясь ловлей тюленей. За этотъ періодъ онъ собралъ пять тысячъ шестьсотъ шкуръ и утверждаетъ, что могъ бы въ три недѣли нагрузить жиромъ большой корабль. Онъ не встрѣтилъ на островѣ четвероногихъ животныхъ, кромѣ нѣсколькихъ дикихъ козъ; въ настоящее же время острова изобилуютъ самыми цѣнными домашними животными, которыя были завезены послѣдующими мореплавателями.

Помнится, вскорѣ послѣ капитана Паттена американецъ Кольвгунъ на бригѣ Бетси посѣтилъ главный островъ и посадилъ тутъ лукъ, картофель, капусту и другія овощи, которыя и теперь ростутъ тамъ въ изобиліи.

Въ 1811 г., нѣкій капитанъ Гейвудъ, на кораблѣ «Нерей», посѣтилъ Тристанъ. Онъ нашелъ здѣсь трехъ американцевъ, которые занимались заготовленіемъ тюленьихъ шкуръ и жира. Одинъ изъ нихъ Джонатанъ Ламбертъ называлъ себя правителемъ острова. Онъ расчистилъ и обработалъ около шестидесяти акровъ земли, засадивъ ихъ кофейнымъ деревомъ и сахарнымъ тростникомъ, которыми снабдилъ его американскій консулъ въ Ріо-де-Жанейро. Въ концѣ концовъ, однако, эта колонія прекратила свое существованіе, а въ 1817 г. архипелагъ былъ объявленъ британскимъ владѣніемъ, и англійское правительство выслало сюда колонистовъ съ мыса Доброй Надежды. Они, однако, пробыли здѣсь недолго; но впослѣдствіи поселились здѣсь три англійскія семьи, независимо отъ правительства. Двадцать пятаго марта 1824 г. капитанъ Джеффри, на кораблѣ Бервикъ, заглянулъ сюда по пути изъ Лондона на Ванъ-Дименову землю и нашелъ здѣсь англичанина по имени Глэссъ, бывшаго капрала британской артиллеріи. Онъ величалъ себя генералъ-губернаторомъ острововъ; подъ его начальствомъ находилось двадцать мужчинъ да три женщины. Онъ отзывался съ большой похвалой о здоровомъ климатѣ и плодородіи острововъ. Колонисты занимались главнымъ образомъ заготовленіемъ тюленьихъ шкуръ и жира морскихъ слоновъ, сбывая эти продукты въ Капскую землю на маленькой шкунѣ, принадлежавшей Глэссу. Въ эпоху нашего прибытія губернаторъ по прежнему правилъ островами, а его колонія увеличилась и состояла изъ пятидесяти шести душъ на Тристанѣ, и маленькаго поселка въ семь душъ на Соловьѣ. Мы достали у нихъ овощей и всякаго рода живности: овецъ, свиней, козъ, кроликовъ, рыбы. Бросивъ якорь у самаго острова, на глубинѣ восемнадцати фатомовъ, мы безъ труда перевезли все это на шкуну. Капитанъ Гай купилъ также у Глэсса пятьсотъ тюленьихъ шкуръ и запасъ слоновой кости. Мы пробыли здѣсь недѣлю, пока господствовалъ сѣверо-западный вѣтеръ и стояла пасмурная погода. Пятаго ноября мы отплыли къ юго-западу, съ цѣлью отыскать и изслѣдовать группу острововъ Аврора, насчетъ которыхъ существовали самыя разнорѣчивыя мнѣнія.

Говорятъ, будто эти острова были открыты въ 1762 г. капитаномъ корабля «Аврора». Въ 1790 г. капитанъ Мануэль де-Оярвидо, на кораблѣ Принцесса, принадлежавшемъ Королевской Филиппинской Компаніи, проходилъ, какъ самъ утверждаетъ, среди этихъ острововъ. Въ 1794 г. испанскій корветъ «Атревида» отправился

опредѣлить ихъ точное географическое положеніе. Въ мемуарѣ, напечатанномъ Королевскимъ Гидрографическимъ обществомъ въ Мадридѣ въ 1809 г., сказано объ этой экспедиціи слѣдующее:— «Корветъ «Атревида» произвелъ всѣ необходимыя наблюденія 21—27 января, и измѣрилъ хронометромъ разницу долготы между этими островами и портомъ Соледадомъ. Всего острововъ три, лежатъ почти на одномъ меридіанѣ, средній довольно низменный, остальные двое видны съ моря на разстояніи девяти лигъ». Наблюденія на Атревидѣ доставили слѣдующія данныя относительно географическаго положенія острововъ. Самый сѣверный находится подъ 52°37′24″ южной широты и 47°43′15″ западной долготы; средній подъ 53°2′40″ южной широты и 47°55′15″ западной долготы; самый южный подъ 53°15′22″ южной широты и 47°57′15″ западной долготы.

Двадцать седьмого января 1820 г. капитанъ Джэмсъ Уэддель, британскаго флота, отправился на поиски «Авроры». Въ своемъ отчетѣ онъ говоритъ, что розыскивалъ ихъ самымъ тщательнымъ образомъ; прошелъ не только черезъ пункты, указанные капитаномъ «Атревиды», но и искрестилъ море по всѣмъ направленіямъ по сосѣдству съ этими пунктами, и, однако, не нашелъ ни малѣйшихъ признаковъ земли.

Эти противорѣчивыя показанія заставили другихъ моряковъ пуститься на поиски, и странное дѣло: одни, объѣздивъ все море въ томъ мѣстѣ, гдѣ должны находиться острова, не нашли ихъ, другіе видѣли и подходили къ ихъ берегамъ. Капитанъ Гай намѣревался сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы рѣшить, наконецъ, этотъ странный споръ *).

Мы продолжали путь въ юго-западномъ направленіи при перемѣнной погодѣ и двадцатаго были у спорнаго пункта, подъ 53°15′ южн. широты, 47°58′ зап. долготы, т. е. подлѣ того мѣста, на которомъ долженъ былъ находиться южный островъ группы. Отсюда мы повернули на сѣверъ до пятьдесятъ второй параллели, затѣмъ на востокъ, продолжая аккуратно опредѣлять широту и долготу утромъ и вечеромъ. Достигнувъ меридіана, соотвѣтствующаго западному берегу Георгіи, мы снова спустились по этому меридіану до пятьдесятъ третьей параллели, описавъ такимъ образомъ четыреугольникъ. Затѣмъ, пересѣкли его по діагоналямъ, все время имѣя вахтеннаго на марсѣ. Изслѣдованіе продолжалось

*) Изъ судовъ,—видѣвшихъ острова Авроры, можно упомянуть о кораблѣ «Санъ-Мигуэль», въ 1769 г.; «Аврора» въ 1774 г.; бригъ «Жемчужина» 1779 г., и «Долоресъ» 1790 г. Всѣ они указываютъ 53° южной широты.

въ теченіе трехъ недѣль при удивительно спокойной ясной погодѣ. Въ результатѣ мы пришли къ убѣжденію, что если тутъ и были когда-нибудь острова, то отъ нихъ не осталось и слѣдовъ. По возвращеніи домой я узналъ, что такое же изслѣдованіе было произведено въ 1822 г. капитаномъ Джонсономъ на американской шкунѣ «Генри» и капитаномъ Морремъ на американской шкунѣ «Оса»—въ обоихъ случаяхъ съ такимъ же результатомъ, какъ наше.

ГЛАВА XVI.

Первоначальнымъ намѣреніемъ капитана Гая было, провѣривъ свѣдѣнія на счетъ архипелага Аврора, направиться къ Магелланову проливу, а оттуда вдоль западнаго берега Патагоніи; но справки, полученныя на Тристанъ д'Акунья, заставили его отклониться къ югу въ надеждѣ розыскать маленькіе острова, находившіеся, по слухамъ, подъ 60° южной широты, 41° 20′ зап. долготы. Если бы не удалось открыть эти острова, онъ намѣревался пройти далѣе къ полюсу, насколько позволитъ время года. Итакъ, двѣнадцатаго декабря мы отплыли въ этомъ направленіи. Восемнадцатаго находились въ пунктѣ, указанномъ Глэссомъ и трое сутокъ крейсировали вокругъ него, не найдя и слѣда островов, о которыхъ онъ говорилъ. Двадцать перваго, при удивительно ясной погодѣ, мы направились далѣе къ югу, рѣшившись проникнуть въ этомъ направленіи какъ можно дальше. Прежде чѣмъ перейду къ этой части моего разсказа, считаю нелишнимъ изложить вкратцѣ исторію немногочисленныхъ попытокъ проникнуть къ южному полюсу, для читателей незнакомыхъ съ этимъ предметомъ.

Первая попытка, о которой мы имѣемъ точныя свѣдѣнія,—экспедиція капитана Кука. Въ 1772 г. онъ отправился къ югу на кораблѣ «Resolution» въ сопровожденіи лейтенанта Фюрно на «Adventure». Въ декабрѣ онъ достигъ пятьдесятъ восьмой параллели подъ 26° 57′ западн. долготы. Тутъ встрѣтились ему ледяныя поля отъ восьми до десяти дюймовъ толщиной, простиравшіяся на сѣверо-западъ и юго-востокъ. Льдины лежали такими сплошными грудами, что корабли съ большимъ трудомъ пробирались между ними. По множеству птицъ и другимъ признакамъ капитанъ Кукъ предполагалъ, что неподалеку должна быть земля. Онъ продолжалъ плыть къ югу, при крайне холодной погодѣ, пока не достигъ шестьдесятъ четвертой параллели подъ 38° 14′ западн. долготы. Тутъ погода стала теплѣе, подулъ легкій вѣтеръ, въ теченіе пяти дней термометръ показывалъ 36°. Въ январѣ 1773 г. корабли пересѣкли южный полярный кругъ, но не могли пробраться дальше, такъ какъ подъ 67° 15′ южн. широты были остановлены колоссальнымъ ле-

дянымъ полемъ, застилавшимъ южный горизонтъ, насколько хватитъ глазъ. Льдины были самой разнообразной формы, иныя въ нѣсколько миль, и поднимались надъ водою на восемнадцать, на двадцать футовъ. Въ виду поздняго времени года, и не надѣясь обогнуть это препятствіе, капитанъ Кукъ скрѣпя сердце повернулъ къ сѣверу.

Въ ноябрѣ слѣдующаго года онъ возобновилъ свои изслѣдованія въ Антарктическомъ океанѣ. Подъ 59° 40′ южн. широты ему попалось сильное теченіе, направлявшееся къ югу. Въ декабрѣ, когда корабли находились подъ 67° 31′ южн. широты, 142° 54′ западн. долготы, наступили жестокіе холода съ сильными вѣтрами и туманами. Здѣсь тоже въ изобиліи попадались птицы: альбатросы, пингвины и въ особенности буревѣстники. Подъ 70° 23′ широты, попались обширныя поля, а вскорѣ затѣмъ облака на южной сторонѣ горизонта приняли бѣлоснѣжную окраску, указывавшую на присутствіе сплошного льда. Подъ 71° 10′ широты, 106° 54′ западн. долготы, мореплаватели снова были остановлены сплошной массой льда, захватывавшей все видимое пространство къ югу. Сѣверная окраина этого ледяного поля была изломана и загромождена льдинами, образовавшими почти непроходимый валъ шириной въ милю. Далѣе простирался сравнительно гладкій ледъ, заканчивавшійся на горизонтѣ гигантскими ледяными горами, нагроможденными одна на другую. Капитанъ Кукъ заключилъ, что это ледяное поле простирается до полюса или примыкаетъ къ материку. Мистеръ Дж. Н. Рейнольдсъ, настойчивости котораго мы обязаны снаряженіемъ національной экспедиціи частію для изслѣдованія этихъ областей, говоритъ о попыткѣ «Resolution» слѣдующее:—«Мы не удивляемся, что капитанъ Кукъ не могъ пробраться дальше 71° 10′ южн. широты, но мы поражены, узнавъ, что онъ достигъ этого пункта подъ 106° 54′ западн. долготы. Земля Пальмера лежитъ къ югу отъ Шетландскихъ острововъ, подъ 64° широты и простирается къ юго-западу дальше, чѣмъ могъ проникнуть какой-либо мореплаватель. Кукъ наткнулся на эту землю, когда его плаваніе было остановлено льдомъ, который, надо опасаться, никогда не оттаиваетъ въ этой мѣстности. Весьма возможно, что ледяныя горы, о которыхъ упоминается въ его отчетѣ, составляютъ часть земли Пальмера».

Въ 1803 г. капитаны Крузенштернъ и Лисянскій были отправлены въ кругосвѣтное плаваніе императоромъ Александромъ I. Пытаясь пробраться къ югу, они достигли только 59°58′ широты подъ 70°15′ зап. долготы. Тутъ попались имъ сильныя теченія, направлявшіяся къ востоку. Они видѣли множество китовъ, но не замѣтили льда. По поводу этой экспедиціи мистеръ Рейнольдсъ

замѣчаетъ, что если бы Крузенштернъ прибылъ въ описываемую имъ область пораньше, то навѣрное засталъ бы здѣсь ледъ: онъ достигъ вышеуказаннаго пункта въ мартѣ мѣсяцѣ. Южные и юго-западные вѣтры, господствовавшіе въ то время, вмѣстѣ съ морскими теченіями отнесли ледъ въ холодную область, ограниченную на сѣверѣ Георгіей, на востокѣ островами Гавайя и Южными Оркнейскими, на западѣ южными Шетландскими.

Въ 1822 г. капитанъ британскаго флота Джэмсъ Уэддель, съ двумя маленькими суденышками, пробрался къ югу дальше всѣхъ предшествующихъ мореплавателей и при томъ безъ особенныхъ затрудненій. По его словамъ, пловучіе льды мѣшали ему только до семьдесятъ второй параллели, а дальше море оказалось свободнымъ и до 74°15′ попались только три ледяныхъ островка. Странно, что несмотря на громадныя стаи птицъ и другіе признаки земли, несмотря на то, что къ югу отъ Шетландскихъ острововъ была замѣчена съ марса неизвѣстная земля,—капитанъ Уэддель все-таки отрицаетъ существованіе материка въ южной полярной области.

Одиннадцатаго января 1823 г., капитанъ Бенджаменъ Моррель, на американской шкунѣ «Оса», отправился съ острова Кергуэленъ на югъ, намѣреваясь проникнуть какъ можно дальше. Перваго февраля онъ находился подъ 64°52′ юж. широты, 118°27′ зап. долготы. Въ журналѣ его подъ этимъ числомъ значится слѣдующее: «Вскорѣ вѣтеръ усилился до одиннадцати узловъ и мы воспользовались этимъ, чтобы идти къ западу. Но убѣжденные, что за шестьдесятъ четвертой параллелью будетъ все меньше и меньше льдовъ, мы все время уклонялись къ югу, пока не перешли южный полярный кругъ и достигли 69°15′ широты. На этой широтѣ мы вовсе не встрѣтили сплошного льда, а видѣли только рѣдкія отдѣльныя льдины».

Подъ 14 марта отмѣчено слѣдующее: «Море было свободно отъ льда, не болѣе дюжины ледяныхъ островковъ находилось въ виду. Въ тоже время температура воздуха и воды стояла по крайней мѣрѣ на тридцать градусовъ выше, чѣмъ гдѣ бы то ни было между шестидесятой и шестьдесятъ второй параллелью. Мы находились теперь подъ 70°14′ южной широты, температура воздуха была 47°, воды 44°. Я опредѣлилъ отклоненіе магнитной стрѣлки въ 14°27′ къ востоку... Я бывалъ и раньше за антарктическимъ кругомъ, на различныхъ меридіанахъ, и всякій разъ убѣждался, что температура воздуха и воды становится тѣмъ выше, чѣмъ дальше проникаешь за шестьдесятъ пятую параллель. Къ сѣверу отъ этой параллели, между шестидесятымъ и шестьдесятъ пятымъ градусами, мы нерѣдко пробирались съ величайшимъ трудомъ среди огромныхъ и безчисленныхъ ледяныхъ горъ, изъ которыхъ

многіе имѣли до двухъ миль въ окружности и возвышались надъ уровнемъ моря на пятьсотъ и больше футовъ».

Вслѣдствіе поздняго времени года, недостатка воды и топлива, и отсутствія необходимыхъ инструментовъ, капитанъ Моррель долженъ былъ вернуться, не пытаясь проникнуть далѣе на западъ, хотя передъ нимъ простиралось открытое море. Онъ говоритъ, что если бы не эти обстоятельства, ему удалось бы добраться до полюса или, по крайней мѣрѣ, до восемьдесятъ пятой параллели. Я остановился на его разсказѣ такъ долго, чтобы читатель могъ судить, насколько онъ подтвердился моимъ собственнымъ опытомъ.

Въ 1831 г., капитанъ Бриско, служившій у гг. Эндерби, владѣльцевъ китоловнаго судна, отправился въ Южный океанъ на бригѣ «Живчикъ» въ сопровожденіи катера «Тэли». Двадцать восьмого февраля, находясь подъ 66°30′ южной широты, 47°13′ западной долготы, онъ увидалъ землю и «ясно различилъ среди снѣговъ черныя вершины горнаго хребта, тянувшагося въ направленіи ESE». Онъ оставался здѣсь цѣлый мѣсяцъ, но не могъ подойти къ берегу ближе десяти лигъ, вслѣдствіе бурной погоды. Убѣдившись, что дальнѣйшія изслѣдованія невозможны, вслѣдствіе поздняго времени года, онъ повернулъ къ сѣверу и пошелъ зимовать на Ванъ-Дименову землю.

Въ началѣ 1832 г. онъ снова отправился на Югъ и четвертаго февраля увидѣлъ землю на юго-востокѣ подъ 67°15' южной широты и 69°29' западной долготы. Она оказалась островомъ, примыкавшимъ къ ранѣе открытой землѣ. Двадцать перваго онъ высадился на эту послѣднюю и вступилъ во владѣніе ею отъ имени Вильгельма IV, давъ ей названіе островъ Аделаиды, въ честь англійской королевы. Королевское Географическое Общество въ Лондонѣ, выслушавъ отчетъ объ этихъ путешествіяхъ, пришло къ слѣдующему заключенію: «непрерывная полоса суши тянется отъ 47°30' восточной до 69°29' западной долготы между шестьдесятъ шестой и шестьдесятъ седьмой параллелями южной широты». Мистеръ Рейнольдсъ замѣчаетъ по поводу этого: «мы отнюдь не находимъ этого заключенія правильнымъ, да и открытія Бриско вовсе не оправдываютъ его. Въ предѣлахъ указанной области капитанъ Уэддель проникъ далеко къ югу». Мой собственный опытъ доказываетъ полнѣйшую несостоятельность вывода, къ которому пришло общество.

Вотъ главныя попытки проникнуть къ южному полюсу. Изъ всего вышеизложеннаго видно, что до путешествія Джэнъ Гай оставалось около трехсотъ градусовъ долготы, въ предѣлахъ которыхъ южный полярный кругъ ни разу не былъ перейденъ. Такимъ образомъ, передъ нами открывалось обширное поле для открытій

и я съ живѣйшимъ интересомъ отнесся къ намѣренію капитана Гая проникнуть подальше къ югу.

ГЛАВА XVII.

Бросивъ поиски острововъ Глэсса, мы плыли на югъ въ теченіе четырехъ сутокъ, не замѣчая и признаковъ льда. Въ полдень двадцать шестого, мы находились подъ 63°23′ южной широты, 41°25′ западной долготы. Тутъ мы замѣтили нѣсколько ледяныхъ горъ и небольшое поле сплошного льда. Вѣтеръ былъ большею частью съ юго-востока или сѣверо-восточный, но очень слабый. Изрѣдка поднимался западный, всегда съ дождемъ. Каждый день шелъ болѣе или менѣе сильный снѣгъ. Двадцать седьмого термометръ показывалъ тридцать пять градусовъ.

1 января 1828 г.—Мы совершенно затерты льдами и перспектива, открывающаяся передъ нами, совсѣмъ не веселаго свойства. Сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, поднявшійся съ полудня, нагонялъ такіе груды льда на носъ и корму, что мы каждую минуту дрожали за послѣдствія. Вечеромъ, при бѣшеномъ ураганѣ, громадное ледяное поле, простиравшееся передъ нами, раскололось, такъ что намъ удалось, поднявъ всѣ паруса, протиснуться въ болѣе свободную отъ льдовъ часть моря. Приближаясь къ этому открытому пространству, мы постепенно убавляли паруса и, наконецъ, выбравшись на свободу, легли въ дрейфъ подъ фокъ-зейлемъ на одномъ рифѣ.

2 января.—Погода улучшилась. Въ полдень мы находились подъ 69°10′ южной широты, 42°20′ западной долготы, по ту сторону южнаго полярнаго круга. Къ югу почти не видно льда, хотя за нами остались обширныя ледяныя поля. Мы устроили лотъ изъ чугуннаго котла въ двадцать галлоновъ и веревки въ двѣсти фатомовъ длиною. Теченіе направляется къ сѣверу съ быстротою четверть мили въ часъ. Температура воздуха около тридцати трехъ градусовъ. Отклоненіе къ востоку 14°28′.

5 января.—Продолжали путь къ югу, не встрѣчая особенныхъ препятствій. Однако, въ это утро, подъ 73°15′ южной широты, 42°10′ западной долготы мы были задержаны огромнымъ ледянымъ полемъ. Но далѣе къ югу мы замѣтили открытое море, и не сомнѣвались, что до него возможно добраться. Направившись къ востоку, вдоль окраины ледяного поля, мы встрѣтили, наконецъ, проходъ въ милю шириной, по которому кое-какъ пробрались уже на закатѣ солнца. За нимъ оказалось море, усѣянное льдинами, но свободное отъ сплошного льда, такъ что мы смѣло продолжали путь. Холодъ не увеличивался, хотя снѣгъ перепадалъ довольно

часто, а иногда валилъ сильный градъ. Громадныя стаи альбатросовъ пролетали надъ шкуной, направляясь съ юго-востока на сѣверо-западъ.

7 января.—Море, по прежнему, не особенно загромождено льдами, такъ что мы безъ труда продолжаемъ нашъ путь. Въ западномъ направленіи замѣтили нѣсколько чудовищныхъ ледяныхъ горъ, а подъ вечеръ прошли мимо одной изъ нихъ. Вершина ея отстояла отъ поверхности океана по меньшей мѣрѣ на четыреста фатомовъ. Въ обхватѣ она имѣла приблизительно около трехъ четвертей мили, и множество потоковъ струилось изъ расщелинъ по ея бокамъ. Мы оставались въ виду этого ледяного острова двое сутокъ; затѣмъ онъ исчезъ въ туманѣ.

10 января.—Рано утромъ мы имѣли несчастіе потерять человѣка. Это былъ Петеръ Вреденбургъ, американецъ, уроженецъ Нью-Іорка, одинъ изъ лучшихъ матросовъ на нашей шкунѣ. Проходя по носу, онъ поскользнулся, упалъ въ море между двухъ льдинъ, и больше его не видали. Въ полдень мы находились подъ 78°30′ широты, 40°15′ западной долготы. Холодъ стоялъ лютый, то и дѣло набѣгали тучи съ градомъ съ сѣверо-востока. Въ томъ же направленіи видѣли много огромныхъ льдинъ, а весь восточный горизонтъ загроможденъ ледяными горами, которыя поднимаются амфитеатромъ, одна надъ другой. Вечеромъ былъ замѣченъ пловучій лѣсъ и множество птицъ — буревѣстниковъ, альбатросовъ и какихъ-то особенныхъ, блестящаго голубого цвѣта. Отклоненіе здѣсь меньше чѣмъ по ту сторону южнаго полярнаго круга.

12 января.—Наше плаваніе снова затруднено, ничего не видно въ направленіи полюса, кромѣ безконечнаго, повидимому, сплошнаго льда, груды ледяныхъ утесовъ, вздымающихся одинъ надъ другимъ. До четырнадцатаго мы шли къ западу въ надеждѣ отъискать проходъ.

14 января.—Утромъ мы добрались до западной оконечности ледяного поля, преграждавшаго намъ путь и, обогнувъ его, вышли въ открытое море, безъ малѣйшихъ слѣдовъ льда. Мы нашли здѣсь теченіе, направляющееся къ югу со скоростью полумили въ часъ. Температура воздуха 47°, воды 34°. Мы продолжали плыть къ югу до шестнадцатаго, не встрѣчая никакихъ препятствій; въ этотъ день мы достигли 81°21′ широты подъ 42° западной долготы. Теченіе по прежнему устремляется къ югу, со скоростью трехъ четвертей мили въ часъ. Отклоненіе магнитной стрѣлки уменьшилось, температура мягкая и пріятная, термометръ показываетъ 51°. Льда ни крошки. Всѣ на кораблѣ увѣрены, что мы достигнемъ полюса.

17 января.—День, полный приключеній. Безчисленныя стаи птицъ тянулись съ юга, мы застрѣлили нѣсколько штукъ, въ томъ

числѣ пеликана, оказавшагося превосходнымъ блюдомъ. Около полудня марсовой замѣтилъ небольшую льдину съ праваго борта, а на ней какое-то огромное животное. Такъ какъ погода стояла хорошая и ясная, то капитанъ Гай отрядилъ двѣ шлюпки посмотрѣть, что это за звѣрь. Дэркъ Петерсъ и я сопровождали старшаго помощника въ большой лодкѣ. Подплывъ къ льдинѣ, мы увидѣли гигантскаго звѣря изъ породы бѣлыхъ медвѣдей, но гораздо большихъ размѣровъ, чѣмъ обыкновенный видъ. Такъ какъ мы были хорошо вооружены, то и рѣшились напасть на него безъ всякихъ колебаній. Сдѣлали залпъ, большая часть пуль попала, повидимому, въ голову звѣря. Ничуть не смущаясь этимъ, онъ кинулся въ море и поплылъ, разинувъ пасть, къ лодкѣ, въ которой находились Петерсъ и я. Вслѣдствіе смятенія, вызваннаго этимъ неожиданнымъ оборотомъ дѣла, никто не успѣлъ выстрѣлить вторично, и медвѣдь, ввалившись до половины въ нашу лодку, схватилъ одного изъ матросовъ за крестецъ, прежде чѣмъ мы приготовились къ защитѣ. Только проворство и находчивость Петерса спасли насъ отъ гибели въ эту критическую минуту. Вскочивъ на спину звѣря, онъ погрузилъ ножъ ему въ шею, перерѣзавъ спинной мозгъ однимъ ударомъ. Животное рухнуло въ море, увлекая за собою Петерса. Послѣдній, впрочемъ, тотчасъ вынырнулъ и, прежде чѣмъ взобраться на лодку, обвязалъ трупъ звѣря веревкой, которую мы бросили ему. Затѣмъ мы съ торжествомъ вернулись на шкуну, таща за собой нашъ трофей. Длина этого медвѣдя оказалась въ пятнадцать футовъ. Шерсть была совершенно бѣлая, жесткая и курчавая. Глаза кроваво красные, больше, чѣмъ у обыкновеннаго полярнаго медвѣдя, морда болѣе закругленная, напоминающая морду бульдога. Мясо очень нѣжное, но горькое, и сильно отзывалось рыбьимъ жиромъ. Впрочемъ, наши матросы ѣли его съ жадностью и находили превосходнымъ.

Не успѣли мы втащить нашу добычу на корабль, какъ съ марса раздался радостный крикъ:—«земля съ лѣваго борта!» Всѣ оживились и вскорѣ, при попутномъ вѣтрѣ съ сѣверо-востока, подошли къ берегу. Земля оказалась низкимъ скалистымъ островомъ, около мили въ окружности, почти безъ всякой растительности. Съ сѣверной стороны его выдавался небольшой мысъ, странной формы, напоминавшій тюкъ хлопчатой бумаги. Къ западу отъ него находилась маленькая бухта, въ которой могли пристать наши шлюпки.

Немного времени потребовалось, чтобы осмотрѣть островъ, но, за однимъ исключеніемъ, мы не нашли ничего замѣчательнаго. Только на южной оконечности островка мы вытащили изъ подъ груды камней обломокъ дерева, напоминавшій по формѣ носъ

челнока. На немъ была замѣтна рѣзьба и капитанъ Гай различилъ въ ней изображеніе черепахи, но, надо сознаться, весьма сомнительнаго сходства. За исключеніемъ этого обломка мы не нашли никакихъ слѣдовъ прежняго пребыванія людей на островѣ. У береговъ попадались изрѣдка небольшія скопленія льда. Точное положеніе островка (которому капитанъ Гай далъ названіе «Островъ Беннета» въ честь своего компаньона) 82° 50′ южной широты, 42° 20′ западной долготы.

Мы пробрались къ югу на восемь градусовъ дольше всѣхъ прежнихъ мореплавателей, а передъ нами все еще разстилалось открытое, свободное ото льда море. Отклоненіе постепенно уменьшалось по мѣрѣ нашего движенія къ югу, и, что всего удивительнѣе, температура воздуха и воды становилась мягче. Погоду можно было даже назвать пріятной; легкій вѣтеръ все время дулъ въ одномъ направленіи, съ сѣвера. Небо большею частью было ясно, только, время отъ времени, собирались тучки на южной сторонѣ горизонта,—но вскорѣ исчезали. Насъ смущали только два обстоятельства: недостатокъ топлива и скорбутъ, проявившійся среди экипажа. Эти обстоятельства заставили капитана Гая подумать о возвращеніи, и онъ нѣсколько разъ высказывался въ этомъ смыслѣ. Я съ своей стороны, убѣжденный, что мы вскорѣ наткнемся на землю, и, судя по всему, не такую безплодную, какія обыкновенно встрѣчаются въ арктическихъ моряхъ, горячо убѣждалъ его продолжать путь въ томъ же направленіи, по крайней мѣрѣ, еще нѣсколько дней. Никогда еще мореплавателямъ не представлялся такой удобный случай рѣшить великую проблему антарктическаго материка и я, признаюсь, пылалъ негодованіемъ на робость и нерѣшительность капитана. Я думаю даже, что мои настоянія убѣдили его отказаться отъ своего намѣренія. И хотя я съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминаю о грустныхъ и кровавыхъ событіяхъ, явившихся результатомъ моихъ настояній, но не могу не чувствовать извѣстнаго удовлетворенія при мысли, что мнѣ довелось быть орудіемъ, хотя бы самымъ отдаленнымъ, разоблаченія величайшихъ, интереснѣйшихъ тайнъ, когда либо привлекавшихъ вниманіе науки.

ГЛАВА XVIII.

18 января.—Утромъ *) продолжали путь къ югу при той же пріятной погодѣ. Море совершенно гладко, довольно теплый вѣ-

*) Термины утро и вечеръ, къ которымъ я прибѣгаю ради удобства, разумѣется, не должны быть понимаемы въ обычномъ смы-

терокъ съ сѣверо-востока, температура воды пятьдесятъ три градуса. Снова опредѣлили направленіе морского теченія и убѣдились, что оно устремляется къ югу съ быстротой мили въ часъ. Это постоянство въ направленіи теченія и вѣтра, возбуждало недоумѣнія и даже тревогу въ экипажѣ, и смущало самого капитана Гая. Но онъ крайне боялся показаться смѣшнымъ и мнѣ удалось шутками разсѣять его опасенія. Отклоненіе магнитной стрѣлки было теперь ничтожное. Въ теченіе дня мы видѣли множество китовъ; безчисленныя стаи альбатросовъ тянули надъ кораблемъ. Мы поймали въ морѣ кустарникъ съ красными ягодами, въ родѣ боярышника, и трупъ какого-то страннаго животнаго, очевидно, неземного. Длиною оно было въ три фута, толщиной въ шесть дюймовъ, съ короткими лапами и длинными когтями ярко-краснаго цвѣта, напоминавшими кораллъ. Тѣло было покрыто бѣлой шелковистой шерстью. Хвостъ остроконечный, какъ у крысы, фута въ полтора длиною. Голова напоминала голову кошки, исключая ушей, болтавшихся, какъ у собаки. Зубы были такого же ярко-краснаго цвѣта, какъ и когти.

19 января.—Сегодня, подъ 83°20′′ широты, 43°5′′ западной долготы (море приняло замѣчательно темную окраску) мы снова увидѣли землю, которая оказалась группой очень большихъ острововъ. Берегъ былъ утесистый, внутренность страны, повидимому, одѣта лѣсомъ, что очень обрадовало насъ. Спустя четыре часа послѣ того какъ земля была впервые замѣчена, мы бросили якорь на глубинѣ десяти фатомовъ, на разстояніи мили отъ берега, такъ какъ сильный прибой не позволялъ подойти ближе. Капитанъ отрядилъ двѣ самыя большія шлюпки, и партія хорошо вооруженныхъ матросовъ (въ томъ числѣ Петерсъ и я) отправилась разыскивать проходъ среди рифовъ, окружавшихъ островъ. Послѣ непродолжительныхъ поисковъ мы нашли проливъ и хотѣли войти въ него, когда замѣтили, что отъ берега отплыли четыре большихъ челна, наполненные людьми, повидимому, хорошо вооруженными. Мы остановились, поджидая ихъ, и такъ какъ они плыли очень быстро, то вскорѣ приблизились къ намъ. Капитанъ Гай привязалъ къ веслу бѣлый платокъ въ знакъ мира; увидѣвъ его, туземцы остановились и заговорили всѣ разомъ на какомъ-то незнакомомъ языкѣ. Мы могли разобрать только отдѣльныя восклицанія

слѣ. Мы давно уже не видали ночи, пользуясь постояннымъ днемъ. Даты обозначены мною, какъ онѣ опредѣлялись на кораблѣ, по морскому времени. Замѣчу кстати, что я не могу ручаться за точность опредѣленій времени, долготы и широты въ первой части моего разсказа, такъ какъ началъ вести регулярный дневникъ только позднѣе. Во многихъ случаяхъ мнѣ приходилось полагаться на память.

Анаму-му и Лама-Лама! Это продолжалось полчаса, причемъ мы могли хорошо разсмотрѣть наружность туземцевъ.

Въ четырехъ челнахъ, длиною футовъ въ пятьдесятъ, шириною въ четыре, сидѣло сто десять дикарей. Они были такого же роста, какъ европейцы, но болѣе крѣпкаго мускулистаго сложенія, черные какъ уголь, съ густыми, длинными, похожими на шерсть волосами. Одеждой имъ служили косматыя, съ шелковистой шерстью, шкуры какого-то неизвѣстнаго животнаго, довольно искусно обернутыя вокругъ тѣла, мѣхомъ внутрь; только на шеѣ, рукахъ и ногахъ онъ былъ выворочень наружу. Оружіе ихъ состояло, главнымъ образомъ, изъ дубинъ какого-то чернаго и, повидимому, очень тяжелаго дерева. Кромѣ того мы замѣтили нѣсколько копій съ кремневыми наконечниками и пращи. На днѣ лодокъ лежали груды черныхъ каменьевъ величиной съ куриное яйцо.

Когда они кончили свое привѣтствіе (кажется, ихъ болтовня имѣла смыслъ привѣтственной рѣчи) одинъ изъ нихъ, повидимому, начальникъ, сталъ на носъ челна и знаками приглашалъ насъ приблизиться. Мы сдѣлали видъ, что не понимаемъ его приглашенія, считая болѣе благоразумнымъ держаться на нѣкоторомъ разстояніи, такъ какъ дикарей было вчетверо больше, чѣмъ насъ. Догадавшись о нашихъ опасеніяхъ, начальникъ велѣлъ тремъ лодкамъ отойти подальше, а самъ приблизился къ намъ на своемъ челнѣ, перескочилъ въ большую шлюпку и усѣлся рядомъ съ капитаномъ, указывая на шкуну и повторяя слова Анаму-му и Лама-Лама. Затѣмъ мы отправились на корабль, а четыре челна слѣдовали за нами на нѣкоторомъ разстояніи.

Поднявшись на палубу, начальникъ выразилъ крайнее удивленіе и восхищеніе, хлопалъ въ ладоши, билъ себя по ляжкамъ и въ грудь и хохоталъ какъ сумасшедшій. Его спутники раздѣляли его веселье, такъ что въ теченіе нѣсколькихъ минутъ стоялъ оглушительный гвалтъ. Когда, наконецъ, возстановилось спокойствіе, капитанъ Гай приказалъ поднять шлюпки, въ видахъ предосторожности, и знаками объяснилъ начальнику (имя котораго, какъ мы вскорѣ узнали, было Ту-Уитъ), что онъ не можетъ принять на корабль болѣе двадцати человѣкъ разомъ. Дикарь, повидимому, согласился на это требованіе и отдалъ какія-то распоряженія, послѣ которыхъ одинъ изъ челновъ приблизился къ кораблю, а остальные отошли на разстояніе пятидесяти ярдовъ. Двадцать дикарей взобрались на палубу и тотчасъ принялись осматривать корабль, лазить по снастямъ, чувствуя себя, повидимому, какъ дома и разсматривая каждую вещь съ величайшимъ любопытствомъ.

Ясно было, что они никогда еще не видали бѣлыхъ людей, и

что этотъ цвѣтъ внушалъ имъ крайнее отвращеніе. Они принимали «Джэнъ» за живое существо и, повидимому, боялись ранить ее своими копьями, стараясь держать ихъ остріями вверхъ. Одна выходка Ту-Уита въ особенности разсмѣшила нашихъ матросовъ. Поваръ кололъ дрова подлѣ кухни и, промахнувшись, вогналъ топоръ глубоко въ палубу. Начальникъ тотчасъ подбѣжалъ къ нему, грубо оттолкнулъ, и не то застоналъ, не то завылъ, въ знакъ сочувствія страданіямъ шкуны, поглаживая ея рану рукой и обмывая морской водой изъ кадки, стоявшей подлѣ. Мы не ожидали такого невѣжества, и я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что начальникъ притворяется.

Когда посѣтители удовлетворили свое любопытство, осмотрѣвъ палубу, мы пригласили ихъ въ каюту. Тутъ удивленіе ихъ превзошло всякія границы, повидимому, даже лишило ихъ способности говорить, такъ какъ они стояли въ молчаливомъ изумленіи, испуская отрывочныя восклицанія. Оружіе въ особенности заинтересовало ихъ, и мы позволили имъ вертѣть и осматривать его, какъ угодно. Кажется, они не поняли настоящаго значенія этихъ предметовъ, а приняли ихъ за идоловъ, видя какъ внимательно мы слѣдимъ за ними. Пушки еще болѣе изумили дикарей. Они приближались къ нимъ съ знаками глубочайшаго почтенія и боязни, но не рѣшались трогать и ощупывать. Но удивленіе ихъ достигло кульминаціоннаго пункта при видѣ двухъ большихъ зеркалъ въ каютѣ. Ту-Уитъ первый приблизился къ нимъ, дойдя до средины каюты, лицомъ къ одному зеркалу, спиной къ другому. Онъ не сразу замѣтилъ ихъ, но когда поднялъ глаза и увидѣлъ свое отраженіе въ стеклѣ, то совсѣмъ ошалѣлъ; когда же, обернувшись, увидѣлъ себя и съ другой стороны, то я думалъ, что его хватитъ ударъ. Никакія увѣщанія не могли заставить его взглянуть въ зеркало еще разъ; бросившись на полъ, онъ лежалъ ничкомъ, пока мы не вытащили его на палубу.

Такимъ образомъ всѣ дикари перебывали на шкунѣ, по двадцати человѣкъ заразъ; только Ту-Уитъ оставался все время. Мы не замѣтили въ нихъ наклонности къ воровству, и послѣ ихъ ухода всѣ вещи оказались на лицо. Всѣ они выказывали самыя дружескія намѣренія. Правда, нѣкоторыя особенности въ ихъ поведеніи показались намъ странными; напримѣръ, они ни за что не хотѣли подойти къ совершенно безобиднымъ предметамъ: парусамъ, яйцу, открытой книгѣ, корзинѣ съ мукой. Мы старались узнать, нѣтъ-ли у нихъ какихъ-нибудь товаровъ для продажи, но не могли втолковать имъ, что намъ требуется. Мы узнали, однако, къ нашему изумленію, что острова изобилуютъ большими галапагосскими черепахами, и видѣли одну въ челнокѣ Ту-Уита. Мы за-

мѣтили также нѣсколько biche de mer у одного изъ дикарей, который съ жадностью пожиралъ ихъ сырыми. Эти неожиданныя—имѣя въ виду широту мѣстности—явленія навели капитана Гая на мысль тщательно изслѣдовать островъ, въ надеждѣ извлечь какую-нибудь выгоду изъ этого открытія. Я съ своей стороны, хотя и интересовался островами, но еще сильнѣе пылалъ нетерпѣніемъ продолжать путь къ южному полюсу. Погода стояла прекрасная, но никто не могъ сказать, долго-ли она простоитъ. Между тѣмъ мы достигли уже восемьдесятъ четвертой параллели, передъ нами разстилалось открытое море, теченіе несло насъ къ югу—мудрено-ли, что мнѣ не хотѣлось оставаться здѣсь дольше, чѣмъ было абсолютно необходимо для поправки экипажа и для того, чтобы запастись топливомъ и свѣжей провизіей. Я доказывалъ капитану, что мы можемъ остановиться подольше на этихъ островахъ на обратномъ пути и перезимовать здѣсь, если льды преградятъ намъ путь. Въ концѣ концовъ онъ согласился со мною (не знаю какимъ образомъ, но я пріобрѣлъ надъ нимъ вліяніе) и рѣшилъ, что даже если намъ удастся найти много biche de mer, мы пробудемъ на островахъ самое большее недѣлю, пополнимъ свои запасы и затѣмъ отправимся дальше на югъ. Согласно этому рѣшенію мы сдѣлали всѣ необходимыя приготовленія, и провели «Джэнъ» сквозь рифы по указаніямъ Ту-Уита и бросили якорь на разстояніи мили отъ острова въ прекрасной бухтѣ, глубиною въ десять фатомовъ, съ чернымъ песчанымъ дномъ, защищенной со всѣхъ сторонъ землею. У входа въ гавань впадали въ море три ручья (по словамъ дикарей) съ превосходной ключевой водой; окрестности были одѣты лѣсомъ. Четыре челна слѣдовали за нами, впрочемъ, на почтительномъ разстояніи. Самъ Ту-Уитъ оставался на шкунѣ, а когда мы бросили якорь, пригласилъ насъ посѣтить его деревню. Капитанъ Гай согласился; десять дикарей остались въ качествѣ заложниковъ; а мы, всего двѣнадцать человѣкъ, отправились съ вождемъ, хорошенько вооружившись, но стараясь не обнаруживать недовѣрія. На шкунѣ приготовили пушки, подняли абордажныя сѣти, вообще приняли всѣ мѣры предосторожности на случай нечаяннаго нападенія. Старшій помощникъ получилъ приказаніе не принимать никого на шкуну въ наше отсутствіе, а если мы не вернемся черезъ двѣнадцать часовъ, выслать на поиски катеръ, вооруженный фальконетомъ.

На островѣ мы на каждомъ шагу убѣждались, что эта земля глубоко отличается отъ всѣхъ странъ, посѣщавшихся доселѣ цивилизованными людьми. Все, что мы видѣли, было ново и неожиданно. Деревья совсѣмъ не напоминали растительность жаркаго, умѣреннаго или сѣвернаго полярнаго пояса, не походили даже на тѣ, ко-

торыя попадались намъ до сихъ поръ въ южныхъ широтахъ. Даже скалы поражали насъ своей странной формой, цвѣтомъ, строеніемъ; самые ручьи, — какъ ни кажется это невѣроятнымъ, — до того отличались отъ видѣнныхъ нами раньше, что мы не рѣшались пить ихъ воду и не могли повѣрить, что эта вода естественная. У небольшого ручья, пересѣкавшаго намъ путь (перваго, который мы встрѣтили), Ту-Уитъ и его спутники остановились напиться. Но мы не рѣшились попробовать эту странную воду, думая, что она испорчена, и только позднѣе убѣдились, что рѣшительно всѣ рѣчки на этихъ островахъ имѣютъ такой же характеръ. Я затрудняюсь дать понятіе объ этой водѣ въ немногихъ словахъ. Хотя она быстро струилась по склонамъ почвы, какъ и обыкновенныя воды, но нигдѣ, за исключеніемъ каскадовъ, не обладала свойственной водѣ прозрачностью. Между тѣмъ она была чиста, какъ самая лучшая ключевая вода, отличаясь отъ послѣдней только внѣшнимъ видомъ. Съ перваго взгляда, въ особенности тамъ, гдѣ уклонъ дна былъ незначителенъ, она напоминала густой растворъ обыкновеннаго гуммиарабика. Но это не было ея главной отличительной чертой. Она не была безцвѣтна и не представляла какого либо опредѣленнаго цвѣта, а отливала безчисленными оттѣнками пурпура, подобно шелковой матеріи. Эти переливы красокъ возбуждали въ насъ такое же удивленіе, какъ зеркало въ Ту-Уитѣ. Наполнивъ кувшинъ этой водой и давъ ей устояться, мы замѣтили, что она состоитъ изъ множества отдѣльныхъ разноцвѣтныхъ жилокъ, что эти жилки не смѣшиваются, и что только частицы внутри жилокъ плотно соединены другъ съ другомъ, сами же онѣ отдѣлены друга отъ друга. Когда мы проводили ножемъ въ водѣ, онѣ тотчасъ смыкались, не оставляя никакихъ слѣдовъ разрѣза. Но если ножъ случайно проходилъ между двухъ жилокъ и разъединялъ ихъ, то онѣ не сразу сближались. Эта удивительная вода представляетъ первое звено въ цѣпи кажущихся чудесъ, среди которыхъ я жилъ съ этого дня.

ГЛАВА XIX.

Мы шли почти три часа, такъ какъ деревня отстояла на девять миль отъ берега, а дорога шла по очень неровной мѣстности. По пути толпа дикарей (съ Ту-Уитомъ отправились всѣ сто десять человѣкъ, бывшіе въ челнахъ) постоянно росла, такъ какъ къ ней то и дѣло присоединялись новыя партіи душъ по шести-семи. Они являлись повидимому случайно, но такъ систематично, что у меня невольно возникло недовѣріе, и я сообщилъ о своихъ опасеніяхъ капитану Гаю. Теперь, впрочемъ, поздно было думать о возвращеніи и мы

рѣшили, что самое безопасное для насъ дѣлать видъ, будто мы вполнѣ полагаемся на честность Ту-Уита. Итакъ, мы продолжали путь, наблюдая исподтишка за поведеніемъ дикарей и не позволяя имъ раздѣлить насъ. Такимъ образомъ, перебравшись черезъ глубокую пропасть, мы достигли единственной, какъ намъ говорили, деревни на островѣ. Когда она явилась передъ нами, Ту-Уитъ испустилъ громкое восклицаніе и нѣсколько разъ повторилъ слово Клокъ-Клокъ, которое мы приняли за названіе этой деревни, или всѣхъ вообще деревень.

Постройки имѣли невыразимо жалкій видъ и, противно обычаю дикарей, не представляли однообразія. Нѣкоторыя (принадлежавшія, какъ мы узнали позднѣе, Вампузамъ или Ямпузамъ, т. е. вождямъ) состояли изъ дерева, срубленнаго на четыре фута отъ земли, вокругъ котораго свѣшивались черныя шкуры. Подъ ними ютились дикари. Другія состояли изъ большихъ сучьевъ, прислоненныхъ подъ угломъ градусовъ въ сорокъ пять къ кучѣ земли, неправильной формы, вышиною въ пять или шесть футовъ. Иныя, наконецъ, были простыя ямы, вырытыя въ землѣ и прикрытыя вѣтвями, которыя снимались, когда хозяинъ входилъ въ землянку, а затѣмъ настилались снова. Немногія были устроены въ развилинахъ древесныхъ стволовъ, причемъ верхніе сучья были надломлены, такъ что спускались надъ нижними, образуя густой шатеръ. Но большинство представляли пещерки, вырытыя въ обрывѣ утеса, состоявшаго изъ какой-то черной земли, въ родѣ сукновальной глины, и окружавшаго деревню съ трехъ сторонъ. У входа въ эти первобытныя жилища лежали камни, которыми хозяинъ тщательно задвигалъ свою хижину, когда уходилъ изъ дома. Для чего это дѣлалось, не знаю, такъ какъ камни не закрывали входа и на одну треть.

Деревня, если только можно называть деревней подобное становище, находилась въ глубокой долинѣ, въ которую можно было проникнуть только съ южной стороны, такъ какъ съ остальныхъ она была окаймлена упомянутымъ выше утесомъ. Среди долины струилась шумная рѣчка съ такой же странной водой, какъ та, что мы видѣли раньше. Мы замѣтили подлѣ жилищъ какихъ-то странныхъ животныхъ, повидимому, ручныхъ. Самое крупное изъ нихъ напоминало нашу обыкновенную свинью формой туловища и рыла, но обладало мохнатымъ хвостомъ и тонкими ногами, какъ у антилопы. Движенія его были крайне неуклюжы и боязливы, и мы ни разу не замѣтили, чтобы оно пустилось бѣжать. Были тутъ и другія животныя, похожія на первое, но болѣе удлиненной формы и покрытыя черной шерстью. Много было разнообразной домашней птицы, составлявшей, повидимому, главную пищу туземцевъ. Къ

нашему удивленію, мы замѣтили тутъ множество черныхъ альбатросовъ, совершенно ручныхъ, періодически улетавшихъ въ море кормиться, но всегда возвращавшихся назадъ, и гнѣздившихся на близлежащемъ берегу. На гнѣздовьи они жили совмѣстно съ своими друзьями пингвинами, но эти послѣдніе никогда не являлись въ деревню. Мы замѣтили также утокъ, почти такихъ же какъ наши, черныхъ баклановъ и большую птицу, похожую на сарыча, но не хищную. Рыба здѣсь, очевидно, водилась въ изобиліи. Во время нашего посѣщенія, мы видѣли много сушеной семги, трески, голубыхъ дельфиновъ, мокрели, камбалы, морскихъ угрей, скатовъ, пеструшекъ, барвенъ, доршей, палтусовъ и безчисленныхъ другихъ породъ. Мы замѣтили также, что большинство ихъ напоминали породы, водящіяся подлѣ Аукленскихъ острововъ подъ пятьдесятъ первымъ градусомъ южной широты. Галапагосскія черепахи также попадались во множествѣ. Мы видѣли дикихъ звѣрей, но мало—всѣ они были небольшой величины и не походили ни на одинъ изъ знакомыхъ намъ видовъ. Двѣ-три змѣи, самаго страшнаго вида, переползли передъ нами дорогу, но дикари не обратили на нихъ ни малѣйшаго вниманія, изъ чего мы заключили, что онѣ не ядовиты.

Когда мы подошли къ деревнѣ, огромная толпа бросилась на встрѣчу Ту-Уиту и его спутникамъ, съ оглушительными криками, среди которыхъ мы различили вѣчныя Анаму-му и Лама-Лама! Мы съ удивленіемъ увидали, что эти люди, за однимъ или двумя исключеніями, были совершенно нагіе. Только дикари, встрѣченные нами въ челнахъ, носили черныя шкуры. Повидимому, въ ихъ рукахъ находилось также все мѣстное оружіе, такъ какъ населеніе деревни было совершенно безоружно. Тутъ было много дѣтей и женщинъ, въ своемъ родѣ довольно красивыхъ. Высокія, стройныя, хорошо сложенныя, онѣ отличались граціей и свободой движенія, рѣдкой въ цивилизованномъ обществѣ. Губы ихъ, однако, были также толсты и мясисты, какъ у мужчинъ, такъ что зубовъ не было видно даже когда онѣ смѣялись. Волосы были тоньше, чѣмъ у мужчинъ. Среди этого голаго населенія мы замѣтили человѣкъ десять-двѣнадцать одѣтыхъ подобно спутникамъ Ту-Уита въ черныя шкуры и вооруженныхъ копьями и палицами. Повидимому, они пользовались большимъ вліяніемъ среди своихъ соплеменниковъ, которые величали ихъ титуломъ Вампу. Имъ же принадлежали шатры изъ черныхъ шкуръ. Шатеръ Ту-Уита помѣщался въ центрѣ деревни и былъ гораздо больше и лучше устроенъ, чѣмъ остальные. Дерево, служившее для него опорой, было срублено на разстояніи двѣнадцати футовъ отъ земли; пониже оставлено нѣсколько вѣтвей для крыши, состоявшей изъ четырехъ огромныхъ

шкуръ, скрѣпленныхъ деревянными иглами, и прибитыхъ къ землѣ колышками. Полъ былъ покрытъ толстымъ слоемъ сухихъ листьевъ.

Насъ торжественно ввели въ эту палатку, а за нами втиснулось столько народу, сколько могло помѣститься. Ту-Уитъ усѣлся на листьяхъ и знакомъ пригласилъ насъ послѣдовать его примѣру. Мы повиновались и очутились въ самомъ неудобномъ, чтобы не сказать критическомъ положеніи. Мы двѣнадцать человѣкъ сидѣли на землѣ, такъ плотно стиснутые дикарями, которыхъ набилось въ палатку сорокъ человѣкъ, что въ случаѣ нападенія не могли бы воспользоваться своимъ оружіемъ, ни даже встать на ноги. Народъ столпился не только въ палаткѣ, но и вокругъ нея; тутъ очевидно собралось все населеніе острова и если насъ не задавили на смерть, то только благодаря увѣщаніямъ и окрикамъ Ту-Уита. Вообще, главной гарантіей нашей безопасности былъ самъ вождь; мы окружили его какъ можно плотнѣе, рѣшившись умертвить его при первомъ проявленіи враждебныхъ намѣреній.

Послѣ первой суматохи установилось относительное спокойствіе, и вождь обратился къ намъ съ длинной рѣчью, напоминавшей привѣтствіе при первой встрѣчѣ съ той разницей, что слова *Анаму-му* повторялись на этотъ разъ чаще и выразительнѣе, чѣмъ *Лама-Лама*. Мы съ глубокимъ вниманіемъ выслушали этотъ спичъ, на который капитанъ Гай отвѣчалъ увѣреніями въ вѣчной дружбѣ и расположеніи, предложивъ въ заключеніе подарокъ: нѣсколько нитокъ голубыхъ бусъ и ножъ. Къ нашему удивленію дикарь презрительно повелъ носомъ при видѣ бусъ, зато несказанно обрадовался ножу и тотчасъ велѣлъ подавать обѣдъ. Послѣдній подавался черезъ головы присутствующихъ и состоялъ изъ сырыхъ еще трепещущихъ внутренностей какого-то неизвѣстнаго животнаго — по всей вѣроятности, одной изъ тѣхъ свиней на тонкихъ ножкахъ, что мы видѣли въ деревнѣ. Видя, что мы не знаемъ, какъ приняться за ѣду, онъ показалъ намъ примѣръ, начавъ уписывать ярдъ за ярдомъ, это соблазнительное кушанье, такъ что мы рѣшительно не могли выдержать и проявили самые недвусмысленные признаки революціи въ желудкѣ, изумившіе его величество почти не меньше чѣмъ зеркала. Во всякомъ случаѣ мы наотрѣзъ отказались принять участіе въ пиршествѣ, объяснивъ, какъ умѣли, что незадолго передъ тѣмъ плотно позавтракали.

Когда король насытился, мы завели разговоръ, напрягая всю свою изобрѣтательность, чтобы вывѣдать, есть-ли на островахъ какіе-либо цѣнные продукты и можно-ли извлечь изъ нихъ выгоду. Наконецъ, онъ, повидимому, догадался, что насъ интересуетъ, и предложилъ провести насъ въ такое мѣсто, гдѣ въ изобиліи водятся biche de mer (онъ показалъ намъ это животное).

смотр. 108

Мы обрадовались случаю вырваться изъ толпы и знаками выразили свою готовность слѣдовать за нимъ. Затѣмъ мы вышли изъ палатки, и въ сопровожденіи всей деревни отправились за вождемъ къ юго-восточной оконечности острова, по близости отъ бухты, въ которой стоялъ на якорѣ нашъ корабль. Тутъ мы прождали около часа, пока дикари не пригнали къ намъ четыре челна. Вся наша компанія усѣлась въ одинъ изъ нихъ, и мы отправились вдоль рифовъ, о которыхъ я уже упоминалъ, къ другой грядѣ утесовъ, подлѣ которыхъ я увидѣлъ такую массу biche de mer, какую врядъ-ли встрѣчали старѣйшіе изъ насъ, несмотря на то, что южныя широты вообще изобилуютъ этимъ цѣннымъ животнымъ. Убѣдившись, что тутъ найдется чѣмъ нагрузить хоть дюжину кораблей, мы вернулись на шкуну и простились съ Ту-Уитомъ, взявъ съ него обѣщаніе привезти намъ столько утокъ и галапагосскихъ черепахъ, сколько помѣстится въ его челнокѣ. Въ теченіе всего этого времени мы не замѣтили ничего подозрительнаго въ поведеніи дикарей, кромѣ развѣ систематическаго появленія новыхъ отрядовъ по дорогѣ въ деревню.

ГЛАВА XX.

Вождь исполнилъ свое обѣщаніе и въ изобиліи снабдилъ насъ съѣстными припасами. Черепахи были очень хороши, утки оказались лучше всякой дичины: нѣжныя, сочныя, тонкаго вкуса. Кромѣ того, дикари привезли намъ кучу сельдерея и ложечной травы, и цѣлую лодку сушеной и свѣжей рыбы. Сельдерей оказался очень вкусной приправой, а ложечная трава отличнымъ лекарствомъ для больныхъ скорбутомъ. Въ самое короткое время всѣ они поправились. Намъ доставили также много другихъ припасовъ, между прочимъ какихъ-то раковинъ, видомъ напоминавшихъ обыкновенную ракушку, но вкусомъ устрицу; креветокъ и шримпсовъ, яица альбатросовъ и другихъ птицъ, съ черными скорлупами, и большой запасъ мяса свиней, о которыхъ я уже упоминалъ. Большинство матросовъ находили его сносной пищей, но мнѣ оно не нравилось, такъ какъ отзывалось рыбой. Въ обмѣнъ за эти припасы мы давали дикарямъ голубыя бусы, оловянныя кружки, гвозди, ножи, куски красной матеріи. Они видимо были очень довольны этой мѣной. Мы открыли правильный торгъ на берегу, подъ прикрытіемъ пушекъ, причемъ дикари относились къ намъ съ полнымъ довѣріемъ и вели себя вполнѣ прилично, чего мы никакъ не ожидали, помня ихъ поведеніе въ деревнѣ Клокъ-Клокъ.

Эти дружественныя сношенія продолжались въ теченіе нѣ-

скольких дней;—дикари нерѣдко являлись на шкуну, и наши люди ѣздили на берегъ, дѣлали продолжительныя экскурсіи внутрь острова, безъ всякой помѣхи со стороны туземцевъ. Убѣдившись, что корабль нетрудно нагрузить biche de mer, благодаря дружественнымъ отношеніямъ съ туземцами, которые охотно помогали намъ ловить этихъ животныхъ, капитанъ Гай предложилъ Ту-Уити заключить контрактъ насчетъ постройки запаснаго магазина, и собпранія biche de mer дикарями, межъ тѣмъ какъ мы воспользуемся хорошей погодой и поплывемъ дальше на югъ. Вождь охотно согласился на это предложеніе. Такимъ образомъ былъ заключенъ договоръ, къ удовольствію обѣихъ сторонъ. Рѣшено было, что шкуна останется у острова, пока не будетъ выбрано мѣсто, построенъ магазинъ, вообще сдѣланы всѣ необходимыя приготовленія, для которыхъ потребуется наше участіе; а затѣмъ мы поплывемъ дальше, оставивъ трехъ человѣкъ для надзора за исполненіемъ нашего плана и сушки biche de mer, которой они обучатъ и дикарей. Вознагражденіе должно было зависѣть отъ усердія дикарей во время нашего отсутствія. Имъ слѣдовало получить извѣстное количество голубыхъ бусъ, ножей, краснаго сукна и. т. п. смотря по количеству собранныхъ biche de mer.

Быть можетъ, нѣкоторымъ изъ читателей не безъинтересно узнать, что это за животное и какимъ образомъ его приготовляютъ. Я разскажу объ этомъ вкратцѣ. Слѣдующее описаніе заимствовано мною изъ одного новѣйшаго путешествія въ Южный океанъ:

— «Моллюскъ, извѣстный въ торговлѣ подъ названіемъ biche de mer, водится въ Индійскомъ океанѣ. Если не ошибаюсь знаменитый Кювье называетъ его gasteropoda pulmonifera. Онъ въ изобиліи ловится у острововъ Тихаго океана, спеціально для торговли съ Китаемъ, гдѣ этотъ моллюскъ цѣнится почти также высоко, какъ пресловутыя съѣдобныя гнѣзда, которыя, вѣроятно, дѣлаются ласточками изъ студенистаго тѣла biche de mer. У нихъ нѣтъ раковины, ногъ, вообще никакихъ членовъ, только пищепріемное и извергающее отверстія на противоположныхъ концахъ тѣла, но посредствомъ своихъ эластичныхъ колецъ они ползаютъ подобно червямъ въ мелководьи. Тутъ, во время отлива, на нихъ набрасываются ласточки и своими острыми клювами достаютъ изъ нѣжнаго тѣла моллюсковъ клейкую массу для гнѣздъ. Отсюда названіе gasteropeda pulmonifera.

«Эти моллюски бываютъ различнаго объема, продолговатой формы, отъ трехъ до восемнадцати дюймовъ длиною; мнѣ рѣдко случалось видѣть экземпляры менѣе двухъ футовъ. Въ разрѣзѣ они почти круглые, слегка сплюснутые на сторонѣ, обращенной къ морскому дну, отъ одного до восьми дюймовъ толщиною. Въ извѣ-

стное время года они выползаютъ на отмели, вѣроятно, въ видахъ размноженія, такъ какъ въ это время ихъ часто встрѣчаютъ парами. Они приближаются къ берегу, когда солнце сильно нагрѣваетъ воду, часто выползаютъ на такія мелкія мѣста, что послѣ отлива совершенно обсыхаютъ подъ лучами солнца. Но размножаются они на мелководьи; по крайней мѣрѣ, намъ никогда не случалось видѣть на отмеляхъ дѣтенышей, а только взрослыхъ животныхъ. Пищей имъ служатъ главнымъ образомъ коралловые полипы.

«Biche de mer ловится обыкновенно на глубинѣ трехъ-четырехъ футовъ; затѣмъ ихъ вытаскиваютъ на берегъ и дѣлаютъ на концѣ тѣла надрѣзъ въ дюймъ или больше, смотря по величинѣ животнаго. Черезъ это отверстіе выдавливаются внутренности, которыя вообще походятъ на внутренности другихъ низшихъ обитателей моря. Затѣмъ животное обмываютъ и варятъ,—операція довольно важная, такъ какъ недоварить или переварить моллюска одинаково вредно. Потомъ зарываютъ на четыре часа въ землю, снова варятъ и высушиваютъ на огнѣ или на солнцѣ. Высушенные на солнцѣ они больше цѣнятся, за то сушка идетъ въ тридцать разъ медленнѣе, чѣмъ на огнѣ. Хорошо приготовленные они могутъ сохраняться въ сухомъ мѣстѣ два-три года, но время отъ времени, приблизительно раза четыре въ годъ, ихъ все-таки нужно осматривать, не завелась-ли сырость.

«Китайцы, какъ выше сказано, считаютъ biche de mer лакомымъ блюдомъ и приписываютъ ему способность укрѣплять и обновлять организмъ и возстановлять силы, истощенныя вслѣдствіе разнаго рода излишествъ. Первый сортъ стоитъ въ Кантонѣ девяносто долларовъ за пикуль ($133^1/_2$ ф.), второй—семьдесятъ пять долларовъ, третій—пятьдесятъ, четвертый—тридцать, пятый—двадцать, шестой—двѣнадцать, седьмой—восемь, восьмой—четыре; но маленькіе грузы часто приносятъ и бóльшую выгоду въ Маниллѣ, Сингапурѣ и Батавіи».

Итакъ, заключивъ контрактъ, мы тотчасъ принялись отыскивать мѣсто для постройки складочнаго магазина. Была выбрана широкая площадка, на восточной сторонѣ бухты, гдѣ оказалось вдоволь воды и лѣса, неподалеку отъ рифовъ, подлѣ которыхъ водились biche de mer. Всѣ мы рьяно принялись за работу и въ самое короткое время, къ великому изумленію дикарей, свалили кучу деревьевъ и вывели срубъ магазина. Въ два-три дня постройка подвинулась настолько, что остальную работу можно было поручить троимъ остававшимся матросамъ: Джону Карсону, Альфреду Гаррису и Петерсону (все уроженцы Лондона), которые добровольно предложили свои услуги.

Къ концу мѣсяца все было готово для отъѣзда. Мы обѣщались, однако, навѣстить передъ отплытіемъ деревню, и Ту-Уитъ такъ упорно настаивалъ на исполненіи этого обѣщанія, что мы сочли неблагоразумнымъ оскорбить его отказомъ. Кажется, въ это время никто изъ насъ не питалъ ни малѣйшихъ подозрѣній относительно враждебныхъ замысловъ со стороны дикарей. Они вели себя вполнѣ прилично, охотно помогали намъ въ нашихъ работахъ, старались доставить всевозможныя удобства, часто безъ всякаго вознагражденія, и ни разу не утянули у насъ ни одной вещицы, хотя, очевидно, высоко цѣнили наши богатства, судя по восторгу, съ которымъ принимались подарки. Женщины были особенно любезны во всѣхъ отношеніяхъ, и намъ рѣшительно не могла придти въ голову мысль о какомъ-либо вѣроломствѣ со стороны людей, относившихся къ намъ такъ предупредительно. Но вскорѣ намъ пришлось убѣдиться, что эта кажущаяся любезность была результатомъ глубоко обдуманнаго плана нашей гибели и что эти островитяне, къ которымъ мы такъ некстати прониклись дружбой, были самымъ варварскимъ, коварнымъ, кровожаднымъ племенемъ негодяевъ, когда-либо осквернявшимъ землю.

Мы отправились въ деревню съ прощальнымъ визитомъ перваго февраля. Хотя, какъ уже сказано выше, у насъ не было и тѣни подозрѣнія, но все-таки мѣры предосторожности не были забыты. На шкунѣ остались шесть человѣкъ, которымъ было строго-на-строго приказано не пускать никого ни подъ какимъ предлогомъ на корабль и не оставлять палубы въ наше отсутствіе. Абордажныя сѣти были подняты, пушки заряжены двойными зарядами картечи, фальконеты мушкетными пулями. Шкуна стояла за милю отъ берега и ни одинъ челнокъ не могъ бы подойти незамѣченнымъ.

Въ деревню отправилась партія въ тридцать два человѣка. Всѣ мы были вооружены съ ногъ до головы ружьями, пистолетами и кинжалами; сверхъ того у каждаго изъ насъ былъ длинный ножъ, въ родѣ такъ называемаго Bowie knife, которые такъ распространены въ западныхъ и южныхъ штатахъ. Сотня воиновъ въ черныхъ шкурахъ встрѣтила насъ на берегу, чтобы сопровождать въ деревню. Мы не безъ удивленія замѣтила, что они были совершенно безоружны; и на нашъ вопросъ, почему это, Ту-Уитъ отвѣтилъ просто Маттинонъ уи па па си, т. е. оружія не нужно тамъ, гдѣ всѣ братья. Мы приняли его слова за чистую монету и отправились.

Оставивъ за собой ручеекъ и рѣчку, о которыхъ я упоминалъ выше, мы вступили въ узкое ущелье, между утесовъ, среди которыхъ находилась деревня. Это ущелье было очень скалистое и неровное,

такъ что мы съ большимъ трудомъ пробрались черезъ него при первомъ посѣщеніи деревни Клокъ-Клокъ. Въ длину оно имѣло полторы—двѣ мили, и прихотливо извивалось среди утесовъ (повидимому, оно было когда-то ложемъ рѣки), дѣлая крутые повороты почти на каждомъ шагу. Стѣны его достигали въ среднемъ семидесяти или восьмидесяти футовъ высоты, а мѣстами поднимались еще выше, такъ что свѣтъ едва проникалъ въ ущелье. Средняя ширина была около сорока футовъ, мѣстами же ущелье съуживалось настолько, что пять-шесть человѣкъ едва могли идти рядомъ. Короче сказать, мѣсто было какъ нельзя болѣе удобное для засады, и нѣтъ ничего удивительнаго, что мы осмотрѣли оружіе, прежде чѣмъ вошли. Вспоминая теперь о нашей безразсудной довѣрчивости, я удивляюсь, какъ могли мы, при какихъ бы то ни было условіяхъ, довѣриться неизвѣстнымъ дикарямъ настолько, что позволили имъ идти впереди и сзади насъ въ такой тѣснотѣ. Но мы шли именно въ такомъ порядкѣ, положившись на силу нашего отряда, безоружность Ту-Уита и его спутниковъ, вѣрное дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія (еще неизвѣстнаго туземцамъ), а главное на дружественныя намѣренія этихъ гнусныхъ негодяевъ. Пятеро или шестеро изъ нихъ шли впереди, какъ бы въ качествѣ проводниковъ, услужливо расчищая дорогу отъ камней и сучьевъ. За ними слѣдовалъ нашъ отрядъ. Мы шли плотной кучкой, стараясь только, чтобъ насъ не раздѣлили. Шествіе замыкала толпа дикарей, соблюдавшая величайшій порядокъ.

Дэркъ Петерсъ, нѣкто Вильсонъ Алленъ и я шли по правую руку отъ нашихъ товарищей, разсматривая странныя наслоенія возвышавшагося надъ нами утеса. Трещина въ мягкой горной породѣ привлекла наше вниманіе. Она была достаточно широка, чтобы пройти одному человѣку, и углублялась въ скалу футовъ на двадцать, поворачивая затѣмъ налѣво. Высота этой расщелины была футовъ шестьдесятъ или семьдесятъ. Въ ней росли какіе-то низенькіе кустарники съ плодами въ родѣ орѣховъ, которые мнѣ захотѣлось попробовать. Я быстро свернулъ въ разсѣлину, сорвалъ нѣсколько штукъ орѣховъ и хотѣлъ поскорѣе вернуться, но обернувшись увидѣлъ, что Петерсъ и Алленъ послѣдовали за мной. Я просилъ ихъ вернуться, такъ какъ разойтись двоимъ тутъ было невозможно и обѣщалъ подѣлиться съ ними орѣхами. Они послушались, и Алленъ уже находился у выхода въ ущелье, когда я почувствовалъ сотрясеніе, которое ни съ чѣмъ не могу сравнить, внушившее мнѣ смутную мысль, что земной шаръ разлетается въ дребезги и наступаетъ послѣдній день вселенной.

ГЛАВА XXI.

Опомнившись, я убѣдился, что задыхаюсь въ темнотѣ подъ грудой земли, которая валится на меня со всѣхъ сторонъ, угрожая схоронить заживо. Ужаснувшись при этой мысли, я старался встать на ноги, что мнѣ и удалось наконецъ. Затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, я стоялъ недвижимо, стараясь сообразить, что такое случилось, и гдѣ я. Наконецъ, я услышалъ глухой стонъ и задыхающійся голосъ Петерса, умолявшаго о помощи. Я поползъ къ нему и вскорѣ наткнулся на его голову и плечи. Онъ былъ зарытъ до половины рыхлой землей и никакъ не могъ изъ нея выбраться. Я принялся откапывать его, и наконецъ помогъ ему освободиться.

Оправившись отъ ужаса и изумленія, мы стали соображать въ чемъ дѣло, и пришли къ заключенію, что стѣны расщелины обвалились вслѣдствіе землетрясенія или собственной тяжести и похоронили насъ заживо. Долго мы предавались безумному отчаянію, какое врядъ-ли можетъ понять человѣкъ, никогда не бывавшій въ такомъ положеніи. Я увѣренъ, что въ ряду человѣческихъ бѣдствій нѣтъ катастрофы, соединенной съ большими тѣлесными и душевными муками, чѣмъ погребеніе заживо. Черная тьма, окружающая жертву, жестокая тяжесть въ груди, удушливыя испаренія сырой земли въ связи съ убійственнымъ сознаніемъ, что не остается и тѣни надежды, что вамъ суждена участь т р у п а,—наполняютъ сердце человѣческое невыносимымъ, невыразимымъ ужасомъ.

Наконецъ, Петерсъ замѣтилъ, что намъ нужно еще удостовѣриться, какъ велико наше бѣдствіе и изслѣдовать свою темницу: не найдется-ли какого-нибудь выхода. Я съ жаромъ ухватился за эту надежду и сталъ пробираться среди рыхлой земли. Сдѣлавъ шагъ впередъ, я замѣтилъ слабый свѣтъ, убѣдившій меня, что, по крайней мѣрѣ, отъ недостатка воздуха намъ не суждено погибнуть. Мы нѣсколько ободрились, убѣждая другъ друга не падать духомъ. Перебравшись черезъ груду, загораживавшую намъ путь къ свѣту, мы убѣдились, что можемъ двигаться безъ затрудненій, и стали дышать гораздо свободнѣе. Теперь мы могли осмотрѣться и увидѣли, что находимся у верхняго конца разсѣлины, тамъ, гдѣ она поворачивала налѣво. Еще нѣсколько усилій и мы добрались до поворота, за которымъ къ своей невыразимой радости, увидѣли длинную трещину, направлявшуюся вверхъ подъ угломъ градусовъ въ сорокъ пять, хотя мѣстами болѣе крутую. Мы не могли разглядѣть выхода, но свѣтъ, свободно проходившій въ эту тре-

щину, убѣждалъ насъ, что если только мы доберемся до ея конца, то выйдемъ на волю.

Тутъ я вспомнилъ, что мы вошли въ разсѣлину втроемъ и что нашего товарища Аллена нигдѣ не видно. Мы тотчасъ вернулись и стали искать его. Послѣ долгихъ поисковъ, сопряженныхъ съ серьезною опасностью погибнуть подъ обваломъ, Петерсъ крикнулъ мнѣ, что ему удалось нащупать ногу Аллена, который совершенно заваленъ землей, такъ что невозможно его вытащить. Я вскорѣ убѣдился, что онъ правъ и что жизнь, безъ сомнѣнія, уже оставила нашего товарища. Какъ ни горько намъ было, но пришлось бросить тѣло на произволъ судьбы и вернуться къ повороту.

Трещина была такъ узка, что мы едва помѣщались въ ней и послѣ двухъ—трехъ безуспѣшныхъ попытокъ пробраться къ выходу, снова стали отчаяваться. Я уже говорилъ, что утесы, среди которыхъ вилось ущелье, состояли изъ какой-то мягкой горной породы въ родѣ мыльнаго камня. Стѣны и дно расщелины, по которой мы пробирались, состояли изъ такого же камня и были такъ скользки, что даже въ отлогихъ мѣстахъ намъ трудно было подвигаться впередъ, а въ крутыхъ, затрудненіе казалось почти непреодолимымъ. Какъ бы то ни было, отчаяніе придало намъ храбрости, и мы, вырѣзая ножами ступеньки въ мягкой землистой массѣ, и цѣпляясь, съ рискомъ полетѣть съ кручи, за обломки болѣе твердыхъ породъ, выдававшіеся изъ общей массы, кое-какъ добрались до площадки, съ которой былъ виденъ клочекъ голубого неба въ концѣ заросшей лѣсомъ долины. Оглянувшись на разсѣлину, мы убѣдились, что она недавняго происхожденія, и заключили отсюда, что землятрясеніе, такъ неожиданно засыпавшее насъ землею, въ то же время открыло и этотъ выходъ. Такъ какъ мы едва могли двигаться и даже говорить отъ истощенія, то Петерсъ предложилъ извѣстить товарищей о нашемъ затруднительномъ положеніи, выстрѣливъ изъ пистолетовъ (ружья и кинжалы остались подъ землей). Дальнѣйшія событія показали, что если бы мы выстрѣлили, намъ пришлось бы жестоко раскаяться въ этомъ; къ счастью, у меня явилось смутное подозрѣніе, что съ нами съиграли штуку, и мы рѣшились оставить дикарей въ неизвѣстности относительно нашего положенія.

Отдохнувъ съ часъ, мы стали пробираться вверхъ по долинѣ и пройдя немного, услышали страшный гвалтъ. Наконецъ, намъ удалось выбраться на поверхность земли, такъ какъ до тѣхъ поръ мы шли подъ навѣсомъ скалъ и деревьевъ, поднимавшихся высоко надъ нашими головами. Мы осторожно пролѣзли въ узкое отверстіе и окинувъ взглядомъ окрестности, разомъ поняли страшную тайну землетрясенія.

Мы стояли недалеко отъ главной вершины этой цѣпи холмовъ. Ущелье, въ которое вошли тридцать два человѣка, извивалось налѣво отъ насъ, футахъ въ пятидесяти. Но на протяженіи доброй сотни ярдовъ, ложе ущелья было завалено хаотической грудой земли и каменьевъ, по меньшей мѣрѣ, въ милліонъ тоннъ,—и этотъ обвалъ, очевидно, былъ произведенъ искусственно. Способъ, употребленный при этомъ, былъ столь же очевиденъ, сколько простъ; слѣды звѣрскаго дѣла еще сохранились. Въ различныхъ мѣстахъ вдоль восточнаго края обрыва (мы находились на западномъ) виднѣлись деревянные колья, воткнутые въ землю. Въ этихъ мѣстахъ скала уцѣлѣла, но по всему протяженію обвала сохранились слѣды, показывавшіе, что такіе же колья были воткнуты на разстояніи ярда одинъ отъ другого, футахъ въ десяти отъ края пропасти, на протяженіи около трехсотъ футовъ. Крѣпкія веревки изъ виноградныхъ лозъ были привязаны къ кольямъ, еще остававшимся на утесѣ, безъ сомнѣнія, такія же веревки были привязаны и къ остальнымъ кольямъ. Я уже говорилъ о странной структурѣ этихъ холмовъ и описывалъ узкую и глубокую трещину, по которой мы выбрались наверхъ. Очевидно, эта горная порода въ силу своей структуры легко раскалывалась на вертикальные, параллельные другъ другу пласты. Этой особенностью наслоенія воспользовались дикари для своихъ предательскихъ цѣлей. Безъ сомнѣнія, рядъ кольевъ, вколоченныхъ въ утесъ, вызвалъ образованіе трещины, быть можетъ, глубиною въ футъ или два; затѣмъ, ухватившись за веревки (привязанныя къ верхушкамъ кольевъ и протянутыя въ сторону, противуположную краю утеса) дикари разомъ дернули ихъ по сигналу, поданному снизу и, такимъ образомъ, дѣйствуя кольями, какъ рычагомъ, отдѣлили цѣлый пластъ. Судьба нашихъ злополучныхъ товарищей была намъ совершенно ясна. Мы одни ускользнули отъ гибельной катастрофы. Мы одни остались въ живыхъ изъ всѣхъ бѣлыхъ людей, бывшихъ на островѣ.

ГЛАВА XXII.

Наше положеніе, однако, оказывалось почти столь же критическимъ, какъ въ то время, когда мы считали себя погребенными заживо. Намъ предстояло или быть убитыми или влачить жалкое существованіе въ плѣну у дикарей. Мы могли, конечно, спрятаться отъ нихъ въ лабиринтѣ холмовъ или, въ случаѣ крайности, въ разсѣлинѣ, изъ которой только что выбрались; но въ концѣ концовъ пришлось бы или погибнуть отъ голода и холода въ суровую полярную зиму, или выдать себя дикарямъ.

Мѣстность вокругъ насъ, повидимому, кипѣла дикарями, толпы

которыхъ прибывали на плотахъ съ другихъ острововъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы помочь своимъ единоплеменникамъ захватить и ограбить «Джэнъ». Корабль по прежнему стоялъ спокойно на якорѣ; повидимому, оставшіеся на немъ матросы не подозрѣвали объ опасности. Какъ хотѣлось намъ въ эту минуту быть съ ними! раздѣлить ихъ участь, вмѣстѣ уйти или умереть, защищаясь. Но мы не могли даже предостеречь ихъ, не навлекши гибель на свои головы, безъ всякой пользы для нихъ. Выстрѣлъ изъ пистолета показалъ бы имъ, что случилось какое-то несчастіе, но не объяснилъ бы, что единственный способъ избѣгнуть гибели— немедленно сняться съ якоря, что честь не обязываетъ ихъ остаться, такъ какъ товарищи ихъ уже погибли. Услыхавъ выстрѣлъ, они не могли бы приготовиться къ аттакѣ лучше, чѣмъ были уже приготовлены. Стало быть, пользы отъ выстрѣла не было бы никакой, а вредъ могъ бы оказаться громадный. Итакъ, по здравомъ обсужденіи дѣла, мы рѣшили не стрѣлять.

Затѣмъ намъ пришло въ голову попытаться захватить одинъ изъ челновъ и добраться до корабля. Но неисполнимость этого отчаяннаго плана была слишкомъ очевидна. Какъ я уже замѣтилъ, мѣстность буквально кишѣла дикарями, прятавшимися за кусты и пригорки, чтобы не быть замѣченными со шкуны. По сосѣдству съ нами, загораживая намъ дорогу къ берегу, стояла толпа воиновъ въ черныхъ шкурахъ, съ Ту-Уитомъ во главѣ, повидимому, ожидавшихъ подкрѣпленія, чтобы начать аттаку «Джэнъ». Да и въ челнахъ, которые стояли у входа въ гавань, виднѣлись дикари, повидимому, безоружные, но, безъ сомнѣнія, имѣвшіе какое-нибудь оружіе подъ рукой. Итакъ, намъ поневолѣ пришлось остаться на мѣстѣ, простыми зрителями схватки, которая вскорѣ послѣдовала.

Черезъ полчаса шестьдесятъ или семьдесятъ плотовъ обогнули выступъ, защищавшій бухту съ южной стороны. Повидимому, у дикарей не было другого оружія, кромѣ короткихъ дубинъ и камней, наваленныхъ грудами на плотахъ. Тотчасъ затѣмъ, съ противуположной стороны появился другой отрядъ, еще болѣе многочисленный и такъ же вооруженный. Четыре челна быстро наполнились дикарями, прятавшимися въ кустахъ, и присоединились къ аттакующимъ. Такимъ образомъ, въ самое короткое время «Джэнъ» была окружена громадной толпой негодяевъ, очевидно, рѣшившихся овладѣть ею во что бы то ни стало.

Въ успѣхѣ предпріятія невозможно было сомнѣваться. Шесть человѣкъ, оставшихся на суднѣ, при самой отчаянной защитѣ, не могли устоять противъ такого подавляющаго большинства, не могли даже управиться съ своими пушками. Я думалъ даже, что они вовсе не окажутъ сопротивленія, но въ этомъ отношеніи ошибся.

Я увидѣлъ, какъ они повернули корабль лѣвымъ бортомъ къ челнамъ, находившимся уже на разстояніи пистолетнаго выстрѣла, тогда какъ плоты еще были за четверть мили. Не знаю почему, можетъ быть, вслѣдствіе волненія нашихъ злополучныхъ товарищей, очутившихся въ такомъ отчаянномъ положеніи,—только первый залпъ былъ сдѣланъ неудачно. Картечь пролетѣла надъ головами нападающихъ, не задѣвъ ни одного челна, не убивъ ни одного дикаря. Они только были поражены неожиданнымъ грохотомъ и дымомъ до того, что въ первую минуту, казалось, хотѣли пуститься на утекъ. Такъ бы и было, по всей вѣроятности, если бы наши товарищи сдѣлали новый залпъ изъ ружей, который при близкомъ разстояніи, безъ сомнѣнія, причинилъ бы вредъ дикарямъ и заставилъ бы ихъ отступить. Но вмѣсто этого матросы кинулись къ лѣвому борту, а дикари тѣмъ временемъ оправились и убѣдились, что никакого вреда имъ не причинили.

Залпъ съ лѣваго борта произвелъ самое опустошительное дѣйствіе. Штукъ семь или восемь плотовъ потонули, человѣкъ тридцать или сорокъ дикарей были убиты, да человѣкъ сто, большинство тяжело раненые, попадали въ воду. Остальные, ошалѣвъ отъ ужаса, обратились въ бѣгство, бросивъ на произволъ своихъ изувѣченныхъ и вопившихъ о помощи товарищей. Этотъ успѣхъ, однако, не могъ предотвратить гибели нашихъ храбрыхъ моряковъ. Челны уже подошли къ шкунѣ и человѣкъ полтораста дикарей вскарабкались на палубу, прежде чѣмъ фитили были поднесены къ пушкамъ лѣваго борта. Ничто не могло удержать ихъ звѣрской ярости. Защитники шкуны въ одно мгновеніе были окружены, смяты и буквально разорваны на клочки.

Замѣтивъ это, дикари, бывшіе на плотахъ, оправились отъ страха и поспѣшили принять участіе въ грабежѣ. Черезъ пять минутъ «Джэнъ» представляла самое жалкое зрѣлище. Палубы были прорублены и изломаны, веревки, паруса, всѣ вещи на палубѣ исчезли точно волшебствомъ. Затѣмъ негодяи ухитрились прибуксировать судно на челнахъ, подталкивая его въ корму и въ бока, къ берегу и передать Ту-Уиту, который во все время схватки, какъ настоящій генералъ, оставался на своемъ наблюдательномъ посту и только теперь удостоилъ спуститься внизъ и принять участіе въ грабежѣ.

Уходъ Ту-Уита далъ намъ возможность оставить наше убѣжище и осмотрѣть холмъ по сосѣдству съ разсѣлиной. Ярдахъ въ пятидесяти отъ нея мы увидѣли ручеекъ и утолили пожиравшую насъ жгучую жажду. По близости отъ источника мы нашли группу кустарниковъ съ орѣхами, о которыхъ я уже упоминалъ. Они оказались съѣдобными и напоминали вкусомъ обыкновенные англій-

скіе лѣсные орѣхи. Мы набрали ихъ двѣ шляпы, снесли въ разсѣлину и вернулись за новымъ запасомъ. Въ то время, какъ мы собирали орѣхи, насъ испугалъ шорохъ въ зарасляхъ и мы хотѣли уже спрятаться въ свое убѣжище, когда большая черная птица, въ родѣ выпи, тяжело поднялась надъ кустами. Я былъ такъ ошеломленъ, что стоялъ, разинувъ ротъ, но Петерсъ бросился къ ней прежде чѣмъ она успѣла выбраться изъ вѣтвей, и схватилъ ее за шею. Она такъ отчаянно билась и кричала, что мы хотѣли было выпустить ее, опасаясь привлечь вниманіе дикарей, которые могли оказаться по близости. Однако ударъ ножа живо прекратилъ ея крики, мы стащили ее въ разсѣлину, радуясь, что добыли пищи, по крайней мѣрѣ, на недѣлю.

Теперь мы рѣшились продолжать рекогносцировку и спустились довольно далеко по южному склону, но не нашли ничего годнаго въ пищу. Собравъ порядочный запасъ хвороста, мы вернулись, замѣтивъ, что толпы дикарей возвращаются въ деревню, нагруженные добычей съ корабля, и опасаясь, что они замѣтятъ насъ, проходя мимо холма.

Нашей ближайшей заботой было по возможности скрыть свое убѣжище, для чего мы прикрыли кустарниками проходъ, изъ котораго впервые увидали голубое небо и долину, когда выбрались на площадку. Мы оставили только небольшое отверстіе, черезъ которое могли бы наблюдать за бухтой, оставаясь сами незамѣченными. Устроившись такимъ образомъ, мы поздравили себя съ безопаснымъ убѣжищемъ, такъ какъ здѣсь насъ рѣшительно не могли замѣтить. Никакихъ слѣдовъ дикарей не было видно въ расщелинѣ; но когда мы подумали, что она, по всей вѣроятности, недавно образовалась вслѣдствіе землетрясенія и недоступна со всѣхъ остальныхъ сторонъ, насъ не столько обрадовало это обстоятельство, сколько напугала мысль, что намъ рѣшительно невозможно выбраться изъ нея. Мы рѣшились при первомъ удобномъ случаѣ изслѣдовать вершину холма какъ можно тщательнѣе. Пока мы ограничились наблюденіемъ за дикарями.

Они уже совершенно ограбили корабль и приготовлялись сжечь его. Вскорѣ мы увидѣли густые клубы дыма, поднимавшіеся изъ главнаго люка, а затѣмъ огромный снопъ пламени вырвался изъ передней каюты. Снасти, мачты, обрывки парусовъ занялись мгновенно и вскорѣ огонь охватилъ всю палубу. Тѣмъ не менѣе толпы дикарей еще копошились на ней, отбивая каменьями, топорами и пушечными ядрами металлическія цѣпи и другія металлическія части. На берегу, въ челнахъ, на плотахъ, собралось не менѣе десяти тысячъ туземцевъ, не считая тѣхъ, которые тащили добычу на берегъ или на сосѣдніе острова. Мы ожидали катастрофы и не обма-

нулись въ своихъ ожиданіяхъ. Предвѣстіемъ ея явилось сильное сотрясеніе (которое и мы почувствовали, какъ слабый ударъ гальванической баттареи), не сопровождавшееся, однако, признаками взрыва. Дикари очевидно были поражены и на мгновеніе прекратили свою работу и гвалтъ. Только что они хотѣли приняться за дѣло—изъ люка вырвался чудовищный черный клубъ дыма, похожій на грозовую тучу,—потомъ столбъ пламени высотою въ четверть мили—потомъ пламя разлилось кругомъ вѣеромъ—потомъ въ одно мгновеніе, точно по волшебству, атмосфера наполнилась обломками, кусками желѣза, клочьями человѣческихъ тѣлъ—и наконецъ разразился взрывъ, отъ котораго мы попадали на землю, холмы загудѣли, и дождь мелкихъ обломковъ посыпался со всѣхъ сторонъ.

Опустошительное дѣйствіе взрыва превзошло всѣ наши ожиданія. Дикари пожали достойные плоды своей измѣны. Не менѣе тысячи погибло отъ взрыва, да столько же было изуродовано. Поверхность бухты была буквально усѣяна тонущими въ смертныхъ мукахъ негодяями; стоявшимъ на берегу пришлось еще хуже. Дикари были такъ поражены неожиданнымъ финаломъ своего предпріятія, что даже не помогали другъ другу. Наконецъ, мы замѣтили странную перемѣну въ ихъ поведеніи. Отъ полнаго столбняка они разомъ перешли къ страшному возбужденію и забѣгали, какъ сумасшедшіе, по берегу съ страннымъ выраженіемъ ужаса, бѣшенства и крайняго любопытства на лицахъ, оглашая воздухъ криками Текели-ли! Текели-ли!

Наконецъ, толпа дикарей кинулась къ холмамъ, и вскорѣ вернулась съ кольями въ рукахъ. Они направились къ тому мѣсту на берегу, гдѣ собралось всего больше народа. Толпа разступилась и мы увидѣли причину ихъ возбужденія. Мы замѣтили на землѣ что-то бѣлое и сначала не могли разобрать, что это такое. Наконецъ, мы разглядѣли чучелу страннаго животнаго съ красными зубами и когтями, пойманнаго нами въ морѣ восемнадцатаго января. Капитанъ Гай снялъ съ него шкуру, чтобы отвезти въ Англію. Я помню, что онъ распорядился на этотъ счетъ еще до прибытія на островъ, и что чучело было уложено въ его каютѣ, въ сундукѣ. Взрывомъ его выбросило на берегъ; но почему оно произвело такой переполохъ среди дикарей, мы не могли понять. Они столпились на близкомъ разстояніи отъ чучела, но видимо не рѣшались подойти къ нему. Дикари, принесшіе колья, воткнули ихъ въ видѣ ограды вокругъ чучела и, какъ только эта работа была окончена, вся толпа бросилась въ глубь острова съ громкими криками Текели-ли! Текели-ли!

ГЛАВА XXIII.

Въ теченіе шести или семи слѣдующихъ дней мы оставались въ своемъ убѣжищѣ, выходя только по временамъ, съ величайшими предосторожностями, за водой и орѣхами. Мы устроили на площадкѣ родъ навѣса, настлавъ подъ нимъ сухихъ листьевъ и соорудивъ столъ, служившій въ тоже время очагомъ, изъ трехъ большихъ плоскихъ камней. Мы безъ труда добывали огонь треніемъ двухъ кусковъ дерева, твердаго и мягкаго, одинъ объ другой. Птица, которую мы поймали, оказалась прекрасной, хотя нѣсколько грубой, дичью. Она была не изъ морскихъ птицъ, а родъ выпи, съ чернымъ, съ сѣрыми крапинами, опереніемъ, и маленькими, сравнительно съ величиной птицы, крыльями. Мы видѣли подлѣ разсѣлины еще трехъ такихъ птицъ, повидимому, отыскивавшихъ первую, но намъ не удалось ихъ поймать.

Наше положеніе было довольно сносно, пока мы не прикончили птицу, но затѣмъ пришлось подумать о провизіи. Орѣхи плохо утоляли голодъ и къ тому же вызывали сильныя колики въ желудкѣ и, въ случаѣ неумѣреннаго употребленія, жестокую головную боль. Мы видѣли на востокѣ отъ холма много крупныхъ черепахъ и легко могли бы поймать ихъ, если бы намъ удалось добраться до берега незамѣченными. Итакъ, мы рѣшили попытать счастья.

Мы начали спускаться съ южнаго склона, такъ какъ онъ казался наименѣе крутымъ, но не прошли и сотни ярдовъ, какъ нашъ путь былъ прекращенъ рукавомъ ущелья, въ которомъ погибли наши товарищи. Мы направились по краю этой трещины и прошли четверть мили, когда были остановлены пропастью чудовищной глубины и, не имѣя возможности перебраться черезъ нее, должны были вернуться обратно.

Теперь мы направились по восточному склону; но съ такимъ же результатомъ. Проползши около часа, съ рискомъ переломать себѣ шеи, мы очутились на днѣ громаднаго колодца со стѣнами изъ чернаго гранита, откуда могли выбраться только по тому же крутому склону, которымъ спускались. Вскарабкавшись снова наверхъ, мы рѣшились попытать счастья на сѣверномъ склонѣ. Тутъ намъ пришлось пробираться съ величайшей осторожностью, такъ какъ мы то и дѣло рисковали быть замѣченными въ деревнѣ. Мы ползли на четвереникахъ, иногда даже совсѣмъ ложились на брюхо, стараясь спрятаться въ кустарникахъ. Тамъ мы ползли очень недолго, потому что вскорѣ наткнулись на пропасть, еще болѣе глубокую, чѣмъ тѣ, что попадались раньше, и примыкавшую къ главному ущелью. Наши опасенія вполнѣ подтвердились, мы, дѣйствительно,

попали въ совершенно неприступное убѣжище. Въ совершенномъ изнеможеніи вернулись мы на площадку и, бросившись на мягкую листву, проспали крѣпкимъ сномъ нѣсколько часовъ.

Послѣ этихъ безплодныхъ попытокъ мы въ теченіе нѣсколькихъ дней самымъ тщательнымъ образомъ обшаривали утесъ. Мы убѣдились, что на немъ нѣтъ ничего, пригоднаго въ пищу, кромѣ ядовитыхъ орѣховъ и ложечной травы, которая, впрочемъ, росла на небольшомъ пространствѣ, такъ что мы скоро пріѣли ее начисто. Пятнадцатаго февраля, если не ошибаюсь, отъ нея не осталось ни травинки, да и орѣхи почти всѣ были съѣдены; такъ что наше положеніе становилось отчаяннымъ *). Шестнадцатаго мы снова осмотрѣли стѣны нашей темницы въ надеждѣ отыскать какой-нибудь спускъ,—но съ съ такимъ же успѣхомъ, какъ раньше. Попробовали мы спуститься въ трещену, гдѣ насъ засыпалъ обвалъ, съ слабой надеждой отыскать какой-нибудь проходъ въ главное ущелье. Но и здѣсь намъ пришлось разочароваться. Мы нашли только одно изъ ружей, засыпанныхъ землею.

Семнадцатаго мы рѣшились осмотрѣть тщательнѣе пропасть съ черными гранитными стѣнами, куда спускались еще въ первый день нашихъ поисковъ. Мы вспомнили, что одна изъ трещинъ этого гранитнаго колодца была осмотрѣна нами кое-какъ и рѣшились изслѣдовать ее, хотя и не разсчитывали найти выходъ.

Мы безъ особенныхъ затрудненій спустились на дно пропасти и на этотъ разъ изслѣдовали ее методически. Это было удивительно странное мѣсто, такъ что мы съ трудомъ вѣрили въ его естественное происхожденіе. Длина пропасти отъ восточной до западной оконечности была около пятисотъ ярдовъ, считая всѣ извивы; по прямой же линіи ярдовъ сорокъ, пятьдесятъ,—не больше. На верхнемъ краю, то есть футовъ на сто отъ вершины холма, стѣны пропасти рѣзко различались и, повидимому, никогда не представляли одного цѣлаго: одна состояла изъ мыльнаго камня, другая изъ мергеля съ прожилками какого-то неизвѣстнаго мнѣ металла. Среднее разстояніе между утесами достигало въ этомъ мѣстѣ футовъ шестидесяти. Ниже оно уменьшалось и стѣны шли параллельно другъ другу, хотя все еще различались по структурѣ. На разстояніи пятидесяти футовъ отъ дна, онѣ становились совершенно одинаковыми по структурѣ, цвѣту и совершенно параллельными. Они состояли изъ блестящаго чернаго гранита, а разстояніе между ними на всемъ протяженіи пропасти было ровно двад-

*) Этотъ день замѣчателенъ еще тѣмъ, что мы увидѣли на югѣ огромные клубы сѣроватыхъ паровъ, о которыхъ я уже упоминалъ раньше.

цать ярдовъ. Форма пропасти уяснится читателю изъ чертежа, сдѣланнаго мною на мѣстѣ; къ счастью, у меня была записная книжка и карандашъ, которые уцѣлѣли въ теченіе всѣхъ дальнѣйшихъ приключеній. Такимъ образомъ, я могъ записать много подробностей, которыя иначе исчезли бы изъ моей памяти.

Этотъ рисунокъ (фиг. 1), изображаетъ лишь общія очертанія пропасти безъ боковыхъ углубленій, которыхъ было много, причемъ каждому соотвѣтствовало такое же на противуположной сторонѣ. Дно было покрыто слоемъ тончайшей, почти неосязаемой пыли дюйма въ три, четыре толщиной, подъ которымъ оказался такой же гранитъ. Направо, на нижнемъ концѣ рисунка, замѣтенъ округлый выступъ; это и есть трещина, о которой говорилось выше и которую мы хотѣли хорошенько осмотрѣть. Мы пробрались въ ней, обломавъ вѣтви кустарника, преграждавшія намъ путь и разбросавъ кучу остроконечныхъ кремней, напоминавшихъ наконечники для стрѣлъ. Мы не смущались препятствіями, такъ какъ замѣтили слабый свѣтъ въ концѣ трещины. Наконецъ, мы пробрались въ нее подъ низкой правильной аркой, дно которой было усыпано такой же тонкой пылью, какъ и въ пропасти. Продолжая идти на свѣтъ, мы свернули въ галлерею, такого же характера, какъ та, въ которой мы сейчасъ были, только другой формы. Вотъ ея рисунокъ (фиг. 2).

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Общая длина этой пропасти отъ входа *a* до конца *d* пятьсотъ пятьдесятъ ярдовъ. Подлѣ *c* мы открыли выступъ, такой же какъ въ первой галлереѣ и также заросшій кустарниками и заваленный грудами кремней, похожихъ на наконечники стрѣлъ. Мы пробрались по ней и пройдя футовъ сорокъ вышли въ третью галлерею. Она также только по формѣ отличалась отъ первой (фиг. 3).

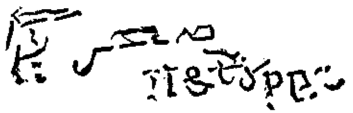
Фиг. 3.

Фиг. 5.

Общая длина этой третьей пропасти оказалась въ триста двадцать ярдовъ. Въ точкѣ *a* былъ выступъ въ шесть футовъ шириною и пятнадцать длиной, упиравшійся въ пластъ мергеля, но не выходившій въ новую пропасть, какъ мы ожидали. Мы уже хотѣли уйти изъ этой ниши, въ которую проникалъ очень слабый свѣтъ, когда Петерсъ указалъ мнѣ на рядъ странныхъ фигуръ на поверхности мергеля. При нѣкоторомъ усиліи воображенія лѣвая

или самая восточная изъ этихъ фигуръ могла быть принята за изображенiе человѣка, стоящаго прямо, вытянувъ руку. Остальныя напоминали до нѣкоторой степени буквы и Петерсъ упорно доказывалъ, что это и есть буквы. Я, однако, доказалъ ему, что онъ ошибается, обративъ его вниманiе на обломки мергеля, валявшiеся въ пыли. Они совершенно подходили къ углубленiямъ на стѣнѣ и очевидно отвалились вслѣдствiе какого-нибудь естественнаго сотрясенiя. Фиг. 4 представляетъ точную копiю этихъ значковъ.

Фиг. 4.

Убѣдившись, что изъ этихъ странныхъ пещеръ нѣтъ выхода мы вернулись на вершину холма, въ глубокомъ унынiи и отчаянiи. Въ теченiе слѣдующихъ сутокъ, не случилось ничего замѣчательнаго, только на днѣ третьей восточной галлереи, мы нашли два глубокихъ трехъ-угольныхъ колодца, тоже со стѣнами изъ чернаго гранита. Въ нихъ мы не сочли нужнымъ спускаться, такъ какъ колодцы имѣли видъ естественныхъ углубленiй безъ всякихъ признаковъ выхода. Каждый имѣлъ футовъ двадцать въ окружности; ихъ форма и положенiе относительно третьей галлереи изображены на фиг. 5.

ГЛАВА XXIV.

20 февраля, убѣдившись, что не можемъ болѣе питаться орѣхами, причинявшими намъ нестерпимыя страданiя, мы рѣшились во что бы то ни стало спуститься съ южнаго склона. Стѣна пропасти состояла здѣсь изъ очень мягкаго мыльнаго камня, но спускалась совершенно отвѣсно, мѣстами даже наклоняясь впередъ, на глубину въ полтораста футовъ. Послѣ долгихъ поисковъ мы открыли узкiй карнизъ футахъ въ двадцати отъ края пропасти. Петерсъ соскочилъ на него, съ помощью связанныхъ носовыхъ платковъ, которые я держалъ за одинъ конецъ. Затѣмъ, спустился и я, и мы убѣдились, что есть возможность спуститься и дальше такимъ же порядкомъ, какъ мы вылѣзали изъ разсѣлины, т. е. вырѣзая ножами ступеньки въ мягкомъ камнѣ. Разумѣется, попытка была страшно рискованная, но ничего другого не оставалось.

На карнизѣ, гдѣ мы стояли, росли кустарники; къ одному изъ нихъ мы привязали нашу веревку изъ носовыхъ платковъ. Другимъ концомъ ея Петерсъ обвязалъ себѣ талiю и я спускалъ его, пока веревка не натянулась. Затѣмъ онъ принялся выдалбливать глубокую, дюймовъ въ восемь или десять, дыру въ мыльномъ камнѣ,

направляя удары косвенно внизъ, такъ чтобы можно было ручкой пистолета заколотить въ дыру крѣпкій клинъ. Затѣмъ, я поднялъ его фута на четыре выше, и тутъ онъ выдолбилъ еще дыру, такую же какъ внизу, устроивъ, такимъ образомъ, точки опоры для рукъ и для ногъ. Отвязавъ веревку отъ куста, я бросилъ ему свободный конецъ, который онъ привязалъ къ верхнему колу. Затѣмъ, спустился на всю длину платка, т. е. фута на три ниже второго колышка, выдолбилъ третью дыру и вбилъ въ нее клинъ, въ который и уперся ногами. Теперь надо было отвязать веревку отъ верхняго кола и привязать ее ко второму, но это оказалось затруднительнымъ, такъ какъ углубленія были выдолблены слишкомъ далеко другъ отъ друга. Послѣ двухъ, трехъ безплодныхъ и опасныхъ попытокъ достать до узла, Петерсъ рѣшился перерѣзать веревку въ шести дюймахъ отъ клина. Привязавъ ее ко второму колу, онъ спустился ниже третьяго, но уже не такъ далеко. Такимъ способомъ (котораго мнѣ ни за что бы не придумать, такъ что мы были обязаны нашимъ избавленіемъ всецѣло рѣшимости и изобрѣтательности Петерса), и пользуясь при случаѣ выступами скалы, онъ благополучно спустился внизъ.

Не сразу я рѣшился послѣдовать за нимъ, но въ концѣ концовъ рискнулъ. Передъ тѣмъ какъ спуститься, Петерсъ снялъ съ себя рубашку, которую мы связали съ моей, устроивъ такимъ образомъ веревку. Сбросивъ внизъ ружье, я привязалъ ее къ кустарнику и началъ спускаться какъ можно скорѣе, стараясь этой быстротой движеній заглушить страхъ, котораго иначе не могъ бы преодолѣть. Этого оказалось достаточнымъ на первыхъ четырехъ, пяти ступеняхъ, но вскорѣ мысль о страшной пропасти, которая зіяла подо мною и о ненадежномъ устройствѣ ступеней предстала во всемъ своемъ ужасѣ передъ моимъ воображеніемъ. Напрасно я старался отогнать ее, не сводя глазъ съ плоской поверхности утеса надо мною. Чѣмъ упорнѣе старался я не думать, тѣмъ большую яркость и ужасающую отчетливость пріобрѣтали мои мысли. Наконецъ, наступилъ кризисъ воображенія, одинаковый во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, кризисъ, при которомъ мы начинаемъ представлять себѣ наши ощущенія во время паденія— головокруженіе, тошноту, послѣднюю борьбу, дурноту и, наконецъ, паденіе во всемъ его ужасѣ. Я чувствовалъ, что воображаемое становится дѣйствительнымъ, что вымышленные ужасы превращаются въ фактъ. Колѣни мои тряслись, пальцы мои понемногу выпускали клинъ. Въ ушахъ зазвенѣло и я подумалъ:— «Это мой похоронный звонъ!» Безумное желаніе взглянуть внизъ овладѣло мною. Я не могъ, не хотѣлъ смотрѣть на гладкую стѣну, и съ страннымъ, неизъяснимымъ чувствомъ не то ужаса, не то

облегченія, устремилъ взглядъ въ пропасть. На мгновеніе мои пальцы впились въ клинъ и слабая тѣнь надежды мелькнула въ моемъ мозгу; но въ ту же минуту въ душѣ моей загорѣлось желаніе упасть,—стремленіе, жажда, страсть, рѣшительно непреодолимая. Я выпустилъ клинъ и, отвернувшись отъ стѣны, зашатался. Но, вотъ, голова моя закружилась, пронзительный, нечеловѣческій голосъ раздался въ моихъ ушахъ, какая-то темная, страшная, призрачная фигура явилась подо мною,—я вздохнулъ и съ замирающимъ сердцемъ полетѣлъ внизъ, въ ея объятія.

Я лишился чувствъ и Петерсъ подхватилъ меня, когда я падалъ. Онъ наблюдалъ за мною снизу; и замѣтивъ, что я теряю присутствіе духа, старался ободрить меня криками; но волненіе мое было такъ велико, что я не слышалъ и не понималъ его словъ. Наконецъ, видя, что я шатаюсь, онъ поспѣшилъ вверхъ и подоспѣлъ во время. Упади я всей тяжестью, веревка несомнѣнно оборвалась бы отъ толчка; но Петерсъ поддержалъ меня, такъ что я опустился тихонько и висѣлъ надъ пропастью, пока не очнулся четверть часа спустя. Мой ужасъ совершенно исчезъ, я сдѣлался какъ бы новымъ существомъ и съ помощью моего товарища благополучно спустился внизъ.

Теперь мы находились вблизи ущелья, оказавшагося могилой для нашихъ товарищей, къ югу отъ того мѣста, гдѣ произошелъ обвалъ. Мѣстность была замѣчательно дикая и напоминала мнѣ описанія пустыни, разстилающейся на мѣстѣ древняго Вавилона. Не говоря объ обломкахъ рухнувшаго утеса, возвышавшихся хаотической грудой на сѣверной сторонѣ, поверхность почвы была усѣяна огромными камнями, напоминавшими обломки какого-то гигантскаго зданія; хотя при детальномъ осмотрѣ нельзя было замѣтить слѣдовъ искусственныхъ построекъ. Повсюду виднѣлись груды камня и огромныя глыбы чернаго гранита и мергеля *) съ прожилками какого-то металла. Никакихъ признаковъ раститель ности не было замѣтно на всемъ пространствѣ, которое могъ охватить глазъ. Среди камней шныряли чудовищные скорпіоны и другіе гады, несвойственные такимъ высокимъ широтамъ.

Такъ какъ наша главная задача была раздобыть что-нибудь съѣстное, то мы рѣшили отправиться на берегъ, въ надеждѣ поймать черепаху. Мы прошли уже нѣсколько сотъ ярдовъ, прячась за каменьями и обломками, какъ вдругъ на насъ набросились пятеро дикарей, выскочившихъ изъ небольшой пещеры и ударомъ дубины повалили Петерса на земь. Когда онъ упалъ,

*) Мергель былъ тоже черный; вообще мы не замѣтили свѣтлыхъ предметовъ на этомъ островѣ.

всѣ они бросились на него, чтобы прикончить свою жертву, чѣмъ дали мнѣ время опомниться. Я бросилъ ружье, такъ какъ замокъ совершенно испортился при паденіи съ вершины утеса, и, выхвативъ пистолеты, уложилъ одного за другимъ двухъ дикарей. Они упали, а третій, замахнувшійся уже копьемъ на Петерса, кинулся на меня. Но мой товарищъ живо расправился со всѣми. Онъ не воспользовался пистолетами, а, полагаясь на свою чудовищную силу, выхватилъ палицу у одного изъ дикарей и уложилъ всѣхъ троихъ почти мгновенно.

Все это произошло такъ быстро, что мы не вѣрили въ дѣйствительность происшествія и остановились надъ трупами, разинувъ рты, когда крики, раздавшіеся вдали, привели насъ въ чувство. Очевидно, дикари услыхали выстрѣлы и намъ трудно было остаться незамѣченными. Чтобы вернуться на утесъ, надо было бѣжать въ направленіи криковъ, да если бы намъ и удалось добраться до его подножія, мы не могли бы подняться наверхъ, не будучи замѣченными. Наше положеніе оказывалось крайне опаснымъ и мы колебались, куда направиться, когда одинъ изъ дикарей, въ которыхъ я выстрѣлилъ и которыхъ считалъ убитыми, вскочилъ и хотѣлъ убѣжать. Мы, однако, схватили его и хотѣли убить, когда Петерсъ замѣтилъ, что онъ можетъ оказаться полезенъ для насъ, если мы заставимъ его бѣжать вмѣстѣ съ нами. Мы дали ему понять, что онъ будетъ застрѣленъ при малѣйшей попыткѣ къ сопротивленію; дикарь покорился судьбѣ и побѣжалъ рядомъ съ нами къ берегу.

Неровности почвы, заслоняли отъ насъ море, и мы увидѣли его только на разстояніи двухсотъ ярдовъ. Выбѣжавъ на открытый берегъ, мы замѣтили громадную толпу дикарей, бѣжавшихъ къ намъ изъ деревни, и со всѣхъ концовъ острова, съ бѣшеными жестами и дикими криками. Мы уже хотѣли вернуться и спрятаться среди утесовъ, когда я замѣтилъ пару челновъ, высовывавшихся изъ-за скалы. Мы бросились къ нимъ и убѣдились, что при нихъ никого нѣтъ. Въ нихъ лежали три большія галапагосскія черепахи и запасъ веселъ на шестьдесятъ гребцовъ. Мы тотчасъ вскочили въ одинъ изъ нихъ, заставивъ нашего плѣнника слѣдовать за нами, и оттолкнулись отъ берега.

Только отплывъ ярдовъ на пятьдесятъ, мы сообразили, какъ нелѣпо было съ нашей стороны оставить другую лодку дикарямъ, которые тѣмъ временемъ быстро приближались къ берегу. Нельзя было терять времени. Мы не надѣялись поспѣть къ лодкѣ раньше дикарей, но ничего другого не оставалось дѣлать. Въ случаѣ успѣха, мы могли спастись, тогда какъ оставить лодку дикарямъ, значило погибнуть навѣрняка.

Носъ и корма челнока были устроены одинаково, такъ что намъ не нужно было поворачивать, а только грести въ противоположномъ направленіи. Замѣтивъ нашъ маневръ, дикари взвыли еще сильнѣе, и пустились бѣжать съ невѣроятной быстротой. Но мы налегли на весла съ энергіей отчаянія и добрались до лодки, когда къ ней подбѣжалъ только одинъ дикарь, опередившій остальныхъ. Онъ дорого поплатился за свое проворство: Петерсъ уложилъ его выстрѣломъ изъ пистолета. Передовые изъ его товарищей были шагахъ въ двадцати или тридцати, когда мы схватились за лодку. Мы хотѣли стащить ее на воду, но она такъ плотно засѣла въ пескѣ, что не поддавалась нашимъ усиліямъ. Тогда Петерсъ двумя сильными ударами ружейнаго приклада проломилъ ей бокъ. Затѣмъ мы поспѣшили оттолкнуть свою лодку. Двое изъ дикарей, ухватились было за нее, но мы отдѣлались отъ нихъ ударами ножей, и пустились въ море. Толпа дикарей, подбѣжавъ къ челну, разразилась страшными криками бѣшенства и злобы. Вообще, по всему, что я видѣлъ, они показались мнѣ самымъ коварнымъ, двуличнымъ, мстительнымъ, кровожаднымъ и дьявольски жестокимъ племенемъ изъ всѣхъ живущихъ на землѣ. Ясно, что намъ не было бы пощады, если бы мы попались къ нимъ въ лапы. Они попытались было преслѣдовать насъ въ испорченномъ челнѣ, но, убѣдившись, что это невозможно, еще разъ излили свое бѣшенство въ неистовыхъ крикахъ и устремились обратно въ холмы.

Теперь мы избавились отъ ближайшей опасности, но все-таки наше положеніе было очень печальнымъ. Раньше мы видѣли у дикарей четыре челна и не знали (впослѣдствіи намъ сообщилъ объ этомъ дикарь, нашъ плѣнникъ), что два были разбиты въ дребезги при взрывѣ Джэнъ Гай. Мы были увѣрены, что дикари пустятся въ погоню за нами, какъ только доберутся до того мѣста, гдѣ обыкновенно стояли лодки. Въ виду этого мы постарались какъ можно скорѣе уйти отъ острова, заставивъ и плѣнника взяться за весла. Черезъ полчаса, отплывъ миль на пять или на шесть къ югу, мы замѣтили цѣлую флотилію плотовъ, выходившую изъ гавани, очевидно, въ погоню за нами. Но скоро дикари вернулись обратно, вѣроятно, отчаявшись нагнать насъ.

ГЛАВА XXV.

Теперь мы находились въ безбрежномъ и безотрадномъ антарктическомъ океанѣ, за восемьдесятъ четвертымъ градусомъ широты, въ утломъ челнокѣ, съ тремя черепахами вмѣсто съѣстныхъ припасовъ. Долгая полярная зима должна была наступить въ непродолжительномъ времени. Надо было хорошенько обдумать, куда

намъ направиться. Мы видѣли вдали шесть или семь острововъ, принадлежавшихъ къ одной и той же группѣ и отстоявшихъ другъ отъ друга миль на пять-на шесть, но не рѣшались пристать къ какому-нибудь изъ нихъ. Направляясь съ сѣвера къ югу на «Джэнъ Гай», мы оставили за собой самую суровую полосу холода и льдовъ— этотъ фактъ, противорѣчившій общепринятымъ мнѣніямъ о южномъ полюсѣ, былъ тѣмъ не менѣе фактомъ, въ дѣйствительности котораго мы не могли сомнѣваться. Стало быть, возвращаться назадъ было бы безуміемъ—особливо въ такое позднее время года. Оставался только одинъ путь. Мы рѣшились смѣло плыть къ югу, гдѣ можно было надѣяться встрѣтить новыя земли и болѣе мягкій климатъ.

До сихъ поръ, южный полярный океанъ, подобно сѣверному, оказывался сравнительно спокойнымъ; мы не испытали еще сильныхъ бурь и волненія, но нашъ челнокъ, хотя и достаточно объемистый, былъ слишковъ ненадеженъ и мы постарались исправить его насколько было возможно. Корпусъ челна былъ сдѣланъ изъ коры какого-то неизвѣстнаго намъ дерева. Ребра изъ гибкихъ ивовыхъ сучьевъ, вполнѣ подходившихъ для этой цѣли. Длина лодки была пятьдесятъ футовъ, ширина отъ четырехъ до шести, глубина четыре съ половиной,—такимъ образомъ, она значительно отличалась по формѣ отъ челновъ, употребляемыхъ обитателями южныхъ морей, съ которыми приходилось имѣть дѣло цивилизованнымъ націямъ. Мы не могли повѣрить, что онѣ выстроены невѣжественными островитянами, у которыхъ мы нашли ихъ, и черезъ нѣсколько дней узнали отъ нашего плѣнника, что лодки дѣйствительно попали къ нимъ случайно, отъ другого племени, обитавшаго на островахъ, находившихся далѣе къ юго-западу. Мы могли сдѣлать очень немногое для исправленія лодки. Законопатили шерстяными лоскутьями нашихъ куртокъ щели, замѣченныя нами на обоихъ концахъ лодки. Изъ запасныхъ веселъ, которыхъ въ лодкѣ оказалась цѣлая куча, устроили нѣчто въ родѣ обшивки на носу, чтобы ослаблять силу волнъ. Два весла утвердили въ видѣ мачтъ на бортахъ, одно противъ другого, замѣнивъ такимъ устройствомъ реи. Между ними натянули парусъ, соорудивъ его изъ собственныхъ рубашекъ. Это намъ удалось не безъ труда, потому что дикарь рѣшительно отказался помогать въ работѣ, хотя охотно раздѣлялъ всѣ наши остальные труды. Видъ полотна производилъ на него странное дѣйствіе. Онъ ни за что не хотѣлъ дотронуться до него или подойти поближе, и когда мы старались заставить его насильно, дрожалъ всѣми членами и кричалъ: «Текели-ли!»

Сдѣлавъ все, что могли, для исправленія лодки, мы направились къ юго-востоку, желая обогнуть группу болѣе южныхъ острововъ. Затѣмъ повернули прямо на югъ. Погода стояла хорошая.

Дулъ легкій вѣтерокъ съ сѣвера, море было гладко, дневной свѣтъ не смѣнялся ночью. Льда вовсе не попадалось; вообще я не замѣтилъ ни одной льдинки южнѣе параллели острова Беннета. Да и не могло его быть при такой высокой температурѣ воды. Убивъ самую крупную черепаху, которая доставила намъ порядочный запасъ не только пищи, но и воды, мы продолжали путь безъ всякихъ приключеній въ теченіе семи, восьми дней и подвинулись далеко къ югу, такъ какъ вѣтеръ былъ все время попутный и направленіе теченія не измѣнялось.

1 марта *).—Рядъ необычайныхъ явленій показываетъ, что мы вступили въ область неожиданностей и чудесъ. Высокая гряда сѣрыхъ паровъ постоянно остается на южномъ горизонтѣ, то расширяясь блестящими полосами съ запада на востокъ, или съ востока на западъ, то снова стягиваясь въ видѣ правильной гряды,—словомъ, постоянно измѣняя очертанія, подобно Сѣверному Сіянію. Средняя высота этой гряды около двадцати пяти градусовъ. Температура воды возрастаетъ съ минуты на минуту и цвѣтъ моря замѣтно мѣняется.

2 марта.—Сегодня, разспрашивая плѣнника, мы узнали много подробностей относительно его родины, единоплеменниковъ и ихъ обычаевъ,—но могутъ-ли онѣ теперь заинтересовать читателя? Замѣчу, впрочемъ, что по его словамъ, группа состояла изъ восьми острововъ, которыми правилъ король Тсалемонъ или Псалемунъ, жившій на самомъ маленькомъ островкѣ; что черныя шкуры, составлявшія одежду воиновъ—шкуры огромнаго животнаго, которое водится только въ долинѣ подлѣ резиденціи царя; что жители архипелага не умѣютъ строить лодки, а плаваютъ на плотахъ; что четыре челна достались съ какого-то большого острова, находящагося дальше къ юго-западу; что его, нашего плѣнника, зовутъ Ну-ну; что онъ никогда не слыхалъ про островъ Беннета;—и что названіе острова, на которомъ произошла катастрофа, Тсалалъ. Первые слоги Тсалемонъ и Тсалалъ произносились имъ съ какимъ-то особеннымъ присвистомъ, напоминавшимъ голосъ черной выпи, которую мы поймали на вершинѣ холма.

3 марта.—Температура воды поразительно высока, цвѣтъ моря рѣзко измѣнился; оно уже не прозрачное, а молочно бѣлое. Рядомъ съ лодкой оно спокойно, по крайней мѣрѣ настолько, что не угрожаетъ ей опасностью; но мы съ удивленіемъ замѣтили, что направо и налѣво отъ насъ оно точно вскипаетъ по временамъ,—

---

*) По весьма понятнымъ причинамъ я не могу ручаться за точность датъ. Я привожу ихъ, главнымъ образомъ для отчетливости разсказа, по моей записной книжкѣ.

этому явленію всегда предшествуютъ странныя измѣненія очертаній гряды сѣрыхъ паровъ.

4 марта.—Сегодня, желая увеличить размѣры паруса, такъ какъ вѣтеръ замѣтно ослабѣлъ, я вытащилъ изъ кармана бѣлый носовой платокъ и случайно задѣлъ имъ по лицу Ну-ну, сидѣвшаго рядомъ со мной. Онъ упалъ въ судорогахъ, за которыми послѣдовали обморокъ и оцѣпенѣніе, сопровождавшіяся глухимъ бормотаніемъ Текели-ли! Текели-ли!

5 марта.—Вѣтеръ упалъ совершенно, но мы по прежнему несемся къ югу, увлекаемые сильнымъ теченіемъ. Странно, что мы не испытываемъ никакого волненія. Лицо Петерса спокойно, хотя по временамъ принимаетъ выраженіе неизъяснимое. Полярная зима приближается, — но приближается безъ своихъ обычныхъ ужасовъ. Я испытываю онѣмѣніе душевное и тѣлесное, какую-то дремоту чувствъ,—но больше ничего.

6 марта.—Сѣрые пары поднялись на нѣсколько градусовъ выше, мало по малу теряя свою окраску. Температура воды поднялась до того, что рука не выдерживаетъ, молочный цвѣтъ сталъ еще ярче. Сегодня вода забурлила подлѣ самого челна. Это явленіе сопровождалось страннымъ блескомъ на вершинѣ гряды паровъ и разрывомъ ея основанія. Тонкая бѣлая пыль, въ родѣ пепла, однако не пепелъ, сыпалась въ лодку и на море, пока не замеръ блескъ и не стихло волненіе. Ну-ну бросился ничкомъ на дно лодки и никакія увѣщанія не могли заставить его встать.

7 марта.—Мы спрашивали Ну-ну, за что его соплеменники убили нашихъ товарищей, но онъ до того одурѣлъ отъ ужаса, что не могъ ничего отвѣтить. Онъ по прежнему лежалъ на днѣ лодки и на всѣ вопросы отвѣчалъ идіотскими жестами, приподнимая пальцемъ верхнюю губу и оскаливая такимъ образомъ зубы. Они были черные. До этого времени намъ не случалось видѣть зубы обитателей Тсалала.

8 марта.—Сегодня мимо насъ проплыло бѣлое животное, такое же, какъ то, чучело котораго произвело переполохъ среди дикихъ на островѣ Тсалалъ. Я хотѣлъ было поймать его, но мной овладѣла какая-то странная лѣнь, такъ что я не тронулся съ мѣста. Вода стала еще горячѣй и положительно обжигаетъ руку. Петерсъ почти все время молчитъ, — и я не знаю, чѣмъ объяснить его апатію. Ну-ну только вздыхаетъ.

9 марта.—Тонкая пыль въ родѣ пепла постоянно сыплется на насъ массами. Гряда паровъ поднялась на чудовищную высоту и приняла болѣе опредѣленную форму. Я могу сравнить ее только съ чудовищнымъ водопадомъ, безмолвно стремящимся въ море съ вершины колоссальнаго утеса, теряющейся въ небесахъ. Эта ги-

гантская завѣса охватываетъ весь южный горизонтъ. Никакихъ звуковъ не слышно.

21 марта.—Мрачная тьма сгустилась надъ нами, но изъ молочно-бѣлыхъ нѣдръ океана поднимается яркій свѣтъ и озаряетъ лодку. Насъ совсѣмъ засыпала бѣлая, подобная пеплу, пыль; она все время валится въ челнъ и таетъ въ водѣ. Вершина водопада исчезла въ туманной дали. Но мы, очевидно, несемся къ ней съ ужасающей быстротою. По временамъ она точно разрывается; сквозь эти сіяющія трещины мелькаетъ рой туманныхъ и неясныхъ образовъ и вырывается бурный, но безмолвный вѣтеръ, вздымая пылающій океанъ.

22 марта.—Тьма еще болѣе сгустилась; только яркій свѣтъ бѣлой завѣсы передъ нами отражается водой. Гигантскія бѣлыя птицы то и дѣло вылетаютъ изъ-за завѣсы и исчезаютъ съ вѣчнымъ крикомъ Текели-ли. Услыхавъ этотъ крикъ, Ну-ну пошевелился на днѣ лодки, но, дотронувшись до него, мы убѣдились, что онъ испустилъ духъ. Еще минута и передъ нами разверзлись бездны водопада. Но изъ нихъ поднялась человѣческая фигура въ саванѣ, далеко превосходившая своими размѣрами обыкновенныхъ людей. Ея кожа была бѣлѣе снѣга.

Примѣчаніе.

Публикѣ уже извѣстны изъ газетъ обстоятельства внезапной и трагической смерти мистера Пима. Мы боимся, что послѣднія главы рукописи, дополняющія его разсказъ и оставленныя имъ у себя для просмотра, когда первыя главы уже набирались, — погибли безвозвратно. Можетъ быть, впрочемъ, онѣ будутъ найдены и, въ такомъ случаѣ, мы не преминемъ ихъ напечатать.

Мы старались помочь бѣдѣ всѣми зависящими отъ насъ средствами. Джентльменъ, о которомъ упомянуто въ предисловіи и который, повидимому, могъ бы пополнить пробѣлъ въ разсказѣ, наотрѣзъ отказался отъ этого, такъ какъ не помнитъ деталей и не довѣряетъ правдивости послѣднихъ главъ. Петерсъ, отъ котораго можно бы было получить необходимыя свѣдѣнія, еще живъ и находится въ Иллинойсѣ, но мы не могли его разыскать. Можетъ быть, это удастся впослѣдствіи; въ такомъ случаѣ онъ, конечно, не откажется пополнить разсказъ мистера Пима.

Потеря двухъ или трехъ послѣднихъ главъ (ихъ было всего двѣ или три) тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что въ нихъ, безъ сомнѣнія, содержатся свѣдѣнія о самомъ полюсѣ или ближайшихъ къ нему мѣстностяхъ—свѣдѣнія, которыя могли бы быть провѣрены или опровергнуты подготовляемой нынѣ правительствомъ экспедиціей въ Южный Полярный Океанъ.

Считаемъ не лишнимъ сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу одного мѣста въ разсказѣ; и будемъ очень довольны, если наши слова усилятъ довѣріе публики къ страннымъ сообщеніямъ автора. Мы имѣемъ въ виду пропасти на островѣ Тсалалъ и фигуры, изображенныя въ главѣ XXIII.

Мистеръ Пимъ даетъ рисунокъ пропасти безъ всякихъ комментаріевъ, а о фигурахъ, вырѣзанныхъ на стѣнѣ самой восточной изъ галлерей, говоритъ, какъ объ естественномъ явленіи, случайно напоминающемъ буквы и рѣшительно отвергаетъ ихъ искусственное происхожденіе. Это утвержденіе высказано такъ просто и подтверждается такими убѣдительными доказательствами—нахожденіемъ обломковъ мергеля на днѣ пропасти, совершенно подходящихъ къ этимъ значкамъ — что мы охотно вѣримъ автору, да и всякій разсудительный читатель согласится съ нимъ. Но такъ какъ факты, относящіеся ко всѣмъ этимъ фигурамъ, въ высшей степени странны (особенно если ихъ поставить въ связь съ другими данными разсказа), то будетъ кстати сказать о нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что обстоятельства, которыя мы имѣемъ въ виду, безъ сомнѣнія, ускользнули отъ вниманія мистера Пима.

Если соединить фигуры 1, 2, 3 и 5 въ томъ порядкѣ, въ которомъ расположены самыя пропасти (и оставляя въ сторонѣ проходы, служащіе только для сообщенія между ними), то получится эѳіопское коренное слово ጸለመ: «быть чернымъ», откуда происходятъ всѣ слова, означающія тѣнь или тьму.

Что касается «лѣвой или самой сѣверной» фигуры въ рисункѣ 4, то она, по всей вѣроятности, вырѣзана искусственно, какъ и предположилъ Петерсъ, и изображаетъ человѣческую фигуру. Рисунокъ передъ глазами читателя, который можетъ самъ судить о сходствѣ; но остальныя фигуры подтверждаютъ мнѣніе Петерса. Верхній рядъ очевидно арабское коренное слово «быть бѣлымъ», отъ котораго происходятъ всѣ термины, означающіе блескъ и бѣлизну. Нижній рядъ не такъ ясенъ. Буквы неполны и стерты, тѣмъ не менѣе, невозможно сомнѣваться, что въ цѣломъ видѣ онѣ образовали египетское слово ⲡⲁⲑⲩⲣⲏⲥ. «область юга». Замѣтимъ, что эти объясненія подтверждаютъ мнѣніе Петерса насчетъ «самой сѣверной» фигуры. Рука вытянута къ югу.

Эти заключенія открываютъ широкое поле для размышленія и

интересныхъ догадокъ. Можетъ быть, ихъ нужно разсматривать въ связи съ самыми мелочными и вскользь затронутыми подробностями разсказа, хотя цѣпь заключеній во всякомъ случаѣ не будетъ полной. Текели-ли! кричали испуганные жители Тсалала при видѣ бѣлаго животнаго, пойманнаго въ морѣ. То же повторялъ плѣнный дикарь при видѣ бѣлыхъ предметовъ. Таковъ же былъ крикъ гигантскихъ бѣлыхъ птицъ, вылетавшихъ изъ-за бѣлой завѣсы на горизонтѣ. Ничего бѣлаго не оказалось на Тсалалѣ и только этотъ цвѣтъ замѣченъ въ болѣе южной области. Возможно, что «Тсалалъ», названіе острова, на которомъ найдены вышеописанныя пропасти, окажется при тщательномъ филологическомъ изслѣдованіи, имѣющимъ какое-либо отношеніе къ самимъ пропастямъ или таинственнымъ эѳіопскимъ надписямъ.

«Я вырѣзалъ это на холмахъ и месть моя на прахѣ скалы».

Могущество словъ.

Ойносъ. Прости, Агатосъ, слабость духа, такъ недавно окрыленнаго безсмертіемъ.

Агатосъ. Тебѣ не въ чѣмъ просить прощенія, милый Ойносъ. Знаніе и здѣсь не дается наитіемъ. Что касается мудрости, смѣло проси о ней ангеловъ.

Ойносъ. А я воображалъ, что въ этой жизни разомъ познаю все и буду счастливъ познаніемъ всего.

Агатосъ. Ахъ, не въ познаніи счастье, а въ пріобрѣтеніи познанія! Въ вѣчномъ познаваніи—вѣчное блаженство; но знать все—адская мука.

Ойносъ. Да развѣ Всевышній не знаетъ всего?

Агатосъ. Это (такъ какъ Онъ Всеблаженный) единственная вещь, невѣдомая даже Ему.

Ойносъ. Но постоянно пріобрѣтая знанія, не познаемъ-ли мы, наконецъ, всего?

Агатосъ. Погляди въ эту бездонную глубь, попытайся проникнуть взоромъ въ безчисленныя перспективы звѣздъ, среди которыхъ мы медленно скользимъ—такъ—и такъ—и такъ! Даже духовное зрѣніе останавливается передъ золотой оградой вселенной, передъ миріадами свѣтящихся тѣлъ, сливающихся для взора въ одно цѣлое только благодаря своему безконечному множеству.

Ойносъ. Теперь я ясно вижу, что безпредѣльность матеріи не мечта.

Агатосъ. Въ Эдемѣ нѣтъ мечты; но тайный голосъ говоритъ, что единственная цѣль этой безконечной матеріи доставить неизсякаемые источники, въ которыхъ душа могла бы утолять жажду знанія, жажду неутолимую, потому что утолить ее значило

бы истребить самую душу. Спрашивай же, милый Ойносъ, свободно и безъ боязни. Смотри! мы оставляемъ налѣво пышную гармонію Плеядъ и устремляемся въ сіяющіе луга за Оріономъ, гдѣ вмѣсто фіалокъ и анютиныхъ глазокъ найдемъ группы тройныхъ и трехцвѣтныхъ солнцъ.

Ойносъ. А теперь, Агатосъ, пока мы стремимся впередъ, поучай меня!—говори мнѣ роднымъ языкомъ земли! Я не понялъ твоихъ словъ объ образѣ или методѣ осуществленія того, что мы въ земной жизни привыкли называть Твореніемъ. Хотѣлъ-ли ты сказать, что Творецъ—не Богъ?

Агатосъ. Я хотѣлъ сказать, что Божество не творитъ.

Ойносъ. Объяснись!

Агатосъ. Только въ началѣ оно сотворило. Кажущіяся созданія, которыя безпрерывно возникаютъ во всей вселенной, только посредственный или косвенный, а не прямой и непосредственный результатъ творческой воли Божества.

Ойносъ. Среди людей, милый Агатосъ, эта мысль была бы сочтена крайне еретической.

Агатосъ. Среди ангеловъ, милый Ойносъ, она считается истиной.

Ойносъ. Я понимаю, что извѣстные процессы, которые мы называемъ природой или законами природы, могутъ, при извѣстныхъ условіяхъ, привести къ результатамъ, имѣющимъ видъ творчества. Незадолго передъ окончательнымъ разрушеніемъ земли были произведены, я отлично помню, успѣшные опыты творенія микроскопическихъ существъ, какъ называли ихъ нѣкоторые натуралисты въ своей наивности.

Агатосъ. Опыты, о которыхъ ты говоришь, дѣйствительно случай вторичнаго творенія, того единственнаго способа творенія, который имѣлъ мѣсто съ тѣхъ поръ какъ первое слово вызвало къ бытію первый законъ.

Ойносъ. А звѣздные міры, ежечасно возникающіе въ небѣ изъ пучины небытія—развѣ эти звѣзды, Агатосъ, не непосредственное твореніе Владыки?

Агатосъ. Я попытаюсь, милый Ойносъ, шагъ за шагомъ привести тебя къ пониманію той мысли, которую я намѣренъ изложить. Ты знаешь, что подобно тому, какъ мысль не можетъ исчезнуть безслѣдно, такъ и фактъ не можетъ не имѣть безконечныхъ послѣдствій. Напримѣръ, пошевеливъ рукою, когда ты былъ жителемъ земли, ты возбуждалъ вибрацію въ окружающей атмосферѣ. Вибрація распространялась и передавалась каждой частицѣ земной атмосферы, которая съ тѣхъ поръ, и навсегда, была приведена въ движеніе единственнымъ движеніемъ руки. Земнымъ математикамъ хорошо извѣстенъ этотъ фактъ. Они точно вычи-

слили дѣйствія, производимыя въ жидкости спеціальными толчками,—такъ что могли опредѣлить, въ какое время толчекъ извѣстной силы распространится и приведетъ въ движеніе (на вѣки) каждый атомъ окружающей атмосферы. И наоборотъ, они не затрудняются опредѣлить по данному дѣйствію, при данныхъ условіяхъ, силу первоначальнаго импульса. Видя, что результаты каждаго даннаго толчка рѣшительно безконечны,—что часть этихъ результатовъ можетъ быть точно вычислена съ помощью алгебраическаго анализа,—что обратное вычисленіе также легко,—математики поняли, что этотъ родъ анализа самъ по себѣ способенъ къ безконечному усовершенствованію,—что его успѣхи и приложенія ограничены только предѣлами самого разсудка. Но на этомъ пунктѣ наши математики остановились.

Ойносъ. Почему же, Агатосъ, они не пошли дальше?

Агатосъ. Потому что далѣе являлись соображенія глубокаго интереса. Изъ всего, что они знали, можно было заключить, что существо съ безконечнымъ пониманіемъ — существо, которому былъ бы открытъ алгебраическій анализъ во всей своей полнотѣ — безъ труда могло бы прослѣдить каждый толчекъ, сообщенный воздуху — и эѳиру посредствомъ воздуха — до его отдаленнѣйшихъ послѣдствій въ любой, даже безконечно отдаленный, періодъ времени. Ясно, что каждый такой толчекъ, сообщенный воздуху, долженъ, въ концѣ концовъ, воздѣйствовать на каждое индивидуальное существо, находящееся въ предѣлахъ вселенной, и существо съ безконечнымъ пониманіемъ—существо, которое мы себѣ представили—могло бы прослѣдить отдаленныя колебанія, вызванныя этимъ толчкомъ—прослѣдить ихъ до безконечности въ вызываемыхъ ими измѣненіяхъ старыхъ формъ,—или, иными словами, въ твореніи новаго—пока онѣ не отразятся—безъ дѣйствія наконецъ—отъ престола Божества. И не только подобныя вычисленія доступны для нашего существа, но оно можетъ во всякую данную эпоху, для даннаго результата,—напримѣръ, для одной изъ безчисленныхъ кометъ—опредѣлить путемъ обратнаго анализа силу первоначальнаго толчка, вызвавшаго этотъ результатъ. Эта способность обратнаго вычисленія въ ея полнотѣ и совершенствѣ—способность отнести во всѣ эпохи всѣ дѣйствія ко всѣмъ причинамъ—безъ сомнѣнія, прерогатива одного Божества—но во всевозможныхъ степеняхъ, за исключеніемъ безконечнаго совершенства она присуща всему сонму ангеловъ.

Ойносъ. Но ты говоришь только о толчкахъ, сообщенныхъ атмосферѣ.

Агатосъ. Говоря объ атмосферѣ, я имѣлъ въ виду только землю; но общее положеніе относится къ толчкамъ, сообщеннымъ

эѳиру, который одинъ наполняетъ все пространство, являясь такимъ образомъ великой средой творенія.

Ойносъ. Такъ всякое движеніе, какой бы то ни было природы, творитъ?

Агатосъ. Такъ должно быть, но истинная философія давно рѣшила, что источникъ всякаго движенія—мысль, а источникъ всякой мысли...

Ойносъ. Богъ.

Агатосъ. Я говорилъ тебѣ, Ойносъ, какъ сыну прекрасной, недавно погибшей земли,—о движеніяхъ въ земной атмосферѣ?

Ойносъ. Да.

Агатосъ. А пока я говорилъ, не мелькнула-ли въ твоемъ умѣ мысль о физическомъ могуществѣ словъ? Не является-ли каждое слово толчкомъ, сообщеннымъ атмосферѣ?

Ойносъ. Но почему ты плачешь, Агатосъ,—и почему опускаются твои крылья, пока мы паримъ надъ этой прекрасной звѣздой, самой зеленой и самой страшной изъ всѣхъ, которыя намъ встрѣтились. Ея яркія краски подобны прекраснымъ грезамъ,—но ея неистовые вулканы напоминаютъ страсти мятежнаго сердца.

Агатосъ. Ты угадалъ! ты угадалъ! Эта странная звѣзда... триста лѣтъ тому назадъ, съ скрещенными руками, со слезами на глазахъ, у ногъ моей возлюбленной—я вызвалъ ее къ жизни словами—страстными восклицаніями! Ея яркія краски дѣйствительно самыя волшебныя изъ неосуществленныхъ грезъ, а ея неистовые вулканы дѣйствительно страсти самаго мятежнаго изъ поруганныхъ сердецъ.

Бесѣда Моноса и Уны.

> Μελλοντα ταυτα.
> Эти вещи въ будущемъ.
> Софоклъ. Антигона.

Уна. Родился вновь?

Моносъ. Да, прекрасная и возлюбленная Уна, «родился вновь». Таковы были слова, таинственное значеніе которыхъ я долго старался разгадать, отвергая объясненія священниковъ, пока сама Смерть не открыла мнѣ тайну.

Уна. Смерть!

Моносъ. Какъ странно, милая Уна, ты повторяешь мои слова! Я замѣчаю также нерѣшительность въ твоей походкѣ, радостное безпокойство въ твоихъ глазахъ. Ты смущена и подавлена новизной и величіемъ Вѣчной Жизни. Да, я говорилъ о Смерти. Какъ странно звучитъ здѣсь это слово, при звукѣ котораго издавна трепещетъ всякое сердце, подергивается плѣсенью всякое наслажденіе!

Уна. О, Смерть, призракъ, сидящій за всѣми пирами! Какъ часто, Моносъ, мы предавались размышленіямъ о ея природѣ! Какъ таинственно вмѣшивается она въ людскія дѣла, ставитъ предѣлъ всякому человѣческому блаженству, говоря «до сихъ поръ, и не дальше!» Глубочайшая взаимная любовь, мой Моносъ, пылала въ нашихъ сердцахъ, но тщетно мы, счастливые ея первымъ пробужденіемъ, льстили себя надеждой, что наше счастье будетъ рости вмѣстѣ съ ея ростомъ! Увы, по мѣрѣ того, какъ росла любовь, возросталъ въ нашихъ сердцахъ страхъ передъ зловѣщей минутой, которая приближается, чтобы разлучить насъ навѣки! Такъ съ теченіемъ времени любовь сдѣлалась мукой. Тогда ненависть была бы облегченіемъ.

Моносъ. Не говори здѣсь объ этихъ печальныхъ вещахъ, дорогая Уна,—моя, теперь моя навѣки!

Уна. Но воспоминаніе о прошлой скорби—радость въ настоящемъ! Мнѣ нужно многое сказать о вещахъ уже бывшихъ. Прежде всего, я жажду узнать, какъ ты самъ прошелъ мрачную долину Тѣни.

Моносъ. Когда же лучезарная Уна тщетно спрашивала о чемъ нибудь своего Моноса? Я разскажу тебѣ все, но съ какого пункта начать разсказъ?

Уна. Съ какого пункта?

Моносъ. Ты сказала.

Уна. Моносъ, я понимаю тебя. Въ смерти мы оба познали стремленіе человѣка опредѣлять неопредѣлимое. И такъ, я не прошу начать съ момента прекращенія жизни,—но съ той печальной минуты, когда горячка оставила тебя и ты, бездыханный и недвижимый, впалъ въ оцѣпенѣніе, а я трепещущими пальцами опустила внизъ твои блѣдныя вѣки.

Моносъ. Но сначала, милая Уна, нѣсколько словъ объ общемъ положеніи человѣчества въ ту эпоху. Ты помнишь, что въ числѣ нашихъ предковъ нашлось двое или трое мудрецовъ—настоящихъ мудрецовъ, хотя свѣтъ не считалъ ихъ такими—которые рискнули усомниться въ приложимости термина «усовершенствованіе» къ прогрессу нашей цивилизаціи. Въ каждомъ изъ пяти или шести столѣтій, непосредственно предшествовавшихъ нашей кончинѣ, бывали періоды, когда являлся какой-нибудь мощный умъ, ратовавшій за принципы, истинность которыхъ кажется столь очевидной нашему освободившемуся отъ предразсудковъ уму,—принципы, въ силу которыхъ наша раса должна бы была скорѣе подчиняться законамъ природы, чѣмъ пытаться контролировать ихъ. Изрѣдка, черезъ долгіе промежутки времени, являлись выдающіеся умы, считавшіе всякій успѣхъ практической науки попятнымъ шагомъ въ отношеніи истинной пользы. Случалось,

что поэтическій интеллектъ—интеллектъ, который мы теперь признаемъ самымъ возвышеннымъ, разъ что истины, представлявшія для насъ величайшую важность, могли быть постигнуты только въ аналогіи, которая убѣдительно говоритъ воображенію, но остается лишенной смысла для безпомощнаго разсудка — случалось, что поэтическій интеллектъ дѣлалъ шагъ впередъ въ разъясненіи смутной идеи философскаго, находилъ въ мистической легендѣ о древѣ познанія и его запретныхъ плодахъ, ведущихъ за собой смерть, ясное указаніе на то, что знаніе не годилось для человѣка въ дѣтскомъ состояніи его души. И эти люди—поэты—жившіе и погибавшіе среди насмѣшекъ утилитаристовъ—грубыхъ педантовъ, нагло присвоившихъ себѣ титулъ, принадлежавшій по праву осмѣяннымъ—эти люди, поэты, съ тоскою, но не безумно, мечтали о давно минувшихъ дняхъ, когда простота нашихъ желаній равнялась только интенсивности нашихъ наслажденій—когда слово веселье еще оставалось неизвѣстнымъ: въ такихъ торжественныхъ и глубокихъ тонахъ изливалось счастье—о святыхъ, возвышенныхъ, благословенныхъ дняхъ, когда голубыя рѣки катились свободно, среди нескошенныхъ луговъ, въ тиши дѣвственныхъ, благоухающихъ, невѣдомыхъ лѣсовъ. Но эти благородныя исключенія изъ общей пошлости только усиливали оппозицію. Увы! мы явились въ худшіе изъ этихъ тяжелыхъ дней. Наступило великое «движеніе» — такимъ неподходящимъ терминомъ окрестили его—нездоровое возбужденіе духовное и физическое. Искусство—Искусства—взяли верхъ и низвергли, оковали разсудокъ, создавшій ихъ власть. Человѣкъ, видя, что ему остается только признать могущество Природы, предался дѣтскому восторгу передъ своей возрастающей властью надъ ея элементами. Вообразивъ себя Богомъ, онъ на самомъ дѣлѣ оставался рабомъ младенческой глупости. Какъ и слѣдовало ожидать, имъ все болѣе и болѣе овладѣвалъ духъ системы, абстракціи. Онъ запутывался въ отвлеченностяхъ. Въ числѣ другихъ странныхъ идей возникла и утвердилась идея всеобщаго равенства: предъ лицомъ аналогіи и Бога, — несмотря на громкій предостерегающій голосъ законовъ постепенности, такъ, очевидно, проникающихъ всѣ явленія на Землѣ и въ Небѣ—явились безумныя попытки установить всемогущую Демократію. Но это зло естественно вытекало изъ главнаго, основнаго зла: Знанія. Человѣкъ не могъ совмѣстить знаніе съ подчиненіемъ. Тѣмъ временемъ возникли безчисленные, громадные, дымные города. Зеленая листва отступила передъ дыханіемъ фабричныхъ горновъ. Прекрасный ликъ Природы обезобразился, точно изуродованный какой-нибудь отвратительной болѣзнью. И мнѣ кажется, милая Уна, даже наше дремлющее чувство натянутаго и искусственнаго могло бы остановить насъ на этомъ

пунктѣ. Но мы окончательно подготовили свою гибель извращеніемъ нашего вкуса, или скорѣе слѣпымъ пренебреженіемъ къ его культивированію въ школахъ. Потому что при такомъ положеніи вещей только вкусъ—способность, которой нельзя пренебрегать безнаказанно, потому что она занимаетъ середину между чистымъ разсудкомъ и моральнымъ чувствомъ — только вкусъ могъ незамѣтно вернуть насъ къ Красотѣ, Природѣ и Жизни. Но увы! мы забыли чистый созерцательный духъ и величавое вдохновеніе Платона! Забыли μουσικη, которую онъ такъ справедливо считалъ незамѣнимымъ средствомъ воспитанія души! Увы! и тотъ и другая были осмѣяны и забыты въ то самое время, когда въ нихъ-то и нуждались всего болѣе *).

Паскаль, философъ, котораго мы оба любимъ, замѣтилъ—и какъ справедливо:—«que tout notre raisonnement se réduit à céder au sentiment»; и весьма возможно, что чувство естественнаго вернуло бы свое прежнее господство надъ сухимъ математическимъ школьнымъ разсудкомъ, если бъ только позволило время. Но этому не суждено было случиться. Подъ вліяніемъ одностороннихъ успѣховъ науки міръ состарился преждевременно. Масса человѣчества не замѣчала этого или дѣлала видъ, что не замѣчаетъ, предаваясь веселой, хотя и не счастливой жизни. Но я... я зналъ изъ лѣтописей земли, что глубочайшее паденіе—удѣлъ высочайшей цивилизаціи. Китай съ своей простотой и долговѣчностью, Ассирія съ своей архитектурой, Египетъ съ астрологіей, Нубія, сильнѣйшая изъ всѣхъ, безпокойная матерь искусствъ, предсказывали мнѣ нашу судьбу. Въ исторіи этихъ странъ я увидѣлъ лучъ будущаго. Индивидуальныя уродливости трехъ послѣднихъ были мѣстными болѣзнями Земли, отъ которыхъ она избавилась съ паденіемъ этихъ государствъ; но при общемъ зараженіи міра обновленіе могло быть найдено лишь въ смерти. Я зналъ, что

*) «Трудно представить себѣ лучшій методъ воспитанія, чѣмъ тотъ, который открытъ и провѣренъ опытомъ вѣковъ; онъ можетъ быть выраженъ въ двухъ положеніяхъ: гимнастика для тѣла и музыка для души». Респубд., кн. 2.—«Въ виду этого музыкальное воспитаніе надо считать самымъ главнымъ; благодаря ему Ритмъ и Гармонія глубоко внѣдряются въ душу, овладѣваютъ ею, наполняютъ ее красотой и дѣлаютъ человѣка прекрасно-мыслящимъ... Онъ будетъ упиваться и восхищаться прекраснымъ, съ радостью воспринимать его, насыщаться имъ, и согласовать съ нимъ свой бытъ». Ibid. кн. 3. Слово музыка (μουσικη) имѣло у аѳинянъ гораздо болѣе обширное значеніе, чѣмъ у насъ. Оно обнимало не только гармонію тоновъ, но и поэтическую дикцію, чувство, творчество въ обширнѣйшемъ смыслѣ. Изученіе музыки было въ дѣйствительности общимъ воспитаніемъ вкуса, который познаетъ прекрасное въ противуположность разуму, который имѣетъ дѣло только съ истиной.

человѣческая раса можетъ избѣжать конечнаго уничтоженія только «вновь родившись».

Тогда то, прекраснѣйшая и любимѣйшая, мы стали проводить наши дни въ мечтахъ. Въ сумерки мы разсуждали о грядущемъ днѣ, когда изуродованная искусствомъ поверхность земли, получивъ очищеніе, которое одно можетъ изгладить ея прямолинейное безобразіе, снова одѣнется зеленью, и веселыми холмами, и смѣющимися водами Рая,—и станетъ, наконецъ, подходящимъ жилищемъ для человѣка:—человѣка, очищеннаго Смертью—человѣка съ возвышеннымъ разумомъ, для котораго знаніе уже не отрава—для обновленнаго, возрожденнаго, блаженнаго и отнынѣ безсмертнаго, хотя по прежнему матеріальнаго человѣка.

Уна. Я хорошо помню эти бесѣды, дорогой Моносъ, но день огненнаго разрушенія еще не былъ такъ близокъ, какъ мы думали, и какъ можно было ожидать въ виду всеобщей испорченности. Люди жили и умирали индивидуально. Ты самъ заболѣлъ и сошелъ въ могилу, а за тобой скоро послѣдовала твоя вѣрная Уна. И хотя столѣтіе, минувшее съ тѣхъ поръ, съ окончаніемъ котораго мы снова соединились, не подвергло наши дремлющія чувства черезчуръ долгому испытанію, но, милый Моносъ, все же это было цѣлое столѣтіе.

Моносъ. Скажи лучше, точка въ туманной безпредѣльности. Безспорно я умеръ въ земномъ безуміи. Измученный сознаніемъ общаго упадка и хаоса, я заболѣлъ жестокой горячкой. Послѣ недолгихъ страданій и многихъ дней фантастическаго бреда, исполненнаго экстазомъ, проявленія котораго ты принимала за муки—и я былъ безсиленъ разубѣдить тебя—послѣ многихъ дней я впалъ въ состояніе неподвижнаго бездыханнаго оцѣпенѣнія, которое окружающіе называли Смертью.

Слова не выражаютъ вещей. Въ моемъ состояніи я не былъ лишенъ чувствительности. Я могъ бы сравнить его съ глубокимъ спокойствіемъ человѣка, который послѣ долгаго и крѣпкаго сна подъ лучами полуденнаго солнца, начинаетъ потихоньку возвращаться къ сознанію, не отъ того, что его будятъ, а просто потому, что спалъ уже довольно и сонъ начинаетъ отлетать самъ собою.

Я не дышалъ больше. Пульсъ остановился. Сердце перестало биться. Воля не исчезла, но была безсильна. Чувства крайне обострились, и самымъ необычайнымъ образомъ—каждому сдѣлались доступны функціи всѣхъ остальныхъ. Вкусъ и обоняніе совершенно перепутались и слились въ одно чувство—ненормальное и сильное. Розовая вода, которой ты въ своей нѣжности смачивала мнѣ губы до послѣдней минуты, вызывала передо мной видѣнія нѣжныхъ цвѣтовъ,—фантастическихъ цвѣтовъ, далеко превосходившихъ красотою тѣ, что я видѣлъ на старой землѣ,—но сход-

ныхъ съ тѣми, что расцвѣтаютъ теперь вокругъ насъ. Прозрачныя, безкровныя вѣки не мѣшали мнѣ видѣть. Глазныя яблоки не могли двигаться въ своихъ орбитахъ, такъ какъ воля отсутствовала; но всѣ предметы, находившіеся въ полѣ зрѣнія, были видимы болѣе или менѣе ясно; при этомъ лучи, падавшіе на внѣшнюю часть ретины, т. е. въ углы глазъ, производили болѣе сильный эффектъ, чѣмъ падавшіе спереди, т. е. на внутреннюю поверхность. Но это дѣйствіе было такъ ненормально, что я воспринималъ его только какъ звукъ—пріятный или рѣзкій, смотря по тому, свѣтлые или темные, округлые или угловатые предметы являлись передо мною. Между тѣмъ слухъ, хотя и обострился до крайности, сохранилъ нормальный характеръ—и воспринималъ только настоящіе звуки съ изумительной ясностью и чувствительностью. Осязаніе измѣнилось еще страннѣе. Осязательныя впечатлѣнія воспринимались туго, но удерживались упорно и всегда разрѣшались въ высочайшее физическое наслажденіе. Такъ, прикосновеніе твоихъ нѣжныхъ пальцевъ къ моимъ вѣкамъ, замѣченное сначала только зрѣніемъ, подъ конецъ, уже много позднѣе, наполнило все мое существо непомѣрнымъ чувственнымъ наслажденіемъ. Я говорю чувственнымъ наслажденіемъ. Всѣ мои воспріятія были чисто чувственныя. Впечатлѣнія, доставленныя пассивному мозгу чувствами, отнюдь не превращались въ образы почившимъ разсудкомъ. Страданія почти не было, наслажденія было много; но духовныхъ страданій или наслажденій я вовсе не испытывалъ. Твои горькія рыданія ясно раздавались въ моихъ ушахъ со всѣми ихъ скорбными переливами; я различалъ всѣ измѣненія твоего грустнаго голоса; но это были только нѣжные, музыкальные звуки и ничего болѣе; они не говорили угасшему разсудку о страданіяхъ, которыми были вызваны; тогда какъ обильныя слезы, падавшія на мое лицо, говоря присутствующимъ о разбитомъ сердцѣ, заставляли каждую фибру моего существа дрожать въ экстазѣ. Такова была Смерть, о которой присутствующіе говорили торжественно, тихимъ шопотомъ, а ты, нѣжная Уна, задыхаясь, съ громкими воплями.

Три, четыре темныя фигуры засуетились, мелькая туда и сюда—онѣ приготовили меня къ погребенію. Стоя прямо передо мною, онѣ являлись мнѣ какъ формы, но появляясь съ боку, ихъ образы внушали мнѣ впечатлѣніе криковъ, стоновъ, и другихъ тяжелыхъ проявленій ужаса, страха или горя. Только ты, одѣтая въ бѣлое платье, производила музыкальное впечатлѣніе, гдѣ бы ни являлась.

День близился къ концу, и по мѣрѣ того, какъ угасалъ свѣтъ, мной овладѣвало непріятное чувство—легкое безпокойство, которое испытываетъ спящій, если ушей его коснутся продолжитель-

ные грустные звуки—низкіе, отдаленные, торжественные тоны колокола, съ большими, но одинаковыми промежутками, сливающіеся съ какими-нибудь печальными грезами. Наступила ночь; и темнота произвела на меня тяжелое впечатлѣніе. Она давила мои члены и была осязаема. Слышался также какой-то ноющій звукъ, точно шумъ отдаленнаго прибоя, но болѣе протяжный. Начавшись съ наступленіемъ сумерекъ, онъ усиливался съ темнотой. Внезапно свѣтъ ворвался въ комнату и звукъ сдѣлался прерывистымъ, менѣе рѣзкимъ и менѣе яснымъ. Впечатлѣніе тяжести въ значительной степени уменьшилось; и пламя каждой лампы (такъ какъ ихъ было много) отдавалось въ моихъ ушахъ монотонной мелодичной нотой. И когда ты, дорогая Уна, подойдя къ постели, на которой я лежалъ, тихонько сѣла подлѣ меня и прикоснулась къ моему лбу своими ароматными губами, въ груди моей затрепетало, сливаясь съ чисто физическими ощущеніями, нѣчто въ родѣ чувства, соотвѣтствовавшаго твоей глубокой любви и скорби; но оно не пустило корней въ остановившемся сердцѣ и быстро исчезло, смѣнившись крайнимъ спокойствіемъ, а затѣмъ чисто чувственнымъ наслажденіемъ, такимъ же какъ раньше.

Теперь изъ развалинъ и хаоса обычныхъ чувствъ возникло во мнѣ точно шестое чувство, вполнѣ опредѣленное. Его проявленія доставляли мнѣ странное удовольствіе — но удовольствіе по прежнему физическое, такъ какъ пониманіе не играло въ немъ никакой роли. Движеніе въ животномъ организмѣ совершенно прекратилось. Ни одинъ мускулъ не сокращался, ни одинъ нервъ не дрожалъ, ни одна артерія не билась. Но тутъ, повидимому, пробудилось въ мозгу то, о чемъ слова не могутъ сообщить обыкновенному человѣческому разсудку даже неяснаго представленія. Назову это духовной пульсаціей. То было духовное воплощеніе абстрактной человѣческой идеи времени. Абсолютная равномѣрность этого—или такого же—движенія опредѣлила самыя орбиты небесныхъ міровъ. Съ его помощью я опредѣлялъ неправильности въ ходѣ стѣнныхъ часовъ на каминѣ и карманныхъ у окружающихъ лицъ. Ихъ тиканье звонко раздавалось въ моихъ ушахъ. Малѣйшія отклоненія отъ правильнаго хода,—а эти отклоненія были всеобщимъ явленіемъ,—дѣйствовали на меня, какъ нарушеніе абстрактной истины на моральное чувство въ земной жизни. Хотя въ комнатѣ не было пары часовъ, которая бы отбивала секунды одновременно, но я безъ труда удерживалъ въ умѣ звуки и относительныя ошибки каждыхъ. И это — это острое, совершенно самостоятельное ощущеніе продолжительности—это ощущеніе, существовавшее (человѣку, быть можетъ, покажется непонятнымъ такой способъ существованія) независимо отъ какой-либо послѣдовательности событій—эта идея—это шестое чувство, воз-

никшее изъ пепла остальныхъ, было первымъ несомнѣннымъ и твердымъ шагомъ внѣвременной души на порогѣ временной вѣчности.

Была полночь, а ты все еще сидѣла подлѣ меня. Всѣ остальные ушли изъ комнаты, въ которой воцарилась смерть. Меня положили въ гробъ. Лампы горѣли мерцая и вспыхивая; я зналъ это по дрожанію монотонныхъ звуковъ. Но внезапно эти звуки стали слабѣе и глуше. Наконецъ, они затихли совсѣмъ. Благоуханіе въ моихъ ноздряхъ исчезло. Зрѣніе не улавливало больше никакихъ формъ. Тяжесть темноты перестала давить мою грудь. Глухое сотрясеніе, подобное электрическому, пронизало все мое тѣло; за нимъ послѣдовала полная потеря идеи прикосновенія. Все, что люди называютъ чувствами, слилось въ одномъ сознаніи цѣлаго и въ одномъ чувствѣ продолжительности. Смертнаго тѣла коснулась, наконецъ, рука смертнаго тлѣнія.

Но чувствительность еще не совсѣмъ пропала, потому что сохранившіяся сознаніе и чувство возмѣщали нѣкоторыя изъ ея функцій летаргической интуиціей. Я замѣчалъ зловѣщія измѣненія, происходившія въ моемъ тѣлѣ; и, какъ спящій иногда чувствуетъ присутствіе наклонившагося надъ нимъ человѣка, такъ и я, нѣжная Уна, смутно чувствовалъ, что ты еще сидишь подлѣ меня. Равнымъ образомъ, когда наступилъ полдень слѣдующаго дня, отъ меня не ускользнули движенія, которыя заставили тебя отойти отъ моего тѣла, захлопнули меня гробовой крышкой, поставили на дроги, повезли на кладбище, опустили въ могилу, закидали тяжелой землей и оставили среди тьмы и тлѣнія почивать торжественно и скорбно въ обществѣ могильныхъ червей.

Здѣсь, въ этой темницѣ, хранящей мало тайнъ, пронеслись дни, и недѣли, и годы; и душа неустанно слѣдила за полетомъ секундъ и отмѣчала ихъ—безъ усилія и безъ цѣли.

Прошелъ годъ. Сознаніе бытія тускнѣло съ каждымъ часомъ, вытѣсняясь сознаніемъ простого мѣстонахожденія. Идея цѣлаго поглощалась идеей мѣста. Тѣсное пространство, непосредственно окружавшее то, что было моимъ тѣломъ, само превращалось въ тѣло. Наконецъ, какъ часто случается со спящимъ (только міръ сна даетъ подобіе смерти) — наконецъ, какъ часто случается на землѣ съ уснувшимъ крѣпко, когда мерцающій свѣтъ полуразбудитъ его, не заслоняя, однако, его грезъ,—такъ и мнѣ, въ тѣсныхъ объятіяхъ тьмы, мелькнулъ тотъ свѣтъ, который одинъ могъ бы разбудить—свѣтъ вѣчной любви. Люди разрыли могилу. Выбросили сырую землю. На мои тлѣющія кости они опустили гробъ Уны.

И снова все исчезло. Мерцающій свѣтъ угасъ. Слабая вибрація замерла мало по малу сама собою. Протекло много люстровъ.

Земля возвратилась въ землю. Могильный червь остался безъ пищи. Чувство бытія пропало безслѣдно и взамѣнъ его—взамѣнъ всѣхъ вещей—воцарились неограниченными и вѣчными владыками мѣсто и время. Для того, чего не было—для того, что не имѣло чувствительности—для того, что было беззвучно и въ чемъ не было ни одной матеріальной частицы—для всего этого ничто, бывшаго, однако, безсмертіемъ—могила по прежнему оставалась жилищемъ, а разъѣдающее время товарищемъ.

Разговоръ Эйроса и Харміоны.

Πυρ σοι προσοισω
Я принесу тебѣ огонь.
Эврипидъ Андром.

Эйросъ. Почему ты называешь меня Эйросомъ?

Харміона. Такъ будешь ты называться отнынѣ. Ты тоже долженъ забыть мое земное имя и звать меня Харміоной.

Эйросъ. Это не сонъ!

Харміона. Для насъ нѣтъ болѣе сновъ; — но объ этихъ тайнахъ мы сейчасъ поговоримъ. Я радуюсь, что ты выглядишь живымъ и разумнымъ. Повязка тьмы уже отпала отъ твоихъ глазъ. Развеселись и ничего не бойся. Опредѣленные тебѣ дни оцѣпенѣнія миновали и завтра я сама открою тебѣ радости и чудеса твоего новаго существованія.

Эйросъ. Правда—я не испытываю оцѣпенѣнія. Странная дурнота и ужасная тьма оставили меня и я давно уже не слышу дикаго, шумящаго, страшнаго звука, подобнаго «шуму многихъ водъ». Но я совершенно ошеломленъ, Харміона, остротой воспріятія новаго, которую такъ внезапно пріобрѣли мои чувства.

Харміона. Черезъ нѣсколько дней это пройдетъ; но я вполнѣ понимаю тебя и представляю себѣ твои чувства. Прошло уже десять земныхъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я испытала то, что пришлось испытать тебѣ; но воспоминаніе объ этомъ еще со мною. Но теперь ты претерпѣлъ всѣ страданія, которыя тебѣ суждено было претерпѣть въ Эдемѣ.

Эйросъ. Въ Эдемѣ?

Харміона. Въ Эдемѣ.

Эйросъ. О, Боже! пощади, Харміона!—я подавленъ величіемъ всего—непознаваемымъ, нынѣ познаннымъ—идеальнымъ Будущимъ, скрывающимся въ возвышенномъ и несомнѣнномъ Настоящемъ.

Харміона. Не думай объ этомъ. Завтра мы поговоримъ. Твой духъ волнуется, — пусть онъ ограничится простыми воспоминаніями; онѣ успокоятъ его тревогу. Не оглядывайся кругомъ, не

смотри впередъ,—оглянись назадъ. Я сгораю отъ нетерпѣнія узнать обстоятельства потрясающаго событія, которое привело тебя къ намъ. Разскажи мнѣ о немъ. Будемъ говорить о знакомыхъ вещахъ старымъ роднымъ языкомъ міра, погибшаго такъ ужасно.

Эйросъ. О, какъ ужасно!—Да, это ужь не сонъ.

Харміона. Сновъ больше нѣтъ. Очень горевали обо мнѣ, милый Эйросъ?

Эйросъ. Горевали, Харміона!—о, страшно! До послѣдней минуты облако скорби и глубокаго сожалѣнія окутывало твой домъ.

Харміона. Разскажи мнѣ объ этой послѣдней минутѣ. Я вѣдь знаю только самый фактъ катастрофы, и ничего больше. Въ то время, когда, разставшись съ человѣчествомъ, я перешла черезъ Гробъ въ царство Ночи—въ то время, если память меня не обманываетъ, постигшее васъ бѣдствіе никѣмъ не предвидѣлось. Впрочемъ, я не знакома съ умозрительной наукой того времени.

Эйросъ. Бѣдствія, о которомъ ты говоришь, дѣйствительно никто не предвидѣлъ; но подобныя же катастрофы давно занимали астрономовъ. Врядъ-ли нужно говорить тебѣ, другъ мой, что даже въ то время, когда ты покидала насъ, люди относили къ землѣ тѣ мѣста священнаго писанія, въ которыхъ говорится о конечной гибели міра въ огнѣ. Но непосредственныя причины разрушенія не могли быть разгаданы умозрѣніемъ въ такую эпоху, когда астрономія разсѣяла ужасы, связанные съ представленіемъ о кометахъ. Доказано было, что эти тѣла представляютъ крайне незначительную плотность. Прохожденіе кометы среди спутниковъ Юпитера не вызвало сколько-нибудь замѣтныхъ измѣненій въ массѣ или орбитахъ этихъ второстепенныхъ планетокъ. Установилось мнѣніе, что эти странствующія тѣла представляютъ изъ себя парообразныя скопленія необычайно тонкихъ частицъ, совершенно неспособныя причинить какой-либо вредъ нашему плотному шару даже въ случаѣ столкновенія. Но столкновенія не опасались, такъ какъ элементы всѣхъ планетъ были вычислены самымъ тщательнымъ образомъ.

Мысль, что среди нихъ можетъ оказаться агентъ предстоящаго огненнаго разрушенія, въ теченіе многихъ лѣтъ считалась совершенно несостоятельной. Но въ послѣднее время среди человѣчества распространились странныя, дикія, причудливыя фантазіи; и хотя только кучка профановъ высказывала явныя опасенія, однако, всѣ отнеслись съ неизъяснимымъ волненіемъ и недовѣріемъ къ сообщенію астрономовъ о появленіи новой кометы.

Элементы этого страннаго тѣла были тотчасъ вычислены и всѣ наблюдатели согласились, что на своемъ пути, въ перигеліѣ, она пройдетъ очень близко отъ земли. Двое или трое второстепенныхъ астрономовъ рѣшительно утверждали, что столкновеніе неизбѣжно.

Ты не можешь себѣ представить, какое впечатлѣніе произвела эта новость на умы народа. Сначала, въ теченіе нѣсколькихъ дней, никто не хотѣлъ ей вѣрить; разсудокъ, поглощенный житейскими дѣлами, отказывался воспринимать ея смыслъ. Но истина, разъ она имѣетъ жизненное значеніе, скоро прокладываетъ себѣ дорогу въ умы, даже наиболѣе упорные. Въ концѣ концовъ всѣ согласились, что астрономы говорятъ правду, и стали ожидать комету. Повидимому, она приближалась не особенно быстро, и внѣшній видъ ея не представлялъ сначала ничего необычайнаго. Она была красноватаго цвѣта, съ едва замѣтнымъ хвостомъ. Въ теченіе семи или восьми дней ея видимый діаметръ не увеличился сколько-нибудь замѣтно, и окраска почти не измѣнилась. Между тѣмъ, обычныя дѣла людей пришли въ разстройство; общее вниманіе поглощено было разсужденіями ученыхъ о кометѣ. Даже грубые невѣжды напрягали свои тяжелые мозги, стараясь понять въ чемъ дѣло. Теперь ученые отдавали свой умъ, свою душу изслѣдованію, не ради успокоенія пугливыхъ или оправданія любимой теоріи. Они стремились—они жаждали правильнаго разъясненія вопроса. Они изнывали по совершенномъ знаніи. Истина возстала во всей своей чистотѣ и величіи, и мудрые преклонились передъ нею въ обожаніи.

Мнѣніе о возможности матеріальнаго вреда для земли и ея обитателей, вслѣдствіе столкновенія, съ каждымъ днемъ теряло почву среди мудрецовъ; а мудрецы теперь владычествовали надъ умомъ и воображеніемъ толпы. Было доказано, что плотность ядра кометы далеко уступаетъ плотности самаго легкаго газа. Прохожденіе подобнаго же тѣла среди спутниковъ Юпитера безъ вреда для послѣднихъ, также значительно ослабляло опасенія. Теологи, съ ревностью, подстрекаемою страхомъ, толковали о библейскихъ пророчествахъ и объясняли ихъ народу такъ ясно и просто, какъ никогда не объясняли раньше. Они доказывали, что конечное истребленіе земли должно послѣдовать отъ огня; а кометы (какъ всѣмъ извѣстно) не состоятъ изъ огненнаго вещества. Это обстоятельство тоже уменьшало страхи, вызванные предсказаніемъ великой катастрофы. Надо замѣтить, что обычныя бредни толпы насчетъ связи кометъ съ войнами и эпидеміями,—на этотъ разъ вовсе не возникали, какъ будто внезапнымъ судорожнымъ усиліемъ разума суевѣріе было свергнуто съ престола.

Самый слабый разсудокъ пріобрѣталъ силу вслѣдствіе глубокаго интереса.

Возможность менѣе важныхъ поврежденій служила предметомъ всесторонняго обсужденія. Ученые говорили о легкихъ геологическихъ пертурбаціяхъ, о вѣроятныхъ измѣненіяхъ климата и

слѣдовательно растительности, о возможности магнетическихъ и электрическихъ вліяніяхъ. Многіе утверждали, что не произойдетъ никакого видимаго или ощутимаго вліянія.

Пока судили да рядили, объектъ этихъ препирательствъ постепенно приближался, причемъ его видимый діаметръ увеличивался и блескъ усиливался. Блѣдный страхъ овладѣвалъ людьми по мѣрѣ приближенія. Всѣ житейскія дѣла пріостановились.

Переломъ въ общемъ настроеніи совершился, когда комета превзошла, наконецъ, объемомъ всѣ извѣстныя до сихъ поръ.

Всякая надежда на возможность ошибки астрономовъ исчезла, неизбѣжность столкновенія стала очевидной для всѣхъ. Химерическіе страхи пропали, боязнь приняла опредѣленную форму. Сердца храбрѣйшихъ бились усиленно. Но черезъ нѣсколько дней эти чувства были поглощены другимъ, еще болѣе невыносимымъ. Странное тѣло не возбуждало въ насъ никакихъ привычныхъ мыслей. Его историческіе аттрибуты исчезли. Оно подавляло насъ зловѣщей новизной возбуждаемаго имъ волненія. Оно было для насъ не астрономическимъ явленіемъ въ небесахъ, а камнемъ, давившимъ наши сердца, тѣнью, заполонявшей наши души. Разростаясь съ невѣроятной быстротой, оно приняло видъ огненной завѣсы, охватывавшей половину горизонта.

Но еще день, и люди вздохнули вольнѣе. Ясно было, что мы уже находимся въ сферѣ дѣйствія кометы, однако, мы были еще живы.

Мы даже испытывали необычайную бодрость тѣлесную и душевную. Крайняя разрѣженность кометы была теперь очевидна, потому что сквозь нее были ясно видны всѣ небесныя тѣла. Тѣмъ временемъ земная растительность существенно измѣнилась, укрѣпивъ нашу вѣру въ проницательность ученыхъ. Роскошная листва одѣла каждый побѣгъ.

Но еще день, и мы убѣдились, что бѣдствіе не миновало насъ. Теперь сдѣлалось очевиднымъ, что мы столкнемся прежде всего съ ядромъ кометы. Странная перемѣна произошла съ людьми; и первые же симптомы страданія послужили сигналомъ къ общему отчаянію и ужасу. Это страданіе выразилось чувствомъ крайняго стѣсненія въ груди и легкихъ и невыносимой сухости кожи. Невозможно было сомнѣваться, что наша атмосфера радикально измѣнилась; эти измѣненія сдѣлались теперь предметомъ изслѣдованія. Результатъ изслѣдованія возбудилъ электрическій трепетъ сильнѣйшаго ужаса въ сердцахъ всѣхъ людей.

Давно уже было извѣстно, что окружавшая насъ атмосфера представляла смѣсь кислорода и азота, причемъ на сто частей воздуха приходится двадцать одна кислорода и семьдесятъ девять азота. Кислородъ, начало горѣнія и источникъ теплоты, былъ бе-

зусловно необходимъ для поддержанія животной жизни и являлся самымъ могучимъ и дѣятельнымъ агентомъ въ природѣ. Напротивъ, азотъ былъ неспособенъ поддерживать животную жизнь или горѣніе. Ненормальный избытокъ кислорода долженъ бы былъ вызвать именно такое повышеніе жизненной дѣятельности, какое мы испытали на-дняхъ. Мысль объ этомъ и возбудила страхъ. Что произойдетъ въ случаѣ полнаго исчезновенія азота изъ атмосферы? Неизбѣжное, всепожирающее, всеразрушающее, немедленное горѣніе; осуществленіе, во всѣхъ мелочныхъ и ужасныхъ подробностяхъ, пламенныхъ и потрясающихъ пророчествъ Священнаго Писанія.

Къ чему разсказывать, Харміона, о безумномъ отчаяніи человѣчества? Разрѣженность кометы, вначалѣ окрылившая насъ надеждой, теперь явилась источникомъ горькаго разочарованія. Въ ея неосязаемой газообразной структурѣ мы ясно усматривали кончину міра. Прошелъ еще день, и передъ нами мелькнула послѣдняя тѣнь надежды. Мы задыхались отъ быстраго измѣненія атмосферы. Багряная кровь бѣшено билась въ своихъ тѣсныхъ сосудахъ. Безумное бѣшенство овладѣло людьми; они дрожали и съ воплями простирали руки къ грозящимъ небесамъ. Но ядро разрушителя было уже надъ нами... даже здѣсь, въ Эдемѣ, я не могу безъ дрожи вспоминать объ этомъ. Буду кратокъ,—какъ бѣдствіе, погубившее насъ. На мгновеніе насъ озарилъ странный блѣдный свѣтъ, проникавшій всѣ вещи. Затѣмъ,—преклонимся, Харміона, передъ величіемъ всевышнаго Бога!—затѣмъ раздался громовой и всюду пронесшійся звукъ, точно исходившій изъ Его устъ, и масса окружавшаго насъ эфира вспыхнула яркимъ пламенемъ такого невыразимаго блеска и всепожирающей температуры, для которыхъ даже ангелы не найдутъ названія. Такъ кончилось все.

Тѣнь.

ПРИТЧА.

> Истинно! хотя я иду по долинѣ Тѣни.
>
> Псаломъ Давида.

Вы, читающіе, еще среди живыхъ, но я, пишущій, давно уже переселился въ область тѣней. Ибо странныя вещи случатся и многія тайны откроются и немало вѣковъ пройдетъ, прежде чѣмъ эти записки попадутъ на глаза людей. И, увидѣвъ ихъ, иные не повѣрятъ мнѣ, другіе усомнятся и лишь немногіе задумаются надъ буквами, которыя я вырѣзаю стальнымъ рѣзцомъ.

Этотъ годъ былъ годомъ ужаса и чувствъ болѣе сильныхъ, чѣмъ ужасъ, для которыхъ нѣтъ названія на землѣ. Ибо явилось много чудесъ и знаменій, и повсюду, надъ землей и моремъ, чума широко развернула свои черныя крылья. А для свѣдущихъ въ языкѣ звѣздъ небо ясно гласило о бѣдствіи; и въ числѣ прочихъ я, грекъ Ойносъ, видѣлъ, что мы приближаемся къ возвращенію того семьсотъ девяносто четвертаго года, когда планета Юпитеръ, у входа въ созвѣздіе Овна, соединяется съ краснымъ кольцомъ страшнаго Сатурна. Особенное состояніе небесъ, если не ошибаюсь, отразилось не только на физическомъ мірѣ, но и въ душахъ, воображеніи и мысляхъ человѣчества.

Разъ ночью мы сидѣли въ семеромъ въ славномъ чертогѣ мрачнаго города Птолемаиды вокругъ сосудовъ съ багрянымъ Хіосскимъ виномъ. И въ комнатѣ нашей не было другого входа, кромѣ высокой бронзовой двери; а дверь эту сработалъ художникъ Кориннъ съ рѣдкимъ искусствомъ, и была она заперта изнутри. Также и черныя занавѣси въ этой угрюмой комнатѣ скрывали отъ насъ луну, блѣдныя звѣзды и безлюдныя улицы; но не могли онѣ удалить отъ насъ воспоминаніе и предчувствіе бѣды. Насъ окружали явленія, о которыхъ я не могу дать яснаго отчета—явленія матеріальныя и духовныя—тяжелая атмосфера—чувство удушья—тоска—а главное, то страшное состояніе, которое испытываютъ нервные люди, когда чувства обострены и дѣятельны, а душевныя способности дремлютъ. Смертная тяжесть отяготѣла надъ нами. Отяготѣла надъ нашими членами—надъ убранствомъ комнаты—надъ кубками, изъ которыхъ мы пили; давила и пригнетала къ землѣ все, кромѣ огней семи желѣзныхъ свѣтильниковъ, озарявшихъ наше пиршество. Вытягиваясь длинными тонкими языками свѣта, они горѣли блѣднымъ и неподвижнымъ пламенемъ, и въ отблескѣ ихъ на кругломъ эбеновомъ столѣ, за которымъ мы сидѣли, каждый изъ насъ различалъ блѣдность своего лица и безпокойный блескъ опущенныхъ глазъ собутыльниковъ. И все-таки мы хохотали и веселились—истерическимъ весельемъ; и пѣли пѣсни Анакреона—безумныя пѣсни; и упивались виномъ—хотя его багряный оттѣнокъ напоминалъ намъ кровь. Ибо въ комнатѣ былъ еще одинъ гость въ лицѣ молодого Зоила. Мертвый, въ саванѣ, онъ лежалъ распростертый,—геній и демонъ всей сцены. Увы! онъ не принималъ участія въ нашемъ пиршествѣ, и только лицо его, искаженное болѣзнью, и глаза, въ которыхъ смерть не угасила еще пламя чумы, точно слѣдили за нами, участвуя въ нашемъ весельи, насколько мертвые могутъ принимать участіе въ весельи тѣхъ, кто долженъ умереть. Но хотя я, Ойносъ, чувствовалъ, что глаза покойника

устремлены на меня, я старался не понимать ихъ горькаго выраженія и, упорно глядя въ глубину эбеноваго зеркала, громкимъ и звучнымъ голосомъ распѣвалъ пѣсни теосца. Но мало по малу мои пѣсни замерли, и ихъ отголоски, раздававшіеся среди черныхъ зановѣсей, затихли, заглохли и умолкли. И вотъ, изъ этихъ черныхъ завѣсъ, гдѣ исчезли послѣдніе отзвуки пѣсенъ, выступила мрачная, неопредѣленная тѣнь, подобная той, которую отбрасываетъ отъ человѣка луна, когда стоитъ низко надъ горизонтомъ: но это не была тѣнь человѣка, ни бога, ни какого либо извѣстнаго существа. И проскользнувъ вдоль занавѣсокъ, она встала наконецъ во весь ростъ на поверхности бронзовой двери. Но тѣнь была смутная, безформенная, неопредѣленная, и не была это тѣнь человѣка или бога—ни бога Греческаго, ни бога Халдейскаго, ни бога Египетскаго. И тѣнь оставалась на бронзовой двери, подъ аркой карниза, и не двигалась, и не произносила ни слова, но стояла неподвижно. А дверь, на которой остановилась тѣнь, если память меня не обманываетъ, возвышалась противъ ногъ юнаго Зоила, надъ его тѣломъ, закутаннымъ въ саванъ. Но мы, семеро собутыльниковъ, видѣвшіе какъ тѣнь выходила изъ занавѣски, не смѣли взглянуть на нее пристально и, опустивъ глаза, упорно вглядывались въ глубину эбеноваго зеркала. И наконецъ я, Ойносъ, пробормоталъ вполголоса нѣсколько словъ, спрашивая у тѣни, гдѣ она живетъ и какъ ее зовутъ. И тѣнь отвѣчала: «я тѣнь, и мое жилище вблизи катакомбъ Птолемаиды, подлѣ мрачныхъ адскихъ равнинъ, смежныхъ съ нечистымъ каналомъ Харона». И тогда мы, семеро, вздрогнули отъ ужаса на нашихъ ложахъ и вскочили дрожа, трепеща, цѣпенѣя отъ страха, ибо звукъ голоса тѣни не былъ звукомъ одного существа, но множества существъ, и измѣняясь отъ слога къ слогу, глухо раздавался въ нашихъ ушахъ, напоминая знакомые и родные голоса многихъ тысячъ почившихъ друзей.

Молчаніе.

БАСНЯ.

> Ευδουσιν δ'ορεων κορυφαι τε και
> φαραγγες
> Προνες τε και χαραδραι.
> Горныя вершины дремлютъ; долины, скалы и пещеры молчатъ
> Алкманъ.

«Слушай меня,—сказалъ Дьяволъ, положивъ свою руку мнѣ на голову.—Страна, о которой я говорю, пустынная область въ Ливіи, вдоль береговъ рѣки Заиры. И тамъ нѣтъ покоя, ни молчанія.

«Воды рѣки шафраннаго нездороваго цвѣта и не текутъ въ море, но вѣчно трепещутъ подъ огненнымъ окомъ солнца въ безпокойномъ и судорожномъ движеніи. На много миль, по обѣимъ сторонамъ илистаго рѣчного ложа, раскинулась блѣдная пустыня гигантскихъ водяныхъ лилій. Онѣ вздыхаютъ въ этой пустынѣ, вытягивая къ небу свои длинныя призрачныя шеи и покачивая неумирающими главами. Неясный шопотъ слышится среди нихъ, подобный ропоту подземныхъ водъ. И онѣ обмѣниваются вздохами.

Но есть и граница ихъ царству — дремучій, страшный, высокій лѣсъ. Тамъ, какъ волны вокругъ Гебридскихъ острововъ, вѣчно колышется низкій подлѣсокъ. Но тамъ нѣтъ вѣтра въ небесахъ. И громадныя первобытныя деревья вѣчно раскачиваются съ мощнымъ скрипомъ и шумомъ. И съ ихъ высокихъ вершинъ капля за каплей сочится вѣчная роса. И у корней ихъ переплетаются въ безпокойномъ снѣ странные ядовитые цвѣты. И въ высотѣ съ шумомъ и свистомъ несутся на западъ сѣрыя тучи, низвергаясь водопадомъ по огненному своду горизонта. Но тамъ нѣтъ вѣтра въ небесахъ. И на берегахъ рѣки Заиры нѣтъ покоя. ни молчанія.

«Была ночь и шелъ дождь и падая онъ оставался дождемъ, но, упавъ, становился кровью. И я стоялъ въ трясинѣ среди бѣлыхъ лилій, и дождь падалъ на мою голову—и лиліи обмѣнивались вздохами въ безотрадномъ величіи своего отчаянія.

«И вдругъ поднялась луна въ тонкомъ призрачномъ туманѣ— и цвѣтъ ея былъ багровый. И глаза мои упали на высокую сѣрую скалу, стоявшую на берегу рѣки и озаренную луннымъ свѣтомъ. И скала была сѣрая, и прозрачная, и огромная—и скала была сѣрая. На челѣ ея были вырѣзаны буквы,—и я прошелъ по трясинѣ, достигъ берега рѣки, и остановился подъ скалою, чтобы прочесть надпись на камнѣ. Но я не могъ разобрать ее. И я хотѣлъ вернуться въ болото, но луна вспыхнула яркимъ багрянцемъ, и я обернулся, и снова взглянулъ на скалу и на надпись;— и надпись была о т ч а я н і е.

«И я взглянулъ вверхъ, и увидѣлъ человѣка на вершинѣ скалы, и спрятался среди водяныхъ лилій, чтобы наблюдать за нимъ. И человѣкъ былъ рослый и статный, и съ плечъ до пятъ закутанъ въ тогу древняго Рима. И черты лица его были неясны,—но были онѣ чертами божества, потому что покровъ ночи, и тумана, и луны, и росы не могъ скрыть черты лица его. И лобъ его былъ высокъ и запечатлѣнъ мыслью, и глаза его полны тревоги; и въ немногихъ морщинахъ на его щекахъ прочелъ я повѣсть скорби, и усталости, и отвращенія къ человѣчеству, и жажды уединенія.

«И человѣкъ сидѣлъ на скалѣ, опустивъ голову на руку, и смотрѣлъ на картину Безотраднаго. Онъ взглянулъ внизъ на безпо-

койные кустарники, и вверхъ на громадныя первобытныя деревья, и еще выше на шумное небо и багровую луну. А я лежалъ подъ покровомъ лилій и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ, но ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

«И человѣкъ отвратилъ свой взоръ отъ неба и взглянулъ на мрачную рѣку Заиру, и на ея желтыя зловѣщія воды, и на блѣдные легіоны водяныхъ лилій. И человѣкъ прислушивался ко вздохамъ водяныхъ лилій и къ ихъ тихому ропоту. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; но ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

«Тогда я ушелъ въ глубину болотъ, и прошелъ среди чащи лилій, и созвалъ гиппопотамовъ, которые жили въ трясинахъ въ глубинѣ болотъ. И гиппопотамы услышали мой зовъ, и явились къ подножію скалы, и громко и страшно ревѣли при лунномъ свѣтѣ. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; но ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

«Тогда я проклялъ стихіи проклятіемъ смятенія; и страшная буря разразилась въ небесахъ, гдѣ раньше не было вѣтра. И небеса почернѣли отъ бѣшенства бури, и дождь хлесталъ человѣка, и воды рѣчныя вышли изъ береговъ, и рѣка запѣнилась, возмущенная бурей, и водяныя лиліи стонали на своемъ ложѣ, и лѣсъ трещалъ подъ напоромъ вѣтра, и гремѣлъ громъ, и сверкала молнія, и скала тряслась до самаго основанія. А я лежалъ въ своемъ убѣжищѣ и слѣдилъ за дѣйствіями человѣка. И человѣкъ дрожалъ въ одиночествѣ; но ночь убывала, а онъ все сидѣлъ на скалѣ.

«Тогда я пришелъ въ бѣшенство и проклялъ рѣку, и лиліи, и вѣтеръ, и лѣсъ, и небо, и громъ, и вздохи водяныхъ лилій,—проклялъ ихъ проклятіемъ молчанія. И стали онѣ прокляты, и умолкли. И луна перестала пробираться по небу, и раскаты грома замерли, и молнія угасла, и облака повисли недвижимо, и воды, вернувшись въ свое ложе, остановились, и деревья не колыхались болѣе, и лиліи не вздыхали, и не слышно было ихъ ропота, и ни тѣни звука не раздавалось въ широкой, безпредѣльной пустынѣ. И я взглянулъ на надпись на скалѣ, и она измѣнилась, и была эта надпись молчаніе.

«И взоры мои упали на лицо человѣка, и лицо его было блѣдно отъ ужаса. И онъ быстро приподнялъ голову, и выпрямился на скалѣ, и прислушался. Но ни единаго звука не слышно было въ безпредѣльной пустынѣ, и надпись на скалѣ была молчаніе. И человѣкъ задрожалъ, и отвратилъ лицо свое, и убѣжалъ прочь такъ поспѣшно, что я никогда не видалъ его болѣе».

* *
*

Да, много прекрасныхъ сказокъ въ книгахъ, написанныхъ магами,—въ окованныхъ желѣзомъ, печальныхъ книгахъ, написанныхъ магами. Тамъ, говорю я, есть чудныя исторіи о небѣ, и о землѣ, и о могучемъ морѣ, и о геніяхъ, правящихъ моремъ, и землею и высокимъ небомъ. И много было мудрости въ изрѣченіяхъ сивиллъ; и святыя, святыя тайны слышала древность въ трепетѣ листьевъ вокругъ Додоны,—но, клянусь Аллахомъ, сказку, разсказанную мнѣ Дьяволомъ, когда онъ сидѣлъ со мною въ тѣни гробницы, я считаю чудеснѣйшей изъ всѣхъ. И окончивъ свою сказку, Дьяволъ откинулся въ углубленіе гробницы и засмѣялся. И я не могъ смѣяться вмѣстѣ съ Дьяволомъ, и онъ проклялъ меня за то, что я не могъ смѣяться. И рысь, которая всегда живетъ въ гробницѣ, вышла оттуда, и легла у ногъ Дьявола и смотрѣла ему въ очи.

Происшествіе въ Іерусалимѣ.

Intensos rigidam in frontem ascendere canos
Passus erat

Луканъ. De Catone.

— Поспѣшимъ на стѣны,— сказалъ Абель-Фиттимъ фарисею Симеону и Бэзи-бенъ-Леви въ десятый день мѣсяца Таммуза, въ три тысячи девятьсотъ сорокъ первомъ году отъ сотворенія міра,—поспѣшимъ къ укрѣпленіямъ, смежнымъ съ воротами Веньямина, что лежатъ въ городѣ Давида и господствуютъ надъ лагеремъ необрѣзанныхъ; ибо наступилъ послѣдній часъ четвертой стражи, и солнце восходитъ, и язычники, согласно обѣщанію Помпея, должны ожидать насъ съ агнцами для жертвоприношеній.

Симеонъ, Абель-Фиттимъ и Бэзи-бенъ-Леви были гизбаримы или младшіе сборщики пожертвованій въ священномъ городѣ Іерусалимѣ.

— Правильно,—отвѣчалъ фарисей,—поспѣшимъ, ибо подобная щедрость не въ духѣ язычниковъ, и непостоянство всегда было принадлежностью поклонниковъ Ваала.

— Что они непостоянны и вѣроломны вѣрно—какъ Пятикнижіе,—замѣтилъ Бэзи-бенъ-Леви,— но только по отношенію къ народу Адонаи. Слыхалъ-ли кто-нибудь, чтобъ аммонитяне измѣняли своимъ собственнымъ интересамъ? По моему, не велика щедрость доставить агнцевъ для алтаря Господня, получая въ уплату по тридцати серебряныхъ сиклей за голову!

— Ты забываешь, однако, Бенъ-Леви,—возразилъ Абель-Фиттимъ,—что нечестивый римлянинъ Помпей, осаждающій городъ

Всевышняго, не знаетъ навѣрное, употребимъ-ли мы агнцевъ, купленныхъ для жертвоприношеній, на поддержаніе тѣла или духа.

— Клянусь пятью углами моей бороды,—воскликнулъ фарисей, принадлежавшій къ сектѣ Топальщиковъ (небольшой группѣ святыхъ людей, обычай которыхъ топать и раздирать себѣ ноги о мостовую издавна являлся терніемъ и упрекомъ для менѣе усердныхъ богомольцевъ—камнемъ преткновенія для менѣе способныхъ ходоковъ),—клянусь пятью углами моей бороды, которую я какъ жрецъ не смѣю брить! Неужто мы дожили до такого дня, когда нечестивый язычникъ, римскій выскочка, обвинитъ насъ въ посягательствѣ на мясо священнѣйшихъ существъ? Неужели мы дожили до такого дня, когда...

— Не стоитъ разсуждать о мотивахъ, которыми руководятся филистимляне,—перебилъ Абель-Фиттимъ,—потому что сегодня мы впервые извлечемъ пользу изъ ихъ жадности или щедрости; поспѣшимъ лучше къ укрѣпленіямъ, иначе у насъ не будетъ жертвы для алтаря, чей огонь дожди небесные не могутъ угасить, а клубы дыма ураганъ не въ силахъ развѣять.

Часть города, къ которой направлялись наши почтенные гизбаримы, носившая имя своего строителя, царя Давида, считалась самымъ укрѣпленнымъ кварталомъ Іерусалима, такъ какъ была расположена на крутомъ и высокомъ холмѣ Сіона. Здѣсь широкая, глубокая, круговая траншея, высѣченная въ крѣпкой скалѣ, окаймляла огромную стѣну, примыкавшую къ ея внутреннему краю. Стѣна была увѣнчана, на одинаковыхъ разстояніяхъ, четырехугольными башнями изъ бѣлаго мрамора; самая маленькая имѣла шестьдесятъ, самая большая сто двадцать локтей высоты. Но по сосѣдству съ воротами Веньямина стѣны вовсе не было. Здѣсь, между краемъ траншеи и подножіемъ укрѣпленія, возвышалась отвѣсная скала въ двѣсти пятьдесятъ локтей вышиной, составлявшая часть крутой горы Моріа. Такъ что когда Симеонъ и его товарищи поднялись на вершину башни Адони-Безекъ—самой высокой изъ башенъ, окружавшихъ Іерусалимъ, служившей обычнымъ мѣстомъ переговоровъ съ осаждающими—они смотрѣли на вражескій лагерь съ высоты, превосходившей на много футовъ Хеопсову Пирамиду и на нѣсколько футовъ храмъ Бела.

— По истинѣ,—вздохнулъ фарисей, вглядываясь въ бездну, открывавшуюся съ этой головокружительной высоты,—необрѣзанныхъ, что песку на морскомъ берегу,—что саранчи въ пустынѣ. Долина Царя стала долиной Адомитянина.

— А между тѣмъ,—прибавилъ Бенъ-Леви,—ты не покажешь мнѣ ни одного филистимлянина — да, ни одного -- отъ Алефа до

Тау — отъ пустыни до укрѣпленій — который казался бы больше буквы Іодъ.

— Спускайте же мѣшокъ съ серебряными сиклями!—крикнулъ римскій солдатъ грубымъ, хриплымъ голосомъ, который, казалось, исходилъ изъ царства Плутона,— спускайте мѣшокъ съ вашей проклятой монетой, названіе которой благородный римлянинъ не выговоритъ, не поперхнувшись! Такъ-то вы благодарите нашего господина Помпея, который въ своемъ великодушіи внялъ вашимъ языческимъ нуждамъ. Добрый Фебъ, истинный богъ, уже часъ тому назадъ выѣхалъ на своей колесницѣ, а вы должны были явиться на укрѣпленія на восходѣ солнца? Что жь, по вашему, завоевателямъ міра только и дѣла, что дожидаться подъ стѣнами какого-нибудь паршиваго торга съ вами, собаками? Спускайте! Да смотрите, чтобъ ваша дрянь была настоящаго цвѣта и вѣса.

— Эль Элоимъ!—воскликнулъ фарисей, когда грубый голосъ центуріона, отдавшись въ утесахъ, замеръ вдали у храма—Эль Элоимъ!—кто этотъ богъ Фебъ?—кого призываетъ богохульникъ? Ты, Бэзи-Бенъ-Леви, ты читалъ законы язычниковъ и жилъ среди невѣрныхъ, оскверняющихъ себя Терафимомъ!—скажи мнѣ, кто этотъ богъ, о которомъ говорилъ идолопоклонникъ,—Нергалъ?—или Ашимахъ?—или Нибгазъ?—или Тартакъ? - или Адрамелехъ?—или Анамелехъ?—или Соккотъ-Бенитъ?—или Дагонъ?—или Беліалъ?—или Ваалъ-Перитъ?—или Ваалъ-Пеоръ?—или Ваалъ-Зебубъ?

— Никто изъ нихъ... но не позволяй веревкѣ такъ быстро скользить между твоими пальцами, потому что, если корзина повиснетъ на томъ выступѣ, мы потеряемъ ни за что цѣнности, принадлежащія святилищу.

Съ помощью довольно грубаго механизма, тяжело нагруженная корзина была, наконецъ, опущена въ толпу; и съ вершины утеса можно было видѣть римлянъ, собравшихся вокругъ нея; но страшная высота и туманъ мѣшали разобрать, что они дѣлаютъ.

Прошло полчаса.

— Мы опоздаемъ,—вздохнулъ фарисей, вглядываясь въ пропасть,—мы опоздаемъ, и Католимъ прогонитъ насъ съ должности.

— Никогда,—отвѣчалъ Абель-Фиттимъ,—не угощаться намъ жиромъ земли! не будутъ наши бороды благоухать ладономъ! не опояшутся наши чресла тонкимъ полотномъ храма!

— Рака!—выругался Бенъ-Леви—рака! неужели они хотятъ украсть наши деньги? или, святой Моисей, дерзаютъ взвѣшивать сикли скиніи?

— Даютъ сигналъ!—закричалъ Фарисей,—даютъ сигналъ!—тащи, Абель-Фиттимъ!—и ты, Бэзи-Бенъ-Леви, тащи!—ибо, по

истинѣ, или филистимляне до сихъ поръ удерживаютъ корзину, или Господь смягчилъ ихъ сердца и надоумилъ положить животное огромнаго вѣса. — И гизбаримы изо всѣхъ силъ налегли на веревку, а тяжесть стала медленно подниматься среди возрастающаго тумана.

* * *

— Будь онъ проклятъ!—таково было восклицаніе, вырвавшееся изъ устъ Бенъ-Леви по истеченіи часа, когда на концѣ веревки показались неясныя очертанія какого-то предмета.

— Будь онъ проклятъ!—о позоръ!—это баранъ изъ лѣсовъ Энгеди и такой же косматый какъ долина Іосафата!

— Это первенецъ стада,—сказалъ Абель-Фиттимъ,—я узнаю его по блеянію его устъ и невинному складу членовъ. Глаза его прекраснѣе алмазовъ священнаго Нагрудника, а мясо подобно Гебронскому меду.

— Это откормленный тѣлецъ съ пастбищъ Башана,—сказалъ фарисей,—язычники чудесно поступили съ нами!—воспоемъ псаломъ!—возблагодаримъ ихъ на гусляхъ и свирѣляхъ,—на арфахъ и цимбалахъ, на цитрахъ и саквебутахъ!

Только когда корзина поднялась почти къ самымъ ногамъ гизбаримовъ, глухое хрюканье выдало имъ свинью необыкновенныхъ размѣровъ.

— Эль Аману!—медленно произнесло тріо, возведя очи горѣ, и выпустивъ изъ рукъ животное, которое полетѣло кувыркомъ на головы филистимлянъ,—Эль Аману!—Богъ да будетъ съ нами!—это непотребное мясо!

Происшествіе въ Скалистыхъ горахъ.

Въ концѣ 1827 года, проживая вблизи Шарлоттесвилля въ Виргиніи, я случайно познакомился съ мистеромъ Августомъ Бедло. Это былъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный молодой джентльменъ, возбудившій во мнѣ глубокій интересъ и любопытство. Его личность оставалась для меня загадкой въ духовномъ и физическомъ отношеніяхъ. О его семьѣ я не могъ получить никакихъ свѣдѣній. Откуда онъ явился, я не зналъ. Даже его возрастъ—хотя я называю его молодымъ джентльменомъ — порядкомъ смущалъ меня. Конечно, онъ казался молодымъ—и часто говорилъ о своей юности — но бывали минуты, когда я безъ особыхъ колебаній далъ бы ему сто лѣтъ. Но всего болѣе поражала меня его наружность. Онъ былъ необыкновенно высокъ и тощъ, сильно сутуловатъ, съ длинными, худыми членами, съ широкимъ низкимъ лбомъ, и казался совсѣмъ безкровнымъ. Его ротъ былъ великъ и подви-

женъ, а зубы замѣчательно неровные, хотя здоровые: такихъ странныхъ зубовъ я ни у кого не видалъ раньше. Улыбка его, впрочемъ, отнюдь не была непріятна, но всегда одинакова. Въ ней выражалась глубокая печаль — неизмѣнная, вѣковѣчная тоска. Глаза у него были громадные и круглые, какъ у кошки. Зрачки сокращались и расширялись соотвѣтственно усиленію или ослабленію свѣта, какъ это наблюдается у представителей кошачьяго рода. Въ минуты возбужденія они загорались необычайнымъ блескомъ и, казалось, не отражали, а испускали лучи внутренняго свѣта, какъ солнце или свѣча; но въ обыкновенномъ состояніи были до того тусклы, туманны и мертвенны, что напоминали глаза давно погребеннаго трупа.

Эти особенности, повидимому, смущали его самого, и онъ часто намекалъ на нихъ въ разговорѣ, не то объясняя, не то оправдывая ихъ, что въ началѣ производило на меня крайне тяжелое впечатлѣніе. Вскорѣ, однако, я привыкъ къ этому и непріятное впечатлѣніе разсѣялось. Казалось, будто онъ хотѣлъ дать понять не прямо, а намекомъ,—что не всегда былъ такимъ, — что только рядъ припадковъ невралгіи такъ измѣнилъ его наружность, отличавшуюся когда-то красотой не совсѣмъ обыкновенной. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ пользовался совѣтами нѣкоего доктора Темпльтона, стараго джентльмена лѣтъ семидесяти,—съ которымъ встрѣтился въ Саратогѣ, и отъ котораго получилъ, или думалъ, что получилъ, значительное облегченіе. Въ виду этого Бедло, человѣкъ богатый, заключилъ съ нимъ условіе, въ силу котораго докторъ Темпльтонъ, за щедрое годовое вознагражденіе, обязывался посвѣтить свое время и врачебную опытность исключительно заботамъ о больномъ.

Въ молодости докторъ Темпльтонъ много путешествовалъ, побывалъ въ Парижѣ и сдѣлался послѣдователемъ Месмера. Исключительно месмерическими средствами онъ съумѣлъ облегчить жестокія страданія своего паціента; и этотъ успѣхъ естественно внушилъ послѣднему извѣстную степень довѣрія къ мнѣніямъ, на которыхъ основывались эти средства. Но докторъ, подобно всѣмъ энтузіастамъ, добивался полнаго обращенія своего ученика, въ чемъ и успѣлъ настолько, что больной согласился подвергнуться цѣлому ряду опытовъ.—Частое повтореніе послѣднихъ привело къ результату, который въ наши дни потерялъ интересъ новизны, такъ что никого не удивитъ, но въ то время, о которомъ я пишу, былъ еще крайне рѣдкимъ явленіемъ въ Америкѣ. Я хочу сказать, что между докторомъ Темпльтономъ и Бедло установился мало по малу весьма опредѣленный и сильный rapport или магнетическая связь. Я не стану, впрочемъ, утверждать, что этотъ rapport превос-

ходилъ предѣлы обыкновенной усыпляющей силы, но сама эта сила достигла высокой интенсивности. Первая попытка вызвать магнетическій сонъ не удалась. На пятой или шестой успѣхъ былъ не полный, и то послѣ долгихъ усилій. Только двѣнадцатая увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Послѣ этого воля паціента быстро подчинилась волѣ врача, такъ что, когда я познакомился съ ними, сонъ наступалъ почти мгновенно, по желанію магнетизера, хотя бы паціентъ не зналъ о его присутствіи. Только теперь, въ 1845 г., когда подобныя чудеса совершаются чуть не ежедневно тысячами, рѣшаюсь я сообщить объ этомъ, съ виду невозможномъ, фактѣ.

Темпераментъ Бедло былъ въ высшей степени впечатлительный, раздражительный, восторженный. Онъ обладалъ богатымъ и пылкимъ воображеніемъ, которое, безъ сомнѣнія, возбуждалось еще болѣе подъ вліяніемъ морфина. Морфинъ онъ поглощалъ въ огромныхъ количествахъ и положительно не могъ обойтись безъ него. Обыкновенно онъ принималъ сильную дозу тотчасъ послѣ завтрака или, точнѣе, послѣ стакана кофе, такъ какъ ничего не ѣлъ по утрамъ, а затѣмъ отправлялся одинъ, или съ собакой, бродить среди пустынныхъ холмовъ, которые тянутся къ юго-западу отъ Шарлоттесвилля и извѣстны подъ громкимъ именемъ Скалистыхъ Горъ.

Въ одинъ пасмурный, теплый, сѣрый день, въ концѣ ноября, въ странное interregnum временъ года, которое называется Индійскимъ лѣтомъ, мистеръ Бедло, по обыкновенію, отправился въ холмы. День прошелъ, а онъ не возвращался. Въ восемь часовъ вечера, не на шутку встревоженные его продолжительнымъ отсутствіемъ, мы собирались отправиться на поиски, какъ вдругъ онъ неожиданно явился, повидимому, въ нормальномъ состояніи и болѣе веселомъ настроеніи духа, чѣмъ обыкновенно. Онъ разсказалъ странныя вещи о своей прогулкѣ.

— Вы помните,—говорилъ онъ,—что я оставилъ Шарлоттесвилль около десяти часовъ утра. Я прямо направился въ горы и часовъ около десяти вступилъ въ ущелье, совершенно незнакомое мнѣ. Я съ большимъ интересомъ направился по его извивамъ. Ландшафтъ, окружавшій меня, врядъ-ли можно было назвать грандіознымъ, но мнѣ нравятся такіе ландшафты своимъ невыразимо безотраднымъ видомъ. Пустыня казалась безусловно дѣвственной. Мнѣ казалось, что нога человѣческая еще не ступала по этимъ зеленымъ лужайкамъ и сѣрымъ скаламъ. Входъ въ ущелье до того незамѣтенъ и недоступенъ,—развѣ случайно,—что я, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ былъ первый путникъ,—первый и единственный путникъ, проникшій въ этотъ закоулокъ.

Густой и совершенно особенный туманъ или дымъ, свойственный индійскому лѣту, и нависшій надъ всѣми предметами,

безъ сомнѣнія усиливалъ странное впечатлѣніе, производимое этими предметами. Туманъ былъ такъ густъ, что я ничего не видѣлъ на разстояніи двѣнадцати ярдовъ. Тропинка, по которой я шелъ, была крайне извилиста, а солнца не было видно, такъ что я скоро утратилъ всякое представленіе о направленіи. Тѣмъ временемъ морфинъ оказалъ свое обычное дѣйствіе придавъ глубокій интересъ всему внѣшнему міру. Въ шелестѣ листьевъ, въ зелени былинокъ, въ формѣ трилистника, въ жужжаніи пчелы, въ блескѣ росы, въ дыханіи вѣтерка, въ слабомъ ароматѣ лѣса чуялся цѣлый веселый и причудливый рой поэтическихъ и безсвязныхъ мыслей.

Поглощенный ими, я бродилъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, пока туманъ не сгустился до того, что мнѣ пришлось пробираться ощупью. Тутъ невыразимое безпокойство овладѣло мною—родъ нервной дрожи и нерѣшимости—я боялся ступить, думая, что вотъ-вотъ слечу въ пропасть. Вспомнились мнѣ также странныя исторіи о Скалистыхъ Горахъ, о дикомъ и свирѣпомъ племени, населяющемъ ихъ пещеры и пропасти. Тысяча смутныхъ грезъ осаждали и угнетали меня—грезъ тѣмъ болѣе мучительныхъ, чѣмъ онѣ были туманнѣе. Но вдругъ до моего слуха долетѣлъ грохотъ барабана.

Разумѣется,мое удивленіе не знало границъ. Барабанъ въ этихъ горахъ былъ вещью, совершенно необычайной. Я бы не болѣе удивился, услыхавъ звукъ трубы Архангела. Но моему изумленію суждено было еще увеличиться. Раздался дребезжащій звукъ, похожій на бряцанье связки ключей, и спустя мгновеніе—какой-то смуглый, полунагой человѣкъ съ крикомъ пробѣжалъ мимо меня. Онъ промчался такъ близко, что я почувствовалъ его горячее дыханіе на своемъ лицѣ. Въ рукѣ у него былъ какой-то странный инструментъ, состоящій изъ связки стальныхъ колецъ, которыми онъ гремѣлъ на бѣгу. Лишь только онъ исчезъ въ туманѣ, какъ за нимъ промчался съ разинутой пастью и горящими глазами какой-то огромный звѣрь. Я не могъ ошибиться насчетъ его породы. Эти была гіена.

Видъ чудовища скорѣе разсѣялъ, чѣмъ усилилъ мой ужасъ—теперь я понялъ, что брежу, и старался усиліемъ воли вернуться къ сознанію. Я смѣло и бодро пошелъ впередъ; протиралъ глаза, громко восклицалъ, щипалъ себѣ члены. Мнѣ попался ручеекъ и я вымылъ въ немъ лицо, руки и шею. Вода освѣжила меня, и повидимому, разсѣяла странныя ощущенія, докучавшія мнѣ до сихъ поръ. Я всталъ совершенно новымъ, какъ мнѣ казалось, человѣкомъ и твердо, спокойно продолжалъ свой путь по невѣдомой тропинкѣ.

Наконецъ, истомленный ходьбой и тяжелой удушливой атмосферой, я усѣлся подъ деревомъ. Передо мной блеснулъ слабый лучъ солнца, и тѣнь листьевъ дерева, легкая, но отчетливая, обрисовалась на травѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ я съ удивленіемъ разсматривалъ эту тѣнь. Ея форма поражала меня. Я взглянулъ вверхъ. Дерево оказалось пальмой.

Я вскочилъ въ страшномъ волненіи, такъ какъ теперь не могъ уже успокоиться мыслью, что я брежу. Я видѣлъ—я сознавалъ, что вполнѣ владѣю своими чувствами, и эти чувства открывали моей душѣ цѣлый міръ новыхъ и странныхъ ощущеній. Жара разомъ сдѣлалась невыносимой. Воздухъ былъ напоенъ страннымъ ароматомъ. Тихій, неумолчный ропотъ, подобный журчанію полноводной, но тихой рѣки долеталъ до моихъ ушей, сливаясь съ глухимъ жужжаніемъ множества человѣческихъ голосовъ.

Пока я прислушивался внѣ себя отъ изумленія, сильный порывъ вѣтра развѣялъ завѣсу тумана, точно по мановенію волшебника.

Я находился у подошвы высокой горы и смотрѣлъ на разстилавшуюся передо мной обширную равнину, по которой извивалась величавая рѣка. На берегу рѣки раскинулся городъ восточнаго типа, напоминавшій описанія Тысячи и Одной Ночи, но еще болѣе страннаго характера. Съ моего наблюдательнаго пункта, находившагося гораздо выше города, я могъ видѣть его со всѣми закоулками, точно на картѣ. Безчисленныя улицы перекрещивались безпорядочно, по всѣмъ направленіямъ, напоминая скорѣе извилистыя аллеи, чѣмъ улицы, и буквально кишѣли народомъ. Дома имѣли причудливо живописный видъ. Повсюду виднѣлись балконы, веранды, минареты, храмы, круглыя окна, украшенныя причудливой рѣзьбой. Базаровъ было множество; они изобиловали разнообразнѣйшими товарами—шелкомъ, кисеей, великолѣпными металлическими издѣліями и драгоцѣнными каменьями. Кромѣ того, повсюду пестрѣли знамена, паланкины, носилки съ стройными дамами, окутанными въ покрывала, слоны въ пышныхъ попонахъ, уродливые идолы, барабаны, трубы, гонги, копья, серебряные и вызолоченные жезлы. Въ этой суматохѣ, въ шумной толпѣ среди милліона черныхъ и желтокожихъ людей, въ тюрбанахъ и мантіяхъ, съ длинными развѣвающимися бородами, ревѣло безчисленное множество священныхъ, украшенныхъ лентами, быковъ, между тѣмъ какъ легіоны грязныхъ обезьянъ съ крикомъ и визгомъ лазили по карнизамъ мечетей, по минаретамъ и башенкамъ. Эти шумныя улицы спускались безчисленными рядами ступеней къ купальнямъ на рѣкѣ, которая, казалось, съ трудомъ прокладывала себѣ путь среди тяжело нагруженныхъ кораблей. За чертой

города возвышались величественныя группы пальмъ и кокосовыхъ деревьевъ; тамъ и сямъ виднѣлись рисовыя поля, крытыя соломой хижины поселянъ, цистерны, храмы, цыганскій таборъ или одинокая граціозная дѣвушка съ кувшиномъ на головѣ, пробирающаяся къ берегу величавой рѣки.

Вы, конечно, скажете, что я грезилъ; но этого не было. Во всемъ, что я видѣлъ, что я слышалъ, что я чувствовалъ, что я думалъ, не было того специфическаго оттѣнка, который всегда характеризуетъ грезу. Все имѣло строго реальный характеръ. Сначала, думая, что брежу, я подвергъ себя ряду испытаній, которыя убѣдили меня, что все это происходитъ на яву. Когда во снѣ является мысль, что «это только сонъ»,—она всегда подтверждается, и спящій просыпается почти тотчасъ же. Новалисъ совершенно справедливо замѣтилъ: «мы близки къ пробужденію, когда намъ снится, что мы спимъ». Если бы видѣніе, явившееся передо мною, не возбудило во мнѣ подозрѣнія, что я сплю, оно могло бы быть сномъ, но разъ я заподозрилъ и провѣрилъ его, приходится отнести его къ разряду другихъ явленій.

— Въ этомъ отношеніи вы, можетъ быть, и правы,—замѣтилъ д-ръ Темпльтонъ,—но продолжайте. Вы встали и спустились въ городъ.

— Я всталъ,—продолжалъ Бедло, взглянувъ на доктора съ глубокимъ изумленіемъ,—я всталъ, какъ вы говорите, и спустился въ городъ. По дорогѣ я смѣшался съ толпой, спѣшившей туда же, повидимому, въ крайнемъ возбужденіи. Внезапно, въ силу какого-то непонятнаго импульса, я проникся глубокимъ личнымъ интересомъ къ тому, что здѣсь происходило. Точно я чувствовалъ, что мнѣ предстоитъ важная роль въ какой-то драмѣ, хотя не сознавалъ ясно, въ чемъ она состоитъ. Во всякомъ случаѣ, я испытывалъ чувство глубокой вражды къ окружавшей меня толпѣ. Я выбрался изъ нея и окольной тропинкой добѣжалъ до города. Здѣсь стояла страшная суматоха. Небольшой отрядъ людей, одѣтыхъ въ полуевропейское-полуиндѣйское платье, подъ начальствомъ офицеровъ въ полубританской формѣ, выдерживалъ неравную борьбу съ толпой, кишѣвшей на улицахъ. Я присоединился къ слабѣйшей партіи, подобравъ оружіе убитаго офицера, и дрался, самъ не знаю съ кѣмъ, съ бѣшенствомъ отчаянія. Но скоро намъ пришлось отступить передъ массой враговъ; мы укрылись въ какомъ-то кіоскѣ, забаррикадировались и на время были въ безопасности. Изъ амбразуры подъ крышей кіоска я видѣлъ огромную толпу, которая съ бѣшенымъ увлеченіемъ осаждала красивый дворецъ надъ рѣкой. Вскорѣ, изъ окошка въ верхнемъ этажѣ дворца показалась изнѣженнаго вида фигура и спустилась по веревкѣ, свитой изъ

тюрбановъ. Лодка поджидала ее внизу, на рѣкѣ, и перевезла на противуположный берегъ.

Между тѣмъ, новая мысль овладѣла моей душой. Я обратился къ товарищамъ съ немногими, но энергическими словами; нѣкоторые изъ нихъ присоединились ко мнѣ и мы отважились на бѣшеную вылазку изъ кіоска. Мы кинулись на окружавшую его толпу. Она не выдержала перваго натиска и отступила. Потомъ оправилась, но послѣ отчаянной схватки снова отступила. Между тѣмъ, мы отошли далеко отъ кіоска, запутавшись въ узкихъ улицахъ съ высокими, нависшими домами, куда никогда не заглядывало солнце. Толпа съ яростью напирала на насъ, угрожая копьями и забрасывая тучами стрѣлъ. Эти послѣднія были весьма замѣчательны и напоминали извилистые ножи малайцевъ. Онѣ походили формой на ползущую змѣю, были чернаго цвѣта и очень длинны, съ отравленнымъ остріемъ. Одна изъ нихъ ударила меня въ правый високъ. Я пошатнулся и упалъ. Моментально страшная боль пронизала меня. Я корчился, я задыхался, я умеръ.

— Теперь, — сказалъ я, смѣясь, — вы врядъ-ли станете утверждать, что все это происшествіе происходило на яву. Не думаете же вы, что умерли.

Въ отвѣтъ на это я ожидалъ услышать отъ Бедло какую-нибудь веселую шутку, но, къ изумленію моему, онъ колебался, дрожалъ, страшно поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Я взглянулъ на Темпльтона. Онъ сидѣлъ, выпрямившись какъ палка, на креслѣ— зубы его стучали, глаза готовы были выскочить изъ орбитъ.— Продолжайте!—сказалъ онъ, наконецъ, хриплымъ голосомъ.

— Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,—продолжалъ Бедло,—моимъ единственнымъ ощущеніемъ — единственнымъ чувствомъ— было ощущеніе тьмы и небытія, сопровождавшееся яснымъ сознаніемъ смерти. Наконецъ, внезапный и сильный, какъ бы электрическій толчекъ потрясъ мою душу. Вмѣстѣ съ нимъ явилось ощущеніе подвижности и свѣта. Этотъ послѣдній я чувствовалъ, а не видѣлъ. Затѣмъ, мнѣ показалось, будто я встаю. Но у меня не было тѣлесной, видимой, слышимой или осязаемой формы. Толпа исчезла. Шумъ прекратился. Городъ успокоился. У ногъ моихъ лежало мое тѣло, съ стрѣлой въ вискѣ, съ раздутой, обезображенной головой. Но все это я только чувствовалъ, а не видѣлъ. Я ничѣмъ не интересовался. Даже собственный трупъ казался предметомъ, до котораго мнѣ нѣтъ никакого дѣла. Желаній у меня не было, но я почувствовалъ, что прихожу въ движеніе и легко уношусь изъ города по той же извилистой тропинкѣ, которая привела меня туда. Достигнувъ того мѣста въ ущельи, гдѣ мнѣ встрѣтилась гіена, я снова испыталъ сотрясеніе, какъ бы отъ гальва-

нической баттареи; и ко мнѣ вернулось ощущеніе тяжести, воли, тѣлеснаго существованія. Я снова сдѣлался самимъ собою— и поспѣшилъ домой, но прошлое не потеряло своей яркости, и даже теперь мой разсудокъ рѣшительно отказывается признать его сномъ.

— Это и не былъ сонъ,—сказалъ Темпльтонъ глубоко торжественнымъ тономъ,—хотя я не знаю, какъ его назвать иначе. Предположимъ, что современный духъ человѣческій находится наканунѣ поразительныхъ психическихъ открытій. Удовольствуемся этимъ предположеніемъ. Остальное я могу разъяснить. Взгляните на эту акварель, которую я показалъ бы вамъ раньше, если бы меня не удерживало какое-то необъяснимое чувство ужаса.

Мы взглянули на рисунокъ. Я не нашелъ въ немъ ничего особеннаго; но дѣйствіе его на Бедло было поразительно. Онъ чуть не лишился чувствъ. Между тѣмъ это былъ попросту миніатюрный портретъ, правда, удивительной работы, его собственной замѣчательной физіономіи. Такъ, по крайней мѣрѣ, я думалъ.

— Замѣтьте дату рисунка,—сказалъ докторъ Темпльтонъ,—вотъ она, едва замѣтная, въ уголку—1780 г. Въ этомъ году былъ нарисованъ портретъ. Портретъ удивительно сходенъ съ оригиналомъ — моимъ другомъ мистеромъ Олдебомъ, съ которымъ я познакомился и подружился въ Калькуттѣ, во времена Уоррена Гастингса. Мнѣ было тогда всего двадцать лѣтъ отъ роду. Когда я впервые увидалъ васъ въ Саратогѣ, мистеръ Бедло, меня поразило ваше удивительное сходство съ портретомъ. Оно-то и побудило меня познакомиться съ вами, искать вашей дружбы и, наконецъ, заключить условіе, въ силу котораго я сдѣлался вашимъ постояннымъ спутникомъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ мною руководило отчасти, а можетъ быть и главнымъ образомъ, воспоминаніе о покойномъ, но также и болѣзненное, не лишенное примѣси страха, любопытство относительно васъ самихъ.

— Описывая видѣніе, явившееся вамъ среди холмовъ, вы описали съ мельчайшей точностью городъ Бенаресъ на Священной Рѣкѣ. Мятежъ, схватки, рѣзня—дѣйствительныя происшествія въ возстаніе Шеитъ Синга, случившееся въ 1780 году, когда Гастингсъ едва избѣжалъ смерти. Человѣкъ, бѣжавшій съ помощью веревки изъ тюрбановъ, былъ самъ Шеитъ Сингъ. Отрядъ въ кіоскѣ состоялъ изъ сипаевъ и англійскихъ офицеровъ подъ начальствомъ Гастингса. Я принадлежалъ къ этому отряду и всѣми силами старался воспрепятствовать необдуманной и роковой вылазкѣ офицера, павшаго на улицѣ отъ отравленной стрѣлы какого-то бенгалезца. Офицеръ былъ мой лучшій другъ. Это былъ Олдебъ. Вы увидите изъ этой рукописи (тутъ докторъ вытащилъ изъ

кармана записную книжку съ свѣже исписанными листами), что въ то самое время, когда вы переживали всѣ эти происшествія въ холмахъ, я описывалъ ихъ здѣсь, дома.

Спустя недѣлю послѣ этого разговора въ Шарлоттесвилльской газетѣ появилась слѣдующая замѣтка:

«Съ глубокимъ прискорбіемъ сообщаемъ о смерти мистера Августа Бедло, джентльмена, завоевавшаго общую симпатію со стороны гражданъ Шарлоттесвилля своимъ привѣтливымъ характеромъ и многими достоинствами.

Въ послѣдніе годы мистеръ Бедло страдалъ невралгіей, которая нерѣдко угрожала роковымъ исходомъ; но эта болѣзнь послужила только косвенной причиной его смерти. Ближайшая причина очень страннаго характера. Нѣсколько дней тому назадъ, во время прогулки въ Скалистыя горы, онъ схватилъ легкую простуду, сопровождавшуюся приливами крови къ головѣ. Чтобы облегчить больного, докторъ Темпльтонъ прибѣгнулъ къ мѣстному кровопусканію. Были приставлены піявки къ вискамъ. Въ поразительно короткій промежутокъ времени паціентъ скончался: оказалось, что въ банку съ піявками попали случайно нѣсколько ядовитыхъ піявокъ, водящихся въ здѣшнихъ прудахъ.

Одна изъ нихъ присосалась къ маленькой артеріи на правомъ вискѣ. Ея сходство съ медицинской піявкой повело къ ошибкѣ, къ несчастію, непоправимой.

«N. B.—Ядовитая Шарлоттесвилльская піявка отличается отъ медицинской своимъ чернымъ цвѣтомъ и червеобразными движеніями, напоминающими движенія змѣи».

Я говорилъ съ издателемъ газеты объ этомъ замѣчательномъ случаѣ и, между прочимъ, спросилъ его, почему фамилія покойнаго напечатана безъ *е*: Bedlo *).

— Вѣроятно, у васъ есть какія-нибудь основанія, — замѣтилъ я, — но я всегда предполагалъ, что эта фамилія пишется съ *е* на концѣ.

— Основанія?—никакихъ,—отвѣчалъ онъ.—Это просто опечатка. Фамилія Bedloe всегда пишется съ е, и сколько мнѣ извѣстно, никогда не писалась иначе.

— Ну, — проворчалъ я, уходя отъ него, — видно и впрямь правда чуднѣе выдумки. Вѣдь Bedlo безъ е—это Oldeb навыворотъ? А онъ увѣряетъ, будто это типографская ошибка.

---

*) По англійски эта фамилія пишется Bedloe, а произносится Бедло. Перев.

Очки.

Много лѣтъ тому назадъ было въ обычаѣ осмѣивать—«любовь съ одного взгляда»; но тѣ, кто думаетъ, а равно и тѣ, кто чувствуетъ глубоко, всегда признавали ея существованіе. И въ самомъ дѣлѣ, современныя открытія въ области, которая можетъ быть названа этическимъ магнетизмомъ или магнетической эстетикой, заставляютъ думать, что самое естественное, а слѣдовательно самое истинное и глубокое чувство то, которое возникаетъ въ сердцѣ какъ бы въ силу электрическаго толчка, — что самыя прочныя душевныя оковы создаются однимъ взглядомъ. Признаніе, которое я намѣренъ сдѣлать, прибавитъ лишній случай къ безчисленнымъ уже доказательствамъ истинности этого положенія.

Мнѣ необходимо войти въ нѣкоторыя подробности. Я еще очень молодой человѣкъ—мнѣ не исполнилось двадцати двухъ лѣтъ. Фамилія моя въ настоящее время весьма обыкновенная и довольно вульгарная—Симпсонъ. Я говорю «въ настоящее время», потому что принялъ эту фамилію очень недавно; она утверждена за мной законнымъ порядкомъ въ прошломъ году, когда мнѣ предстояло получить значительное наслѣдство, оставленное моимъ отдаленнымъ родственникомъ, мистеромъ Адольфомъ Симпсономъ, эскв. Въ силу завѣщанія, я могъ получить наслѣдство, только принявъ фамилію завѣщателя,—фамилію, а не имя; мое имя Наполеонъ Бонапарте.

Я принялъ фамилію Симпсонъ несовсѣмъ охотно, такъ какъ не безъ основанія гордился своимъ родовымъ именемъ «Фруассаръ»,—полагая, что могу прослѣдить свою родословную до безсмертнаго автора «Хроникъ». Кстати, по поводу именъ, я могу указать на странное совпаденіе звуковъ въ фамиліяхъ нѣкоторыхъ ближайшихъ моихъ родственниковъ. Мой отецъ былъ г. Фруассаръ, парижанинъ. Его жена—моя мать, на которой онъ женился, когда ей было пятнадцать лѣтъ—M-lle Круассаръ, старшая дочь банкира Круассара, жена котораго, вышедшая замужъ шестнадцати лѣтъ, была дочь нѣкоего Виктора Вуассара. Г. Вуассаръ, какъ это ни странно, въ свою очередь женился на дѣвицѣ съ подобной же фамиліей—mademoiselle Муассаръ. Она тоже вышла замужъ почти ребенкомъ, а ея мать, m-me Муассаръ, вѣнчалась четырнадцати лѣтъ. Такіе ранніе браки весьма обыкновенны во Франціи. Итакъ, здѣсь являются: Муассары, Вуассары, Круассары и Фруассары, всѣ въ прямой линіи родства. Впрочемъ, какъ я уже сказалъ, моя собственная фамилія превратилась въ Симпсона, къ немалому моему отвращенію, такъ что одно время я даже колебался, принимать-ли наслѣдство съ такимъ безполезнымъ и непріятнымъ proviso.

Нельзя сказать, чтобы мнѣ не доставало личной привлекательности. Напротивъ, я, кажется, хорошо сложенъ и обладаю наружностью, которую девять человѣкъ изъ десяти назовутъ красивой. Мой ростъ,—пять футовъ одиннадцать дюймовъ. Волосы черные, вьющіеся. Носъ довольно красивой формы. Глаза большіе, сѣрые, и хотя близоруки до неприличія, но этого нельзя угадать по ихъ внѣшнему виду. Слабость зрѣнія, однако, всегда донимала меня, и я прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ противъ этого зла,— за исключеніемъ очковъ. Будучи молодъ и красивъ, я естественно питалъ къ нимъ отвращеніе и рѣшительно отказывался носить ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, ничто такъ не обезображиваетъ молодого лица, какъ очки; они придаютъ его чертамъ видъ какой-то напыщенности, или даже ханжества и старости. Съ другой стороны, лорнетъ налагаетъ отпечатокъ пошлаго франтовства и жеманства. Въ виду этого, я обходился, какъ умѣлъ, безъ очковъ и безъ лорнета. Однако, я слишкомъ распространяюсь объ этихъ чисто личныхъ мелочахъ, которыя притомъ не имѣютъ особеннаго значенія. Прибавлю только, въ заключеніе, что темпераментъ у меня сангвиническій, раздражительный, пылкій, восторженный—и что я всегда былъ усерднымъ обожателемъ женщинъ.

Однажды вечеромъ, прошлой зимой, я вошелъ въ кассу театра П. съ моимъ другомъ, мистеромъ Тальботомъ. Шла опера; афиши были составлены очень заманчиво, такъ что публика буквально ломилась въ театръ. Мы, однако, успѣли заполучить кресла въ переднемъ ряду, которыя были для насъ оставлены, и не безъ труда протолкались къ нимъ сквозь толпу. Въ теченіе двухъ часовъ мой товарищъ, ярый меломанъ, не сводилъ глазъ со сцены, а я тѣмъ временемъ глазѣлъ на публику, состоявшую, главнымъ образомъ, изъ мѣстной élite. Удовлетворивъ свое любопытство, я вспомнилъ о сценѣ, и хотѣлъ посмотрѣть на примадонну, когда взоръ мой остановился, точно прикованный, на женской фигурѣ въ ложѣ, до сихъ поръ ускользавшей отъ моего вниманія.

Если я проживу тысячу лѣтъ, то все-таки не забуду глубокаго волненія, которое охватило меня при первомъ взглядѣ на эту фигуру. Никогда я не видывалъ такой изысканной граціи. Лицо было обращено къ сценѣ, такъ что я не могъ разсмотрѣть его, но формы были божественныя; никакимъ другимъ словомъ не передать ихъ чудной гармоніи, да и терминъ «божественныя» кажется мнѣ слабымъ до смѣшнаго.

Чары прекрасныхъ формъ, волшебство граціи, всегда имѣли надо мной непреодолимую власть; но тутъ явилось олицетвореніе, воплощеніе граціи, beau idéal моихъ самыхъ смѣлыхъ и упоительныхъ видѣній. Фигура, видимая почти съ ногъ до головы бла-

годаря устройству ложи, была выше средняго роста и почти величественная. Совершенство формъ и очертаній было восхитительно. Голова, видимая мнѣ только съ затылка, не уступала по красотѣ линій головкѣ Психеи и скорѣе оттѣнялась, чѣмъ закрывалась легкимъ уборомъ изъ gaze aërienne, напомнившимъ мнѣ ventum textilem Апулея. Правая рука свѣшивалась за перила ложи и заставляла дрожать каждый нервъ моего тѣла своей изысканной пропорціональностью. Ея верхняя часть была одѣта широкимъ открытымъ рукавомъ по тогдашней модѣ. Онъ заходилъ лишь немного ниже локтя. Подъ нимъ былъ другой, изъ какой-то тонкой матеріи, въ обтяжку, заканчивавшійся пышными кружевными манжетами, изящно обрамлявшими кисть руки, доходя до самыхъ пальчиковъ. На одномъ изъ нихъ сверкало кольцо съ брилліантомъ, очевидно, громадной стоимости. Удивительная округлость руки выступала еще рѣзче благодаря браслету, который также былъ украшенъ великолѣпной aigrette изъ брилліантовъ, свидѣтельствовавшей о богатствѣ и разборчивомъ вкусѣ его владѣлицы.

Я, по крайней мѣрѣ, полчаса смотрѣлъ, точно окаменѣвъ, на это царственное явленіе; и тутъ-то я почувствовалъ въ полной силѣ истину того, что говорится и поется о «любви съ перваго взгляда». Мои ощущенія совсѣмъ не походили на тѣ, которыя мнѣ случалось испытывать раньше даже въ присутствіи прославленныхъ красавицъ. Неизъяснимая, магнетическая, иначе не могу ее назвать—симпатія души къ душѣ приковала не только мои взоры, но и мысли и чувства къ восхитительному явленію. Я видѣлъ, я чувствовалъ, я зналъ, что влюбленъ глубоко, безумно, безвозвратно... влюбленъ, не смотря на то, что еще не видалъ лица своей возлюбленной. И такъ глубока была моя страсть, что врядъ-ли бы ослабѣла, если бы даже черты лица оказались ординарными; до того ненормальна природа единственной истинной любви, любви съ перваго взгляда, и такъ мало зависитъ она отъ внѣшнихъ условій, которыя только повидимому создаютъ и контролируютъ ее.

Между тѣмъ какъ я сидѣлъ поглощенный созерцаніемъ этого прекраснаго видѣнія, внезапный шумъ въ публикѣ заставилъ красавицу обернуться такъ, что я увидѣлъ профиль ея лица. Красота его превзошла даже мои ожиданія, и тѣмъ не менѣе въ ней было нѣчто такое, что разочаровало меня,—почему, я и самъ бы не могъ объяснить. Я сказалъ «разочаровало», но это выраженіе не совсѣмъ подходящее. Чувства мои въ одно время успокоились и напряглись. Я испытывалъ не восторгъ, а спокойный энтузіазмъ или восторженное спокойствіе. Быть можетъ, это душевное состояніе зависѣло отъ выраженія лица, напоминавшаго Мадонну, но не отъ одного этого. Было нѣчто—тайна, которой я не могъ разъяснить—

особенность въ выраженіи лица, которая слегка смущала меня и въ тоже время необычайно усиливала мой интересъ. Словомъ, я находился въ такомъ душевномъ состояніи, когда молодой и впечатлительный человѣкъ способенъ на самую экстравагантную выходку. Будь эта лэди одна, я безъ сомнѣнія явился бы къ ней въ ложу; но къ счастью, съ ней было еще двое лицъ: джентльменъ и дама поразительной красоты и, повидимому, моложе ея на нѣсколько лѣтъ.

Я придумывалъ тысячи плановъ, какимъ способомъ познакомиться съ старшей лэди послѣ театра, а теперь хоть разсмотрѣть получше ея красоту. Я бы подошелъ поближе къ ней, но публики собралось столько, что нельзя было пробраться; а строгіе законы хорошаго тона запрещали употребленіе бинокля въ подобныхъ случаяхъ, даже если бы у меня былъ бинокль. Но у меня его не было и я приходилъ въ отчаяніе.

Наконецъ я надумалъ обратиться къ своему товарищу.

—Тальботъ,—сказалъ я,—у васъ есть бинокль. Дайте его мнѣ.

— Бинокль! - нѣтъ! на что мнѣ бинокль?—и онъ нетерпѣливо повернулся къ сценѣ.

— Послушайте, Тальботъ, — продолжалъ я, — послушайте! Взгляните на ту ложу, подлѣ сцены! вонъ ту! нѣтъ, ближе—видали вы когда-нибудь такую красавицу?

— Да, ~~очень~~ хороша,—сказалъ онъ.

— Желалъ бы я знать, кто это.

— Какъ, во имя всѣхъ ангеловъ, неужели вы не знаете? Не знаете, кто она, да вы притворяетесь? Вѣдь это знаменитая madame Лаландъ,—героиня дня par excellence,—о ней кричитъ весь городъ. Громадное состояніе, вдова, лакомый кусочекъ, на-дняхъ пріѣхала изъ Парижа.

— Вы знакомы съ ней?

— Да... имѣю счастье.

— А меня познакомите?

— Отчего же... съ величайшимъ удовольствіемъ; когда?

— Завтра, въ часъ, я зайду за вами къ Б.

— Отлично; только теперь придержите вашъ языкъ, если можете.

Въ этомъ послѣднемъ отношеніи мнѣ пришлось волей неволей послушаться его, такъ какъ онъ упорно оставался глухимъ ко всѣмъ дальнѣйшимъ разспросамъ и занимался исключительно тѣмъ, что происходило на сценѣ.

Между тѣмъ я не сводилъ глазъ съ госпожи Лаландъ, и въ концѣ концовъ мнѣ посчастливилось таки увидѣть ея лицо en face. Оно отличалось изысканной красотой; въ этомъ, впрочемъ, я

былъ увѣренъ заранѣе, и тѣмъ не менѣе что-то неуловимое по прежнему смущало меня. Я рѣшилъ, наконецъ, что это странное впечатлѣніе зависитъ отъ выраженія важности, скорби или, вѣрнѣе, усталости, которое, почти не убавляя свѣжести и юности, одухотворяло ея черты нѣжностью и величіемъ серафима, и, разумѣется, удесетеряло пылъ моего восторженнаго и романтическаго сердца.

Всматриваясь въ нее, я съ трепетомъ глубокаго волненія убѣдился по едва замѣтному движенію лэди, что она внезапно замѣтила мой пристальный взглядъ. Но я, точно околдованный, все-таки не могъ отвести отъ нея глазъ. Она отвернулась, и я снова видѣлъ только дивный контуръ ея затылка. Спустя нѣсколько минутъ, точно подстрекаемая любопытствомъ узнать, все-ли еще я смотрю на нее, она медленно повернула голову и снова встрѣтила мой огненный взглядъ. Ея огромные черные глаза мгновенно опустились и густой румянецъ окрасилъ щеки. Но каково было мое изумленіе, когда, вмѣсто того, чтобы отвернуться, она взяла лорнетъ, висѣвшій на ея поясѣ, подняла его, приставила къ глазамъ, и въ теченіе нѣсколькихъ минутъ пристально разсматривала меня.

Если бы громовая стрѣла упала къ моимъ ногамъ, я не былъ бы такъ пораженъ, только пораженъ, а отнюдь не оскорбленъ и не возмущенъ, хотя такой смѣлый поступокъ со стороны всякой другой женщины непремѣнно оскорбилъ или возмутилъ бы меня. Но это было сдѣлано съ такимъ спокойствіемъ—съ такой nonchalence—съ такимъ хладнокровіемъ, словомъ, съ такими явными признаками хорошаго воспитанія, что я могъ только удивляться и восхищаться.

Я замѣтилъ, что, обративъ на меня лорнетъ, она, повидимому, удовольствовалась первымъ взглядомъ и отвернулась было, но потомъ, точно пораженная какой-то внезапной мыслью, снова взглянула на меня и продолжала внимательно разсматривать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ,—минутъ пяти, по крайней мѣрѣ.

Этотъ поступокъ, столь необычайный въ американскомъ театрѣ, привлекъ общее вниманіе и возбудилъ неопредѣленное движеніе или *жужжаніе* среди публики, которое смутило меня на минуту, но, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія на госпожу Лаландъ.

Удовлетворивъ свое любопытство, если это было любопытство, она выпустила лорнетъ и спокойно обратилась къ сценѣ, повернувшись ко мнѣ по прежнему въ профиль. Я продолжалъ смотрѣть на нее, не спуская глазъ, хотя вполнѣ сознавалъ неприличіе такого поведенія. Наконецъ, я замѣтилъ, что голова ея слегка и тихонько измѣнила свое положеніе, и убѣдился, что лэди, дѣлая видъ,

будто смотритъ на сцену, на самомъ дѣлѣ внимательно разсматриваетъ меня. Можно себѣ представить дѣйствіе такого поведенія или вниманія со стороны обворожительной женщины на мой увлекающійся духъ.

Поглядѣвъ на меня такимъ образомъ съ четверть часа, прекрасный объектъ моей страсти обратился къ джентльмену, сидѣвшему въ той же ложѣ, и по ихъ взглядамъ я убѣдился, что разговоръ идетъ обо мнѣ.

Послѣ этого г-жа Лаландъ снова обратилась къ сценѣ и, повидимому, заинтересовалась представленіемъ. Но черезъ нѣсколько минутъ я снова задрожалъ отъ волненія, видя, что она вторично взялась за лорнетъ и, не обращая вниманія на возобновившееся жужжаніе публики, вторично уставилась на меня и осмотрѣла съ ногъ до головы съ тѣмъ же удивительнымъ спокойствіемъ, которое уже раньше такъ восхитило и поразило мою душу.

Эти странныя манеры, доведя мое возбужденіе почти до горячки, до настоящаго любовнаго помѣшательства, не только не смутили меня, но скорѣе придали мнѣ смѣлости. Въ безуміи моего обожанія я забылъ обо всемъ, кромѣ прекраснаго видѣнія, отъ котораго не могъ отвести глазъ. Выждавъ удобную минуту, когда, какъ мнѣ казалось, публика была всецѣло поглощена оперой, я поймалъ взглядъ г-жи Лаландъ и поклонился едва замѣтнымъ поклономъ.

Она вспыхнула, отвратила взоръ, медленно и осторожно повела глазами, повидимому, желая узнать, замѣченъ-ли публикой мой дерзкій поступокъ, затѣмъ наклонилась къ джентльмену, сидѣвшему рядомъ.

Тутъ только меня охватило жгучее чувство смущенія. Сознавая неприличіе своего поступка, я ожидалъ скандала. Мысль о пистолетахъ, которыми придется раздѣлываться завтра, быстро промелькнула въ моемъ мозгу, возбудивъ непріятное чувство. Впрочемъ, я тотчасъ почувствовалъ облегченіе, замѣтивъ, что лэди только передала джентльмену афишу, не сказавъ ни слова. Но читатель врядъ-ли въ силахъ представить себѣ мое изумленіе,— мое глубокое изумленіе,—безумный экстазъ моей души и сердца,—когда, минуту спустя, бросивъ быстрый взглядъ кругомъ, она устремила на меня свои сіяющіе глаза и съ легкой улыбкой, обнажившей свѣтлую линію жемчужныхъ зубовъ, два раза, чуть замѣтно, но ясно, отчетливо, недвусмысленно кивнула мнѣ головой.

Безполезно распространяться о моей радости, о моемъ восторгѣ, о моемъ безграничномъ экстазѣ. Если когда-нибудь человѣкъ былъ безуменъ отъ избытка счастья, такъ это я въ ту минуту. Я любилъ. То была моя первая любовь, я чувствовалъ это.

То была любовь возвышенная, невыразимая. То была «любовь съ перваго взгляда»; и съ перваго же взгляда она нашла оцѣнку и взаимность.

Да, взаимность. Могъ-ли я усомниться въ этомъ хоть на минуту? Могъ-ли я объяснить иначе подобное поведенiе со стороны лэди столь прекрасной, богатой, получившей хорошее воспитанiе, занимавшей высокое положенiе въ обществѣ, словомъ, такой достойной во всѣхъ отношенiяхъ, какою, я чувствовалъ, была госпожа Лаландъ? Да, она любила меня, она отвѣчала на мой энтузiазмъ такимъ же слѣпымъ, такимъ же беззавѣтнымъ, такимъ же безкорыстнымъ, такимъ же неудержимымъ, такимъ же необузданнымъ энтузiазмомъ! Но опустившаяся занавѣсъ прервала эти восхитительныя мечты и размышленiя. Публика поднялась съ мѣстъ, наступила обычная въ такихъ случаяхъ суматоха. Бросивъ Тальбота, я хотѣлъ было протискаться поближе къ г-жѣ Лаландъ. Но это не удалось вслѣдствiе давки, такъ что я, наконецъ, оставилъ мысль о погонѣ и отправился домой, огорчаясь, что мнѣ не удалось прикоснуться къ краю ея платья, но утѣшаясь мыслью, что завтра Тальботъ представитъ меня по всѣмъ правиламъ.

Это завтра наконецъ наступило; то есть день забрезжилъ послѣ долгой, томительной, безсонной ночи, а затѣмъ поползли безотрадные, безчисленные часы, отдѣлявшiе меня отъ назначеннаго времени. Но, говорятъ, даже Стамбулу придетъ конецъ, пришелъ конецъ и моему долгому ожиданiю. Часы пробили. Когда затихъ послѣднiй отголосокъ, я входилъ къ Б., спрашивая, здѣсь-ли Тальботъ.

— Уѣхалъ,—отвѣчалъ мнѣ слуга.

— Уѣхалъ!—воскликнулъ я, отпрянувъ шаговъ на шесть,—послушайте, милѣйшiй, это совершенно невозможно и немыслимо; мистеръ Тальботъ не уѣхалъ. Что вы хотите сказать?

— Ничего, сэръ; только мистера Тальбота нѣтъ дома. Вотъ и все. Онъ поѣхалъ къ С. тотчасъ послѣ завтрака и сказалъ, что вернется въ городъ не раньше недѣли.

Я окаменѣлъ отъ ужаса и бѣшенства. Я пытался отвѣтить что-нибудь, но языкъ не повиновался мнѣ. Наконецъ, я повернулся, синiй отъ злости и мысленно посылая весь родъ Тальботовъ въ тартарары. Ясно было, что мой почтенный другъ, меломанъ, забылъ о своемъ обѣщанiи почти въ ту же минуту, когда далъ его. Онъ никогда не отличался вѣрностью своему слову. Дѣлать было нечего; и подавивъ, какъ могъ, свое волненiе, я поплелся по улицѣ, обращаясь къ каждому знакомому, котораго встрѣчалъ, съ безплодными разспросами о г-жѣ Лаландъ. По слухамъ, ее знали рѣшительно всѣ; многiе видѣли; но она такъ недавно прiѣхала въ городъ, что лишь очень немногiе успѣли познакомиться съ нею. Да и эти

немногіе, большею частью иностранцы, не могли или не хотѣли взять на себя смѣлость представить ей меня теперь же, на утреннемъ визитѣ. Когда я въ отчаяніи бесѣдовалъ съ тремя моими пріятелями о всепоглощающемъ объектѣ моей страсти, этотъ самый объектъ случайно явился передъ нами.

— Это она, ручаюсь головой!—воскликнулъ одинъ.

— Поразительно хороша!—подхватилъ другой.

— Ангелъ во плоти!—ахнулъ третій.

Я взглянулъ; дѣйствительно, въ открытой коляскѣ, медленно катившейся по улицѣ, предстало передо мной волшебное видѣніе оперы, въ обществѣ молодой лэди, которая тоже была въ ложѣ.

— Ея спутница тоже удивительно сохранилась, — замѣтилъ тотъ, что воскликнулъ первый.

— Поразительно,—согласился второй, — до сихъ поръ ослѣпительна; но вѣдь искусство дѣлаетъ чудеса. Честное слово, она выглядитъ лучше, чѣмъ въ Парижѣ пять лѣтъ тому назадъ. До сихъ поръ хороша собой,—какъ по вашему, Фруассаръ... то есть Симпсонъ?

— До сихъ поръ?—возразилъ я,—да съ чего же ей не быть красивой? Но въ сравненіи съ своей подругой она плошка передъ солнцемъ,—свѣтящійся червячекъ передъ Антаресомъ.

— Ха! ха! ха! вы мастеръ дѣлать открытія, Симпсонъ,—и преоригинальныя.

На этомъ мы разстались и тріо удалилось, при чемъ одинъ изъ нихъ замурлыкалъ какой-то веселый vaudeville, изъ котораго я схватилъ только послѣднія строчки:

Ninon, Ninon, Ninon à bas—
A bas Ninon de l'Enclos!

Въ теченіе этого непродолжительнаго разговора одно обстоятельство сильно утѣшило меня и подлило масла въ огонь моей страсти. Когда коляска поровнялась съ нашей группой, я замѣтилъ, что г-жа Лаландъ узнала меня; мало того, осчастливила самой ангельской улыбкой.

Пришлось оставить мысль о формальномъ знакомствѣ, отложивъ его до тѣхъ поръ, пока Тальботу заблагоразсудится вернуться. Тѣмъ временемъ я усердно посѣщалъ всевозможныя мѣста общественныхъ увеселеній и, наконецъ, въ томъ же театрѣ, гдѣ впервые увидѣлъ ее, встрѣтился съ нею вторично и обмѣнялся взглядами. Это случилось, однако, только черезъ двѣ недѣли. Все это время я ежедневно заходилъ къ Тальботу и ежедневно уходилъ въ припадкѣ бѣшенства, выслушавъ вѣчный отвѣтъ лакея:— «Еще не вернулся».

Въ тотъ вечеръ, о которомъ я сейчасъ говорилъ, я былъ близокъ къ помѣшательству. Г-жа Лаландъ, какъ мнѣ сказали, была парижанка—недавно пріѣхала изъ Парижа—что если она уѣдетъ также внезапно?—уѣдетъ раньше, чѣмъ вернется Тальботъ—и стало быть навсегда скроется отъ меня? Эта мысль была такъ ужасна, что я не могъ выносить ея. Видя, что мое будущее счастье виситъ на волоскѣ, я рѣшилъ дѣйствовать съ мужественной рѣшимостью. По окончаніи представленія я послѣдовалъ за лэди до ея жилища, узналъ ея адресъ, а утромъ послалъ ей подробное, обстоятельное письмо, въ которомъ излилъ свои чувства.

Я писалъ смѣло, прямо—словомъ, въ порывѣ страсти. Я не скрывалъ ничего—даже своей слабости. Я упомянулъ о романтическихъ обстоятельствахъ нашей встрѣчи—даже о взглядахъ, которыми мы обмѣнялись. Я сказалъ даже, что увѣренъ въ ея любви, и эту увѣренность, также какъ и мое глубокое обожаніе, приводилъ въ извиненіе моего поведенія, которое при иныхъ обстоятельствахъ было бы непростительнымъ. Въ качествѣ третьяго смягчающаго обстоятельства я упомянулъ о своемъ опасеніи, что она уѣдетъ прежде, чѣмъ я успѣю познакомиться съ нею. Въ заключеніе этого письма—самаго дикаго и восторженнаго, какое когда-либо было написано—я откровенно сообщалъ о своихъ матеріальныхъ обстоятельствахъ, о своемъ богатствѣ и предлагалъ ей руку и сердце.

Въ агоніи нетерпѣнія я ждалъ отвѣта. По истеченіи нѣкотораго времени, показавшагося мнѣ вѣкомъ, онъ пришелъ.

Да, онъ дѣйствительно пришелъ. Какъ это ни романтично, но я дѣйствительно получилъ письмо отъ г-жи Лаландъ,—прекрасной, богатой, обожаемой г-жи Лаландъ. Ея глаза—ея великолѣпные глаза—не обличили во лжи ея благородное сердце. Какъ истая француженка, она подчинялась только внушеніямъ разума—благороднымъ порывамъ своей природы—презирая условную щепетильность свѣта. Она не оскорбилась моимъ предложеніемъ. Она не замкнулась въ молчаніи. Она не возвратила мнѣ мое письмо нераспечатаннымъ. Она даже прислала мнѣ отвѣтъ, написанный ея собственными дивными пальчиками. Вотъ что она писала:

«Monsieur Симпсонъ извинялитъ мне дурной знаніе прекрасный языкъ ево contrée. Я нетавно пріѣхала и не имела opportunité ево étudier.

За этотъ apologie для мой manière мне мошно толко сказать, hélas!—Monsieur Симпсонъ прафъ. Што сказать мне есче? Я уще сказала слишкомъ много!

Eugenie Lalande».

Я осыпалъ поцѣлуями эту благородную записку и, безъ сомнѣнія, продѣлывалъ еще тысячи глупостей, которыхъ не упомню. Но Тальботъ до сихъ поръ не вернулся. Увы! имѣй онъ хоть самое смутное представленіе о моихъ мукахъ, его сострадательная натура давно бы заставила его вернуться. Но онъ не возвращался. Я написалъ ему. Онъ отвѣчалъ. Его задержали важныя дѣла,— но онъ скоро вернется. Онъ просилъ меня потерпѣть, умѣрить мои восторги, читать душеспасительныя книги, пить только слабыя вина и искать утѣшенія въ философіи. Дуракъ! ну, самъ не могъ пріѣхать, такъ хоть бы догадался прислать мнѣ рекомендательное письмо. Я написалъ вторично. Письмо было возвращено мнѣ тѣмъ самымъ слугой, съ слѣдующей надписью карандашемъ. Бездѣльникъ уѣхалъ къ своему господину.

«Уѣхалъ отъ С. вчера неизвѣстно зачѣмъ, не сказалъ куда, или когда вернется—я рѣшилъ возвратить вамъ письмо, узнавъ вашъ почеркъ и, зная, что вы всегда болѣе или менѣе торопитесь.

Вашъ покорнѣйшій слуга

Стэббсъ».

Нужно ли говорить, что послѣ этого я послалъ ко всѣмъ чертямъ господина и слугу? Но гнѣвъ не помогалъ и досада не утѣшала.

Моимъ единственнымъ рессурсомъ оставалась смѣлость. До сихъ поръ она помогала мнѣ, и я рѣшилъ дойти до конца. Къ тому же какое нарушеніе формальныхъ правилъ могло бы показаться неприличнымъ г-жѣ Лаландъ послѣ нашей переписки? Со времени письма я постоянно торчалъ у ея дома и такимъ образомъ убѣдился, что по вечерамъ она прогуливается въ сопровожденіи ливрейнаго лакея—негра, въ публичномъ садикѣ, примыкавшемъ къ дому. Здѣсь, въ тѣни роскошныхъ кустарниковъ, въ полумракѣ тихаго лѣтняго вечера, выждавъ удобную минуту, я подошелъ къ ней.

Чтобъ обмануть слугу, я принялъ увѣренный видъ стараго, давнишняго знакомаго. Съ чисто парижскимъ присутствіемъ духа она сразу поняла въ чемъ дѣло и протянула мнѣ обворожительнѣйшую ручку. Лакей тотчасъ стушевался и мы долго бесѣдовали, давъ волю чувствамъ, переполнявшимъ наши сердца.

Такъ какъ г-жа Лаландъ говорила по англійски еще хуже, чѣмъ писала, то намъ естественно пришлось объясняться по французски. На этомъ нѣжномъ языкѣ, точно созданномъ для страсти, излилъ я бурный восторгъ своего сердца и со всѣмъ краснорѣчіемъ, на которое только былъ способенъ, умолялъ ее обвѣнчаться со мной немедленно.

Она смѣялась надъ моимъ нетерпѣніемъ. Она ссылалась на

правила приличія—вѣчное пугало, которое такъ часто заставляло людей медлить передъ блаженствомъ, пока блаженство не ускользнетъ на вѣки. Я поступилъ неблагоразумно,—говорила она,—давъ понять моимъ друзьямъ, что желаю познакомиться съ нею и тѣмъ самымъ показалъ, что мы еще не знакомы—и разъяснилъ, когда мы впервые встрѣтились. Тутъ она напомнила, покраснѣвъ, какъ это недавно случилось. Обвѣнчаться немедленно было бы неудобно, было бы неприлично, было бы outré. Все это она высказала съ восхитительной naïveté, которая и очаровала меня, и смутила, и убѣдила. Она даже обвиняла меня, смѣясь—въ дерзости, въ неблагоразуміи. Она напомнила мнѣ, что я даже не знаю, кто она такая, какіе у ней планы, связи, положеніе въ обществѣ. Она, вздыхая, умоляла меня подумать о моемъ предложеніи и называла мою любовь безуміемъ, блуждающимъ огонькомъ, минутной фантазіей, эфемернымъ порожденіемъ воображенія, а не сердца. Все это говорила она въ то время, какъ тѣни сумерекъ сгущались и сгущались вокругъ насъ,—и въ заключеніе однимъ легкимъ пожатіемъ своей божественной ручки разрушила въ одно мгновеніе,—сладкое мгновеніе!—все зданіе своихъ аргументовъ.

Я отвѣчалъ, какъ умѣлъ, какъ можетъ отвѣчать только истинный влюбленный. Я говорилъ о моей преданности, о моей страсти, о ея дивной красотѣ и о моемъ восторженномъ обожаніи. Въ заключеніе я распространился съ энергіей, придававшей убѣдительность моимъ словамъ, объ опасности ставить преграды естественному теченію любви—теченію, которое никогда не бываетъ ровнымъ.

Послѣдній аргументъ, повидимому, смягчилъ ея непреклонность. Она поколебалась, но сказала, что есть еще одно препятствіе, котораго я, вѣроятно, не принялъ въ разсчетъ. Это былъ деликатный пунктъ—въ особенности для женщины; заговоривъ о немъ, она должна была пожертвовать своими чувствами; но для меня никакая жертва не казалась ей слишкомъ тяжелой. Она имѣла въ виду нашъ возрастъ. Извѣстно-ли мнѣ—вполнѣ-ли мнѣ извѣстно различіе лѣтъ между нами? Если мужъ старше жены, хотя бы на пятнадцать или двадцать лѣтъ, то это еще ничего, по мнѣнію свѣта, даже вполнѣ естественно; но, по общему мнѣнію, которое и она раздѣляла до сихъ поръ, жена никогда не должна быть старше мужа. Различіе въ возрастѣ въ этомъ смыслѣ слишкомъ часто—увы!—создаетъ несчастную жизнь. Ей извѣстно, что мнѣ не болѣе двадцати двухъ лѣтъ, но, можетъ быть, мнѣ не извѣстно, что ея годы значительно превышаютъ этотъ возрастъ.

Душевное благородство—возвышенная чистота, сказывавшія-

ся въ этихъ словахъ,—восхитили, очаровали меня, закрѣпили на вѣки мои цѣпи. Я съ трудомъ сдерживалъ порывы невыразимаго восторга.

— Милая Евгенія, — воскликнулъ я, — къ чему вы говорите это? Вы старше меня. Что же изъ этого? Въ свѣтскихъ правилахъ такъ много условныхъ нелѣпостей. Для такой любви, какъ наша, годъ не отличается отъ часа. Вы говорите—мнѣ двадцать два года; допустимъ,—хотя мнѣ почти двадцать три. Но вѣдь и вамъ, дорогая Евгенія, не можетъ быть больше—больше—больше—больше...

Тутъ я остановился, ожидая, что госпожа Лаландъ скажетъ, сколько ей лѣтъ. Но француженка рѣдко отвѣтитъ прямо и всегда, въ случаѣ щекотливаго вопроса, съумѣетъ отвѣтить какъ нибудь обинякомъ. Въ данномъ случаѣ, Евгенія, которая въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ минутъ, повидимому, искала что-то на своей груди, уронила на траву медальонъ. Я поспѣшилъ поднять его и подалъ ей.

— Возьмите его! — сказала она съ самой обворожительной улыбкой. — Возьмите его ради меня — ради той, чью наружность онъ слишкомъ лестно изображаетъ. Притомъ,на оборотной сторонѣ медальона вы, можетъ быть, найдете справку, которая разъяснитъ ваши недоумѣнія. Теперь темно,—но завтра утромъ вы разсмотрите его хорошенько. Пока проводите меня домой. Я пригласила моихъ друзей на музыкальный levée. Могу обѣщать вамъ хорошее пѣніе. Мы, французы, не такъ щепетильны, какъ вы, американцы, и я представлю васъ, какъ стараго знакомаго.

Съ этими словами она взяла меня подъ руку и я повелъ ее домой. Квартира была очень хороша и, кажется, меблирована съ большимъ вкусомъ. Объ этомъ послѣднемъ пунктѣ я, однако, не могъ судить, такъ какъ уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы пришли; а въ лучшихъ американскихъ домахъ не зажигаютъ свѣчей или лампъ лѣтнимъ вечеромъ. Спустя часъ послѣ нашего прибытія была зажжена одна единственная лампа въ большой гостиной и я убѣдился, что эта комната дѣйствительно убрана съ необыкновеннымъ вкусомъ и даже великолѣпіемъ; но двѣ слѣдующія комнаты, въ которыхъ собрались гости, оставались весь вечеръ въ пріятной полутьмѣ. Этотъ прекрасный обычай даетъ возможность гостямъ пользоваться свѣтомъ и тѣнью, по желанію, и нашимъ заморскимъ друзьямъ не мѣшало бы ввести его въ свой обиходъ.

Этотъ вечеръ, безспорно счастливѣйшій въ моей жизни. Госпожа Лаландъ не преувеличивала музыкальныхъ способностей своихъ друзей, а пѣніе, которое я услышалъ здѣсь, ничуть не уступало пѣнію на лучшихъ частныхъ вечерахъ въ Вѣнѣ. Піани-

стовъ было нѣсколько и всѣ играли съ большимъ талантомъ. Пѣли главнымъ образомъ дамы и ни одна не спѣла плохо. Наконецъ, раздались громкіе и упорные крики «госпожа Лаландъ». Безъ всякаго жеманства или отнѣкиванія она встала съ chaise longue, на которомъ сидѣла подлѣ меня,—и пошла къ роялю въ большую гостиную, въ сопровожденіи двухъ джентльменовъ и подруги,—той самой, что была съ ней въ оперѣ. Я хотѣлъ было проводить ее самъ, но почувствовалъ, что при данныхъ обстоятельствахъ лучше мнѣ оставаться въ тѣни. Такимъ образомъ я былъ лишенъ удовольствія видѣть, но за то могъ слышать, какъ она поетъ.

Впечатлѣніе, произведенное ея пѣніемъ на гостей, можно назвать электрическимъ, на меня же оно подѣйствовало еще сильнѣе. Я не въ силахъ передать свое впечатлѣніе. Безъ сомнѣнія, оно зависѣло отчасти отъ моей любви, но главнымъ образомъ, по моему крайнему убѣжденію, отъ удивительнаго исполненія. Никакое искусство не могло бы придать аріи или речитативу болѣе страстную экспрессію. Арія изъ Отелло—слова «sul mio sasso»—до сихъ поръ звучитъ въ моихъ ушахъ. Низкіе тоны были положительно чудесны. Ея голосъ обнималъ три полныя октавы отъ контральтоваго D до верхняго D сопрано, и достаточно сильный, чтобы наполнить залу Санъ Карлосъ, исполнялъ съ удивительною точностью всѣ трудности вокальной композиціи: восходящія и нисходящія гаммы, каденцы и fioriturі. Въ финалѣ Сомнамбулы она произвела поразительный эффектъ при словахъ—

Ah! non giunge uman pensiero
Al contento ond'io son piena.

Здѣсь, въ подражаніе Малибранъ, она измѣнила фразировку Беллини, понизивъ голосъ до тенороваго G и затѣмъ сразу перейдя на двѣ октавы вверхъ.

Оставивъ рояль послѣ этихъ чудесъ вокальнаго исполненія, она вернулась ко мнѣ, и я въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ излилъ свое восхищеніе. О своемъ изумленіи я ничего не сказалъ, хотя изумленіе было непритворное, такъ какъ слабость, или скорѣе какая-то дрожь нерѣшительности, въ ея голосѣ при обыкновенномъ разговорѣ не позволяла мнѣ ожидать многаго отъ ея пѣнія.

Мы говорили долго, серьезно, безъ помѣхи и совершенно свободно. Она заставила меня разсказать ей о моемъ прошломъ и слушала, не проронивъ слова. Я ничего не скрывалъ, чувствуя, что не имѣю права скрывать что-либо отъ ея довѣрчиваго участія. Ободренный ея откровенностью въ отношеніи деликатнаго вопроса о возрастѣ, я, съ своей стороны, совершенно откровенно разска-

залъ не только о своихъ мелочныхъ недостаткахъ, но и о тѣхъ моральныхъ и даже физическихъ слабостяхъ, признаніе которыхъ, требуя большого мужества, служитъ тѣмъ болѣе очевиднымъ доказательствомъ любви. Я разсказалъ о своихъ похожденіяхъ въ коллегіи, о своихъ сумазбродствахъ, попойкахъ, долгахъ, любовныхъ увлеченіяхъ. Я упомянулъ даже о чахоточномъ кашлѣ, которымъ страдалъ одно время, о хроническомъ ревматизмѣ, о наслѣдственномъ расположеніи къ подагрѣ, и въ заключеніе, о непріятной и неудобной, хотя тщательно скрываемой до сихъ поръ, слабости зрѣнія.

— Насчетъ этого послѣдняго пункта,— смѣясь замѣтила г-жа Лаландъ, — вы сознались очень неблагоразумно; такъ какъ, ручаюсь, безъ вашего сознанія никто не заподозрилъ бы васъ въ этомъ недостаткѣ. Кстати, — продолжала она, — помните-ли вы, тутъ я замѣтилъ, несмотря на полумракъ комнаты, что лицо ея покрылось густымъ румянцемъ, — помните-ли вы, mon cher ami, эту вещицу?

Тутъ я увидѣлъ въ ея рукахъ лорнетъ, совершенно подобный тому, который такъ поразилъ меня въ оперѣ.

— Слишкомъ хорошо, увы! помню его, — воскликнулъ я, страстно пожимая нѣжную ручку, протягивавшую мнѣ лорнетъ. Это была великолѣпная вещица, въ богатой филигранной оправѣ, сверкавшая драгоцѣнными каменьями.

— Eh bien, mon ami,—продолжала она съ какимъ-то empressement въ голосѣ, нѣсколько удивившимъ меня.—Eh bien, mon ami, итакъ, вы просите меня о милости, которую называете безцѣнной. Вы просите меня обвѣнчаться съ вами завтра же. Если я соглашусь на вашу просьбу, которая отвѣчаетъ желаніямъ моего сердца, можно-ли будетъ и мнѣ попросить васъ объ одной очень, очень маленькой жертвѣ?

— Назовите ее!—воскликнулъ я съ энергіей, которая чуть не выдала насъ гостямъ, и едва удержавшись отъ безумнаго желанія броситься къ ея ногамъ,—назовите ее, моя возлюбленная, моя Евгенія, моя жизнь!—назовите ее!.. но она уже исполнена, прежде чѣмъ вы назвали.

— Вы должны, mon ami,— сказала она,—ради своей возлюбленной Евгеніи, вы должны преодолѣть маленькую слабость, въ которой только что признались, слабость скорѣе моральную, чѣмъ физическую, слабость, которая такъ не подходитъ къ вашей благородной натурѣ, такъ не совмѣстима съ вашимъ открытымъ характеромъ и, безъ сомнѣнія, рано или поздно навлечетъ на васъ какую-нибудь непріятность. Вы должны побѣдить ради меня то своего рода кокетство, которое, какъ вы сами сознались, застав-

ляетъ васъ отрицать или скрывать слабость вашего зрѣнія. Вѣдь вы, дѣйствительно, скрываете этотъ недостатокъ, отказываясь прибѣгать къ средствамъ, которыя могли бы исправить его. Словомъ, вы должны носить очки, и слушайте, вѣдь вы уже согласились носить ихъ ради меня. Вы примите отъ меня вещицу, которую я держу въ рукѣ. Она превосходно помогаетъ зрѣнію, но, право, стоитъ пустяки, какъ драгоцѣнность. Вы увидите, что, надѣвая ее, такъ или такъ, можно носить ее въ видѣ очковъ постоянно, или пользоваться ею какъ лорнетомъ и носить въ жилетномъ карманѣ. Но вы уже согласились носить ее въ видѣ очковъ и постоянно, ради меня.

Признаюсь, эта просьба порядкомъ смутила меня. Но обстоятельства, разумѣется, не допускали колебаній.

— Это рѣшено! – воскликнулъ я со всѣмъ энтузіазмомъ, какой только могъ проявить въ данную минуту.—Рѣшено и подписано съ величайшей радостью! Я готовъ пожертвовать какимъ угодно чувствомъ ради васъ. Сегодня я буду носить этотъ милый лорнетъ, какъ лорнетъ, въ жилетномъ карманѣ, но съ первымъ проблескомъ того счастливаго утра, которое застанетъ меня вашимъ мужемъ, я надѣну его на... на носъ и буду пользоваться имъ не такъ романтически, не такъ изящно, но, конечно, съ большею пользой, именно, какъ вы желаете.

Затѣмъ нашъ разговоръ перешелъ къ завтрашней свадьбѣ. Моя невѣста сообщила мнѣ, что Тальботъ только что пріѣхалъ. Рѣшено было, что я немедленно увижусь съ нимъ и попрошу достать карету. Soirée врядъ-ли кончится раньше двухъ часовъ, тѣмъ временемъ карета будетъ готова и въ сумотохѣ разъѣзда г-жѣ Лаландъ не трудно будетъ незамѣтно усѣсться въ нее. Затѣмъ мы отправимся къ священнику, который будетъ ожидать насъ; затѣмъ обвѣнчаемся, отпустимъ Тальбота, и уѣдемъ на Востокъ, предоставивъ фешенебельной публикѣ комментировать какъ угодно это происшествіе.

Когда все это было рѣшено, я немедленно простился съ нею и отправился къ Тальботу, но по дорогѣ не утерпѣлъ—забѣжалъ въ ресторанъ поглядѣть на медальонъ. Я разсмотрѣлъ его съ помощью лорнета. Портретъ былъ поразительно хорошъ! Эти огромные лучезарные глаза! этотъ гордый греческій носъ! эти роскошные черные локоны! Ахъ,—сказалъ я съ восхищеніемъ,—да, это живой образъ моей возлюбленной! Повернувъ медальонъ, я прочелъ на оборотной сторонѣ: «Евгенія Лаландъ, двадцати семи лѣтъ и семи мѣсяцевъ».

Я засталъ Тальбота дома и немедленно разсказалъ ему о своей удачѣ. Онъ, понятно, выразилъ глубочайшее изумленіе, но поздра-

вилъ меня отъ всей души и предложилъ всяческую помощь съ своей стороны. Словомъ, дѣло пошло какъ по маслу и въ два часа утра, спустя десять минутъ послѣ свадебной церемоніи, я сидѣлъ съ г-жей Лаландъ, то есть съ мистриссъ Симпсонъ, въ каретѣ и катилъ изъ города въ сѣверо-восточномъ направленіи.

Мы рѣшили остановиться въ деревнѣ С., миляхъ въ двадцати отъ города, тамъ позавтракать и отдохнуть прежде чѣмъ двинемся дальше. Въ четыре часа карета остановилась у подъѣзда гостинницы.

Я помогъ выдти моей обожаемой женѣ и велѣлъ тотчасъ подать завтракъ. Тѣмъ временемъ мы прошли въ маленькую столовую и усѣлись.

Было уже почти совсѣмъ свѣтло, и когда я съ восторгомъ взглянулъ на ангела, сидѣвшаго рядомъ со мною, мнѣ пришла въ голову странная мысль, что со времени моего знакомства съ прославленной красавицей я до сихъ поръ ни разу еще не имѣлъ случая любоваться ея красотой при дневномъ свѣтѣ.

— Теперь, mon ami, — сказала она, прерывая нить моихъ мыслей,—теперь, mon cher ami, когда мы соединились на вѣки, когда я согласилась на ваши страстныя мольбы и исполнила свое обѣщаніе, теперь, надѣюсь, и вы вспомните о моей маленькой просьбѣ, о вашемъ обѣщаніи. Ахъ! постойте! дайте мнѣ вспомнить! Да, я помню! Да, я помню слово въ слово обѣщаніе, которое вы дали своей Евгеніи въ эту ночь. Вы сказали: «Это рѣшено. Рѣшено и подписано съ величайшею радостью. Я готовъ пожертвовать какимъ угодно чувствомъ ради васъ. Сегодня я буду носить этотъ милый лорнетъ, какъ лорнетъ въ жилетномъ карманѣ, но съ первымъ проблескомъ того счастливаго утра, которое застанетъ меня вашимъ мужемъ, я надѣну его на... на носъ и буду пользоваться имъ не такъ романтически, не такъ изящно, но конечно съ большею пользою—именно какъ вы желаете». Вѣдь это ваши слова, мой возлюбленный супругъ, не правда-ли?

— Да,—отвѣчалъ я,—у васъ превосходная память и, конечно, прекрасная Евгенія, я не откажусь исполнить это обѣщаніе. Вотъ! смотрите! Они идутъ мнѣ, не правда-ли?—Съ этими словами я развернулъ лорнетъ и вздѣлъ его на носъ, между тѣмъ какъ г-жа Лаландъ, поправивъ шляпку и скрестивъ руки, сидѣла выпрямившись, въ какой-то странной, напряженной и даже неизящной позѣ.

— Господи помилуй!—воскликнулъ я почти въ ту же минуту, какъ пружинка лорнета охватила мое переносье. —Господи помилуй! что могло случиться съ этими очками?—и сдернувъ ихъ съ носа, я вытеръ стекла шелковымъ платкомъ, и надѣлъ опять.

Но если въ первую минуту я удивился, то теперь мое удивленіе превратилось въ изумленіе, глубокое, крайнее, можно сказать, ужасное. Что это значитъ, ради всего безобразнаго? Могу-ли я вѣрить своимъ глазамъ? Могу-ли я, вотъ въ чемъ вопросъ? Ужели... ужели... ужели это румяна? А эти... эти... эти морщины, ужели онѣ на лицѣ Евгеніи Лаландъ? И, о Юпитеръ! и всѣ боги и богини, большіе и маленькіе! Куда... куда... куда дѣвались ея зубы? Я швырнулъ очки на полъ и, вскочивъ со стула, уставился на г-жу Симпсонъ, скрежеща зубами, съ пѣной у рта, и въ тоже время безмолвный и раздавленный ужасомъ и бѣшенствомъ.

Какъ я уже сказалъ, г-жа Евгенія Лаландъ, то есть Симпсонъ, объяснялась по-англійски немногимъ лучше, чѣмъ писала, почему весьма благоразумно избѣгала употреблять этотъ языкъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. Но мое бѣшенство заставило г-жу Симпсонъ прибѣгнуть къ объясненію на почти незнакомомъ ей языкѣ.

— Шего это, monsieur,—сказала она, глядя на меня съ крайнимъ изумленіемъ,—шего это, monsieur? што зъ вами? што зъ вами? или ви страдаетъ пляска святой Виттъ? если мой вамъ не пріятна, зашѣмъ било шениться?

— Вѣдьма!—заоралъ я, колотя себя въ грудь,—проклятая старая хрычевка!

— Ахъ! старъ!.. не ошень старъ!.. мнѣ только восемтесять тва годовъ.

— Восемьдесятъ два!—простоналъ я, прислоняясь къ стѣнѣ,— восемьдесятъ два милліона обезьянъ! На портретѣ сказано, двадцать семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ!

— Конешно! та! вѣрно! но портретъ сдѣлана пятьдесятъ пять лѣтъ раньше. Когда мой выходилъ замужъ за второй супругъ, monsieur Лаландъ,—тогда мой дѣлалъ портретъ для моя дочь отъ первый супругъ, monsieur Муассаръ.

— Муассаръ!—воскликнулъ я.

— Та, Муассаръ,—отвѣчала она, передразнивая мое произношеніе, которое, правду сказать, не отличалось чистотою,—ну такъ што жь? Что ви знаетъ о Муассаръ?

— Ничего, старая карга! ничего я о немъ не знаю! только одинъ изъ моихъ предковъ носилъ эту фамилію.

— Эту фамиль? а что ви имѣетъ противъ этотъ фамиль? Это ошень хорошій фамиль; и Вуассаръ тоже ошень хорошій фамиль. Моя дочь, mademoiselle Муассаръ, шенился на monsieur Вуассаръ; и это ошень почтенный фамиль.

— Муассаръ!—воскликнулъ я,—Вуассаръ! да что вы хотите сказать?

— Что сказаль?—я сказаль Муассаръ и Вуассаръ; и кромѣ

того Круассаръ и Фруассаръ. Дочь моей дочь mademoiselle Вуассаръ шенился на monsieur Круассаръ, а потомъ дочь ея дочь mademoiselle Круассаръ шенился на monsieur Фруассаръ, и ви навѣрно скажеть, что это не ошень почтенный фамиль.

— Фруассаръ!—воскликнулъ я, почти теряя сознаніе,—вы говорите Муассаръ, и Вуассаръ, и Круассаръ, и Фруассаръ?

— Да,—отвѣчала она, откинувшись на спинку кресла и вытянувъ ноги,—да, Муассаръ, и Вуассаръ, и Круассаръ, и Фруассаръ. Но monsieur Фруассаръ билъ глюпый, такой же большой дуракъ, какъ ви, и онъ покинуль la belle France, и уѣхаль въ эту stupide Amerique, и тутъ у него родился ошень глюпый, ошень, ошень глюпый сынъ, такъ я слышаль, хотя не имѣль de plaisir встрѣшаться съ нимъ. Его имя Наполеонъ Бонапарте Фруассаръ и ви навѣрно скажеть, что онъ тоже не ошень почтенный шеловѣкъ.

Длина-ли этой рѣчи или ея содержаніе привели мистриссъ Симпсонъ въ неистовство, только окончивъ ее съ большимъ трудомъ, она сорвалась съ кресла какъ полоумная, сбросивъ на полъ турнюръ величиной съ добрую гору. Вскочивъ на ноги, она оскалила десны, замахала руками, засучила рукава, погрозила мнѣ кулакомъ, и, въ заключеніе, сорвавъ съ головы шляпку и огромный парикъ изъ роскошныхъ черныхъ волосъ, съ визгомъ швырнула ихъ на полъ и пустилась танцовать какой-то нелѣпый фанданго, рѣшительно внѣ себя отъ бѣшенства.

Между тѣмъ я почти безъ чувствъ упалъ на кресло.—Муассаръ и Вуассаръ!—повторялъ я,—и Круассаръ и Фруассаръ!—Муассаръ, Вуассаръ, Круассаръ и Наполеонъ Бонапарте Фруассаръ! — да вѣдь это я, проклятая старая змѣя, это я, слышишь ты, это я! — тутъ я заоралъ во всю глотку: — это я-а-а! Я Наполеонъ Бонапарте Фруассаръ и чортъ меня побери, если я не женился на своей пра-пра-бабушкѣ!...

Да, г-жа Евгенія Ландъ, quasi Симпсонъ, по первому мужу Муассаръ, была моя пра-пра-бабушка. Въ молодости она была красавицей и даже въ восемьдесятъ два года сохранила величавый станъ, скульптурныя очертанія шеи, прекрасныя глаза и греческій носъ. Съ помощью этихъ остатковъ красоты, жемчужныхъ бѣлилъ, румянъ, фальшивыхъ волосъ, фальшивыхъ зубовъ, фальшиваго tournure, и искуснѣйшихъ модистокъ Парижа она до сихъ поръ занимала почетное мѣсто въ ряду beautès un peu passées французской столицы. Въ этомъ отношеніи она дѣйствительно немногимъ уступала знаменитой Нинонъ де-Ланкло.

Она обладала громаднымъ состояніемъ, и оставшись вторично бездѣтной вдовой, вспомнила о моемъ существованіи и отправилась

въ Америку въ сопровожденіи дальней родственницы своего второго мужа, г-жи Стефаніи Лаландъ, съ цѣлью отыскать меня и сдѣлать своимъ наслѣдникомъ.

Въ оперѣ моя пра-пра-бабушка обратила на меня вниманіе и оглядѣвъ въ лорнетъ, была поражена фамильнымъ сходствомъ.

Это обстоятельство заинтересовало ее и, зная, что я долженъ находиться въ городѣ, она обратилась за справкой къ господину, находившемуся въ ея ложѣ. Онъ зналъ меня и сказалъ ей, кто я такой. Это побудило ее вторично осмотрѣть меня въ лорнетъ, что въ свою очередь придало мнѣ смѣлости, выразившейся въ уже описанномъ нелѣпомъ поведеніи. Она отвѣтила на мой поклонъ, думая, что я случайно узналъ, кто она такая. Когда же, обманутый своей близорукостью и ухищреніями ея туалета, я съ такимъ восторгомъ обратился къ Тальботу, онъ вообразилъ, что я говорю о молодой красавицѣ и вполнѣ правдиво отвѣтилъ, что это «знаменитая вдовушка, г-жа Лаландъ».

На слѣдующее утро моя пра-пра-бабушка встрѣтилась на улицѣ съ Тальботомъ, своимъ старымъ парижскимъ знакомымъ; и разговоръ естественно зашелъ обо мнѣ. Тутъ объяснилось, что я страдаю слабостью зрѣнія, такъ какъ этотъ недостатокъ былъ хорошо извѣстенъ моимъ друзьямъ, хотя я и не подозрѣвалъ этого. Къ своему огорченію, моя добрая старая родственница убѣдилась, что я вовсе не зналъ, кто она такая, а просто сумасбродилъ, вздумавъ объясняться въ любви съ незнакомой старухой, въ театрѣ. Чтобы наказать меня за опрометчивость, она устроила заговоръ съ Тальботомъ. Онъ нарочно спрятался отъ меня, чтобъ не представлять ей. Мои разспросы на улицѣ о «прекрасной вдовѣ, г-жѣ Лаландъ» были естественно отнесены къ младшей лэди; такимъ образомъ объясняется разговоръ съ тремя пріятелями и ихъ намекъ на Нинонъ де-Ланкло. Мнѣ ни разу не удалось видѣть г-жу Лаландъ при дневномъ свѣтѣ, а на ея soirée, мое несчастное кокетство, заставившее меня спрятать лорнетъ въ карманъ, помѣшало мнѣ открыть ея возрастъ. Крики «г-жа Лаландъ» относились къ молодой лэди; но моя пра-пра-бабушка встала одновременно съ нею и отправилась вмѣстѣ съ ней къ роялю, въ гостиную. Она рѣшилась остановить меня, если я вздумаю сопровождать ее; но я былъ настолько благоразуменъ, что остался самъ. Пѣніе, такъ восхитившее меня, было пѣніе г-жи Стефаніи Лаландъ. Лорнетъ былъ предложенъ мнѣ, чтобы прибавить соли насмѣшкѣ. Этотъ подарокъ послужилъ поводомъ прочесть мнѣ нотацію насчетъ моей слабости. Излишне прибавлять, что стекла, которыми пользовалась старуха, были замѣнены другими, болѣе подходившими къ моимъ глазамъ.

Роль духовной особы, соединившей насъ роковыми узами, сы-

гралъ пріятель Тальбота. Онъ никогда не былъ священникомъ, зато отлично правилъ лошадьми и замѣнивъ рясу кучерскимъ кафтаномъ, повезъ «счастливую парочку» изъ города. Тальботъ усѣлся рядомъ съ нимъ на козлахъ. Такимъ образомъ оба сорванца провожали насъ, и изъ окна задней комнаты въ гостинницѣ любовались развязкой драмы. Кажется, мнѣ придется вызвать ихъ обоихъ.

Какъ бы то ни было, я не женился на своей пра-пра-бабушкѣ, и эта мысль доставляетъ мнѣ непомѣрное облегченіе. Но я женился на г-жѣ Ландъ, на г-жѣ Стефаніи Лаландъ, съ которой свела меня моя добрая старая родственница, отказавъ мнѣ притомъ все свое состояніе въ случаѣ своей смерти, если только она умретъ когда-нибудь. Въ заключеніе: я навсегда покончилъ съ billets-doux и никогда не разстаюсь съ ОЧКАМИ.

Герцогъ де-Л'Омлетъ.

И сразу вступилъ въ болѣе холодный климатъ.

Куперъ.

Китсъ скончался изъ-за критической статьи. Кто это умеръ отъ «Андромахи»? *) Низкія души!—де-Л'Омлетъ погибъ отъ ортолана. «L'Histoire en est brève». Помоги мнѣ, духъ Апицін!

Золотая клѣтка привезла маленькаго крылатаго путешественника, изнѣженнаго, безпечнаго, томнаго, въ Chaussée d'Antin изъ далекаго Перу. Шесть пэровъ препровождали счастливую птицу отъ ея царственной властительницы La Bellissima къ герцогу де-Л'Омлетъ.

Въ эту ночь герцогъ ужиналъ одинъ. Въ тиши своего кабинета онъ лѣниво растянулся на оттоманкѣ, ради которой нарушилъ долгъ вѣрноподданаго, перебивъ ее у короля — знаменитой оттоманкѣ Cadêt.

Онъ прячетъ лицо въ подушкахъ. Часы бьютъ. Не владѣя своими чувствами, его свѣтлость проглатываетъ оливку. Въ эту минуту дверь тихонько отворяется при звукахъ нѣжной музыки,—и деликатнѣйшая птица является передъ изнѣженнѣйшимъ изъ людей! Но лицо Герцога омрачается тѣнью невыразимаго отвращенія!— «Horreur!—chien!—Baptiste!—l'oiseau! ah! bon Dieu! cet oiseau modeste que tu as deshabillé de ses plumes, et que tu as servi sans pa-

---

*) Монфлери. Авторъ «Parnasse Reformé» заставляетъ его говорить въ Гадесѣ:—«L'homme donc qui voudrait savoir ce dont je suis mort, qu'il ne demande pas s'il fût de fièvre, ou de podagre, ou d'autre chose, mais qu'il entende que ce fut de «L'Andromaque».

pier!» *)—Безполезно прибавлять что-нибудь:—герцогъ испустилъ духъ въ пароксизмѣ отвращенія.

* * *

— Ха! ха! ха!—произнесъ его свѣтлость на третій день послѣ своей смерти.

— Хе! хе! хе! — тихонько подхватилъ чортъ, напуская на себя высокомѣрный видъ.

— Вы, конечно, шутите,—возразилъ де-Л'Омлетъ. — Я грѣшилъ,—c'est vrai—но, милѣйшій мой, послушайте, — вѣдь не думаете же вы серьезно привести въ исполненіе такую... такую... варварскую угрозу?

— Что?—возразилъ его величество, — вставай, сударь, раздѣвайся?

— Раздѣваться!.. это очень мило!.. нѣтъ, сударь, я не стану раздѣваться. Кто вы такой, позвольте васъ спросить?.. чтобы я, герцогъ де-Л'Омлетъ, принцъ де-Фуа-Гра, авторъ «Мазуркіады» и членъ Академіи, сталъ по вашему требованію снимать прелестнѣйшія понталоны, когда-либо сшитыя Бурдономъ, изящнѣйшій robe de chambre, когда-либо изготовленный Ромберомъ,—не говоря уже о необходимости развивать волосы, не говоря о затрудненіи снимать перчатки!

— Кто я такой?.. да, правда!.. Я—Вельзевулъ, князь мухъ. Сейчасъ я вытащилъ тебя изъ гроба розоваго дерева, выложеннаго слоновой костью. Тебя надушили самыми курьезными духами и упаковали точно въ багажъ. Беліалъ—мой инспекторъ кладбищъ —отправилъ тебя ко мнѣ. Панталоны, которыя, по твоимъ словамъ, сшиты Бурдономъ,—просто пара отличныхъ полотняныхъ кальсонъ, а robe de chambre—огромнѣйшій саванъ.

— Милостивый государь!—возразилъ герцогъ,—меня нельзя оскорблять безнаказанно!.. Милостивый государь! Я разсчитаюсь съ вами за это оскорбленіе при первомъ удобномъ случаѣ! — Вы еще услышите обо мнѣ, милостивый государь!.. Пока, au revoir!..— Съ этими словами герцогъ раскланялся и хотѣлъ уйти, но какой-то господинъ остановилъ его въ прихожей и заставилъ вернуться. Его свѣтлость протеръ глаза, зѣвнулъ, пожалъ плечами, задумался. Убѣдившись, что это онъ самъ, а не кто другой, герцогъ окинулъ взоромъ окружающую обстановку.

Зала была великолѣпная. Самъ де-Л'Омлетъ нашелъ ее bien comme il faut. Она поражала не столько длиной и шириной, сколько высотой. Потолка не было рѣшительно никакого, а вмѣсто него

---

*) „О ужасъ!—собака!—Батистъ! птица! ахъ, Боже мой! ты обнажилъ отъ перьевъ эту скромную птицу и подалъ ее безъ бумаги!"

густая клубящаяся масса огненныхъ облаковъ. Голова его свѣтлости закружилась, когда онъ взглянулъ вверхъ. Оттуда свѣшивалась цѣпь изъ неизвѣстнаго кроваво-краснаго металла, верхній конецъ которой терялся, подобно городу Бостону, parmi les nues. На нижнемъ висѣла огромная лампа. Герцогъ убѣдился, что она сдѣлана изъ рубина; но изъ нея лился свѣтъ, такой ослѣпительный, такой сильный, такой странный, какому никогда не молился Персъ, о какомъ не мечталъ Гебръ, какой не грезился мусульманину, когда, накурившись опіума, онъ валялся на ложѣ, спиной къ цвѣтамъ, а лицомъ къ богу Аполлону. Герцогъ пробормоталъ легкое проклятіе, рѣшительно одобрительнаго свойства.

Углы комнаты были закруглены въ видѣ нишъ. Въ трехъ изъ нихъ стояли статуи гигантскихъ размѣровъ. Ихъ красота была греческая, безобразіе египетское, а tout ensemble французскій. Въ четвертой нишѣ статуя была закутана покрываломъ, и не отличалась колоссальными размѣрами, за то виднѣлась ножка въ сандаліи. Де-Л'Омлетъ прижалъ руку къ сердцу, закрылъ глаза, поднялъ ихъ, и замѣтилъ, что его сатанинское величество—покраснѣлъ.

Но картины! Киприда! Астарта! Асторетъ! — тысяча и все одно и тоже! И Рафаэль разсматривалъ ихъ! Да, Рафаэль былъ здѣсь; вѣдь онъ написалъ,— —стало быть, былъ осужденъ. Картины! картины! О, роскошь! о, любовь! Кто, любуясь на эти запретныя красы, обратилъ бы вниманіе на золотыя рамы, сверкавшія, подобно звѣздамъ, на гіацинтовыхъ и порфировыхъ стѣнахъ? Но сердце герцога замерло. Не думайте, что онъ ошеломленъ великолѣпіемъ, одурманенъ благоуханіемъ безчисленныхъ курильницъ. C'est vrai que de toutes ces choses il a pensé beaucoup,— mais! Герцогъ де-Л'Омлетъ пораженъ ужасомъ, потому что сквозь единственное открытое окно онъ видитъ блескъ самаго зловѣщаго изъ всѣхъ огней!

Le pauvre Duc! Онъ не могъ не подумать, что чудныя, сладострастныя, безсмертныя мелодіи, оглашавшія залу, были на самомъ дѣлѣ вопли и стоны грѣшниковъ, проникавшіе, превращаясь въ мелодію, сквозь волшебныя стекла зачарованныхъ оконъ. А тамъ! вонъ тамъ! на той оттоманкѣ! кто это такой? онъ, petit maître,—нѣтъ, божество,—что сидитъ словно мраморное изваяніе et qui sourit блѣдными губами, si amèrement?

Mais il faut agir, иными словами, французъ никогда не теряетъ присутствія духа. Къ тому же его свѣтлость ненавидѣлъ сцены. Де-Л'Омлетъ опомнился. На столѣ лежали нѣсколько рапиръ и нѣсколько шпагъ. Герцогъ учился фехтованію у Б., il avait tué ses six hommes. И такъ, il peut s'échapper. Онъ мѣряетъ двѣ шпаги, и съ невыразимой граціей предлагаетъ его величеству выбирать. Horreur! его величество не умѣетъ фехтовать.

Mais il joue? счастливая мысль, впрочемъ, у герцога всегда была превосходная память. Онъ изучалъ «Дьявола» аббата Готье. Тамъ сказано: «que le Diable n'ose pas refuser un jeu d'écarté».

Но шансы, шансы! Конечно, отчаянные! но вѣдь и положеніе отчаянное! Къ тому же развѣ онъ не знакомъ со всѣми секретами, не изучалъ отца Лебрёна, не состоялъ членомъ Клуба Двадцати Одного? Si je perds,—разсуждаетъ онъ,—je serai deux fois perdu, я буду дважды проклятъ, voilà tout! (Тутъ его свѣтлость пожалъ плечами). Si je gagne, je reviendrai à mes ortolans, que les cartes soient préparés!

Его свѣтлость весь забота, весь вниманіе,—его величество весь довѣріе. Посторонній зритель сказалъ бы, что это Францискъ и Карлъ. Его свѣтлость думалъ о ставкѣ. Его величество не думалъ; онъ тасовалъ. Герцогъ снялъ.

Карты сданы. Козырь открытъ... это... это—король! Нѣтъ... это была дама. Его величество проклялъ ея мужской костюмъ. Де-Л'Омлетъ приложилъ руку къ сердцу.

Они играютъ. Герцогъ считаетъ. Игра кончена. Его величество считаетъ медленно, улыбается и пьетъ вино. Герцогъ прячетъ карту.

— C'est à vous à faire,—говоритъ его величество, снимая. Его свѣтлость поклонился, сдалъ и всталъ изъ-за стола, en présentant le Roi.

Его величество огорчился.

Если бы Александръ не былъ Александромъ, онъ былъ бы Діогеномъ; такъ и герцогъ, прощаясь съ своимъ противникомъ, увѣрялъ его, «que s'il n'eût pas été De-L'Omelette il n'aurait point d'objection d'être le Diable».

Продолговатый ящикъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я взялъ мѣсто на почтовомъ пакетботѣ «Независимость», капитанъ Гарди, изъ Чарльстона Ю. К. въ городъ Нью-Іоркъ. Мы должны были отправиться пятнадцатаго іюня, пользуясь попутнымъ вѣтромъ; а четырнадцатаго я явился на судно привести въ порядокъ мою каюту.

Я узналъ, что на кораблѣ будетъ много пассажировъ, особенно дамъ. Въ спискѣ именъ я нашелъ много знакомыхъ, въ томъ числѣ мистера Корнелія Уайатта, молодого художника, съ которымъ меня соединяли узы самой теплой дружбы. Мы были товарищами по К. университету, гдѣ почти все время проводили вмѣстѣ. Онъ обладалъ обычнымъ темпераментомъ генія, представляя смѣсь мизантропіи, чувствительности и энтузіазма. Эти качества соединялись у него съ самымъ нѣжнымъ и вѣрнымъ сердцемъ, какое когда-либо билось въ человѣческой груди.

Имя его значилось на трехъ каютахъ, и обратившись снова къ списку, я узналъ, что онъ взялъ мѣста для себя, своей жены и двухъ сестеръ. Каюты были довольно просторныя, и въ каждой имѣлось по двѣ койки, одна надъ другой. Разумѣется, койки были такъ узки, что въ каждой помѣщался только одинъ человѣкъ, но я все-таки не могъ понять, зачѣмъ понадобились три каюты для четырехъ пассажировъ. Я находился въ томъ брюзгливомъ настроеніи духа, когда человѣкъ упрямо привязывается къ мелочамъ, и со стыдомъ признаюсь – началъ строить самыя нелѣпыя и неумѣстныя предположенія относительно лишней каюты. Совсѣмъ это до меня не касалось; но тѣмъ не менѣе, я упорно старался разрѣшить эту загадку. Наконецъ, я нашелъ рѣшеніе, такое простое, что удивился, какъ оно не пришло мнѣ въ голову раньше. «Лишняя каюта, безъ сомнѣнія, для прислуги,—подумалъ я,--какъ я глупъ, что не догадался объ этомъ сразу!» Тутъ я снова обратился къ списку, но увидалъ, что никакой прислуги Уайаттъ съ собой не бралъ, хотя и намѣревался, повидимому, взять сначала, такъ какъ въ спискѣ стояли зачеркнутыя слова «съ прислугой». — Ну, какой-нибудь особенный багажъ, который онъ не хочетъ сдавать въ трюмъ, а намѣренъ оставить подъ своимъ присмотромъ,—да, да, конечно... картина или что-нибудь въ этомъ родѣ... вотъ о чемъ онъ торговался съ итальянскимъ евреемъ Николино.—Это рѣшеніе удовлетворило меня, и я пересталъ думать о загадкѣ.

Сестеръ Уайатта я хорошо зналъ; обѣ были очень милыя и неглупыя дѣвушки. Женился онъ очень недавно и я еще ни разу не видалъ его жены. Впрочемъ, онъ часто вспоминалъ о ней въ моемъ присутствіи, и всегда съ восторгомъ. По его словамъ, она отличалась необыкновенной красотой, умомъ и образованіемъ. Въ виду этого, мнѣ очень хотѣлось познакомиться съ ней.

Узнавъ отъ капитана, что Уайаттъ съ своими спутницами тоже собирался навѣстить корабль четырнадцатаго, я рѣшилъ подождать, въ надеждѣ познакомиться съ его женой. Но онъ прислалъ записку съ увѣдомленіемъ, что «Мистриссъ Уайаттъ не совсѣмъ здорова, почему они явятся на корабль завтра передъ отъѣздомъ».

На другой день, отправившись на пристань, я встрѣтился съ капитаномъ Гарди, который сообщилъ мнѣ, что «по независящимъ отъ него обстоятельствамъ» (глупая, но шаблонная фраза) корабль отправится только черезъ день или два, и когда все будетъ готово, онъ увѣдомитъ меня». Это показалось мнѣ страннымъ, такъ какъ дулъ свѣжій попутный вѣтеръ; но «обстоятельства», о которыхъ я тщетно старался вывѣдать что-нибудь, не подчинялись моей волѣ, и мнѣ оставалось только вернуться домой и справляться съ своимъ нетерпѣніемъ, какъ умѣю.

Я не получалъ ожидаемаго увѣдомленія отъ капитана въ теченіе недѣли. Въ концѣ концовъ, однако, оно явилось и я немедленно отправился въ гавань. Пассажиры были уже въ сборѣ, стояла обычная суматоха отъѣзда. Уайаттъ явился минутъ черезъ десять послѣ меня, съ двумя сестрами и женой. Художникъ былъ въ обычномъ мизантропическомъ настроеніи. Я, впрочемъ, слишкомъ привыкъ видѣть его такимъ, чтобы обращать вниманіе на это обстоятельство. Онъ даже не представилъ меня своей женѣ; эту формальность исполнила его сестра, очень милая и умная дѣвушка, познакомившая насъ въ немногихъ словахъ.

Лицо мистриссъ Уайаттъ было закрыто густой вуалью, и когда она подняла ее, отвѣчая на мой поклонъ, я, признаюсь, глубоко изумился. Я былъ бы еще болѣе изумленъ, если бы продолжительный опытъ не научилъ меня относиться съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ восторженнымъ описаніямъ моего друга-художника, когда дѣло шло о женской красотѣ. Я зналъ, что въ этихъ случаяхъ онъ легко поддавался иллюзіи.

Дѣло въ томъ, что мистриссъ Уайаттъ обладала самой ординарной наружностью. Не будучи положительно дурнушкой, она не далеко ушла отъ этого. Во всякомъ случаѣ, одѣта она была съ замѣчательнымъ вкусомъ,—и безъ сомнѣнія, плѣнила моего друга достоинствами ума и сердца, болѣе прочными, чѣмъ физическая красота. Она сказала всего нѣсколько словъ и тотчасъ спустилась въ свою каюту съ мистеромъ Уайаттомъ.

Ко мнѣ вернулось прежнее любопытство. Прислуги не было,—на этотъ счетъ не оставалось никакихъ сомнѣній. Я сталъ поджидать багажа. Немного погодя, въ гавань явилась телѣга съ продолговатымъ сосновымъ ящикомъ, за которымъ, повидимому, стояло все дѣло. Тотчасъ по прибытіи его мы отплыли, и вскорѣ вышли въ открытое море.

Какъ я уже сказалъ, ящикъ былъ продолговатой формы. Въ длину онъ имѣлъ около шести футовъ, въ ширину два съ половиной. Я осмотрѣлъ его внимательне, такъ какъ люблю точность во всемъ. Форма у него была особенная, и при первомъ взглядѣ я рѣшилъ, что моя догадка справедлива. Если припомнитъ читатель, я предположилъ, что мой другъ художникъ везетъ съ собой какія-нибудь картины или картину, такъ какъ въ послѣднее время онъ имѣлъ дѣла съ Николино. Судя по формѣ ящика, въ немъ могла заключаться только копія съ «Тайной Вечери» Леонардо да Винчи, а мнѣ извѣстно было, что копія «Тайной Вечери» работы Рубини младшаго, дѣйствительно находилась нѣкоторое время въ рукахъ Николино. Итакъ, я счелъ этотъ вопросъ рѣшеннымъ и порадовался своей проницательности. До сихъ поръ Уайаттъ ни-

когда не скрывалъ отъ меня секретовъ, относившихся къ его искусству, но теперь, очевидно, вознамѣрился провести меня и препроводить прекрасную картину въ Нью-Іоркъ подъ самымъ моимъ носомъ потихоньку. Я рѣшилъ хорошенько посмѣяться надъ нимъ теперь и послѣ.

Одно обстоятельство смутило меня. Ящикъ не былъ поставленъ въ лишнюю каюту. Его помѣстили въ каютѣ самого Уайатта, гдѣ онъ и остался, занявъ почти весь полъ—безъ сомнѣнія, къ немалому неудобству художника и его жены, тѣмъ болѣе что смола или краска, которой была сдѣлана надпись на ящикѣ, издавала сильный, непріятный и, по моему, даже отвратительный запахъ. На крышкѣ были выведены слова: «Мистриссъ Аделаидѣ Куртисъ, Альбани, Нью-Іоркъ. Отъ Корнелія Уайатта, эсквайра. Верхняя сторона. Обращаться осторожно».

Мнѣ было извѣстно, что мистриссъ Аделаида Куртисъ, въ Альбани,—теща художника, но я считалъ весь этотъ адресъ мистификаціей, имѣвшей въ виду отвести мнѣ глаза. Я былъ увѣренъ, что ящикъ не поѣдетъ дальше мастерской моего мизантропическаго друга въ Чамберсъ-Стритъ, въ Нью-Іоркѣ.

Въ теченіе первыхъ трехъ-четырехъ дней плаванія погода стояла прекрасная, хотя вѣтеръ перемѣнился на южный, лишь только мы потеряли изъ вида берегъ. Пассажиры были въ веселомъ и общительномъ настроеніи духа. Впрочемъ, я долженъ сдѣлать исключеніе для Уайатта и его сестеръ, которые относились къ остальной публикѣ сухо и почти невѣжливо. Поведеніе Уайатта меня не удивляло. Онъ былъ мрачнѣе чѣмъ когда либо — почти угрюмъ—но я привыкъ къ его эксцентричностямъ. Что касается его сестеръ, то ихъ поведеніе казалось мнѣ непростительнымъ. Онѣ почти все время сидѣли въ своей каютѣ и, несмотря на всѣ мои старанія, рѣшительно отказывались отъ знакомства съ кѣмъ-либо изъ пассажировъ.

Мистриссъ Уайаттъ была гораздо любезнѣе. Точнѣе сказать, она была боязлива, а это большое достоинство на морѣ. Она подружилась со всѣми дамами и, къ моему крайнему изумленію, выказывала недвусмысленныя поползновенія кокетничать съ мужчинами. Она очень забавляла всѣхъ насъ. Я говорю забавляла — не знаю какъ бы это объяснить. Дѣло въ томъ, что смѣялись чаще надъ нею, чѣмъ вмѣстѣ съ нею. Мужчины мало говорили о ней, но дамы вскорѣ порѣшили, что она «добренькая, довольно простая, совершенно невоспитанная и, положительно, вульгарная». Всѣ удивлялись, какъ могъ Уайаттъ убить такого бобра. Наконецъ рѣшили, что его соблазнило богатство,—но я зналъ, что это вздоръ. Уайаттъ говорилъ мнѣ, что она не принесла ему ни доллара и не

ожидала никакого наслѣдства. «Онъ женился,—таковы были его собственныя слова—по любви и только по любви.» Вспоминая эти слова, я, признаюсь, терялся въ недоумѣніяхъ. Какъ могъ онъ дойти до такого ослѣпленія? Какъ объяснить это? Онъ, такой тонкій, проницательный, съ такимъ изысканнымъ вкусомъ и пониманіемъ прекраснаго! Положимъ, она, повидимому, была безъ ума отъ него,—что проявлялось въ особенности въ его отсутствіи,—когда она смѣшила насъ, постоянно цитируя слова своего «возлюбленнаго супруга, мистера Уайатта.» Слово «супругъ»—по ея собственному, изящному выраженію, всегда было «на кончикѣ ея языка». Между тѣмъ всѣ пассажиры замѣтили, что онъ рѣшительно избѣгалъ ея, и большею частью сидѣлъ одинъ въ своей каютѣ, гдѣ оставался почти все время, предоставляя женѣ развлекаться, какъ знаетъ, въ каютъ-компаніи.

Изъ всего мною видѣннаго и слышаннаго я вывелъ заключеніе, что художникъ, въ силу какого-то каприза судьбы или въ порывѣ необдуманной и слѣпой страсти, женился на женщинѣ, стоявшей гораздо ниже его, и что результатъ этого брака—полное и быстрое разочарованіе—былъ уже на лицо. Я пожалѣлъ его отъ всей души, но не могъ простить ему скрытность относительно «Тайной Вечери.» За эту скрытность я рѣшился отплатить ему.

Однажды онъ вышелъ на палубу и я, взявъ его подъ руку, сталъ расхаживать съ нимъ взадъ и впередъ. Его мрачное настроеніе (весьма естественное при подобныхъ обстоятельствахъ) казалось рѣшительно непобѣдимымъ. Онъ говорилъ мало, угрюмо и съ очевиднымъ усиліемъ. Я отпустилъ двѣ-три шутки, вызвавшія на его лицѣ грустную улыбку. Бѣдняга! —вспоминая о его женѣ, я не удивлялся, что онъ не въ силахъ даже притвориться веселымъ. Наконецъ я рѣшился приступить къ дѣлу. Я намѣревался путемъ осторожныхъ намековъ и двусмысленныхъ замѣчаній относительно продолговатаго ящика дать ему понять, что вовсе не сдѣлался жертвой его забавной мистификаціи. Для начала я сказалъ что-то объ особенной формѣ этого ящика,—причемъ лукаво усмѣхнулся, подмигнулъ и слегка толкнулъ его пальцемъ въ бокъ.

Впечатлѣніе, произведенное на Уайатта этой невинной шуткой, разомъ убѣдило меня, что я имѣю дѣло съ сумасшедшимъ. Сначала онъ уставился на меня, точно не могъ понять соль моего замѣчанія; но по мѣрѣ того, какъ она уяснялась ему, глаза его выкатывались изъ орбитъ. Онъ побагровѣлъ,—потомъ страшно поблѣднѣлъ—и, наконецъ, залился громкимъ и шумнымъ смѣхомъ, который, къ моему изумленію, длился, постепенно усиливаясь, минутъ десять или болѣе. Въ заключеніе онъ тяжело грохнулся на палубу. Когда я кинулся поднимать его, онъ казался мертвымъ.

Я кликнулъ на помощь и мы съ большимъ трудомъ привели его въ чувство. Опомнившись, онъ забормоталъ что-то безсвязное. Мы пустили ему кровь и уложили его въ постель. На другое утро онъ совершенно оправился, по крайней мѣрѣ, физически. Я не говорю, конечно, о его душевномъ состояніи. Съ этого дня я сталъ избѣгать его, по совѣту капитана, который, повидимому, раздѣлялъ мое мнѣніе насчетъ его помѣшательства, но просилъ не говорить объ этомъ никому.

Различныя обстоятельства, послѣдовавшія за припадкомъ Уайатта, усилили мое недоумѣніе и любопытство. Между прочимъ, слѣдующее: нервы мои расходились, я пилъ слишкомъ много зеленаго чая и плохо спалъ по ночамъ, собственно говоря, не спалъ вовсе двѣ ночи. Каюта моя сообщалась съ главной каютой или столовой, также какъ помѣщеніе остальныхъ одинокихъ пассажировъ. Три каюты Уайатта помѣщались въ заднемъ отдѣленіи, сообщавшемся съ столовой посредствомъ выдвижной двери, никогда не замыкавшейся даже на ночь. Такъ какъ мы постоянно шли подъ вѣтромъ, и довольно сильнымъ, то корабль накренялся на подвѣтренную сторону. Когда на подвѣтренной сторонѣ оказывался правый бортъ, выдвижная дверь между каютами открывалась и оставалась въ такомъ видѣ, такъ какъ никто не бралъ на себя труда закрыть ее. Когда моя дверь была открыта, (а она всегда была открыта вслѣдствіе духоты), я могъ съ своей койки видѣть все, что происходило въ заднемъ отдѣленіи, именно въ той части его, гдѣ находились каюты мистера Уайатта. И вотъ я дважды въ безсонныя ночи (не слѣдовавшія одна за другой) видѣлъ, какъ мистриссъ Уайаттъ, около одиннадцати часовъ, прокрадывалась изъ каюты мужа въ запасную каюту, гдѣ и оставалась до утра, когда возвращалась обратно въ каюту Уайатта. Очевидно, они фактически разошлись, и занимали отдѣльныя каюты, въ ожиданіи формальнаго развода. Такъ объяснилась мнѣ тайна лишней каюты.

Было и другое обстоятельство, крайне заинтересовавшее меня. Оба раза, въ упомянутыя безсонныя ночи, тотчасъ по удаленіи мистриссъ Уайаттъ въ запасную каюту, вниманіе мое было привлечено страннымъ, осторожнымъ, глухимъ шумомъ въ каютѣ ея мужа. Прислушиваясь съ напряженнымъ вниманіемъ, я, наконецъ, объяснилъ себѣ причину этихъ звуковъ. Они происходили оттого, что Уайаттъ открывалъ продолговатый ящикъ съ помощью долота и молотка, обернутаго какой-нибудь мягкой шерстяной или бумажной матеріей, чтобы заглушить шумъ.

Я могъ даже, какъ мнѣ казалось, опредѣлить моментъ, когда крышка была снята и положена на нижнюю койку; это я узналъ по легкому звуку крышки о деревянныя края койки, хотя Уайаттъ

старался положить ее какъ можно тише. Послѣ этого наступала мертвая тишина, и оба раза я не слыхалъ ничего до самаго разсвѣта, если не считать легкихъ и слабыхъ звуковъ, напоминавшихъ глухое подавленное рыданіе или вздохи, и, по всей вѣроятности, порожденныхъ моимъ воображеніемъ. Я говорю, что они походили на рыданія или вздохи, но, разумѣется, ни тѣхъ, ни другихъ не могло быть. Я склоненъ думать, что у меня просто шумѣло въ ушахъ. Безъ сомнѣнія, Уайаттъ предавался въ это время артистическому восторгу, такіе припадки случались съ нимъ часто. Онъ открывалъ ящикъ, чтобы насладиться созерцаніемъ художественнаго сокровища. Тутъ не было повода для рыданій. Повторяю, эти звуки были порожденіемъ моей фантазіи, разстроенной зеленымъ чаемъ добрѣйшаго капитана Гарди. Передъ самымъ разсвѣтомъ мистеръ Уайаттъ закрывалъ ящикъ и вколачивалъ гвозди на прежнія мѣста. Затѣмъ онъ выходилъ изъ каюты одѣтый и стучался къ мистриссъ Уайаттъ, которая и возвращалась къ нему.

Мы были уже недѣлю въ морѣ и миновали мысъ Гаттерасъ, когда поднялся страшный вѣтеръ съ юго-запада. Мы до нѣкоторой степени приготовились къ этому, такъ какъ погода хмурилась въ теченіе послѣднихъ дней. Паруса были убраны сверху до низу, и такъ какъ вѣтеръ крѣпчалъ, то мы, наконецъ, легли въ дрейфъ, оставивъ только контръ-бизань и фокъ-зейль на двойныхъ рифахъ.

Въ такомъ положеніи мы оставались двое сутокъ, выдерживая бурю довольно благополучно, — судно оказалось превосходнымъ пловцомъ и ни разу не черпнуло воды. Въ концѣ концовъ, однако, вѣтеръ превратился въ ураганъ, нашъ задній парусъ изорвало въ клочки, и рядъ чудовищныхъ валовъ окатилъ палубу. При этомъ мы потеряли трехъ матросовъ, камбузъ и почти всю обшивку лѣваго борта. Не успѣли мы придти въ себя, какъ передній парусъ тоже былъ сорванъ. Тогда мы подняли штурмъ-стаксель и въ теченіе нѣсколькихъ часовъ кое-какъ справлялись съ волненіемъ.

Ураганъ, однако, свирѣпствовалъ по прежнему и не было надежды на затишье. На третій день, около пяти часовъ пополудни свалилась бизань-мачта. Болѣе часа мы тщетно старались отдѣлаться отъ нея, чтобы уменьшить страшную качку, но прежде чѣмъ намъ удалось это, въ трюмѣ набралось на четыре фута воды. Въ довершеніе всего, помпы испортились и почти не дѣйствовали.

Поднялась страшная суматоха, пассажиры были въ отчаяніи, однако мы попытались облегчить корабль, выбросивъ за бортъ весь грузъ, который могли достать и срубивъ двѣ остальныя мачты. Это намъ удалось, но съ помпами мы не могли справиться, а между тѣмъ вода быстро прибывала.

На закатѣ вѣтеръ значительно ослабѣлъ, волненіе уменьши-

лось и у насъ явилась слабая надежда на спасеніе въ лодкахъ. Въ восемь часовъ вечера тучи разсѣялись и показалась полная луна, немало ободрившая насъ.

Послѣ невѣроятныхъ усилій мы спустили большую шлюпку, въ которую усѣлись матросы и большая часть пассажировъ. Они отплыли немедленно и, претерпѣвъ немало лишеній, добрались благополучно до Окракокъ-Инлетъ на третій день послѣ караблекрушенія.

Капитанъ съ тринадцатью пассажирами остался на кораблѣ, рѣшившись довѣрить свою судьбу маленькой шлюпкѣ, находившейся на носу. Мы спустили ее безъ особенныхъ затрудненій, хотя я считаю истиннымъ чудомъ, что она не перевернулась, очутившись на поверхности моря. Въ ней помѣстились: капитанъ съ женой, мистеръ Уайаттъ съ своими спутницами, мексиканскій офицеръ съ женой и четырьмя дѣтьми, я и слуга-негръ.

По недостатку мѣста мы могли захватить съ собой только самые необходимые инструменты, немного провизіи, да платье, которое было на насъ. Никому и въ голову не пришло пытаться спасти что-нибудь изъ вещей. Каково же было наше изумленіе, когда, на разстояніи нѣсколькихъ фатомовъ отъ корабля, мистеръ Уайаттъ всталъ и объявилъ капитану Гарди, что лодка должна вернуться и захватить его длинный ящикъ.

— Садитесь, мистеръ Уайаттъ,—отвѣчалъ капитанъ довольно рѣзко,—вы опрокинете лодку, если не будете сидѣть смирно. Мы и то уже въ водѣ по самые борта.

— Ящикъ! — воскликнулъ Уайаттъ,—говорю вамъ, ящикъ! Капитанъ Гарди, вы не можете, вы не захотите отказать мнѣ. Онъ вѣситъ немного, пустяки, чистые пустяки. Именемъ матери, родившей васъ, именемъ любви Божіей и надежды на спасеніе, умоляю васъ вернуться за ящикомъ.

Повидимому, капитанъ былъ тронутъ этой страстной мольбой художника, но тотчасъ оправился и сурово отвѣтилъ:

— Мистеръ Уайаттъ, вы сумасшедшій. Я не могу послушаться васъ. Садитесь, или вы опрокинете лодку. Стой... держите... схватите его! онъ бросится за бортъ!.. Ну... такъ и зналъ... бросился!

Дѣйствительно, Уайаттъ выскочилъ въ море, и такъ какъ мы находились съ подвѣтренной стороны корабля, успѣлъ добраться до него съ почти нечеловѣческими усиліями и схватиться за канатъ, висѣвшій съ палубы. Секунду спустя онъ былъ на кораблѣ и какъ сумасшедшій ринулся въ свою каюту.

Тѣмъ временемъ насъ отнесло за корму корабля и мы сдѣлались игрушкой бурнаго моря Мы напрягали всѣ усилія, стараясь

вернуться къ кораблю, но наша лодка носилась какъ перышко по волѣ вѣтра. Мы убѣдились, что участь несчастнаго художника рѣшена.

Насъ относило все дальше и дальше, когда мы увидѣли сумасшедшаго (я не могъ иначе объяснить его поступковъ), который показался на палубѣ, таща съ собою, съ поистинѣ гигантской силой, продолговатый ящикъ. Внѣ себя отъ изумленія мы видѣли, какъ онъ обмоталъ веревкой сначала ящикъ, потомъ себя самаго. Еще минута, и ящикъ и тѣло были въ морѣ, и разомъ пошли ко дну.

Въ теченіе нѣкотораго времени мы оставались на мѣстѣ, не спуская глазъ съ того пункта, гдѣ исчезъ несчастный. Потомъ налегли на весла и отплыли отъ корабля. Молчаніе длилось около часа. Наконецъ я рѣшился нарушить его.

— Замѣтили вы, капитанъ, какъ быстро они пошли ко дну? Не правда-ли, странная вещь? Я, признаться, еще не терялъ надежды на его спасенье, видя, что онъ привязалъ себя къ ящику.

— Немудрено, что они пошли ко дну,—возразилъ капитанъ.— Они всплывутъ опять, но не прежде чѣмъ растаетъ соль.

— Соль!—воскликнулъ я.

— Тссс!..—отвѣчалъ капитанъ, указывая на жену и сестеръ покойнаго.—Мы поговоримъ объ этомъ въ болѣе удобное время.

Мы испытали много лишеній и едва ускользнули отъ гибели; но судьба сжалилась надъ нами, какъ и надъ нашими товарищами въ большой шлюпкѣ. Послѣ четырехдневныхъ страданій мы высадились, полумертвые отъ истощенія, на берегу противъ Ронокъ-Айлендъ. Тутъ мы провели недѣлю и наконецъ нашли случай добраться до Нью-Іорка.

Спустя мѣсяцъ послѣ кораблекрушенія, я встрѣтился съ капитаномъ Гарди на Бродуэй. Мы естественно разговорились объ этомъ печальномъ приключеніи и въ особенности о жалкой участи бѣдняги Уайатта. Капитанъ сообщилъ мнѣ слѣдующія подробности.

Художникъ взялъ каюты для себя, жены, двухъ сестеръ и горничной. Жена его была дѣйствительно рѣдкая красавица и умница. Утромъ 14 іюня (въ тотъ день, когда я впервые явился на корабль) она внезапно заболѣла и умерла. Молодой мужъ почти помѣшался отъ горя, но обстоятельства не позволяли ему отложить путешествіе въ Нью-Іоркъ. Необходимо было доставить тѣло его обожаемой жены ея матери, а съ другой стороны предразсудки не давали ему возможности сдѣлать это открыто. Девять десятыхъ пассажировъ скорѣе отказались бы отъ путешествія, чѣмъ поѣхали въ обществѣ мертваго тѣла.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи капитанъ Гарди посовѣтовалъ набальзамировать тѣло и, уложивъ его въ соотвѣтственныхъ размѣровъ ящикъ засыпать солью и вести подъ видомъ багажа. Никто не зналъ о смерти мистриссъ Уайаттъ, но всѣмъ было извѣстно, что она должна ѣхать съ мужемъ. Въ виду этого необходимо было, чтобы кто-нибудь взялъ на себя ея роль во время переѣзда. Горничная покойной согласилась на это. Лишняя каюта, предназначавшаяся для нея, такъ и осталась за нею. Въ ней мнимая жена проводила ночи; днемъ же исполняла, какъ умѣла, роль барыни, съ которой никто изъ пассажировъ не былъ знакомъ. Мои недоразумѣнія естественно объясняются моимъ легкомысліемъ, любопытствомъ и скоропалительностью. Но какъ ни какъ, теперь я плохо сплю по ночамъ. Я вижу лицо, которое преслѣдуетъ меня неотвязно. Слышу истерическій смѣхъ, который вѣчно будетъ звучать въ моихъ ушахъ.

Король Моръ.

(Сказка съ аллегоріей).

Боги допускаютъ и одобряютъ
въ короляхъ то, что преслѣдуютъ
въ черни.
Buckhurst's Tragedy of Ferrex and Porrex.

Около двѣнадцати часовъ ночи, въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ героическое царствованіе третьяго Эдуарда, два моряка, принадлежавшіе къ экипажу «Free and Easy», торговой шкуны, плававшей между Слэйсомъ и Темзой, а въ то время стоявшей на якорѣ, въ устьѣ этой рѣки, — къ своему крайнему изумленію очутились въ харчевнѣ прихода Сентъ-Эндрьюсъ въ Лондонѣ, — харчевнѣ подъ вывѣской «Веселаго Матроса».

Харчевня, плохо меблированная, почернѣвшая отъ дыма, низенькая — тѣмъ не менѣе вполнѣ удовлетворяла своему назначенію въ глазахъ странныхъ посѣтителей, сидѣвшихъ группами по разнымъ угламъ.

Самую занимательную, если не самую замѣтную изъ этихъ группъ представляли два упомянутые матроса.

Тотъ, который казался старше и котораго товарищъ величалъ характернымъ прозвищемъ «Снасти», былъ и самый высокій изъ двоихъ. Онъ былъ шести съ половиной футовъ ростомъ, и естественнымъ послѣдствіемъ такой чудовищной высоты являлась сутуловатость. Впрочемъ, излишество роста съ лихвой возмѣщалось недостатками въ другихъ отношеніяхъ. Онъ былъ неимовѣрно тощъ, и, по увѣренію товарищей, могъ бы замѣнить въ пьяномъ видѣ вым-

пелъ на верхушкѣ мачты, а въ трезвомъ сойти за утлегарь. Но эти и другія шутки въ томъ же родѣ, повидимому, никогда не дѣйствовали на его личные мускулы, управляющіе смѣхомъ. Лицо его съ выдающимися скулами, орлинымъ носомъ, скошеннымъ подбородкомъ, впалыми щеками и большими выпуклыми бѣлыми глазами, — отмѣченное печатью угрюмаго равнодушія ко всему на свѣтѣ, имѣло тѣмъ не менѣе торжественное и серьезное выраженіе, рѣшительно неподражаемое и неописуемое.

Младшій по внѣшности представлялъ полную противуположность своему товарищу. Ростъ его не превышалъ четырехъ футовъ. Пара кривыхъ, коренастыхъ ногъ поддерживала плотное неуклюжее туловище, по бокамъ котораго болтались точно плавники морской черепахи необычайно короткія толстыя руки съ здоровенными кулачищами. Маленькіе, неопредѣленнаго цвѣта глазки сверкали въ глубокихъ орбитахъ. Носъ исчезалъ въ грудѣ мяса, облегавшей круглую, полную, багровую физіономію; а толстая верхняя губа покоилась на еще болѣе толстой нижней съ выраженіемъ снисходительнаго самодовольства, которое еще усиливалось вслѣдствіе привычки облизываться. Онъ очевидно относился къ своему рослому товарищу съ смѣшаннымъ чувствомъ удивленія и насмѣшки, и время отъ времени заглядывалъ ему въ лицо, какъ багровое заходящее солнце на утесъ Бенъ-Невса.

Какъ бы то ни было, въ теченіе этого вечера достойная парочка совершила продолжительное и полное приключеній путешествіе по сосѣднимъ кабакамъ. Самые обильные фонды истощаются, такъ что къ «Веселому Матросу» наши пріятели явились съ пустыми карманами.

Въ тотъ моментъ, съ котораго собственно начинается наша исторія, Снасть и его пріятель Гью Брезентъ сидѣли посреди комнаты за большимъ дубовымъ столомъ, положивъ на него локти и подпирая руками свои побѣдныя головы. Они разсматривали изъ-за огромной кружки «лучшаго пѣнистаго» (за которое еще не уплатили) надпись «Безъ Извести», намалеванную, къ ихъ крайнему изумленію и негодованію, на дверяхъ тѣмъ самымъ минераломъ, присутствіе котораго отрицалось въ надписи. Не то чтобы даръ разбирать писанныя буквы—считавшійся въ тѣ времена не менѣе кабалистическимъ, чѣмъ самое умѣнье писать,—былъ присущъ нашимъ морякамъ; но въ самой формѣ буквъ имъ мерещилось нѣчто волнообразное, напоминавшее о качкѣ и предвѣщавшее продолжительную дурную погоду, что и побудило ихъ принять рѣшеніе, выразившееся въ аллегорической фразѣ Снасти: «къ помпамъ, взять паруса на гитовы и идти на фордевиндъ».

Согласно съ этимъ рѣшеніемъ они допили пиво, застегнули на-

глухо фуфайки и устремились на улицу. Брезентъ сунулся было въ каминъ, принявъ его за дверь, но въ концѣ концовъ имъ удалось благополучно выбраться изъ харчевни, и въ половинѣ перваго они улепетывали по темной улицѣ отъ разсвирѣпѣвшей хозяйки «Веселаго Матроса».

Въ эпоху нашего разсказа, а также и раньше и позднѣе, Англія, а въ особенности ея столица, періодически оглашались страшнымъ крикомъ «Чума!». Городъ пустѣлъ, а въ ужасныхъ кварталахъ по сосѣдству съ Темзой, гдѣ среди темныхъ, тѣсныхъ и грязныхъ дворовъ и переулковъ, находилось, по общему предположенію, мѣсторожденіе самого Демона Язвы, водворялись ужасъ, страхъ и суевѣріе.

Въ силу королевскаго указа подобныя мѣстности объявлялись подъ запрещеніемъ и обывателямъ подъ страхомъ смертной казни воспрещалось нарушать ихъ зловѣщее уединеніе. Но ни королевскій указъ, ни высокія заставы у входа въ улицы, ни вѣроятность ужасной, отвратительной смерти, почти неизбѣжно постигавшей всякаго, кто рѣшался пренебречь опасностью, не могли предохранить покинутыя хозяевами жилища отъ вторженій ночныхъ грабителей, уносившихъ все цѣнное —всѣ желѣзныя, мѣдныя, свинцовыя вещи, которыя можно было продать.

Но пуще всего подвергались опустошеніямъ погреба. При открытіи заставъ почти всегда оказывалось, что замки, засовы, потайные подвалы не могли предохранить запасы винъ и водокъ, оставленные владѣльцами во избѣжаніе расходовъ и риска, связанныхъ съ перевозкой.

Но лишь немногіе изъ пораженныхъ ужасомъ жителей считали эти подвиги дѣломъ рукъ человѣческихъ. Духи чумы, бѣсы язвы, демоны горячки были виновниками всѣхъ бѣдъ въ глазахъ народа; и объ нихъ ходили такіе леденящіе кровь разсказы, что вся масса строеній, находившихся подъ запрещеніемъ, въ концѣ концовъ какъ бы окутывалась атмосферой ужаса и сами грабители бѣжали въ страхѣ, напуганные результатами собственныхъ безобразій; и въ округѣ безгранично воцарялись уныніе, безмолвіе, зараза и смерть.

Подобная же застава, указывавшая границу области, объявленной подъ запрещеніемъ, неожиданно преградила путь Снасти и достойному Гью Брезенту, пробиравшимся по темной улицѣ. Возвращаться было немыслимо, а время нетерпѣло, потому что за ними гнались по пятамъ. Для заправскихъ моряковъ вскарабкаться на грубо сколоченную ограду было плевое дѣло, и вотъ наши друзья, возбужденные бѣгомъ и крѣпкими напитками, въ одну минуту очутились въ запрещенномъ кварталѣ и съ гикомъ,

визгомъ продолжали писать мыслете въ лабиринтѣ зловонныхъ улицъ.

Если бы не крайнее опьяненіе, ихъ спотыкавшіяся ноги были бы на первыхъ же шагахъ парализированы ужасомъ. Воздухъ былъ сырой и холодный. Камни мостовой, вывороченные изъ своего ложа, валялись грудами въ высокой густой травѣ. Развалившіеся дома загораживали улицы. Удушливый смрадъ стоялъ въ воздухѣ и при слабомъ зловѣщемъ свѣтѣ, который даже въ полночный часъ исходитъ отъ зараженной, отравленной атмосферы, можно было замѣтить на улицахъ или сквозь выбитыя стекла домовъ скелеты ночныхъ грабителей, остановленныхъ рукою моровой язвы въ самомъ разгарѣ грабежа.

Но подобные образы, ощущенія, помѣхи не въ силахъ остановить людей, мужественныхъ отъ природы и въ добавокъ почерпнувшихъ обильный запасъ храбрости въ «лучшемъ пѣнистомъ», когда они не твердыми шагами, стараясь держаться прямо, ковыляютъ въ самую пасть смерти. Впередъ—все впередъ стремился свирѣпый «Снасть», пробуждая торжественное многоголосое эхо дикимъ гиканьемъ, напоминавшимъ военный крикъ индійцевъ; и впередъ—все впередъ тащился неуклюжій Брезентъ, цѣпляясь за фуфайку своего болѣе стойкаго товарища и далеко превосходя его сильнѣйшіе подвиги на поприщѣ вокальной музыки бычачьимъ ревомъ in basso изъ нѣдръ своихъ стенторскихъ легкихъ.

Наконецъ они добрались до самаго гнѣзда заразы. Съ каждымъ шагомъ впередъ мѣстность становилась отвратительнѣе и ужаснѣе, — переулки тѣснѣе и запутаннѣе. Огромные камни и бревна, то и дѣло падавшіе съ полуразрушенныхъ крышъ, доказывали своимъ тяжелымъ и грузнымъ паденіемъ высоту окружающихъ домовъ; все труднѣй и труднѣй становилось пробираться среди развалинъ и все чаще и чаще рука, раздвигавшая обломки, натыкалась на скелетъ или разлагающееся тѣло.

Внезапно у входа въ огромное зловѣщаго вида зданіе моряки услышали въ отвѣтъ на дикій вопль, вырвавшійся изъ глотки взволнованнаго «Снасть», — странный крикъ, въ родѣ адскаго хохота. Ничуть не смутившись этими звуками, которые и сами по себѣ, а тѣмъ болѣе въ такое время и въ такомъ мѣстѣ оледенили бы кровь въ жилахъ менѣе воспламененныхъ людей, наши пьяницы ринулись къ двери, распахнули ее и ворвались въ зданіе съ цѣлымъ залпомъ проклятій.

Комната, въ которой они очутились, смахивала на лавку гробовщика, но въ открытый люкъ въ углу, близь наружной двери, можно было видѣть рядъ погребовъ, повидимому, наполненныхъ

соотвѣтственнымъ содержимымъ, судя по звукамъ случайно лопавшихся бутылокъ. Посреди комнаты помѣщался столъ,—а на немъ возвышалась огромная пуншевая чаша. Бутылки различныхъ винъ и другихъ напитковъ, кружки, чарки, фляжки загромождали столъ. Вокругъ него сидѣла на подставкахъ для гробовъ компанія въ шесть человѣкъ. Я опишу ихъ по одиночкѣ.

Какъ разъ противъ двери, нѣсколько возвышаясь надъ своими товарищами, сидѣлъ какой-то субъектъ, казавшійся предсѣдателемъ пиршества. Онъ былъ высокъ и тощъ и, къ удивленію Снасти, превосходилъ даже его худобой. Лицо его, впрочемъ, не представляло ничего замѣчательнаго, за исключеніемъ одной черты. Эта послѣдняя заключалась въ необычайно, до безобразія, высокомъ лбѣ: казалось, будто надъ его головой возвышается еще шапка или корона изъ мяса. Губы его кривились ласковой, но зловѣщей гримасой, глаза свѣтились пьянымъ блескомъ, какъ и у всѣхъ остальныхъ. Этотъ господинъ былъ одѣтъ въ черную бархатную мантію съ богатымъ шитьемъ, ниспадавшую вокругъ его фигуры небрежными складками, на подобіе испанскаго плаща. На головѣ его красовались черныя перья отъ погребальной колесницы, которыми онъ покачивалъ съ лукавымъ и тонкимъ видомъ, а въ правой рукѣ онъ держалъ большую берцовую человѣческую кость, которой, кажется, только что треснулъ одного изъ собутыльниковъ за какую-то провинность.

Напротивъ него, спиной къ двери, сидѣла дама, не совсѣмъ обыкновенной наружности. Такого-же росту, какъ только что описанный господинъ, она, однако, не могла пожаловаться на худобу. Очевидно, у ней была водянка въ послѣдней степени развитія: фигура ея близко напоминала огромный боченокъ октябрьскаго пива, стоявшій по близости, въ углу. Лицо у ней было необычайно круглое, красное и полное, и представляло ту же особенность,—или, лучше сказать, недостатокъ особенностей, какъ у президента, т. е. лишь одна черта его была настолько замѣчательна, что заслуживаетъ описанія. Проницательный Брезентъ тотчасъ замѣтилъ, что тоже самое можно сказать о всѣхъ остальныхъ: каждый точно взялъ монополію на какую-нибудь отдѣльную черту физіономіи. У дамы, о которой мы говоримъ, эту черту представлялъ ротъ. Начинаясь у праваго уха, онъ простирался въ видѣ зіяющей трещины до лѣваго, такъ что коротенькія сережки, которыя она носила, то и дѣло проваливаливались въ эту пропасть. Впрочемъ, она всячески старалась держать ротъ закрытымъ и имѣла важный видъ въ только что накрахмаленномъ и выглаженномъ саванѣ съ батистовыми маншетами, плотно охватывавшемъ ея тѣло до самаго подбородка.

Направо отъ нея сидѣла маленькая юная дамочка, которой она, повидимому, покровительствовала. Это нѣжное маленькое созданіе представляло всѣ признаки злѣйшей чахотки: худые дрожащіе пальцы, синія губы, красныя пятна на свинцово-блѣдномъ лицѣ. Но вся ея внѣшность носила отпечатокъ крайняго haut ton; она съ чрезвычайнымъ изяществомъ драпировалась въ погребальную пелену изъ тончайшаго лино-батиста; волосы ея опускались мелкими кольцами на шею; томная улыбка играла на устахъ, и только носъ, длинный, тонкій, извилистый, гибкій и угреватый свѣшивался далеко за нижнюю губу, и хотя она время отъ времени отодвигала его въ сторону языкомъ, придавалъ ея лицу какое-то двусмысленное выраженіе.

Налѣво отъ дамы, распухшей отъ водяной, помѣщался обрюзглый старичекъ, очевидно страдавшій одышкой и ревматизмами, щеки котораго спускались на плечи точно два мѣха съ портвейномъ. Онъ сидѣлъ скрестивъ руки и положивъ на столъ перевязанную ногу и, видимо, считалъ себя очень важной особой. Онъ, очевидно, гордился своей внѣшностью,—особенно блестящимъ пестрымъ сюртукомъ. Этотъ послѣдній, вѣроятно, обошелся не дешево, и очень шелъ къ нему,—онъ былъ сшитъ изъ узорчатаго шелковаго чехла, какіе помѣщаются надъ гробницами знатныхъ людей въ Англіи и другихъ странахъ.

Подлѣ него, по правую руку отъ предсѣдателя, сидѣлъ джентльменъ въ длинныхъ бѣлыхъ чулкахъ и бумажныхъ панталонахъ. Все его тѣло содрогалось самымъ забавнымъ маneромъ въ припадкѣ болѣзни, которую Брезентъ называетъ «страсти». Недавно побритыя челюсти были туго стянуты кисейной перевязкой; руки связаны такимъ же порядкомъ выше кистей, такъ что онъ не могъ угощаться напитками, стоявшими на столѣ,—предосторожность не лишняя, потому что, по мнѣнію Снасти, у него былъ особенно одурѣлый и пьяный видъ. За то пара чудовищныхъ ушей, которыхъ очевидно нельзя было связать, поднимались надъ его головой, подергиваясь при звукахъ откупориваемой бутылки.

Противъ него помѣщался шестой и послѣдній членъ компаніи, замѣчательно неподвижный, точно одеревенѣлый господинъ, который долженъ былъ чувствовать себя очень неловко въ своемъ оригинальномъ костюмѣ. Одеждой ему служилъ новый и очень красивый гробъ краснаго дерева. Верхній конецъ охватывалъ его голову въ видѣ капюшона, придававшаго его наружности чрезвычайно интересный видъ. Для рукъ были продѣланы отверстія не столько ради изящества, сколько ради приличія; но все-таки въ этомъ платьѣ невозможно было сидѣть прямо и обладатель его лежалъ, прислонившись къ спинкѣ своего сидѣнья подъ угломъ въ

сорокъ пять градусовъ и устремивъ въ потолокъ свои огромные выпуклые глаза съ чудовищными бѣлками, застывшими въ изумленіи передъ собственной величиной.

Передъ каждымъ изъ собесѣдниковъ стоялъ черепъ, служившій вмѣсто чарки. Надъ столомъ висѣлъ человѣческій скелетъ на веревкѣ, привязанный за ногу. Остальные члены его свѣшивались подъ прямыми углами отъ туловища и весь этотъ рыхлый и хрупкій остовъ дрожалъ и подпрыгивалъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра, врывавшагося въ комнату. Черепъ его былъ наполненъ раскаленными углями, озарявшими всю сцену трепетнымъ, но яркимъ свѣтомъ. Гробы и другія принадлежности лавки гробовщика, сваленныя вдоль стѣнъ, не пропускали ни единаго луча свѣта на улицу.

При видѣ этого необыкновеннаго и еще болѣе необыкновенныхъ костюмовъ, наши моряки не съумѣли соблюсти достодолжнаго приличія. Снасть, прислонившись къ стѣнѣ, опустилъ еще ниже свою и безъ того отвисшую челюсть и выпучилъ глаза до крайнихъ предѣловъ; а Гью Брезентъ, нагнувшись такъ, что его носъ приходился въ уровень со столомъ и упершись ладонями въ колѣни, закатился въ припадкѣ долгаго, громкаго, въ высшей степени неумѣстнаго и неприличнаго хохота.

Какъ бы то ни было, рослый предсѣдатель, повидимому, ничуть не обидѣлся этимъ грубымъ поведеніемъ, а, напротивъ, ласково улыбнулся вошедшимъ, съ достоинствомъ кивнулъ головой, увѣнчанной траурными перьями и, подойдя къ морякамъ, подвелъ ихъ за руки къ сидѣньямъ, которыя тѣмъ временемъ были приготовлены для нихъ другими собутыльниками. Снасть не оказалъ ни малѣйшаго сопротивленія и усѣлся тамъ, гдѣ ему было указано, а галантный Брезентъ подвинулъ свое сидѣнье поближе къ чахоточной лэди въ погребальномъ покрывалѣ, шлепнулся на него какъ нельзя развязнѣе и для перваго знакомства разомъ опорожнилъ полный черепъ краснаго вина. Однако, эта развязность, повидимому, крайне раздосадовала чопорнаго джентльмена въ гробу и, быть можетъ, повела бы къ серьезной ссорѣ, еслибъ предсѣдатель не постучалъ по столу своимъ жезломъ. Затѣмъ онъ обратился ко всѣмъ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Наша обязанность въ виду такого счастливаго происшествія...

— Стопъ!—перебилъ Снасть самымъ серьезнымъ тономъ— погоди маленько и скажи сначала, что вы за черти и что у васъ тутъ за бѣсовское сборище и съ какой стати вы жрете водку моего пріятеля, Уилль Уимбля, гробовщика?

Въ отвѣтъ на эту непристойную выходку все собраніе подня-

лось и огласило комнату тѣмъ же дьявольскимъ крикомъ, который раньше привлекъ вниманіе моряковъ. Впрочемъ, предсѣдатель первый опомнился и, съ достоинствомъ повернувшись къ Снасти, отвѣчалъ:

— Мы съ величайшей охотой удовлетворимъ законное любопытство столь знатныхъ, хотя и не званныхъ гостей. Знайте же, что въ этихъ владѣніяхъ я монархъ и правлю безраздѣльно съ титуломъ «Король Моръ Первый».

— Эти аппартаменты, которые вы, безъ сомнѣнія, по невѣдѣнію, назвали лавкой Уилль Уимбля гробовщика—человѣка, намъ неизвѣстнаго и чье плебейское имя еще ни разу до нынѣшней ночи не достигало нашихъ царственныхъ ушей,—эти аппартаменты, говорю я,—Тронная Зала нашего Дворца, предназначенная для совѣщаній по дѣламъ нашего королевства и другихъ священныхъ и возвышенныхъ цѣлей.

— Благородная лэди, сидящая противъ насъ, королева Моръ, наша Высокая Супруга. Остальныя высокія особы, которыхъ вы здѣсь видите, принадлежатъ къ нашему семейству и носятъ королевскій гербъ съ титулами: «Его Свѣтлость Эрцгерцогъ Моръ-Овой", «Его Свѣтлость герцогъ Моръ-Озный»,—«Ея Свѣтлость герцогиня —Мухо-Моръ», «Ея Свѣтлость Эрцгерцогиня Жидо-Моръ».

— Что касается вашего вопроса относительно цѣли нашего засѣданія, то это, позвольте вамъ замѣтить, касается только нашихъ личныхъ царственныхъ интересовъ и отнюдь не затрогиваетъ постороннихъ лицъ. Но, имѣя въ виду, что вы пользуетесь привиллегіей, какъ гость и иностранецъ, мы готовы снизойти до объясненія. Цѣль настоящаго засѣданія—изслѣдовать, анализировать и опредѣлить досконально непостижимый духъ, непонятныя свойства и природу безцѣнныхъ сокровищъ гастрономіи: винъ, пива, водокъ этой прекрасной метрополіи, не столько для достиженія нашихъ личныхъ цѣлей, сколько для вящаго успѣха того неземного владыки, чья власть господствуетъ надъ всѣми нами, чьи владѣнія безграничны и чье имя «Смерть».

— Чье имя Дэви Джонсъ!—воскликнулъ Брезентъ, подливая вина своей сосѣдкѣ и наливъ второй черепъ для себя.

— Мошенникъ! — сказалъ предсѣдатель, обративъ наконецъ вниманіе на достойнаго Гью,—грубый и гнусный негодяй! мы сейчасъ сказали, что въ виду тѣхъ священныхъ привиллегій, которыя намъ непріятно нарушить даже въ твоей грязной особѣ, мы рѣшились снизойти до отвѣта на твои грубые и неумѣстные вопросы. Но, все-таки, въ виду вашего наглаго вторженія въ залу совѣта, мы считаемъ долгомъ приговорить тебя и твоего товарища къ галлону чернаго пива на каждаго, которое вы должны осушить за

благоденствіе нашего королевства, не переводя духа и стоя на колѣняхъ, послѣ чего можете продолжать свой путь или присоединиться къ нашему обществу.

— Не во гнѣвъ будь сказано вашему величеству,—возразилъ Снасть, которому заявленія и достоинство короля Мора Перваго очевидно внушили нѣкоторое почтеніе,—въ моемъ трюмѣ не помѣстится и четверти галлона того напитка, о которомъ ваше величество изволили упомянуть. Утромъ на кораблѣ, мы заложили балластъ, потомъ прохаживались на счетъ пива и водки въ разныхъ портахъ, и, наконецъ, только что приняли полный грузъ «лучшаго пѣнистаго», за который и разсчитались сполна у «Веселаго Матроса». Итакъ, не угодно-ли будетъ вашему величеству отмѣнить приговоръ, потому что я ни за какія коврижки не соглашусь проглотить еще хоть каплю, особенно той бурды, которую ваше величество предлагаете.

— Полно врать!—перебилъ Брезентъ, изумленный какъ длиною, такъ и содержаніемъ рѣчи своего товарища,—полно врать, бездѣльникъ! я слышать не хочу твоей болтовни, Снасть! Мой корабль еще легокъ, хотя ты въ самомъ дѣлѣ, кажется, слишкомъ тяжело нагруженъ; ну, да я найду мѣсто и для твоей части груза, только...

— Ваше заявленіе,—перебилъ предсѣдатель,—отнюдь не согласуется съ точнымъ смысломъ постановленія или приговора, который не можетъ быть измѣненъ или отмѣненъ. Постановленіе наше должно быть исполнено буквально и немедленно, въ противномъ случаѣ вы будете связаны по рукамъ и по ногамъ и утоплены, какъ бунтовщики, вонъ въ той бочкѣ октябрьскаго пива.

— Приговоръ! приговоръ! правосудный и справедливый приговоръ! славное постановленіе! достойное, возвышенное, благочестивое рѣшеніе!—воскликнула хоромъ королевская семья. Король наморщилъ безчисленными складками свой высокій лобъ; подагрическій старичекъ запыхтѣлъ, какъ пара мѣховъ; лэди въ погребальномъ покрывалѣ замахала носомъ, какъ маятникомъ; джентльменъ въ бумажныхъ панталонахъ навострилъ уши; дама въ саванѣ разинула ротъ, какъ рыба на берегу; а господинъ въ гробу выпучилъ глаза.

— Хо! хо! хо!—загоготалъ Брезентъ, ни мало не смущаясь общимъ волненіемъ,—хо! хо! хо!—хо! хо! хо!—хо! хо! хо! - я говорилъ, когда мистеръ король Моръ перебилъ меня, я говорилъ, что два, три лишнихъ галлона чернаго пива пустяки для исправнаго судна, не слишкомъ тяжело нагруженнаго, но пить за здоровье чорта (Богъ съ нимъ совсѣмъ) и становиться на колѣни передъ этимъ уродомъ королемъ, когда я знаю навѣрняка, что

онъ попросту Тимъ Гурли-Гурли, скоморохъ! это—это совсѣмъ другое дѣло...

Онъ не успѣлъ окончить. При имени Тима Гурли-Гурли все собраніе вскочило на ноги.

— Измѣна!—крикнулъ его величество король Моръ Первый.

— Измѣна!—сказалъ подагрическій старичекъ.

— Измѣна!—завизжала эрцгерцогиня Жидо-Моръ.

— Измѣна!—промычалъ господинъ съ подвязанной челюстью.

— Измѣна!—проворчалъ господинъ въ гробу.

— Измѣна! Измѣна!—завопила ея величество и, схвативъ за штаны злополучнаго Брезента, который только было принялся наливать себѣ черепъ вина, безъ церемоній швырнула его въ бочку съ пивомъ. Нырнувъ и вынырнувъ раза два или три, какъ яблоко въ пуншевой чашѣ, онъ исчезъ, наконецъ, въ хаосѣ пѣны, поднявшейся вслѣдствіе его судорожныхъ движеній въ жидкости и безъ того пѣнистой.

Но его рослый товарищъ не выдалъ своего пріятеля. Сбросивъ короля Мора въ люкъ, безстрашный Снасть съ проклятіемъ захлопнулъ трапъ и ринулся на средину комнаты. Здѣсь, сорвавъ скелетъ, висѣвшій надъ столомъ, онъ принялся работать имъ такъ энергично и добросовѣстно, что съ послѣдней вспышкой угасавшихъ углей вышибъ мозги подагрическому старичку. Затѣмъ онъ кинулся къ роковой бочкѣ съ октябрьскимъ пивомъ и Гью Брезентомъ и, напрягши всѣ свои силы, опрокинулъ ее. Изъ бочки хлынулъ потокъ жидкости до того бурный, до того неистовый, до того непреодолимый, что комната была залита отъ стѣны до стѣны, столъ опрокинулся, сидѣнья шлепнулись на полъ, пуншевая чаша въ каминъ, дамы въ истерику. Гробы и другія принадлежности похоронъ всплыли въ волнахъ пива. Кружки, чарки, кубки смѣшались въ общемъ mêlée, плетеныя фляжки отчаянно стукались о бутылки. Господинъ съ повязкой захлебнулся на мѣстѣ, чопорный джентльменъ поплылъ въ своемъ гробу, а побѣдоносный Снасть, схвативъ за талію жирную лэди въ саванѣ, кинулся на улицу и устремился полнымъ ходомъ на «Free and Easy». За нимъ, на всѣхъ парусахъ, чихая, пыхтя и отдуваясь, летѣлъ страшный Гью Брезентъ съ эрцгерцогиней Жидо-Моръ.

Три Воскресенья на одной недѣлѣ.

— Безсердечный, тупоголовый, упрямый, ворчливый, брюзгливый, плѣшивый старый варваръ!—сказалъ я однажды вечеромъ—въ воображеніи—моему двоюродному дѣду Ромгеджону и—въ воображеніи—погрозилъ ему кулакомъ.

Только въ воображеніи. Дѣло въ томъ, что именно въ то время существовала нѣкоторая разница между тѣмъ, что я говорилъ, и тѣмъ, чего не рѣшался дѣлать.

Когда я отворилъ дверь гостиной, этотъ старый моржъ сидѣлъ передъ каминомъ, вытянувъ ноги, съ стаканомъ портвейна въ лапѣ, исполняя со всѣмъ усердіемъ совѣтъ пѣсни:

Remplis ton verre vide!
Vide ton verre plein!

— Дорогой дѣдушка,—сказалъ я,—тихонько затворяя дверь и приближаясь къ нему съ сладчайшей улыбкой,—вы всегда были такой ласковый и разсудительный и такъ часто, такъ часто, выказывали мнѣ свое расположеніе, что я не сомнѣваюсь въ вашемъ полномъ согласіи, если только мы обсудимъ еще разъ это дѣльце.

— Гмъ!—сказалъ онъ,—продолжай, дружище!

— Я увѣренъ, дражайшій дѣдушка (проклятый старикашка!) что вы не имѣете серьезнаго, дѣйствительнаго намѣренія мѣшать моему браку съ Кэтъ. Это только шутка съ вашей стороны,—ха! ха! ха!—вы бываете иногда очень остроумнымъ.

— Ха! ха! ха!—отвѣчалъ онъ,—да, чортъ побери!

— Конечно,—безъ сомнѣнія!—Я зналъ, что вы шутите. Теперь, дѣдушка, мы, я и Кэтъ—желаемъ только одного, чтобы вы посовѣтовали намъ насчетъ... насчетъ времени... знаете... дѣдушка—насчетъ времени... то есть когда для васъ удобнѣе всего сыграть... сыграть... сыграть свадьбу.

— Убирайся, бездѣльникъ!—это еще что значитъ?—послѣ дождичка въ четвергъ!

— Ха! ха! ха!—хе! хе! хе!—хи! хи! хи!—хо! хо! хо!—ху! ху! ху! очень хорошо—превосходно—какое остроуміе! Но все-таки, дѣдушка, мы бы желали, чтобы вы точно назначили день свадьбы.

— А! точно?

— Да, дѣдушка, то есть, если вамъ угодно.

— Ладно-ли будетъ, Бобби, если я назначу, примѣрно, такъ не позднѣе года, или я долженъ назначить точно.

— Если вамъ угодно, дѣдушка—точно.

— Ну, коли такъ, Бобби,—ты славный парень, не правда-ли? если ты хочешь точно опредѣлить время, то я—да, я сейчасъ тебѣ скажу.

— Милый дѣдушка!

— Тише, сэръ! (заглушая мои слова) я сейчасъ тебѣ скажу. Ты получишь мое согласіе и капиталъ, не забудь о капиталѣ—постой! когда именно? сегодня воскресенье? да? Ну, такъ вы об-

вѣнчаетесь, когда три воскресенья будутъ на одной недѣлѣ, именно тогда, именно. Вы поняли, сэръ? Что съ вами? Я говорю, ты получишь Кэтъ и ея приданое, когда три воскресенья случатся подъ рядъ на одной недѣлѣ, не раньше—слышишь, повѣса,—не раньше. Ты меня знаешь, мое слово вѣрное, теперь проваливай.—Тутъ онъ осушилъ стаканъ, а я въ отчаяніи кинулся вонъ изъ комнаты.

Мой дѣдушка Ромгеджонъ былъ «славный старый англійскій джентльменъ», но, въ противоположность джентльмену пѣсни, у него были свои слабые пункты. Это былъ маленькій, толстенькій, надутый, вспыльчивый, полукруглый человѣчекъ съ краснымъ носомъ, толстымъ черепомъ и туго набитымъ кошелькомъ и сознаніемъ своей важности. Человѣкъ добрѣйшей души, онъ однако ухитрился пріобрѣсть среди людей, знавшихъ его лишь поверхностно, репутацію скряги, единственно благодаря своей страсти противорѣчить. Какъ многіе прекраснѣйшіе люди, онъ, повидимому, былъ одержимъ духомъ поддразниванія, который съ перваго взгляда могъ показаться недоброжелательствомъ. На каждую просьбу онъ первымъ дѣломъ отвѣчалъ: «Нѣтъ!», но въ концѣ концовъ—очень, очень отдаленномъ концѣ—почти всѣ обращенныя къ нему просьбы оказывались исполненными. Онъ самымъ свирѣпымъ образомъ оборонялся отъ всякихъ посягательствъ на его кошелекъ, но величина исторгнутой отъ него суммы была прямо пропорціональна продолжительности осады и упорству обороны. Врядъ-ли кто жертвовалъ на дѣла благотворительности такъ щедро и съ такимъ сварливымъ видомъ.

Къ искусствамъ, а особливо къ изящной литературѣ, онъ питалъ глубокое презрѣніе. Въ этомъ отношеніи его авторитетомъ былъ Казиміръ Перье, нахальный вопросъ котораго «A quoi un poéte est-il bon?» онъ то и дѣло повторялъ, какъ nec plus ultra остроумія. Такимъ образомъ, моя склонность къ Музамъ возбуждала въ немъ крайнее негодованіе. Онъ увѣрялъ меня однажды, когда я попросилъ у него новое изданіе Горація, будто изрѣченіе «poeta nascitur non fit» значитъ,—«поэтъ ни на что не годится» чѣмъ крайне возмутилъ меня. Его отвращеніе къ «словесности» еще усилилось въ послѣднее время вслѣдствіе внезапно явившагося пристрастія къ естественнымъ наукамъ, какъ онъ выражался. Кто-то, встрѣтившись съ нимъ на улицѣ, принялъ его за самого доктора Дэббль Л. Ди, профессора шарлатанской физики. Это придало новый оборотъ его мыслямъ, и, въ эпоху настоящаго разсказа—такъ какъ разсказъ-то все-таки будетъ —мой дѣдушка Ромгеджонъ снисходилъ только къ тому, что такъ или иначе согласовалось съ гарцованьемъ его любимаго конька. Отъ всего остальнаго онъ от-

бивался руками и ногами, а его политическіе взгляды отличались простотой и удобопонятностью. Онъ находилъ вмѣстѣ съ Горслеемъ, что «народу нечего дѣлать съ законами; довольно съ него повиноваться имъ».

Я прожилъ съ этимъ старымъ джентльменомъ всю жизнь. Мои родители, умирая, завѣщали меня ему въ качествѣ богатаго наслѣдства. Я думаю, что старый плутъ любилъ меня, какъ роднаго сына, почти также какъ Кэтъ, но все-таки ухитрился отравить мнѣ существованіе. Со второго года моей жизни до пяти лѣтъ онъ регулярно поучалъ меня розгой. Отъ пяти до пятнадцати ежечасно грозилъ мнѣ Исправительнымъ домомъ. Отъ пятнадцати до двадцати ежедневно обѣщалъ оставить меня безъ гроша. Правда, я былъ повѣса, но повѣсничество было коренной чертой моей натуры, членомъ моего символа вѣры. Какъ бы то ни было, въ Кэтъ я имѣлъ вѣрнаго друга, и зналъ это. Она была добрая дѣвушка и такъ нѣжно говорила мнѣ, что я могу получить ея руку (приданое и прочее), если только добьюсь согласія со стороны дѣдушки Ромтеджона! Бѣдняжка! ей было всего пятнадцать лѣтъ, и безъ его согласія она не могла распоряжаться своимъ маленькимъ имуществомъ до истеченія пяти безконечныхъ лѣтъ. Что же было дѣлать? Въ пятнадцать лѣтъ, какъ и въ двадцать одинъ (такъ какъ я уже пережилъ свою четвертую олимпіаду) пять лѣтъ совершенно тоже что пять вѣковъ. Тщетно мы докучали старому джентльмену нашими просьбами. Тутъ явилась pièce de résistance (какъ выразились бы гг. Эдъ и Каремъ), вполнѣ соотвѣтствовавшая его нелѣпому характеру. Самъ Іовъ пришелъ бы въ негодованіе, глядя какъ этотъ старый котъ тиранилъ насъ, двухъ бѣдныхъ мышенятъ. Въ глубинѣ души онъ ничего такъ не желалъ, какъ нашего брака. Онъ давно уже мечталъ о немъ. Право, онъ прибавилъ бы своихъ десять тысячъ фунтовъ (приданое Кэтъ было ея собственнымъ) лишь бы найти какой-нибудь предлогъ согласиться на исполненіе нашихъ весьма естественныхъ желаній. Но мы были такъ неосторожны, что затѣяли это дѣло *сами*. Не оказать сопротивленія при такихъ обстоятельствахъ было рѣшительно не въ его власти.

Я уже говорилъ, что у него были свои слабыя стороны; но при этомъ я не имѣю въ виду его упрямства, которое представляло одну изъ сильныхъ сторонъ моего дѣда—«assurement ce n'était pas sa faible». Говоря о слабости, я подразумѣваю его странные бабьи предразсудки. Онъ твердо вѣрилъ въ сны, примѣты et id genus omne ерунды. Онъ былъ также крайне щепетиленъ въ мелочныхъ вопросахъ чести и на свой ладъ, безъ сомнѣнія, вѣренъ своему слову. Это тоже былъ одинъ изъ его коньковъ. Онъ не особен-

но заботился о духѣ своихъ обѣтовъ, но букву соблюдалъ ненарушимо. Эту послѣднюю черту его характера и удалось намъ обратить себѣ на пользу совершенно неожиданнымъ образомъ, благодаря остроумію Кэтъ, вскорѣ послѣ вышеприведенной бесѣды съ дѣдушкой. Теперь, истощивъ въ prolegomena, по обычаю всѣхъ новѣйшихъ бардовъ и ораторовъ, все время и почти все мѣсто, которыми я могъ располагать, я постараюсь передать въ немногихъ словахъ самую суть разсказа:

— Случилось,—такъ рѣшила Судьба,—что двое моряковъ, знакомыхъ моей возлюбленной, вернулись въ Англію изъ продолжительнаго плаванія какъ разъ въ это время. Эти господа, съ которыми я и моя кузина сговорились заранѣе,—явились вмѣстѣ съ нами къ дѣдушкѣ Ромгеджону въ одно октябрьское воскресенье, ровно три недѣли спустя послѣ достопамятнаго рѣшенія, такъ безжалостно разрушившаго наши надежды. Въ теченіе получаса разговоръ вертѣлся на разныхъ мелочахъ; но въ концѣ концовъ мы совершенно естественно перешли къ слѣдующей бесѣдѣ:

Кап. Праттъ. Я провелъ въ плаваніи ровно годъ. Ровно годъ исполнился сегодня,—позвольте, дай Богъ память—да, точно такъ, сегодня десятое октября. Помните, мистеръ Ромгеджонъ, я заходилъ къ вамъ проститься въ этотъ самый день. Кстати, вѣдь капитанъ Смисертонъ былъ въ отсутствіи тоже ровнехонько годъ,—не правда-ли, странное совпаденіе.

Смисертонъ. Да, ровнехонько годъ. Помните, мистеръ Ромгеджонъ, я заходилъ къ вамъ проститься вмѣстѣ съ капитаномъ Праттомъ, въ прошломъ году, въ этотъ самый день.

Дѣдушка. Да, да, да,—помню, помню—вотъ потѣха въ самомъ дѣлѣ! Вы оба провели въ плаваніи ровно годъ. Въ самомъ дѣлѣ странное совпаденіе! Докторъ Дэббль Л. Ди назвалъ бы это чрезвычайнымъ совпаденіемъ обстоятельствъ. Дэб...

Кэтъ (перебивая). Конечно, папа, это довольно странно; но вѣдь капитанъ Праттъ и капитанъ Смисертонъ отправлялись въ разныя стороны, значитъ, вы сами видите—есть и разница.

Дѣдушка. Ничего я такого не вижу, болтунья! Что тутъ видѣть? По моему, совпаденіе тѣмъ страннѣе. Докторъ Дэббль Л. Ди...

Кэтъ. Видите, папа, капитанъ Праттъ обогнулъ мысъ Горнъ, а капитанъ Смисертонъ мысъ Доброй Надежды.

Дѣдушка. Именно!—одинъ отправился на востокъ, а другой на западъ, проказница, и оба объѣхали вокругъ свѣта. Кстати, докторъ Дэббль Л. Ди...

Я (торопливо). Капитанъ Праттъ, вы должны зайти къ намъ завтра вечеркомъ, — вы и капитанъ Смисертонъ — разсказать намъ о вашемъ плаваніи, а потомъ засядемъ въ вистъ и...

Праттъ. Въ вистъ, дружище—что вы? Завтра воскресенье. Другой разъ какъ-нибудь...

Кэтъ. Ахъ, нѣтъ, что вы! Сегодня воскресенье.

Дѣдушка. Конечно, конечно.

Праттъ. Виноватъ, но я не могъ такъ ошибиться. Я знаю, что завтра воскресенье, потому что...

Смисертонъ (съ удивленіемъ). Что вы говорите, господа! Вчера было воскресенье!

Всѣ. Вчера, какъ бы не такъ!

Дѣдушка. Сегодня воскресенье,—мнѣ-ли не знать?

Праттъ. О, нѣтъ,—воскресенье будетъ завтра.

Смисертонъ. Вы всѣ сбились съ толку,—рѣшительно всѣ. Вчера было воскресенье, это также вѣрно какъ то, что я сижу здѣсь.

Кэтъ (прыгая отъ радости). Я понимаю, понимаю. Папа, теперь вы должны согласиться, — вы сами знаете на что. Не перебивайте меня, я сейчасъ вамъ растолкую въ чемъ дѣло. Это очень просто. Капитанъ Смисертонъ говоритъ, что вчера было воскресенье: это вѣрно; онъ правъ. Кузенъ Бобби, дѣдушка и я говоримъ, что сегодня воскресенье: это вѣрно; мы правы. Капитанъ Праттъ утверждаетъ, что воскресенье будетъ завтра: это вѣрно; онъ тоже правъ. Дѣло въ томъ, что мы всѣ правы, и такимъ образомъ три воскресенья случились на одной недѣлѣ.

Смисертонъ (послѣ нѣкотораго молчанія). А вѣдь Кэтъ совершенно права. Какіе мы олухи съ вами, Праттъ. Вотъ въ чемъ дѣло, мистеръ Ромгеджонъ: земной шаръ имѣетъ, какъ вамъ извѣстно, двадцать четыре тысячи миль въ окружности. Теперь, земной шаръ вращается вокругъ своей оси—вертится, поворачивается—съ запада на востокъ ровно въ двадцать четыре часа. Вы понимаете, мистеръ Ромгеджонъ?

Дѣдушка. Разумѣется, разумѣется, докторъ Дэб...

Смисертонъ (заглушая его слова). Ну-съ, сэръ, это составитъ тысячу миль въ часъ. Теперь, предположимъ, что я проѣхалъ тысячу миль къ востоку отъ этого пункта. Конечно, я опережаю восходъ солнца здѣсь, въ Лондонѣ, ровно на одинъ часъ. Я вижу восходъ солнца часомъ раньше, чѣмъ вы. Проѣхавъ въ томъ же направленіи еще тысячу миль, я выигрываю два часа, еще тысячу—три, и такъ далѣе, такъ что, объѣхавъ весь земной шаръ и вернувшись на то же самое мѣсто, откуда выѣхалъ, то есть, сдѣлавъ двадцать четыре тысячи миль къ востоку, я предваряю восходъ солнца въ Лондонѣ ровно на двадцать четыре часа; иными словами, опережаю васъ на цѣлыя сутки. Понятно, а?

Дѣдушка. Но докторъ Дэббль Л. Ди.

Смисертонъ (еще громче). Наоборотъ, капитанъ Праттъ,

проѣхавъ тысячу миль къ западу, отстаетъ на одинъ часъ, а сдѣлавъ двадцать четыре тысячи миль въ томъ же направленіи, на двадцать четыре часа, т. е. отстаетъ на сутки отъ Лондонскаго времени. Такимъ образомъ, для меня вчера было воскресенье,—для васъ сегодня воскресенье, для Пратта воскресенье будетъ завтра. Мало того, мистеръ Ромгеджонъ—очевидно, мы всѣ правы; потому что нѣтъ никакого научнаго основанія для того, чтобы признать преимущество за кѣмъ-либо изъ насъ.

Дѣдушка. Лопни мои глаза!—ну, Кэть, ну, Бобби!—я долженъ согласиться, да. Но мое слово вѣрно,—замѣтьте это! она твоя, дружище (съ приданымъ и прочее), твоя! Каково! Три воскресенья подъ рядъ? Посмотримъ, что скажетъ объ этомъ Дэббль Л. Ди!

Чортъ на башнѣ.

Который часъ?
Старинное Изрѣченіе.

Всѣмъ вообще извѣстно, что прекраснѣйшее мѣстечко въ мірѣ есть—или, увы, былъ—голландскій городокъ Вондерводтеймиттисъ. Но такъ какъ онъ лежитъ въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, до нѣкоторой степени въ захолустьи, то, по всей вѣроятности, лишь немногіе изъ моихъ читателей навѣщали его. Для тѣхъ, которые не навѣщали, считаю не лишнимъ описать его вкратцѣ. Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ надеждѣ привлечь сочувствіе публики къ его обитателямъ, я намѣренъ разсказать здѣсь о бѣдственныхъ событіяхъ, случившихся въ послѣднее время въ его предѣлахъ. Никто изъ знающихъ меня не усомнится, что, возложивъ на себя эту обязанность, я постараюсь исполнить ее по мѣрѣ моихъ способностей, съ самымъ строгимъ безпристрастіемъ, подвергая факты тщательнѣйшему изслѣдованію и сопоставляя мнѣніе авторитетовъ съ усердіемъ, которое всегда характеризуетъ того, кто желаетъ заслужить титулъ историка.

Тщательное изученіе медалей, рукописей и надписей даетъ мнѣ возможность сказать положительно, что городокъ Вондервоттеймиттисъ съ самаго основанія своего находился въ такихъ же условіяхъ какъ нынѣ. О времени основанія я, къ сожалѣнію, могу говорить лишь съ той неопредѣленной опредѣленностью, которую математикамъ приходится иногда выражать въ извѣстныхъ алгебраическихъ формулахъ. Время это, въ отношеніи отдаленности, не можетъ быть менѣе всякой опредѣленной величины.

Что касается происхожденія имени Вондервоттеймиттисъ, то я съ сожалѣніемъ долженъ сознаться, что и на этотъ счетъ не имѣю точныхъ свѣдѣній. Среди множества мнѣній, высказанныхъ

по поводу этого деликатнаго пункта—остроумныхъ, основательныхъ и прямо противуположныхъ—я не въ состояніи указать ни одного удовлетворительнаго. Можетъ быть, заслуживаетъ предпочтенія идея Грогсвигга, почти тождественная съ мнѣніемъ Краутапплентэя. Вотъ ея сущность:—«Vondervotteimittiss—Vonder lege Donder—Votteimittiss, quasi und Bleitsiz:—Bleitsiz obsol: pro Blitzen» *). Дѣйствительно, это объясненіе, повидимому, подтверждается слѣдами электрической дѣятельности на верхушкѣ шпиля городской ратуши. Но я оставлю въ сторонѣ эту важную тему и укажу любознательному читателю на «Oratiunculae de Rebus Praeteritis» Дундергуца. Ср. также Блундербуззарда «De Derivationibus» стр. 27 до 5010, Folio, готич. изд. краснымъ и чернымъ шрифтомъ; и примѣчанія на поляхъ автографа Штуффундпуффа съ подъ-комментаріями Грунтундгуццеля.

Несмотря на то, что время основанія Вондервоттеймиттиса и происхожденіе этого имени одѣты мракомъ неизвѣстности, не можетъ быть сомнѣнія, какъ я уже замѣтилъ, что онъ всегда былъ такимъ же какъ нынѣ. Старѣйшій изъ старожиловъ въ городкѣ не запомнитъ ни малѣйшихъ измѣненій въ его наружности; и самое предположеніе о возможности подобныхъ измѣненій было бы сочтено за оскорбленіе. Мѣстность, въ которой расположенъ городокъ, представляетъ совершенно круглую равнину, окруженную отлогими холмами, за вершины которыхъ здѣшніе обитатели никогда не рѣшались заглядывать. Они объясняютъ это весьма основательнымъ резономъ: именно они не вѣрятъ, чтобы по ту сторону холмовъ что-нибудь вообще находилось.

Долину (совершенно плоскую и вымощенную плоскими черепицами) окаймляютъ непрерывной вереницей шестьдесятъ домиковъ. Они обращены заднимъ фасадомъ къ холмамъ, а передомъ къ площади, центръ которой находится въ шестидесяти ярдахъ отъ крыльца каждаго изъ домиковъ. Передъ каждымъ домикомъ имѣется садикъ съ круглой дорожкой, солнечными часами и двумя дюжинами кочновъ капусты. Постройки какъ двѣ капли воды походятъ одна на другую. Архитектурный стиль, вслѣдствіе своей глубокой древности, производитъ довольно курьезное впечатлѣніе, но тѣмъ не менѣе крайне живописенъ. Дома выстроены изъ красныхъ кирпичиковъ съ черными концами, такъ что стѣны имѣютъ видъ шахматныхъ досокъ большого размѣра. Шпицы обращены къ фронтону, вдоль стѣнъ и надъ главной дверью тянутся навѣсы такой же ширины, какъ сами дома. Окна узкія и глубокія съ кро-

*) «Vondervotteimittis—Vonder читай Donder (громъ)—Votteimittis какъ бы и Bleitsiz—Bleitsiz устар.: вмѣсто Blitzen (молнія)».

шечными стеклами и широкими рамами. Домики крыты черепицей съ длинными закрученными концами. Деревянныя части темнаго цвѣта, украшены въ изобиліи рѣзьбой, не особенно разнообразной, такъ какъ рѣзчики Вондерводттеймиттиса съ незапамятныхъ временъ умѣютъ вырѣзать только двѣ фигуры: часы и кочанъ капусты. Зато эти фигурки они вырѣзаютъ мастерски и съ удивительнымъ простодушіемъ суютъ ихъ всюду, гдѣ только найдется мѣстечко для рѣзца.

Внутреннее устройство во всѣхъ домахъ одно и тоже, мебель одного образца. Полы выложены квадратными черепицами, столы и стулья выкрашены подъ черное дерево. Каминныя доски широкія и высокія украшены не только рѣзными часами и кочнами, но и настоящими: часы возвышаются по срединѣ, оглашая комнату звонкимъ тиканьемъ, а по бокамъ красуются два цвѣточныхъ горшка съ капустой. Между капустой и часами помѣщается пузатый фарфоровый человѣчекъ съ большимъ круглымъ отверстіемъ въ животѣ, сквозь которое можно видѣть циферблатъ.

Самые камины широкіе и глубокіе съ крѣпкими, изогнутыми таганами. Въ каминѣ всегда разведенъ огонь, а надъ нимъ горшокъ съ капустой и свининой. Хозяйка дома маленькая тучная старушка въ высокомъ колпакѣ въ видѣ сахарной головы, украшенномъ пунцовыми и желтыми лентами. Платье у ней изъ грубаго оранжеваго сукна, короткое въ таліи и вообще короткое, такъ что прикрываетъ ноги только на половину. Ноги толстоваты, икры тоже, зато обуты въ прекрасные зеленые чулки. Башмаки завязаны желтыми лентами, собранными въ видѣ кочна капусты. Въ лѣвой рукѣ она держитъ маленькіе, массивные голландскіе часы, въ правой ложку для размѣшиванія капусты. Подлѣ нея—жирный пестрый котъ съ маленькимъ позолоченнымъ репетиторомъ на хвостѣ, къ которому привязали его ребята изъ баловства.

Ребята, счетомъ трое, присматриваютъ въ саду за свиньей. Каждый изъ нихъ двухъ футовъ ростомъ. На нихъ треугольныя шляпы, пунцовые жилеты до бедръ, короткіе штаны въ обтяжку, красные шерстяные чулки, тяжелые башмаки съ большими серебряными пряжками и длинные сюртуки съ перламутровыми пуговицами. У каждаго трубка во рту и маленькіе пузатые часики въ правой рукѣ. Каждый затянется и взглянетъ на часы, потомъ взглянетъ на часы и затянется. Свинья, мясистая и жирная, то роется въ опавшей капустной листвѣ, то оглядывается на позолоченный репетиторъ, который ребята привязали и къ ея хвосту, чтобъ и она выглядѣла такъ же красиво, какъ кошка.

Направо отъ входа кресло съ высокой спинкой и кожаной подушкой, на которой возсѣдаетъ самъ старикъ хозяинъ. Это необы-

чайно тучный старичекъ съ выпученными круглыми глазами и жирнымъ двойнымъ подбородкомъ. Платье его ничѣмъ не отличается отъ одежды ребятъ и потому не требуетъ особаго описанія. Вся разница въ томъ, что его трубка длиннѣе и онъ можетъ выпускать клубы дыма большихъ размѣровъ. У него тоже часы, но онъ носитъ ихъ въ карманѣ. Ему некогда смотрѣть на часы, онъ занятъ болѣе важнымъ дѣломъ, какимъ именно — сейчасъ объясню. Онъ сидитъ, перекинувъ лѣвую ногу черезъ правое колѣно, сохраняетъ важный видъ и не сводитъ глазъ, по крайней мѣрѣ, одного глаза, съ замѣчательнаго предмета въ центрѣ площади.

Этотъ предметъ помѣщается въ башнѣ городской ратуши. Городскіе совѣтники маленькіе, круглые, жирные, смышленые люди, съ большими выпученными глазами и двойными подбородками, они отличаются отъ простыхъ гражданъ Вондервоттеймиттиса болѣе длинными фалдами сюртуковъ и болѣе крупными пряжками на башмакахъ. Со времени моего пребыванія въ городкѣ, они собирались три раза и выработали три важныхъ постановленія:

— Не слѣдуетъ измѣнять старый установившійся порядокъ вещей.

— Нѣтъ ничего путнаго за предѣлами Вондервоттеймиттиса...

— Мы будемъ держаться за наши часы и нашу капусту.

Надъ залой совѣта находится башня, а въ башнѣ колокольня, гдѣ помѣщается и помѣщалась съ незапамятныхъ временъ гордость и слава городка: — большіе часы города Вондервоттеймиттиса. Къ этому-то предмету прикованы глаза господина, сидящаго на креслѣ. У городскихъ часовъ семь циферблатовъ, соотвѣтственно семи сторонамъ башни, такъ что ихъ можно видѣть со всѣхъ концовъ города. Циферблаты большіе, бѣлые, а стрѣлки массивныя, черныя. Къ нимъ приставленъ особый смотритель, но эта должность чистѣйшая синекура, потому что часы Вондервоттеймиттиса не нуждаются въ починкѣ. До недавняго времени самое предположеніе о возможности этого было бы сочтено еретическимъ. Съ древнѣйшихъ временъ, о которыхъ сохранились извѣстія въ архивахъ, они регулярно отбивали часы. Тоже самое можно сказать о всѣхъ остальныхъ стѣнныхъ и карманныхъ часахъ въ городѣ. Не найдется другого мѣста на землѣ, гдѣ бы такъ удобно было слѣдить за временемъ. Когда съ башни раздается «двѣнадцать», всѣ остальные часы откликаются въ ту же минуту. Такъ что добрые граждане Вондервоттеймиттиса, восхищаясь своей капустой, гордились своими часами.

Люди, пользующіеся синекурой, всегда окружены большимъ или меньшимъ уваженіемъ, а такъ какъ должность смотрителя за часами Вондервоттеймиттиса чистѣйшая синекура, то и лицо,

занимающее ее, пользуется величайшимъ уваженіемъ со стороны всего міра. Это главный сановникъ города, и сами свиньи смотрятъ на него съ почтеніемъ. Фалды его сюртука гораздо длиннѣе, трубка, пряжки, глаза и животъ гораздо больше чѣмъ у остальныхъ старѣйшинъ города; а подбородокъ не только двойной, —тройной!

Я описалъ счастливое время Вондерводтеймиттиса; какъ обидно, что такая прекрасная картина не могла сохраниться навѣки.

Среди мудрѣйшихъ обывателей города давно уже ходила поговорка: «не можетъ явиться ничего добраго изъ-за холмовъ», и, кажется, она оказалась пророчествомъ. Третьяго дня, въ двѣнадцать часовъ безъ пяти минутъ, на гребнѣ восточной гряды холмовъ появился крайне странный предметъ. Разумѣется, онъ привлекъ общее вниманіе и каждый изъ старичковъ, сидѣвшихъ въ креслахъ съ кожаными подушками, съ негодованіемъ устремилъ одинъ глазъ на это явленіе, не спуская другаго съ часовъ въ башнѣ.

Было уже безъ трехъ минутъ двѣнадцать, когда странный предметъ приблизился настолько, что старички разглядѣли молодого человѣка, очень маленькаго роста и иностраннаго вида. Онъ спускался съ холма такъ поспѣшно, что скоро всѣ могли разсмотрѣть его очень ясно. Въ самомъ дѣлѣ, такого крошечнаго человѣчка еще не видывали въ Вондерводтеймиттисѣ. У него была смуглая, табачнаго цвѣта физіономія, носъ крючкомъ, глаза на выкатѣ, большой ротъ и великолѣпные зубы, которыми онъ, кажется, гордился, такъ какъ то и дѣло оскаливалъ ротъ до ушей. Ни малѣйшихъ признаковъ бороды и усовъ не было замѣтно на его лицѣ. Онъ былъ безъ шапки, волосы на головѣ очень мило закручены en papillotes. Одежду его составляли: черный фракъ (изъ кармана котораго высовывался бѣлый платокъ), черныя казимировыя панталоны, черные чулки и неуклюжіе бальные башмаки съ большими бантами изъ черныхъ шелковыхъ лентъ. Онъ держалъ подъ мышкой chapeau de bras, а въ другой рукѣ скрипку, впятеро больше себя. Въ лѣвой рукѣ у него была золотая табакерка, изъ которой онъ то и дѣло втягивалъ носомъ табакъ съ видомъ величайшаго самодовольства, ковыляя внизъ по холму самой фантастической походкой. Да! было на что посмотрѣть честнымъ гражданамъ Вондерводтеймиттиса.

По правдѣ сказать, этотъ субъектъ, несмотря на свои улыбки, имѣлъ весьма дерзкую и зловѣщую наружность; а когда онъ приковылялъ въ деревню, странный неуклюжій видъ его бальныхъ башмаковъ возбудилъ сильныя подозрѣнія; и многіе изъ бюргеровъ, видѣвшихъ его въ тотъ день, дорого бы дали, чтобъ заглянуть подъ батистовый платокъ, такъ нахально высовывавшійся

изъ кармана его фрака. Но сильнѣе всего возмутило ихъ то обстоятельство, что наглый франтъ, вытанцовывая то фанданго, то джигъ, повидимому, и въ мысляхъ не имѣлъ соблюдать тактъ въ своей походкѣ.

Но добрые обыватели не успѣли еще порядкомъ выпучить глаза, какъ бездѣльникъ очутился среди нихъ, выкинулъ chassez на одну сторону, balancez на другую; а затѣмъ, послѣ pirouette и pas de zéphyr, однимъ прыжкомъ взлетѣлъ на башню Городского Совѣта, гдѣ изумленный смотритель за часами курилъ трубку съ мрачнымъ достоинствомъ. Но человѣчекъ моментально схватилъ его за носъ, оттаскалъ, нахлобучилъ ему свою chapeau de bras до самаго подбородка, а затѣмъ принялся возить его своей огромной скрипкой такъ усердно и звонко, что вы бы подумали—цѣлый полкъ барабанщиковъ отбиваетъ чертовскую зорю на башнѣ ратуши Вондерворттеймиттиса.

Богъ знаетъ, къ какому отчаянному акту мщенія подвигло бы это гнусное нападеніе жителей, если бы теперь не оставалось только полъ-секунды до двѣнадцати. Сейчасъ долженъ былъ раздаться бой на башнѣ и всѣмъ необходимо было смотрѣть на часы. Замѣтили, однако, что незнакомецъ въ эту самую минуту продѣлывалъ съ часами что-то, чего дѣлать не слѣдовало. Но они начали бить, и никто не обратилъ вниманія на его эволюціи, такъ какъ всякій считалъ удары.

— Разъ!—пробили часы.

— Разъ! — отозвался каждый старичекъ въ каждомъ креслѣ Вондервоттеймитиса. «Разъ»,—отозвались его часы, «разъ»—отозвались часы его хозяйки, «разъ»—отозвались часы его ребятъ и маленькіе позолоченые репетиторы на хвостахъ свиней.

— Два!—продолжали часы въ башнѣ, и—Два! — повторили всѣ остальные.

— Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять!—отбивали большіе часы.

— Три! Четыре! Пять! Шесть! Семь! Восемь! Девять! Десять!—повторяли всѣ остальные.

— Одиннадцать!—объявили большіе.

— Одиннадцать!—подтвердили маленькіе.

— Двѣнадцать!—сказали большіе.

— Двѣнадцать!—повторили маленькіе довольнымъ тономъ и замолкли.

— Двѣнадцать и есть! — сказали въ одинъ голосъ старички, пряча въ карманы свои часики. Но большіе часы еще не угомонились.

— Тринадцать!—провозгласили они.

— Der Teufel!—воскликнули старички, блѣднѣя, роняя трубки и снимая правыя ноги съ лѣвыхъ колѣнъ.

— Der Teufel! — простонали они. — Тринадцать! Тринадцать! Mein Gott, тринадцать часовъ!!

Какъ описать послѣдовавшую затѣмъ ужасную сцену? Весь городъ пришелъ въ самое плачевное смятеніе.

— Что съ моимъ животомъ?—заорали всѣ ребята,—я проголодался за этотъ часъ.

— Что съ моей капустой?—завизжали всѣ хозяйки,—она совсѣмъ разварилась за этотъ часъ.

— Что съ моей трубкой?—зарычали старички.—Громъ и молнія, она выкурена за этотъ часъ!—и они съ бѣшенствомъ наполнили трубки, откинулись на спинки креселъ и запыхтѣли такъ неистово, что долина моментально наполнилась густымъ дымомъ.

Тѣмъ временемъ всѣ кочны раскраснѣлись и точно бѣсъ вселился во все, что имѣло форму часовъ. Рѣзныя фигуры пустились въ плясъ, точно оглашенныя; каминные часы неистово отбивали тринадцать и такъ махали и свистѣли маятниками, что страшно было смотрѣть. Но, что всего хуже, ни кошки, ни свиньи не могли вынести поведеніе маленькихъ репетиторовъ, привязанныхъ къ ихъ хвостамъ, и заметались въ неистовой злобѣ, царапаясь и толкаясь, мяукая и визжа, кидаясь прямо въ физіономію и забираясь подъ юбки,—словомъ, подняли страшнѣйшую суматоху, какую только можетъ представить себѣ разсудительный человѣкъ. И къ довершенію бѣдъ, маленькій негодяй на башнѣ, очевидно, и въ усъ себѣ не дулъ. Онъ сидѣлъ на смотрителѣ, который лежалъ къ верху брюхомъ. Въ зубахъ негодяй держалъ веревку отъ колокола и раскачивалъ его изо всей силы, поднимая такой звонъ, что у меня и теперь еще звенитъ въ ушахъ при одномъ воспоминаніи. На колѣняхъ его лежала огромная скрипка и онъ, простофиля, наяривалъ на ней обѣими руками безъ всякаго склада и лада, воображая будто играетъ «Джэди О'Фланаганъ и Падди О'Рафферти».

Видя, что дѣла приняли такой плачевный оборотъ, я съ отвращеніемъ оставилъ городъ и теперь обращаюсь ко всѣмъ любителямъ вѣрныхъ часовъ и хорошей капусты. Пойдемте всѣ вмѣстѣ въ городъ, сбросимъ человѣчка съ башни и возстановимъ старый порядокъ вещей въ Вондерводтеймтисѣ.

Знаменитость.

Всѣ встали на цыпочки отъ изумленія.
Bishop Hall's Satires.

Я великій человѣкъ (точнѣе, былъ великій человѣкъ), хотя я не авторъ писемъ Юніуса и не Желѣзная Маска: мое имя, если не

ошибаюсь, Робертъ Джонсъ, а родился я гдѣ-то въ городѣ Ври Больше.

Появившись на свѣтъ Божій, я первымъ дѣломъ схватилъ себя за носъ обѣими руками. Моя матушка, увидѣвъ это, объявила, что я геній; мой отецъ прослезился отъ радости и подарилъ мнѣ курсъ Нозологіи. Я изучилъ его, прежде чѣмъ надѣлъ штаны.

Тутъ я почувствовалъ призваніе къ наукѣ и скоро сообразилъ, что если только у человѣка имѣется достаточно солидный носъ, то, слѣдуя его указаніямъ, нетрудно достигнуть знаменитости. Но я не ограничивался теоріей. Каждое утро я давалъ себѣ два щелчка по носу и пропускалъ рюмокъ шесть.

Когда я выросъ, мой отецъ пригласилъ меня однажды въ свой кабинетъ.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ, — какая цѣль твоего существованія?

— Отецъ мой,—отвѣчалъ я,—изученіе Нозологіи.

— А что такое Нозологія, Робертъ?—спросилъ онъ.

— Сэръ,—отвѣчалъ я,—это наука о носахъ.

— А можешь ты объяснить мнѣ,—продолжалъ онъ,—что такое носъ?

— Носъ, отецъ мой,—возразилъ я съ увлеченіемъ,—весьма различно опредѣляется различными авторами. (Тутъ я посмотрѣлъ на часы). Теперь полдень или около того; до полуночи я успѣю изложить вамъ всѣ мнѣнія по этому вопросу. Начнемъ съ Бартолина: по его опредѣленію, носъ—это та выпуклость, тотъ желвакъ, тотъ наростъ, тотъ...

— Будетъ, Робертъ,—перебилъ добрый старикъ. — Я пораженъ твоими громадными знаніями, ей Богу, пораженъ. (Тутъ онъ зажмурился и приложилъ руку къ сердцу). Поди ко мнѣ! (Тутъ онъ взялъ меня за руку). Твое воспитаніе можно считать законченнымъ, пора тебѣ встать на свои ноги, и самое лучшее, если ты послѣдуешь за своимъ носомъ—итакъ... итакъ... итакъ... (Тутъ онъ спустилъ меня съ лѣстницы и вытолкалъ за дверь)—итакъ, убирайся вонъ изъ моего дома и да благословитъ тебя Богъ

Чувствуя въ себѣ божественный afflatus, я считалъ это происшествіе скорѣе благопріятнымъ, чѣмъ плачевнымъ. Я намѣревался исполнить отеческое наставленіе. Я рѣшилъ послѣдовать за своимъ носомъ. Я тутъ же далъ ему два-три щелчка, а затѣмъ написалъ памфлетъ о нозологіи.

Весь Ври Больше пришелъ въ волненіе.

— Изумительный геній!—сказалъ Quarterly.

— Превосходный физіологъ!—сказалъ Westminster.

— Тонкій умъ!—сказалъ Foreign.

— Прекрасный писатель!—сказалъ Edinburgh.

— Глубокій мыслитель!—сказалъ Dublin.

— Великій человѣкъ!—сказалъ Bentley.

— Божественный духъ! —сказалъ Frazer.

— Изъ нашихъ!—сказалъ Blackwood.

— Кто бы это могъ быть?—сказала мистриссъ Синій Чулокъ.

— Кто бы это могъ быть? — сказала толстая миссъ Синій Чулокъ.

— Кто бы это могъ быть? — сказала тоненькая миссъ Синій Чулокъ.

Но я знать не хотѣлъ этихъ господъ, — я прямо направился въ мастерскую художника.

Герцогиня Ахъ - Боже - Мой, позировала передъ портретомъ, маркизъ Такъ—и-Такъ держалъ ея пуделя, графъ ИТо-и-Се подносилъ ей флакончикъ съ солью, а его королевское высочество Не Тронь-Меня прислонился къ спинкѣ ея стула.

Я подошелъ къ художнику и вздернулъ носъ.

— О, какая прелесть!—вздохнула ея свѣтлость.

— О, Господи!—прошепталъ маркизъ.

— О, безобразіе!—простоналъ графъ.

— О, чудовище!—проворчалъ его королевское высочество.

— Сколько вы за него возьмете?—спросилъ художникъ.

— За его носъ!—воскликнула ея свѣтлость.

— Тысячу фунтовъ,—сказалъ я, садясь.

— Тысячу фунтовъ!—повторилъ артистъ задумчиво.

— Тысячу фунтовъ!—подтвердилъ я.

— Съ ручательствомъ?—спросилъ онъ, поворачивая носъ къ свѣту.

— Да,—отвѣчалъ я, высморкавшись.

— Это настоящій оригиналъ?—спросилъ онъ, почтительно прикасаясь къ нему.

— Хе!—отвѣчалъ я, закрутивъ его въ бокъ.

— Не было ни одного снимка?—продолжалъ онъ, разсматривая его въ лупу.

— Ни одного,—отвѣчалъ я, задравъ его кверху.

— Удивительно!—воскликнулъ онъ, пораженный изяществомъ этого маневра.

— Тысячу фунтовъ!—сказалъ я.

— Тысячу фунтовъ?—сказалъ онъ.

— Именно!—сказалъ я.

— Тысячу фунтовъ!—сказалъ онъ.

— Ни болѣе ни менѣе!—сказалъ я.

— Вы ихъ получите!—сказалъ онъ.—Хорошій экземпляръ.

И тутъ же выдалъ мнѣ чекъ и срисовалъ мой носъ. Я нанялъ квартиру въ Джерменъ-Стритъ и послалъ ея величеству девяносто девятое изданіе Нозологіи съ портретомъ обонятельнаго органа. Повѣса принцъ Уэльскій пригласилъ меня на обѣдъ.

Мы собрались—все львы, все recherchés.

Былъ тутъ современный Платоникъ. Онъ цитировалъ Порфирія, Ямвлиха, Плотина, Прокла, Гіерокла, Максима Тирскаго и Сирійскаго.

Былъ тутъ сторонникъ идеи человѣческаго прогресса. Онъ цитировалъ Тюрго, Прайса, Пристлея, Кондорсе, Сталь и «Честолюбиваго Студента съ слабымъ здоровьемъ».

Былъ тутъ сэръ Положительный Парадоксъ. Онъ объявилъ, что всѣ дураки были философами и всѣ философы дураками.

Былъ тутъ Эстетикусъ Этиксъ. Онъ говорилъ объ огнѣ, единствѣ и атомахъ; о двойственной и предъ-существовавшей душѣ; о сродствѣ и разъединеніи; о первичномъ умѣ и гомеомеріи.

Былъ тутъ Теологосъ Теологъ. Онъ толковалъ о Евсевіи и Аріѣ; о ересяхъ и Никейскомъ соборѣ; о Пюзеизмѣ и субстанціализмѣ; о гомузіосъ и гомойузіосъ.

Былъ тутъ Фрикассе изъ Rocher de Cancale. Онъ разсказывалъ о цвѣтной капустѣ съ соусомъ velouté; о телятинѣ á la St. Menehoult; о маринадѣ a la St. Florentin; объ апельсинномъ желе en mozaïques.

Былъ тутъ Бибулюсъ О'Полштофъ. Онъ распространялся о Латурѣ и Маркобрунненъ, о Муссё и Шамбертенѣ, о Ришбуръ и Сенъ Жоржъ, о Гобріонѣ, Ліонвиллѣ и Медокѣ; о Баракѣ и Преньякѣ; о Гравъ, о Сотернѣ, о Лафитѣ, о С-тъ Перэ. Онъ покачивалъ головой, смакуя Кло де-Вужо, и отличалъ съ закрытыми глазами Хересъ отъ Амонтильядо.

Былъ тутъ синьоръ Тинтонтинтино изъ Флоренціи. Онъ разсуждалъ о Чимабуэ, Арпино, Карпаччіо и Аргостино; о сумрачномъ тонѣ Караваджіо, о граціи Альбано, о колоритѣ Тиціана, о женщинахъ Рубенса и о шалостяхъ Яна Стина.

Былъ тутъ Ректоръ мѣстнаго Университета. Онъ высказалъ мнѣніе, будто луна называлась Бендисъ во Фракіи, Бубастисъ въ Египтѣ, Діаной въ Римѣ и Артемидой въ Греціи.

Былъ тутъ Турецкій Паша изъ Стамбула. Онъ не могъ себѣ представить ангеловъ иначе, какъ въ видѣ лошадей, пѣтуховъ и быковъ и полагалъ, что на шестомъ небѣ есть нѣкто съ семью тысячами головъ; а земля покоится на коровѣ небесно-голубого цвѣта съ безчисленными рогами.

Былъ тутъ Дельфинусъ Полиглотъ. Онъ разсказалъ намъ, какая судьба постигла восемьдесятъ три потерянныя трагедіи Эсхи-

ла; пятьдесятъ четыре рѣчи Исея; триста девяносто одинъ спичъ Лизія; сто восемьдесятъ трактатовъ Теофраста; восемь книгъ о коническихъ сѣченіяхъ Аполлонія; гимны и дифирамбы Пиндара и сорокъ пять трагедій Гомера Младшаго.

Былъ тутъ Фердинандъ Фицъ-Фоссиліусъ Полевой-Шпатъ. Онъ сообщилъ намъ объ огненно-жидкомъ ядрѣ и третичной формаціи; о газообразномъ, жидкомъ и твердомъ; о кварцѣ и мергелѣ; о шиферѣ и шерлѣ; о гипсѣ и трапѣ; объ извести и талькѣ; о порфирѣ и мелафирѣ; о слюдяномъ сланцѣ и пуддинговомъ камнѣ; о ціанитѣ и лепидолитѣ; о гематитѣ и тремолитѣ; объ антимоніи и холцедонѣ; о марганцѣ и обо всемъ остальномъ.

Былъ тутъ я. Я говорилъ о себѣ;—о себѣ, о себѣ, о себѣ;—о Нозологіи, о моемъ памфлетѣ и о себѣ. Я задралъ носъ кверху и говорилъ о себѣ.

— Поразительно умный человѣкъ!—сказалъ принцъ.

— Удивительно!—подхватили гости.

А на другое утро ея свѣтлость Ахъ-Боже-Мой, явилась ко мнѣ съ визитомъ.

— Будете вы у Альмака, милое созданіе?—сказала она, ущипнувъ меня за подбородокъ.

— Честное слово,—сказалъ я.

— Съ носомъ?—спросила она.

— Непремѣнно,—отвѣчалъ я.

— Такъ вотъ карточка, жизнь моя. Могу я сказать, что вы будете?

— Дорогая герцогиня—съ радостью.

— Э, нѣтъ! Лучше съ носомъ.

— И его захвачу, радость моя,—сказалъ я, повелъ имъ туда-сюда и очутился у Альмака.

Комнаты были биткомъ набиты.

— Онъ идетъ!—крикнулъ кто-то на лѣстницѣ.

— Онъ идетъ!—крикнулъ другой.

— Онъ идетъ!—крикнулъ третій.

— Онъ пришелъ!—воскликнула графиня.—Онъ пришелъ, мой ненаглядный!

И схвативъ меня крѣпко обѣими руками, она трижды чмокнула меня въ носъ.

Это вызвало сенсацію.

— Diavolo!—воскликнулъ графъ Каприкорнутти.

— Dios guarda!—проворчалъ донъ Стилетто.

— Mille tonnerres!—крикнулъ принцъ де-Гренуйль.

— Tousand Teufel!—пробурчалъ электоръ Блудденнуффъ.

Этого я не могъ вынести. Я разсердился. Я обратился къ Блудденнуффу:

— Милостивый государь!—сказалъ я,—вы павіанъ!

— Милостивый государь!—возразилъ онъ послѣ нѣкотораго размышленія,—Donner und Blitzen!

Больше ничего не требовалось. Мы обмѣнялись карточками. На другое утро я отстрѣлилъ ему носъ, а затѣмъ отправился къ своимъ друзьямъ.

— Bête!—сказалъ первый.

— Дуракъ!—сказалъ второй!

— Олухъ!—сказалъ третій.

— Оселъ!—сказалъ четвертый.

— Простофиля!—сказалъ пятый.

— Болванъ!—сказалъ шестой.

— Убирайся!—сказалъ седьмой.

Я огорчился и пошелъ къ отцу.

— Отецъ,—сказалъ я,—какая цѣль моего существованія?

— Сынъ мой,—отвѣчалъ онъ,—изученіе Нозологіи, какъ и раньше; но, попавъ электору въ носъ, ты промахнулся. Конечно, у тебя прекрасный носъ, но у Блудденуффа теперь совсѣмъ нѣтъ носа. Ты провалился, а онъ сталъ героемъ дня. Безспорно знаменитость льва пропорціональна длинѣ его носа, но, Богъ мой! возможно-ли соперничать съ львомъ совершенно безносымъ?

Человѣкъ толпы.

Ce grand malheur de ne pouvoir être seul.

(Великое несчастіе не выносить одиночества).

La Bruyère.

Хорошо сказано объ одной нѣмецкой книгѣ: «es lasst sich nicht lesen»—она не позволяетъ себя читать. Есть тайны, которыя не позволяютъ себя высказать. Каждую ночь люди умираютъ въ своихъ постеляхъ, стискивая руки призрачныхъ духовниковъ и жалобно глядя имъ въ глаза,—умираютъ съ отчаяніемъ въ сердцѣ и конвульсіями въ глоткѣ, изъ-за чудовищныхъ тайнъ, которыя не допускаютъ, чтобы ихъ открыли. Время отъ времени, увы, совѣсть человѣческая обременяетъ себя такой ужасной тяжестью, которая можетъ быть сброшена только въ могилѣ. Такимъ образомъ сущность преступленія остается неразоблаченной.

Не такъ давно, октябрскимъ вечеромъ, я сидѣлъ у большого окна съ выступомъ въ кофейнѣ Д.—въ Лондонѣ. Я былъ боленъ нѣсколько мѣсяцевъ, но теперь выздоравливалъ и находился въ томъ

счастливомъ настроеніи духа, прямо противуположномъ ennui— когда всѣ чувства изощрены, пелена спадаетъ съ духовныхъ очей αχλυς ος πρὶν επηεν—и наэлектризованный интеллектъ настолько же возвышается надъ своимъ обычнымъ состояніемъ, насколько живой и ясный умъ Лейбница превосходитъ нелѣпую и пошлую реторику Горгія. Существовать было уже наслажденіемъ, и я извлекалъ положительное удовольствіе изъ многихъ явленій, служащихъ обыкновенно источникомъ страданія. Я относился ко всему съ спокойнымъ, но пытливымъ интересомъ. Съ сигарой въ зубахъ и газетой на колѣняхъ я благодушествовалъ съ самаго обѣда, читая объявленія, разсматривая разношерстную публику въ кофейнѣ, или поглядывая сквозь закопченныя стекла на улицу.

Это послѣдняя, одна изъ главныхъ улицъ города, такъ что прохожіе толпились на ней цѣлый день. Къ вечеру толпа увеличилась, а когда зажглись фонари, мимо дверей кофейни двигались два сплошныхъ, непрерывныхъ потока публики. Мнѣ никогда еще не случалось наблюдать ее съ такого пункта въ такой часъ вечера, и шумное море человѣческихъ головъ возбуждало во мнѣ восхитительное по своей новизнѣ волненіе. Въ концѣ концовъ я занялся исключительно улицей, не обращая вниманія на то, что происходило въ ресторанѣ

Сначала мои наблюденія имѣли абстрактный и обобщающій характеръ. Я разсматривалъ толпы въ ихъ цѣломъ, въ ихъ массовыхъ отношеніяхъ. Вскорѣ, однако, я занялся деталями и разглядывалъ съ величайшимъ интересомъ безконечно разнообразныя фигуры, костюмы, манеры, походку, лица и выраженія.

Огромное большинство прохожихъ имѣло самодовольный видъ дѣловыхъ людей и, повидимому, думали только о томъ, какъ бы пробраться сквозь толпу. Они хмурились, перебѣгали глазами съ одного предмета на другой и, получивъ толчекъ, не выказывали признаковъ нетерпѣнія, а поправляли платье и спѣшили дальше. Другіе, ихъ тоже было много, отличались безпокойными движеніями, раскраснѣвшимися лицами, они жестикулировали и разсуждали сами съ собою, точно чувствовали себя тѣмъ болѣе одинокими, чѣмъ гуще была толпа. Наткнувшись на кого-нибудь, они останавливались, умолкали, но удваивали свою жестикуляцію и съ разсѣянной и неестественной улыбкой дожидались, пока встрѣчный пройдетъ. Получивъ толчекъ, они раскланивались съ самымъ виноватымъ видомъ. За исключеніемъ отмѣченныхъ мною чертъ, эти двѣ обширныя группы не представляли ничего особеннаго. Одежда ихъ была, что называется, приличная, и только. Это были, безъ сомнѣнія, дворяне, купцы, стряпчіе, промышленники, спекулянты, эвпатриды и ходячія общія мѣста, люди праздные и люди заня-

тые своими собственными дѣлами, ведущіе ихъ за свой счетъ и страхъ. Они не особенно интересовали меня.

Группа прикащиковъ бросалась въ глаза, и я замѣтилъ въ ней два разряда. Одни, младшіе прикащики сомнительныхъ фирмъ, молодые джентльмены, въ сюртукахъ въ обтяжку, въ блестящихъ сапогахъ, съ напомаженными волосами и надменнымъ выраженіемъ губъ. Если бы не извѣстная юркость, которую, за неимѣніемъ лучшаго термина можно назвать гостиннодворской развязностью, эти господа показались бы мнѣ точнымъ facsimile того, что считалось верхомъ хорошаго тона годъ или полтора тому назадъ. Они донашивали барское платье: лучшаго опредѣленія этому классу, кажется, не придумаешь.

Старшіе клерки солидныхъ фирмъ—steady old fellows—тоже имѣли рѣзко опредѣленную физіономію. Ихъ легко было узнать по чернымъ или темнокоричневымъ брюкамъ и сюртукамъ, сидѣвшимъ удобно и покойно, большимъ солиднымъ башмакамъ, бѣлымъ галстукамъ и жилетамъ, толстымъ чулкамъ или гетрамъ. У всѣхъ головы свѣтились, а верхушка праваго уха какъ-то странно оттопыривалась вслѣдствіе привычки закладывать за нее перо. Я замѣтилъ, что они снимали или надѣвали шляпы непремѣнно обѣими руками, и носили часы на коротенькой золотой цѣпочкѣ стариннаго основательнаго образца. Они представляли изъ себя аффектацію респектабельности, если можетъ быть такая почтенная аффектація.

Было тутъ много шикарныхъ джентльменовъ, въ которыхъ я безъ труда узнавалъ мазуриковъ, наводняющихъ всѣ большіе города. Я съ большимъ любопытствомъ разсматривалъ этихъ франтовъ и удивлялся, какъ могутъ настоящіе джентльмены принимать ихъ за такихъ же джентльменовъ. Огромныя маншеты и видъ необычайнаго чистосердечія сразу выдаютъ ихъ.

Еще легче узнать игроковъ, которыхъ я тоже замѣтилъ не мало. На нихъ были всевозможные костюмы отъ отчаяннаго thimblerig bully съ бархатнымъ жилетомъ, фантастическимъ галстукомъ, золотыми цѣпочками, филигранными пуговицами до невиннѣйшаго пасторскаго костюма, менѣе всего дающаго поводъ къ подозрѣніямъ. Но всѣ они отличались темнымъ цвѣтомъ лица, тусклыми, мутными глазами и блѣдными плотно сжатыми губами. Были еще двѣ черты, по которымъ я безошибочно узнавалъ ихъ: разсчитанно тихій тонъ голоса въ разговорѣ и склонность большого пальца отклоняться подъ прямымъ угломъ отъ остальныхъ. Въ кампаніи съ этими субъектами я нерѣдко замѣчалъ людей, нѣсколько отличавшихся отъ нихъ манерами, но несомнѣнно птицъ того же полета. Все это господа, кормящіеся своей изобрѣтательностью. Они

аттакуютъ публику двумя батальонами: денди и военныхъ. Отличительныя черты первыхъ: улыбка и длинныя кудри; вторыхъ— длинные сюртуки и хмурыя лица.

Спускаясь по ступенямъ такъ называемой порядочности, я находилъ все болѣе и болѣе мрачныя темы для размышленій. Были тутъ евреи-разнощики съ сверкающими ястребиными глазами и печатью подлаго униженія на лицахъ, стиравшей всякое другое выраженіе; наглые профессіональные нищіе, злобно ворчавшіе на своихъ коллегъ лучшаго типа, которыхъ только отчаяніе выгнало ночью на улицу за подаяніемъ; жалкіе изможденные инвалиды, на которыхъ смерть уже наложила свою руку, которые пробирались невѣрными шагами сквозь толпу, заглядывая каждому встрѣчному въ лицо умоляющимъ взглядомъ, точно стараясь найти случайное утѣшеніе, послѣднюю надежду; скромныя дѣвушки, возвращавшіяся послѣ долгой и поздней работы въ свое безотрадное жилище, уклоняясь скорѣе со слезами, чѣмъ съ негодованіемъ отъ уличныхъ нахаловъ, столкновенія съ которыми они не могли избѣжать; продажныя женщины всѣхъ сортовъ и возрастовъ,—красавица въ первомъ расцвѣтѣ женственности, напоминающая статую Лукіана: снаружи паросскій мраморъ, внутри—грязь,—отвратительная прокаженная въ лохмотьяхъ,—сморщенная, раскрашенная вѣдьма въ брилліантахъ, готовая на все, чтобы казаться молодой,—дѣвочка съ несозрѣвшими еще формами, но уже искусившаяся въ пріемахъ своего гнуснаго ремесла, пожираемая жаждой поравняться со старшими въ порокѣ; пьяницы, безчисленные и неописуемые, иные въ лохмотьяхъ, оборванные, шатающіеся, бормочущіе что-то нечленораздѣльное, съ разбитыми лицами и мутными глазами; иные въ цѣлыхъ, хотя грязныхъ, платьяхъ съ не то нахальными, не то застѣнчивыми манерами, толстыми чувственными губами и добродушными красными лицами; иные въ костюмахъ, когда то щегольскихъ и даже теперь хорошо вычищенныхъ, шедшіе твердой походкой, но страшно блѣдные, съ дикими красными глазами, съ дрожащими пальцами, которыми они судорожно хватались за что попадется; а затѣмъ пирожники, носильщики, чернорабочіе, трубочисты, шарманщики, бродяги съ учеными обезьянами, продавцы уличныхъ пѣсенъ и исполнители этихъ пѣсенъ, оборванные ремесленники и изнуренные работники, — все это стремилось мимо безпорядочной массой, раздиравшей слухъ своимъ гвалтомъ и рѣзавшей глаза своей пестротой.

По мѣрѣ того какъ ночь прибывала, прибывалъ и мой интересъ, такъ какъ не только характеръ толпы измѣнялся (ея лучшія черты исчезали съ удаленіемъ наиболѣе порядочныхъ элементовъ, а худшія выступали ярче по мѣрѣ того, какъ поздній часъ выма-

нивалъ всякій сбродъ изъ его логовищъ), но и лучи газовыхъ фонарей, сначала слабые въ борьбѣ съ угасающимъ днемъ, теперь разгорѣлись и озаряли всѣ предметы яркимъ дрожащимъ свѣтомъ. Все было мрачно и все сіяло, какъ то эбеновое дерево, съ которымъ сравнивали слогъ Тертулліана.

Странные свѣтовые эффекты приковали мое вниманіе къ отдѣльнымъ лицамъ, и хотя этотъ рой свѣтлыхъ призраковъ проносился мимо окна такъ быстро, что я успѣвалъ бросить только мимолетный взглядъ на каждую отдѣльную фигуру, но, благодаря особенному душевному состоянію, я могъ, казалось мнѣ, прочесть въ короткій промежутокъ одного взгляда исторію долгихъ лѣтъ.

Прильнувъ къ стеклу, я разсматривалъ толпу, какъ вдругъ мнѣ бросилась въ глаза физіономія (дряхлаго старика лѣтъ шестидесяти пяти или семидесяти), поразившая и поглотившая мое вниманіе своимъ совершенно особеннымъ выраженіемъ. Никогда я не видывалъ ничего подобнаго этому выраженію. Помню, у меня мелькнула мысль, что Рэтчъ, если бы онъ былъ живъ, предпочелъ бы эту физіономію тѣмъ измышленіямъ собственной фантазіи, въ которыхъ онъ пытался воплотить дьявола. Когда, въ короткій промежутокъ времени моего наблюденія, я попытался анализировать это выраженіе, въ умѣ моемъ поднялся смутный и хаотическій рой представленій объ исключительной силѣ ума, объ осторожности, скаредности, скупости, хладнокровіи, злости, кровожадности, торжествѣ, весельѣ, крайнемъ ужасѣ, глубокомъ, безнадежномъ отчаяніи. Меня охватило странное волненіе, возбужденіе, очарованіе. «Какая безумная исторія,—подумалъ я,—написана въ этомъ сердцѣ». Мнѣ захотѣлось во что бы то ни стало увидѣть этого человѣка, узнать о немъ что-нибудь. Накинувъ пальто, схвативъ шляпу и палку, я выбѣжалъ на улицу и, проталкиваясь сквозь толпу, старался догнать старика, который уже исчезъ изъ вида. Мнѣ удалось это, хотя и не безъ труда, и я пошелъ за нимъ почти по пятамъ, но осторожно, чтобы не привлечь его вниманія.

Теперь мнѣ нетрудно было изучить его наружность. Онъ былъ небольшого роста, очень худощавъ и, повидимому, очень слабъ. Одежда его была грязная и оборванная; но бѣлье, хотя и засаленное,—тонкаго полотна, какъ я могъ убѣдиться, когда онъ попадалъ въ полосу яркаго свѣта и, если только зрѣніе не обмануло меня, я замѣтилъ сквозь прорѣху его наглухо застегнутаго и сильно подержаннаго roquelaure блескъ алмазовъ и кинжала. Эти наблюденія усилили мое любопытство и я рѣшился слѣдовать за незнакомцемъ, куда бы онъ ни пошелъ.

Была уже ночь, надъ городомъ нависъ густой влажный туманъ, вскорѣ разрѣшившійся частымъ крупнымъ дождемъ. Эта пере-

мѣна погоды оказала странное дѣйствіе на толпу, которая разомъ заволновалась: въ одну минуту надъ ней выросъ цѣлый лѣсъ зонтиковъ. Шумъ, гвалтъ и суматоха удесятерились. Я съ своей стороны не обращалъ особеннаго вниманія на дождь: застарѣлая лихорадка, таившаяся въ моемъ организмѣ, заставляла меня находить удовольствіе, правда очень опасное, въ сырости. Повязавъ шею носовымъ платкомъ, я продолжалъ свой путь. Въ теченіе получаса старикъ пробирался въ толпѣ, а я слѣдовалъ за нимъ по пятамъ, опасаясь потерять его изъ вида. Онъ ни разу не обернулся и потому не могъ замѣтить меня. Наконецъ мы свернули за уголъ на другую улицу, тоже людную, но не загроможденную народомъ до такой степени, какъ первая. Тутъ мнѣ бросилась въ глаза перемѣна въ манерахъ старика. Онъ пошелъ тише и не такъ увѣренно, какъ раньше. Онъ то и дѣло переходилъ улицу, повидимому, безъ всякой цѣли, а толпа была все еще такъ густа, что въ такія минуты мнѣ приходилось слѣдовать за нимъ вплотную. Улица была узкая и длинная, онъ плелся по ней цѣлый часъ, а толпа тѣмъ временемъ рѣдѣла, наконецъ, прохожихъ осталось не больше, чѣмъ ихъ бываетъ на Бродуэѣ у парка въ полдень: такъ велика разница между населенностью Лондона и самаго многолюднаго изъ американскихъ городовъ. Слѣдующій поворотъ привелъ насъ къ скверу, ярко освѣщенному и кипѣвшему жизнью. Прежній видъ вернулся къ незнакомцу. Голова его опустилась на грудь, глаза дико сверкали изъ подъ нахмуренныхъ бровей на тѣхъ, кто преграждалъ ему путь. Онъ упорно шелъ впередъ. Но, къ моему удивленію, обойдя скверъ, онъ повернулся и пошелъ въ обратномъ направленіи. Удивленіе мое возросло, когда онъ повторилъ этотъ обходъ нѣсколько разъ. Однажды, быстро обернувшись, онъ чуть было не замѣтилъ меня.

Прошелъ еще часъ, и прохожіе уже не такъ тѣснили насъ, какъ раньше. Дождь усиливался, стало холодно, публика разошлась по домамъ. Съ жестомъ нетерпѣнія старикъ свернулъ въ переулокъ, сравнительно пустынный. Онъ пустился по немъ съ проворствомъ, котораго я никакъ не ожидалъ отъ такого старика, и бѣжалъ съ четверть мили, такъ что я едва поспѣвалъ за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы очутились на большомъ, шумномъ рынкѣ. Старикъ, очевидно, зналъ тутъ всѣ ходы и выходы; прежнее спокойствіе вернулось къ нему и онъ пустился безцѣльно бродить среди торговцевъ и покупателей.

Часа полтора мы провели здѣсь, и мнѣ стоило большого труда слѣдовать за старикомъ, оставаясь незамѣченнымъ. Къ счастью, на мнѣ были резиновыя галоши, такъ что я могъ двигаться безъ шума. Старикъ не замѣтилъ меня. Онъ переходилъ изъ лавки въ

лавку, ничего не спрашивалъ, не говорилъ ни слова и смотрѣлъ на всѣ предметы дикимъ блуждающимъ взглядомъ. Я все болѣе и болѣе удивлялся его поведенію и рѣшилъ не разставаться съ нимъ, пока не разрѣшу своихъ недоумѣній.

Часы на башнѣ пробили одиннадцать, и рынокъ быстро опустѣлъ. Какой-то лавочникъ, запирая ставни, толкнулъ старика локтемъ, и дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ поспѣшилъ на улицу, окинулъ ее безпокойнымъ взглядомъ и съ невѣроятной быстротой побѣжалъ по безлюднымъ кривымъ переулкамъ. Въ концѣ концовъ мы выбрались на ту же улицу, откуда начали свой путь,— гдѣ находилась кофейня Д. Но видъ ея измѣнился. Газовые фонари свѣтили такъ же ярко, но дождь лилъ какъ изъ ведра и прохожихъ почти не было. Старикъ поблѣднѣлъ. Онъ сдѣлалъ нѣсколько нерѣшительныхъ шаговъ по улицѣ, такъ недавно кишѣвшей народомъ, затѣмъ съ тяжелымъ вздохомъ повернулъ къ рѣкѣ и, поколесивъ по разнымъ переулкамъ, вышелъ наконецъ къ одному изъ главныхъ театровъ. Представленіе только что кончилось, и публика валила изъ подъѣзда. Старикъ перевелъ духъ, точно набираясь воздуху прежде чѣмъ нырнуть въ толпу; но я замѣтилъ, что глубокая тоска, отражавшаяся на его лицѣ, какъ будто разсѣялась. Онъ снова опустилъ голову на грудь и имѣлъ теперь такой же видъ, какъ въ ту минуту, когда я впервые увидѣлъ его. Я замѣтилъ, что онъ направился вмѣстѣ съ главной массой публики, но рѣшительно не могъ понять его страннаго поведенія.

По мѣрѣ того какъ мы шли, толпа рѣдѣла и къ старику возвращалась его прежняя нерѣшительность и тревога. Нѣкоторое время онъ упорно слѣдовалъ за кучкой какихъ-то буяновъ, но и она мало-по-малу разбрелась, такъ что осталось всего трое въ узкой и темной безлюдной улицѣ. Старикъ остановился и задумался, потомъ быстрыми шагами направился къ окраинѣ города. Мы пришли наконецъ въ грязнѣйшій кварталъ Лондона, гдѣ все и вся носило отпечатокъ самой отчаянной нищеты и самаго закоренѣлаго порока. При тускломъ свѣтѣ рѣдкихъ фонарей предстали передъ нами огромные, ветхіе, изъѣденные червями, деревянные дома, грозившіе паденіемъ и разбросанные въ такомъ хаотическомъ безпорядкѣ, что между ними едва можно было пробраться. Каменья, вывороченные изъ изрытой мостовой, валялись тамъ и сямъ среди густой травы. Ужасный смрадъ распространялся изъ заваленныхъ мусоромъ канавъ. Атмосфера была напоена отчаяніемъ. Но по мѣрѣ того, какъ мы шли, вокругъ насъ пробуждались звуки человѣческой жизни, и вскорѣ мы были окружены толпами самыхъ послѣднихъ подонковъ Лондонскаго населенія. И снова духъ старика вспыхнулъ какъ лампа, готовая угаснуть.

Снова онъ пошелъ легко и твердо. Внезапно, повернувъ за уголъ, мы увидѣли яркій свѣтъ и остановились передъ загороднымъ храмомъ Невоздержности, дворцомъ дьявола Джина.

Время близилось къ разсвѣту, но жалкіе пьяницы толпами входили и выходили въ зіяющую дверь. Съ глухимъ крикомъ радости старикъ пробрался въ кабакъ и принявъ свой прежній видъ, сталъ расхаживать взадъ и впередъ безъ всякой видимой цѣли въ толпѣ посѣтителей. Вскорѣ, однако, давка у дверей показала, что хозяинъ рѣшился запереть свое заведеніе на ночь. На лицѣ страннаго существа, за которымъ я слѣдилъ такъ упорно, мелькнуло что-то болѣе мучительное, чѣмъ само отчаяніе. Но онъ не сталъ медлить, и съ безумной энергіей снова устремился къ сердцу могучаго Лондона. Долго и быстро бѣжалъ онъ, а я слѣдовалъ за нимъ внѣ себя отъ удивленія, рѣшивъ во что бы то ни стало продолжать наблюденія, получившія въ моихъ глазахъ глубочайшій интересъ. Пока мы бѣжали, взошло солнце и когда мы достигли главной улицы этого многолюднаго города,—улицы, гдѣ находится кофейня Д.,—на ней ужь стояла толчея и суматоха почти такая же, какъ вчера вечеромъ. И здѣсь, въ ежеминутно возростающей давкѣ, я упорно слѣдовалъ за старикомъ. Но онъ, какъ и раньше, безцѣльно бродилъ туда и сюда, и цѣлый день оставался среди уличнаго водоворота. Когда же вечернія тѣни снова ложились на городъ, я, смертельно усталый, остановился передъ бродягой и устремилъ на него пристальный взглядъ. Онъ не замѣтилъ меня и продолжалъ свое странствіе, а я, оставивъ погоню, погрузился въ размышленія.

— Этотъ старикъ, — сказалъ я наконецъ, — типъ и геній черпаго преступленія. Онъ не въ силахъ остаться одинъ. Онъ человѣкъ толпы. Безполезно гнаться за нимъ: ничего больше я не узнаю о немъ и его дѣлахъ. Худшее сердце въ мірѣ—книга болѣе гнусная, чѣмъ «Hortulus Animae» *) и, можетъ быть, мы должны возблагодарить Бога за то, что «es lasst sich nicht lesen».

Никогда не закладывай чорту свою голову.

СКАЗКА СЪ МОРАЛЬЮ.

«Con tal que las costumbres de un autor»—говоритъ Донъ-Томасъ де-ласъ Торресъ въ предисловіи къ своимъ «Любовнымъ Поэмамъ»—«sean puras y castas, importo muy poco que non sean igualmente severas sus obras», т. е. если самъ авторъ чистъ въ

*) «Hortulus Animae cum Oratiunculis Aliquibus Superadditis» Грюнингера. См. Д'Израэли Curiosities of Literature.

моральномъ отношеніи, то рѣшительно все равно, какова мораль его книгъ. Полагаю, что Донъ-Томасъ попалъ въ Чистилище за это утвержденіе. И стоило бы, во имя поэтической справедливости, продержать его тамъ до тѣхъ поръ, пока «Любовныя Поэмы» не будутъ распроданы до послѣдняго экземпляра или забыты вслѣдствіе недостатка читателей. Въ каждомъ вымыслѣ должна быть мораль; мало того, критики открыли, что она есть въ каждомъ вымыслѣ. Филиппъ Меланхтонъ довольно давно уже написалъ комментаріи къ «Войнѣ мышей и лягушекъ» и доказалъ, что цѣль поэта была возбудить отвращеніе къ мятежу. Пьеръ ла-Сенъ зашелъ дальше, показавъ, что поэма написана съ цѣлью внушить молодымъ людямъ отвращеніе къ обжорству и пьянству. Равнымъ образомъ Яковъ Гюго пришелъ къ убѣжденію, что въ лицѣ Эвена Гомеръ изображаетъ Жана Кальвина, въ лицѣ Антиноя—Мартина Лютера, въ Лотофагахъ—протестантовъ вообще, а въ Гарпіяхъ—голландцевъ. Наши новѣйшіе схоліасты не менѣе остроумны. Эти молодцы разъяснили скрытый смыслъ «The Antediluvians», аллегорію «Powhuttan», новые взгляды «Щеголя Робина», трансцендентальную философію «Карапузика». Словомъ, доказано, что человѣкъ не можетъ взяться за перо безъ глубочайшихъ замысловъ. Такимъ образомъ задача авторовъ значительно облегчается. Беллетристу, напримѣръ, нечего заботиться о морали. Она есть — гдѣ-нибудь да найдется. Мораль и критики сами позаботятся о себѣ. Все, что авторъ имѣлъ въ виду, и все, чего онъ не имѣлъ въ виду, выяснится въ свое время въ «Обозрѣніи» или «Магазинѣ», а также и то, что онъ долженъ былъ имѣть въ виду, и то, что онъ собирается имѣть въ виду,—словомъ, все пойдетъ, какъ по маслу.

Итакъ, нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ обвиненіи, взведенномъ на меня нѣкоторыми невѣждами: будто я не написалъ ни одного моральнаго разсказа или, выражаясь точнѣе, разсказа съ моралью. Не этимъ критикамъ предназначено разъяснить меня и развить мою мораль—вотъ въ чемъ все дѣло. Но «Сѣверо-Американскій Трехмѣсячный Враль» заставитъ ихъ устыдиться своей глупости. Тѣмъ временемъ, чтобы отсрочить мою казнь, чтобы смягчить обвиненіе, я предлагаю вниманію публики нижеслѣдующую печальную исторію—мораль которой очевидна, внѣ всякаго сомнѣнія, такъ какъ напечатана крупнымъ шрифтомъ въ заглавіи разсказа. Мнѣ обязаны благодарностью за этотъ пріемъ, гораздо болѣе остроумный, чѣмъ у Лафонтена и прочихъ, которые откладываютъ печатаніе морали до послѣдней минуты, припрятывая ее до конца своихъ басенъ.

Defuncti injuria ne afficiantur гласятъ законы двѣнадцати та-

блицъ, и De mortuis nil nisi bonum—превосходное правило, хотя бы покойный, о которомъ идетъ рѣчь, былъ просто покойнымъ халатомъ. Итакъ, я не намѣренъ бранить моего покойнаго друга Тоби Даммита. Онъ былъ изрядная собака и умеръ собачьей смертью; но нельзя ставить ему въ вину его пороки. Они явились результатомъ физическаго недостатка его матери. Она дѣлала для ребенка все, что могла: сѣкла его нещадно, потому что исполненіе долга всегда было для нея удовольствіемъ, а дѣти, какъ бифштексъ, становятся тѣмъ лучше, чѣмъ больше ихъ колотишь. Но—бѣдная женщина!—она была лѣвша, а лучше совсѣмъ не пороть дѣтей, чѣмъ пороть ихъ лѣвой рукой. Міръ вертится справа налѣво. Поэтому нельзя стегать ребенка слѣва направо. Если каждый ударъ, нанесенный въ надлежащемъ направленіи, выколачиваетъ какую-нибудь дурную наклонность, то каждый ударъ, нанесенный въ противуположномъ направленіи, долженъ вколачивать соотвѣтствующее количество порока. Я часто присутствовалъ при наказаніи Тоби и уже по тому, какъ онъ брыкался, могъ убѣдиться, что мальчишка становится хуже и хуже съ каждымъ днемъ. Наконецъ, я увидѣлъ сквозь слезы, что нѣтъ ни малѣйшей надежды на исправленіе этого негодяя, а однажды, когда отъ нещадной порки онъ весь почернѣлъ словно негритенокъ, когда даже это наказаніе не произвело на него никакого дѣйствія кромѣ того, что онъ покатился въ судорогахъ,—я не могъ болѣе сдерживаться, и упавъ на колѣни, во всеуслышаніе предсказалъ ему гибель.

Пороки развивались въ немъ съ ужасающею быстротой. Пяти мѣсяцевъ отъ роду онъ приходилъ въ такое бѣшенство, что не могъ выговорить слова. Шести мѣсяцевъ я засталъ его однажды жующимъ колоду картъ; семи мѣсяцевъ онъ уже привыкъ обнимать и цѣловать маленькихъ дѣвочекъ. Восьми мѣсяцевъ онъ нагло отказался подписать обѣтъ трезвости. Такъ изъ мѣсяца въ мѣсяцъ усиливалась его испорченность, а къ концу перваго года онъ не только выражалъ настойчивое желаніе носить усы, но и проявилъ наклонность ругаться, божиться и биться объ закладъ.

Эта послѣдняя совершенно неблагородная привычка привела къ гибели, которую я предсказывалъ Тоби Даммиту. Привычка «росла вмѣстѣ съ его ростомъ и усиливалась вмѣстѣ съ его силой», такъ что, возмужавъ, онъ чуть не на каждомъ словѣ предлагалъ биться объ закладъ. Не то, чтобы онъ дѣйствительно хотѣлъ держать пари, нѣтъ, это была только манера, привычка,—ничего болѣе. Подобныя предложенія въ его устахъ не имѣли ровно никакого значенія. Это были красоты слога—невинныя реторическія фигуры для закругленія фразы. Когда онъ говорилъ «я готовъ прозакладывать то-то и то-то», никто не принималъ его словъ за

чистую монету; но все же я считалъ долгомъ отучить его отъ этой привычки. Привычка была безнравственная,—я говорилъ ему это. Привычка была вульгарная,—я старался увѣрить его въ этомъ. Она не принята въ порядочномъ обществѣ,—утверждая это, я сказалъ чистѣйшую правду. Она воспрещена актомъ конгресса,—высказывая это, я отнюдь не имѣлъ намѣренія солгать. Я увѣщевалъ,—напрасно. Я доказывалъ—тщетно. Я убѣждалъ—онъ смѣялся! Я умолялъ—онъ хохоталъ. Я проповѣдывалъ—онъ скалилъ зубы. Я далъ ему пинка—онъ кликнулъ полицію. Я дернулъ его за носъ—онъ высморкался и объявилъ, что я не посмѣю повторить эту выходку, прибавивъ, что готовъ прозакладовать чорту свою голову.

Бѣдность была другой порокъ, укоренившійся въ Даммитѣ въ силу физическаго недостатка его матери. Онъ былъ бѣденъ до безобразія, и потому, безъ сомнѣнія, его реторическія выраженія на счетъ пари рѣдко имѣли денежный характеръ. Я не припомню, чтобы онъ сказалъ хоть разъ: «готовъ прозакладывать долларъ». Онъ говорилъ: «готовъ прозакладывать, что хотите», или «пари на что угодно» или, еще сильнѣе, «готовъ прозакладывать чорту свою голову».

Эта послѣдняя формула нравилась ему больше всѣхъ, быть можетъ, потому, что была сопряжена съ наименьшимъ рискомъ: Даммитъ былъ крайне экономенъ. Голова у него была маленькая, такъ что и потеря была бы маленькая, если бы кто-нибудь поймалъ его на словѣ. Но это мои личныя соображенія и я отнюдь не считаю себя въ правѣ навязывать ихъ ему. Во всякомъ случаѣ эта фраза нравилась ему все болѣе и болѣе, несмотря на очевидное неприличіе ставить въ закладъ собственные мозги, точно банковые билеты, но этого мой другъ не могъ понять по своей развращенности. Въ концѣ концовъ онъ оставилъ всѣ другія формулы и «закладывалъ чорту свою голову» съ упорствомъ и усердіемъ, которыя столь же возмущали, сколько удивляли меня. Меня всегда возмущаютъ явленія, которыхъ я не могу понять. Тайна заставляетъ человѣка думать, и такимъ образомъ наноситъ ущербъ его здоровью. Въ выраженіи, съ которымъ Даммитъ произносилъ эту проклятую фразу, въ манерѣ его, было нѣчто особенное, сначала занимавшее, позднѣе смущавшее меня. За недостаткомъ болѣе подходящаго выраженія, я назову эту особенность странной, но Кольриджъ назвалъ бы ее мистической, Кантъ пантеистической, Карлейль круговращательной, а Эмерсонъ гипермистификаціонной. Она все менѣе и менѣе нравилась мнѣ. Душа мистера Даммита была въ опасномъ положеніи. Я рѣшилъ пустить въ ходъ все мое краснорѣчіе, чтобы

спасти ее. Я поклялся оказать ему такую же услугу, какую св. Патрикъ, по словамъ Ирландской хроники, оказалъ жабѣ, «пробудивъ въ ней сознаніе своего положенія». Я тотчасъ приступилъ къ исполненію моей задачи. Я еще разъ прибѣгнулъ къ увѣщаніямъ. Еще разъ я напрягъ всѣ свои силы для послѣдней попытки.

Когда я кончилъ свое увѣщаніе, мистеръ Даммитъ началъ вести себя крайне двусмысленно. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ хранилъ молчаніе, пристально вглядываясь въ мое лицо. Потомъ внезапно нагнулъ голову на бокъ и поднялъ брови. Потомъ разогнулъ ладони рукъ и вздернулъ плечами. Потомъ мигнулъ правымъ глазомъ. Потомъ повторилъ ту же операцію съ лѣвымъ. Потомъ зажмурилъ глаза. Потомъ раскрылъ ихъ такъ широко, что я серьезно встревожился за послѣдствія. Потомъ, приставивъ большой палецъ къ носу, сдѣлалъ неописуемое движеніе остальными пальцами. И наконецъ, подбоченившись, соблаговолилъ отвѣтить.

Я помню лишь главные пункты его рѣчи. Онъ былъ бы мнѣ очень обязанъ, если бъ я держалъ языкъ за зубами. Онъ не нуждался въ моихъ совѣтахъ. Онъ презиралъ мои инсинуаціи. Онъ былъ въ такомъ возрастѣ, что могъ самъ позаботиться о себѣ. Или я все еще считаю его младенцемъ? Или я имѣю что-нибудь противъ его характера? Или я желаю оскорбить его? Или я просто глупъ? Извѣстно-ли моей родительницѣ, что я ушелъ изъ дома? Да, да,—онъ спрашиваетъ меня, какъ честнаго человѣка, и готовъ повѣрить мнѣ на слово! Еще разъ,—извѣстно-ли моей маменькѣ, что меня нѣтъ дома? Мое смущеніе,—прибавилъ онъ,—выдаетъ меня, и онъ готовъ прозакладывать чорту свою голову, что ей это неизвѣстно.

Мистеръ Даммитъ не дожидался моего отвѣта. Повернувшись на каблукахъ, онъ ушелъ съ самой недостойной быстротой. Счастье его, что онъ сдѣлалъ это. Мои чувства были оскорблены. Даже мой гнѣвъ пробудился. Я бы живо поймалъ его на словѣ. Я бы заставилъ мистера Даммита отдать нечистому свою маленькую головку, такъ какъ на самомъ то дѣлѣ моя мамаша очень хорошо знала о моей временной отлучкѣ.

Но Khoda shefa midehed—Небо посылаетъ облегченіе—какъ говоритъ мусульманинъ, когда вы наступите ему на ногу. Я былъ оскорбленъ при исполненіи долга и перенесъ оскорбленіе какъ мужчина. Во всякомъ случаѣ, мнѣ казалось, что я сдѣлалъ съ своей стороны все для этого несчастнаго, и потому я рѣшился не докучать ему болѣе моими совѣтами, а предоставить его собственной совѣсти. Но, воздерживаясь отъ увѣщаній, я все-таки не рѣшался оставить его на произволъ судьбы. Мало того, я даже потакалъ

иногда его менѣе порочнымъ наклонностямъ, и одобрялъ его гнусныя остроты, одобрялъ со слезами на глазахъ, какъ гастрономы горчицу, такъ глубоко сокрушала меня его нечестивая рѣчь.

Въ одинъ прекрасный день, отправившись гулять, мы дошли до рѣки. Тутъ оказался мостъ, черезъ который мы рѣшились перейти. Онъ былъ крытый, въ видѣ свода—для защиты отъ непогодъ, и такъ какъ оконъ въ этой постройкѣ было мало, то подъ сводомъ царила непріятная темнота. Когда мы вошли въ галлерею, контрастъ между свѣтомъ снаружи и темнотою внутри произвелъ на меня угнетающее дѣйствіе. Несчастный Даммитъ отнесся къ этому совершенно равнодушно и объявилъ, изъявляя готовность прозакладывать чорту свою голову, что я просто кисляй. Вообще онъ былъ,повидимому,въ необычайно веселомъ настроеніи духа. Онъ былъ необыкновенно веселъ, такъ что у меня невольно возникли самыя черныя подозрѣнія. Возможно, что онъ былъ въ припадкѣ трансцендентализма. Но я недостаточно знакомъ съ признаками этой болѣзни, чтобы говорить съ увѣренностью; а, къ несчастью, съ нами не было никого изъ моихъ друзей, сотрудниковъ «Обозрѣнія». Я высказываю это предложеніе только потому, что моимъ другомъ овладѣлъ родъ мрачнаго скоморошества, заставлявшій его дурить на пропалую. Онъ то и дѣло перепрыгивалъ черезъ препятствія, встрѣчавшіяся по дорогѣ, или пролѣзалъ подъ ними на карачкахъ, при этомъ выкрикивалъ или шепталъ какія-то курьезныя слова и словечки, сохраняя серьезнѣйшее выраженіе лица. Наконецъ, уже въ концѣ моста нашъ путь былъ прегражденъ воротцами въ видѣ вертящагося креста. Я спокойно повернулъ его и прошелъ. Но этотъ способъ не понравился Даммиту. Онъ объявилъ, что перепрыгнетъ черезъ крестъ, да еще сдѣлаетъ вольтъ въ воздухѣ. Я же, по совѣсти говоря, не считалъ его способнымъ на такую штуку. Лучшіе вольты по части стиля, откалываетъ мой другъ, мистеръ Карлейль, и такъ какъ мнѣ извѣстно было, что онъ не съумѣетъ выкинуть такую штуку, то гдѣ жь, думалъ я, съумѣть Тобіасу Даммиту. Итакъ, я объявилъ, что онъ хвастунишка и берется за то, чего сдѣлать не можетъ. Впослѣдствіи я раскаялся въ своихъ словахъ, такъ какъ Даммитъ не преминулъ выразить, что онъ можетъ это сдѣлать, и готовъ прозакладывать чорту свою голову.

Не смотря на свое рѣшеніе, о которомъ говорено выше, я уже готовъ былъ обратиться къ нему съ увѣщаніемъ, какъ вдругъ услышалъ подлѣ себя легкое покашливаніе, звучавшее примѣрно такъ: «э... хмъ!» Я вздрогнулъ и съ удивленіемъ осмотрѣлся. Вскорѣ взоръ мой открылъ въ уголкѣ галлереи маленькаго хромого старичка почтеннаго вида. Внѣшность его могла внушить глубочайшее

уваженіе, такъ какъ на немъ была не только черная пара, но и безукоризненно чистая рубашка съ аккуратно завернутыми надъ бѣлымъ галстухомъ воротничками, и волосы съ проборомъ посерединѣ, какъ у дѣвочки. Руки его были задумчиво сложены на животѣ, а глаза осторожно закатывались подъ лобъ.

Вглядѣвшись пристальнѣе, я замѣтилъ на немъ черный шелковый фартучекъ и это показалось мнѣ крайне курьезнымъ. Но, прежде чѣмъ я успѣлъ сказать что-нибудь по поводу этого страннаго обстоятельства, онъ перебилъ меня вторичнымъ «э... хмъ!»

Я не зналъ, что отвѣчать на это заявленіе. Дѣло въ томъ, что на такія лаконическія замѣчанія почти невозможно отвѣтить. Я зналъ одно трехмѣсячное обозрѣніе, которое было приведено въ полное замѣшательство словомъ: «Врешь!» И такъ, безъ стыда сознаюсь, что я обратился за помощью къ мистеру Даммиту.

— Даммитъ,—сказалъ я,—что ты на это скажешь? или ты не слышалъ? этотъ господинъ говоритъ: «э... хмъ!»—Говоря это, я сурово смотрѣлъ на моего друга, такъ какъ, по правдѣ сказать, чувствовалъ себя смущеннымъ, а когда человѣкъ смущенъ, ему слѣдуетъ хмурить брови и выглядѣть сердитымъ, если онъ не хочетъ выглядѣть дуракомъ.

— Даммитъ,—замѣтилъ я тономъ, весьма напоминавшимъ ругательство, котораго, впрочемъ, у меня и въ мысляхъ не было,—Даммитъ, этотъ господинъ говоритъ: «э... хмъ!»

Я не думаю утверждать, что мое замѣчаніе отличалось глубокомысліемъ; я самъ не считалъ его глубокомысленнымъ; но я давно замѣтилъ, что дѣйствіе нашихъ рѣчей совсѣмъ не согласуется съ значеніемъ, которое мы сами придаемъ имъ. Если бы я разнесъ его вдребезги Пексановской бомбой или треснулъ по головѣ «Поэтами и поэзіей въ Америкѣ», это врядъ-ли бы поразило его сильнѣе простыхъ словъ:—Даммитъ, что ты на это скажешь? Или ты не слышалъ? Этотъ господинъ говоритъ: «э... хмъ!»

— Что ты говоришь?—произнесъ онъ наконецъ, нѣсколько разъ измѣнившись въ лицѣ, быстрѣе чѣмъ пиратъ мѣняетъ флаги, когда за нимъ гонится военный корабль. — Ты увѣренъ, что онъ это сказалъ? Ну, что же, я во всякомъ случаѣ не струшу. Сюда. «э... хмъ!»

Старичекъ, повидимому, былъ очень польщенъ, Богъ знаетъ почему. Онъ вылѣзъ изъ своего уголка, граціозно приковылялъ къ Даммиту, схватилъ его руку и дружески потрясъ ее, глядя ему въ лицо съ выраженіемъ самой искренней благосклонности, какую только можно себѣ представить.

— Я совершенно увѣренъ, что вы выиграете пари, Даммитъ,—сказалъ онъ съ чистосердечнѣйшей улыбкой,—но все-таки нужно произвести опытъ, знаете—для проформы.

— Э... хмъ!—отвѣчалъ мой другъ, снимая сюртукъ, обвязывая талію носовымъ платкомъ, закатывая глаза и опуская углы губъ, отчего его физіономія приняла непередаваемое выраженіе,— э... хмъ!—Затѣмъ, помолчавъ, онъ снова сказалъ:—э... хмъ!—и ничего больше я отъ него не слышалъ.—Ага,—подумалъ я (но не высказалъ этого вслухъ), это молчаніе Тоби Даммита что-нибудь да значитъ, и, безъ сомнѣнія, есть результатъ его прежней болтливости. Одна крайность вызываетъ другую. Желалъ бы я знать, помнитъ-ли онъ неумѣстные вопросы, которые такъ бѣгло задавалъ въ тотъ день, когда я прочелъ ему нотацію? Во всякомъ случаѣ онъ вылечился отъ трансцендентализма.

— Э... хмъ!—возразилъ Тоби, точно прочелъ мои мысли, съ выраженіемъ замечтавшейся овцы.

Старичекъ взялъ его за руку и отвелъ подъ мостъ, на нѣсколько шаговъ отъ креста.

— Другъ мой,—сказалъ онъ,—я по совѣсти считаю себя обязаннымъ дать вамъ разбѣжаться. Постойте здѣсь, пока я стану у креста, чтобы видѣть, красиво-ли, трансцендентально-ли вы перепрыгнете черезъ него и сдѣлаете-ли пируэтъ въ воздухѣ. Для проформы, только для проформы!.. Я скажу: «разъ, два, три и валяй». Допустимъ, что вы начнете при словѣ «валяй».—Тутъ онъ помѣстился у креста, на мгновеніе погрузился въ глубокую задумчивость, потомъ взглянулъ вверхъ и, кажется, слегка улыбнулся, потомъ затянулъ тесемки своего передника, потомъ пристально посмотрѣлъ на Даммита и, наконецъ, произнесъ условленный сигналъ—

Разъ, два, три—и валяй!

При словѣ «валяй» мой бѣдный другъ ринулся во всю прыть. Столбъ не былъ особенно высокъ, ни особенно низокъ, и я былъ увѣренъ, что Даммитъ перепрыгнетъ. А если нѣтъ? да, вотъ вопросъ: если нѣтъ? По какому праву,—сказалъ я,—этотъ старый господинъ заставляетъ другого господина прыгать? Кто онъ, этотъ нелѣпый старикашка? Предложи онъ мнѣ прыгать, я не стану, вотъ и все, и знать не хочу, что онъ за чортъ.—Какъ я уже говорилъ, мостъ былъ устроенъ очень странно въ видѣ галлереи, и въ ней все время раздавалось перекатное эхо, которое я услышалъ особенно ясно, когда пробормоталъ четыре послѣднія слова.

Но то, что я говорилъ, и то, что я думалъ, и то, что я слышалъ, заняло какое-нибудь мгновеніе. Не прошло и пяти секундъ, какъ мой бѣдный Тоби прыгнулъ. Я видѣлъ, какъ онъ мчался, какъ онъ отдѣлился отъ мѣста и поднялся вверхъ, выдѣлывая ногами самыя ужасающія фигуры. Я видѣлъ, какъ онъ выкинулъ вверху надъ

самымъ столбомъ пируетъ и мнѣ показалось крайне страннымъ, что онъ не продолжаетъ подниматься. Но весь прыжокъ былъ дѣломъ одного мгновенья и я не успѣлъ хорошенько поразмыслить, какъ мистеръ Даммитъ шлепнулся навзничь по ту самую сторону креста, съ которой началъ прыжокъ. Въ ту же минуту я увидѣлъ, что старичекъ улепетываетъ со всѣхъ ногъ, поймавъ и завернувъ въ передникъ что-то тяжелое, упавшее изъ подъ темнаго свода надъ крестомъ. Все это крайне изумило меня; но мнѣ некогда было думать, потому что мистеръ Даммитъ лежалъ не шевелясь, изъ чего я заключилъ, что чувства его оскорблены и что онъ нуждается въ моей помощи. Я поспѣшилъ къ нему и убѣдился, что онъ получилъ, что называется, серьезную рану. Дѣло въ томъ, что онъ лишился головы которую я нигдѣ не могъ найти, несмотря на самые тщательные поиски. Итакъ, я рѣшился отнести его домой и послать за гомеопатами. Между тѣмъ у меня мелькнула мысль. Я открылъ ближайшее окно и печальная истина разомъ уяснилась мнѣ. Футахъ въ пяти надъ верхушкой столба лежала поперекъ моста плоская желѣзная полоса, составлявшая часть цѣлой системы такихъ же полосъ, служившихъ для укрѣпленія постройки. Казалось очевиднымъ, что шея моего злополучнаго друга пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ острымъ краемъ этой полосы.

Онъ не долго жилъ послѣ этой страшной потери. Гомеопаты дали ему недостаточно малую дозу лекарства, да и ту, которую давали, онъ не рѣшился принять. Ему становилось все хуже и хуже и, наконецъ, онъ умеръ: поучительный урокъ для всѣхъ живыхъ бездѣльниковъ. Я оросилъ его могилу слезами, вдѣлалъ полосу въ его фамильный гербъ, а для возмѣщенія расходовъ по погребенію послалъ мой весьма скромный счетъ трансценденталистамъ. Эти мерзавцы отказались платить, тогда я вырылъ мистера Даммита изъ могилы и продалъ его на мясо для собакъ.

«Это ты!»

Я намѣренъ сыграть роль Эдипа, въ Рэттльбороесской загадкѣ. Я разъясню вамъ, такъ какъ я одинъ могу сдѣлать это, тайну Рэттльбороесскаго чуда, единственнаго, истиннаго, признаннаго, неопровержимаго, неопровергаемаго чуда, которое положило конецъ невѣрію Рэттльбороесцевъ, и обратило къ ортодоксальности старыхъ бабъ всѣхъ нечестивцевъ, осмѣливавшихся раньше сомнѣваться. Это происшествіе, о которомъ я не желалъ бы разсуждать тономъ неумѣстнаго легкомыслія, случилось лѣтомъ 18**. Мистеръ Варнава Шоттльуорти, одинъ изъ самыхъ богатыхъ и уважаемыхъ гражданъ мѣстечка, въ теченіе нѣскольких дней не воз-

вращался домой, что при данныхъ обстоятельствахъ возбудило подозрѣніе. Мистеръ Шоттльуорти выѣхалъ изъ Рэттльборо рано утромъ въ субботу, верхомъ, выразивъ намѣреніе съѣздить въ городъ, миляхъ въ пятнадцати отъ Рэттльборо, и вернуться въ тотъ же день вечеромъ. Но черезъ два часа послѣ его отъѣзда, лошадь прибѣжала безъ хозяина и безъ сумки, которая была привязана къ сѣдлу въ моментъ отъѣзда. Къ тому же животное было ранено и покрыто грязью. Эти обстоятельства естественно возбудили переполохъ среди друзей пропавшаго, а когда онъ не вернулся и въ воскресенье утромъ, весь городокъ отправился en masse отыскивать его тѣло.

Поисками руководилъ закадычный другъ мистера Шоттльуорти, нѣкій мистеръ Чарльсъ Гудфелло, или, какъ его всѣ называли, «Чарли Гудфелло», онъ же «старый Чарли Гудфелло». Было-ли это чудесное совпаденіе, или имя человѣка незамѣтнымъ образомъ оказываетъ вліяніе на его характеръ *), я не знаю; но фактъ тотъ, что это былъ безспорно самый откровенный, мужественный, честный, добродушный и чистосердечный изъ всѣхъ Чарльзовъ, съ сильнымъ, звучнымъ голосомъ, который пріятно было слушать, и съ ясными глазами, смотрѣвшими вамъ прямо въ лицо, точно говоря: «Совѣсть у меня чиста; я никого не боюсь и не способенъ на дурной поступокъ».

Хотя «старый Чарли Гудфелло» поселился въ Рэттльборо какихъ-нибудь полгода тому назадъ, и никто изъ мѣстныхъ жителей не зналъ его раньше, тѣмъ не менѣе онъ живо перезнакомился съ самыми уважаемыми гражданами. Любой изъ нихъ повѣрилъ бы ему тысячу на слово, а что до женщинъ, то трудно себѣ представить, чѣмъ бы онѣ не пожертвовали для него. И все это потому, что его окрестили Чарльзомъ, а результатомъ этого явилась счастливая наружность, которую пословица называетъ «наилучшимъ рекомендательнымъ письмомъ».

Я уже сказалъ, что мистеръ Шоттльуорти былъ одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ, и, безъ сомнѣнія, самый богатый человѣкъ въ Рэттльборо, а «старый Чарли Гудфелло» сдружился съ нимъ, точно они были родные братья. Они жили въ смежныхъ домахъ, и хотя мистеръ Шоттльуорти почти или даже вовсе не заглядывалъ къ «старому Чарли» и никогда не обѣдалъ у него, это ничуть не мѣшало ихъ дружбѣ; потому что «старый Чарли» раза три, четыре въ день заходилъ провѣдать своего пріятеля, часто оставался у него завтракать или пить чай, и почти всегда обѣдать; и сколько тутъ опустошалось бутылокъ, этого и сказать невозмож-

*) «Goodfellow» — добрый малый.

но. Любимымъ напиткомъ стараго Чарли было Châteaux-Margaux, и, кажется, мистеръ Шоттльуорти очень утѣшался, глядя, какъ его пріятель осушаетъ бутылку за бутылкой, такъ что однажды, когда вина въ друзьяхъ прибыло, а разсудка естественно убыло, онъ хлопнулъ Чарли по спинѣ и сказалъ:—Ну, Чарли, ты ей, ей, самый славный малый, какого мнѣ только случалось встрѣтить на своемъ вѣку, и такъ какъ ты, я вижу, охотникъ лакать вино, то пусть меня повѣсятъ, если я не подарю тебѣ здоровый ящикъ Шато-Марго. Съѣшь меня ржавчина (у мистера Шоттльуорти была привычка уснащать свою рѣчь клятвами, хотя онъ рѣдко заходилъ дальше «съѣшь меня ржавчина», или «лопни моя утроба»), съѣшь меня ржавчина,—продолжалъ онъ,—если я не пошлю сегодня же за ящикомъ, и не подарю его тебѣ—да, да, не отнѣкивайся, подарю, и кончено дѣло; смотри же, ты получишь его на-дняхъ, когда и ожидать не будешь.—Я упоминаю объ этомъ проявленіи щедрости мистера Шоттльуорти собственно для того, чтобы показать вамъ, какая глубокая симпатія соединяла обоихъ друзей.

Такъ вотъ, въ воскресенье утромъ, когда окончательно выяснилось, что мистеръ Шоттльуорти сдѣлался жертвой какого-нибудь мошенника, «старый Чарли Гудфелло» былъ страшно огорченъ; я еще не видалъ человѣка въ такомъ отчаяніи. Услыхавъ, что лошадь вернулась безъ хозяина, и безъ сумки хозяина, вся въ крови отъ раны пулей, которая пробила бѣдному животному грудь, но не уложила его на мѣстѣ,—услыхавъ объ этомъ, онъ весь побѣлѣлъ, точно убитый былъ его родной братъ, или отецъ, и задрожалъ, затрясся, словно въ лихорадкѣ.

Въ первую минуту онъ былъ слишкомъ подавленъ горемъ, чтобы сообразить что-нибудь и выработать какой-нибудь планъ дѣйствій; такъ что довольно долго убѣждалъ остальныхъ друзей мистера Шоттльуорти не предпринимать ничего, а подождать недѣлю—другую, или мѣсяцъ—другой, въ надеждѣ, что за это время дѣло выяснится само собою или мистеръ Шоттльуорти вернется и объяснитъ, почему ему вздумалось отправить лошадь домой. Вамъ, вѣроятно, не разъ случалось замѣчать эту наклонность откладывать или мѣшкать въ людяхъ, терзаемыхъ отчаяніемъ. Ихъ душевныя способности точно цѣпенѣютъ, всякая дѣятельность пугаетъ ихъ, они способны только валяться на постели и «няньчится съ своимъ горемъ», какъ выражаются старыя дамы, то есть раздумывать о своей бѣдѣ.

Обитатели Рэттльборо были такого высокаго мнѣнія о мудрости и благоразуміи «Стараго Чарли», что большинство согласилось съ его совѣтомъ не двигаться съ мѣста и ждать, «пока дѣло выяснится само собою», какъ выражался этотъ почтенный

джентльменъ. По всей вѣроятности, онъ убѣдилъ бы всѣхъ, если бы не весьма подозрительное вмѣшательство племянника мистера Шоттльуорти, молодого человѣка, извѣстнаго своей распущенностью и дурнымъ характеромъ. Этотъ племянникъ, носившій фамилію Пеннифитеръ, доказывалъ, что тутъ нечего «сидѣть сложа руки», а нужно сейчасъ же идти отыскивать «тѣло убитаго». Таковы были его подлинныя слова; и мистеръ Гудфелло тутъ же замѣтилъ весьма справедливо, «что это выраженіе странное, чтобы не сказать больше». Замѣчаніе «Стараго Чарли» произвело сильное впечатлѣніе на толпу, а одинъ изъ присутствующихъ даже спросилъ очень выразительнымъ тономъ, «какъ это молодой мистеръ Пеннифитеръ ухитрился такъ близко ознакомиться со всѣми обстоятельствами, относящимися къ исчезновенію его дяди, что прямо и открыто утверждаетъ, будто онъ «убитъ». Тутъ присутствующіе немного повздорили и обмѣнялись сарказмами—въ особенности «Старый Чарли» и мистеръ Пеннифитеръ. Столкновеніе между ними не представляло, впрочемъ, ничего новаго, такъ какъ они вообще были не въ ладахъ за послѣдніе три или четыре мѣсяца, и дѣло дошло до того, что, однажды, мистеръ Пеннифитеръ съѣздилъ въ ухо и сбилъ съ ногъ пріятеля своего дяди за какую-то черезчуръ смѣлую выходку послѣдняго въ домѣ дяди, гдѣ проживалъ мистеръ Пеннифитеръ. Говорятъ, будто «Старый Чарли» отнесся къ этому оскорбленію съ примѣрной сдержанностью и христіанскимъ смиреніемъ. Онъ всталъ, отряхнулъ платье и не сдѣлалъ никакихъ попытокъ воздать зломъ за зло, а только пробормоталъ что-то въ родѣ обѣщанія «расплатиться чистоганомъ при первомъ удобномъ случаѣ»—весьма естественное и законное изліяніе гнѣва, впрочемъ, лишенное всякаго значенія и, безъ сомнѣнія, забытое въ ту же минуту.

Оставляя въ сторонѣ эти побочныя обстоятельства, скажемъ только, что обыватели Рэттльборо, подъ вліяніемъ настояній мистера Пеннифитера, рѣшили, наконецъ, разойтись по окрестностямъ на поиски пропавшаго мистера Шоттльуорти. Такъ рѣшили они сначала. Когда всѣ согласились, что необходимо начать поиски, сама собою явилась мысль разойтись по окрестностямъ, то есть разбиться на группы, чтобы изслѣдовать мѣстность какъ можно тщательнѣе. Не помню, какими остроумными соображеніями «Старый Чарли» убѣдилъ собраніе, что этотъ планъ совершенно нелѣпъ. Во всякомъ случаѣ онъ убѣдилъ всѣхъ, за исключеніемъ мистера Пеннифитера, такъ что въ концѣ концевъ рѣшено было осмотрѣть окрестности, какъ можно тщательнѣе и основательнѣе, отправившись всѣмъ гуртомъ en masse, подъ предводительствомъ самого «Стараго Чарли».

Лучшаго предводителя нельзя было и придумать, такъ какъ всѣмъ было извѣстно, что «Старый Чарли» обладаетъ рысьими глазами; но хотя онъ водилъ свой отрядъ по всевозможнымъ трущобамъ и закоулкамъ, по такимъ дорогамъ, существованія которыхъ никто и не подозрѣвалъ до тѣхъ поръ, и хотя поиски продолжались цѣлую недѣлю днемъ и ночью—однако, никакихъ слѣдовъ мистера Шоттльуорти не было найдено. Когда я говорю никакихъ слѣдовъ, этого не нужно понимать буквально, такъ какъ кое-какіе слѣды нашлись. По отпечаткамъ подковъ (онѣ имѣли особую мѣтку) видно было, что злополучный джентльменъ проѣхалъ три мили на востокъ отъ мѣстечка по большой дорогѣ. Здѣсь онъ свернулъ на лѣсную тропинку. Слѣдя за отпечатками подковъ, толпа добралась, наконецъ, до небольшого пруда, противъ котораго слѣдъ прекращался. Замѣтно было, что тутъ происходила борьба, и, повидимому, съ тропинки въ прудъ тащили какое-то большое, тяжелое тѣло, бóльшихъ размѣровъ и вѣса, чѣмъ человѣческое. Прудъ дважды изслѣдовали шестами, но ничего не нашли, и хотѣли уже прекратить поиски, когда Провидѣніе внушило мистеру Гудфелло мысль отвести воду совсѣмъ. Этотъ планъ былъ встрѣченъ общимъ одобреніемъ и похвалами остроумію и сообразительности «Стараго Чарли». Многіе изъ гражданъ запаслись лопатами на случай, если придется отрывать тѣло; они тотчасъ же принялись копать канаву, и какъ только дно обнаружилось, увидѣли въ грязи черный бархатный жилетъ, въ которомъ почти всѣ присутствующіе узнали собственность мистера Пеннифитера. Жилетъ былъ изорванъ и запачканъ кровью, и многіе изъ присутствовавшихъ хорошо помнили, что онъ былъ на мистерѣ Пеннифитерѣ утромъ въ день отъѣзда мистера Шоттльуорти; за то другіе готовы были показать, если угодно подъ присягой, что жилета не было на мистерѣ П. въ остальное время того же дня; равнымъ образомъ, не нашлось ни единаго человѣка, который видѣлъ бы его на мистерѣ П. въ какой-либо моментъ послѣ исчезновенія мистера Ш.

Обстоятельства приняли, такимъ образомъ, оборотъ весьма серьезный для мистера Пеннифитера, который къ тому же страшно поблѣднѣлъ и на вопросъ, что скажетъ онъ въ свою защиту, не могъ выговорить слова. Это, разумѣется, усилило подозрѣніе и немногіе друзья, которыхъ еще не успѣлъ оттолкнуть его развратный образъ жизни, тотчасъ отреклись отъ него всѣ до единаго, и еще громче, чѣмъ давнишніе и заклятые враги, требовали его немедленнаго арестованія. За то великодушіе мистера Гудфелло проявилось въ полномъ блескѣ, еще усиливавшемся вслѣдствіе контраста. Онъ горячо и съ истиннымъ краснорѣчіемъ защищалъ

мистера Пеннифитера, нѣсколько разъ намекнувъ, что прощаетъ буйному молодому джентльмену,—«наслѣднику почтеннаго мистера Шоттльуорти»—оскорбленіе, которое онъ (молодой джентльменъ), безъ сомнѣнія въ порывѣ страсти, нашелъ умѣстнымъ нанести ему (мистеру Гудфелло). «Прощаетъ отъ всей души,—говорилъ онъ,—и что касается до него (м-ра Гудфелло), то не только онъ не станетъ налегать на подозрительныя обстоятельства, которыя, къ несчастью, дѣйствительно говорятъ противъ м-ра Пеннифитера, но сдѣлаетъ все, что отъ него (м-ра Гудфелло) зависитъ, употребитъ все свое слабое краснорѣчіе, дабы... дабы... дабы смягчить, насколько позволитъ совѣсть, худшія стороны этого крайне запутаннаго дѣла».

Мистеръ Гудфелло добрыхъ полчаса распространялся на эту тему, обнаруживая превосходныя качества своего ума и сердца, но пылкіе люди рѣдко находятъ удачные аргументы — въ пылу рвенія, стараясь услужить другу, они не могутъ избѣжать всякаго рода промаховъ, contre temps и mal à propos—и такимъ образомъ, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ нерѣдко ухудшаютъ дѣло.

Такъ было и въ данномъ случаѣ съ краснорѣчіемъ «Стараго Чарли»; хотя онъ ратовалъ въ пользу подозрѣваемаго, но какъ-то такъ выходило, что каждое слово его только усиливало подозрѣнія и возбуждало толпу противъ мистера Пеннифитера.

Одной изъ самыхъ необъяснимыхъ ошибокъ оратора было его выраженіе «наслѣдникъ почтеннаго мистера Шоттльуорти», примѣненное къ подозрѣваемому. Присутствующіе вовсе не думали объ этомъ раньше. Они знали, что годъ или два тому назадъ, покойный, у котораго не было родни кромѣ племянника, грозилъ лишить его наслѣдства и воображали, что это дѣло рѣшенное—такой простодушный народъ Рэттльборосцы,—но замѣчаніе «стараго Чарли» сразу навело ихъ на мысль, что вѣдь угроза могла остаться только угрозой. Тотчасъ затѣмъ явился естественный вопросъ cui bono?—вопросъ, который еще болѣе, чѣмъ находка жилета, послужилъ къ обвиненію молодого человѣка въ страшномъ преступленіи. Во избѣжаніе недоразумѣній позвольте мнѣ отвлечься на минутку отъ моей темы, и замѣтить, что крайне лаконическая и простая латинская фраза, которую я сейчасъ употребилъ, переводится совершенно неправильно. «Cui bono», во всѣхъ модныхъ романахъ и повсюду—у мистриссъ Горъ, напримѣръ, автора «Cecil», цитирующей всѣ языки отъ халдейскаго до чиказавскаго,—во всѣхъ модныхъ романахъ, отъ Бульвера и Диккенса до Turnapenny и Энсворта, два хорошенькія латинскія слова cui bono переводятся «съ какою цѣлью» или (какъ бы quo bono) «для чего». Между тѣмъ

ихъ истинное значеніе—«для чьей выгоды». Cui—кому, bono—на пользу. Это чисто юридическая фраза, примѣнимая именно въ такихъ случаяхъ, какъ излагаемый нами, когда вѣроятность того, что данный индивидуумъ совершилъ преступленіе, связана съ вѣроятностью пользы, которую онъ извлекаетъ изъ этого преступленія. Въ данномъ случаѣ вопросъ cui bono говорилъ противъ мистера Певнифитера. Дядя, составивъ завѣщаніе въ его пользу, угрожалъ ему лишеніемъ наслѣдства. Но угроза не была приведена въ исполненіе; первоначальное завѣщаніе, повидимому, не было измѣнено. Если бы оно было измѣнено, единственнымъ мотивомъ преступленія могла бы явиться месть, но и этотъ мотивъ парализировался бы надеждой вернуть расположеніе дяди. Но разъ оно осталось неизмѣненнымъ, а угроза постоянно висѣла надъ головой племянника, преступленіе вполнѣ объяснялось: такъ весьма остроумно разсудили почтенные обыватели мѣстечка Рэттльборо.

Въ виду этого мистеръ Пеннифитеръ былъ тутъ же арестованъ и послѣ непродолжительныхъ дальнѣйшихъ поисковъ, толпа повела его въ городъ. На обратномъ пути явилось новое обстоятельство, подтверждавшее подозрѣнія. Замѣтили, что мистеръ Гудфелло, который все время шелъ впереди толпы, побуждаемый своимъ рвеніемъ, внезапно кинулся впередъ, остановился и поднялъ съ земли какую-то маленькую вещицу. Взглянувъ на нее, онъ хотѣлъ было спрятать ее въ карманъ, но окружающіе замѣтили это и, разумѣется, помѣшали ему. Найденная имъ вещь оказалась испанскимъ ножомъ, въ которомъ многіе изъ присутствующихъ узнали ножъ мистера Пеннифитера. Къ тому же на ручкѣ были выгравированы его инициалы. Лезвіе ножа оказалось окровавленнымъ.

Никакихъ сомнѣній не оставалось болѣе насчетъ виновности племянника и тотчасъ, по возвращеніи въ Рэттльборо, онъ былъ переданъ судебному слѣдователю.

Послѣ этого дѣло приняло самый скверный оборотъ для обвиняемаго. На вопросъ, гдѣ онъ находился утромъ, въ день отъѣзда мистера Шоттльуорти, мистеръ Пеннифитеръ имѣлъ дерзость объявить, что въ это время онъ охотился съ винтовкой въ лѣсу, въ окрестностяхъ того самого пруда, гдѣ его окровавленный жилетъ былъ найденъ, благодаря остроумію мистера Гудфелло.

Этотъ послѣдній вскорѣ явился къ слѣдователю и со слезами на глазахъ просилъ подвергнуть его допросу. Онъ объявилъ, что священное чувство долга передъ ближними и Творцомъ не позволяетъ ему долѣе хранить молчаніе. До сихъ поръ, искренняя привязанность къ молодому человѣку (несмотря на оскорбленіе, нанесенное послѣднимъ ему, мистеру Гудфелло) побуждала его напрягать всѣ силы ума, дабы объяснить въ благопріятную сторону

подозрительныя обстоятельства, явившіяся такой серьезной уликой противъ мистера Пеннифитера; но теперь эти обстоятельства слишкомъ убѣдительны, слишкомъ безапелляціонны; такъ что онъ не станетъ медлить долѣе, а разскажетъ все, что ему извѣстно, хотя сердце его (мистера Гудфелло) готово разорваться. Затѣмъ онъ сообщилъ, что вечеромъ, наканунѣ отъѣзда мистера Шоттльуорти, этотъ почтенный старикъ объявилъ племяннику въ его (мистера Гудфелло) присутствіи о своемъ намѣреніи съѣздить завтра въ городъ и отвезти въ «банкъ фермеровъ и механиковъ» огромную сумму, прибавивъ при этомъ, что онъ твердо рѣшился передѣлать завѣщаніе и не оставить племяннику ни копѣйки. Онъ (свидѣтель) торжественно обращается къ обвиняемому и проситъ его отвѣтить по совѣсти, правду-ли говоритъ онъ (свидѣтель) или неправду. Къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ, мистеръ Пеннифитеръ отвѣтилъ, что свидѣтель говоритъ правду.

Слѣдователь счелъ своимъ долгомъ поручить двумъ констеблямъ произвести обыскъ въ комнатѣ обвиняемаго. Они вернулись почти тотчасъ и принесли съ собой знакомый всѣмъ кожаный порыжѣвшій бумажникъ, съ которымъ покойный почти никогда не разлучался. Содержимое бумажника, однако, исчезло и слѣдователь тщетно старался допытаться у обвиняемаго, что онъ съ нимъ сдѣлалъ и гдѣ припряталъ. Онъ упрямо отговаривался невѣдѣніемъ. Констебли нашли также подъ тюфякомъ этого несчастнаго рубашку и шейный платокъ съ его иниціалами, перепачканные кровью жертвы. Въ это самое время лошадь покойнаго околѣла отъ раны и мистеръ Гудфелло предложилъ немедленно произвести вскрытіе, и попытаться найти пулю. Такъ и сдѣлали, и точно для того, чтобы уничтожить послѣднія сомнѣнія насчетъ обвиняемаго, мистеръ Гудфелло послѣ тщательнаго изслѣдованія груди животнаго, нашелъ и извлекъ пулю замѣчательно большого калибра. Она какъ разъ подошла къ винтовкѣ мистера Пеннифитера, а другой винтовки такого же калибра не было ни у кого въ городѣ и окрестностяхъ. Въ довершеніе всего на пулѣ оказалась ложбина или впадина, вполнѣ соотвѣтствовавшая случайной неровности или бугорку въ формѣ для отливки пуль, принадлежавшей обвиняемому по его собственному сознанію. Послѣ этого слѣдователь объявилъ слѣдствіе законченнымъ и постановилъ предать обвиняемаго суду, отказавшись наотрѣзъ отпустить его на поруки, хотя мистеръ Гудфелло горячо возставалъ противъ такой жестокости и предлагалъ внести какую угодно сумму. Это великодушіе «стараго Чарли» вполнѣ согласовалось съ его благороднымъ и рыцарственнымъ поведеніемъ за все время пребыванія въ Рэттльборо. Въ данномъ случаѣ, этотъ достойный человѣкъ до того увлекся въ порывѣ состраданія, что, предла-

гая внести какой угодно залогъ, совершенно упустилъ изъ вида свою крайнюю бѣдность: у него самого (м-ра Гудфелло) не было ни гроша. Исходъ дѣла нетрудно было предвидѣть. Осыпаемый проклятіями всѣхъ Рэттльбороcцевъ, мистеръ Пеннифитеръ былъ судимъ въ ближайшую сессію и цѣпь уликъ (усиленныхъ еще кое-какими фактами, о которыхъ совѣсть не позволила умолчать мистеру Гудфелло) — цѣпь уликъ оказалась настолько полной и не допускающей сомнѣній, что присяжные, не вставая съ мѣстъ, вынесли приговоръ: «виновенъ при отягчающихъ вину обстоятельствахъ». Злодѣй былъ приговоренъ къ смерти и препровожденъ въ тюрьму въ ожиданіи исполненія приговора.

Между тѣмъ благородное поведеніе «стараго Чарли Гудфелло» удвоило его популярность среди честныхъ гражданъ Рэттльборо. Болѣе чѣмъ когда либо его можно было назвать общимъ любимцемъ, и понятно, что, желая отплатить за гостепріимство и радушіе, онъ волей не волей отказался отъ своихъ прежнихъ привычекъ крайней бережливости, порожденныхъ бѣдностью, и частенько сталъ устраивать réunions у себя въ домѣ,—réunions, на которыхъ царили остроуміе и веселье, — немного омрачавшіяся, конечно, воспоминаніями о жестокой и печальной судьбѣ, постигшей племянника его сердечнаго друга.

Въ одинъ прекрасный день великодушный джентльменъ былъ пріятно изумленъ, получивъ слѣдующее письмо:

Чарльзу Гудфелло, эсквайру, въ Рэттльборо отъ Г., Ф., Б. и К°.
Шат. Марг. А—№ 1.—6 дюж. бутылокъ ($^1/_2$ гросса).

Чарльзу Гудфелло, эсквайру.

Милостивый Государь! — Въ исполненіе заказа, полученнаго нами два мѣсяца тому назадъ отъ нашего уважаемаго кліента мистера Варнавы Шоттльуорти, имѣемъ честь препроводить по вашему адресу ящикъ Шато-Марго клейма антилопы съ фіолетовой печатью.

Съ истиннымъ почтеніемъ ваши покорнѣйшіе слуги
Гогсъ, Фрогсъ, Богсъ и К°.

Г. — 21 Іюня 18 . .

P. S. Вы получите ящикъ на другой день по полученіи этого письма. Просимъ передать наше почтеніе м-ру Шоттльуорти.

Г., Ф., Б. и К°.

По смерти мистера Шоттльуорти, мистеръ Гудфелло оставилъ всякую надежду на полученіе обѣщаннаго Шато-Марго, такъ что естественно усмотрѣлъ въ этой посылкѣ проявленіе особой милости Божіей. Разумѣется, онъ очень обрадовался этой посылкѣ и въ порывѣ радости пригласилъ своихъ друзей на завтра, на petit souper, чтобы вмѣстѣ почать подарокъ добрѣйшаго старика, мистера

Шоттльуорти. Онъ, впрочемъ, не упоминалъ о «добрѣйшемъ старикѣ» въ пригласительныхъ запискахъ. Дѣло въ томъ, что по здравомъ размышленіи онъ рѣшилъ ничего не говорить объ этомъ. Насколько помнится, онъ ни въ одной запискѣ не говорилъ, что имъ полученъ въ подарокъ ящикъ Шато-Марго. Онъ просто приглашалъ своихъ друзей зайти отвѣдать замѣчательно тонкаго вина, которое онъ выписалъ два мѣсяца тому назадъ и долженъ получить завтра. Я часто недоумѣвалъ, почему «старый Чарли» рѣшилъ утаить отъ насъ, что вино получено имъ въ подарокъ отъ стараго друга. Но я никогда не могъ объяснить себѣ этого умолчанія, хотя, безъ сомнѣнія, оно объяснялось какими-нибудь прекрасными и благородными побужденіями.

Наступило завтра и въ домѣ мистера Гудфелло собралась многочисленная и высоко почтенная компанія. Добрая половина Рэттльборо оказалась на лицо, я тоже былъ среди нихъ, но, къ крайнему огорченію хозяина, Шато-Марго запоздало и явилось только послѣ ужина, весьма роскошнаго, которому гости отдали должную честь. Какъ бы то ни было, оно явилось наконецъ въ ящикѣ чудовищныхъ размѣровъ,—и компанія, находившаяся въ очень веселомъ расположеніи духа, рѣшила, nem. con. *), поставить его на столъ и вскрыть немедленно.

Сказано-сдѣлано. Я тоже помогалъ и мы мигомъ поставили ящикъ на столъ, среди бутылокъ и стакановъ, изъ которыхъ многія были при этомъ раздавлены. «Старый Чарли», въ сильномъ подпитіи, съ багровымъ лицомъ, усѣлся съ видомъ комической важности на хозяйское мѣсто и, постучавъ графиномъ о столъ, пригласилъ всѣхъ къ порядку въ виду «церемоніи открытія сокровища».

Мало по малу порядокъ возстановился и какъ часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, наступила глубокая и странная тишина. Мнѣ предложили открыть ящикъ, на что я, разумѣется, согласился «съ величайшимъ удовольствіемъ». Когда я вставилъ въ щель долото и раза два ударилъ по немъ молоткомъ, крышка внезапно отлетѣла въ сторону и въ ту же минуту въ ящикѣ поднялся и усѣлся, глядя прямо въ лицо хозяину, исковерканный, окровавленный, полуразложившійся трупъ самого м-ра Шоттльуорти. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній онъ пристально и печально смотрѣлъ на м-ра Гудфелло своими мертвыми потухшими глазами, потомъ медленно, но ясно и отчетливо произнесъ:—«Это ты!»—и повалившись на бокъ, растянулся на столѣ.

Послѣдовавшая сцена не поддается описанію. Всѣ ринулись къ

---

*) Nem. con. сокращ. nemine contradicente—безъ споровъ, единогласно.

окнамъ и дверямъ, сильные и крѣпкіе люди падали въ обморокъ отъ ужаса.

Но едва замолкъ первый неудержимый крикъ ужаса, всѣ глаза обратились на мистера Гудфелло. Если я проживу тысячу лѣтъ, то все-таки не забуду болѣе чѣмъ смертной агоніи, отразившейся на его посинѣвшемъ лицѣ, такъ недавно еще багровомъ отъ вина и веселья. Нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ окаменѣвъ, подобно мраморной статуѣ, съ стеклянными безсмысленными глазами, которые точно обратились внутрь, поглощенные созерцаніемъ его же презрѣнной, преступной души. Внезапно они блеснули, какъ бы возвращаясь къ внѣшнему міру, онъ вскочилъ, упалъ ничкомъ на столъ, прикасаясь головой и плечами къ тѣлу и торопливо, страстно разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ исторію гнуснаго преступленія, за которое мистеръ Пеннифитеръ былъ приговоренъ къ смерти.

Вотъ сущность его признанія:—Онъ слѣдовалъ за своей жертвой до пруда; здѣсь выстрѣлилъ въ лошадь, а всадника уложилъ прикладомъ; овладѣлъ его бумажникомъ; и считая лошадь мертвой, съ большимъ трудомъ перетащилъ ее въ прудъ. Тѣло мистера Шоттльуортп онъ отвезъ на своей лошади подальше отъ пруда и запряталъ въ лѣсу.

Жилетъ, ножъ, бумажникъ, пулю онъ самъ подбросилъ куда нужно, съ цѣлью отмстить мистеру Пеннифитеру. Онъ же подстроилъ находку испачканнаго шейнаго платка и рубашки.

Къ концу этого ужаснаго разсказа голосъ злодѣя сталъ звучать глухо и неясно. Высказавъ все, онъ всталъ, пошатнулся и упалъ—**мертвый**.

* * *

Способъ, которымъ было исторгнуто это весьма своевременное признаніе, былъ крайне простъ. Чрезмѣрное чистосердечіе мистера Гудфелло не нравилось мнѣ и съ самаго начала казалось подозрительнымъ. Я былъ свидѣтелемъ оскорбленія, нанесеннаго ему мистеромъ Пеннифитеромъ, и выраженіе адской злобы, мелькнувшее на его лицѣ, правда, лишь на мгновеніе, убѣдило меня, что онъ исполнитъ свою угрозу, если только представится случай. Такимъ образомъ, я смотрѣлъ на эволюціи «стараго Чарли» совершенно иными глазами, чѣмъ добрые граждане Рэттльборо. Я сразу замѣтилъ, что всѣ улики противъ мистера Пеннифитера явились благодаря ему. Но окончательно раскрыла мнѣ глаза пуля, **найденная** мистеромъ Гудфелло при вскрытіи трупа лошади. Я не забылъ, хотя всѣ остальные **забыли**, что рана была **сквозная**, что на тѣлѣ лошади было отверстіе, куда вошла пуля, и другое, откуда она **вышла**. И если она тѣмъ не менѣе была найдена въ тѣлѣ, то, очевидно, была и положена туда тѣмъ же лицомъ, которое

ее нашло. Окровавленная рубашка и платокъ подтверждали мою мысль, такъ какъ при ближайшемъ изслѣдованіи кровь оказалась краснымъ виномъ,—не болѣе. Размышляя объ этихъ обстоятельствахъ, равно какъ и о неожиданной щедрости и хлѣбосольствѣ мистера Гудфелло, я возымѣлъ подозрѣніе, очень сильное, хотя и сохраненное мною въ тайнѣ.

Тѣмъ временемъ я принялся частнымъ образомъ розыскивать тѣло мистера Шоттльуорти, но по весьма понятнымъ основаніямъ розыскивалъ его вовсе не въ тѣхъ мѣстахъ, куда мистеръ Гудфелло водилъ свой отрядъ. Спустя нѣсколько дней я наткнулся на пересохшій колодезь, совершенно скрытый кустарниками, на днѣ котораго оказалось то, чего я искалъ.

Случайно я слышалъ разговоръ между двумя собутыльниками, когда мистеръ Гудфелло выманилъ у своего пріятеля обѣщаніе подарить ему ящикъ Шато-Марго. На этомъ обѣщаніи я и основалъ планъ своихъ дѣйствій. Я купилъ крѣпкую пластинку китоваго уса, засунулъ ее въ глотку трупа и уложилъ его въ ящикъ отъ вина, пригнувъ тѣло лицомъ къ ногамъ такъ, чтобы и пластинка согнулась вмѣстѣ съ нимъ. Затѣмъ я придавилъ его крышкой, которую прикрѣпилъ гвоздями; понятно что, когда гвозди были вынуты, крышка должна была откинуться, а тѣло выпрямиться.

Затѣмъ я помѣтилъ ящикъ, надписалъ на немъ адресъ и, написавъ письмо отъ имени виноторговцевъ, поставщиковъ убитаго, приказалъ слугѣ привезти ящикъ въ телѣжкѣ къ дому мистера Гудфелло и явиться по моему сигналу. Что касается словъ, произнесенныхъ трупомъ, то я довольно силенъ въ искусствѣ чревовѣщанія, на которое и надѣялся. Относительно же дѣйствія словъ, я разсчитывалъ на преступную совѣсть убійцы.

Кажется, больше нечего объяснять. Мистеръ Пеннифитеръ былъ немедленно освобожденъ, наслѣдовалъ состояніе своего дяди; наученный тяжкими испытаніями, отказался отъ прежняго безпутства и живетъ теперь спокойно и счастливо.

Сфинксъ.

Въ эпоху ужаснаго владычества холеры въ Нью-Іоркѣ, я получилъ приглашеніе отъ одного изъ моихъ родственниковъ провести двѣ недѣли въ его уединенномъ коттеджѣ, на берегу Гудсона. Мы пользовались всѣми обычными лѣтними развлеченіями, гуляли, рисовали, катались въ лодкѣ, удили рыбу, занимались музыкой и чтеніемъ и провели бы время очень недурно, если бы не ужасныя вѣсти изъ города, получавшіяся ежедневно. Не было дня, который бы не принесъ намъ извѣстія о смерти кого-либо изъ знакомыхъ.

По мѣрѣ того, какъ зараза усиливалась, мы привыкли ежедневно ожидать потери какого-нибудь друга. Подъ конецъ мы со страхомъ ожидали газету. Самый вѣтеръ съ юга, казалось намъ, былъ насыщенъ смертью. Эта леденящая мысль всецѣло овладѣла моей душой. Я не могъ ни думать, ни говорить, ни грезить о чемъ либо другомъ. Мой хозяинъ былъ человѣкъ болѣе спокойнаго темперамента и хотя сильно упалъ духомъ, но все-таки старался ободрить меня. Его богатый философскій умъ не поддавался вліянію вещей воображаемыхъ. Онъ былъ достаточно воспріимчивъ въ отношеніи реальныхъ ужасовъ, но не пугался порождаемыхъ ими призраковъ.

Его попытки разсѣять неестественное уныніе, овладѣвшее мною, въ значительной степени ослаблялись по милости нѣсколькихъ книгъ, найденныхъ мною въ его библіотекѣ. Содержаніе ихъ было именно такого рода, что могло вызвать къ жизни сѣмена наслѣдственнаго суевѣрія, таившіяся въ моей душѣ. Я читалъ эти книги безъ вѣдома моего друга, и такимъ образомъ, онъ часто не умѣлъ объяснить себѣ моего мрачнаго настроенія.

Любимой темой моихъ тогдашнихъ разговоровъ была вѣра въ примѣты,—вѣра, которую я въ то время готовъ былъ защищать почти серьезно. На эту тему у насъ происходили долгіе и оживленные споры: онъ доказывалъ, что вѣра въ подобныя вещи лишена всякаго основанія, я же утверждалъ, что такое общее чувство, возникшее самопроизвольно, то есть, повидимому, безъ всякаго внушенія, — заключаетъ въ себѣ несомнѣнные элементы истины и заслуживаетъ вниманія во многихъ отношеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что вскорѣ послѣ моего пріѣзда на дачу, со мною самимъ случилось происшествіе, до того необъяснимое и такого зловѣщаго характера, что мнѣ извинительно было принять его за предзнаменованіе. Оно такъ поразило, и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ смутило и напугало меня, что прошло много дней, прежде чѣмъ я собрался съ духомъ настолько, чтобы сообщить о немъ моему другу.

На закатѣ необычайно жаркаго дня, я сидѣлъ съ книгой въ рукахъ у открытаго окна, изъ котораго открывался видъ на отдаленный холмъ за рѣкой. Ближайшая ко мнѣ сторона холма была обнажена отъ деревьевъ, вслѣдствіе такъ называемаго оползня. Мысли мои давно уже отвлеклись отъ книги къ унынію и отчаянію, царившимъ въ сосѣднемъ городѣ. Поднявъ глаза, я случайно взглянулъ на обнаженный склонъ холма и увидѣлъ нѣчто странное, какое-то отвратительное чудовище, которое быстро спускалось съ вершины холма, и исчезло въ лѣсу у его подножія. Въ первую минуту, увидѣвъ чудовище, я усумнился въ здравомъ состояніи моего разсудка, или, по крайней мѣрѣ, глазъ, и только спустя нѣсколько минутъ, убѣдился, что я не сумасшедшій и не брежу. Но

если я опишу это чудовище (которое я видѣлъ совершенно ясно и за которымъ наблюдалъ спокойно все время, пока оно спускалось съ холма), мои читатели, пожалуй, не такъ легко повѣрятъ этому.

Опредѣляя размѣры этого существа, по сравненію съ діаметромъ огромныхъ деревьевъ, мимо которыхъ оно двигалось, — немногихъ лѣсныхъ гигантовъ, уцѣлѣвшихъ отъ обвала —я убѣдился, что оно далеко превосходитъ величиною любой линейный корабль. Я говорю линейный корабль, потому что форма чудовища напоминала корабль: корпусъ семидесяти четырехъ пушечнаго судна можетъ дать довольно ясное представленіе объ его очертаніяхъ. Пасть животнаго помѣщалась на концѣ хобота, футовъ въ шестьдесятъ или семьдесятъ длиною, и, приблизительно такой же толщины какъ туловище обыкновеннаго слона. У основанія хобота находилась густая масса щетинистыхъ косматыхъ волосъ, больше чѣмъ могла бы доставить дюжина буйволовыхъ шкуръ; а изъ нея выдавались, изгибаясь внизъ и въ бокъ, два блестящіе клыка, подобные кабаньимъ, только несравненно большихъ размѣровъ. По обѣимъ сторонамъ хобота помѣщались два гигантскіе прямые рога, футовъ въ тридцать или сорокъ длиною, повидимому хрустальные, въ формѣ призмы; они ослѣпительно сіяли въ лучахъ заходящаго солнца. Туловище имѣло форму клина, обращеннаго вершиной къ землѣ. Оно было снабжено двумя парами крыльевъ,— каждое имѣло въ длину около ста ярдовъ — помѣщавшимися одна надъ другой. Крылья были густо усажены металлическими пластинками; каждая пластинка имѣла футовъ десять—двѣнадцать въ діаметрѣ. Я замѣтилъ, что верхнія и нижнія крылья соединены крѣпкими цѣпями. Но главную особенность этого страшнаго существа, представляло изображеніе М е р т в о й Г о л о в ы, занимавшей почти всю поверхность груди. Она рѣзко выдѣлялась на темной поверхности своимъ яркимъ бѣлымъ цвѣтомъ, точно нарисованная. Пока я съ чувствомъ ужаса и недоумѣнія смотрѣлъ на это ужасное животное, въ особенности на зловѣщую фигуру на его груди, оно внезапно разинуло пасть, и испустило такой громкій и страшный стонъ, что нервы мои не выдержали, и когда чудовище исчезло у подошвы холма въ лѣсу, я безъ чувствъ повалился на полъ.

Когда я очнулся, первымъ моимъ побужденіемъ было разсказать моему другу о томъ, что я видѣлъ и слышалъ, но какое-то непонятное чувство отвращенія удержало меня.

Наконецъ, однажды вечеромъ, три или четыре дня спустя послѣ происшествія, мы сидѣли вмѣстѣ въ той самой комнатѣ, откуда я увидѣлъ чудовище. Я сидѣлъ у окна на стулѣ, а другъ мой

лежалъ подлѣ меня на диванѣ. Совпаденіе времени и мѣста побудило меня разсказать ему о странномъ явленіи. Выслушавъ меня до конца, онъ сначала расхохотался, а затѣмъ принялъ очень серьезный видъ, какъ будто не сомнѣвался въ моемъ помѣшательствѣ. Въ эту минуту я снова увидѣлъ чудовище и съ крикомъ ужаса указалъ на него моему другу. Онъ посмотрѣлъ, но увѣрялъ, что ничего не видитъ, хотя я подробно описывалъ ему положеніе животнаго, пока оно спускалось съ холма.

Я былъ страшно взволнованъ, такъ какъ считалъ это явленіе или предвѣстіемъ моей смерти или, что еще хуже, первымъ симптомомъ начинающагося сумасшествія. Я откинулся на спинку стула и закрылъ лицо руками. Когда я отнялъ ихъ, чудовище уже исчезло.

Мой хозяинъ нѣсколько успокоился и принялся разспрашивать меня о внѣшнемъ видѣ чудовища. Когда я разсказалъ ему подробно, онъ перевелъ духъ, точно избавившись отъ какой-то невыносимой тяжести, и съ спокойствіемъ, которое показалось мнѣ просто жестокимъ, вернулся къ прерванному разговору о спекулятивной философіи. Между прочимъ, онъ настойчиво доказывалъ, что главный источникъ ошибокъ въ человѣческихъ изслѣдованіяхъ—недостаточная или чрезмѣрная оцѣнка важности предмета, вслѣдствіе неумѣнья опредѣлить его разстояніе отъ наблюдателя. Напримѣръ, чтобы опредѣлить вліяніе всеобщаго распространенія демократическихъ принциповъ на человѣчество вообще,—сказалъ онъ,—необходимо принять въ разсчетъ отдаленность эпохи, когда это распространеніе совершится. Но укажите мнѣ писателя по общественнымъ вопросамъ, который бы считалъ это обстоятельство достойнымъ вниманія.

Тутъ онъ остановился, всталъ, подошелъ къ книжному шкафу и досталъ какой-то учебникъ естественной исторіи. Затѣмъ, предложивъ мнѣ помѣняться мѣстами, такъ какъ у окна ему легче было разбирать мелкую печать книги, онъ усѣлся на стулъ и, открывъ учебникъ, продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Если бы вы не описали мнѣ такъ подробно чудовище, я, пожалуй, никогда бы не могъ вамъ объяснить, что это такое было. Прежде всего, позвольте я вамъ прочту изъ этого учебника описаніе рода Sphinx, изъ семейства Crepuscularia, порядка Lepidoptera, класса Insecta или насѣкомыхъ. Вотъ оно:

— Двѣ пары перепончатыхъ крыльевъ, покрытыхъ мелкими окрашенными чешуйками металлическаго блеска; ротъ въ видѣ хобота, образовавшагося изъ удлиненныхъ верхнихъ челюстей; по бокамъ его зачатки нижнихъ челюстей и пушистыхъ щупалецъ; нижнія крылья соединены съ верхними крѣпкими волосками; уси-

ки въ видѣ призматическихъ отростковъ; брюшко заостренное. Сфинксъ Мертвая Голова является иногда предметомъ суевѣрнаго ужаса среди простонародья, по причинѣ издаваемаго имъ печальнаго звука и фигуры черепа на груди.

Тутъ онъ закрылъ книгу, и наклонился къ окну, въ той же самой позѣ, какъ сидѣлъ я, когда увидѣлъ «чудовище».

— Ага, вотъ оно!—воскликнулъ онъ,—оно снова поднимается по склону холма и, признаюсь, выглядитъ крайне курьезно. Но оно вовсе не такъ велико и не такъ далеко, какъ вы вообразили, такъ какъ взбирается по нити, прикрѣпленной какимъ-нибудь паукомъ къ окну, которая имѣетъ въ ширину не болѣе шестнадцатой части дюйма и отстоитъ отъ моего зрачка не далѣе какъ на шестнадцатую часть дюйма.

Разговоръ съ муміей.

Symposium предыдущаго вечера разстроилъ мнѣ нервы. Цѣлый день меня донимала жестокая головная боль и отчаянная сонливость. Въ виду этого, я отказался отъ намѣренія провести вечеръ въ гостяхъ, рѣшивъ, что самое благоразумное будетъ завалиться спать тотчасъ послѣ ужина.

Легкаго ужина, конечно. Я обожаю кроликовъ по уэльски. Но болѣе фунта за разъ не всегда можно посовѣтовать. Впрочемъ, серьезныхъ возраженій не найдется и противъ двухъ. А между двумя и тремя разница только на одну единицу. Кажется, я рискнулъ на четыре. Жена увѣряетъ, на пять, но она спутала двѣ совершенно различныя вещи. Абстрактное число пять было, я согласенъ, но конкретно оно относилось къ бутылкамъ портера, безъ котораго не осилить кролика по уэльски.

Окончивъ мой скромный ужинъ, и надѣвъ ночной колпакъ, въ сладкой надеждѣ утѣшаться имъ до ближайшаго полдня, я склонилъ голову на подушку и какъ человѣкъ съ чистою совѣстью погрузился въ глубокій сонъ.

Но когда же исполнялись надежды человѣчества? Я еще не успѣлъ порядкомъ расхрапѣться, какъ отчаянный звонъ у подъѣзда и нетерпѣливый стукъ въ дверь разомъ пробудили меня. Я еще протиралъ глаза, когда жена бросила мнѣ въ физіономію письмо отъ моего стараго друга, доктора Понноннера. Вотъ что онъ писалъ:

«Приходите ко мнѣ, дружище, какъ только получите это письмо. Приходите раздѣлить мою радость. Наконецъ-то, послѣ долгихъ подходовъ, мнѣ удалось выпросить у директора Музеума позволеніе взять къ себѣ на домъ мумію, вы знаете какую. Я имѣю право

распеленать ее. Будутъ лишь немногіе друзья, въ томъ числѣ, разумѣется, и вы. Мумія у меня, и мы начнемъ ее развертывать въ одиннадцать часовъ. Весь вашъ Понноннеръ».

Пока я дошелъ до «Понноннеръ», сонъ мой какъ рукой сняло. Я въ восторгѣ вскочилъ съ постели, опрокидывая все, что попадалось подъ руку, одѣлся съ быстротой поистинѣ чудесной, и полетѣлъ, сломя голову, къ доктору.

Тутъ я нашелъ очень оживленное общество. Меня ожидали съ нетерпѣніемъ, мумія лежала на столѣ и, какъ только я вошелъ, приступили къ осмотру.

Это была одна изъ пары мумій, привезенныхъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ капитаномъ Артуромъ Сабрташъ, двоюроднымъ братомъ Поннонера, изъ гробницы вблизи Элейтіаса, въ Ливійскихъ горахъ, значительно выше Ѳивъ на Нилѣ.

Гробницы въ этой мѣстности, уступая по великолѣпію Ѳивскимъ, представляютъ, однако, высокій интересъ, такъ какъ бросаютъ свѣтъ на частную жизнь египтянъ. Склепъ, гдѣ помѣщалась наша мумія, былъ особенно замѣчателенъ въ этомъ отношеніи: стѣны его были покрыты фресками и барельефами, а статуи, вазы, мозаики свидѣтельствовали о богатствѣ покойнаго.

Сокровище было доставлено въ Музеумъ въ томъ самомъ видѣ, какъ нашелъ его капитанъ Сабрташъ; то-есть гробъ не былъ открытъ. Въ такомъ видѣ простояло оно восемь лѣтъ. Такимъ образомъ мы имѣли въ своемъ распоряженіи цѣлую, неповрежденную мумію, и всякій, кто знаетъ какъ рѣдко такіе неповрежденные памятники достигаютъ европейскихъ береговъ, согласится, что мы имѣли полное основаніе поздравлять себя съ удачей.

Подойдя къ столу, я увидѣлъ большой ящикъ или сундукъ семи футовъ въ длину, около трехъ футовъ въ ширину и около двухъ съ половиною въ вышину. Формою онъ не походилъ на наши гробы. Матеріалъ, изъ котораго онъ былъ сдѣланъ, показался намъ сначала деревомъ сикомора (platanus), но надрѣзавъ его, мы убѣдились, что это бумажная масса или papier maché изъ папируса. Онъ былъ украшенъ рисунками, изображавшими погребеніе и другія печальныя сцены, и переплетавшимися съ іероглифическими надписями, безъ сомнѣнія, обозначавшими имя покойнаго. Къ счастію, въ числѣ гостей находился мистеръ Глиддонъ, который безъ труда разобралъ эти буквы и составилъ изъ нихъ слово «Алламистакео».

Намъ не легко было открыть этотъ ящикъ, не повредивъ его, но когда, наконецъ, это удалось, мы нашли въ немъ другой, въ формѣ гроба, и гораздо меньшихъ размѣровъ, но во всемъ остальномъ сходный съ первымъ. Промежутокъ между двумя гробами

былъ наполненъ смолой, которая до нѣкоторой степени обезцвѣтила рисунки второго гроба.

Открывъ второй ящикъ (что удалось безъ труда), мы нашли въ немъ третій, тоже въ формѣ гроба, отличавшійся отъ второго только матеріаломъ, который оказался кедровымъ деревомъ, еще издававшимъ свойственный ему ароматическій запахъ. Между вторымъ и третьимъ гробомъ не было промежутка: они плотно приходились другъ къ другу.

Вынувъ третій ящикъ, мы открыли его и достали мумію. Мы ожидали, что она будетъ окутана полотняными пеленами и повязками, но вмѣсто нихъ оказался родъ футляра изъ папируса, покрытаго слоемъ раззолоченнаго и раскрашеннаго гипса. На рисункахъ изображались различныя обстоятельства, связанныя съ посмертнымъ существованіемъ души, ея появленіе передъ разными богами, а также какія-то человѣческія фигуры, вѣроятно, портреты набальзамированныхъ лицъ. Во всю длину муміи шла надпись фонетическими іероглифами, обозначавшая имя и титулы покойнаго и его родственниковъ.

На шеѣ красовалось ожерелье изъ стеклянныхъ цилиндрическихъ бусъ различныхъ цвѣтовъ и расположенныхъ такъ, чтобы выходили изображенія боговъ, священнаго жука, etc. Подобное же ожерелье опоясывало талію.

Снявъ папирусъ, мы увидѣли тѣло, превосходно сохранившееся и безъ малѣйшаго запаха. Цвѣтъ его былъ красноватый. Кожа упругая, гладкая и блестящая. Зубы и волосы въ хорошемъ состояніи. Глаза (повидимому) были вынуты и замѣнены стеклянными, прекрасной работы и поразительно напоминавшими живые, за исключеніемъ слишкомъ пристальнаго взора. Пальцы и ноздри были вызолочены.

По красноватому оттѣнку эпидермы, мистеръ Глиддонъ заключилъ, что бальзамированіе было произведено исключительно съ помощью асфальта, но когда онъ поскоблилъ кожу стальнымъ ножичкомъ, и бросилъ въ огонь щепотку наскобленной такимъ образомъ пыли, мы услышали запахъ камфоры и другихъ пахучихъ смолъ.

Мы тщательно осмотрѣли тѣло, стараясь найти отверстіе, черезъ которое были вынуты внутренности, но къ нашему удивленію его не оказалось. Мы еще не знали въ то время, что цѣльныя или невскрытыя муміи попадаются нерѣдко. Мозгъ обыкновенно вынимали черезъ носъ, внутренности въ отверстіе, продѣланное въ боку, затѣмъ тѣло брили, обмывали, солили, и откладывали на нѣсколько недѣль, по истеченіи которыхъ приступали къ собственно такъ называемому бальзамированію.

Не найдя никакихъ слѣдовъ отверстія, докторъ Поннопнеръ приготовилъ инструменты для вскрытія, когда я замѣтилъ, что уже десять минутъ третьяго. Въ виду этого, рѣшено было отложить изслѣдованіе до слѣдующаго вечера, и мы хотѣли уже разойтись, когда кто-то предложилъ сдѣлать опытъ съ Вольтовымъ столбомъ.

Мысль примѣнить электричество къ муміи, которой было, по меньшей мѣрѣ, три или четыре тысячи лѣтъ, показалась намъ если не особенно мудрой, то во всякомъ случаѣ оригинальной, такъ что мы горячо ухватились за нее. Девять десятыхъ отнеслись къ этому въ шутку, остальные серьезно, но во всякомъ случаѣ мы уставили баттарею въ кабинетѣ доктора и перенесли туда египтянина.

Съ большимъ трудомъ удалось намъ обнажить часть височнаго мускула, который не такъ сильно окоченѣлъ, какъ остальное тѣло, но какъ мы и ожидали, не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ воспріимчивости къ гальванизму, при соприкосновеніи съ проволокой. Такимъ образомъ, первый же опытъ оказался безуспѣшнымъ, и посмѣявшись надъ своей глупостью, мы уже стали прощаться другъ съ другомъ, когда случайно взглянувъ въ глаза муміи, я остановился въ изумленіи. Въ самомъ дѣлѣ, я съ перваго взгляда замѣтилъ, что глаза эти, которые показались намъ стеклянными и поразили насъ своимъ дикимъ неподвижнымъ взглядомъ, были теперь почти совершенно закрыты вѣками, такъ что лишь небольшая полоска tunica albuginea оставалась видимой.

Я вскрикнулъ и указалъ на это явленіе остальнымъ, которые тотчасъ убѣдились, что я правъ.

Не могу сказать, чтобы я былъ **встревоженъ** этимъ явленіемъ, потому что слово встревоженъ не выражаетъ моего настроенія. Возможно, впрочемъ, что если бы не портеръ, я почувствовалъ бы нѣкоторое волненіе. Остальные даже не пытались скрыть смертельнаго ужаса, овладѣвшаго ими. На доктора Поннониера жалко было смотрѣть. Мистеръ Глиддонъ исчезъ самымъ непонятнымъ манеромъ. Мистеръ Силкъ Бунингамъ, вѣроятно, и самъ припомнитъ, какъ онъ поползъ на четверенькахъ подъ столъ.

Какъ бы то ни было, послѣ первыхъ минутъ изумленія и ужаса, мы рѣшили продолжать опытъ. Мы занялись теперь большимъ пальцемъ правой ноги; сдѣлали надрѣзъ съ наружной стороны os sesamoideum pollicis pedis и такимъ образомъ добрались до основанія musculus abductor. Затѣмъ, установивъ баттарею, мы приложили проволоку къ двураздѣльному нерву. Въ тоже мгновеніе мумія вздернула правое колѣно къ животу, а затѣмъ, съ невѣроятной силой выпрямивъ ногу, дала такого пинка доктору Поннонеру, что этотъ джентльменъ вылетѣлъ въ окно на улицу, какъ стрѣла изъ катапульты.

Мы ринулись вонъ en masse подобрать исковерканные останки несчастной жертвы, но къ радости нашей встрѣтили доктора на лѣстницѣ, летѣвшаго со всѣхъ ногъ, въ философскомъ азартѣ, съ намѣреніемъ во что бы то ни стало продолжать опытъ настойчиво и рьяно.

По его совѣту, мы сдѣлали глубокій надрѣзъ на кончикѣ носа муміи и докторъ собственноручно привелъ его въ соприкосновеніе съ проволокой.

Морально и физически, фигурально и буквально, дѣйствіе можно было назвать электрическимъ. Во-первыхъ, мумія открыла глаза и быстро заморгала ими, какъ мистеръ Бэрнсъ въ пантомимѣ; во-вторыхъ, чихнула; въ третьихъ, усѣлась; въ четвертыхъ, показала кулакъ доктору Понноннеру; въ пятыхъ, обратившись къ гг. Глиддону и Букингаму, сказала на чистѣйшемъ египетскомъ языкѣ:

— Признаюсь, джентльмены, я крайне удивленъ и оскорбленъ вашимъ поведеніемъ. Отъ доктора Понноннера ничего лучшаго и ожидать нельзя было. Этотъ жалкій дуралей не способенъ ни на что лучшее. Я жалѣю и прощаю его. Но вы, мистеръ Глиддонъ и вы, Силкъ, — вы, путешествовавшіе и жившіе въ Египтѣ такъ долго, что иной приметъ васъ за уроженцевъ этой страны — вы, научившіеся въ нашей средѣ говорить по египетски такъ же бѣгло какъ, я думаю, вы пишете на родномъ языкѣ — вы, которыхъ я всегда считалъ друзьями мумій—признаюсь, я ожидалъ болѣе благороднаго поведенія съ вашей стороны. Какъ могли вы спокойно выносить такое неблаговидное обращеніе со мною. Какъ могли вы позволить Тому, Дику и Гарри вынуть меня изъ гробовъ и распеленать въ этомъ дьявольски холодномъ климатѣ. Какими глазами (переходя къ главному пункту) долженъ я смотрѣть на ваше одобреніе и содѣйствіе этому презрѣнному поганцу доктору Понноннеру, когда онъ вздумалъ таскать меня за носъ?

Вы ожидаете, конечно, что, выслушавъ эту рѣчь при подобныхъ обстоятельствахъ, мы кинулись къ дверямъ, или впали въ истерику, или грохнулись всей компаніей въ обморокъ. Надо было, говорю я, ожидать какого-нибудь изъ этихъ трехъ поступковъ. И то, и другое, и третье могло быть исполнено съ большимъ удобствомъ. И, право, я не знаю, какъ и почему мы не исполнили ни того, ни другого, ни третьяго. Быть можетъ, причина тому духъ времени, который дѣйствуетъ по правилу противорѣчія, и обыкновенно приводится въ объясненіе всего парадоксальнаго и невозможнаго. Или, быть можетъ, необычайно естественный и толковый тонъ муміи ослабилъ ужасъ, вызванный ея словами. Какъ бы то ни было, фактъ остается фактомъ: никто изъ насъ не обнаружилъ страха и даже не казался особенно изумленнымъ.

Я съ своей стороны находилъ, что все идетъ какъ нельзя лучше и только отошелъ въ сторону, подальше отъ кулака Египтянина. Докторъ Понноннеръ засунулъ руки въ карманы панталонъ, уставился на мумію и сильно покраснѣлъ. Мистеръ Глиддонъ закрутилъ усы и отогнулъ вверхъ воротничекъ своей рубашки. Мистеръ Букингамъ понурилъ голову и засунулъ большой палецъ правой руки въ лѣвый уголъ рта.

Египтянинъ сурово смотрѣлъ на него въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, потомъ съ усмѣшкой сказалъ:

— Что жь вы молчите, мистеръ Букингамъ? Развѣ вы не слышали, о чемъ я спрашиваю? Выньте палецъ изо рта!

Мистеръ Букингамъ слегка вздрогнулъ, вытащилъ правый палецъ изъ лѣваго угла рта, и засунулъ лѣвый палецъ въ правый уголъ упомянутаго отверстія.

Не добившись отвѣта отъ мистера Букингама, египтянинъ сердито обратился къ мистеру Глиддону и рѣзкимъ тономъ спросилъ, что все это значитъ.

Собравшись съ духомъ, мистеръ Глиддонъ отвѣтилъ на языкѣ фонетическихъ гіероглифовъ, и если бъ въ американскихъ типографіяхъ можно было найти гіероглифическій шрифтъ, я охотно привелъ бы здѣсь цѣликомъ эту прекрасную рѣчь.

Замѣчу кстати, что весь послѣдующій разговоръ, въ которомъ принимала участіе Мумія, происходилъ на первобытномъ египетскомъ языкѣ, причемъ гг. Глиддонъ и Букингамъ служили переводчиками (для меня и другихъ гостей, не бывавшихъ въ Египтѣ). Эти джентльмены объяснялись на родномъ языкѣ муміи съ неподражаемой бѣглостью и плавностью; но я не могъ не замѣтить, что имъ приходилось иногда (безъ сомнѣнія, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о современныхъ, чуждыхъ египтянину понятіяхъ) прибѣгать къ нагляднымъ объясненіямъ. Напримѣръ, мистеръ Глиддонъ не могъ растолковать муміи, что такое «политика», пока не нарисовалъ на стѣнѣ углемъ маленькаго джентльмена, съ угреватымъ носомъ, оборваннаго, стоявшаго на одной ногѣ, откинувъ лѣвую назадъ, вытянувъ правую руку впередъ, стиснувъ кулакъ, закативъ глаза и разинувъ ротъ подъ угломъ въ девяносто градусовъ.

Нетрудно догадаться, что мистеръ Глиддонъ въ своей рѣчи указывалъ, какъ важно для науки распеленывать и потрошить муміи, хотя бы при этомъ было причинено нѣкоторое безпокойство имъ самимъ, а въ данномъ случаѣ субъекту, носившему имя Алламистакео; и въ заключеніе намекнулъ (дальше намека трудно было идти при данныхъ обстоятельствахъ), что такъ какъ теперь всѣ эти мелочныя недоразумѣнія выяснились, то было бы

недурно приступить къ изслѣдованію. Услышавъ это, докторъ Понноннеръ приготовилъ свои инструменты.

Послѣднія слова оратора, повидимому, возбудили въ Алламистакео какія-то сомнѣнія, сущность которыхъ осталась для меня неясной; однако, онъ объявилъ, что удовлетворенъ объясненіями мистера Глиддона, соскочилъ со стола и пожалъ руки всѣмъ присутствовавшимъ.

Когда церемонія представленія была кончена, мы поспѣшили исправить поврежденія, нанесенныя египтянину скальпелемъ. Мы зашили рану на вискѣ, перевязали ногу, и приклеили кусочекъ чернаго пластыря величиною въ 1 квадратный дюймъ къ кончику его носа.

Мы замѣтили, что графъ (таковъ былъ, кажется, титулъ Алламистакео) слегка вздрагиваетъ—безъ сомнѣнія, отъ холода. Докторъ Понноннеръ тотчасъ отправился въ платяной шкафъ и притащилъ черный сюртукъ – образцовое издѣліе Дженингса—клѣтчатые небесно-голубого цвѣта брюки со штрипками, chemise тонкаго полотна, глазетовый жилетъ, бѣлое пальто, трость съ кривой ручкой, сапоги патентованной кожи, соломеннаго цвѣта лайковыя перчатки, лорнетъ, пару бакенбардъ и галстухъ. Вслѣдствіе разницы въ ростѣ между графомъ и докторомъ (первый былъ вдвое выше второго) надѣть эти вещи на египтянина оказалось нѣсколько затруднительнымъ; но когда туалетъ его былъ оконченъ, онъ могъ назваться одѣтымъ. Затѣмъ мистеръ Глиддонъ взялъ его подъ руку и усадилъ въ покойномъ креслѣ передъ каминомъ, а докторъ позвонилъ и велѣлъ подать сигаръ и вина.

Вскорѣ бесѣда приняла самый оживленный характеръ. Разумѣется, присутствующіе выразили удивленіе, что Алламистакео до сихъ поръ остался живъ, находя этотъ фактъ не совсѣмъ обыкновеннымъ.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ мистеръ Букингамъ,—вамъ давно слѣдовало умереть.

— Съ какой стати?—съ удивленіемъ отвѣтилъ графъ,—мнѣ всего семьсотъ лѣтъ! Мой отецъ прожилъ тысячу и былъ еще хоть куда наканунѣ смерти.

Тутъ послѣдовали разспросы и вычисленія, изъ которыхъ выяснилось, что мы имѣли совершенно невѣрное представленіе о муміи. Прошло пять тысячъ пятьдесятъ лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ съ того момента, какъ она была положена въ катакомбахъ Элейтіаса.

— Я вѣдь собственно имѣлъ въ виду,—возразилъ мистеръ Букингамъ,—не вашъ возрастъ въ моментъ погребенія (я согласенъ, что вы еще молодой человѣкъ), а громадный періодъ времени, проведенный вами, по вашимъ же словамъ, въ асфальтѣ.

— Въ чемъ?—спросилъ графъ.

— Въ асфальтѣ,—повторилъ мистеръ Б.

— А, да; я, кажется, понимаю, что вы хотите сказать; безъ сомнѣнія, этотъ способъ имѣетъ свои достоинства, но въ наше время употреблялась почти исключительно двухлористая ртуть.

— Но мы все-таки затрудняемся понять,—сказалъ докторъ Поннониеръ,—какъ могло случиться, что, умеревъ и бывъ погребеннымъ пять тысячъ лѣтъ тому назадъ, вы оказываетесь теперь живымъ и, повидимому, пользуетесь цвѣтущимъ здоровьемъ.

— Если бы я умеръ,—возразилъ графъ,—то, по всей вѣроятности, и до сихъ поръ остался бы мертвымъ; но я замѣчаю, что вы еще очень несвѣдущи по части гальванизма и не можете исполнить того, что было самой обыкновенной вещью у насъ, въ старину. Дѣло въ томъ, что я впалъ въ каталептическое состояніе, а мои друзья рѣшили, что я мертвъ или долженъ быть мертвымъ; и немедленно набальзамировали меня... я полагаю вы имѣете понятіе объ основныхъ принципахъ бальзамированія.

— Н...да, не совсѣмъ.

— Ага, понимаю;—о глубина невѣжества! Ну, я не могу пускаться въ подробности; но считаю необходимымъ замѣтить, что бальзамировать (въ собственномъ смыслѣ слова) въ Египтѣ значило остановить на неопредѣленное время всѣ животныя функціи даннаго лица. Я употребляю слово «животныя» въ его обширнѣйшемъ смыслѣ, подразумѣвая не только физическія, но и духовныя и жизненныя функціи организма. Повторяю, основнымъ принципомъ бальзамированія была остановка всѣхъ животныхъ отправленій субъекта. Въ короткихъ словахъ, субъектъ долженъ былъ вѣчно оставаться въ томъ же состояніи, въ какомъ былъ онъ въ моментъ набальзамированія. Такъ какъ въ моихъ жилахъ течетъ кровь Священнаго Жука, то меня набальзамировали живымъ, такимъ точно, какимъ вы меня видите въ настоящую минуту.

— Кровь Священнаго Жука! — воскликнулъ докторъ Поннониеръ.

— Да. Священный Жукъ — это insignium или «гербъ» одной изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ фамилій. Выраженіе «въ моихъ жилахъ течетъ кровь Священнаго Жука» означаетъ только принадлежность къ фамиліи, носящей этотъ гербъ. Я выражаюсь образнымъ языкомъ.

— Но причемъ тутъ набальзимированіе живьемъ?

— Видите-ли, въ Египтѣ было обыкновеніе вынимать изъ тѣла внутренности и мозгъ передъ набальзимированіемъ. Только для фамиліи Жуковъ дѣлалось исключеніе. Такъ что если бы я не

былъ Жукомъ, у меня вынули бы мозгъ и внутренности, а безъ нихъ не совсѣмъ удобно жить.

— Понимаю,—сказалъ мистеръ Букингамъ,—стало быть, всѣ цѣльныя муміи, которыя намъ случается находить, принадлежатъ къ фамиліи Священныхъ Жуковъ?

— Безъ сомнѣнія.

— Я думалъ,—робко замѣтилъ м-ръ Глиддонъ,—что Священный Жукъ принадлежалъ къ числу египетскихъ боговъ.

— Египетскихъ... что?—воскликнула Мумія, вскочивъ на ноги.

— Боговъ!—повторилъ путешественникъ.

— Мистеръ Глиддонъ, я положительно изумленъ вашими словами,—отвѣчалъ Графъ, снова опускаясь въ кресло. — Ни одна нація на землѣ никогда не признавала болѣе одного Бога. Священный Жукъ, Ибисъ etc. служили у насъ (какъ и у другихъ націй подобныя же существа) только символами или media, при посредствѣ которыхъ мы покланялись Творцу, слишкомъ возвышенному, чтобы обращаться къ Нему непосредственно.

Послѣдовала пауза. Наконецъ, докторъ Понноннеръ возобновилъ бесѣду.

— Изъ вашихъ объясненій,—сказалъ онъ, — можно заключить, что въ катакомбахъ близь Нила могутъ оказаться и другія муміи рода Жуковъ, сохранившія жизненность.

— Безъ всякаго сомнѣнія, — отвѣчалъ Графъ, — всѣ Жуки, случайно набальзамированные живыми, и теперь еще живы. Возможно также, что нѣкоторые изъ лицъ, умышленно набальзамированныхъ живьемъ, были забыты своими душеприкащиками и до сихъ поръ остаются въ могилахъ.

— Не будете-ли вы добры объяснить,—сказалъ я,—что означаютъ ваши слова «умышленно набальзамированныхъ живьемъ».

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—отвѣчала Мумія, осмотрѣвъ меня въ лорнетъ, такъ какъ я еще въ первый разъ обратился къ ней съ вопросомъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ,—сказала она.—Средняя продолжительность жизни въ наше время была восемьсотъ лѣтъ. Немногіе умирали,—оставляя въ сторонѣ случайности, — ранѣе шестисотъ, немногіе переживали десятокъ вѣковъ; нормальнымъ срокомъ считалось восемьсотъ лѣтъ. Съ открытіемъ способа бальзамированія, о которомъ я уже сообщилъ вамъ, наши философы пришли къ заключенію, что было бы весьма интересно, какъ съ точки зрѣнія простой любознательности, такъ и въ видахъ преуспѣянія науки, отбывать этотъ жизненный срокъ по частямъ. Предположимъ, напримѣръ, такой случай: историкъ прожилъ пятьсотъ лѣтъ, написалъ книгу—плодъ многолѣтнихъ изысканій,—затѣмъ

его тщательно бальзамируютъ и помѣщаютъ въ гробницу съ надписью для душеприкащиковъ pro tem., обязанныхъ оживить его черезъ извѣстный промежутокъ времени, скажемъ пятьсотъ или шестьсотъ лѣтъ. Вернувшись къ жизни по истеченіи этого періода, онъ убѣждается, что его великое твореніе превратилось въ родъ всеобщей записной книжки, то есть въ родъ литературной арены для изысканій, догадокъ и споровъ цѣлой стаи рьяныхъ комментаторовъ. Эти изысканія и проч. подъ именемъ поправокъ и поясненій до того затемнили, запутали и исковеркали текстъ, что автору приходится съ фонаремъ отыскивать свою книгу. Отыскавъ ее, онъ убѣждается, что искать не стоило. Передѣлавъ ее начисто, онъ считаетъ своей священной обязанностью исправить на основаніи своего личнаго опыта и знанія, преданія, относящіяся къ первому періоду его жизни. Подобныя исправленія, предпринимаемыя время отъ времени различными мудрецами, предотвратятъ возможность превращенія исторіи въ чистую басню.

— Виноватъ,—перебилъ докторъ Поннонперъ, слегка прикоснувшись къ рукѣ Египтянина,—виноватъ, сэръ, могу я васъ перебить на минуту.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ,—отвѣчалъ Графъ, пріосанившись.

— Я хотѣлъ только предложить вамъ одинъ вопросъ,—сказалъ докторъ.—Вы упомянули объ исправленіи историкомъ преданій, относящихся къ его эпохѣ. Скажите, пожалуйста, сэръ, какая доля преданій Каббалы въ среднемъ оказывается вѣрной?

— Каббала, какъ вы совершенно правильно называете ее, сэръ, вообще говоря, стоитъ наравнѣ съ фактами, о которыхъ сообщаютъ устные разсказы; то есть не содержитъ ни одной единственной детали, которая не оказалась бы совершенно и безусловно ложной.

Присутствующіе пожали плечами, а нѣкоторые съ многозначительнымъ видомъ дотронулись пальцемъ до лба. Мистеръ Букингамъ, бросивъ бѣглый взглядъ на затылокъ, а потомъ на лобъ Алламистакео, сказалъ:

— Продолжительность жизни въ ваше время, равно какъ и возможность отбывать ее по частямъ, какъ вы сейчасъ объяснили, безъ сомнѣнія, должны были способствовать развитію и накопленію знаній. Я полагаю, что вы приписываете отсталость древнихъ египтянъ во всѣхъ спеціальныхъ отрасляхъ знанія, сравнительно съ современными народами, а особливо съ янки, единственно большей толщинѣ египетскаго черепа.

— Признаюсь,—возразилъ графъ очень вѣжливымъ тономъ,—я опять таки не совсѣмъ понимаю васъ: скажите, пожалуйста, о какихъ спеціальныхъ отрасляхъ знанія вы говорите.

Тутъ мы въ одинъ голосъ и очень подробно сообщили ему о выводахъ френологіи и чудесахъ животнаго магнетизма.

Выслушавъ насъ до конца, графъ сообщилъ нѣсколько анекдотовъ, изъ которыхъ намъ стало ясно, что прототипы Галля и Шпурцгейма расцвѣли и увяли въ Египтѣ такъ давно, что подверглись почти полному забвенію, а манипуляціи Месмера—жалкіе фокусы въ сравненіи съ положительными чудесами ѳиванскихъ savants, которые создавали живыхъ вшей и много другихъ подобныхъ существъ.

Тутъ я спросилъ графа, умѣли-ли его единоплеменники вычислять затмѣнія. Онъ улыбнулся довольно презрительно и отвѣчалъ:—умѣли.

Это нѣсколько смутило меня, но я все-таки предложилъ еще нѣсколько вопросовъ по части астрономическихъ знаній, когда одинъ изъ гостей, еще ни разу не открывавшій рта, шепнулъ мнѣ на ухо, что объ этихъ вещахъ лучше справиться у Птолемея и Плутарха de facie lunae.

Тогда я сталъ разспрашивать графа о зажигательныхъ стеклахъ и чечевицахъ и вообще о производствѣ стекла; но тотъ же молчаливый господинъ спокойно дотронулся до моего локтя и просилъ меня Христомъ Богомъ заглянуть въ Діодора Сицилійскаго. Что касается графа, то онъ просто спросилъ меня, вмѣсто отвѣта, имѣются-ли у современныхъ людей микроскопы, съ помощью которыхъ можно вырѣзать камеи въ стилѣ египетскихъ. Пока я раздумывалъ, что отвѣтить на этотъ вопросъ, крошка докторъ Понноннеръ повелъ себя самымъ страннымъ образомъ.

— Взгляните на нашу архитектуру! — воскликнулъ онъ, къ великому негодованію обоихъ путешественниковъ, которые ни съ того ни съ сего принялись щипать его до синяковъ.

— Взгляните,—воскликнулъ онъ съ энтузіазмомъ,—на Bowling-Green Fountain въ Нью-Іоркѣ! или если это зрѣлище слишкомъ величественное для созерцанія, бросьте хоть одинъ взглядъ на Капитолій въ Вашингтонѣ!—тутъ добрѣйшій карапузикъ принялся подробно описывать упомянутое имъ зданіе. Онъ объяснилъ, что одинъ портикъ украшенъ двадцатью четырьмя колоннами, по пяти футовъ въ діаметрѣ, на разстояніи десяти футовъ одна отъ другой.

Графъ отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, не можетъ припомнить въ настоящую минуту точные размѣры одного изъ главныхъ зданій въ городѣ Азнакѣ, основаніе котораго теряется во тмракѣ временъ, а развалины еще сохранились въ эпоху его погребенія въ обширной песчаной равнинѣ къ западу отъ Ѳивъ. Онъ помнитъ, однако, что портикъ сравнительно небольшого дворца въ предмѣстьи, на-

зываемомъ Карнакъ, состоялъ изъ ста сорока четырехъ колоннъ, по тридцати семи футовъ въ окружности, на разстояніи двадцати пяти футовъ одна отъ другой. Отъ Нила до портика, на протяженіи двухъ миль, тянется аллея сфинксовъ, статуй и обелисковъ, достигающихъ двадцати, шестидесяти и ста футовъ въ вышину. Самый дворецъ (насколько онъ могъ припомнить) имѣлъ двѣ мили въ длину и семь миль въ окружности. Стѣны его были богато расписаны, внутри и снаружи, іероглифами. Онъ не утверждаетъ, будто въ стѣнахъ его могли бы быть выстроены пятьдесятъ или шестьдесятъ Капитоліевъ доктора, но считаетъ возможнымъ, что двѣ или три сотни ихъ можно бы было втиснуть туда безъ особенныхъ затрудненій. Впрочемъ, этотъ Карнакскій дворецъ въ концѣ концовъ просто лачуга. Онъ (графъ), по совѣсти, не можетъ отрицать великолѣпія и превосходства Bowling-Green Fountain, описаннаго докторомъ. Ничего подобнаго, онъ долженъ сознаться, не было въ Египтѣ, да и нигдѣ вообще.

Я спросилъ графа, что онъ думаетъ о нашихъ желѣзныхъ дорогахъ.

— Ничего особеннаго,—отвѣчалъ онъ.—Онѣ устроены довольно непрочно, легкомысленно и неуклюже. Какое же сравненіе съ широкими, гладкими и прямыми дорогами, по которымъ египтяне перевозили цѣлые храмы и массивные обелиски въ полтораста футовъ вышиною.

Я завелъ рѣчь о нашихъ гигантскихъ механическихъ силахъ.

Онъ согласился, что мы немножко маракуемъ по этой части, но тутъ же спросилъ, какъ бы я принялся за дѣло, если бы надо было помѣстить лопатки подъ сводами хотя бы маленькаго Карнакскаго дворца.

Я сдѣлалъ видъ, что не слышу этого попроса, и спросилъ, имѣетъ-ли онъ понятіе объ артезіанскихъ колодцахъ. Но онъ только высоко поднялъ брови, а мистеръ Глиддонъ бросилъ на меня суровый взглядъ и замѣтилъ въ полголоса, что такой колодезь недавно былъ найденъ инженерами въ Большомъ Оазисѣ.

Я заговорилъ о нашихъ стальныхъ издѣліяхъ; но иностранецъ презрительно повелъ носомъ и спросилъ, можно-ли нашими стальными орудіями исполнить такую рѣзьбу, какую египтяне исполняли на обелискахъ мѣдными рѣзцами.

Все это смутило насъ настолько, что мы рѣшили перейти къ вопросамъ метафизическимъ. Мы послали за книгой, называемой «Обозрѣніе» и прочли египтянину главу или двѣ о чемъ-то не весьма ясномъ, но извѣстномъ у бостонцевъ подъ именемъ великаго движенія или прогресса.

Графъ замѣтилъ только, что великія движенія были самымъ обыкновеннымъ явленіемъ въ его время, а прогрессъ одно время сдѣлался истинной язвой, но никогда не прогрессировалъ.

Тогда мы перешли къ величію и значенію демократіи и не безъ труда втолковали графу, какими выгодами мы пользуемся, живя въ странѣ, гдѣ существуетъ подача голосовъ ad libitum, и нѣтъ короля.

Онъ выслушалъ насъ съ интересомъ и, повидимому, нашелъ наши разсужденія очень забавными. Когда мы кончили, онъ сказалъ, что много вѣковъ тому назадъ уже пытались устроить нѣчто подобное. Четырнадцать египетскихъ провинцій рѣшились провозгласить себя свободными и тѣмъ самымъ подать великолѣпный примѣръ остальному человѣчеству. Они собрали своихъ мудрецовъ и состряпали остроумнѣйшую конституцію. Сначала дѣло пошло не дурно, только хвастались они ужасно. Но кончилось тѣмъ, что упомянутыя тринадцать провинцій съ пятнадцатью или двадцатью другими подпали подъ власть самаго ненавистнаго и невыносимаго деспотизма, какой когда-либо владычествовалъ на землѣ.

Я спросилъ, какъ звали деспота?

Сколько помнилось графу, его звали Чернь.

Не зная, что отвѣтить на это, я возвысилъ голосъ и выразилъ сожалѣніе, что египтяне не знали силы пара.

Графъ взглянулъ на меня съ удивленіемъ, но ничего не отвѣтилъ. Молчаливый джентльменъ двинулъ меня локтемъ въ бокъ,— шепнулъ мнѣ, что я оскандалился, и прибавилъ, что современная паровая машина происходитъ отъ изобрѣтенія Герона черезъ Соломона де-Ко.

Намъ угрожало рѣшительное пораженіе, но, къ счастью, докторъ Понноннеръ собрался съ духомъ, явился къ намъ на выручку и спросилъ, неужели египетскій народъ могъ бы серьезно думать о соперничествѣ съ нами въ такомъ важномъ предметѣ, какъ одежда.

Графъ взглянулъ на штрипки своихъ брюкъ, затѣмъ взялся за фалду сюртука и поднесъ ее къ глазамъ. Когда онъ выпустилъ ее, ротъ его мало по малу раскрылся до ушей, но больше онъ ничего не отвѣтилъ.

Тутъ мы воспрянули духомъ и докторъ Поннoннеръ, подойдя къ муміи съ видомъ глубокаго достоинства, попросилъ ее отвѣтить по правдѣ, какъ честный джентльменъ, умѣли-ли египтяне, въ какой бы то ни было періодъ своего существованія приготовлять лепешечки Поннoннера и пилюли Брандрета.

Мы съ глубокимъ безпокойствомъ ожидали отвѣта, но тщетно.

Отвѣта не было. Египтянинъ покраснѣлъ и понурилъ голову. Никогда торжество не было столь полнымъ, никогда пораженіе не было столь горькимъ. Я не вынесъ убитаго вида муміи. Я схватилъ шляпу, сухо поклонился графу и ушелъ.

Я пришелъ домой въ четыре часа и тотчасъ же улегся спать. Теперь десять утра. Я всталъ въ семь часовъ утра и написалъ эти воспоминанія на поученіе моей семьѣ и человѣчеству. Отъ семьи я отказываюсь. Моя жена вѣдьма. По правдѣ сказать, мнѣ смертельно надоѣла эта жизнь, да и вообще девятнадцатый вѣкъ. Я убѣжденъ, что все идетъ какъ нельзя хуже. Къ тому же мнѣ хочется знать, кто будетъ президентомъ въ 2045 году. Итакъ, побрившись и проглотивъ чашку кофе, отправлюсь къ Поннонперу и велю набальзамировать себя на двѣсти лѣтъ.

Лягушонокъ.

Я въ жизнь свою не знавалъ такого шутника, какъ этотъ король. Онъ, кажется, только и жилъ для шутокъ. Разсказать забавную исторію, и разсказать ее хорошо,—было вѣрнѣйшимъ способомъ заслужить его милость. Оттого и случилось, что всѣ его семь министровъ славились, какъ отмѣнные шуты. По примѣру своего короля они были грузные, тучные, жирные люди и неподражаемые шутники. Толстѣютъ люди отъ шутокъ, или сама толщина располагаетъ къ шуткѣ,—этого я никогда не могъ узнать доподлинно, но во всякомъ случаѣ худощавый шутникъ—rara avis in terris.

Король не особенно заботился объ утонченности или, какъ онъ выражался, «духѣ» остроумія. Ему нравилась главнымъ образомъ широта въ шуткѣ, и ради нея онъ готовъ былъ пожертвовать глубиною. Онъ предпочелъ бы «Гаргантюа» Раблэ «Задигу» Вольтера; и въ общемъ ему больше нравились шутливыя дѣйствія, чѣмъ словесныя остроты.

Въ эпоху, къ которой относится мой разсказъ, профессіональные шуты еще не перевелись при дворахъ. Въ нѣкоторыхъ великихъ континентальныхъ «державахъ» имѣлись придворные «дураки», носившіе пестрое платье и колпаки съ погремушками, и обязанные отпускать остроты по первому требованію за объѣдки съ королевскаго стола.

Нашъ король, разумѣется, держалъ при своей особѣ «дурака». Правду сказать, онъ чувствовалъ потребность въ нѣкоторой дозѣ глупости—хотя бы только въ качествѣ противовѣса тяжелой мудрости семи премудрыхъ министровъ—не говоря уже о немъ самомъ.

Какъ бы то ни было его дуракъ, или профессіональный шутъ, былъ не только дуракъ. Въ глазахъ короля онъ имѣлъ тройную цѣну, потому что былъ и карликъ, и калѣка. Карлики при тогдашнихъ дворахъ были такъ же обыкновенны, какъ дураки; и многіе короли не знали бы, какъ скоротать время (а время при дворѣ тянется гораздо дольше, чѣмъ гдѣ либо), не будь у нихъ возможности посмѣяться съ шутомъ или надъ карликомъ. Но, какъ я уже замѣтилъ, шутники, въ девяносто девяти случаяхъ изъ ста, тучны, круглы и неповоротливы,—въ виду этого нашъ король не мало радовался тому, что въ Лягушонкѣ (такъ звали шута) обладаетъ тройнымъ сокровищемъ въ одномъ лицѣ.

Я не думаю, чтобъ имя «Лягушонокъ» было дано этому карлику воспріемниками при крещеніи,—вѣрнѣе предположить, что оно было пожаловано ему, съ общаго согласія семи министровъ, за его неумѣнье ходить по людски. Дѣйствительно, Лягушонокъ двигался какой-то порывистой походкой--не то ползкомъ, не то прыжками—возбуждавшей безграничное веселье и не мало утѣшавшей короля, потому что король (несмотря на выдающееся брюхо и природную одутловатость лица) считался при дворѣ красавцемъ. Но хотя Лягушонокъ могъ двигаться по землѣ или по полу только съ большимъ трудомъ, чудовищная сила, которой природа одарила его руки, какъ бы въ возмѣщеніе слабости нижнихъ конечностей, позволяла ему продѣлывать изумительныя штуки въ тѣхъ случаяхъ, когда можно было уцѣпиться за вѣтви или веревки. Въ такихъ случаяхъ онъ больше походилъ на бѣлку или обезьянку, чѣмъ на лягушку.

Я не знаю хорошенько, откуда былъ родомъ Лягушонокъ. Во всякомъ случаѣ, изъ какой-то варварской страны, о которой никто не слыхалъ,—далекой отъ двора нашего короля. Лягушонокъ и молодая дѣвушка, почти такая же карлица какъ онъ (но удивительно пропорціонально сложенная и превосходная танцовщица) были оторваны отъ своихъ родныхъ очаговъ и посланы въ подарокъ королю однимъ изъ его побѣдоносныхъ генераловъ.

Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ между двумя маленькими плѣнниками возникла тѣсная дружба. Въ самомъ дѣлѣ, они вскорѣ сдѣлались закадычными друзьями. Лягушонокъ, который, несмотря на свои штуки, отнюдь не пользовался популярностью, не могъ оказать Трипеттѣ большихъ услугъ, но она была всеобщей любимицей и баловницей за свою грацію и красоту, пользовалась большимъ вліяніемъ и всегда готова была пустить его въ ходъ ради Лягушонка.

Однажды, по случаю какого-то важнаго событія—какого

именно не помню,—король рѣшилъ устроить маскарадъ; а всякій разъ, когда при нашемъ дворѣ устраивался маскарадъ или что-нибудь въ этомъ родѣ, Лягушонку и Трипеттѣ приходилось пускать въ ходъ свои таланты. Лягушенокъ былъ особенно изобрѣтателенъ по части декорацій, новыхъ костюмовъ и масокъ, такъ что безъ его помощи рѣшительно не могли обойтись.

Наступилъ вечеръ, назначенный для fete. Пышная зала была убрана, подъ надзоромъ Трипетты, всевозможными украшеніями, способными придать éclat маскараду. Весь дворъ томился въ лихорадкѣ ожиданія.

Въ отношеніи масокъ и костюмовъ всякій самъ позаботился заранѣе. Многіе приготовили свои роли за недѣлю, за мѣсяцъ; такъ что на этотъ счетъ ни у кого не было колебаній,—кромѣ короля и семи министровъ. Почему они медлили, я не могу объяснить,—развѣ для шутки. Вѣрнѣе предположить, что они затруднялись, вслѣдствіе своей толщины, придумать что-нибудь. Во всякомъ случаѣ время уходило; и въ концѣ концовъ они послали за Лягушонкомъ и Трипеттой.

Когда маленькіе друзья явились на зовъ короля, онъ сидѣлъ за бутылкой вина въ залѣ совѣта съ своими министрами; но казался въ очень дурномъ расположеніи духа. Онъ зналъ, что Лягушонокъ не любитъ вина, потому что вино доводило бѣднаго калѣку почти до безумія, а безуміе вовсе непріятное чувство. Но король любилъ подшутить и потому заставилъ Лягушонка «пить и веселиться».

— Поди сюда, Лягушонокъ, — сказалъ онъ, когда шутъ и его подруга вошли въ комнату,—осуши этотъ стаканъ за здоровье своихъ отсутствующихъ друзей (Лягушонокъ вздохнулъ) и помоги намъ своей изобрѣтательностью. Намъ нужны костюмы, костюмы, малый, что-нибудь новое, небывалое. Намъ наскучило все одно и тоже. Ну же, пей! вино прочиститъ тебѣ мозги.

Лягушонокъ попробовалъ было отвѣтить шуткой на любезности короля, но испытаніе оказалось слишкомъ сильнымъ. Сегодня какъ разъ случился день рожденія бѣднаго карлика и приказаніе выпить за здоровье «отсутствующихъ друзей» вызвало слезы на его глаза. Тяжелыя горькія капли градомъ покатились въ кубокъ, когда онъ съ поклономъ принялъ его изъ рукъ короля.

— А!—ха! ха! ха!—захохоталъ послѣдній, когда карликъ съ отвращеніемъ осушилъ чару.—Вотъ что значитъ стаканъ хорошаго вина! Сразу глаза заблестѣли!

Бѣдняга! его глаза скорѣе загорѣлись, чѣмъ заблестѣли, потому что дѣйствіе вина на его легко возбуждаемый мозгъ было

такъ же сильно, какъ мгновенно. Онъ поставилъ кубокъ на столъ и обвелъ присутствующихъ безумнымъ взглядомъ. Всѣ, повидимому, находили крайне забавной королевскую «шутку».

— А теперь къ дѣлу,—сказалъ первый министръ, человѣкъ очень тучный.

— Да,—подтвердилъ король,—помоги же намъ, Лягушонокъ. Характерныхъ костюмовъ, милый мой; намъ всѣмъ не хватаетъ характера, всѣмъ, ха! ха! ха!—и такъ какъ онъ не на шутку считалъ это остротой, то всѣ семеро принялись вторить его хохоту.

Лягушонокъ тоже засмѣялся, но слабымъ и довольно безсмысленнымъ смѣхомъ.

— Ну же, ну,—сказалъ король нетерпѣливо,—неужели ты не можешь ничего придумать?

— Я стараюсь придумать что-нибудь новое,—возразилъ карликъ почти безсознательно, такъ какъ вино совершенно отуманило ему голову.

— Стараешься,—воскликнулъ король съ гнѣвомъ,—это еще что значитъ? А, понимаю. Тебѣ грустно, ты выпилъ слишкомъ мало вина. На, пей еще.—Съ этими словами онъ снова наполнилъ кубокъ до краевъ, и протянулъ его калѣкѣ, который только смотрѣлъ на него, съ трудомъ переводя духъ.

— Пей же, говорятъ тебѣ,—гаркнуло чудовище,—или клянусь всѣми чертями...

Карликъ медлилъ. Король побагровѣлъ отъ гнѣва. Придворные улыбались. Трипетта, блѣдная какъ трупъ, приблизилась къ трону короля и, упавъ на колѣни, умоляла пощадить ея друга.

Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній тиранъ глядѣлъ на нее внѣ себя отъ изумленія. Онъ просто растерялся, не зная какъ лучше выразить свое негодованіе. Наконецъ, не сказавъ ни слова, онъ оттолкнулъ ее изо всѣхъ силъ и выплеснулъ ей въ лицо содержимое кубка.

Бѣдная дѣвушка оправилась кое-какъ и, не смѣя даже вздохнуть, вернулась на свое мѣсто въ концѣ стола.

Наступило гробовое молчаніе, длившееся съ полминуты: паденіе листка или пера было бы слышно. Тишина была прервана тихимъ, но рѣзкимъ и продолжительнымъ скрипящимъ звукомъ, который, казалось, раздавался изо всѣхъ угловъ комнаты.

— Что, что, что это за звукъ? какъ ты смѣешь скрипѣть?—спросилъ король съ бѣшенствомъ, поворачиваясь къ карлику.

Повидимому, опьяненіе послѣдняго въ значительной степени прошло; онъ спокойно и твердо взглянулъ на короля и воскликнулъ:

— Я? Да развѣ это я?

— Звукъ, повидимому, раздавался снаружи,—замѣтилъ одинъ изъ придворныхъ.—Должно быть это попугай, что виситъ за окномъ, вздумалъ точить клювъ о клѣтку.

— Правда, — отвѣчалъ монархъ, какъ будто успокоенный этимъ замѣчаніемъ, — но я готовъ былъ поклясться честью рыцаря, что скрипѣли зубы этого бездѣльника.

Тутъ карликъ засмѣялся (король былъ слишкомъ завзятый шутникъ, чтобы разсердиться на чей-либо смѣхъ) обнаруживъ рядъ огромныхъ, сильныхъ и безобразныхъ зубовъ. Мало того, онъ изъявилъ готовность пить сколько угодно. Монархъ угомонился; и, осушивъ еще кубокъ безъ всякихъ замѣтныхъ послѣдствій, Лягушонокъ съ жаромъ приступилъ къ обсужденію вопроса о маскарадѣ.

— Не могу вамъ объяснить, въ силу какой ассоціаціи идей,—замѣтилъ онъ совершенно спокойно, какъ будто въ жизнь свою не прикасался къ вину,—но тотчасъ послѣ того, какъ ваше величество ударили дѣвушку и плеснули ей въ лицо виномъ, тотчасъ послѣ того, какъ ваше величество сдѣлали это, и въ ту самую минуту, когда попугай такъ странно заскрипѣлъ клювомъ, мнѣ вспомнилась чудесная забава—очень обыкновенная на моей родинѣ, на нашихъ маскарадахъ, но совершенно неизвѣстная здѣсь. Къ несчастью, для нея требуется восемь человѣкъ, и...

— Да вотъ они!—воскликнулъ король, радуясь этому остроумному открытію,—ровнешенько восемь, я и мои семь министровъ. Продолжай! какая такая забава?

— Мы называемъ ее,—отвѣчалъ калѣка,—Восемь Орангутанговъ въ Цѣпяхъ и если хорошо разыграть выходитъ презабавное зрѣлище.

— Мы разыграемъ, — замѣтилъ король, пріосанившись и моргая глазами.

— Главная прелесть игры,—продолжалъ Лягушонокъ,—въ томъ, что она пугаетъ женщинъ.

— Превосходно!—крикнули хоромъ монархъ и министры.

— Я наряжу васъ орангутангами,—продолжалъ Лягушонокъ,—предоставьте это мнѣ. Сходство будетъ такъ поразительно, что всѣ примутъ васъ за настоящихъ обезьянъ, и, разумѣется, будутъ страшно испуганы и удивлены.

— О, это великолѣпно!—воскликнулъ король. — Лягушонокъ! я награжу тебя по царски.

— Цѣпи своимъ бряцаньемъ увеличатъ суматоху. Будетъ пущенъ слухъ, что вы en masse убѣжали отъ своихъ сторожей. Ваше величество можете себѣ представить, какой эффектъ произведетъ

появленіе въ маскарадѣ восьми орангутанговъ, которыхъ публика приметъ за настоящихъ, когда они бросятся съ дикимъ визгомъ въ толпу разряженныхъ дамъ и кавалеровъ. Контрастъ получится безподобный.

— Такъ и сдѣлаемъ,—сказалъ король.

Было уже поздно, и потому совѣтъ немедленно принялся приводить въ исполненіе выдумку Лягушонка.

Средства, употребленныя имъ для того, чтобы нарядить компанію орангутангами, были очень примитивны, но вполнѣ соотвѣтствовали его цѣлямъ. Въ то время животныя, о которыхъ идетъ рѣчь, рѣдко привозились въ цивилизованныя страны; и такъ какъ костюмы, придуманные карликомъ, придавали наряженымъ дѣйствительно звѣроподобный и достаточно отвратительный видъ, то публика могла принять ихъ за настоящихъ обезьянъ. Прежде всего король и министры надѣли рубахи и панталоны изъ трико, въ обтяжку. Затѣмъ ихъ вымазали дегтемъ. Тутъ одинъ изъ нихъ посовѣтовалъ употребить перья; но это предложеніе было отвергнуто карликомъ, который убѣдилъ всѣхъ восьмерыхъ, что шерсть орангутанга лучше всего устроить изъ пеньки. Густой слой послѣдней былъ приклеенъ къ смолѣ. Затѣмъ достали длинную цѣпь. Сначала она была обвита вокругъ таліи короля, и заклепана, потомъ вокругъ таліи одного изъ министровъ и тоже заклепана, и такъ далѣе, пока не сковала всѣхъ. Когда всѣ ряженые были соединены цѣпью, то, стоя какъ можно дальше другъ отъ друга, они образовали кругъ. Дабы усилить правдоподобіе, Лягушонокъ натянулъ оставшійся конецъ цѣпи поперекъ круга, крестъ на крестъ, какъ дѣлаютъ въ наше время охотники, занимающіеся ловлей шимпанзе и другихъ большихъ обезьянъ на Борнео.

Большая зала, предназначенная для маскарада, была очень высокая, круглая комната съ единственнымъ окномъ наверху. Ночью (зала предназначалась преимущественно для ночныхъ увеселеній) она освѣщалась огромной люстрой, висѣвшей на цѣпи, прикрѣпленной въ центрѣ окна наверху. Люстра могла подниматься и опускаться съ помощью гири, но эта послѣдняя помѣщалась снаружи зданія.

Убранство залы было поручено Трипеттѣ, но, кажется, она пользовалась указаніями своего болѣе благоразумнаго друга. По его совѣту люстра была снята. Восковыя свѣчи (которыя не могли не таять при такой жарѣ) причинили бы серьезный ущербъ роскошнымъ костюмамъ гостей, такъ какъ вслѣдствіе тѣсноты въ залѣ нельзя было всѣмъ держаться въ сторонѣ отъ ея центра, то есть, отъ люстры. Взамѣнъ послѣдней, были поставлены канделябры

въ различныхъ мѣстахъ залы такъ, чтобы не мѣшать публикѣ; а въ правой рукѣ каждой каріатиды—ихъ было пятьдесятъ или шестьдесятъ по стѣнамъ залы—укрѣпленъ благовонный факелъ.

Восемь орангутанговъ, по совѣту Лягушонка, терпѣливо дожидались полночи (когда зала наполнилась гостями). Но лишь только затихъ бой часовъ, они разомъ выскочили или, скорѣе, выкатились въ залу, потому что всѣ падали или спотыкались, благодаря цѣпи.

Переполохъ среди гостей былъ страшный и привелъ короля въ восторгъ. Какъ и ожидали, большинство гостей приняло ряженыхъ если не за орангутанговъ, то во всякомъ случаѣ за какихъ-то настоящихъ звѣрей. Многія дамы попадали въ обморокъ, и если бы король не запретилъ являться въ маскарадъ съ оружіемъ, веселая компанія могла бы поплатиться жизнью за свою проказу. Всѣ кинулись къ дверямъ, но король заранѣе приказалъ замкнуть двери, какъ только ряженые выйдутъ въ залу, а карликъ надоумилъ отдать ключи ему.

Въ то время какъ суматоха достигла крайней степени, и каждый думалъ только о своемъ спасеніи (такъ какъ давка обезумѣвшей толпы угрожала дѣйствительной опасностью) цѣпь, на которой раньше висѣла люстра и которая была поднята къ потолку, мало по малу опустилась такъ, что конецъ ея, загнутый въ видѣ крюка, очутился на разстояніи трехъ футовъ отъ пола.

Вскорѣ послѣ этого, король и его семеро товарищей, метавшіеся по залѣ, очутились на ея серединѣ, у самой цѣпи.

Лишь только они очутились здѣсь, карликъ зацѣпилъ ихъ на крюкъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ пересѣкались двѣ поперечныя цѣпи. Въ ту же минуту какая-то невидимая сила подняла цѣпь отъ люстры и вмѣстѣ съ нею орангутанговъ, повисшихъ рядкомъ, лицомъ къ лицу.

Тѣмъ временемъ гости оправились отъ перваго испуга и сообразивъ, что это только ловко разыгранная шутка, захохотали при видѣ комичнаго положенія обезьянъ.

— Предоставьте ихъ мнѣ!—завизжалъ Лягушонокъ, покрывая своимъ пронзительнымъ голосомъ даже эту суматоху.—Предоставьте ихъ мнѣ. Кажется, я знаю ихъ! Дайте только взглянуть на нихъ и я скажу вамъ, кто они такіе!

Тутъ онъ пробрался по головамъ зрителей къ стѣнѣ, схватилъ факелъ, вернулся обратно, вскарабкался съ ловкостью обезьяны по цѣпи и очутившись надъ орангутангами освѣтилъ ихъ факеломъ, продолжая восклицать:—Я сейчасъ узнаю, кто они такіе!

Внезапно,—межъ тѣмъ какъ толпа (и сами орангутанги) помирала со смѣху,—онъ пронзительно свиснулъ и цѣпь быстро подня-

лась футовъ на тридцать, увлекая за собою испуганныхъ, барахтавшихся обезьянъ. Лягушонокъ, поднимавшійся вмѣстѣ съ цѣпью, оставался на прежнемъ разстояніи отъ восьми ряженыхъ и по прежнему (какъ будто бы ничего не случилось), освѣщалъ ихъ факеломъ, точно старался разсмотрѣть, кто они.

Публика была такъ удивлена этимъ подъемомъ, что на минуту водворилось гробовое молчаніе. Оно было нарушено тихимъ, рѣзкимъ, скрипящимъ звукомъ, такимъ же какъ тотъ, что поразилъ слухъ короля и его министровъ, когда первый плеснулъ виномъ въ лицо Трипетты. Но теперь нечего было и спрашивать, откуда онъ исходитъ. Его издавали страшные зубы карлика, который съ пѣной у рта устремилъ безумный, бѣшеный взглядъ на обращенныя вверхъ лица короля и его семи товарищей.

— Ха, ха!—произнесъ, наконецъ, разъяренный шутъ.—Ха! ха! Я начинаю узнавать этихъ людей.—Тутъ, какъ бы желая получше разсмотрѣть короля, онъ поднесъ факелъ къ его пеньковой одеждѣ, которая моментально вспыхнула яркимъ пламенемъ. Не прошло и полминуты, какъ всѣ восемь орангутанговъ пылали при крикахъ толпы, которая въ ужасѣ смотрѣла на нихъ снизу, безсильная оказать имъ какую-либо помощь.

Усилившееся пламя заставило карлика взобраться повыше, и пока онъ поднимался по цѣпи, толпа на мгновеніе смолкла. Воспользовавшись этимъ, карликъ снова крикнулъ:

— Теперь я вижу ясно, что за люди эти ряженые. Это великій король и его семь совѣтниковъ — король, который не постыдился ударить беззащитную дѣвушку, и семь совѣтниковъ, которые одобрили эту выходку. А я—я просто Лягушонокъ, шутъ,—и это моя послѣдняя шутка.

Вслѣдствіе легкой воспламеняемости пеньки и смолы, мщеніе карлика завершилось прежде, чѣмъ онъ успѣлъ окончить свои слова. Восемь тѣлъ висѣли на цѣпи—смрадная, черная, отвратительная, безобразная масса. Калѣка швырнулъ въ нихъ факелъ, взобрался по цѣпи и исчезъ въ окно наверху.

Полагаютъ, что Трипетта, находившаяся на крышѣ, помогала своему другу и что они вмѣстѣ бѣжали въ свою страну, такъ какъ никто не видалъ ихъ съ тѣхъ поръ.

Четыре звѣря въ одномъ.

(Homo cameleopard).

Chacun a ses vertus.
Crebillon. Xerxes.

Антіоха Эпифана принято считать Гогомъ пророка Езекіиля. Эту честь скорѣе заслуживаетъ Камбизъ, сынъ Кира. Дѣйствительно, характеръ сирійскаго монарха отнюдь не нуждается въ какихъ-либо прикрасахъ. Его вступленіе на престолъ или, точнѣе, узурпація верховной власти за сто семьдесятъ одинъ годъ до Рождества Христова; попытка ограбить храмъ Діаны Эфесской; неумолимая вражда къ евреямъ; оскверненіе Святая Святыхъ, и жалкая смерть въ Табѣ послѣ бурнаго одиннадцатилѣтняго царствованія—обстоятельства, бьющія въ глаза и чаще привлекавшія вниманіе историковъ его времени, чѣмъ нечестивые, подлые, жестокіе, безумные и капризные поступки, изъ которыхъ слагается его частная жизнь и репутація.

* * *

Предположимъ, любезный читатель, что теперь три тысячи восемьсотъ тридцатый годъ отъ сотворенія міра, и вообразимъ себѣ, на нѣсколько минутъ, что мы находимся въ курьезнѣйшей обители человѣческой, въ замѣчательномъ городѣ Антіохіи. Правда, въ Сиріи и другихъ странахъ было шестнадцать городовъ съ такимъ названіемъ, не считая того, который я имѣю въ виду въ данномъ случаѣ. Но наша Антіохія была извѣстна подъ именемъ Антіохіи Эпидафне,отъ близь лежащей деревни Дафны, гдѣ находился храмъ, посвященный этому божеству. Она была основана (хотя на этотъ счетъ существуютъ разногласія) Селевкомъ Никаноромъ, первымъ царемъ этой страны послѣ Александра Великаго, въ память отца Селевка, Антіоха—и тотчасъ же сдѣлалась резиденціей сирійскихъ монарховъ. Въ цвѣтущія времена Римской имперіи тутъ жилъ префектъ восточныхъ провинцій и многіе императоры (изъ нихъ особенно заслуживаютъ упоминанія Веръ и Валентъ) провели здѣсь большую часть своей жизни. Но мы приближаемся къ городу. Поднимемся на этотъ зубецъ и бросимъ взглядъ на городъ и смежную страну.

— Что это за рѣка — широкая, быстрая, съ безчисленными каскадами, прокладывающая себѣ путь среди хаоса горъ, а потомъ среди хаоса построекъ?

— Это Оронтъ,—и кромѣ него не видно воды по близости, исклю-

чая Средиземнаго моря, которое разстилается подобно широкому зеркалу, миляхъ въ двѣнадцати къ югу. Всякій видѣлъ Средиземное море, но смѣю сказать,—немногимъ удавалось взглянуть на Антіохію. Говоря немногіе, я подразумѣваю людей, подобно намъ съ вами, пользующихся преимуществами современнаго образованія. Оставьте же море, и взгляните на массу домовъ, лежащую у нашихъ ногъ. Вы помните, что теперь три тысячи восемьсотъ тридцатый годъ отъ сотворенія міра. Позднѣе—напримѣръ, въ тысяча восемьсотъ сорокъ пятомъ году по Рождествѣ Христовомъ—мы были бы лишены этого необыкновеннаго зрѣлища. Въ девятнадцатомъ столѣтіи Антіохія представляетъ, то есть будетъ представлять, только груду жалкихъ развалинъ.

— Къ тому времени, она три раза будетъ разрушена тремя послѣдовательными землетрясеніями. Ея жалкіе остатки будутъ въ такомъ плачевномъ состояніи, что патріархъ перенесетъ свою резиденцію въ Дамаскъ. Прекрасно. Я вижу, что вы послѣдовали моему совѣту и не сводите глазъ съ города,—

тѣша взоры
Величьемъ монументовъ и построекъ,
Которыми такъ славенъ этотъ городъ.

Виноватъ; я забылъ, что Шекспиръ явится только черезъ тысячу семьсотъ пятьдесятъ лѣтъ. Но не правъ-ли я былъ, называя Антіохію курьезной.

— Она хорошо укрѣплена; и въ этомъ отношеніи обязана болѣе природѣ, чѣмъ искуству.

— Совершенно вѣрно.

— Тутъ масса великолѣпныхъ дворцовъ.

— Масса.

— И множество храмовъ, которые, по своей пышности и великолѣпію, могутъ выдержать сравненіе съ знаменитѣйшими храмами древности.

— И съ этимъ я долженъ согласиться. Но тутъ несчетное множество грязныхъ хижинъ и отвратительныхъ лачугъ. Дворы переполнены нечистотами и только ароматы идоложертвенныхъ куреній заглушаютъ невыносимый смрадъ. Видали вы когда-нибудь такія узкія улицы и такой чудовищной высоты дома? Какая мрачная тѣнь ложится отъ нихъ на землю. Хорошо, что висячія лампы подъ тѣми безконечными колоннадами горятъ весь день; иначе тутъ была бы кромѣшная тьма.

— Дѣйствительно, странный городъ!—Взгляните, какая причудливая постройка, вонъ та, что возвышается надъ всѣми осталь-

ными, къ востоку отъ зданія, которое мнѣ кажется царскимъ дворцомъ.

— Это новый храмъ Солнца, которому поклоняются въ Сиріи подъ именемъ Элахъ Габалахъ. Впослѣдствіи весьма извѣстный римскій императоръ установитъ этотъ культъ въ Римѣ и за то получитъ прозвище Геліогабалъ. Я думаю, вамъ было бы интересно взглянуть на божество храма. Незачѣмъ смотрѣть въ небеса; его солнечнаго величества тамъ нѣтъ, по крайней мѣрѣ, величества, обожаемаго сирійцами. Это божество помѣщается въ томъ храмѣ. Оно имѣетъ видъ огромной каменной колонны, увѣнчанной на верхушкѣ конусомъ или пирамидой, обознающей огонь.

— Смотрите! смотрите! — какія смѣшныя существа,—полунагія, съ раскрашенными лицами, они обращаются къ толпѣ съ криками и жестами. Кто бы это могъ быть?

— Частью скоморохи, другіе же принадлежатъ къ породѣ философовъ. Но большинство — тѣ именно, что угощаютъ толпу дубинами—придворные, исполняющіе подолгу своему какую-нибудь забавную выдумку царя.

— Но что это такое! Боги! Городъ кишитъ дикими звѣрями! Какое страшное зрѣлище! какое опасное явленіе!

— Страшное, пожалуй; но ничуть не опасное. Посмотрите, каждое животное спокойно слѣдуетъ за своимъ хозяиномъ. Немногихъ ведутъ на веревкѣ, главнымъ образомъ тѣхъ, которыя принадлежатъ къ болѣе слабымъ и трусливымъ породамъ. Левъ, тигръ и леопардъ разгуливаютъ на волѣ. Они легко освоились съ своимъ положеніемъ и съ своими хозяевами, которые прислуживаютъ имъ въ качествѣ valets de chambre. Правда, случается иногда, что природа беретъ свои права, что звѣрь растерзаетъ какого-нибудь несчастнаго или удавитъ священнаго быка, но въ Эпидафне подобныя мелочи проходятъ почти незамѣченными.

— Но что за странный шумъ? Онъ слишкомъ оглушителенъ даже для Антіохіи! Повидимому, происходитъ что-то очень интересное.

— Да, безъ сомнѣнія. Царь приказалъ устроить какое-нибудь новое зрѣлище: бой гладіаторовъ въ Ипподромѣ, или быть можетъ избіеніе плѣнныхъ Скифовъ, пожаръ новаго дворца, разрушеніе какого-нибудь прекраснаго храма, сожженіе іудеевъ наконецъ. Шумъ усиливается. Взрывы смѣха раздаются до небесъ. Нестройные звуки духовыхъ инструментовъ дерутъ ухо, ревъ милліоновъ глотокъ бросаетъ въ дрожь. Спустимся ради шутки и посмотримъ, что тамъ такое! Сюда, осторожнѣе! Это главная улица, называемая улицей Тимарха. Толпа стремится по ней и намъ будетъ трудно

протискаться. Они выходятъ изъ аллеи Гераклида, которая примыкаетъ къ дворцу; по всей вѣроятности и царь среди нихъ. Да, я слышу крики герольдовъ, возвѣщающихъ о его приближенiи пышнымъ восточнымъ слогомъ. Мы увидимъ его, когда онъ будетъ идти мимо храма Ашимаха. Спрячемся въ сѣняхъ святилища; онъ сейчасъ будетъ здѣсь. Пока посмотримъ на это изображенiе. Что это такое? О, это богъ Ашимахъ собственною персоной. Вы замѣчаете, это не теленокъ, не козелъ, не сатиръ; онъ не похожъ и на Пана Аркадiйцевъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти образы присвоены, виноватъ, будутъ присвоены, учеными грядущихъ вѣковъ сирiйскому Ашимаху. Надѣньте очки и скажите мнѣ, что это такое?— Что это такое?

— Господи! да это обезьяна.

— Вѣрно,—это павiанъ; что не мѣшаетъ ему оставаться божествомъ. Его имя происходитъ отъ греческаго Simia—что за дурни эти антикварiи! Но смотрите! Смотрите!—вонъ летитъ со всѣхъ ногъ какой-то оборванецъ. Что ему нужно? Что онъ оретъ? Что онъ говоритъ? О, онъ кричитъ, что царь приближается, что онъ въ полномъ облаченiи, что онъ сейчасъ только казнилъ собственной рукой тысячу закованныхъ плѣнниковъ израильтянъ! За этотъ подвигъ бездѣльникъ превозноситъ его до небесъ. Слушайте! вонъ идетъ цѣлая толпа такихъ же оборванцевъ. Они сложили латинскiй гимнъ въ честь царя и распѣваютъ во всю глотку:

Mille, mille, mille,
Mille, mille, mille,
Decollavimus, unus homo!
Mille, mille, mille, mille, decollavimus!
Mille, mille, mille!
Vivat qui mille mille occidit!
Tantum vini habet nemo
Quantum sanguinis effudit! *)

Что можно перевести такъ:

Тысячу, тысячу, тысячу,
Тысячу, тысячу, тысячу
Мы обезглавили руками одного воина!
Тысячу, тысячу, тысячу, тысячу обезглавили
Тысячу, тысячу, тысячу.
Да здравствуетъ тотъ, кто убилъ тысячу!
Никому не выпить столько вина,
Сколько онъ пролилъ крови!

---

*) По словамъ Флавiя Вописка, чернь распѣвала этотъ гимнъ въ честь Авреліана, собственноручно убившаго во время Сарматской войны девятьсотъ пятьдесятъ непрiятелей.

— Слышите вы звуки трубъ?

— Да—царь идетъ. Взгляните, народъ въ экстазѣ обожанія! Идетъ!—приближается!—вотъ онъ!

— Кто? гдѣ? царь?—Не вижу, не замѣчаю.

— Такъ вы слѣпой?

— Возможно. Я вижу только толпу идіотовъ и полоумныхъ, которые кидаются ницъ передъ гигантскимъ жирафомъ, стараясь поцѣловать копыто животнаго. Смотрите! какъ онъ ловко лягнулъ одного проходимца—и другого, и третьяго, и четвертаго. Право, это животное удивительно владѣетъ своими ногами.

— Проходимца, какъ бы не такъ! Все это благородные и свободные граждане Эпидафне. Животное,—говорите вы; смотрите, чтобы васъ не подслушали. Развѣ вы не замѣчаете, что у этого звѣря человѣческое лицо? Да, милый мой, этотъ жирафъ никто иной, какъ Антіохъ Эпифанъ,—Антіохъ Знаменитый, царь Сиріи и могущественнѣйшій изъ всѣхъ властителей Востока. Правда, иногда его называютъ Антіохъ Эпиманъ, Антіохъ Сумасшедшій, но это потому, что не всѣ способны оцѣнить его заслуги. Конечно, онъ нарядился жирафомъ, и старается, какъ можно лучше разыграть свою роль, но это дѣлается для поддержанія царскаго достоинства. Къ тому же, этотъ монархъ исполинскаго роста, такъ что нарядъ не слишкомъ неудобенъ или великъ для него. Во всякомъ случаѣ, можно быть увѣреннымъ, что онъ нарядился только по случаю какого-нибудь событія исключительной важности. Согласитесь, что избіеніе тысячи жидовъ заслуживаетъ такого названія. Какъ величаво онъ шествуетъ на четверенькахъ! Смотрите, его хвостъ несутъ, поднявъ кверху, двѣ наложницы: Эллина и Аргелаиса. Онъ былъ бы плѣнителенъ, если бы не выпученные глаза, которые, кажется, вотъ-вотъ выскочатъ изъ орбитъ, и странный, не поддающійся описанію, цвѣтъ лица—результатъ возліяній безъ мѣры. Послѣдуемъ за нимъ къ гипподрому и прислушаемся къ торжественной пѣсни, которую онъ начинаетъ пѣть:

Есть-ли царь, кромѣ Эпифана?
Назовите - если знаете!
Есть-ли царь, кромѣ Эпифана?
Браво!—браво!
Нѣтъ никого, кромѣ Эпифана,
Нѣтъ—нѣтъ никого:
Разрушайте же храмы,
Снимайте солнце съ неба!

— Хорошо и сильно спѣто! Толпа называетъ его «Княземъ поэтовъ», «Славой Востока», «Усладой человѣчества» и «замѣчатель-

нѣйшимъ изъ жирафовъ». Она требуетъ повторенія и,—слышите?—онъ снова запѣлъ. Въ гипподромѣ его увѣнчаютъ, въ видѣ предвкушенія его будущей побѣды на Олимпійскихъ играхъ.

— Но, Богъ мой! что такое происходитъ въ толпѣ за нами?

— За нами?—а, да!—вижу. Другъ мой, хорошо, что вы замѣтили во время. Укроемся поскорѣй въ безопасное мѣсто. Сюда! спрячемся подъ аркой водопровода, и я объясню вамъ, въ чемъ дѣло. Такъ и вышло, какъ я ожидалъ. Странная наружность жирафа съ человѣчьимъ лицомъ оскорбила чувства звѣрей. Вспыхнуло возстаніе, и человѣческія усилія безсильны усмирить его. Нѣсколько сирійцевъ уже растерзаны, и, кажется, четвероногіе патріоты рѣшили съѣсть жирафа. «Князь поэтовъ» вскочилъ на заднія лапы и удираетъ. Придворные бросили его на произволъ судьбы, наложницы послѣдовали этому благому примѣру. «Услада человѣчества»—тебѣ плохо приходится! «Слава Востока»—тебя съѣдятъ! Не смотри же такъ жалобно на свой хвостъ, видно ужь суждено ему перепачкаться въ грязи,—тутъ ничего не подѣлаешь. Не оглядывайся, брось его, лучше пріударь пошибче и улепетывай къ гипподрому! Вспомни, что ты—Антіохъ Эпифанъ—Антіохъ Знаменитый—Князь поэтовъ—«Слава востока»—«Услада человѣчества»—«замѣчательнѣйшій изъ жирафовъ»! Небо! какъ шибко ты улепетываешь! Какой удивительный бѣгунъ! Удирай, Князь!—Браво, Эпифанъ!—Ловко, жирафъ!—Знаменитый Антіохъ! Онъ бѣжитъ, прыгаетъ, летитъ, какъ стрѣла изъ катапульты. Онъ приближается къ гипподрому, прыгаетъ, кричитъ, онъ тамъ! Счастье твое, «Слава Востока»!—промедли ты еще хоть секунду у воротъ Амфитеатра, не нашлось бы медвѣжонка въ Эпидафне, который не запустилъ бы зубовъ въ твое тѣло. Довольно съ насъ!—уйдемъ! Наши нѣжныя современныя уши не выдержатъ гвалта, который поднимется по поводу спасенія короля.—Слышите! началось! смотрите, весь городъ на ногахъ.

— Безъ сомнѣнія, это самый населенный городъ Востока! Какая чудовищная масса народа! Какая смѣсь званій и возрастовъ! Какое множество сектъ и націй! Какое разнообразіе костюмовъ! какой хаосъ языковъ! Какъ ревутъ звѣри! какъ оглушительно гремятъ инструменты! Какая бездна философовъ!

— Идемъ, довольно съ насъ!

— Постойте минутку! Я вижу страшную суматоху въ гипподромѣ,—въ чемъ дѣло, скажите пожалуйста?

— О, пустяки. Благородные и свободные граждане, восхищенные твердостью, храбростью, мудростью и божественной природой своего царя, видѣвшіе своими глазами его нечеловѣческое про-

ворство, считаютъ своей обязанностью, возложить на его чело (въ дополненіе къ лаврамъ поэта) вѣнокъ за побѣду въ бѣгѣ—вѣнокъ, который онъ, очевидно, долженъ получить на ближайшихъ Олимпійскихъ играхъ, почему они и присуждаютъ его заранѣе.

Бонъ-Бонъ.

Quand un bon vin meuble mon estomac,
Je suis plus savant que Balzac—
Plus sage que Pibrac;
Mon bras seul faisant l'attaque
De la nation Cosaque,
La mettroit au sac;
De Charon je passerais le lac
En dormant dans son bac;
J'irais au fier Eac,
Sans que mon coeur fit tic ni tac,
Presenter du tabac.

Французскій водевиль.

Что Пьеръ Бонъ-Бонъ былъ restaurateur съ необыкновенными достоинствами,—этого, я полагаю, не рѣшится отрицать никто изъ людей, посѣщавшихъ маленькое кафе въ cul de sac Лефебвръ въ Руанѣ. Что Пьеръ Бонъ-Бонъ былъ не менѣе выдающійся философъ своего времени,—это еще неоспоримѣе. Безъ сомнѣнія, его pâtés à la fois были безупречны; но какое перо способно воздать должное его опытамъ sur la Nature, его мыслямъ sur l'Ame, его наблюденіямъ sur l'Esprit? Если его omelettes, его fricandeaux были неоцѣнимы, то какой littérateur его эпохи не заплатилъ бы за «Idée de Bon-Bon» вдвое больше, чѣмъ за всѣ «Idées» всѣхъ остальныхъ «savants», вмѣстѣ взятыхъ? Бонъ-Бонъ рылся въ такихъ библіотекахъ, гдѣ никто другой не рылся, прочелъ столько, что никто другой не могъ бы даже представить себѣ такой груды книгъ, понялъ больше, чѣмъ всякій другой считалъ возможнымъ понять; и хотя въ эпоху его славы нашлись въ Руанѣ авторы, утверждавшіе, будто «его dicta не обладаютъ чистотой слога Академіи, ни глубиной Лицея», хотя его доктрины были поняты далеко не всѣми, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что ихъ было трудно понять. Я думаю, что многіе считали ихъ темными именно вслѣдствіе ихъ очевидности. Бонъ-Бону самъ Кантъ обязанъ своей метафизикой. Онъ не былъ Платоникомъ, ни, строго говоря, Аристотеліанцемъ; онъ не тратилъ, подобно новѣйшему Лейбницу, драгоцѣнныхъ часовъ, которые могли бы быть употреблены на изобрѣтеніе какого-нибудь fricassée или facili gradu, на анализъ какого-нибудь ощущенія,—онъ не тратилъ ихъ на дерзкія попытки примирить масло и воду этиче-

скихъ споровъ. Вовсе нѣтъ. Бонъ-Бонъ былъ Іоніецъ,—Бонъ-Бонъ былъ также Италіецъ. Онъ разсуждалъ a priori, онъ разсуждалъ также a posteriori. Его идеи были врожденныя, или наоборотъ. Онъ вѣрилъ въ Георгія Трапезундскаго, вѣрилъ въ Бессаріона. Бонъ-Бонъ былъ рьяный Бонъ-Бонистъ.

Я говорилъ о философѣ, какъ о restaurateur. Но да не подумаетъ кто либо изъ моихъ друзей, что нашъ герой не достаточно цѣнилъ важность и достоинство профессіональныхъ обязанностей, доставшихся ему по наслѣдству. Далеко нѣтъ. Трудно сказать, какой стороной своей дѣятельности онъ больше гордился. По его мнѣнію, сила инстинкта имѣла тѣснѣйшую связь съ способностями желудка. Я, право, не знаю, сталъ-ли бы онъ спорить съ китайцами, по мнѣнію которыхъ душа помѣщается въ животѣ. Во всякомъ случаѣ, греки, по его мнѣнію, были совершенно правы, обозначая однимъ и тѣмъ же именемъ душу и грудобрюшную преграду *). Говоря это, я отнюдь не думаю намекнуть на его обжорство или какой-либо недостатокъ, предосудительный для метафизика. Если Пьеръ Бонъ-Бонъ имѣлъ свои слабости—какой же великій человѣкъ не имѣлъ ихъ тысячи?—если Пьеръ Бонъ-Бонъ имѣлъ свои слабости, то самыя невинныя, которыя въ другомъ человѣкѣ были бы, пожалуй, сочтены за добродѣтели. Объ одной изъ этихъ слабостей я не сталъ бы даже упоминать, если бы она не была крайне выдающейся чертой, въ высшей степени alto rilievo, въ его характерѣ. Онъ никогда не могъ удержаться, если представлялся случай что-нибудь купить или продать.

Онъ не былъ корыстолюбивъ—нѣтъ. Для нашего философа вовсе не требовалось, чтобы сдѣлка принесла ему выгоду. Лишь бы сдѣлка состоялась—какого угодно рода, на какихъ угодно условіяхъ, при какихъ угодно обстоятельствахъ, — и торжествующая улыбка въ теченіе многихъ дней озаряла его лицо, а лукавое подмигиванье свидѣтельствовало о его проницательности.

Такая странная особенность въ любую эпоху возбудила бы вниманіе и толки. А если бы она осталась незамѣченной въ эпоху, къ которой относится нашъ разсказъ, такъ это было бы истиннымъ чудомъ. Вскорѣ замѣтили, что во всѣхъ подобныхъ случаяхъ улыбка Бонъ-Бона рѣзко отличалась отъ добродушнаго смѣха, которымъ онъ сопровождалъ собственныя шутки или привѣтствовалъ знакомаго. Пошли тревожные слухи; разсказывались исторіи опасныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ на скорую руку и оплаканныхъ на досугѣ; приводились примѣры необъяснимыхъ побужденій, смутныхъ желаній, противоестественныхъ наклонностей, внушен-

*) φρένες.

ныхъ виновникомъ всякаго зла для какихъ-то своихъ собственныхъ цѣлей.

У нашего философа были и другія слабости, но врядъ-ли стоитъ разбирать ихъ серьезно. Такъ, напримѣръ, люди глубокаго ума въ большинствѣ случаевъ обнаруживаютъ пристрастіе къ бутылкѣ. Является-ли это пристрастіе причиной или доказательствомъ глубины —вопросъ тонкій. Бонъ-Бонъ, насколько мнѣ извѣстно, считалъ этотъ предметъ недоступнымъ детальному изслѣдованію,—я съ нимъ согласенъ. Но и отдавая дань этой истинно классической склонности, restaurateur не упускалъ изъ вида тонкаго вкуса, отличавшаго его essays и его omelettes. Свой часъ былъ для Бургонскаго, свое время для Côtes du Rhone. Въ его глазахъ Сотернъ относился къ Медоку, какъ Катуллъ къ Гомеру. Онъ придумывалъ силлогизмъ, прихлебывая Сенъ-Пере, разбиралъ доказательство за Клодвужо, топилъ теорію въ потокѣ Шамбертена. Хорошо было бы, если бы тоже самое чувство мѣры сопутствовало его склонности къ торговымъ сдѣлкамъ, о которой я уже упоминалъ, — но этого не было. Эта особенность философа Бонъ-Бона получила съ теченіемъ времени характеръ преувеличенный и мистическій и повидимому не чуждый diablerie его излюбленныхъ германскихъ авторовъ. Переступая порогъ маленькаго Café въ Cul-de-sac Лефебвръ въ Руанѣ, въ эпоху нашего разсказа,—вы входили въ sanctum геніальнаго человѣка. Бонъ-Бонъ былъ геніальный человѣкъ. Любой sous-cuisinier въ Руанѣ подтвердилъ бы вамъ, что Бонъ-Бонъ былъ геніальный человѣкъ. Даже его кошка знала это и не позволяла себѣ играть съ собственнымъ хвостомъ въ присутствіи геніальнаго человѣка. Его огромный водолазъ тоже понималъ значеніе этого факта и при видѣ Бонъ-Бона обнаруживалъ сознаніе собственнаго ничтожества почтительнымъ поведеніемъ и смиреннымъ опусканіемъ хвоста. Можетъ быть, впрочемъ, это почтеніе возбуждала самая наружность метафизика. Внушительная наружность дѣйствуетъ и на животныхъ; и я охотно соглашаюсь, что многія черты внѣшности restaurateur'а должны были дѣйствовать на воображеніе четвероногихъ. Есть особенное величіе въ наружности маленькаго гиганта—если позволено будетъ употребить такое двусмысленное выраженіе—величіе, котораго не могутъ сообщить одни крупные размѣры тѣла. И хотя Бонъ-Бонъ былъ всего трехъ футовъ ростомъ, хотя головка у него была очень маленькая,—за то при взглядѣ на его круглый животъ, вы испытывали впечатлѣніе великолѣпія, почти граничившаго съ возвышеннымъ. Въ его формѣ люди и собаки должны были усматривать символъ совершенныхъ познаній Бонъ-Бона, а громадные размѣры указывали на подходящее помѣщеніе для его безсмертной души.

Я могъ бы, если бы мнѣ вздумалось, распространиться о его костюмѣ и другихъ деталяхъ, относящихся къ внѣшности метафизика. Я могъ бы сообщить вамъ, что волосы нашего героя были острижены подъ гребенку и увѣнчаны конусообразнымъ бѣлымъ фланелевымъ колпакомъ съ кисточками, что его камзолъ цвѣта зеленаго горошка отличался по фасону отъ камзоловъ, носимыхъ обыкновенными restaurateurs его времени, что рукава его были нѣсколько просторнѣе, чѣмъ требовала тогдашняя мода, что обшлага не были сдѣланы по тогдашнему варварскому обычаю изъ матеріи одного цвѣта и качества съ остальнымъ платьемъ, а изъ цвѣтнаго генуэзскаго бархата, что пунцовыя туфли съ курьезными узорами можно бы было принять за японскія, если бы не изящно заостренные носки и яркія краски вышивокъ и узоровъ, что его панталоны были изъ желтой матеріи въ родѣ атласа, называемой aimable, что его халатъ небесно голубаго цвѣта съ красными вышивками, въ родѣ капота, колыхался на его плечахъ, какъ туманъ утромъ, и что его tout ensemble вызвалъ со стороны Беневенуты, флорентійской импровизаторши, слѣдующее замѣчаніе: «трудно сказать, райская-ли птица Пьеръ Бонъ-Бонъ или воплощеніе райскаго совершенства». Я могъ бы, повторяю, распространиться обо всѣхъ этихъ деталяхъ, если бы мнѣ вздумалось, но я не хочу; предоставимъ подробности чисто личнаго свойства авторамъ историческихъ романовъ; онѣ не соотвѣтствуютъ моральному достоинству моего сообщенія.

Я сказалъ, «вступая въ Café въ Cul-de-Sac Лефебвръ, вы входили въ sanctum геніальнаго человѣка», но только геніальный человѣкъ могъ бы оцѣнить достоинства этого sanctum. Вывѣска, въ видѣ огромнаго фоліанта, висѣла надъ входомъ. На одной сторонѣ этого тома была нарисована бутылка, на противуположной—pâté. На корешкѣ большими буквами было написано. «Oeuvres de Bon-Bon.» Такъ изящно оттѣнялась двойная профессія хозяина.

Переступивъ порогъ, вы могли окинуть взоромъ всю внутренность зданія. Въ самомъ дѣлѣ, café состояло изъ одной длинной и низкой комнаты старинной архитектуры. Въ углу стояла кроватъ метафизика. Занавѣси и кушетка à la grecque придавали этому уголку классическій и комфортабельный видъ. Въ противуположномъ по діагонали углу помѣщались, въ полномъ семейномъ согласіи, принадлежности кухни и bibliothèque. Груда новѣйшихъ трактатовъ по этикѣ лежала подлѣ кастрюльки mèlanges. Томы германскихъ моралистовъ покоились рядомъ съ рашперомъ, вилка для поджариванія хлѣба бокъ о бокъ съ Евсевіемъ, Платонъ помѣстился на сковородѣ, куча рукописей на вертелѣ.

Въ другихъ отношеніяхъ Café de Bon-Bon не отличалось су-

щественно отъ обыкновенныхъ restaurants того времени. Огромный каминъ разѣвалъ свою пасть прямо противъ двери. Направо отъ камина, въ открытомъ буфетѣ, виднѣлась чудовищная армія бутылокъ съ ярлыками.

Здѣсь то, въ морозную зиму, около двѣнадцати часовъ ночи, Пьеръ Бон-Бонъ, прослушавъ комментаріи сосѣдей по поводу его странной наклонности,—здѣсь-то, говорю я, вытолкавъ гостей за дверь и съ ругательствомъ затворивъ за ними дверь, Пьеръ Бонъ-Бонъ, въ довольно сердитомъ настроеніи духа, кинулся въ мягкое кожаное кресло передъ ярко пылавшимъ огнемъ.

Была страшная ночь, одна изъ тѣхъ ночей, которыя случаются разъ или два въ столѣтіе. Снѣгъ валилъ, стѣны тряслись отъ вѣтра, который, пробираясь сквозь щели и трубы, колыхалъ пологъ кровати философа и нарушалъ порядокъ его кастрюль и бумагъ. Огромная вывѣска въ видѣ фоліанта, висѣвшая снаружи, страшно трещала и стонала, несмотря на крѣпкія дубовыя стойки.

Какъ я уже сказалъ, метафизикъ занялъ свое обычное мѣсто передъ каминомъ въ неособенно миролюбивомъ настроеніи духа. Рядъ непріятностей, случившихся въ этотъ день, нарушилъ его обычную ясность. Задумавъ des oeufs à la Princesse, онъ нечаянно состряпалъ omelette à la Reine; открывая новый этическій принципъ, опрокинулъ тушеное мясо; и въ довершеніе всего, ему помѣшали заключить одну изъ тѣхъ удивительныхъ сдѣлокъ, которыя всегда были его главной утѣхой. Но независимо отъ этихъ непріятностей, онъ не могъ не испытывать нервическаго безпокойства, которое всегда возбуждаетъ бурная ночь. Подозвавъ поближе своего огромнаго чернаго водолаза, о которомъ мы уже говорили, и безпокойно поворочавшись въ креслѣ, онъ невольно окинулъ подозрительнымъ взоромъ отдаленные уголки комнаты, непроглядную тьму которыхъ не могъ разогнать даже яркій огонь камина. Кончивъ этотъ осмотръ, цѣль котораго оставалась непонятной для него самого, онъ придвинулъ къ себѣ столикъ, заваленный бумагами и книгами, и вскорѣ углубился въ просматриваніе объемистой рукописи, которая должна была завтра отправиться въ печать.

Онъ прозанимался такимъ образомъ нѣсколько минутъ, какъ вдругъ кто-то прошепталъ плаксивымъ тономъ:

— Мнѣ не къ спѣху, господинъ Бонъ-Бонъ.

— Чортъ!—воскликнулъ нашъ герой, вскакивая, опрокидывая столъ и осматриваясь въ изумленіи.

— Совершенно вѣрно,—спокойно отвѣтилъ тотъ же голосъ.

— Совершенно вѣрно? Что такое совершенно вѣрно? Какъ вы попали сюда?—воскликнулъ метафизикъ и взглядъ его упалъ на что-то растянувшееся во всю длину на его кровати.

— Я уже сказалъ,—продолжалъ незнакомецъ, не отвѣчая на вопросъ,—я уже сказалъ, что время терпитъ, что дѣло, по поводу котораго я взялъ на себя смѣлость явиться къ вамъ, не особенно спѣшное, словомъ, что я могу подождать, пока вы кончите свое Толкованіе.

— Мое Толкованіе! Вотъ тебѣ и разъ! Почемъ вы знаете? Кто вамъ сказалъ, что я пишу Толкованіе? Господи, Боже мой!

— Тсс...—прошипѣлъ незнакомецъ и, быстро соскочивъ съ постели, сдѣлалъ шагъ къ нашему герою, причемъ желѣзная лампа, привѣшенная къ потолку, судорожно отшатнулась при его приближеніи.

Изумленіе философа не помѣшало ему разсмотрѣть костюмъ и наружность нежданнаго гостя. Очертанія его фигуры, чрезвычайно тощей, но гораздо выше средняго роста, выступали очень рѣзко, благодаря потертой черной парѣ, плотно охватывавшей тѣло, но сшитой по модѣ прошлаго столѣтія. Эта одежда, очевидно, предназначалась для особы гораздо меньшаго роста, чѣмъ ея настоящій владѣлецъ. Руки и лодыжки высовывались на нѣсколько дюймовъ. Пара блестящихъ пряжекъ на башмакахъ противорѣчила нищенскому виду остальнаго костюма. Голова его была безъ шляпы и совершенно лысая, за исключеніемъ затылка, на которомъ волосы были собраны въ видѣ длиннаго queue. Синіе очки защищали его глаза отъ свѣта и вмѣстѣ съ тѣмъ не позволяли нашему герою разсмотрѣть ихъ цвѣтъ и величину. Рубашки на немъ и признаковъ не было; за то былъ грязный бѣлый галстухъ, аккуратно повязанный вокругъ шеи, съ длинными концами, придававшими его фигурѣ (хотя я думаю неумышленно) видъ духовной особы. Впрочемъ, и другія особенности его костюма и манеръ могли внушить ту же мысль. За лѣвымъ ухомъ у него торчалъ, какъ у современныхъ конторщиковъ, инструментъ въ родѣ stylus'а древнихъ. Изъ кармана на груди выглядывала черная книжка съ стальными застежками. Случайно или нарочно книжка эта была обращена верхней стороной наружу, такъ что всякій могъ прочесть на переплетѣ заглавіе бѣлыми буквами: Rituel Catholique. Физіономія его отличалась интересной, свинцовой, даже мертвенной блѣдностью. Высокій лобъ былъ изборожденъ морщинами. Углы рта опускались внизъ съ выраженіемъ самаго покорнаго смиренія. Молитвенно сложенныя руки, глубокій вздохъ, общее выраженіе елейной святости невольно располагали въ его пользу. Послѣдняя тѣнь гнѣва сбѣжала съ лица метафизика и, осмотрѣвъ съ ногъ до головы посѣтителя, онъ привѣтливо пожалъ ему руку и предложилъ стулъ.

Было бы, однако, величайшей ошибкой приписывать эту вне-

запную перемѣну въ настроенiи духа философа какой-нибудь изъ тѣхъ причинъ, которыя обыкновенно имѣютъ такое влiянiе. Насколько я знаю Пьера Бонъ-Бона, онъ менѣе чѣмъ кто-либо способенъ былъ поддаться обманчивой внѣшности. Такой тонкiй наблюдатель людей и вещей не могъ не раскусить съ перваго взгляда, что за гость явился къ нему. Замѣчу, что нога посѣтителя была очень странной формы, что онъ держалъ надъ головой необычайной длины шляпу, что задняя часть его панталонъ какъ-то странно вздувалась и фалды фрака замѣтно шевелились. Судите же сами объ удовольствiи нашего героя, когда онъ увидѣлъ себя въ обществѣ особы, къ которой всегда питалъ глубочайшее почтенiе. Онъ былъ, однако, слишкомъ тонкiй дипломатъ, чтобы выдать свои подозрѣнiя хоть малѣйшимъ намекомъ. Въ его намѣренiя вовсе не входило показать, что онъ сознаетъ высокую честь, которой удостоился такъ неожиданно; ему хотѣлось завлечь гостя въ разговоръ и выудить отъ него какiя-нибудь важныя этическiя идеи, которыя могли бы, найдя мѣсто въ предполагаемомъ изданiи, просвѣтить человѣчество и обезсмертить его самого,—идеи, которыхъ смѣло можно было ожидать отъ посѣтителя въ виду его преклоннаго возраста и всѣмъ извѣстной опытности въ вопросахъ морали.

Подстрекаемый такими просвѣщенными планами, нашъ герой предложилъ гостю стулъ, подкинулъ въ огонь вязанку хвороста, поднялъ столъ и разставилъ на немъ нѣсколько бутылокъ mousseux. Затѣмъ усѣлся на креслѣ vis-à-vis съ посѣтителемъ и ожидалъ, пока тотъ начнетъ бесѣду.

— Я вижу, вы меня знаете, Бонъ-Бонъ,—сказалъ гость,—ха! ха! ха!—хе! хе! хе!—хи! хи! хи!—хо! хо! хо!—ху! ху! ху!—и отбросивъ личину набожности, разинулъ ротъ до ушей, обнаруживъ рядъ острыхъ, страшныхъ зубовъ, закинулъ назадъ голову и закатился долгимъ, громкимъ, безстыднымъ, оглушительнымъ хохотомъ. Черная собака, припавъ на заднiя лапы, весело принялась вторить, а пестрая кошка, выгнувъ дугою спину, завизжала въ отдаленнѣйшемъ углу комнаты.

Философъ молчалъ: онъ былъ слишкомъ свѣтскiй человѣкъ, чтобы смѣяться подобно собакѣ, или визгомъ обнаруживать неприличный испугъ, подобно кошкѣ. Надо сознаться, онъ нѣсколько удивился, замѣтивъ, что цвѣтъ и смыслъ бѣлой надписи «Rituel Catholique» на книжкѣ въ карманѣ гостя мгновенно измѣнились, и черезъ нѣсколько секундъ на мѣстѣ прежняго заглавiя засiяли ярко красными буквами слова «Régistre des Condamnés». Этимъ поразительнымъ обстоятельствомъ объясняется нѣсколько смущенный тонъ философа, когда онъ отвѣтилъ на замѣчанiе гостя:

— Видите-ли, сэръ.. правду сказать... мнѣ кажется... мнѣ

сдается... что вы прокл... то есть... я думаю... я подозрѣваю... у меня явилась смутная... да, смутная мысль... о высокой чести...

— Охъ!.. ухъ!.. да!.. ладно!..—перебилъ его величество,—довольно... я понимаю въ чемъ дѣло... Говоря это, онъ снялъ очки, тщательно вытеръ стекла рукавомъ и спряталъ въ карманъ.

Если происшествіе съ книгой поразило Бонъ-Бона, то теперь его изумленіе достигло крайнихъ предѣловъ. Онъ съ живѣйшимъ любопытствомъ взглянулъ въ глаза своему гостю, и убѣдился, что они вовсе не черные, какъ онъ ожидалъ,—и не сѣрые, какъ можно бы было думать—и не каріе, и не голубые, и не желтые, и не красные, и не пурпуровые, и не бѣлые, и не зеленые, и вообще никакого изъ цвѣтовъ, имѣющихся на небеси горе, или на землѣ низу, или въ водахъ подъ землею. Короче сказать, Пьеръ Бонъ-Бонъ, убѣдился, что у его величества вовсе нѣтъ глазъ и, повидимому, никогда не было, такъ какъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они обыкновенно помѣщаются, оказалась совершенно гладкая кожа.

Разумѣется, метафизикъ не преминулъ освѣдомиться о причинѣ столь страннаго явленія, и отвѣтъ его величества отличался прямотой, достоинствомъ и убѣдительностью.

— Глаза! любезный Бонъ-Бонъ,—глаза! говорите вы? о! а! понимаю! Нелѣпые рисунки, распространенные среди публики, дали вамъ совершенно ложное представленіе о моей наружности, правда?—Глаза!.. да! Глаза, Пьеръ Бонъ-Бонъ, должны находиться на своемъ мѣстѣ, то есть въ головѣ, скажете вы?—правда въ головѣ червя. Вамъ тоже необходимы эти оптическіе аппараты, но, увѣряю васъ, мое зрѣніе острѣе вашего. Вонъ я вижу кошку въ углу,—хорошенькая кошечка, взгляните на нее, вглядитесь хорошенько! Что же, Бонъ-Бонъ, видите вы ея мысли, мысли? Я подразумѣваю идеи, размышленія, которыя зарождаются подъ ея черепомъ? Вѣдь нѣтъ, не видите? Она думаетъ, что мы восхищаемся длиной ея хвоста и глубиной ея ума. Сейчасъ только она рѣшила, что я въ высшей степени представительная духовная особа, а вы самый поверхностный изъ метафизиковъ. Какъ видите, я не вовсе слѣпъ; но при моей профессіи глаза, о которыхъ вы говорите, были бы только помѣхой; они каждую минуту рисковали бы быть выколотыми желѣзнымъ шестомъ или вилами для поджариванія грѣшниковъ. Но вамъ эти оптическіе приборы необходимы. Ну и пользуйтесь ими, Бонъ-Бонъ, какъ можно лучше;—мое же зрѣніе душа.

Тутъ посѣтитель взялъ бутылку, налилъ стаканъ Бонъ-Бону и попросилъ его пить безъ всякаго стѣсненія и вообще быть какъ дома.

— Умную книгу написали вы, Пьеръ,—продолжалъ его величество, дружески хлопнувъ по плечу нашего пріятеля, который

межь тѣмъ осушилъ стаканъ, согласно приглашенію гостя.—Умную книгу вы написали, честное слово. Она мнѣ очень понравилась. Изложеніе, впрочемъ, могло бы быть лучше, и многіе изъ вашихъ взглядовъ напоминаютъ Аристотеля. Этотъ философъ былъ моимъ закадычнымъ другомъ. Я любилъ его за невозможный характеръ и смѣлое вранье. Во всѣхъ его писаніяхъ есть только одна вѣрная мысль, да и ту я подсказалъ ему, сжалившись надъ его глупостью. Полагаю, Пьеръ Бонъ-Бонъ, вы знаете, о какой божественной моральной истинѣ я говорю.

— Не могу сказать, чтобы я...

— Въ самомъ дѣлѣ! такъ вотъ: это я надоумилъ его, что чихая люди высмаркиваютъ изъ носу лишнія мысли.

— Безъ сомнѣнія, это—уэ(икаетъ)—совершенно вѣрно,—сказалъ метафизикъ, наливая себѣ еще стаканъ, и предлагая гостю табакерку.

— Былъ тамъ еще Платонъ, — продолжалъ его величество, скромно отклоняя табакерку и комплиментъ, — былъ тамъ еще Платонъ, къ которому я тоже чувствовалъ дружеское расположеніе. Вы знакомы съ Платономъ, Бонъ-Бонъ?—ахъ, да, виноватъ. Однажды онъ встрѣтился со мною въ Афинахъ, въ Пареенонѣ и признался, что ему смертельно хочется раздобыть идею. Я посовѣтовалъ ему написать ο νους εστιν αυλος. Онъ обѣщалъ сдѣлать это и пошелъ домой, а я полетѣлъ къ пирамидамъ. Но совѣсть мучила меня за то, что я сказалъ истину, хотя бы ради друга. Я вернулся въ Аеины и явился къ философу въ ту самую минуту, когда онъ писалъ «αυλος». Толкнувъ пальцемъ ламбду (λ) я опрокинулъ ее вверхъ ногами. Вышло «ο νους εστιν αυγος» положеніе, ставшее, какъ вамъ извѣстно, основной доктриной метафизики.

— Были вы когда-нибудь въ Римѣ?—спросилъ restaurateur,—прикончивъ вторую бутылку шампанскаго, и доставая изъ буфета Шамбертенъ.

— Только разъ, monsieur Бонъ-Бонъ, только разъ. Это случилось,—продолжалъ дьяволъ, точно цитируя изъ книги,—это случилось въ эпоху анархіи, длившейся пять лѣтъ, когда республика, оставшись безъ должностныхъ лицъ, управлялась исключительно трибунами, не облеченными притомъ исполнительной властью. Въ это-то время, monsieur Бонъ-Бонъ, и только въ это время я былъ въ Римѣ, такъ что очевидно не могъ познакомиться на землѣ съ его философіей *).

— Что вы думаете... что вы думаете... уэ!... объ Эпикурѣ?

---

*) Ils écrivaient sur la philosophie (Цицеронъ, Лукрецій, Сенека), mais c'était la philosophie Grecque.—Condorcet.

— О комъ?—съ удивленіемъ переспросилъ дьяволъ, — неужто вы рѣшитесь въ чемъ-нибудь упрекнуть Эпикура? Что я думаю объ Эпикурѣ? Поймите меня, сударь,—вѣдь «я» и есть Эпикуръ! Я тотъ самый философъ, написавшій триста трактатовъ, о которыхъ упоминаетъ Діогенъ Лаэрцій.

— Это ложь!—сказалъ метафизикъ,—которому вино немножко ударило въ голову.

— Очень хорошо!—очень хорошо, сударь! прекрасно, сударь!—отвѣчалъ его величество, повидимому крайне польщенный.

— Это ложь!—повторилъ restaurateur авторитетнымъ тономъ, это—уэз—ложь!

— Хорошо, хорошо, будь по вашему!—сказалъ дьяволъ миролюбиво;—а Бонъ-Бонъ, въ виду такой побѣды надъ его величествомъ, счелъ своимъ долгомъ прикончить вторую бутылку Шамбертена.

— Какъ я уже сказалъ,—продолжалъ посѣтитель,—какъ я замѣтилъ нѣсколько минутъ тому назадъ, многое въ вашей книгѣ черезчуръ outré, monsieur Бонъ-Бонъ. Что вы порете, напримѣръ, о душѣ? Скажите пожалуйста, сударь, что такое душа?

— Душа,—уэ,—душа,—отвѣтилъ метафизикъ, заглядывая въ свою рукопись,—безспорно...

— Нѣтъ, сударь!

— Безъ сомнѣнія...

— Нѣтъ, сударь!

— Неоспоримо...

— Нѣтъ, сударь!

— Очевидно...

— Нѣтъ, сударь!

— Неопровержимо...

— Нѣтъ, сударь!

— Уэ!

— Нѣтъ, сударь!

— И внѣ всякихъ споровъ...

— Нѣтъ, сударь, душа вовсе не то! (Тутъ философъ, бросивъ на собесѣдника злобный взглядъ, поспѣшилъ положить конецъ спору, осушивъ разомъ третью бутылку Шамбертена).

— Въ такомъ случаѣ—уэ,—скажите, пожалуйста, что же, что же такое душа?

— Ни то ни се, monsieur Бонъ-Бонъ,—отвѣчалъ его величество задумчивымъ тономъ.—Я пробовалъ, то есть, я хочу сказать, знавалъ очень плохія души и очень недурныя.—Тутъ онъ причмокнулъ губами и, машинально схватившись за книжку, высовывавшуюся изъ кармана, страшно расчихался.

Потомъ продолжалъ:

— Душа Кратинуса была такъ себѣ; Аристофана вкусна; Платона превосходна, не вашего Платона, а комическаго поэта, отъ вашего Платона стошнило бы Цербера—фа! Затѣмъ, позвольте! были тамъ Невій, и Андроникъ, и Плавтъ, и Теренцій! Были Люцилій, и Катуллъ, и Назонъ, и Квинтъ Флаккъ, милый Квинтикъ, какъ я называлъ его, когда онъ распѣвалъ seculare для моей потѣхи, а я поджаривалъ его—такъ, шутки ради—на вилкѣ. Но у этихъ римлянъ не хватаетъ букета. Одинъ жирный грекъ стоитъ ихъ дюжину, къ тому же онъ не скоро портится, чего нельзя сказать о квиритахъ.—Попробуемъ-ка вашего Сотерна.

Между тѣмъ Бонъ-Бонъ оправился и, порѣшивъ nil admirari, досталъ нѣсколько бутылокъ Сотерна. Онъ, однако, услышалъ странный звукъ: точно кто-то махалъ хвостомъ. Философъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого крайне неприличнаго поведенія его величества, и ограничился тѣмъ, что далъ пинка собакѣ и велѣлъ ей лежать смирно. Посѣтитель продолжалъ:

— Я нахожу, что Горацій сильно отзывался Аристотелемъ. Я, знаете, обожаю разнообразіе. Теренція я не могъ бы отличить отъ Менандра. Назонъ, къ моему изумленію, оказался тотъ же Никандръ, подъ другимъ соусомъ. Виргилій напоминалъ Теокрита, Марціалъ Архилоха, а Титъ Ливій былъ положительно вторымъ Полибіемъ.

— Уэ!—отвѣтилъ Бонъ-Бонъ, а его величество продолжалъ:

— Но я питаю склонность, monsieur Бонъ-Бонъ,—я питаю склонность къ философамъ. А съ вашего позволенія, сударь, не каждый чортъ, я хочу сказать, не всякій джентльменъ съумѣетъ выбрать философа. Длинные не хороши, и самый лучшій, если его не облупить хорошенько, отзывается желчью.

— Облупить!

— То есть вынуть изъ тѣла.

— А какъ вы находите, уэ! врачей?

— И не говорите! тьфу! тьфу! (его величество врвало).—Я разъ только попробовалъ одного, эту шельму Гиппократа, и вонялъ же онъ ассофетидой!.. Я простудился, промывая его въ Стиксѣ, и въ концѣ концовъ схватилъ холеру.

— Жалкая — уэ!—тварь,—воскликнулъ Бонъ-Бонъ, — микстурное отродье!—и философъ уронилъ слезу.

— Въ концѣ концовъ,—продолжалъ посѣтитель,—въ концѣ концовъ, если чор..., если джентльменъ хочетъ оставаться въ живыхъ, ему нужно таки поработать головой; полное лицо у насъ — явный признакъ дипломатическихъ способностей.

— Какъ такъ?

— Видите-ли, намъ приходится подчасъ терпѣть крайній недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Въ нашемъ знойномъ климатѣ душа рѣдко остается въ живыхъ долѣе двухъ-трехъ дней; а послѣ смерти, если не посолить немедленно (соленыя же души не вкусны), она начинаетъ... припахивать...—понимаете, э? Когда души достаются намъ обыкновеннымъ путемъ, больше всего приходится опасаться гніенія.

— Уэ!--уэ!—Боже мой! какъ же вы изворачиваетесь?

Тутъ желѣзная лампа закачалась съ удвоенной силой, а дьяволъ подскочилъ на стулѣ; однако, слегка вздохнувъ, оправился, и только замѣтилъ вполголоса нашему герою:

— Послушайте, Пьеръ Бонъ-Бонъ, вы не должны употреблять такихъ выраженій!

Хозяинъ осушилъ еще стаканъ въ знакъ согласія и пониманія, и посѣтитель продолжалъ:

— Изворачиваемся различными способами: иные голодаютъ, иные питаются солеными душами, я же покупаю ихъ живьемъ, vivente corpore—въ такихъ случаяхъ онѣ прекрасно сохраняются.

— А тѣло! уэ!—тѣло!!!

— Тѣло, тѣло,—причемъ же тутъ тѣло?—а!—да!—понимаю. Изволите видѣть, тѣло ничуть не страдаетъ при такихъ сдѣлкахъ. Я заключилъ ихъ безчисленное множество, и никогда продавцы не терпѣли ни малѣйшаго ущерба. Такъ было съ Каиномъ, Немвродомъ, Нерономъ, Калигулой, Діонисіемъ, Пизистратомъ, и съ тысячами другихъ, которые какъ нельзя лучше обходились безъ души значительную часть своей жизни. А вѣдь эти люди были украшеніемъ общества, милостивый государь. Да вотъ хоть бы нашъ общій знакомый А—. Развѣ онъ не владѣетъ всѣми своими способностями, духовными и физическими? Кто пишетъ болѣе колкія эпиграммы? Кто разсуждаетъ съ такимъ остроуміемъ? Кто... но позвольте! Его условіе при мнѣ.

Говоря это, онъ досталъ красный кожаный бумажникъ, въ которомъ оказалась пачка документовъ. На нѣкоторыхъ изъ нихъ Бонъ-Бонъ замѣтилъ начала словъ Макіа, Маза, Робесп, и слова Калигула, Георгъ, Елизавета. Его величество выбралъ изъ пачки узенькій листокъ пергамента и прочелъ вслухъ слѣдующее:

— За нѣкоторыя умственныя преимущества и тысячу луидоровъ, я, въ возрастѣ одного года и одного мѣсяца, уступаю предъявителю этой росписки всѣ права распоряженія, пользованія и владѣнія тѣнью, которая называется моей душой. Подписано А— *).

* Quere—Аруэ?

Тутъ его величество прочелъ фамилію, которую я не считаю себя вправѣ приводить здѣсь.

— Умный малый,—прибавилъ онъ,—но, подобно вамъ, monsieur Бонъ-Бонъ, заблуждался насчетъ души. Душа тѣнь, какъ бы не такъ! Душа тѣнь! Ха! ха! ха! хе! хо! хе! хо! хо! хо! Подумайте только—фрикассе изъ тѣни!

— Подумайте только—уэ!—фрикассе изъ тѣни! — воскликнулъ нашъ герой, душевныя способности котораго значительно просвѣтились глубокомысленнымъ разговоромъ его величества.

— Подумайте только—уэ!—фрикассе изъ тѣни!! Чортъ побери!—уэ!—ухъ!—Я не такой—уэ!—олухъ! Моя душа, сударь...

— Ваша душа, monsieur Бонъ-Бонъ!

— Да, сударь—уэ!—моя душа не...

— Что такое, милостивый государь?

— Не тѣнь, чортъ побери.

— Вы не хотите сказать...

— Моя душа—уэ!—будетъ очень вкусна—уэ!

— Что такое?

— Душоная.

— Ха!

— Шпикованная.

— Э!

— Рубленая.

— Право?

— Въ видѣ рагу или соуса и знаете-ли что, милѣйшій? Я готовъ вамъ уступить ее—уэ!—При этомъ философъ шлепнулъ его величество по спинѣ.

— Не имѣю ни малѣйшаго желанія, — отвѣчалъ послѣдній спокойно, вставая со стула. Метафизикъ выпучилъ глаза.

— Я уже запасся душами,—сказалъ его величество.

— Уэ!—э?—сказалъ философъ.

— Да я и не при деньгахъ.

— Что?

— Къ тому же было бы некрасиво съ моей стороны...

— Милостивый государь!

— Пользоваться.

— Уэ!

— Вашимъ отвратительнымъ и недостойнымъ порядочнаго человѣка состояніемъ.

Гость поклонился и исчезъ—какимъ образомъ, никто бы не могъ объяснить—но когда хозяинъ запустилъ въ «проклятаго» бутылкой, она задѣла цѣпочку, на которой висѣла лампа и эта послѣдняя грохнулась на полъ, сваливъ по пути метафизика.

Система доктора Деготъ и профессора Перье.

Осенью 18**, путешествуя по южной Франціи, я очутился въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Maison de Santé или частной лечебницы для душевно больныхъ, о которой много наслышался въ Парижѣ отъ моихъ друзей медиковъ. Я ни разу еще не посѣщалъ подобныхъ заведеній, почему, не желая упустить удобный случай, предложилъ моему дорожному товарищу (господину, съ которымъ познакомился за нѣсколько дней передъ тѣмъ) завернуть на часокъ въ лечебницу. На это онъ возразилъ, что, во-первыхъ—торопится, во-вторыхъ—боится помѣшанныхъ. Впрочемъ, онъ уговаривалъ меня не стѣсняться, и удовлетворить мое любопытство, прибавивъ, что поѣдетъ потихоньку, такъ что я успѣю догнать его сегодня же, или, самое позднее, на другой день. Прощаясь съ нимъ, я подумалъ, что меня, чего добраго, не пустятъ въ лечебницу, и выразилъ свои опасенія вслухъ. Онъ отвѣчалъ, что если я не знакомъ лично съ директоромъ, г. Мальяромъ, и не имѣю рекомендательнаго письма, то меня, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ не пустятъ, такъ какъ правила въ частныхъ лечебницахъ гораздо строже, чѣмъ въ казенныхъ. Онъ прибавилъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ познакомился съ г. Мальяромъ и готовъ заѣхать со мной къ нему и познакомить меня, хотя самъ не пойдетъ въ больницу, такъ какъ не выноситъ сумасшедшихъ.

Я поблагодарилъ его и мы свернули съ большой дороги на проселочную, которая черезъ полчаса привела насъ къ дремучему лѣсу у подошвы горы. Мы проѣхали двѣ мили въ его сырой мглѣ, и наконецъ увидѣли Maison de Santé. Это былъ фантастическій château, очень ветхій и съ виду почти необитаемый. Онъ произвелъ на меня такое тяжелое впечатлѣніе, что я задержалъ лошадь и хотѣлъ было вернуться. Однако, устыдился своего малодушія и поѣхалъ дальше.

Когда мы подъѣхали къ воротамъ, я замѣтилъ, что изъ-за нихъ выглядываетъ какой-то господинъ. Минуту спустя онъ вышелъ къ намъ на встрѣчу, назвалъ моего спутника по имени, привѣтливо пожалъ ему руку и предложилъ сойти съ коня. Это былъ самъ г. Мальяръ: статный, видный, старосвѣтскій господинъ, съ любезными манерами и весьма внушительнымъ видомъ важности, достоинства и авторитета.

Мой другъ представилъ меня, сообщилъ о моемъ желаніи, а когда г. Мальяръ выразилъ готовность оказать мнѣ всяческое содѣйствіе, распростился съ нами и больше я его не видѣлъ.

Когда онъ уѣхалъ, директоръ провелъ меня въ маленькую и

очень опрятную гостиную, гдѣ въ числѣ прочихъ предметовъ, свидѣтельствовавшихъ объ утонченномъ вкусѣ, находились книги, картины, цвѣты и музыкальные инструменты. Въ каминѣ весело трещали дрова. За піанино сидѣла, напѣвая арію Беллини, молодая и очень красивая женщина, которая при моемъ появленіи перестала пѣть и привѣтствовала меня граціознымъ поклономъ. У ней былъ низкій голосъ и тихія, сдержанныя манеры. Лицо ея показалось мнѣ печальнымъ и крайне блѣднымъ, что, впрочемъ, вовсе не портило его, на мой вкусъ. Она была въ глубокомъ траурѣ и возбудила во мнѣ смѣшанное чувство уваженія, любопытства и восхищенія.

Я слышалъ въ Парижѣ, что въ заведеніи г. Мальяра господствовала такъ называемая «система поблажки», что никакихъ наказаній не примѣнялось, даже къ лишенію свободы прибѣгали очень рѣдко. За паціентами слѣдили очень внимательно, но они пользовались полной свободой; и большинству позволялось гулять по всему дому и имѣнію въ обыкновенныхъ костюмахъ, какіе носятъ здоровые люди.

Имѣя въ виду это обстоятельство, я рѣшилъ поостеречься въ разговорахъ съ дамой, такъ какъ не зналъ навѣрное, здорова-ли она; а безпокойный блескъ ея глазъ даже заставлялъ меня подозрѣвать противное. Итакъ, я ограничился замѣчаніями самаго общаго характера, которыя, по моему разсчету, не могли раздражить или обидѣть даже сумасшедшаго. Она отвѣчала совершенно разумно, обнаруживъ, повидимому, вполнѣ здравый умъ; но я былъ слишкомъ хорошо знакомъ съ литературой по части mania, чтобы положиться на эти внѣшніе признаки здоровья, и продолжалъ соблюдать осторожность въ разговорѣ.

Вскорѣ бойкій лакей въ ливреѣ принесъ фрукты, вино и закуску, а немного погодя дама ушла. Какъ только она удалилась, я вопросительно взглянулъ на хозяина.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—о, нѣтъ—это моя родственница,—моя племянница, превосходная женщина.

— Простите мои подозрѣнія,—отвѣчалъ я,—впрочемъ, вы, скорѣе чѣмъ кто-либо, найдете извиненіе для меня. Вашъ превосходный методъ хорошо извѣстенъ въ Парижѣ, и я считалъ возможнымъ, вы понимаете...

— Да, да, понимаю, это мнѣ слѣдуетъ благодарить васъ за вашу осторожность. Такая предусмотрительность рѣдко встрѣчается у молодыхъ людей, и у насъ бывали непріятные contretemps, вслѣдствіе безпечности посѣтителей. При моей прежней системѣ, когда паціенты свободно гуляли всюду, ихъ часто доводили до бѣшенства неосторожныя замѣчанія господъ, являвшихся

осматривать лечебницу. Въ виду этого мнѣ пришлось принять мѣры предосторожности и допускать въ лечебницу только такихъ лицъ, на которыхъ я могу положиться.

— При вашей прежней системѣ?—сказалъ я, повторяя его слова,—значитъ «система поблажки», о которой я столько наслышался, оставлена вами.

— Нѣсколько недѣль тому назадъ,—отвѣчалъ онъ,—намъ пришлось навсегда отказаться отъ нея.

— Въ самомъ дѣлѣ? вы удивляете меня!

— Мы нашли безусловно необходимымъ, милостивый государь,—отвѣчалъ онъ со вздохомъ,—вернуться къ стариннымъ порядкамъ. Опасность «системы поблажки» всегда была громадна, а преимущества ея сильно преувеличены. Я думаю, что если былъ гдѣ-нибудь убѣдительный опытъ въ этомъ отношеніи, такъ именно у насъ. Мы дѣлали все, что могла внушить гуманность. Я жалѣю, милостивый государь, что вамъ не случилось побывать здѣсь раньше,—вы бы могли судить сами. Впрочемъ, вы, вѣроятно, знакомы съ системой поблажки, съ ея деталями.

— Не вполнѣ. Слышалъ о ней только изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ.

— Основа этой системы—потакать желаніямъ паціентовъ. Мы не противорѣчимъ никакимъ причудамъ, зародившимся въ ихъ мозгу. Напротивъ, мы даже поощряемъ ихъ; и такимъ путемъ удавалось достигнуть самаго надежнаго исцѣленія. Никакой аргументъ не дѣйствуетъ на сумасшедшаго сильнѣе reductio ad absurdum. Напримѣръ, у насъ были паціенты, воображавшіе себя цыплятами. Леченіе: соглашаться съ этимъ фактомъ, настаивать на томъ, что это фактъ, укорять паціента въ непослѣдовательности, если онъ не сообразуется съ этимъ фактомъ —напримѣръ, не хочетъ питаться исключительно цыплячьимъ кормомъ. Немножко крупы и песка дѣлали чудеса въ этомъ отношеніи.

— Въ этомъ и заключалось все леченіе?

— Никоимъ образомъ. Большое значеніе имѣли развлеченія всякаго рода—музыка, танцы, гимнастическія упражненія вообще, карты, книги и т. п. Мы дѣлали видъ, что лечимъ паціента отъ какого-нибудь физическаго недуга, и самое слово «помѣшательство» никогда не произносилось. Главное было заставить каждаго помѣшаннаго наблюдать за товарищами. Если сумасшедшій увидитъ, что вы полагаетесь на его умъ и порядочность, онъ будетъ вашъ тѣломъ и душой. Такимъ путемъ намъ удалось довести до минимума число смотрителей.

— И вы не примѣняли никакихъ наказаній?

— Никакихъ.

— И никогда не запирали вашихъ паціентовъ?

— Очень рѣдко. Случалось иногда, что въ болѣзни наступалъ кризисъ или она внезапно принимала буйный характеръ,—въ такихъ случаяхъ приходилось запирать паціента въ отдѣльную камеру, чтобы не заразить другихъ, и держать его въ одиночномъ заключеніи до возвращенія родственникамъ; потому что съ буйнымъ помѣшательствомъ намъ нечего дѣлать. Такіе паціенты помѣщаются обыкновенно въ общественные госпитали.

— А теперь все это измѣнилось,—и, вы думаете, къ лучшему?

— Несомнѣнно. Наша система имѣла свои невыгодныя, даже опасныя стороны. Теперь она, къ счастью, отвергнута во всѣхъ Maison de Santé Франціи.

— Ваши слова крайне удивляютъ меня,—отвѣчалъ я,—я былъ увѣренъ, что въ настоящее время только эта система и примѣняется по всей Франціи.

— Вы еще молоды, другъ мой,—возразилъ хозяинъ,—но время научитъ васъ полагаться только на собственное сужденіе, не довѣряя розсказнямъ другихъ. Не вѣрьте ничему, что вы слышите, и только на половину вѣрьте тому, что увидите. Очевидно, какіе-нибудь невѣжды ввели васъ въ заблужденіе насчетъ Maisons de Santé. Послѣ обѣда, когда вы отдохнете, я охотно покажу вамъ лечебницу и ознакомлю васъ съ системой, которая, по моему мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ, кто имѣлъ случай наблюдать ея дѣйствіе, далеко превосходитъ всѣ остальныя.

— Это ваша система?—спросилъ я,—вами изобрѣтенная?

— Я горжусь тѣмъ, что могу признать ее своею,—отвѣчалъ онъ,—по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени.

Въ такой бесѣдѣ мы провели часъ или два съ г. Мальяромъ. Онъ показалъ мнѣ садъ и оранжереи, имѣвшіеся при лечебницѣ.

— Я погожу знакомить васъ съ моими паціентами,—замѣтилъ онъ.—Ихъ выходки всегда болѣе или менѣе разстраиваютъ нервнаго человѣка. Я не хочу отбивать у васъ аппетитъ. Сначала мы пообѣдаемъ. Я угощу васъ телятиной à la Sainte Ménéhould, цвѣтной капустой sauce veloutè, стаканчикомъ Clos Vougeot—для укрѣпленія нервовъ.

Въ шесть часовъ слуга объявилъ, что кушать подано, и мы отправились въ обширную salle à manger, гдѣ уже собралось многочисленное общество — человѣкъ двадцать пять или тридцать. Все это былъ съ виду народъ порядочный, хорошаго воспитанія, хотя ихъ костюмы показались мнѣ слишкомъ нарядными, отзывались показной пышностью de vieille cour. Дамы составляли добрыхъ двѣ трети всѣхъ присутствующихъ, и туалеты многихъ далеко не удовлетворяли понятіямъ современнаго парижанина о хорошемъ вкусѣ.

Напримѣръ, нѣкоторыя изъ дамъ, которымъ нельзя было дать менѣе семидесяти лѣтъ, были увѣшаны драгоцѣнностями — браслетами, кольцами, серьгами —и декольтированы до неприличія. Я замѣтилъ также, что лишь немногіе костюмы были хорошо сшиты, по крайней мѣрѣ, лишь немногіе хорошо сидѣли на своихъ владѣльцахъ. Въ числѣ дамъ я увидѣлъ и дѣвушку, съ которой г. Мальяръ познакомилъ меня утромъ; но, къ моему удивленію, на ней оказались фижмы, ботинки съ высокими каблуками и заношенный чепчикъ изъ брюссельскихъ кружевъ, слишкомъ большой для ея головы и придававшій ея лицу какое-то смѣшное выраженіе миніатюрности. Когда я въ первый разъ увидѣлъ ее, она была въ глубокомъ траурѣ, который очень шелъ къ ней. Словомъ, костюмы всего общества отличались странностью, которая напомнила мнѣ о «системѣ поблажки». Я даже подумалъ, что г. Мальяръ рѣшился обманывать меня, пока не кончится обѣдъ, опасаясь, что мнѣ будетъ непріятно обѣдать въ обществѣ сумасшедшихъ. Но я вспомнилъ, что обитатели южныхъ провинцій, какъ мнѣ говорили еще въ Парижѣ, народъ крайне эксцентричный, съ устарѣлыми понятіями; а когда я поговорилъ съ двумя-тремя изъ присутствующихъ, мои сомнѣнія окончательно разсѣялись.

Столовая, хотя, быть можетъ, достаточно удобная и просторная, не отличалась изящнымъ убранствомъ. Напримѣръ, на полу не было ковровъ; впрочемъ, это весьма обычное явленіе во Франціи. Окна были безъ занавѣсей; закрытыя ставни укрѣплялись желѣзными полосами крестъ на крестъ, какъ въ нашихъ лавкахъ. Комната составляла пристройку château; такимъ образомъ окна находились на трехъ сторонахъ параллелограмма, а дверь съ четвертой. Всѣхъ оконъ было не менѣе десяти.

Обѣдъ отличался пышностью. Столъ былъ загроможденъ блюдами со всевозможными кушаньями,—въ изобиліи по истинѣ варварскомъ. Я никогда въ жизни не видалъ такой расточительности по части съѣстныхъ припасовъ. Повидимому, впрочемъ, они были приготовлены довольно безвкусно; а мои глаза, привыкшіе къ мягкому освѣщенію, жестоко страдали отъ чудовищнаго блеска безчисленныхъ восковыхъ свѣчей въ серебряныхъ candelabra, разставленныхъ на столѣ и по всей комнатѣ, гдѣ только можно было ихъ помѣстить. Нѣсколько лакеевъ прислуживали за обѣдомъ, а на большомъ столѣ въ углу сидѣли семь или восемь человѣкъ съ флейтами, скрипками, тромбонами и барабаномъ. Они, жестоко надоѣдали мнѣ во время обѣда оглушительнымъ шумомъ который долженъ былъ изображать музыку и, повидимому, доставлялъ большое удовольствіе всѣмъ, кромѣ меня.

Въ общемъ я не могъ не замѣтить во всемъ этомъ много bi-

zarre. Но вѣдь на свѣтѣ немало разнаго народа со всевозможными взглядами и привычками. Я столько путешествовалъ, что не могъ не сдѣлаться поклонникомъ правила nil admirari. Итакъ, я спокойно усѣлся рядомъ съ хозяиномъ и, чувствуя волчій аппетитъ, принялся уписывать предлагаемыя мнѣ блюда.

Вскорѣ разговоръ оживился. Дамы, какъ водится, принимали въ немъ большое участіе. Я скоро убѣдился, что вся компанія состоитъ изъ образованныхъ людей, а самъ хозяинъ неистощимъ по части забавныхъ анекдотовъ. Онъ охотно говорилъ о своемъ директорствѣ въ Maison de Santé; да и вообще, къ моему удивленію, помѣшательство служило главной темой разговоровъ. Множество забавныхъ исторій было разсказано о различныхъ пунктахъ помѣшательства.

— Былъ у насъ одинъ субъектъ,—сказалъ маленькій толстый джентльменъ, сидѣвшій рядомъ со мною,—который воображалъ себя чайникомъ. Между прочимъ, замѣчательно часто эта химера заходитъ въ головы помѣшанныхъ. Врядъ-ли найдется сумасшедшій домъ во Франціи, въ которомъ бы не оказалось человѣка-чайника. Нашъ паціентъ воображалъ себя чайникомъ изъ британскаго металла и каждый день чистился мѣломъ и уксусомъ.

— А то еще,—замѣтилъ рослый джентльменъ, сидѣвшій напротивъ,—былъ у насъ господинъ, считавшій себя осломъ, что, впрочемъ, было совершенно вѣрно, если говорить аллегорически. Пребезпокойный былъ паціентъ, и намъ пришлось таки съ нимъ повозиться. Не хотѣлъ ничего ѣсть кромѣ сѣна, но отъ этого мы его отучили, настаивая, чтобы онъ не ѣлъ ничего другого. А главное, онъ постоянно лягался... вотъ такъ... такъ.

— Господинъ Кокъ! пожалуйста, угомонитесь,—перебила его старая лэди, сидѣвшая рядомъ.—Не дрыгайте ногами! Вы оборвали мнѣ платье! Какая надобность, скажите пожалуйста, пояснять свой разсказъ на дѣлѣ? Нашъ другъ, безъ сомнѣнія, и такъ понимаетъ васъ. Честное слово, вы почти такой же оселъ, какъ тотъ несчастный, о которомъ вы разсказывали. Вы лягаетесь удивительно натурально.

— Mille pardons! Ma'mzelle!—возразилъ г. Кокъ,—тысячу извиненій! Я не имѣлъ намѣренія оскорбить васъ. Ma'mzelle Лапласъ, соблаговолите оказать мнѣ честь чокнуться со мною.

Тутъ г. Кокъ низко поклонился, церемонно поцѣловалъ кончики своихъ пальцевъ и чокнулся съ Ma'mzelle Лапласъ.

— Позвольте мнѣ, mon ami,—сказалъ г. Мальяръ, обращаясь ко мнѣ,—позвольте мнѣ предложить вамъ кусочекъ этой телятины à la S-te Ménéhould, я увѣренъ, что она вамъ очень понравится.

Въ эту минуту трое здоровыхъ лакеевъ благополучно водру-

зили на столѣ огромное блюдо съ какой-то массой, показавшейся мнѣ съ перваго взгляда «monstrum horrendum, informe, ingens, cui lumen ademptum». Вглядѣвшись повнимательнѣе, я убѣдился, однако, что это просто теленокъ, зажаренный цѣликомъ, съ яблокомъ во рту, какъ приготовляютъ въ Англіи зайцевъ.

— Нѣтъ, благодарствуйте,—отвѣчалъ я,—сказать правду, я не особенный охотникъ до телятины à la S-te... какъ это?—она вредна для моего желудка. Я вотъ лучше попробую кролика.

На столѣ было нѣсколько блюдъ съ обыкновеннымъ французскимъ кроликомъ, какъ мнѣ показалось. Это превосходный morceau, который я могу рекомендовать всякому.

— Пьеръ,—крикнулъ хозяинъ,—перемѣните приборъ господина и предложите ему кролика au chat.

— Кролика... какъ?

— Кролика au chat.

— Благодарю васъ, я передумалъ. Я лучше отрѣжу себѣ ветчины.

Богъ знаетъ, что подаютъ за столомъ,—подумалъ я,—у этихъ провинціаловъ. Не хочу ихъ кролика au chat, или ихъ кошку au-кроликъ.

— А то еще,—замѣтилъ какой-то господинъ съ наружностью трупа, возобновляя прерванную нить разговора,—а то еще былъ у насъ паціентъ, вообразившій себя кордовскимъ сыромъ. Онъ вѣчно ходилъ съ ножомъ и предлагалъ всѣмъ и каждому отрѣзать ломтикъ отъ его ноги.

— Онъ, безъ сомнѣнія, былъ большой чудакъ,—замѣтилъ другой,—но еще чуднѣе субъектъ, извѣстный всѣмъ намъ, за исключеніемъ этого незнакомаго господина. Я говорю о томъ паціентѣ, что воображалъ себя бутылкой шампанскаго и вѣчно щелкалъ и шипѣлъ... вотъ такъ...

Тутъ онъ неожиданно засунулъ большой палецъ правой руки за лѣвую щеку и, выдернувъ его со звукомъ, напоминавшимъ хлопанье пробки, зашипѣлъ и засвистѣлъ, очень искусно подражая звуку пѣнящагося шампанскаго. Повидимому, эта выходка не понравилась г. Мальяру, однако, онъ ничего не сказалъ, и разговоръ продолжался въ прежнемъ духѣ.

— А помните вы чудака,— сказалъ маленькій худенькій господинъ въ огромномъ парикѣ,—который воображалъ себя лягушкой. Жаль, что вы не видали его, сударь,—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—онъ замѣчательно вѣрно подражалъ лягушкѣ. Я могу только пожалѣть, милостивый государь, что этотъ человѣкъ не былъ на самомъ дѣлѣ лягушкой. Его кваканье, вотъ такъ: о-о-о-о-кх! о-о-о-о-кх!—была прекраснѣйшая нота въ мірѣ—si-бе-

моль; а если бы вы посмотрѣли, какъ онъ клалъ локти на столъ... вотъ такъ... выпивъ два-три стаканчика... и разѣвалъ ротъ... такимъ манеромъ... и выкатывалъ глаза... вотъ этакъ... и моргалъ съ поразительной быстротой, вы бы подивились, милостивый государь, да, увѣряю васъ, вы бы подивились геніальности этого человѣка.

— Я совершенно увѣренъ въ этомъ,—сказалъ я.

— А Пти Гаяаръ,—подхватилъ одинъ изъ собесѣдниковъ,—помните, онъ считалъ себя щепоткой нюхательнаго табаку и все огорчался, что не можетъ умѣститься между своими же большимъ и указательнымъ пальцами.

— А Жюль Дезульеръ,—тоже геній своего рода,—помѣшался на томъ, будто онъ тыква. Вѣчно приставалъ къ повару съ просьбой сдѣлать изъ него кашу, но тотъ съ негодованіемъ отказывался. А мнѣ кажется, тыквенная каша à la Desoulières могла бы оказаться превосходнымъ блюдомъ.

— Вы изумляете меня!—сказалъ я и вопросительно взглянулъ на г. Мальяра.

— Ха! ха! ха!—разразился онъ,—хе! хе! хе! хи! хи! хи! хо! хо! хо! хорошо сказано, очень хорошо. Не изумляйтесь, mon ami; этотъ господинъ большой шутникъ, drôle, вы не должны принимать его слова буквально.

— А Буффонъ Ле-Гранъ,—замѣтилъ другой собесѣдникъ,—тоже былъ курьезный субъектъ. Онъ рехнулся отъ любви и вообразилъ, что у него двѣ головы: одна—голова Цицерона, а другая—двойная: верхняя половина до рта—Демосфена, нижняя—лорда Брума. Возможно, что онъ ошибался, но вы бы, пожалуй, повѣрили ему: такъ онъ былъ краснорѣчивъ. У него была непреодолимая страсть произносить рѣчи. Напримѣръ, онъ вскакивалъ на столъ, вотъ такъ...

Но тутъ сосѣдъ положилъ ему руку на плечо и что-то прошепталъ на ухо, послѣ чего говорившій сразу умолкъ и откинулся на спинку стула.

— А Булларъ, волчекъ,—сказалъ его сосѣдъ,—я называю его волчкомъ, потому что его дѣйствительно преслѣдовала странная, но не лишенная основанія мысль, будто онъ превратился въ волчекъ. Вы бы померли со смѣха, глядя, какъ онъ вертѣлся. Онъ могъ вертѣться на каблукѣ цѣлый часъ, вотъ такимъ образомъ...

Но тутъ его пріятель, котораго онъ остановилъ за минуту передъ тѣмъ, оказалъ ему такую же услугу.

— Вашъ г. Булларъ,—взвизгнула старая леди,—просто сумасшедшій, и очень глупый сумасшедшій. Кто же, позвольте васъ спросить, слыхалъ когда-нибудь о человѣкѣ-волчкѣ. Какой вздоръ. Мадамъ Жуаёзъ гораздо разсудительнѣе. У ней тоже была манія,

но манія, подсказанная здравымъ смысломъ и доставлявшая много удовольствія всѣмъ, кто пользовался честью ея знакомства. Она убѣдилась послѣ долгихъ размышленій, что какая-то случайность превратила ее въ пѣтуха, и вела себя сообразно съ этимъ убѣжденіемъ. Она хлопала крыльями съ изумительнымъ эффектомъ... такъ... такъ... такъ... а ея пѣніе было восхитительно! Кукуреку! ку-ку-ре-ку! ку-ку-ре-е-ку-у-у-у-у-у-у!.

— Мадамъ Жуаёзъ, прошу васъ вести себя прилично! — перебилъ хозяинъ очень сердито.—Или держите себя, какъ подобаетъ дамѣ, или ступайте вонъ изъ-за стола,—одно изъ двухъ.

Дама (я очень удивился, услышавъ ея фамилію послѣ того, какъ она только что описала мадамъ Жуаёзъ) вспыхнула и, повидимому, крайне смутилась. Она понурила голову и не отвѣчала ни слова. Но другая помоложе вмѣшалась въ разговоръ. Это была моя красавица-дѣвушка изъ маленькой гостиной.

— О, мадамъ Жуаёзъ была сумасшедная! — воскликнула она,—но Евгенія Сальсефеттъ... вотъ у кого было много здраваго смысла. Эта прекрасная, скромная дѣвушка находила неприличнымъ обыкновенный способъ одѣваться. По ея мнѣнію, слѣдовало одѣваться такъ, чтобы быть снаружи, а не внутри платья. Въ концѣ концовъ это очень просто. Нужно сдѣлать такъ... и вотъ такъ... такъ... такъ... а затѣмъ вотъ такъ... такъ... такъ... а затѣмъ...

— Mon Dieu! Ma'mzelle Сальсефеттъ!—крикнула разомъ дюжина голосовъ. — Что вы дѣлаете?.. невозможно!.. перестаньте!.. мы знаемъ, какъ это дѣлается!.. довольно!.. довольно!..—Нѣсколько человѣкъ вскочили съ мѣстъ, чтобы помѣшать ma'mzelle Сальсефеттъ превратиться въ Венеру Медицейскую, какъ вдругъ изъ отдаленной части зданія раздались отчаянные крики или вопли, разомъ остановившіе дѣвушку.

Эти крики сильно подѣйствовали на мои нервы, но на остальную компанію жалко было смотрѣть. Я никогда не думалъ, что разумныя существа могутъ такъ перепугаться. Они всѣ поблѣднѣли, какъ трупы и, скорчившись на своихъ стульяхъ, сидѣли, дрожа отъ страха и прислушиваясь къ крикамъ. Крики снова раздались громче и, повидимому, ближе, потомъ въ третій разъ очень громко, и въ четвертый гораздо тише. Когда шумъ затихъ, присутствіе духа вернулось къ собесѣдникамъ и снова посыпались анекдоты. Я рѣшился спросить о причинѣ шума.

— Чистые пустяки,—сказалъ г. Мальяръ.—Мы привыкли къ подобнымъ происшествіямъ и не придаемъ имъ значенія. Время отъ времени сумасшедшіе подымаютъ крикъ всѣ сообща, какъ это случается съ стаей собакъ ночью. Бываетъ иногда, что за этимъ concerto слѣдуетъ попытка освободиться, которая, конечно, угрожаетъ нѣкоторой опасностью.

— А много у васъ сумасшедшихъ?

— Въ настоящую минуту всего десять человѣкъ.

— Преимущественно женщинъ, я полагаю?

— О, нѣтъ, всѣ до единаго мужчины, и здоровые молодцы, доложу вамъ.

— Въ самомъ дѣлѣ! А я всегда слышалъ, будто большинство помѣшанныхъ принадлежитъ къ слабому полу.

— Вообще да, но не всегда. Нѣсколько времени тому назадъ здѣсь было около двадцати семи паціентовъ, и въ томъ числѣ не менѣе восемнадцати женщинъ; но въ послѣднее время обстоятельства существенно измѣнились, какъ вы сами видите.

— Да, существенно измѣнились, какъ вы сами видите,—подтвердилъ господинъ, оборвавшій платье ma'mzelle Лапласъ.

— Да, существенно измѣнились, какъ вы сами видите,—подхватила хоромъ вся компанія.

— Придержите ваши языки!—крикнулъ хозяинъ съ бѣшенствомъ. Послѣдовало гробовое молчаніе, длившееся съ минуту. Одна изъ дамъ буквально исполнила приказаніе г. Мальяра, высунувъ языкъ, оказавшійся необычайно длиннымъ, и покорно схватившись за него обѣими руками.

— А эта милая дама,—шепнулъ я г. Мальяру,—эта почтенная лэди, что сейчасъ говорила и пѣла по пѣтушиному, она совершенно безопасна—а, совершенно безопасна?

— Безопасна? — произнесъ онъ съ непритворнымъ изумленіемъ,—что... что вы хотите сказать?

— Немножко того?—сказалъ я, дотронувшись до своего лба.— Но, разумѣется, чуть-чуть... ничего опаснаго, да?

— Mon Dieu! что это вамъ пришло въ голову? Эта дама, моя давнишняя пріятельница, мадамъ Жуаёзъ, такъ же здорова, какъ я самъ. Она немножко эксцентрична, но, знаете, всѣ старушки, всѣ очень старыя старушки болѣе или менѣе эксцентричны.

— Конечно,—сказалъ я, — конечно, — а остальныя лэди и джентльмены...

— Мои друзья и смотрители дома,—перебилъ г. Мальяръ, выпрямлясь съ нѣкоторой hauteur,—мои добрые друзья и помощники.

— Какъ? всѣ они?—спросилъ я,—и дамы?

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ,—безъ дамъ мы бы ничего не могли подѣлать; это лучшія няньки для сумасшедшихъ. Знаете, онѣ справляются съ ними на свой ладъ; ихъ блестящіе глаза производятъ чудесное дѣйствіе—чаруютъ, какъ глаза змѣи, знаете.

— Конечно,—сказалъ я,—конечно! Онѣ держатъ себя немножко странно, не правда-ли? — немножко чудачки, а? — вы не находите?

— Странно?.. чудачки?—вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете? Правда, мы, южане, не охотники до церемоній,—живемъ въ свое удовольствіе, пользуемся жизнью и всякаго рода увеселеніями.

— Конечно,—повторилъ я,—конечно!

— Кажется, это Clos de Vougeot немножко того, немножко крѣпко... а, правда?

— Конечно,– сказалъ я,—конечно. Кстати, monsieur, система, которую вы примѣняете нынѣ вмѣсто знаменитой системы поблажки, очень строга?

— Ничуть. Строгое заключеніе необходимо, но пользованіе, собственно медицинское пользованіе, скорѣе пріятно для больныхъ.

— Эта новая система ваше изобрѣтеніе?

— Не совсѣмъ. Частью профессора Деготъ, о которомъ вы, конечно, слышали; а нѣкоторыя измѣненія предложены знаменитымъ Перье, съ которымъ, если не ошибаюсь, вы связаны тѣсной дружбой.

— Со стыдомъ долженъ признаться,—возразилъ я,—что въ первый разъ слышу имена этихъ господъ.

— Праведное Небо!—воскликнулъ мой хозяинъ, откидываясь на спинку кресла и всплеснувъ руками.—Такъ-ли я васъ понялъ? Неужели вы никогда не слыхали объ ученомъ докторѣ Деготъ и знаменитомъ профессорѣ Перье?

— Долженъ сознаться въ моемъ невѣжествѣ,—отвѣчалъ я,— но правда прежде всего. Какъ бы то ни было мнѣ крайне совѣстно, что я до сихъ поръ не ознакомился съ сочиненіями этихъ, безъ сомнѣнія, замѣчательныхъ людей. Я непремѣнно прочту ихъ. Monsieur Мальяръ, признаюсь, вы не на шутку, не на шутку, сконфузили меня.

Такъ и было на дѣлѣ:

— Полноте, мой юный другъ,—сказалъ онъ ласково, пожимая мнѣ руку,—выпьемъ-ка лучше по стаканчику Сотерна.

Мы выпили. Компанія послѣдовала нашему примѣру. Снова посыпались шутки, остроты, раздался смѣхъ, собесѣдники продѣлывали тысячи забавныхъ выходокъ, скрипки визжали, барабанъ грохоталъ, тромбоны ревѣли точно мѣдные быки Фалариса — и по мѣрѣ того какъ вино брало верхъ, сцена становилась все безобразнѣе и безобразнѣе, превратившись, наконецъ, въ настоящій Пандемоніумъ in petto. Тѣмъ временемъ, г. Мальяръ и я передъ баттареей Сотерна и Кло-де-Вужо продолжали разговаривать, крича во всю глотку. Слово, сказанное обыкновеннымъ тономъ, было бы такъ же слышно среди этого гвалта, какъ голосъ рыбы со дна Ніагарскаго водопада.

— Передъ обѣдомъ вы упоминали,—крикнулъ я ему въ ухо,—

объ опасностяхъ, связанныхъ съ системой поблажки. Въ чемъ же собственно опасность?

— Да, — отвѣчалъ онъ,—опасность есть и весьма серьезная. Нельзя предвидѣть капризы сумасшедшихъ; и, по моему мнѣнію, такъ же какъ по мнѣнію доктора Деготь и профессора Перье, никогда не слѣдуетъ предоставлять имъ свободу. Кротость дѣйствуетъ извѣстное время, но въ концѣ концовъ только придаетъ сумасшедшему наглости. Прибавьте сюда изумительную, баснословную хитрость помѣшаннаго. Онъ скрываетъ свои планы съ удивительнымъ благоразуміемъ, а искусство, съ какимъ онъ притворяется здоровымъ, представляетъ въ глазахъ философа одну изъ любопытнѣйшихъ психологическихъ проблемъ. Да, когда сумасшедшій кажется совершенно здоровымъ, тогда-то и слѣдуетъ надѣть на него смирительную рубашку.

— Но опасность, о которой вы упоминали, вамъ лично пришлось испытать ее въ теченіе вашего управленія этой лечебницей? есть у васъ фактическое основаніе считать прежнюю систему рискованной?

— Лично?—пришлось-ли мнѣ испытать? да, я могу отвѣчать утвердительно. Напримѣръ: не такъ давно въ этомъ самомъ домѣ случилось странное происшествіе. Вы знаете, здѣсь примѣнялась «система поблажки» и паціенты разгуливали на свободѣ. Вели себя замѣчательно хорошо, примѣрно; сколько-нибудь сообразительный человѣкъ могъ бы уже по этому одному догадаться, что у нихъ назрѣваетъ какой-нибудь адскій замыселъ. И вотъ, въ одно прекрасное утро смотрители были связаны по рукамъ и по ногамъ, посажены въ подвалъ и помѣшанные превратились въ смотрителей за ними.

— Что вы говорите? Я въ жизнь свою не слыхивалъ о такомъ нелѣпомъ происшествіи!

— А между тѣмъ это фактъ. И все это случилось по милости одного олуха, помѣшаннаго, который забралъ въ голову, будто ему удалось изобрѣсть наилучшую систему леченія сумасшедшихъ. Кажется, онъ хотѣлъ испытать свое изобрѣтеніе на практикѣ и для того подговорилъ остальныхъ паціентовъ свергнуть существующее правленіе.

— И ему удалось?

— Вполнѣ. Смотрители и паціенты помѣнялись мѣстами. Но уже не на прежній ладъ, потому что паціенты очутились на волѣ, а смотрители въ подвалѣ, гдѣ съ ними обращались очень любезно.

— Но, разумѣется, контръ-революція не заставила себя ждать. Такое положеніе вещей не могло тянуться долго. Сосѣди—посѣтители подняли бы тревогу.

— Вы ошибаетесь. Предводитель мятежниковъ былъ слишкомъ хитеръ для этого. Онъ вовсе не принималъ посѣтителей, только однажды сдѣлалъ исключеніе для глупенькаго юнаго джентльмена, котораго нечего было опасаться. Онъ пригласилъ его осмотрѣть лечебницу такъ, шутки ради, чтобы позабавиться надъ нимъ. Потомъ, подурачившись, отпустилъ его на всѣ четыре стороны.

— И долго длилось это правленіе сумасшедшихъ?

— О, очень долго, мѣсяцъ навѣрное, можетъ быть, и дольше, не знаю. И могу васъ увѣрить, помѣшанные какъ нельзя лучше воспользовались своей властью. Они сбросили свои рваные халаты и нарядились въ фамильныя платья и драгоцѣнности. Въ погребахъ château оказался изрядный запасъ винъ; и сумасшедшіе доказали, что знаютъ въ нихъ толкъ. Они превесело жили, увѣряю васъ.

— А система, что это за система, изобрѣтенная предводителемъ?

— Да, въ этомъ отношеніи я долженъ замѣтить, что сумасшедшій не обязательно дуракъ; и, по моему скромному мнѣнію, его система была гораздо лучше прежней. Въ самомъ дѣлѣ, это была превосходная система, простая, удобная, не связанная ни съ какими затрудненіями, словомъ, восхитительная именно...

Тутъ рѣчь моего хозяина была прервана новымъ взрывомъ воплей, такихъ же какъ тѣ, что смутили насъ ранѣе. Но на этотъ разъ крики быстро приближались.

— Святители!—воскликнулъ я,—сумасшедшіе освободились.

— Боюсь, что да, — отвѣчалъ г. Мальяръ, странно поблѣднѣвъ. Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ громкіе крики и ругательства раздались подъ самыми окнами; и стало очевидно, что толпа людей пытается ворваться въ комнату. Слышались удары въ дверь, ставни тряслись и трещали.

Послѣдовала сцена ужаснѣйшаго смятенія. Г. Мальяръ, къ моему крайнему изумленію, залѣзъ подъ столъ. Я ожидалъ отъ него большей рѣшимости. Члены оркестра, у которыхъ въ послѣдніе четверть часа хмѣль повидимому отбилъ способность исполнять свою обязанность, вскочили какъ встрепанные, схватились за инструменты, забрались на столъ и принялись наяривать «Янки Дудль», не совсѣмъ стройно, за то съ нечеловѣческой энергіей.

Тѣмъ временемъ на столѣ, среди бутылокъ и стакановъ, очутился господинъ, которому раньше помѣшали вскочить на него. Онъ немедленно началъ рѣчь, которая, безъ сомнѣнія, оказалась бы очень краснорѣчивой, если бы ее можно было разслышать. Въ ту же минуту господинъ, разсказывавшій о паціентѣ-волчкѣ, пу-

стился, кружась, по комнатѣ, разставивъ руки подъ прямымъ угломъ къ тѣлу и сбивая съ ногъ всякаго встрѣчнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ я услышалъ громкое хлопанье пробки и шипѣніе шампанскаго и, обернувшись, увидѣлъ джентльмена, который уже изображалъ бутылку съ этимъ деликатнымъ напиткомъ во время обѣда. Въ свою очередь человѣкъ-лягушка заквакалъ съ такимъ усердіемъ, точно отъ этого зависѣло спасеніе его жизни. Среди этой суматохи отчаянно лягался оселъ. Мой старый другъ, Мадамъ Жуаёзъ, смутилась такъ, что я пожалѣлъ ее отъ души. Она убѣжала въ уголокъ подлѣ камина и во всю глотку орала: Ку-ку-рекуууууу!

И вотъ разразилась катастрофа! Такъ какъ никакого сопротивленія осаждающимъ не было оказано, то всѣ десять рамъ вылетѣли очень быстро и почти разомъ. Но я никогда не забуду ужаса и изумленія, овладѣвшихъ мною, когда въ открытыя окна ворвалась и ринулась въ нашъ pêle-mêle съ крикомъ, визгомъ, разсыпая удары и тумаки, цѣлая армія чудовищъ, которыхъ я принялъ за Шимпанзе или Орангъ-Утанговъ, или большихъ черныхъ павіановъ съ мыса Доброй Надежды.

Я получилъ страшный ударъ, покатился подъ диванъ и спрятался тамъ. Однако, пролежавъ четверть часа, и прислушиваясь къ тому, что происходило въ комнатѣ, я уразумѣлъ довольно ясно denouement этой трагедіи. Повидимому, г. Мальяръ, разсказывая мнѣ о сумасшедшемъ, который подговорилъ своихъ товарищей къ возмущенію, сообщалъ о своихъ собственныхъ подвигахъ. Дѣло въ томъ, что этотъ господинъ дѣйствительно былъ директоромъ лечебницы два-три года тому назадъ, но въ концѣ концовъ помѣшался самъ и превратился въ паціента. Этотъ фактъ остался неизвѣстнымъ моему дорожному товарищу. Смотрители, всего десять человѣкъ, были захвачены врасплохъ, вымазаны дегтемъ, тщательно облѣплены перьями и заперты въ подвалъ. Тутъ просидѣли они цѣлый мѣсяцъ, причемъ г. Мальяръ великодушно доставлялъ имъ кромѣ дегтя и перьевъ (въ чемъ и заключалась его «система») пищу и воду. Послѣдняя накачивалась къ нимъ ежедневно. Наконецъ, одному изъ нихъ удалось выбраться на волю черезъ водосточную трубу и освободить остальныхъ.

«Система поблажки» съ важными измѣненіями, впрочемъ, была возстановлена въ château; но я не могу не согласиться съ г. Мальяромъ, что его способъ «пользованія» въ своемъ родѣ очень хорошъ. Какъ справедливо замѣтилъ самъ изобрѣтатель, онъ «простъ, удобенъ и не связанъ ни съ какими затрудненіями».

Прибавлю въ заключеніе, что хотя я и розыскивалъ по всѣмъ европейскимъ библіотекамъ произведенія доктора Деготъ и про-

фессора Перье, но до сихъ поръ мои поиски не увѣнчались успѣхомъ.

Литературная жизнь м-ра Какбишь Васъ, эскв., издателя „Белиберды", описанная имъ самимъ.

Я уже въ преклонныхъ лѣтахъ и, зная, что Шекспиръ и мистеръ Эммонсъ скончались, считаю возможнымъ, что и мнѣ придется умереть. Въ виду этого я надумалъ удалиться съ литературнаго поприща и почить на лаврахъ. Но я настолько честолюбивъ, что желаю ознаменовать мое отреченіе отъ литературнаго скипетра какимъ-нибудь важнымъ даромъ потомству; и, пожалуй, лучшее, что я могу сдѣлать,—это описать мою прежнюю жизнь. Въ самомъ дѣлѣ, мое имя такъ долго и упорно фигурировало передъ глазами публики, что я не только признаю вполнѣ естественнымъ внушаемый имъ интересъ, но и готовъ удовлетворить крайнему любопытству, которое оно возбуждаетъ. Прямая обязанность того, кто достигъ вершины величія, отмѣтить свой путь вѣхами, которыя помогутъ другимъ сдѣлаться великими. Итакъ, я намѣренъ въ настоящемъ сообщеніи (я думалъ было озаглавить его «Матеріалы къ исторіи литературы въ Америкѣ») описать подробно тѣ важные, хотя еще нетвердые и робкіе первые шаги, которые въ концѣ концовъ помогли мнѣ взобраться на вершину человѣческой славы.

О моихъ очень отдаленныхъ предкахъ не стоитъ распространяться. Отецъ мой, Томасъ Васъ, эскв. въ теченіе многихъ лѣтъ съ честью занимался профессіей цирюльника въ городѣ Нарядномъ. Его лавка служила сборнымъ пунктомъ важнѣйшихъ представителей города, преимущественно журналистовъ, сословія, которое внушаетъ всѣмъ и каждому глубокое почтеніе и страхъ. Я съ своей стороны видѣлъ въ нихъ боговъ и съ жадностью впивалъ потоки мудрости и остроумія, безпрерывно струившіеся изъ ихъ устъ во время операціи «намыливанія». Мой первый моментъ положительнаго вдохновенія относится къ той вѣчнопамятной эпохѣ, когда блестящій редакторъ «Овода», во время перерывовъ вышеозначенной важной операціи, читалъ вслухъ передъ конклавомъ нашихъ служащихъ неподражаемую поэму въ честь «Настоящаго Масла Васа» (названнаго такъ по имени его талантливаго изобрѣтателя, моего отца), за каковое усердіе и былъ вознагражденъ по-царски фирмой Томасъ Васъ и К°, цирюльники.

Геніальныя строфы «Масла» впервые вдохнули въ меня божественный afflatus. Я тутъ же рѣшилъ сдѣлаться великимъ человѣкомъ, а для начала—великимъ поэтомъ. Въ тотъ же вечеръ я бросился на колѣни передъ моимъ отцомъ.

— Отецъ,—сказалъ я,—простите меня! но духъ мой стремится дальше намыливанія. Я твердо рѣшилъ покончить съ лавкой. Я хочу быть редакторомъ, хочу быть поэтомъ, хочу писать стансы въ честь «Масла Васа». Простите мнѣ и помогите сдѣлаться великимъ человѣкомъ!

— Мой милый Какбишь,—отвѣчалъ отецъ (я былъ окрещенъ Какбишь въ честь одного богатаго родственника, носившаго это прозвище), мой милый Какбишь,—сказалъ онъ,—поднимая меня съ колѣнъ за уши,—Какбишь, дитя мое, ты молодецъ, и какъ я вижу, пошелъ въ отца. У тебя тоже огромная голова и въ ней должно быть много мозгу. Я давно это вижу и потому разсчитывалъ пустить тебя по юридической части. Впрочемъ, это ремесло теперь не въ модѣ, а профессія политика не даетъ денегъ. Въ общемъ ты разсудилъ правильно, профессія редактора самая лучшая, а если ты можешь быть въ тоже время поэтомъ, какъ большинство редакторовъ, такъ и отлично: разомъ убьешь двухъ зайцевъ. Я не оставлю тебя безъ помощи; я дамъ тебѣ коморку на чердакѣ, перо, чернила, бумагу, словарь рифмъ и экземпляръ «Овода». Полагаю, ты врядъ-ли можешь требовать большаго.

— Я былъ бы неблагодарная скотина, если бы вздумалъ требовать,—отвѣчалъ я съ восторгомъ.—Ваша щедрость безгранична. Я отплачу за нее, сдѣлавъ васъ отцомъ генія.

Такъ кончилась моя бесѣда съ лучшимъ изъ людей, и тотчасъ по окончаніи ея я ретиво принялся за поэтическіе труды, такъ какъ на нихъ главнымъ образомъ основывалась моя надежда добиться редакторскаго кресла.

При первыхъ попыткахъ творчества стансы къ «Маслу Васа» оказались скорѣе помѣхой, чѣмъ пособіемъ. Ихъ велерѣчіе ослѣпляло, а не просвѣщало меня. Ихъ роскошныя строфы обезкураживали меня, когда я сравнивалъ ихъ съ своими собственными произведеніями, такъ что долгое время я трудился безуспѣшно. Наконецъ мелькнула въ моей головѣ одна изъ тѣхъ рѣдкихъ, оригинальныхъ идей, которыя время отъ времени зарождаются въ мозгу генія. Она заключалась—или, точнѣе, она была приведена въ исполненіе—слѣдующимъ образомъ. Въ дрянной книжной лавчонкѣ, въ глухомъ кварталѣ города, я отыскалъ въ грудѣ разнаго хлама нѣсколько старинныхъ и совершенно неизвѣстныхъ или забытыхъ книгъ. Букинистъ уступилъ мнѣ ихъ за безцѣнокъ. Изъ одной—стихотворнаго перевода поэмы «Адъ» какого-то Данте—я выписалъ какъ можно красивѣе отрывокъ о нѣкоемъ Уголино, у котораго была куча дѣтей. Изъ другой, сборника старинныхъ піэсъ (имя автора я забылъ), я также старательно выписалъ много стиховъ объ «ангелахъ», «священникахъ, исполненныхъ благо-

дати» и тому подобныхъ вещахъ. Изъ третьей, написанной какимъ-то слѣпымъ грекомъ или индѣйцемъ—мнѣ не припомнить всѣхъ мелочей—я заимствовалъ пятьдесятъ начальныхъ стиховъ о «гнѣвѣ Ахиллеса». Наконецъ, изъ четвертой, тоже сочиненной какимъ-то слѣпцомъ, я взялъ страницу или двѣ о «градѣ» и «святомъ свѣтѣ», который былъ описанъ очень недурными стихами, хотя слѣпому, кажется, не пристало писать о свѣтѣ.

Переписавъ чистенько эти стихи, я подмахнулъ подъ ними «Оподельдокъ» (прекрасное звучное имя) и отправилъ, каждое въ отдѣльномъ конвертѣ, въ редакцію четырехъ нашихъ главныхъ журналовъ съ просьбой напечатать немедленно и уплатить приличный гонораръ. Однако, результатъ этого остроумнаго плана (успѣхъ котораго избавилъ бы меня отъ многихъ дальнѣйшихъ затрудненій) убѣдилъ меня, что съ иными редакторами каши не сваришь, и нанесъ coup-de-grâce (какъ выражаются французы) моимъ зарождающимся надеждамъ (какъ говорятъ въ странѣ трансценденталистовъ).

Дѣло въ томъ, что всѣ до единаго журналы, о которыхъ идетъ рѣчь, отнеслись къ «Оподельдоку» съ полнымъ презрѣніемъ въ своихъ «Почтовыхъ ящикахъ». «Пустомеля» отдѣлалъ его въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— «Оподельдокъ» (кто бы онъ ни былъ) прислалъ намъ длинную тираду о полоумномъ, по имени Уголино, у котораго было многочисленныхъ дѣтей, которыхъ слѣдовало бы высѣчь и уложить спать безъ ужина. Вся эта исторія крайне скучная, чтобы не сказать пошлая. «Оподельдокъ» (кто бы онъ ни былъ) совершенно лишенъ воображенія, а воображеніе, по нашему скромному мнѣнію, не только душа Поэзіи, но и ея сердце. У «Оподельдока» (кто бы онъ ни былъ) хватило духу предлагать «напечатать немедленно» эту ерунду и «уплатить приличный гонораръ». Мы не печатаемъ подобныхъ вещей и не платимъ за нихъ. Впрочемъ, онъ, безъ сомнѣнія, можетъ получить деньги за всякую чушь, которую ему вздумается настрочить, въ редакціи «Скандалиста», «Леденца» или «Белиберды».

Какъ видите, къ «Оподельдоку» отнеслись очень жестоко,—но всего обиднѣе было слово Поэзія, напечатанное крупнымъ шрифтомъ. Боже, сколько оскорбительнаго таилось въ этихъ шести буквахъ!

Но «Оподельдокъ» получилъ такую же нахлобучку отъ «Скандалиста», который написалъ о немъ слѣдующее:

«Мы получили крайне странное и нахальное посланіе отъ господина (кто бы онъ ни былъ), подписавшагося «Оподельдокъ» и оскорбившаго такимъ образомъ величіе знаменитаго римскаго

императора Оподельдока. Къ письму этого господина приложены нелѣпѣйшія и безсодержательнѣйшія вирши объ «ангелахъ и священнослужителяхъ, исполненныхъ благодати», — вирши, какія могъ сочинить только полоумный въ родѣ «Оподельдока». И за эту квинтэссенцію галиматьи онъ желаетъ получить «приличный гонораръ». Ну, нѣтъ, милостивый государь! Мы не платимъ за такія вещи. Обратитесь въ «Пустомелю», въ «Леденецъ», въ «Белиберду». Эти журналы, безъ сомнѣнія, примутъ всякій хламъ, который вы думаете имъ послать — и, безъ сомнѣнія, пообѣщаютъ заплатить вамъ».

Какъ видите, и тутъ досталось бѣдному «Оподельдоку»»,—но въ данномъ случаѣ сатира обрушилась главнымъ образомъ на «Пустомелю», «Леденецъ» и «Белиберду», которые очень ѣдко названы журналами (курсивомъ), что, конечно, уязвило ихъ до глубины души.

Почти такую же свирѣпость проявилъ «Леденецъ», отозвавшійся обо мнѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Какой - то индивидуй, подписавшійся «Оподельдокомъ» (для какихъ низкихъ цѣлей употребляются, къ сожалѣнію, слишкомъ часто имена знаменитыхъ покойниковъ!), доставилъ намъ пятьдесятъ или шестьдесятъ стиховъ, начинающихся такъ:

Гнѣвъ, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына
etc. etc. etc. etc.

Имѣемъ честь почтительнѣйше замѣтить «Оподельдоку» (кто бы онъ ни былъ), что любой мальчишка наборщикъ въ нашей типографіи сочинитъ стихи получше. Вирши «Оподельдока» лишены размѣра. «Оподельдоку» слѣдовало бы поучиться метрикѣ. Но съ чего онъ взялъ, что мы (именно мы, а не кто другой!) вздумаемъ пачкать наши страницы такой невыразимой, несказанной чепухой. Эта нелѣпая болтовня едва-ли годится даже для «Пустомели», «Скандалиста», «Белиберды»—гдѣ печатаются «Жалобы Гусыни» въ качествѣ оригинальной лирики. И этотъ «Оподельдокъ» (кто бы онъ ни былъ) еще требуетъ денегъ за свое вранье. Знайте, «Оподельдокъ» (кто бы вы ни были), что мы и за деньги не напечатаемъ его».

Перечитывая эти замѣтки, я чувствовалъ, что становлюсь все меньше и меньше, когда же редакція прошлась насчетъ «стиховъ» (курсивомъ), во мнѣ осталось вѣсу не болѣе унціи. Бѣднягу «Оподельдока» я пожалѣлъ отъ всей души. Но и «Белиберда» проявила еще меньше снисходительности, чѣмъ «Леденецъ». Вотъ что было сказано въ «Белибердѣ»:

«Какой-то жалкій риѳмоплетъ, подписавшійся «Оподельдо-

комъ», забралъ въ свою глупую голову, что мы не только напечатаемъ, но и заплатимъ гонораръ за невозможную, безграмотную дичь, присланную намъ этимъ господиномъ и начинающуюся такимъ удобопонятнымъ стихомъ:

— «Hail, Holy Light! Offspring of Heaven first born!»*). Мы говоримъ «удобопонятнымъ». Быть можетъ, «Оподельдокъ» (кто бы онъ ни былъ) соблаговолитъ растолковать намъ, какъ это «градъ» можетъ быть «святымъ свѣтомъ». Мы всегда думали, что градъ — это замерзшій дождь. Не объяснитъ-ли онъ также, какимъ образомъ замерзшій дождь можетъ быть одновременно «святымъ свѣтомъ» (что это за штука?) и «отпрыскомъ». Этотъ послѣдній терминъ (если только мы знаемъ англійскій языкъ) примѣняется исключительно къ младенцамъ не старше шести недѣль. Но о подобныхъ благоглупостяхъ и говорить не стоитъ—хотя «Оподельдокъ» (кто бы онъ ни былъ) доходитъ въ своемъ невѣроятномъ нахальствѣ до того, что разсчитываетъ не только напечатать свои невѣжественныя бредни, но и (вообразите!) получить за нихъ гонораръ.

— Это прелестно, восхитительно!—признаться, мы было хотѣли наказать юнаго писаку за самомнѣніе, напечатавъ verbatim et litteratim его вирши. Да это было бы худшимъ наказаніемъ— и мы напечатали бы—если бъ не жалѣли нашихъ читателей.

— Совѣтуемъ «Оподельдоку» (кто бы онъ ни былъ) отсылать свои будущія творенія въ томъ же родѣ въ «Пустомелю», «Леденецъ» или «Скандалистъ». Они «помѣстятъ». Они ежемѣсячно «помѣщаютъ» подобную же дичь. Посылайте къ нимъ. Мы же не позволимъ оскорбить себя безнаказанно».

Эта замѣтка доканала меня; что до «Пустомели», «Леденца» и «Скандалиста», то я рѣшительно не понимаю, какъ могли они остаться въ живыхъ. Напечатать ихъ миньономъ (язвительная насмѣшка надъ ихъ ничтожествомъ), и тутъ же рядомъ поставить мы гигантскими заглавными буквами—это, это слишкомъ злобно—это сама полынь, сама желчь! Будь я на мѣстѣ котораго-нибудь изъ этихъ журналовъ, ужь я бы доѣхалъ «Белиберду»!—я бы притянулъ ее къ суду!—Я бы подвелъ ее подъ статью закона «о жестокомъ обращеніи съ животными»! Что касается «Оподельдока» (кто бы онъ ни былъ), то этотъ молодецъ мнѣ надоѣлъ и я утратилъ всякое сочувствіе къ нему. Рѣшительно, малый былъ глупъ (кто бы онъ ни былъ) и получилъ по заслугамъ.

Результатъ моего опыта съ старинными книгами показалъ мнѣ:

---

*) «Привѣтъ тебѣ, Свѣтъ небесный! Перворожденный отпрыскъ Неба». Слово hail значитъ также градъ.

во-первыхъ, что «честность—лучшая политика», во-вторыхъ, что если я не научусь писать лучше г. Данте, упомянутыхъ выше слѣпцовъ и всей вообще старой клики, то во всякомъ случаѣ врядъ-ли напишу что-нибудь хуже. Итакъ, я воспрянулъ духомъ и рѣшился написать нѣчто «вполнѣ оригинальное» (какъ выражаются на обложкахъ журналовъ), какихъ бы трудовъ и потугъ мнѣ это ни стоило. Я снова обратился къ блестящимъ стансамъ, къ «Маслу Васа» и рѣшился сочинить оду на ту же возвышенную тему. Первый стихъ дался мнѣ легко. Вотъ онъ:

«Писать стихи въ честь «Масла Васа»

Но, пересмотрѣвъ риѳмы на «Васа», я рѣшительно не могъ ничего придумать дальше. Въ этомъ затруднительномъ положеніи я обратился къ отцу; и послѣ нѣсколькихъ часовъ основательнаго размышленія, мы—мой отецъ и я—сочинили слѣдующее стихотвореніе.

«Писать стихи въ честь «Масла Васа»—
Мнѣ слаще ананаса»!

(Подписано) «Снобъ».

Конечно, это произведеніе не отличалось длиной, но «я никогда еще не слыхалъ» (какъ выражаются въ «Эдинбургскомъ Обозрѣніи»), чтобы достоинство сочиненія находилось въ зависимости отъ его объема. Въ общемъ я былъ доволенъ успѣхомъ моей дѣвственной попытки и недоумѣвалъ только, какъ съ ней распорядиться. Отецъ совѣтовалъ послать въ «Оводъ»,—но противъ этого говорили два соображенія. Я боялся зависти редактора—и зналъ навѣрное, что онъ не платитъ за стихи. Итакъ, по здравомъ обсужденіи вопроса, я отправилъ свое произведеніе въ редакцію «Леденца», и съ безпокойствомъ, но покорно, ждалъ результатовъ.

Въ слѣдующемъ же номерѣ я съ гордостью увидѣлъ свою поэму въ сопровожденіи слѣдующихъ многозначительныхъ словъ, напечатанныхъ курсивомъ и въ скобкахъ.

„Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на превосходное стихотвореніе «Масло Васа». Намъ не зачѣмъ распространяться о его лиризмѣ и паѳосѣ; невозможно читать эти стихи безъ слезъ. Тѣмъ, у кого хватило духа одолѣть тошнотворныя разглагольствованія на ту же возвышенную тему, запачканныя гусинымъ перомъ редактора «Овода»,—совѣтуемъ сравнить оба произведенія.

«P. S.—Мы сгораемъ отъ нетерпѣнія узнать, кто скрывается подъ псевдонимомъ «Снобъ»? Можемъ-ли надѣяться на личное свиданіе?».

Все это, конечно, было только справедливо: но, признаюсь, я и того не ожидалъ,—да послужитъ это замѣчаніе упрекомъ моей родинѣ и человѣчеству. Какъ бы то ни было, я, не теряя времени,

отправился къ редактору «Леденца», и, къ счастью, засталъ этого джентльмена дома. Онъ привѣтствовалъ меня съ видомъ глубокаго уваженія, къ которому примѣшивалось отеческое и покровительственное изумленіе, возбужденное, по всей вѣроятности, моей крайней юностью и неопытностью. Предложивъ мнѣ сѣсть, онъ тотчасъ же завелъ рѣчь о моемъ стихотвореніи, но скромность не позволяетъ мнѣ повторить тысячу комплиментовъ, которыми онъ меня осыпалъ. Но похвалы Краба (фамилія редактора) отнюдь не были приторными общими мѣстами. Онъ разбиралъ мое стихотвореніе вполнѣ откровенно и съ большимъ вкусомъ, указалъ на кое-какіе мелочные недостатки, что крайне возвысило его въ моихъ глазахъ. «Оводъ», разумѣется, явился на сцену, и я надѣюсь, что мои произведенія никогда не подвергнутся такой ѣдкой критикѣ, такимъ безпощаднымъ насмѣшкамъ, какимъ подверглось несчастное твореніе моего соперника со стороны мистера Краба. Я привыкъ считать редактора «Овода» существомъ почти сверхъестественнымъ, но мистеръ Крабъ скоро разубѣдилъ меня. Онъ очертилъ литературный и личный характеръ овода (какъ мистеръ Крабъ сатирически называлъ своего коллегу), изобразивъ ихъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Онъ, оводъ, былъ ничтожество. Онъ писалъ омерзительныя вещи. Онъ былъ грошовый писака и шутъ. Онъ былъ подлецъ. Онъ сочинилъ трагедію, надъ которой вся страна помирала со смѣху, и фарсъ, отъ котораго вселенная утопала въ слезахъ.

Кромѣ всего этого, у него хватило безстыдства настрочить пасквиль на самого мистера Краба и назвать его (мистера Краба) «осломъ». Если мнѣ вздумается когда-нибудь высказать мое мнѣніе о г. Оводѣ, страницы «Леденца» къ моимъ услугамъ. Тѣмъ временемъ, такъ какъ я, безъ сомнѣнія, подвергнусь нападкамъ Овода за мое стихотвореніе, онъ (мистеръ Крабъ) берется защищать мои интересы. Если я не выйду въ люди, такъ не по его (мистера Краба) винѣ.

Тутъ мистеръ Крабъ остановился (послѣднюю часть его рѣчи я не совсѣмъ понялъ), и я воспользовался паузой, чтобы намекнуть на вознагражденіе, котораго ожидалъ за свои стихи согласно объявленію на обложкѣ «Леденца», увѣрявшему, будто онъ («Леденецъ») «настойчиво предлагаетъ чудовищныя суммы за присылаемые ему матеріалы, нерѣдко уплачивая за коротенькое стихотвореніе сумму, превышающую годовой расходъ «Пустомели», «Скандалиста» и «Белиберды» вмѣстѣ взятыхъ».

Какъ только я произнесъ слово «вознагражденіе», мистеръ Крабъ выпучилъ глаза, а затѣмъ разинулъ ротъ до изумительныхъ размѣровъ,—напоминая въ этомъ состояніи взволнованную утку,

которая собирается крякнуть. Въ такомъ видѣ онъ оставался (схватываясь по временамъ за голову, точно въ отчаянномъ недоумѣніи), пока я не кончилъ свою рѣчь.

Когда я замолчалъ, онъ откинулся на спинку кресла, безсильно опустивъ руки, но по прежнему разинувъ ротъ на манеръ утки. Я не зналъ, что сказать, изумленный такимъ страннымъ поведеніемъ. Вдругъ онъ вскочилъ и кинулся къ звонку, но, подбѣжавъ къ нему, повидимому одумался, и оставилъ свое намѣреніе, каково бы оно ни было, а полѣзъ подъ столъ и тотчасъ явился обратно съ палкой. Замахнулся (рѣшительно не понимаю, съ какой цѣлью)—но въ ту же минуту благосклонная улыбка озарила его лицо и онъ спокойно усѣлся въ кресло.

— Мистеръ Васъ,—сказалъ онъ (я послалъ ему карточку)—мистеръ Васъ, вы еще молодой человѣкъ,—очень молодой?

Я согласился, прибавивъ, что мнѣ еще не исполнилось восемнадцати лѣтъ.

— Ага!—отвѣтилъ онъ, — очень хорошо! Понимаю, въ чемъ дѣло! Ваши замѣчанія насчетъ вознагражденія весьма справедливы—въ высшей степени! Но, э—э—первая статья — я говорю, первая, за первую статью журналъ никогда не платитъ, понимаете, а? Дѣло въ томъ, что въ подобныхъ случаяхъ мы обыкновенно являемся получателями. (Мистеръ Крабъ умильно улыбнулся при словѣ «получателями»). Въ большинствѣ случаевъ намъ платятъ за помѣщеніе первой статьи,—тѣмъ болѣе стиховъ. Во-вторыхъ, мистеръ Васъ, не въ обычаѣ журналовъ отсчитывать то, что называется во Франціи argent comptant.

— Вы, конечно, понимаете меня. Мѣсяца черезъ три или черезъ шесть, или спустя годъ-другой послѣ напечатанія, мы охотно выдаемъ вексель на девять мѣсяцевъ, если только увѣрены, что «лопнемъ» черезъ полгода. Надѣюсь, мистеръ Васъ, что это объясненіе вполнѣ удовлетворитъ васъ,—заключилъ мистеръ Крабъ со слезами на глазахъ.

Глубоко раскаяваясь, что причинилъ, хотя бы и неумышленно, такое огорченіе знаменитому и достойному мужу, я поспѣшилъ успокоить его, выразивъ свое полное согласіе съ его взглядами, равно какъ и сочувствіе его щекотливому положенію. Высказавъ все это въ изящной рѣчи, я откланялся и ушелъ.

Въ одно прекрасное утро, вскорѣ послѣ вышеприведеннаго разговора, я «проснулся знаменитостью». Степень моей славы лучше всего опредѣляется мнѣніями тогдашнихъ редакторовъ. Мнѣнія эти, какъ увидитъ читатель, явились въ формѣ критическихъ замѣтокъ, посвященныхъ номеру «Леденца», въ которомъ было напечатано мое стихотвореніе,—замѣтокъ совершенно удовлетвори-

тельныхъ, убѣдительныхъ и ясныхъ, за исключеніемъ, быть можетъ, гіероглифическихъ письменъ. «Sep. 15—1t» въ концѣ каждой критики.

«Сычъ», журналъ извѣстный глубиною и остроуміемъ своихъ литературныхъ приговоровъ,—«Сычъ», говорю я, писалъ такъ:

— «Леденецъ!» Октябрьская книжка этого восхитительнаго журнала оставляетъ за собою предшествующія и стоитъ рѣшительно внѣ конкурренціи. По красотѣ шрифта и бумаги, по количеству и качеству иллюстрацій, равно какъ и по литературному достоинству статей, «Леденецъ» въ сравненіи съ своими ничтожными соперниками то же, что Гиперіонъ въ сравненіи съ Сатиромъ. Правда, «Пустомеля», «Скандалистъ», «Белиберда» непобѣдимы въ искусствѣ молоть вздоръ, но во всемъ остальномъ—давайте намъ «Леденецъ!» Какъ ухитряется этотъ знаменитый журналъ выносить свои чудовищные расходы, мы рѣшительно не постигаемъ. Правда, у него было 100.000 подписчиковъ, а въ теченіе послѣдняго мѣсяца подписка увеличилась на 25%; но съ другой стороны онъ платитъ за статьи поистинѣ невообразимыя суммы. Говорятъ, будто мистеръ Остолопъ получилъ тридцать семь съ половиной центовъ за свою безподобную статью о «Свиньяхъ». Съ такимъ редакторомъ, какъ мистеръ Крабъ, и съ такими сотрудниками, какъ Снобъ и Остолопъ, «Леденецъ» не можетъ не имѣть успѣха. Идите и подпишитесь. «Sep. 15—1t».

Признаюсь, я былъ крайне польщенъ такой замѣткой со стороны такого почтеннаго органа, какъ «Сычъ». Помѣстивъ мое имя, то есть мое nom de guerre—впереди великаго Остолопа, онъ оказалъ мнѣ столь же высокую, сколько заслуженную честь.

Затѣмъ вниманіе мое было привлечено замѣтками «Жабы»—органа, извѣстнаго своей прямотой и независимостью, рѣшительно неспособнаго къ сикофантству и прихлебательству.

— Октябрьская книжка «Леденца» вышла ранѣе всѣхъ другихъ журналовъ и безконечно превосходитъ ихъ роскошью иллюстрацій и интересомъ содержанія. Конечно, «Пустомеля», «Скандалистъ» и «Белиберда» непобѣдимы въ искусствѣ молоть вздоръ, но во всемъ остальномъ—давайте намъ «Леденецъ». Какъ ухитряется этотъ знаменитый журналъ выносить свои чудовищные расходы, мы рѣшительно не постигаемъ. Правда, у него было 200.000 подписчиковъ, а за послѣднія двѣ недѣли подписка увеличилась на одну треть, но съ другой стороны онъ выплачиваетъ ежемѣсячно сотрудникамъ страшныя суммы. Говорятъ, будто мистеръ Мямля получилъ пятьдесятъ центовъ за свой «Гимнъ изъ Лужи».

— Въ числѣ именъ, украшающихъ послѣдній номеръ, мы нахо-

димъ (кромѣ самого редактора, даровитаго мистера Краба) имена Сноба, Остолопа и Мямли. Но послѣ статей редактора самое замѣчательное произведеніе въ этой книжкѣ поэтическій перлъ Сноба о «Маслѣ Васа». Но да не подумаютъ наши читатели, что эта несравненная bijou имѣетъ что-нибудь общее съ ерундой, напачканной на ту же тему презрѣннымъ субъектомъ, самое имя котораго невыносимо для ушей порядочнаго человѣка. Это «Масло» возбудило всеобщее любопытство и желаніе узнать имя автора, скрывающагося подъ псевдонимомъ «Снобъ». Къ счастью, мы имѣемъ возможность удовлетворить этому любопытству. «Снобъ»—nom de plume мистера Какбишь Васъ—уроженца нашего города, родственника великаго мистера Какбишь (въ честь коего онъ и названъ) и другихъ знатнѣйшихъ фамилій Штата. Его отецъ Томасъ Васъ, эскв., богатый коммерсантъ въ Нарядномъ. «Sep. 15—1t».

Это великодушное одобреніе растрогало меня до слезъ, тѣмъ болѣе, что исходило изъ такого завѣдомо баснословно чистаго источника, какъ «Жаба». Слово «ерунда», примѣненное къ «Маслу Васа», сочиненному Оводомъ, показалось мнѣ чрезвычайно ѣдкимъ и мѣткимъ. Но выраженія «перлъ» и «bijou» въ примѣненіи къ моему произведенію я нашелъ слабоватыми. Они показались мнѣ недостаточно выразительными, недостаточно prononcés (какъ говорятъ во Франціи).

Едва я окончилъ статью «Жабы», какъ одинъ изъ моихъ друзей сунулъ мнѣ въ руки «Крота», ежедневную газету, заслужившую общее уваженіе остроуміемъ своихъ сужденій вообще и открытымъ, свободнымъ, честнымъ тономъ редакторскихъ статей. «Кротъ» отзывался о «Леденцѣ» въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Мы только что получили октябрьскую книжку «Леденца» и должны сознаться, что никогда еще ни одна книжка какого бы то ни было періодическаго изданія не доставляла намъ такого высокаго наслажденія. Мы не зря говоримъ. Совѣтуемъ «Пустомелѣ», «Скандалисту» и «Белибердѣ» поберечь свои лавры. Безъ сомнѣнія, эти органы превосходятъ всѣхъ и вся крикливымъ чванствомъ, но во всемъ остальномъ—давайте намъ «Леденецъ». Какъ ухитряется этотъ знаменитый журналъ выносить свои чудовищные расходы,—мы рѣшительно не постигаемъ. Правда, у него было 300,000 подписчиковъ, а за послѣднюю недѣлю подписка увеличилась на половину, но суммы, выдаваемыя имъ ежемѣсячно, достигаютъ умопомрачительныхъ размѣровъ. Намъ извѣстно изъ достовѣрныхъ источниковъ, что мистеръ Стукбрякъ получилъ шестьдесятъ два цента за свою послѣднюю повѣсть изъ семейнаго быта «Кухонное Полотенце».

— Находящійся передъ нами номеръ украшенъ произведе-

ніями мистера Краба (даровитый редакторъ журнала), Снобa, Мямли, Стукбряка и другихъ; но послѣ неподражаемыхъ твореній самого редактора первое мѣсто принадлежитъ поэтическому алмазу начинающаго писателя, скрывшаго свое имя подъ псевдонимомъ «Снобъ» —nom de guerre, которому суждено затмить славу «Боза». Подъ этимъ псевдонимомъ, какъ намъ извѣстно, скрывается нѣкто Какбишь Васъ, эскв., единственный сынъ и наслѣдникъ богатаго здѣшняго коммерсанта, мистера Томаса Васа, эскв. и близкій родственникъ знаменитаго мистера Какбишь. Удивительное стихотвореніе мистера В. озаглавлено «Масло Васа»—заглавіе, замѣтимъ мимоходомъ, не совсѣмъ удачное, такъ какъ одинъ презрѣнный бродяга, представитель уличной прессы, уже настрочилъ отвратительную чепуху на ту же тему. Впрочемъ, нельзя опасаться, что кто-нибудь смѣшаетъ два эти произведенія. Sep. 15—1t».

Благосклонный отзывъ такой просвѣщенной газеты привелъ меня въ восхищеніе. Я находилъ только, что вмѣсто «презрѣнный бродяга» слѣдовало бы написать «ненавистный и презрѣнный мерзавецъ, подлецъ и бродяга». Мнѣ кажется, такъ было бы изящнѣе. «Поэтическій алмазъ» тоже врядъ-ли выражалъ вполнѣ то, что «Кротъ» думалъ о достоинствахъ «Масла Васа».

Въ тотъ же вечеръ, когда я прочелъ замѣтки «Сыча», «Жабы» и «Крота», мнѣ попался номеръ «Караморы», журнала вошедшаго въ пословицу своимъ глубокомысліемъ. И вотъ что говорилъ «Карамора»:

—«Леденецъ»! Октябрьская книжка этого великолѣпнаго журнала уже вышла въ свѣтъ. Вопросъ о преимуществѣ можетъ считаться рѣшеннымъ и со стороны «Пустомели», «Скандалиста и «Белиберды» было бы нахальствомъ продолжать свои судорожныя попытки соперничать съ «Леденцомъ». Эти журналы превосходятъ его крикливостью, но во всемъ остальномъ—давайте намъ «Леденецъ»! Какъ ухитряется этотъ знаменитый журналъ выносить свои чудовищные расходы, мы рѣшительно не постигаемъ. Правда, у него было ровно полмилліона подписчиковъ, а за послѣдніе два дня подписка увеличилась на 75%; но суммы уплачиваемыя имъ сотрудникамъ, по истинѣ невѣроятны; намъ доподлинно извѣстно, что mademoiselle Пискунья получила восемьдесятъ семь центовъ съ половиной за свой прекрасный революціонный разсказъ «Что случилось въ Іоркъ Тоунѣ и чего не случилось въ Бункеръ Гиллѣ».

— Лучшія статьи этого номера принадлежатъ перу редактора (даровитаго мистера Краба), но въ немъ помѣщены также превосходныя произведенія такихъ авторовъ, какъ Снобъ, mademoiselle Пискунья, Өостолонъ, мистриссъ Визгунья, Мямля, мистриссъ Лепетунья, и напослѣдокъ, но не изъ послѣднихъ!—Стукбрякъ. Пусть представитъ міръ другую такую же плеяду геніевъ.

— Стихотвореніе, за подписью «Снобъ», возбудило общій восторгъ и, надо сознаться, заслуживаетъ еще большаго. «Масло Васа»—такъ называется этотъ образчикъ краснорѣчіе и художественнаго вкуса. Кое-кто изъ нашихъ читателей, быть можетъ, сохранилъ смутное, хотя и отвратительное, воспоминаній о стихотвореніи (!) подъ тѣмъ же заглавіемъ, принадлежащемъ перу жалкаго писаки, проходимца и мазурика, состоящаго, если не ошибаемся, въ роли прихвостня одной неприличной газетки, издаваемой на потѣху распивочныхъ. Просимъ ихъ Бога ради не смѣшивать два эти произведенія. Авторъ этого «Масла», какъ мы слышали, Какбишь Васъ, эскв., джентльменъ, одаренный геніемъ и ученый. «Снобъ» только nom de guerre. Sep. 15—1t».

Я съ трудомъ сдерживалъ негодованіе, читая заключительную часть этой діатрибы. Снисходительный, чтобы не сказать ласковый, тонъ отзыва «Караморы» объ этой свиньѣ, редакторѣ «Овода», слишкомъ ясно изобличалъ пристрастіе къ «Оводу», тайное намѣреніе возвысить его на мой счетъ. Всякому понятно, что если бы намѣренія «Караморы» были въ дѣйствительности таковы, какими онъ старался ихъ выставить, то онъ («Карамора») употребилъ бы выраженія болѣе прямыя, болѣе ѣдкія и болѣе умѣстныя. Очевидно, не безъ умысла прибѣгнулъ онъ къ такимъ слабымъ и двусмысленнымъ эпитетамъ, какъ «жалкій писака», «мазурикъ», «прихвостень» и «проходимецъ», въ примѣненіи къ автору мерзѣйшихъ виршей, когда-либо напачканныхъ человѣкомъ. Всѣмъ намъ извѣстно, что такое «поносить притворными хвалами», и наоборотъ, кто не увидитъ, что тайный умыселъ «Караморы» былъ возвеличить притворною бранью.

Впрочемъ, мнѣнія «Караморы» объ «Оводѣ» до меня не касаются. Другое дѣло, его отзывъ обо мнѣ. Послѣ благородныхъ и прочувствованныхъ статей «Сыча», «Жабы» и «Крота» каково было мнѣ выслушать отъ какого-нибудь «Караморы» холодную фразу: «Джентльменъ, одаренный геніемъ и ученый». Да, джентльменъ! Я рѣшилъ добиться отъ «Караморы» письменнаго извиненія или вызвать его на дуэль.

Остановившись на этомъ рѣшеніи, я сталъ обдумывать, кому бы изъ знакомыхъ поручить переговоры съ «Караморой», и такъ какъ редакторъ «Леденца» отнесся ко мнѣ очень внимательно, то я, въ концѣ концовъ, рѣшился обратиться къ его помощи.

Я никогда не буду въ состояніи объяснить себѣ удовлетворительнымъ образомъ крайне страннаго поведенія и манеръ мистера Краба въ то время, какъ я излагалъ ему мой планъ. Онъ повторилъ выходку съ колокольчикомъ и палкой, и снова разинулъ ротъ на манеръ утки. Одно время я думалъ, что онъ закря-

каетъ. Впрочемъ, припадокъ прошелъ, какъ и раньше, и онъ сталъ говорить и дѣйствовать, какъ разумный человѣкъ. Онъ, однако, отклонилъ мою просьбу и убѣдилъ меня отказаться отъ вызова, хотя откровенно согласился, что отзывъ «Караморы» возмутителенъ, особливо эпитеты «джентльмена и ученаго».

Въ заключеніе нашей бесѣды мистеръ Крабъ, относившійся ко мнѣ съ чисто отеческимъ участіемъ, намекнулъ, что я могу зашибить копѣйку и въ то же время сильно подвинуться впередъ, если соглашусь взять на себя роль Томаса Гавка для «Леденца».

Я попросилъ мистера Краба объяснить мнѣ, что это за Томасъ Гавкъ, и какимъ образомъ я могу взять на себя его роль.

При этомъ вопросѣ мистеръ Крабъ снова «сдѣлалъ большіе глаза» (какъ выражаются въ Германіи), но въ концѣ концовъ, опомнившись отъ изумленія, объяснилъ, что слова Томасъ Гавкъ употреблены имъ вмѣсто условнаго выраженія Томми Гавкъ или томагавкъ, и что «играть роль томагавка» значитъ пробирать, разносить и всячески допекать враждебныхъ авторовъ.

Я отвѣчалъ моему патрону, что если въ этомъ все дѣло, то я охотно возьму на себя роль Томаса Гавка. Мистеръ Крабъ предложилъ мнѣ, въ видѣ опыта, пробрать редактора «Овода» самымъ свирѣпымъ слогомъ, на какой только я способенъ. Я тутъ же принялся за дѣло, написавъ статью въ тридцать шесть страницъ о «Маслѣ Васа» моего соперника. Я убѣдился, что профессія Томаса Гавка гораздо легче поэзіи; у меня быстро выработалась система, такъ что я могъ дѣйствовать совершенно увѣренно и методически. Вотъ какъ я поступалъ. Я купилъ на аукціонѣ (за дешевую цѣну): «Рѣчи лорда Брума», «Полное Собраніе Сочиненій Коббета», «Новый списокъ похабныхъ словъ», «Искусство собачиться», «Самоучитель базарнаго языка» (in folio) и «Льюисъ Г. Кларкъ объ языкѣ». Эти произведенія я изодралъ въ клочки скребницей, а затѣмъ просѣялъ сквозь сито, отсѣявъ все мало-мальски приличное (такого оказалось немного) и оставивъ только грубости. Эти послѣднія я пересыпалъ въ оловянную перечницу съ продольными скважинами, сквозь которыя могли проходить цѣлыя фразы. Послѣ этого смѣсь была готова къ употребленію. Когда требовалось сыграть роль Томаса Гавка, я намазывалъ листокъ бумаги яичнымъ бѣлкомъ (отъ яйца гусака), затѣмъ, изодравъ подлежавшую разбору статью такимъ же порядкомъ, какъ перечисленныя выше книги, только на еще болѣе мелкіе клочки, такъ чтобы на каждомъ было по одному слову, смѣшивалъ ихъ съ предыдущими, завинчивалъ перечницу, встряхивалъ ее и посыпалъ намазанную бѣлкомъ бумагу, къ которой и прилипали лоскутья. Эффектъ получался великолѣпный. Статьи выходили увлекательныя.

Да, этимъ простымъ способомъ я создавалъ рецензіи на удивленіе міру. Въ первое время меня немножко смущала, вслѣдствіе застѣнчивости, неразлучной съ неопытностью, нѣкоторая безсвязность изложенія—общій видъ статей, не лишенныхъ чего-то bizarre (какъ говорятъ во Франціи). Не всѣ фразы были приложены какъ слѣдуетъ (какъ говорятъ англо-саксы). Многія стояли наискосокъ, иныя даже вверхъ ногами, и эта поза нѣсколько портила впечатлѣніе. Только сентенціи мистера Льюиса Кларка обладали такой энергіей и самоувѣренностью, что не смущались никакими позами и выглядѣли одинаково весело и самодовольно,—все равно, стояли-ли какъ слѣдуетъ или вверхъ ногами.

Трудно опредѣлить, что сдѣлалось съ редакторомъ «Овода» по напечатаніи моего разбора. Самое вѣроятное предположеніе,—что онъ умеръ, изойдя слезами. Во всякомъ случаѣ, онъ исчезъ съ лица земли, и никто больше не видалъ даже его призрака.

Когда это дѣло было приведено къ концу и фуріи утолены, я сдѣлался довѣреннымъ лицомъ мистера Краба. Онъ посвятилъ меня въ свои дѣла, предложилъ мнѣ постоянное сотрудничество въ качествѣ Томэса Гавка въ «Леденцѣ» и, не имѣя возможности выплачивать жалованье, разрѣшилъ мнѣ пользоваться его совѣтами à discretion.

— Любезный Какбишь,—сказалъ онъ мнѣ однажды послѣ обѣда,—я высоко цѣню ваши способности и люблю васъ, какъ сына. Вы мой наслѣдникъ. Я откажу вамъ «Леденецъ». А пока сдѣлаю васъ богачемъ, сдѣлаю, только слушайтесь моихъ совѣтовъ. Прежде всего нужно избавиться отъ стараго кабана.

— Кабана?—повторилъ я пытливо,—свинья, э?.. aper? (какъ говорятъ по латыни)... кто?.. гдѣ?

— Вашъ отецъ,—сказалъ онъ.

— Именно,—отвѣчалъ я,—свинья.

— Вамъ надо сдѣлать карьеру,—продолжалъ мистеръ Крабъ,—а этотъ субъектъ виситъ у васъ на шеѣ словно мельничный жерновъ. Вы должны зарѣзать его. (При этихъ словахъ я досталъ изъ кармана ножикъ).—Вы должны зарѣзать его,—заключилъ мистеръ Крабъ,—разъ и навсегда. Онъ не подходитъ, не подходитъ. А то, пожалуй, лучше надавать ему пинковъ или побить тростью.

— А что вы скажете,—замѣтилъ я скромно,—если я сначала надаю ему пинковъ, потомъ поколочу тростью, а тамъ приведу въ порядокъ, ущипнувъ за носъ.

Мистеръ Крабъ задумчиво смотрѣлъ на меня въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній, потомъ сказалъ:

— Я думаю, мистеръ Васъ, что вашъ планъ довольно хо-

рошъ, даже замѣчательно хорошъ, но цирюльники народъ неподатливый—и, мнѣ кажется, вамъ слѣдуетъ, продѣлавъ надъ Томасомъ Васомъ указанныя вами операціи,—какъ можно аккуратнѣе и тщательнѣе подбить ему глаза кулаками, чтобы онъ не могъ видѣть васъ на фешенебельныхъ прогулкахъ. Послѣ этого, съ вашей стороны, кажется, все будетъ сдѣлано. Можно будетъ, впрочемъ, упрятать его въ жолобъ и поручить попеченіямъ полиціи. На слѣдующее утро вы можете явиться въ участокъ и заявить о нападеніи.

Я былъ очень тронутъ нѣжными чувствами ко мнѣ мистера Краба и не замедлилъ воспользоваться его превосходнымъ совѣтомъ. Въ результатѣ я избавился отъ стараго кабана и началъ чувствовать себя независимымъ джентльменомъ. Недостатокъ денегъ служилъ для меня въ теченіе нѣсколькихъ недѣль источникомъ нѣкоторыхъ неудобствъ, но въ концѣ концовъ, пріучившись внимательно глядѣть въ оба и замѣчать все, что творится у меня подъ носомъ, я нашелъ способъ обладить эту вещь. Я говорю «вещь», замѣчу мимоходомъ, такъ какъ слыхалъ, будто по латыни это называется rem. Кстати, по поводу латыни,—можетъ-ли кто-нибудь объяснить мнѣ, что значитъ quocunque и что значитъ modo?

Мой планъ былъ крайне простъ. Я купилъ за безцѣнокъ шестнадцатую долю «Сварливой Черепахи»—вотъ и все. Я сдѣлалъ это,—и положилъ деньги въ карманъ. Конечно, для этого потребовались кое-какія дальнѣйшія ухищренія, но они не входили въ общій планъ. Они были его послѣдствіемъ, результатомъ. Напримѣръ, я купилъ перо, чернилъ и бумагу, и пустилъ ихъ въ ходъ съ бѣшеной энергіей. Написавъ журнальную статью, я озаглавилъ ее «Тра-ла-ла» автора «Масла Васа», и послалъ въ «Белиберду». Когда же этотъ журналъ назвалъ мое произведеніе ерундой въ «Почтовомъ Ящикѣ», я перемѣнилъ заглавіе на «Ишь-ты-подижь-ты» Какбишь Васа, эскв., автора Оды къ «Маслу Васа» и издателя «Сварливой Черепахи». Съ этой поправкой я снова отправилъ статью въ «Белиберду», а въ ожиданіи отвѣта сталъ ежедневно печатать въ «Черепахѣ» по шести столбцовъ разсужденій, посвященныхъ философическому и аналитическому разбору литературныхъ заслугъ «Белиберды» и личнаго характера его редактора. Спустя недѣлю «Белиберда» объявила, что вслѣдствіе какого-то страннаго недоразумѣнія, «смѣшала нелѣпую статью какого-то безвѣстнаго невѣжды, озаглавленную «Ишь-ты-поди-жь-ты», съ великолѣпной литературной жемчужиной, подъ такимъ же заглавіемъ, произведеніемъ Какбишь Васъ, эскв., знаменитаго автора «Масла Васа». «Белиберда» выражала глубо-

кое «сожалѣніе по поводу этой весьма естественной случайности» и обѣщала напечатать настоящее «Ишь-ты-поди-жь-ты» въ ближайшемъ нумерѣ журнала.

Фактъ тотъ, что я думалъ—взаправду думалъ—думалъ въ то время—думалъ тогда (и не имѣю никакого основанія думать иное теперь), что «Белиберда», дѣйствительно, ошиблась. Я не знаю никого, кто бы такъ часто впадалъ въ самыя странныя ошибки съ наилучшими намѣреніями, какъ «Белиберда». Съ этого дня я возымѣлъ большую симпатію къ «Белибердѣ», и вскорѣ основательно ознакомился съ ея литературными заслугами, распространяясь о нихъ въ «Черепахѣ» при каждомъ удобномъ случаѣ. И вотъ странное совпаденіе, одно изъ тѣхъ, дѣйствительно, замѣчательныхъ совпаденій, которыя заставляютъ человѣка серьезно задуматься;—такой же рѣшительный переворотъ мнѣній, такое же полное bouleversement (какъ говорятъ по французски), такой же радикальный шиворотъ-на-выворотъ (если позволено будетъ употребить это довольно сильное индѣйское выраженіе), какой произошелъ, pro и con, между мною съ одной стороны и «Белибердой» съ другой, совершился въ самомъ непродолжительномъ времени и при подобныхъ же обстоятельствахъ въ моихъ отношеніяхъ къ «Скандалисту» и къ «Пустомелѣ».

Такъ, мастерскимъ ухищреніемъ генія, я наконецъ добился тріумфа, «набивъ кошелекъ деньгами», и съ трескомъ и блескомъ началъ блестящую и достославную карьеру, которая сдѣлала меня знаменитымъ и даетъ мнѣ возможность сказать вмѣстѣ съ Шатобріаномъ: «Я дѣлалъ исторію»—j'ai fait l'histoire.

Да, я «дѣлалъ исторію». Со времени той свѣтлой эпохи, о которой я говорю, мои дѣла, мои творенія принадлежатъ человѣчеству. Они извѣстны всему міру. Въ виду этого мнѣ нѣтъ надобности разсказывать, какъ, поднимаясь все выше и выше, я получилъ въ наслѣдство «Леденецъ»,—какъ я соединилъ этотъ журналъ съ «Пустомелей», какъ я купилъ «Скандалиста», сливъ въ одно цѣлое три журнала, какъ, наконецъ, я вступилъ въ сдѣлку съ единственнымъ остававшимся соперникомъ и соединилъ всю мѣстную литературу въ одинъ всемірно-извѣстный великолѣпный журналъ

«*Скондалистъ, Леденецъ, Пустомеля и Белиберда*».

Да, я дѣлалъ исторію. Мое имя пользуется всемірной славой. Оно гремитъ изъ края въ край земли. Въ любомъ номерѣ газеты вы обязательно встрѣтите имя безсмертнаго Какбишь Васъ. Мистеръ Какбишь Васъ сказалъ то-то, мистеръ Какбишь Васъ написалъ то-то, мистеръ Какбишь Васъ сдѣлалъ то-то. Но я кротокъ и смиренъ сердцемъ. Въ концѣ концовъ, что это такое?—это неизъяснимое нѣчто, упорно называемое людьми «геніемъ»? Я согла-

сенъ съ Бюффономъ, съ Гогартомъ,—въ концѣ концовъ это просто терпѣніе.

Посмотрите на меня!—какъ я работалъ!—какъ я корпѣлъ!—какъ я писалъ! — Боги, я-ли не писалъ! — Я не зналъ, что такое «отдыхъ». Днемъ я сидѣлъ за письменнымъ столомъ, а съ наступленіемъ тьмы—блѣдный труженикъ!—зажигалъ полночную лампаду. Стоило бы вамъ поглядѣть на меня, стоило бы! Я облокачивался на правую руку. Облокачивался на лѣвую. Я сидѣлъ, нагнувшись надъ столомъ. Я сидѣлъ откинувшись на спинку стула. Я сидѣлъ выпрямившись. Я сидѣлъ, tête baissée (какъ говорятъ на языкѣ Кикапу), склонивъ голову къ алебастровой страницѣ. И во всѣхъ этихъ позахъ я... писалъ. Въ радости и въ горѣ я... писалъ. Въ мукахъ голода и жажды я... писалъ. Въ болѣзни и здоровьи я... писалъ. При солнечномъ свѣтѣ и при лунномъ свѣтѣ я... писалъ. Что я писалъ, о томъ не стоитъ говорить. Стиль!.. вотъ что важно. Я заимствовалъ его у Стукбряка—вжи!—кши!—и представилъ вамъ его образчикъ.

Какъ писать статью для «Blackwood».

«Во имя пророка—фиги!»
Крикъ продавцовъ фигъ въ Турціи.

Полагаю, обо мнѣ всякій слыхалъ. Мое имя синьора Психея Зенобія. Это я знаю достовѣрно. Только враги мои называютъ меня Сьюки Сноббсъ. Сьюки, какъ мнѣ извѣстно, искаженное Психея—имя греческое, которое значитъ «душа» (то есть я, потому что я вся душа), а также «мотылекъ». Послѣднее значеніе, безъ сомнѣнія, намекаетъ на мою наружность въ новомъ розовомъ атласномъ платьѣ, съ арабскимъ mantelet небесно-голубого цвѣта, зелеными agraffas и семью фалбарами изъ оранжевыхъ auriculas. А Сноббсъ—всякій, кто только взглянетъ на меня, убѣдится, что моя фамилія не можетъ быть Сноббсъ. Миссъ Табита Брюква выдумала это единственно изъ зависти. Табита Брюква! О, негодница! Но чего же и ждать отъ брюквы? (NB—намекнуть ей объ этомъ при первомъ удобномъ случаѣ). (Еще NB.—утереть ей носъ). Да—такъ что я говорила? Ага! Я знаю навѣрное, что Сноббсъ—просто искаженное Зенобія, и что Зенобія была царица.—(Я тоже. Докторъ Денегтрошъ всегда называетъ меня царицей сердецъ)—и что Зенобія, также какъ Психея, настоящее греческое имя, и что мой отецъ былъ «грекъ», и что слѣдовательно я имѣю право носить нашу фамилію, а наша фамилія Зенобія, а вовсе не Сноббсъ.

Только Табита Брюква называетъ меня Сьюки Сноббсъ. Я синьора Психея Зенобія.

Какъ я уже замѣтила, обо мнѣ слыхалъ всякій. Я та самая синьора Психея Зенобія, которая пользуется такой заслуженной славой въ качествѣ секретаря корреспондента «Philadelphia, Regular, Exchange, Tea, Total, Young, Belles, Lettres, Universal, Experimental, Bibliographical, Association, To, Civilise, Humanity». Докторъ Денеггрошъ придумалъ для насъ этотъ титулъ; по его словамъ, онъ звучитъ такъ же внушительно, какъ пустая бочка. (Докторъ бываетъ иногда вульгаренъ, —но онъ глубокъ!) Мы всѣ приписываемъ къ своимъ фамиліямъ иниціалы общества, на манеръ К. О. И., Королевское Общество Искусствъ,—О. П. Н. П., Общество Поощренія Народнаго Просвѣщенія. Докторъ Денеггрошъ увѣряетъ, будто эти буквы обозначаютъ Охъ Пень На Пнѣ, а вовсе не общество лорда Брума, но докторъ Денеггрошъ такой странный человѣкъ, что я никогда не знаю, правду-ли онъ говоритъ. Во всякомъ случаѣ мы всегда прибавляемъ къ нашимъ именамъ иниціалы P. R. E. T. T. Y. B. L. U. E. B. A. T. C. H.—то есть Philadeldhia, Regular, Exchange, Tea, Total, Young, Belles, Lettres, Universal, Experimental, Bibliographical, Association, To, Civilise, Humanity—по одной буквѣ на каждое слово, что представляетъ рѣшительный прогрессъ сравнительно съ лордомъ Брумомъ. Докторъ Денеггрошъ увѣряетъ, будто эти иниціалы выражаютъ нашъ истинный характеръ, но я рѣшительно не понимаю, что онъ хочетъ сказать.

Не смотря на усердное содѣйствіе доктора и ревностную погоню за славой самой ассоціаціи, послѣдняя не имѣла особеннаго успѣха, пока я не присоединилась къ ней. Дѣло въ томъ, что пренія ея членовъ носили слишкомъ легкомысленный характеръ. Доклады, читавшіеся по субботамъ, отличались не столько глубиною, сколько буфонствомъ. Это была чистѣйшая бурда. Они не изслѣдовали первыхъ причинъ, первыхъ принциповъ. Они вообще ничего не изслѣдовали. Не обращали ни малѣйшаго вниманія на великій основной пунктъ, «цѣлесообразность вещей». Короче сказать, у нихъ не было хорошихъ сообщеній, въ родѣ настоящаго. Все у нихъ было низменно,—очень низменно. Ни глубины, ни начитанности, ни метафизики, ни малѣйшихъ признаковъ того, что ученые называютъ остроуміемъ, а неучи окрестили жеманствомъ. (Докторъ Д. говоритъ, что я должна писать «жеманство» съ большимъ Ж, но я лучше знаю).

Присоединившись къ обществу, я постаралась ввести лучшій способъ мышленія и писанія и, какъ извѣстно міру, достигла своей цѣли. Теперь у насъ въ P. R. E. T. T. Y. B. L. U. E. B. A. T.

С. H. не меньше хорошихъ статей, чѣмъ въ «Blackwood». Я говорю въ «Blackwood», такъ какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, что прекраснѣйшія статьи по какимъ бы то ни было вопросамъ можно найти на страницахъ этого знаменитаго журнала. Мы взяли его за образецъ по всѣмъ темамъ и, благодаря этому, быстро достигли извѣстности. И въ концѣ концовъ, вовсе не такъ трудно сочинить статью настоящаго Блэквудовскаго пошиба, если только взяться за дѣло умѣючи. Разумѣется, я говорю не о политическихъ статьяхъ. Всѣмъ извѣстно, какъ онѣ составляются, съ тѣхъ поръ какъ докторъ Денеггрошъ объяснилъ это. У мистера Блэквуда большія портняжныя ножницы и трое помощниковъ. Одинъ подаетъ ему «Times», другой—«Examiner», а третій—«Новѣйшее руководство къ пустозвонству Голлея». Мистеръ Блэквудъ только вырѣзаетъ и перемѣшиваетъ. Дѣло идетъ какъ по маслу--«Examiner», «Пустозвонство», «Times»; затѣмъ «Times», «Пустозвонство», «Examiner» и, наконецъ, «Times», «Examiner», «Пустозвонство».

Но главное достоинство этого журнала—статьи смѣшаннаго содержанія; а лучшія изъ нихъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя докторъ Денеггрошъ называетъ bizarreries (не знаю, что это значитъ), а публика сильными статьями. Я долго не могла опредѣлить, какъ пишутся подобныя статьи, и только со времени моего послѣдняго свиданія (въ качествѣ депутата общества) съ мистеромъ Блэквудомъ знаю въ точности способъ ихъ сочиненія. Способъ этотъ очень простъ, хотя сложнѣе чѣмъ для политическихъ статей. Когда, явившись къ мистеру Блэквуду, я сообщила ему о желаніяхъ общества, онъ принялъ меня очень любезно, пригласилъ въ свой кабинетъ и объяснилъ во всѣхъ подробностяхъ процедуру писанія.

— Милая моя барыня,—сказалъ онъ, очевидно, пораженный моей величественной внѣшностью, такъ какъ я была въ пунцовомъ атласѣ съ зелеными agraffas и оранжевыми auriculas, — милая барыня, присядьте. Вотъ какъ это дѣлается. Прежде всего для автора сильныхъ статей требуются очень черныя чернила, и очень большое перо съ очень тупымъ концомъ. И, замѣтьте, миссъ Психея Зенобія! — продолжалъ онъ, послѣ нѣкоторой паузы, съ величайшей энергіей и торжественностью,—замѣтьте!—это перо... никогда... не слѣдуетъ чинить! Въ этомъ, сударыня,—секретъ, душа сильныхъ статей. Я рѣшаюсь утверждать, что ни одинъ индивидуумъ, какъ бы онъ ни былъ геніаленъ, ни разу еще не написалъ хорошимъ перомъ, поймите меня, хорошей статьи. Вы можете считать неоспоримымъ фактомъ, что рукопись, которую можно прочесть, не стоитъ чтенія. Это нашъ руководящій принципъ, и если вы съ нимъ несогласны, то наше собесѣдованіе кончено.

Онъ остановился. Но я, конечно, не захотѣла окончить наше собесѣдованіе и согласилась съ утвержденіемъ, очевидность котораго бросается въ глаза. Повидимому, онъ былъ польщенъ, и продолжалъ свои наставленія.

— Съ моей стороны можетъ показаться дерзостью, миссъ Психея Зенобія, указывать вамъ статью или рядъ статей, въ видѣ образца или примѣра; но все же, кажется, я могу обратить ваше вниманіе хоть на нѣкоторыя. Посмотримъ. Вотъ вамъ «Живой Мертвецъ», превосходная вещь!—разсказъ объ ощущеніяхъ господина, погребеннаго прежде, чѣмъ жизнь оставила его тѣло,—исполненный вкуса, ужаса, чувства, метафизики и эрудиціи. Вы бы побожились, что авторъ родился и воспитывался въ гробу. Затѣмъ, «Исповѣдь курильщика опіума», прекрасная, прекрасная вещь!—блистательное воображеніе, глубокая философія, остроумныя умозрѣнія, бездна огня и пыла съ приправкой рѣшительно непонятнаго. Это прелестный образчикъ белиберды и какъ же онъ понравился публикѣ! Его приписывали Кольриджу, — но это ошибка. Статья написана моей любимой обезьяной Джюниперомъ за стаканомъ голландскаго грога — «горячаго, безъ сахара». (Я бы не повѣрила этому, если бъ не мистеръ Блэквудъ разсказывалъ). Далѣе, «Невольный экспериментаторъ»,—разсказъ о господинѣ, который жарился въ печи и вышелъ оттуда живымъ и здоровымъ, хотя, конечно, хорошо прожареннымъ. Далѣе, укажу «Дневникъ бывшаго врача», главная заслуга котораго въ хорошемъ враньѣ и посредственной латыни: то и другое весьма дѣйствуетъ на публику. Наконецъ, «Человѣкъ въ колоколѣ», статья, которую, я, кстати, особенно рекомендую вашему вниманію, миссъ Зенобія. Это исторія одного молодого человѣка, который улегся спать подъ церковнымъ колоколомъ и проснулся отъ погребальнаго звона. Ужасные звуки сводятъ его съ ума; въ виду этого онъ достаетъ записную книжку и записываетъ свои ощущенія. Ощущенія великая вещь. Случится вамъ утонуть или попасть на висѣлицу,—смѣло записывайте ваши ощущенія: получите десять гиней съ листа. Если хотите писать хорошо, миссъ Зенобія, обращайте самое тщательное вниманіе на ощущенія.

— Непремѣнно, мистеръ Блэквудъ,—сказала я.

— Хорошо! — отвѣчалъ онъ. — Вижу, что вы умница. Но я хочу поставить васъ au fait деталей, необходимыхъ для сочиненія настоящихъ Блэквудовскихъ статей съ ощущеніями,—наилучшій родъ литературы, по моему мнѣнію.

— Первымъ дѣломъ нужно поставить себя въ такое положеніе, какого еще никому не приходилось испытывать. Напримѣръ, забраться въ раскаленную печь—счастливая мысль. Но если у васъ

нѣтъ подъ рукой печки или церковнаго колокола, если вы не можете броситься съ воздушнаго шара, или провалиться въ пропасть во время землетрясенія, или увязнуть въ трубѣ,—вамъ придется просто вообразить себѣ подобное приключеніе. Лучше бы было, однако, испытать его на себѣ. Опытъ удивительно помогаетъ воображенію. Вы знаете,—«правда чуднѣе выдумки».

Тутъ я замѣтила, что у меня есть пара превосходныхъ подвязокъ, на которыхъ я попробую повѣситься.

— Хорошо! — сказалъ онъ, — это недурно, хотя повѣшеніе вещь довольно банальная. Вы можете сдѣлать лучше. Примите дозу пилюль Брандрета и опишите ваши ощущенія. Впрочемъ, мои замѣчанія относятся ко всякому вообще приключенію; напримѣръ, возвращаясь домой, вы можете безъ труда проломить себѣ голову или попасть подъ омнибусъ, или подвергнуться укушенію бѣшеной собаки, или утонуть въ канавѣ. Но будемъ продолжать.

— Выбравъ тему, вы должны рѣшить, какимъ слогомъ будетъ написана статья. Бываетъ слогъ дидактическій, слогъ восторженрый, слогъ естественный—всѣ они довольно обыкновенны. Но есть еще слогъ лаконическій или сжатый,—въ послѣднее время онъ въ большомъ ходу. Онъ заключается въ коротенькихъ фразахъ. Напримѣръ, такъ: Покороче. Безъ разговоровъ. Ставьте точку. Не нужно параграфовъ.

— Бываетъ слогъ возвышенный, многорѣчивый и вставочный. Нѣкоторые изъ нашихъ лучшихъ беллетристовъ одобряютъ этотъ послѣдній слогъ. Слова должны вертѣться, какъ волчокъ, и производить такой же шумъ, который удивительно замѣняетъ содержаніе. Это лучшій слогъ для писателя, которому некогда думать.

— Метафизическій слогъ тоже очень хорошъ. Если вы знаете много пышныхъ словъ, пользуйтесь ими. Распространитесь объ іонійской и элеатской школахъ,—объ Архитѣ, Горгіи и Алкмеонѣ. Скажите нѣсколько словъ о субъективномъ и объективномъ. Не бойтесь злоупотреблять фамиліей Локкъ. Коснитесь съ важнымъ видомъ всѣхъ вещей вообще и, если обмолвитесь чѣмъ-нибудь слишкомъ нелѣпымъ, не вычеркивайте, а поясните внизу страницы, что этимъ глубокимъ замѣчаніемъ вы обязаны «Критикѣ Чистаго Разума» или «Метафизическимъ основоначаламъ естествознанія». Это придаетъ статьѣ ученый и... и... и честный видъ.

— Есть еще разные роды слога, не менѣе извѣстные, но я укажу только два: трансцендентальный и смѣшанный. Первый разсматриваетъ природу вещей глубже, чѣмъ какой бы то ни было другой. Это проникновеніе очень хорошая вещь, если пользоваться имъ съ толкомъ. Въ нашей литературѣ вы найдете хорошіе

примѣры этого слога. Въ этомъ случаѣ избѣгайте пышныхъ словъ, пишите ихъ самыми маленькими буквами и ставьте вверхъ ногами. Загляните въ поэмы Чаннинга и цитируйте его слова «о маленькомъ толстякѣ съ обманчивымъ видомъ знанія». Коснитесь Высшаго Единства. Не говорите ни слова объ Адской Двойственности. Главное, говорите обинякомъ. Намекайте на все—не утверждайте ничего. Если вы хотите сказать «хлѣбъ съ масломъ», никогда не говорите этого прямо. Назовите что-нибудь *приблизительно* напоминающее «хлѣбъ съ масломъ». Вы можете намекнуть на гречневую кашу, можете подойти ближе къ предмету и упомянуть объ овсяномъ киселѣ, но если вы имѣете въ виду собственно хлѣбъ съ масломъ, то ни подъ какимъ видомъ, *милая* миссъ Психея, ни подъ какимъ видомъ *не говорите*: «хлѣбъ съ масломъ».

Я поспѣшила увѣрить его, что никогда въ жизни не скажу этого. Онъ поцѣловалъ меня и продолжалъ:

— Что касается смѣшаннаго слога, то это, дѣйствительно, смѣсь, въ равныхъ частяхъ, всевозможныхъ остальныхъ слоговъ; такимъ образомъ онъ представляетъ соединеніе глубокаго, высокаго, страннаго, пикантнаго, нахальнаго и пріятнаго.

— Допустимъ теперь, что вы рѣшили вопросъ о темѣ и слогѣ. Самая важная часть задачи, можно сказать даже душа всего предпріятія, еще впереди. Я подразумѣваю *исполненіе*. Нельзя предполагать, что всякая леди или джентльменъ ведутъ жизнь книжныхъ червей. Тѣмъ не менѣе статья должна обличать эрудицію или, по крайней мѣрѣ, начитанность. Я вамъ объясню, какъ этого достигнуть. Вотъ, посмотрите! (при этомъ онъ раскрылъ на удачу три или четыре книги, съ виду самыя обыкновенныя). Почти на любой страницѣ любой книги вы можете подобрать безчисленныя крохи учености или bel-esprit'изма, которыя будутъ отличной приправой для Блэквудовской статьи. Записывайте—я буду вамъ читать. Я устанавливаю двѣ рубрики: во-первыхъ, *Пикантные факты для уподобленій*; и во-вторыхъ, *Пикантныя выраженія для разнаго употребленія*. Пишите!—и я стала записывать.

Пикантные факты для уподобленій.—«Первоначально были три музы—Мелета, Мнема, Аеда — размышленіе, память и пѣніе». Этотъ фактикъ можетъ оказаться весьма полезнымъ, если пустить его въ ходъ кстати. Видите-ли, онъ мало извѣстенъ и выглядитъ recherché.

— Еще. «Рѣка Алфей течетъ подъ моремъ, причемъ воды ея остаются совершенно чистыми». Довольно устарѣло, но въ умѣлыхъ рукахъ покажется совершенно свѣжимъ.

— Вотъ это получше. «Персидскій Ирисъ, по словамъ нѣкоторыхъ, обладаетъ пріятнымъ и очень сильнымъ ароматомъ, тогда какъ другимъ онъ кажется совершенно лишеннымъ запаха». Прекрасно, и очень тонко. Съ этимъ замѣчаніемъ можно сдѣлать чудеса. Вообще ботаническіе примѣры очень хороши, особенно съ примѣсью латыни. Пишите!

— «Яванскій Epidendrum Flos Aeris обладаетъ прекрасными цвѣтами и продолжаетъ рости, если его выдернуть съ корнями. Туземцы подвѣшиваютъ его на веревкѣ къ потолку и наслаждаются его благоуханіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ». Превосходно! Чудесно! Теперь перейдемъ къ Пикантнымъ выраженіямъ.

Пикантныя выраженія.—«Извѣстный китайскій романъ Ю-Кіао-Ли». Прекрасно! Употребленныя кстати, эти нѣсколько словъ покажутъ, что вы хорошо знакомы съ китайскимъ языкомъ и литературой. А это дастъ вамъ возможность обойтись безъ Арабскаго, Санкритскаго и Чиказавскаго. Но безъ Испанскаго, Итальянскаго, Нѣмецкаго, Латинскаго и Греческаго немыслима сколько-нибудь сносная статья. Я сейчасъ приведу образчики всѣхъ этихъ языковъ. Тутъ годится всякій вздоръ, потому что отъ вашего остроумія зависитъ воспользоваться имъ умѣло. Пишите же!

— «Aussi Tendre que Zaire» — нѣженъ какъ Заира — по французски. Намекаетъ на частое повтореніе фразы la tendre Zaire въ французской трагедіи того же имени. Приведенная кстати, обнаружитъ не только ваше знаніе языка, но и вашу начитанность и остроуміе. Вы можете сказать, напримѣръ, что цыпленокъ, котораго вы ѣли (напишите статью объ ощущеніяхъ человѣка, подавившагося косточкой цыпленка) далеко не былъ aussi tendre que Zaire. Пишите!

«Van muerte tan escondida,
Que no te sienta venir
Porque el peazer del morir
No me torne a dar la vida».

Это по испански—Мигуэля де-Сервантеса: «Приходи скорѣе, о, смерть! но такъ, чтобы я не замѣтилъ твоего прихода, а не то отъ радости я могу вернуться къ жизни». Это будетъ совершенно à propos при описаніи вашей послѣдней агоніи съ косточкой цыпленка въ глоткѣ. Пишите!

«Il pover'huomo che non se'n era accorto,
Andava combattendo, e era morto».

— Замѣчаете? это по итальянски, изъ Аріосто. Это значитъ, что великій герой, въ пылу сраженія, не замѣтивъ, что его убили на поваль, продолжалъ биться, будучи уже мертвымъ. Очевидно

вполнѣ примѣняется къ вашему случаю, такъ какъ я надѣюсь, миссъ Психея, вы не перестанете биться тотчасъ послѣ смерти, а будете продолжать это по крайней мѣрѣ полтора часа. Потрудитесь писать!

«Und sterb'ich doch, so sterb'ich denn
Durch sie—durch sie!»

Это нѣмецкое, изъ Шиллера. «И если умру я, умру за тебя, за тебя!»—Ясно, что здѣсь вы обращаетесь къ причинѣ вашей гибели,—къ цыпленку. И въ самомъ дѣлѣ, какой разсудительный джентльменъ (или леди) не пожелалъ бы умереть отъ жирнаго каплуна, настоящей молуккнской породы, начиненнаго каперсами и грибами, подъ апельсиннымъ желе en mozaique! Пишите! (Вамъ подадутъ это блюдо у Тортони), пишите, пожалуйста!

— Вотъ хорошенькая маленькая латинская фраза (въ отношеніи латыни, нужно быть крайне recherché и сжатымъ: она такъ опошлена)—ignoratio elenchi. Онъ совершилъ ignoratio elenchi, то есть, понялъ слова, но не мысль вашего замѣчанія. Иными словами, онъ дуракъ. Какой-нибудь оболтусъ, къ которому вы обратились, подавившись косточкой, и который поэтому не могъ разобрать вашихъ словъ. Бросьте ему въ зубы ignoratio elenchi, и вы разомъ уничтожите его. Если онъ осмѣлится возразить что-нибудь, вы можете сказать ему изъ Лукана (вотъ онъ), что рѣчи только anemonae verbarum, словесныя анемоны. Анемоны, обладая яркой окраской, лишены аромата. Или, если онъ начнетъ шумѣть, вы можете сразить его insomnia Jovis, «бредомъ Юпитера»—выраженіе Силія Италика (вотъ оно!), означающее высокопарность и напыщенность мысли. Это подѣйствуетъ навѣрняка и поразитъ его прямо въ сердце. Ему останется только грохнуться на полъ и умереть. Будьте любезны, пишите!

— По гречески нужно что-нибудь хорошенькое, напримѣръ, изъ Демосѳена Ανηρ ο φευγων και παλιν μαχεσεται (Анэр о фейгонъ кай палин махесетай). Это изреченіе довольно точно переведено въ «Гудибрасѣ»:

„Кто убѣжалъ, тотъ можетъ снова драться,
А кто убитъ, тому ужъ не сражаться".

Ничто такъ не украшаетъ Блэквудовской статьи, какъ греческая цитата. Самыя буквы выглядятъ такъ глубокомысленно. Замѣтьте, сударыня, какой проницательный видъ у этого Эпсилонъ. А это Фи настоящій епископъ. А видали-ли вы когда-нибудь такого молодца, какъ этотъ Омикронъ? Полюбуйтесь на Тау! Словомъ лучшая приправа для настоящей психологической статьи — греческій языкъ. Какъ примѣнить это изреченіе въ данномъ случаѣ,

совершенно ясно. Пустите эту сентенцію съ приправой крѣпкаго словца, въ видѣ послѣдняго ultimatum, негодному, тупоголовому подлецу, который не могъ понять вашей англійской рѣчи по поводу косточки цыпленка. Ручаюсь вамъ, что онъ пойметъ намекъ и уберется.

Вотъ все, что сказалъ мнѣ мистеръ Блэквудъ, но я чувствовала, что этого достаточно. Теперь я могла, наконецъ, сочинить настоящую Блэквудовскую статью. Прощаясь, мистеръ Блэквудъ спросилъ, не продамъ-ли я статью, когда она будетъ написана; но такъ какъ онъ предложилъ только пятьдесятъ гиней за листъ, то я рѣшила лучше отдать ее нашему обществу, чѣмъ пожертвовать за такую ничтожную сумму. Не смотря на такое скряжничество, этотъ джентльменъ отнесся ко мнѣ съ большимъ уваженіемъ и вѣжливостью. Его послѣднія слова произвели на меня глубокое впечатлѣніе и я всегда буду вспоминать о нихъ съ благодарностью.

— Дорогая миссъ Зенобія, — сказалъ онъ со слезами на глазахъ, — не могу-ли я сдѣлать хоть что-нибудь для успѣха вашего похвальнаго предпріятія? Дайте подумать! Весьма возможно, что вамъ не скоро представится случай...случай утопиться... или подавиться косточкой цыпленка... или... или повѣситься... или подвергнуться укушенію... но позвольте! У насъ на дворѣ есть пара превосходныхъ бульдоговъ, отличные псы, увѣряю васъ, дикіе, свирѣпые, они съѣдятъ и васъ, и auriculas, и все остальное въ пять минутъ (вотъ мои часы), подумайте, какая масса ощущеній! Эй, Томъ! Петеръ! Дикъ, живѣе каналья! выпустить...

Но я такъ торопилась, что не могла ждать ни секунды, и потому, скрѣпя сердце, убѣжала почти бѣгомъ, быть можетъ, болѣе поспѣшно, чѣмъ допускаютъ строгія правила приличій.

Разставшись съ мистеромъ Блэквудомъ, я хотѣла немедленно подвергнуться какой-нибудь непріятной случайности, согласно его совѣту, и съ этою цѣлью почти цѣлый день бродила по Эдинбургу, въ поискахъ отчаянныхъ приключеній, которыя соотвѣтствовали бы моимъ пылкимъ чувствамъ и широкому плану задуманной статьи. Въ этой экскурсіи меня сопровождали негръ Помпей и собачка Діана, которыхъ я захватила съ собою изъ Филадельфіи. Но мои пламенныя мечты осуществились только поздно вечеромъ. Случилось важное происшествіе, результатомъ котораго явилась нижеслѣдующая «Блэквудовская» статья, образчикъ смѣшаннаго слога

Трагичсекое положеніе.

«Блэквудовская» статья миссъ Зенобіи.

Былъ спокойный и ясный вечеръ, когда я бродила по славному городу Эдина. На улицахъ стоялъ страшный гвалтъ. Муж-

чины болтали. Женщины визжали. Дѣти пищали. Свиньи хрюкали. Экипажи дребезжали. Быки ревѣли. Коровы мычали. Лошади ржали. Кошки мяукали. Собаки плясали. Плясали! Возможно-ли это? Плясали! Увы, подумала я, дни моей пляски прошли! Такъ всегда бываетъ. Какая туча мрачныхъ воспоминаній пробуждается въ душѣ генія, особливо генія, поддавшагося непрерывному, вѣчному, продолжительному, и, можно сказать, продолженному, да! продолженному и продолжающемуся, горькому, мучительному, тревожному и, если позволено будетъ употребить это выраженіе, очень тревожному вліянію яснаго, и богоподобнаго, и небеснаго, и возвышающаго, и возвышеннаго, и просвѣтляющаго дѣйствія того, что, по справедливости, можетъ быть названо самой завидной,—по истинѣ самой завидной,—нѣтъ! самой благотворно прекрасной, самой восхитительно эѳирной и, мало того, самой милой (если можно употребить такое смѣлое выраженіе) вещью (простите, любезный читатель!) въ мірѣ... но я всегда увлекаюсь моими чувствами! Повторяю, въ такомъ настроеніи духа, какая туча воспоминаній пробуждается отъ всякаго пустяка. Собаки плясали! Я, — я не могла плясать. Онѣ виляли хвостами—я плакала. Онѣ прыгали—я громко рыдала. Трогательное обстоятельство! оно, конечно, напомнитъ образованному читателю прекрасную тираду о гармоніи вещей въ началѣ третьяго тома удивительнаго и почтеннаго китайскаго романа «Вью-Киваю-Ли».

Въ моей уединенной прогулкѣ по городу меня сопровождали два скромныхъ, но вѣрныхъ спутника. Діана, мой пудель! нѣжнѣйшее изъ существъ! У нея пучекъ шерсти надъ глазомъ и голубая ленточка вокругъ шеи. Діана не болѣе пяти дюймовъ ростомъ, но голова ея нѣсколько больше тѣла, а хвостъ, обрубленный очень коротко, придаетъ этому интересному животному видъ оскорбленной невинности, располагающій всѣхъ въ ея пользу.

А Помпей, мой негръ! милый Помпей, ужели забуду тебя? Я шла съ Помпеемъ подъ руку. Онъ былъ трехъ футовъ ростомъ (я люблю точность), лѣтъ семидесяти или восьмидесяти. Онъ былъ кривоногъ и тученъ. Ротъ его нельзя было назвать маленькимъ, уши—короткими. Но зубы напоминали жемчугъ, а большіе глаза на выкатѣ отличались восхитительной бѣлизной. Природа вовсе не одарила его шеей, а лодыжки его (какъ у всѣхъ представителей его расы) находились посреди бедеръ. Одежда его отличалась поразительной простотой. Костюмъ его состоялъ изъ галстука въ девять дюймовъ ширины и почти новаго драповаго пальто, принадлежавшаго когда-то высокому, плотному и знаменитому доктору Денегтропъ. Хорошее было пальто! Хорошо скроенное! Хорошо сши-

тое! Пальто было почти новое. Помпей поддерживалъ его полы обѣими руками, чтобы не запачкать въ грязи.

Наша компанія состояла изъ трехъ лицъ,—о двухъ я упомянула. Было и третье, это третье лицо была я. Я синьора Психея Зенобія. Я не Сьюки Сноббсъ. У меня внушительная наружность. Въ этотъ достопамятный вечеръ на мнѣ было пунцовое атласное платье и арабское mantelet небесно голубого цвѣта. Платье было украшено зелеными agraffas и семью изящными фалбарами изъ оранжевыхъ auricula. И такъ, я была третье лицо. Былъ пудель. Былъ Помпей. Была я. Насъ было трое. Такъ, говорятъ, первоначально были три Фуріи—Мельти, Нимми и Гетти—Размышленіе, Память и Игра на скрипкѣ.

Опираясь на руку галантнаго Помпея и сопровождаемая на почтительномъ разстояніи Діаной, я шла по людным и очень пріятнымъ улицамъ нынѣ пустынной Эдины. Внезапно предстала передъ нами церковь—готическій соборъ, огромный, почтенный, съ высокой колокольней, уходившей въ небеса. Какое безуміе овладѣло мною? Зачѣмъ я бросила вызовъ судьбѣ. Меня охватило непобѣдимое желаніе взобраться на эту головокружительную высоту и обозрѣть широко раскинувшійся городъ. Двери собора были открыты, точно приглашая войти. Моя судьба рѣшилась. Я вошла подъ гигантскую арку. Гдѣ же былъ мой ангелъ хранитель, если только есть такіе ангелы. Если! Коротенькое, но зловѣщее слово! какой міръ тайны, сомнѣнія и неизвѣстности скрывается въ этихъ четырехъ буквахъ. Я вошла подъ гигантскую арку. Я вошла и, не повредивъ мои оранжевыя auriculas, миновала порталъ и вступила въ преддверіе храма. Такъ, по преданіямъ, великая рѣка Альфредъ протекала, не портясь и не промокая, подъ моремъ.

Я думала, что ступенькамъ лѣстницы конца не будетъ. Кругомъ! Да, онѣ шли кругомъ и вверхъ, кругомъ и вверхъ, кругомъ и вверхъ,—такъ что, наконецъ, у насъ съ проницательнымъ Помпеемъ, на руку котораго я довѣрчиво опиралась, явилось подозрѣніе, что верхній конецъ этой чудовищной спиральной лѣстницы случайно или умышленно унесенъ. Я остановилась перевести духъ, и въ эту минуту случилось происшествіе, слишкомъ достопамятное съ моральной и матеріальной точекъ зрѣнія, чтобы пройти его молчаніемъ. Мнѣ показалось,—мало того, я была совершенно увѣрена въ этомъ,—я не могла ошибиться! нѣтъ, я уже въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, внимательно и тревожно наблюдала за движеніями моей Діаны; итакъ, повторяю, я не могла ошибиться: Діана почуяла крысу. Я указала Помпею на это обстоятельство, и онъ—онъ согласился со мною. Итакъ, не оставалось мѣста для сомнѣній. Крыса была нанюхана Діаной. Небо! забуду-ли когда-

нибудь волненіе этой минуты. Увы! гдѣ же послѣ этого хваленый разсудокъ человѣческій? Крыса—крыса была тутъ, то есть, была гдѣ-то. Діана нанюхала крысу. Я—нѣтъ! Такъ, по словамъ нѣкоторыхъ Персидскій Ибисъ обладаетъ пріятнымъ и сильнымъ ароматомъ, другимъ же онъ кажется совершенно безъ запаха.

Лѣстница кончалась и только три-четыре ступени отдѣляли насъ отъ ея вершины. Мы продолжали взбираться, и, наконецъ, осталась лишь одна ступень. Одна ступень! Одна маленькая, маленькая ступенька. Какъ часто безпримѣрное счастье или горе людское зависятъ отъ одной маленькой ступеньки въ великой лѣстницѣ человѣческой жизни! Я подумала о себѣ, потомъ о Помпеѣ, потомъ о таинственной и неизъяснимой судьбѣ, отяготѣвшей надъ нами. Я подумала о Помпеѣ!—увы! я подумала о любви!—Я подумала о шаткихъ ступеняхъ, на которыя такъ часто вступали люди—и могутъ снова вступить. Я рѣшилась быть осторожной, осмотрительной. Я выпустила руку Помпея, безъ его помощи перешагнула единственную остававшуюся ступеньку и очутилась на площадкѣ колокольни. За мной по пятамъ слѣдовалъ пудель. Помпей одинъ оставался позади. Я стояла на площадкѣ и ободряла его. Онъ протянулъ мнѣ руку и, къ несчастью, выпустилъ при этомъ полы своего пальто. Ужели боги никогда не перестанутъ преслѣдовать насъ? Пальто упало, и Помпей наступилъ на его длинную, волочившуюся полу. Онъ споткнулся, и упалъ—этотъ результатъ былъ неизбѣженъ. Онъ упалъ впередъ и своей проклятой головой попалъ мнѣ въ... въ грудь, сваливъ меня на жесткій, грязный, отвратительный полъ колокольни. Но мщеніе мое было неотразимо, быстро и неожиданно. Я обѣими руками вцѣпилась въ войлокъ на его головѣ и, вырвавъ значительное количество черной, жесткой, курчавой шерсти, съ презрѣніемъ отшвырнула ее отъ себя. Она попала между веревками колокольни и тамъ застряла. Помпей всталъ и не сказалъ ни слова. Но онъ жалобно взглянулъ на меня своими большими глазами и—вздохнулъ. Боги—какой вздохъ! Онъ проникъ мнѣ въ сердце. А волосы... шерсть! Если бы я могла достать эту шерсть, я бы омыла ее слезами раскаянія. Но увы! она была недостижима для меня. Она качалась въ веревкахъ колокольни, точно живая. Казалось, она кипѣла негодованіемъ. Такъ яванскій вопидэнди Флосъ Аэрисъ обладаетъ прекрасными цвѣтами, которые остаются въ живыхъ, если вырвать растеніе съ корнями. Туземцы подвѣшиваютъ ихъ на веревкѣ къ потолку и наслаждаются благоуханіемъ въ теченіе многихъ лѣтъ.

Наша ссора кончилась, и мы стали искать отверстіе, черезъ которое можно бы было осмотрѣть Эдину. Оконъ не было. Единственное отверстіе, около фута въ діаметрѣ, сквозь которое про-

никалъ свѣтъ въ эту мрачную комнату, находилось на высотѣ семи футовъ отъ пола. Но чего не преодолѣетъ энергія истиннаго генія? Я рѣшилась взобраться къ этой дырѣ. Весь полъ передъ нею былъ заваленъ колесами, шестернями и другими кабалистическаго вида инструментами, въ самое отверстіе высовывался желѣзный стержень какой-то машины. Между стѣной и грудой этого хлама едва оставалось мѣсто для моего тѣла, но я вооружилась отчаяннымъ мужествомъ и рѣшилась не отступать. Я подозвала Помпея.

— Ты видишь это отверстіе, Помпей. Я хочу посмотрѣть въ него. Стань здѣсь, подъ самымъ отверстіемъ. Теперь держи руку вотъ такъ, Помпей, я встану на нее—такъ. Теперь протяни мнѣ другую руку, Помпей, и помоги взобраться на твои плечи.

Онъ исполнилъ все, что я требовала, и взобравшись къ нему на плечи, я убѣдилась, что легко могу просунуть голову и шею въ отверстіе. Видъ открывался великолѣпный. Я приказала Діанѣ угомониться и увѣрила Помпея, что буду благоразумна и постараюсь вѣсить какъ можно меньше, пока останусь на его плечахъ. Я сказала, что отнесусь съ нѣжностью къ его чувствамъ, буду ossi tender que beefsteak. Проявивъ такимъ образомъ справедливость въ отношеніи моего вѣрнаго друга, я съ восторгомъ и упоеніемъ отдалась созерцанію пейзажа, который такъ обязательно развертывался передъ моими глазами.

Какъ бы то ни было, объ этомъ предметѣ я не стану распространяться. Не стану описывать городъ Эдинбургъ. Всякій бывалъ въ Эдинбургѣ, въ классической Эдинѣ. Я ограничиваюсь достопамятными деталями моего собственнаго плачевнаго приключенія. Удовлетворивъ до нѣкоторой степени свое любопытство въ отношеніи объема, расположенія и общаго вида города, я осмотрѣла церковь, въ которой мы находились и изящную архитектуру колокольни. Я замѣтила, что отверстіе, въ которое я просунула голову, помѣщалось въ циферблатѣ гигантскихъ часовъ и должно было казаться съ улицы огромной дырой для ключа, какъ это бываетъ на французскихъ карманныхъ часахъ. Безъ сомнѣнія, она была сдѣлана для того, чтобы часовщикъ могъ, въ случаѣ надобности, поправить стрѣлки изнутри. Я подивилась также огромной величинѣ этихъ стрѣлокъ: самая большая имѣла въ длину футовъ десять, а въ ширину, въ самомъ широкомъ мѣстѣ, восемь или девять дюймовъ. Повидимому, онѣ были изъ крѣпкой стали и обладали очень острыми краями. Отмѣтивъ всѣ эти и нѣкоторыя другія особенности, я снова обратилась къ роскошному пейзажу, разстилавшемуся внизу и всецѣло погрузилась въ созерцаніе.

Спустя нѣсколько минутъ меня возвратилъ къ дѣйствительности голосъ Помпея, который объявилъ, что не въ силахъ выдер-

живать болѣе и униженно проситъ меня сойти съ его плечъ. Я въ довольно длинной рѣчи постаралась доказать ему неосновательность его требованія. Онъ возражалъ, но обнаружилъ при этомъ очевидное непониманіе моихъ идей по этому предмету. Я разсердилась и сказала ему на прямки, что онъ дуракъ, что онъ совершилъ Ignoramus e-eclench-eye, и что мысли его просто insommary bovis, а слова меньше чѣмъ an ennemyverrybor'em. Повидимому, онъ былъ удовлетворенъ этимъ и я вернулась къ созерцанію.

Прошло около получаса послѣ этой ссоры, когда, поглощенная божественной сценой, разстилавшейся подо мной, я встрепенулась, почувствовавъ что-то холодное на своей шеѣ. Нужно-ли говорить, что я страшно перепугалась. Я знала, что Помпей находится у меня подъ ногами, а Діана, согласно моему строжайшему приказанію, сидитъ на заднихъ лапахъ въ отдаленномъ уголку колокольни. Что бы это могло быть? Увы! это скоро объяснилось. Слегка повернувъ голову, я замѣтила, къ моему крайнему ужасу, что огромная, блестящая, подобная мечу, минутная стрѣлка часовъ въ своемъ непрерывномъ движеніи опустилась на мою шею.

Я знала, что нельзя терять ни минуты. Я рванулась назадъ,—слишкомъ поздно! Невозможно было просунуть голову въ отверстіе ужасной ловушки, въ которую я попалась такъ ловко и которая становилась все тѣснѣе и тѣснѣе съ ужасающей быстротой. Эта мучительная минута не поддается описанію. Я схватилась руками за массивную желѣзную полосу и изо всѣхъ силъ старалась поднять ее. Я съ такимъ же успѣхомъ могла бы попытаться поднять соборъ. Внизъ, внизъ, внизъ, она двигалась внизъ, все ближе и ближе. Я молила Помпея о помощи, но онъ отвѣчалъ, что я оскорбила его чувства, назвавъ его «старымъ пучеглазымъ неучемъ». Я вопіяла къ Діанѣ, но она отвѣтила: «Гау, гау», — прибавивъ: «вы велѣли сидѣть въ уголку, не шевелясь».

И такъ, мнѣ нечего было ждать помощи отъ моихъ спутниковъ.

Между тѣмъ массивный и страшный «Серпъ времени» (теперь я поняла буквальное значеніе этого классическаго выраженія) не останавливался, и, повидимому, не собирался остановиться. Онъ спускался все ниже и ниже. Острый край его уже на цѣлый дюймъ врѣзался въ мое тѣло, и ощущенія мои становились смутными и неясными. То я видѣла себя въ Филадельфіи въ обществѣ молодцоватаго доктора Денеггрошъ, то въ кабинетѣ мистера Блэквуда, выслушивающей его драгоцѣнныя наставленія. Потомъ явилось сладкое воспоминаніе о временахъ былаго счастья, когда міръ не былъ еще пустыней, а Помпей не былъ жестокосердъ.

Тиканье часовъ забавляло меня. Забавляло меня, говорю я, потому что мое состояніе граничило съ совершеннымъ блаженствомъ и самыя пустяшныя обстоятельства доставляли мнѣ удовольствіе. Вѣчное тикъ-такъ, тикъ-такъ, тикъ-такъ звучало въ моихъ ушахъ, какъ самая мелодичная музыка, напоминая мнѣ пріятныя разглагольствованія съ церковной каѳедры доктора Пустобреха. Огромныя фигуры на циферблатѣ казались мнѣ такими умными, такими разумными! Вотъ онѣ пустились танцовать мазурку, и, по моему, лучше всѣхъ исполняла этотъ танецъ цифра Ѵ. Очевидно, это была благовоспитанная леди. Всѣ ея движенія отличались удивительнымъ изяществомъ. Она дѣлала поразительные пируэты,—и вертѣлась какъ волчокъ на остромъ концѣ. Я хотѣла предложить ей стулъ, такъ какъ она казалась мнѣ утомленной, и тутъ только замѣтила свое плачевное положеніе. Дѣйствительно плачевное!

Стрѣлка врѣзалась уже на два дюйма въ мою шею. Я испытывала нестерпимую боль. Я призывала смерть, и въ эту мучительную минуту невольно повторяла превосходные стихи поэта Мигуэля де-Сервантеса:

«Vanny Buren, tan escondida
Query no te senty venny
Pork and pleasure, delly morry
Nommy, torny, darry, widdy»!

Но меня ожидало новое несчастіе, способное разстроить самые крѣпкіе нервы. Глаза мои, вслѣдствіе давленія стрѣлки, совершенно выкатились изъ орбитъ. Пока я раздумывала, могу-ли обойтись безъ нихъ, одинъ окончательно выскочилъ изъ моей головы, и покатившись по крышѣ, свалился въ дождевой жолобъ. Надо было видѣть, съ какимъ нахальнымъ выраженіемъ независимости и презрѣнія смотрѣлъ онъ на меня. Онъ лежалъ въ жолобѣ подъ самымъ моимъ носомъ, и поведеніе его было бы смѣшно, если бы не было такъ отвратительно. Такого подмигиванія я еще никогда не видала.

Подобное поведеніе со стороны моего глаза, попавшаго въ жолобъ, не только раздражало меня своимъ нахальствомъ и безстыдной неблагодарностью, но являлось въ высшей степени неприличнымъ въ виду симпатіи, всегда существующей между глазами одной и той же головы, какъ бы далеко они не находились другъ отъ друга. Я волей не волей принуждена была подмигивать въ отвѣтъ на подмигиванье негодяя, лежавшаго подъ самымъ моимъ носомъ. Впрочемъ, мое положеніе облегчилось, когда выскочилъ и другой глазъ. Онъ покатился по тому же направленію (быть можетъ, они сговорились заранѣе), какъ и его товарищъ. Оба лежали теперь

въ жолобѣ, и правду сказать, я была очень рада, что отдѣлалась отъ нихъ.

Стрѣлка врѣзалась уже на четыре съ половиной дюйма въ мою шею и голова моя висѣла только на лоскуткѣ кожи. Я испытывала невыразимое счастье, такъ какъ чувствовала, что черезъ нѣсколько минутъ избавлюсь отъ своего непріятнаго положенія. Я не обманулась въ этомъ ожиданіи. Ровно въ двадцать пять минутъ шестого пополудни, огромная минутная стрѣлка настолько подвинулась въ своемъ страшномъ шествіи, что совершенно перерѣзала небольшой остатокъ моей шеи. Я ничуть не сожалѣла, что голова, причинившая мнѣ столько затрудненій, отдѣлилась, наконецъ, отъ моего тѣла. Она покатилась по крышѣ, подпрыгнула въ жолобѣ и въ заключеніе шлепнулась на улицу.

Откровенно признаюсь, что мои чувства въ эту минуту были самаго страннаго, мало того, самаго смутнаго, самаго таинственнаго и непонятнаго характера. Мои ощущенія были и здѣсь и тамъ въ одно и тоже время. Въ моей головѣ я воображала, что я, голова—настоящая Сеньора Психея Зенобія; а съ другой стороны, я была убѣждена, что я—тѣло,—настоящая я сама. Желая пояснить свои мысли, я нащупала въ карманѣ табакерку, но, доставъ ее, и пытаясь воспользоваться щепоткой ея пріятнаго содержимаго обычнымъ способомъ, я тотчасъ замѣтила, что это невозможно и бросила табакерку моей головѣ. Она съ очевиднымъ удовольствіемъ понюхала табаку и улыбнулась мнѣ въ знакъ благодарности. Вскорѣ затѣмъ она обратилась ко мнѣ съ рѣчью, которую я не могла вполнѣ ясно разслышать за неимѣніемъ ушей. Я поняла, однако, что она удивляется моему намѣренію остаться въ живыхъ при такихъ обстоятельствахъ.

Въ заключеніе она цитировала благородныя слова Аріоста:

«Il pover hommy che non sera corty
And have a combat tenty erry morty».

Сравнивая меня такимъ образомъ съ героемъ, который въ пылу сраженія не замѣтилъ, что его убили на повалъ, и продолжалъ сражаться съ неугасимымъ мужествомъ. Теперь ничто не мѣшало мнѣ сойти съ моего возвышенія и я такъ и поступила. Почему моя наружность такъ поразила Помпея,—я никогда не съумѣю обяснить.

Онъ разинулъ ротъ до ушей и выпучилъ глаза до такой степени, точно собирался колоть орѣхи между вѣками. Въ заключеніе сбросивъ пальто, онъ однимъ прыжкомъ очутился на лѣстницѣ и исчезъ. Я бросила вслѣдъ негодяю сильныя слова Демосѳена:

«Andrew O'Phlegethon, you really make haste to fly»,

и обратилась къ кумиру моего сердца, къ одноглазой шершаво-волосой Діанѣ.

Увы! какое ужасное зрѣлище оскорбило мои глаза. Что я увидѣла? Крысу, скользнувшую въ свою норку? обглоданныя косточки моего ангельчика, пожраннаго чудовищемъ! и о боги!— почившій духъ, тѣнь, призракъ моей любимицы, сидѣвшій съ меланхолической граціей въ уголку? Слушайте! онъ говоритъ и, о небо, онъ говоритъ по нѣмецки изъ Шиллера:

«Und stubby duk, so stubby duk
Duk she! duk she!»

Увы! можетъ-ли быть что-нибудь справедливѣе этихъ словъ?

«И, если умру я,
Умру за тебя- за тебя!»

Нѣжное созданіе! она тоже принесла себя въ жертву ради меня. Безъ собаки, безъ негра, безъ головы, — что же остается теперь отъ несчастной Синьоры Психеи Зенобіи? Увы—ничего! Меня нѣтъ!

Мистификація.

Ну, если таковы ваши «passados» и «montantes», то мнѣ ихъ не нужно.
Ned Knowles.

Баронъ Рицнеръ фонъ-Юнгъ принадлежалъ къ благородной венгерской фамиліи, члены которой всегда (по крайней мѣрѣ, съ отдаленнѣйшихъ временъ, о которыхъ сохранились свѣдѣнія въ лѣтописяхъ) отличались тѣми или другими талантами, въ большинствѣ случаевъ по части grotesquerie, яркіе, хотя отнюдь не самые яркіе, примѣры которой представилъ Тикъ, отпрыскъ этого дома. Мое знакомство съ Рицнеромъ началось въ великолѣпномъ замкѣ Юнгъ, куда привелъ меня лѣтомъ 18** рядъ смѣшныхъ приключеній, о которомъ я не намѣренъ распространяться. Тутъ мнѣ удалось заслужить его расположеніе, и, что было труднѣе, уразумѣть отчасти особенности его характера. Позднѣе, когда мы тѣснѣе сблизились, я сталъ понимать его лучше и, когда послѣ трехлѣтней разлуки, мы встрѣтились въ Г-ѣ, я зналъ все, что можно было знать, о характерѣ барона Рицнера фонъ-Юнга.

Помню, какую сенсацію возбудило появленіе его въ стѣнахъ университета вечеромъ 25 іюля. Помню еще яснѣе, что всѣ съ перваго взгляда признали его самымъ замѣчательнымъ человѣкомъ въ мірѣ, но никто не пытался объяснить, на чемъ основывалось это мнѣніе. Онъ былъ единственнымъ въ своемъ родѣ, это казалось

до того безспорнымъ, что самый вопросъ, въ чемъ же заключалась его «единственность», сочли бы нахальнымъ. Но, оставляя пока въ сторонѣ этотъ вопросъ, я замѣчу только, что съ первой минуты своего вступленія въ университетъ, онъ началъ оказывать на привычки, манеры, личныя особенности, кошельки и наклонности всѣхъ окружающихъ вліяніе въ высшей степени широкое и деспотическое, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени неопредѣленное и совершенно неизъяснимое. Такимъ образомъ короткій періодъ его пребыванія въ университетѣ образуетъ эру въ лѣтописяхъ послѣдняго, которую всѣ, такъ или иначе прикосновенные къ университетской жизни, величаютъ крайне замѣчательной эпохой владычества Барона Рицнера фонъ-Юнга.

По прибытіи въ университетъ онъ разыскалъ меня. Онъ былъ въ это время неопредѣленнаго возраста: я хочу сказать, что по наружности нельзя было опредѣлить его года. Ему было можно дать и 15 и 50 лѣтъ, а было ему 21 годъ и 7 мѣсяцевъ. Онъ не былъ красивъ, скорѣй напротивъ. Черты его лица отличались рѣзкостью и угловатостью. Лобъ у него былъ высокій и прекрасный, носъ курносый, глаза большіе тусклые, стеклянные и безъ выраженія. Но всего замѣчательнѣе былъ ротъ: губы слегка выдавались и покоились одна на другой такимъ образомъ, что невозможно представить себѣ комбинацію, хотя бы самую сложную, чертъ человѣческаго лица, которыя бы внушала такъ неотразимо и такъ просто идею невозмутимой важности, торжественности и спокойствія.

Вы, безъ сомнѣнія, уже замѣтили изъ всего мною сказаннаго, что баронъ принадлежалъ къ числу тѣхъ странныхъ существъ, которыя ставятъ науку **мистификаціи** задачею и цѣлью своей жизни. Онъ инстинктивно овладѣвалъ тайнами этой науки, въ силу особеннаго склада ума, а странная наружность какъ нельзя болѣе облегчала осуществленіе его проектовъ. Я совершенно увѣренъ, что ни одинъ студентъ въ Г—ѣ, въ теченіе пресловутой эпохи «владычества барона Рицнера фонъ-Юнга» не проникъ тайну его характера. Думаю, что никто, кромѣ меня, не подозрѣвалъ за нимъ способности къ шуткѣ на словахъ или на дѣлѣ. Скорѣй бы обвинили въ этомъ стараго бульдога у садовыхъ воротъ, духъ Гераклита или парикъ заслуженнаго профессора теологіи. И это въ то самое время, когда самыя дерзкія и непростительныя шутки, проказы и буффонства, какія только можно себѣ представить, очевидно, совершались если не имъ самимъ, то при его посредствѣ и по его инициативѣ. Прелесть, если можно такъ выразиться, его искусства **мистифицировать**, заключалась въ непостижимой способности (проистекавшей изъ почти безсознательнаго пониманія человѣческой натуры и изумительнаго самообладанія), убѣдить

всѣхъ и каждаго, что эти штуки и выходки совершались вопреки, а частью и вслѣдствіе его похвальныхъ усилій предотвратить ихъ и охранить порядокъ и достоинство Alma Mater. Глубокая, горькая, удручающая скорбь, которой дышала каждая черта его лица, когда попытки предотвратить скандалъ оканчивались неудачей, не оставляла мѣста для сомнѣній въ его искренности даже у самыхъ отъявленныхъ скептиковъ. Не менѣе заслуживала вниманія ловкость, съ которой онъ ухитрялся переносить чувство нелѣпаго отъ виновника происшествія къ самому происшествію, отъ своей собственной личности къ нелѣпостямъ, совершившимся по ея иниціативѣ. Никогда раньше не приходилось мнѣ замѣчать, чтобы человѣкъ, склонный къ мистификаціямъ, ускользалъ отъ естественныхъ послѣдствій своей склонности: всегда съ его особой соединяется представленіе о чемъ-то забавномъ. Но мой пріятель, постоянно окруженный атмосферой проказъ, казался воплощеніемъ строжайшихъ приличій, и даже у близкихъ людей воспоминаніе о баронѣ Рицнерѣ фонъ-Юнго неизмѣнно соединялось съ представленіемъ о важности и величавости.

Въ эпоху его пребыванія въ Г—ѣ, демонъ dolce far niente отяготѣлъ инкубусомъ на университетѣ. Мы только и дѣлали, что ѣли, пили и веселились. Помѣщенія студентовъ превратились въ питейные дома, и наибольшую массу посѣтителей привлекалъ питейный домъ барона. Мы то и дѣло устраивали попойки, шумныя, продолжительныя и всегда чреватыя послѣдствіями.

Однажды мы засидѣлись почти до утра, причемъ было выпито неимовѣрное количество вина. Компанія состояла изъ семи или восьми человѣкъ, не считая барона и меня. Большинство изъ нихъ были богатые молодые люди, съ большими связями, родовитые и помѣшанные на чувствѣ чести. Всѣ они придерживались ультрагерманскихъ мнѣній насчетъ duello. Эти донкихотскія мнѣнія оживились въ послѣднее время подъ вліяніемъ замѣтокъ, появившихся въ парижскихъ газетахъ и вызванныхъ тремя или четырьмя отчаянными и роковыми поединками въ Г—ѣ. Почти всю ночь мы съ азартомъ толковали на эту тему. Баронъ, въ началѣ вечера крайне молчаливый и разсѣянный, подъ конецъ оживился, овладѣлъ разговоромъ и доказывалъ необходимость, а въ особенности красоту разъ навсегда установленнаго кодекса правилъ въ дѣлахъ чести, съ жаромъ, краснорѣчіемъ, убѣдительностью и изяществомъ, которыя возбудили общій восторгъ слушателей и поколебали даже меня. Между тѣмъ я зналъ, что въ глубинѣ души онъ смѣется надъ тѣми самыми вещами, за которыя ратуетъ на словахъ, а къ фанфаронадѣ дуэльнаго этикета относится съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ, какого она и заслуживаетъ.

Оглянувшись во время перерыва бароновой рѣчи (читатели получатъ о ней нѣкоторое представленіе, если я сравню ее съ пылкимъ, пѣвучимъ, монотоннымъ, но музыкальнымъ краснорѣчіемъ Кольриджа), я замѣтилъ, что она возбудила необыкновенный интересъ въ одномъ изъ слушателей. Этотъ господинъ (назову его Германомъ) былъ оригиналъ во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ, быть можетъ, одной особенности: онъ былъ крайне глупъ. Впрочемъ, въ извѣстномъ кругу студентовъ онъ слылъ за глубокаго метафизика и логика. Какъ дуэлистъ онъ пріобрѣлъ громкую славу даже въ Г—нѣ. Я не помню точнаго числа его жертвъ; но ихъ было много. Онъ несомнѣнно обладалъ мужествомъ. Но пуще всего онъ гордился знаніемъ этикета дуэли и щепетильностью своихъ понятій о чести. Это былъ его конекъ, давно уже доставлявшій пищу для мистификаціи Рицнеру, всегда готовому на проказы. Я, впрочемъ, не зналъ объ этомъ, хотя въ настоящую минуту чувствовалъ, что мой другъ затѣваетъ какое-то дурачество, жертвой котораго долженъ сдѣлаться Германъ.

Баронъ продолжалъ свою рѣчь или скорѣе монологъ, и возбужденіе Германа росло. Наконецъ онъ заговорилъ, опровергая какой-то пунктъ въ рѣчи Рицнера и подробно излагая свои аргументы. Баронъ возражалъ по прежнему съ преувеличеннымъ пафосомъ, но заключилъ свои слова довольно неумѣстнымъ, какъ мнѣ показалось, сарказмомъ. Конекъ Германа закусилъ удила. Я хорошо помню его послѣднія слова:—«Позвольте вамъ сказать, баронъ, что подобныя мнѣнія, хотя справедливыя въ общемъ, во многихъ важныхъ пунктахъ не дѣлаютъ чести ни вамъ, ни университету, членомъ котораго вы состоите. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онѣ даже не заслуживаютъ серьезнаго опроверженія. Я бы выразился рѣзче, милостивый государь, если бы не боялся обидѣть васъ (тутъ ораторъ пріятно улыбнулся), я сказалъ бы, милостивый государь, что ваши мнѣнія не такія, какихъ можно бы было ожидать отъ порядочнаго человѣка».

Когда Германъ окончилъ эту двусмысленную фразу, взоры всѣхъ присутствующихъ обратились на барона. Онъ поблѣднѣлъ, потомъ побагровѣлъ, потомъ уронилъ носовой платокъ и нагнулся, чтобы поднять его. Въ эту минуту я увидѣлъ его лицо, котораго не могли видѣть остальные члены компаніи. Оно свѣтилось лукавымъ юморомъ,—выраженіе, которое было ему свойственно, когда мы оставались наединѣ и онъ сбрасывалъ свою маску. Минуту спустя онъ стоялъ выпрямившись и глядя въ глаза Герману. Мнѣ никогда не приходилось наблюдать раньше такой радикальной перемѣны въ выраженіи лица въ такой короткій промежутокъ времени. Я подумалъ даже, что мнѣ померещилось, и что онъ вовсе

не шутитъ. Онъ поблѣднѣлъ какъ мертвецъ и, казалось, задыхался отъ гнѣва. Въ теченіе нѣсколькихъ мгновеній онъ хранилъ молчаніе, стараясь, повидимому, овладѣть волненіемъ. Когда, наконецъ, это ему удалось, онъ схватилъ стаканъ съ виномъ, стоявшій на столѣ, поднялъ его и сказалъ:—«Языкъ вашего обращенія ко мнѣ, господинъ Германъ, заслуживаетъ осужденія въ столь многихъ отношеніяхъ, что у меня нѣтъ ни времени, ни охоты пускаться въ подробности. Во всякомъ случаѣ, ваше замѣчаніе, будто мои мнѣнія не такія, какихъ можно бы было ожидать отъ порядочнаго человѣка, настолько оскорбительно, что для меня возможенъ лишь одинъ отвѣтъ. Но я все-таки связанъ извѣстными требованіями вѣжливости въ отношеніи этихъ господъ, и васъ—моего гостя въ настоящую минуту. И такъ, вы извините меня, если я позволю себѣ легкое уклоненіе отъ общепринятаго въ подобныхъ случаяхъ между порядочными людьми способа отвѣчать личнымъ оскорбленіемъ. Вы извините меня, если я потребую нѣкотораго усилія отъ вашего воображенія и попрошу васъ считать ваше отраженіе въ томъ зеркалѣ за настоящаго, подлиннаго господина Германа. Этимъ самымъ устраняются всѣ затрудненія. Я брошу этотъ стаканъ вина въ ваше изображеніе въ зеркалѣ и такимъ образомъ исполню если не духъ, то букву возмездія за ваше оскорбленіе, избѣжавъ въ то же время физическаго насилія надъ вашей личностью».

Съ этими словами онъ швырнулъ стаканомъ въ зеркало, висѣвшее противъ Германа и попалъ какъ разъ въ лицо отражавшейся въ немъ фигуры. Разумѣется, стекло разлетѣлось въ дребезги. Вся компанія вскочила, и минуту спустя мы остались наединѣ съ Рицнеромъ. Когда Германъ вышелъ, баронъ шепнулъ мнѣ, чтобы я послѣдовалъ за нимъ и предложилъ ему свои услуги. Я согласился, хотя и не зналъ, что собственно нужно дѣлать при такомъ курьезномъ происшествіи.

Бреттеръ принялъ мое предложеніе съ видомъ чопорнымъ и ultra recherché, и взявъ меня подъ руку, отвелъ въ свою комнату. Я чуть не расхохотался ему въ физіономію, когда онъ принялся разсуждать тономъ глубокой важности объ «утонченно исключительномъ характерѣ» нанесеннаго ему оскорбленія. Послѣ утомительныхъ разглагольствованій въ своемъ обычномъ духѣ, онъ досталъ съ книжной полки нѣсколько ветхихъ томовъ, посвященныхъ дуэли, и долго занималъ меня ими, читая въ слухъ и комментируя. Я запомнилъ только названія нѣкоторыхъ книгъ. Тутъ были: «Ордоннансы Филиппа Красиваго о Поединкахъ», «Театръ Чести» Фавина, трактатъ «О разрѣшеніи дуэлей» Андигье. Онъ развернулъ также, съ чрезвычайно торжественнымъ видомъ, «Записки

о дуэляхъ» Брантома, напечатанныя въ Кельнѣ, въ 1666 г., — драгоцѣнное и рѣдкое эльзевировское изданіе на веленевой бумагѣ, переплетенное Деромомъ. Но онъ въ особенности рекомендовалъ моему вниманію, съ таинственнымъ и тонкимъ видомъ, плотный томъ In octavo варварской латыни, произведеніе нѣкоего Геделина, француза, съ страннымъ заглавіемъ «Duelli lex scripta, et non; aliterque», отсюда онъ прочелъ мнѣ нелѣпѣйшую главу въ мірѣ относительно «Injuriae per applicationem, per constructionem et per se» добрая половина которой, по его словамъ, какъ разъ подходила къ его собственному «утонченно-исключительному случаю», хотя я не понялъ въ ней ни единаго слова. Окончивъ эту главу, онъ закрылъ книгу и спросилъ, что я посовѣтую ему предпринять? Я отвѣчалъ, что вполнѣ полагаюсь на его утонченное чувство чести и готовъ исполнить всякое его порученіе; повидимому, этотъ отвѣтъ пришелся ему по вкусу. Онъ написалъ барону записку слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь! мой другъ мистеръ П. передастъ Вамъ эту записку. Прежде чѣмъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, я считаю своею обязанностью обратиться къ Вамъ съ просьбою объяснить мнѣ происшествіе сегодняшняго вечера. Въ случаѣ отказа въ объясненіи мистеръ П. обсудитъ съ кѣмъ-либо изъ вашихъ друзей условія дуэли. Съ совершеннымъ почтеніемъ

Вашъ покорнѣйшій слуга

Іоганъ Германъ.

Барону Рицнеру Фонъ-Юнгу.

18 Августа 18**.

Съ этимъ письмомъ я отправился къ Рицнеру, онъ принялъ его съ поклономъ и съ важнымъ видомъ предложилъ мнѣ сѣсть. Прочитавъ записку, онъ написалъ слѣдующій отвѣтъ, который я отнесъ Герману.

«Милостивый Государь! Нашъ общій другъ мистеръ П. передалъ мнѣ Вашу записку. По здравомъ размышленіи я откровенно признаю требованіе объясненія съ вашей стороны вполнѣ умѣстнымъ. Согласившись съ этимъ, я тѣмъ не менѣе крайне затрудняюсь (ввиду утонченно-исключительнаго характера нашего столкновенія и личнаго оскорбленія, нанесеннаго съ моей стороны) выразить то, что я имѣю сказать въ свое оправданіе, въ словахъ, соотвѣтствующихъ всѣмъ мельчайшимъ особенностямъ и разнообразнымъ оттѣнкамъ даннаго случая. Впрочемъ, я полагаюсь на ту крайнюю тонкость сужденія во всемъ, что касается правилъ этикета, которая доставила вамъ такую громкую и заслуженную славу. Итакъ, въ полной увѣренности быть понятымъ, я позволю себѣ, вмѣсто выраженія какихъ-либо чувствъ съ моей стороны обратить

ваше вниманіе на девятый параграфъ главы объ «Injuriae per applicationem, per constructionem et per se» въ книгѣ Сьёра Геделина «Duelli lex scripta, et non; aliterque». Ваша глубокая освѣдомленность въ дѣлахъ подобнаго рода убѣдитъ васъ, что уже простой фактъ ссылки на этотъ удивительный параграфъ съ моей стороны является объясненіемъ, которое вполнѣ можетъ удовлетворить порядочнаго человѣка

Съ истиннымъ почтеніемъ
Вашъ покорнѣйшій слуга
Фонъ-Юнгъ».

Господину Іоганну Герману.
18 Августа 18**.

Германъ началъ читать нахмурившись, но вскорѣ лицо его просвѣтлѣло, и озарилось улыбкой смѣшного самодовольства, когда онъ дошелъ до болтовни насчетъ Injuriae per applicationem, per constructionem et per se. Прочитавъ письмо, онъ съ сладчайшей улыбкой попросилъ меня подождать, пока онъ справится съ трактатомъ, на который ссылается баронъ. Отыскавъ указанный параграфъ, онъ внимательно прочелъ его, закрылъ книгу, и просилъ меня, въ качествѣ близкаго друга барона, выразить послѣднему признательность за его рыцарское поведеніе, а въ качествѣ секунданта, передать, что его объясненіе является безусловно, вполнѣ, совершенно удовлетворительнымъ.

Нѣсколько изумленный всѣмъ этимъ, я вернулся къ барону. Онъ, повидимому, ожидалъ любезнаго отвѣта со стороны Германа, и послѣ непродолжительнаго разговора, принесъ изъ сосѣдней комнаты все тотъ же трактатъ «Duelli lex scripta, et non; aliterque». Онъ протянулъ мнѣ книгу и предложилъ просмотрѣть ее. Я попробовалъ читать, но безуспѣшно, такъ какъ рѣшительно не находилъ въ ней смысла. Тогда онъ взялъ книгу и прочелъ мнѣ въ слухъ одну главу. Къ моему удивленію, она оказалась чудовищно нелѣпымъ разсказомъ о дуэли между двумя павіанами. Баронъ объяснилъ мнѣ, въ чемъ тутъ секретъ; указавъ, что книга—это было очевидно prima facie—написана по образцу нелѣпыхъ стиховъ Де-Бартаса; то есть языкъ скомпанованъ такъ искусно, что представляетъ для слуха всѣ внѣшніе признаки понятности и даже глубины, тогда какъ на самомъ дѣлѣ лишенъ и тѣни смысла. Для того чтобы прочесть ее, нужно выпускать каждое второе или третье слово поочередно; тогда получится рядъ забавныхъ пародій на современную дуэль.

Баронъ подсунулъ Герману этотъ трактатъ недѣли за двѣ или за три до ссоры, и убѣдился, по общему характеру его разговоровъ, что тотъ изучалъ книгу съ величайшимъ вниманіемъ и искренно

считалъ ее замѣчательнымъ произведеніемъ. На этой почвѣ и дѣйствовалъ Рицнеръ. Германъ согласился бы тысячу разъ рисковать жизнью, лишь бы не сознаться въ непониманіи чего бы то ни было, кѣмъ бы то ни было написаннаго о дуэли.

Жульничество, какъ одна изъ точныхъ наукъ.

Съ тѣхъ поръ какъ міръ стоитъ, были два Іереміи. Одинъ написалъ Іереміаду о ростовщичествѣ и назывался Іеремія Бентамъ. Онъ заслужилъ восторженное удивленіе мистера Джона Пиля и былъ великій человѣкъ на малыя дѣла. Другой далъ имя важнѣйшей изъ Точныхъ Наукъ и былъ великій человѣкъ на большія дѣла—можно даже сказать, на величайшія дѣла.

Жульничество—или отвлеченная идея, соединяемая съ глаголомъ жульничать—довольно понятно. Но самый фактъ, дѣйствіе, поступокъ жульничество не такъ-то легко опредѣлить. Мы можемъ, однако, получить довольно ясное представленіе объ этомъ предметѣ, опредѣляя не жульничество само по себѣ, а человѣка, какъ животное, которое жульничаетъ. Если бы Платонъ напалъ на эту мысль, ему не пришлось бы выслушивать оскорбительные вопросы насчетъ ощипаннаго цыпленка.

Платона очень нахально просили объяснить, почему ощипанный цыпленокъ—очевидно, «животное двуногое безъ перьевъ»—не человѣкъ, хотя долженъ быть человѣкомъ по его опредѣленію. Меня не собьетъ съ толку подобный вопросъ. Человѣкъ — животное, которое жульничаетъ, и нѣтъ другого животнаго, которое жульничаетъ,—кромѣ человѣка.

Въ самомъ дѣлѣ, все, что составляетъ сущность, природу, принципъ жульничества, свойственно классу существъ, носящихъ сюртуки и панталоны.

Ворона крадетъ; лисица плутуетъ; ласка хитритъ; человѣкъ жульничаетъ. Жульничество его удѣлъ. «Человѣкъ родился для скорби», говоритъ поэтъ,—неправда: онъ родился для жульничества. Это — его цѣль, его задача, его назначеніе. Строго говоря, жульничество представляетъ смѣсь, въ составъ которой входятъ мелочность, интересъ, настойчивость, изобрѣтательность, смѣлость, nonchalance, оригинальность, наглость и зубоскальство.

Мелочность. Жуликъ мелоченъ. Его операціи мелкаго разбора; если онъ соблазнится какой-нибудь великолѣпной спекуляціей, то сразу теряетъ свои отличительныя черты и превращается въ такъ называемаго «финансиста». Этотъ послѣдній терминъ соотвѣтствуетъ идеѣ жульничества во всемъ, кромѣ грандіозности. Такимъ образомъ жуликъ является банкиромъ in petto, а «финан-

совая операція» — жульничествомъ въ Бробдиньягѣ. Банкиръ относится къ жулику, какъ Гомеръ къ Флакку—какъ мастодонтъ къ мыши—какъ хвостъ кометы къ хвостику свиньи.

Интересъ. Жуликъ руководится собственнымъ интересомъ. Онъ презираетъ жульничество для жульничества. У него имѣется въ виду цѣль—свой карманъ—и вашъ. Онъ выжидаетъ счастливаго случая. Онъ заботится о Номерѣ Первомъ. Вы Номеръ Второй и должны заботиться о себѣ.

Настойчивость. Жуликъ настойчивъ, его не легко обезкуражить. Пусть лопнутъ всѣ банки, онъ ухомъ не поведетъ. Онъ упорно преслѣдуетъ свою цѣль и

Ut canis a corio nunquam absterrebitur uncto,

такъ и онъ никогда не откажется отъ своей добычи.

Изобрѣтательность. Жуликъ изобрѣтателенъ. Онъ строитъ широкіе планы. Онъ измышляетъ заговоръ. Онъ думаетъ и выдумываетъ. Если бы онъ не былъ Александромъ, онъ желалъ бы быть Діогеномъ. Если бы онъ не былъ жуликомъ, онъ желалъ бы быть изобрѣтателемъ патентованныхъ крысоловокъ или рыболовомъ.

Смѣлость. Жуликъ смѣлъ. Онъ человѣкъ мужественный. Онъ завоюетъ Африку. Онъ все возьметъ приступомъ. Онъ не побоится кинжала тайныхъ убійцъ. Дикъ Тюрпенъ при большей долѣ благоразумія,—Даніель О'Коннель, еслибъ ему чуть-чуть поменьше льстили, — Карлъ XII, если бы у него было на фунтъ или на два больше мозга,—были бы отличными жуликами.

Nonchalance. Жуликъ—nonchalant. Онъ совсѣмъ не нервенъ. У него не бываетъ нервовъ. Онъ никогда не смущается. Его не выведешь изъ себя—даже когда выводишь за шиворотъ. Онъ холоденъ—холоденъ, какъ огурецъ. Онъ беззаботенъ—«беззаботенъ какъ улыбка леди Бюри». Онъ спокоенъ — спокоенъ какъ старая перчатка.

Оригинальность. Жуликъ оригиналенъ—сознательно оригиналенъ. У него свои собственныя мысли. Онъ ни за что не воспользуется чужими. Банальная плутня внушаетъ ему отвращеніе. Я увѣренъ, что онъ возвратитъ кошелекъ, если узнаетъ, что добылъ его съ помощью неоригинальнаго жульничества.

Наглость. Жуликъ нагль. Онъ фанфаронитъ. Онъ упираетъ руки фертомъ. Онъ засовываетъ ихъ въ карманы панталонъ. Онъ смѣется вамъ въ лицо. Онъ наступаетъ вамъ на мозоль. Онъ ѣстъ вашъ обѣдъ, пьетъ ваше вино, занимаетъ у васъ деньги, щелкаетъ васъ по носу, даетъ пинки вашей собакѣ, цѣлуетъ вашу жену.

Зубоскальство. Настоящій жуликъ сопровождаетъ свои подвиги зубоскальствомъ. Но этого никто не знаетъ кромѣ него

самого. Онъ скалитъ зубы, когда его трудовой день кончился—когда его работа исполнена—вечеромъ въ своей спальнѣ и единственно для собственнаго услажденія. Онъ приходитъ домой. Запираетъ дверь. Раздѣвается. Тушитъ свѣчу. Укладывается въ постель. Кладетъ голову на подушку. Когда все это сдѣлано, жуликъ начинаетъ зубоскалить. Это не гипотеза. Это несомнѣнная истина. Я разсуждаю a priori: жульничество не было бы жульничествомъ безъ зубоскальства.

Происхожденіе жульничества относится ко временамъ дѣтства человѣческой расы. Быть можетъ, первымъ жуликомъ былъ Адамъ. Во всякомъ случаѣ мы можемъ прослѣдить эту науку до отдаленнѣйшихъ періодовъ древности. Но современники довели ее до такого совершенства, о которомъ и не грезили наши тупоголовые прародители. Въ виду этого я оставлю въ сторонѣ «дѣла давно минувшихъ дней» и удовольствуюсь краткимъ отчетомъ о нѣкоторыхъ «новѣйшихъ образчикахъ». Вотъ очень хорошее жульничество. Хозяйка дома, которой требуется диванъ, отправляется по мебельнымъ магазинамъ. Наконецъ ей попадается богатѣйшій складъ мебели. У дверей ее встрѣчаетъ и приглашаетъ войти учтивый и разговорчивый молодой человѣкъ. Она выбираетъ диванъ по своему вкусу, и спрашиваетъ, что стоитъ. Къ ея великому изумленію и радости цѣна оказывается, по крайней мѣрѣ, на двадцать процентовъ ниже, чѣмъ она ожидала. Она спѣшитъ покончить торгъ, уплачиваетъ деньги, получаетъ росписку, проситъ доставить ей диванъ какъ можно скорѣе и уходитъ, сопровождаемая низкими поклонами лавочника. Наступаетъ вечеръ—дивана нѣтъ. Проходитъ слѣдующій день — дивана нѣтъ. Слуга отправляется узнать, въ чемъ дѣло. Въ складѣ отрицаютъ самый фактъ продажи. Никто не продавалъ дивана,—никто не получалъ за него денегъ — никто, кромѣ жулика, который выдалъ себя за лавочника.

Въ нашихъ мебельныхъ складахъ не держатъ приказчиковъ, почему и возможны штуки подобнаго рода. Публика приходитъ, осматриваетъ мебель и уходитъ совершенно свободно, безъ всякаго надзора. Если вы желаете купить что-нибудь, или справиться о цѣнѣ,—звонокъ подъ руками, и это считается совершенно достаточнымъ.

Или, вотъ еще очень приличный образчикъ жульничества. Хорошо одѣтый субъектъ является въ лавку, покупаетъ что-нибудь цѣною въ долларъ, но, къ крайнему своему огорченію, убѣждается, что забылъ бумажникъ въ карманѣ другого сюртука. Онъ обращается къ лавочнику:—Пожалуйста, почтеннѣйшій, отошлите эту покупку ко мнѣ на квартиру. Впрочемъ, постойте, я забылъ,

что у меня дома не найдется бумажки меньше пяти долларовъ. Ну да ничего, пошлите четыре доллара сдачи вмѣстѣ съ покупкой.—Очень хорошо, сэръ,—отвѣчаетъ лавочникъ, сразу оцѣнившій благородство покупателя.—Иной молодецъ,—думаетъ онъ,—сунулъ бы покупку въ карманъ, и удралъ, пообѣщавшись занести деньги вечеромъ.

Покупку и сдачу отправляютъ съ мальчикомъ. По дорогѣ онъ совершенно случайно встрѣчается съ покупателемъ, который восклицаетъ:

— А! это моя покупка,—а я думалъ, вы давно уже отнесли ее. Ну, ступайте! Моя жена, мистриссъ Троттеръ, доплатитъ вамъ пять долларовъ, я предупредилъ ее. Дайте-ка сюда сдачу, мнѣ нужно мелочи. Очень хорошо. Одинъ, два, три, четыре—такъ, совершенно вѣрно! Скажите мистриссъ Троттеръ, что вы встрѣтились со мной, да не зѣвайте по сторонамъ.

Мальчикъ и не думаетъ зѣвать,—тѣмъ не менѣе онъ не скоро вернется въ лавку, такъ какъ долго и тщетно розыскиваетъ мистриссъ Троттеръ. Какъ бы то ни было, онъ радуется, что не остался въ дуракахъ, не отдалъ покупку безъ денегъ, и съ самодовольнымъ видомъ возвращается въ магазинъ, гдѣ его крайне возмущаетъ и огорошиваетъ вопросъ хозяина, куда онъ дѣвалъ сдачу.

Вотъ тоже очень простое жульничество. Капитанъ корабля готовится къ отплытію, когда къ нему является господинъ оффиціальнаго вида и представляетъ весьма умѣренный счетъ городскихъ пошлинъ. Радуясь, что можно отдѣлаться такъ дешево, капитанъ, у котораго и безъ того хлопотъ по горло, поспѣшно расплачивается. Черезъ четверть часа ему представляютъ новый и далеко не столь умѣренный счетъ, причемъ выясняется, что податель перваго былъ жуликъ.

Или вотъ подобная же штука. Пароходъ отчаливаетъ отъ пристани. На берегу появляется путешественникъ съ портманто въ рукахъ и летитъ, сломя голову, къ пристани. Вдругъ онъ останавливается, нагибается и поднимаетъ что-то. Это бумажникъ.

—Кто потерялъ бумажникъ? — кричитъ онъ.

Никто не потерялъ бумажника, тѣмъ не менѣе, всѣ приходятъ въ волненіе, узнавъ, что потеряна значительная сумма. Но пароходъ не можетъ ждать.

— Время и приливъ никого не ждутъ,—говоритъ капитанъ.

— Ради Бога, подождите нѣсколько минутъ, — умоляетъ пассажиръ, нашедшій бумажникъ, — навѣрное владѣлецъ сейчасъ явится.

— Невозможно,—отвѣчаетъ капитанъ,—отчаливай, что-ли!

— Что же мнѣ дѣлать?—восклицаетъ пассажиръ въ страшномъ

волненіи.—Я уѣзжаю на нѣсколько лѣтъ и не могу оставить у себя такую сумму. Простите, сэръ (съ этими словами онъ обращается къ джентльмену, который стоитъ на берегу), но вы мнѣ кажетесь порядочнымъ человѣкомъ. Не возьметесь-ли вы—я знаю, что могу довѣриться вамъ—доставить этотъ бумажникъ владѣльцу. Вы видите, тутъ банковые билеты на огромную сумму. Безъ сомнѣнія, владѣлецъ вознаградитъ васъ за хлопоты.

— Меня!—нѣтъ, васъ!—вѣдь вы нашли бумажникъ.

— Ну, если вы непремѣнно хотите, я, пожалуй, возьму небольшую сумму, собственно ради вашего успокоенія. Постойте,— Богъ мой! тутъ все сотенные,—это слишкомъ много, съ меня довольно пятидесяти...

— Отчаливай!—говоритъ капитанъ.

— Но у меня нѣтъ сдачи, и въ концѣ концовъ лучше ужь вы возьмите.

— Отчаливай!—говоритъ капитанъ.

— Ни въ какомъ случаѣ,—восклицаетъ джентльменъ на берегу, порывшись въ своемъ бумажникѣ,—вотъ пятьдесятъ фунтовъ, бросайте бумажникъ.

Совѣстливый пассажиръ съ видимой неохотой принимаетъ билетъ, и бросаетъ джентльмену бумажникъ, а пароходъ, пыхтя и бурля, отходитъ отъ пристани. Спустя полчаса «огромная сумма» оказывается поддѣлкой, а все происшествіе капитальнымъ жульничествомъ.

Вотъ образчикъ смѣлаго жульничества. Устраивается митингъ, или какое-нибудь подобное сборище за городомъ, въ такомъ мѣстѣ, куда можно попасть только черезъ мостъ. Жуликъ помѣщается на мосту и почтительно заявляетъ всѣмъ проходящимъ, что мѣстныя власти установили сборъ за право перехода: по одному центу съ пѣшехода, по два съ лошади или осла, и такъ далѣе, и такъ далѣе. Многіе ворчатъ, но всѣ расплачиваются и жуликъ возвращается домой, прикарманивъ пятьдесятъ или шестьдесятъ долларовъ, правда, заработанныхъ въ потѣ лица. Собирать пошлину съ такой массы народа вещь очень хлопотливая.

Вотъ изящное жульничество. Пріятель жулика выдаетъ послѣднему деньги подъ вексель, написанный надлежащимъ образомъ, на обыкновенномъ бланкѣ, напечатанномъ красными чернилами. Жуликъ покупаетъ дюжину или двѣ такихъ бланковъ и каждый день обмакиваетъ одинъ изъ нихъ въ супъ и даетъ проглотить своей собакѣ, которая наконецъ входитъ во вкусъ. Когда истекаетъ срокъ векселю, жуликъ и собака отправляются къ другу расплачиваться. Другъ достаетъ вексель изъ своей escritoire, намѣреваясь вручить его жулику, какъ вдругъ собака кидается на него и проглатываетъ.

Жуликъ не только удивленъ, но и огорченъ и возмущенъ нелѣпымъ поведеніемъ собаки; и высказываетъ готовность уплатить по своему обязательству, какъ только это обязательство будетъ ему предъявлено.

Вотъ очень дешевое жульничество. Леди оскорблена на улицѣ сообщникомъ жулика. Жуликъ мчится на помощь и, задавъ сообщнику основательную трепку, предлагаетъ проводить леди до дому. Тутъ онъ раскланивается, прижимая руку къ сердцу и прощаясь въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ. Она предлагаетъ своему избавителю зайти къ нимъ и познакомиться съ ея старшимъ братцемъ и папенькой. Онъ со вздохомъ отклоняетъ это предложеніе. «Въ такомъ случаѣ,—шепчетъ она,—не могу-ли я чѣмъ-нибудь выразить вамъ свою благодарность?»

— Да, сударыня, можете. Не будете-ли вы добры одолжить мнѣ два шиллинга.

Въ первую минуту леди рѣшаетъ упасть въ обморокъ. Но, подумавъ немного, достаетъ портмонэ и вручаетъ избавителю требуемую сумму. Я говорю, что это дешевое жульничество, потому что цѣлая половина вырученной суммы должна быть выдана джентльмену, который взялъ на себя трудъ нанести оскорбленіе и выдержать трепку. Вотъ довольно мелкое, но научное жульничество. Жуликъ подходитъ къ прилавку въ питейномъ домѣ и требуетъ четверку табаку. Ему подаютъ, но онъ возвращаетъ обратно, говоря:

— Я не люблю этотъ табакъ. Возьмите обратно, и дайте мнѣ стаканъ водки.

Выпивъ водку, жуликъ направляется къ двери. Но голосъ хозяина останавливаетъ его:

— Эй, господинъ, забыли расплатиться за водку.

— Расплатиться за водку? да вѣдь я вамъ отдалъ табакъ за водку? Чего же вамъ еще?

— Но, сударь, помнится, вы не платили за табакъ.

— Это еще чтозначитъ, мошенникъ! Возвратилъ я вамъ табакъ или нѣтъ? Это не онъ, скажете? Стану я платитьза то, чего не взялъ!

— Но, сударь, — говоритъ сбитый съ толку хозяинъ, — но, сударь...

— Нечего нокать, сударь, — перебиваетъ жуликъ съ сердцемъ,—нечего нокать, сударь! знаю я ваши штуки!—и выходитъ, сердито хлопнувъ дверью.

Вотъ еще очень умное жульничество, заслуживающее вниманія по своей простотѣ. Потерянъ кошелекъ или бумажникъ. Потерявшій печатаетъ въ одной изъ газетъ большого города объявленіе съ подробнымъ описаніемъ кошелька.

Нашъ жуликъ заимствуетъ изъ этого объявленія факты, измѣняя заглавіе, общую фразеологію и адресъ. Положимъ, что оригиналъ длиненъ и многословенъ, озаглавленъ «Потеря бумажника!» и проситъ доставить потерю на улицу Тома, № 1. Копія жулика сокращена, озаглавлена просто «Потеря» и проситъ доставить по адресу: улица Дика, № 2 или улица Гарри, № 3. Она печатается, по крайней мѣрѣ, въ пяти или шести мѣстныхъ газетахъ, а появляется всего нѣсколько часовъ спустя послѣ оригинала. Если даже собственникъ утраченнаго бумажника прочтетъ ее, то врядъ-ли догадается, что дѣло идетъ о его потерѣ. Но весьма возможно, что тотъ, кто нашелъ кошелекъ, прочтетъ именно это объявленіе (такъ какъ оно напечатано въ нѣсколькихъ газетахъ) и доставитъ свою находку жулику, а не законному владѣльцу. Жуликъ выдаетъ награду, прикарманиваетъ кошелекъ и исчезаетъ.

Вотъ совершенно аналогичное жульничество. Свѣтская барыня потеряла гдѣ-нибудь на улицѣ брилліантовый перстень. Доставившему она обѣщаетъ сорокъ или пятьдесятъ долларовъ награды, причемъ подробно описываетъ въ объявленіи камень и оправу, и проситъ доставить на такую-то улицу, номеръ дома такой-то, обѣщая уплатить награду немедленно, безъ всякихъ разговоровъ. День или два спустя, когда барыни нѣтъ дома, въ номерѣ такомъ-то, на такой-то улицѣ раздается звонокъ. Слуга отворяетъ дверь и на вопросъ о хозяйкѣ, отвѣчаетъ, что ея нѣтъ дома. Посѣтитель крайне огорченъ. Ему необходимо видѣть барыню по важному дѣлу. Онъ нашелъ ея кольцо. Впрочемъ, онъ можетъ зайти другой разъ.—«Ни въ какомъ случаѣ!»—говоритъ слуга.—«Ни въ какомъ случаѣ!»—подтверждаютъ сестра барыни и невѣстка барыни. Кольцо признано, награда выдана, посѣтитель почти вытолканъ за двери. Барыня возвращается домой и выражаетъ нѣкоторое недовольство сестрѣ и невѣсткѣ, которыя уплатили 40 или 50 долларовъ за facsimile ея кольца—facsimile, сдѣланное изъ настоящаго томпака и поддѣльнаго алмаза.

Но жульничество безконечно,—и моя статья была бы безконечной, если бы я вздумалъ перечислить хоть половину разнообразныхъ формъ и пріемовъ, изобрѣтенныхъ этой наукой. Я долженъ, однако, кончить эту замѣтку и полагаю, что самымъ лучшимъ заключеніемъ для нея будетъ краткое сообщеніе о весьма приличномъ, хотя крайне замысловатомъ жульничествѣ, которое не такъ давно случилось въ нашемъ городѣ, а затѣмъ не разъ повторялось съ успѣхомъ въ другихъ городахъ Союза. Джентльменъ среднихъ лѣтъ пріѣзжаетъ въ городъ невѣдомо откуда. По манерамъ, по обращенію это господинъ весьма степенный, солидный, аккуратный и разсудительный. Онъ одѣтъ съ иголочки,

но безъ всякихъ претензій и шику. На немъ бѣлый галстухъ, просторный жилетъ, покойные башмаки съ толстыми подошвами и панталоны безъ штрипокъ. Вообще онъ напоминаетъ всей своей внѣшностью благополучнаго, трезвеннаго, аккуратнаго, почтеннаго «дѣлового человѣка» par excellence—одного изъ тѣхъ суровыхъ и жесткихъ съ виду, но мягкихъ по натурѣ людей, которыхъ мы встрѣчаемъ въ модныхъ комедіяхъ, людей, чье слово неизмѣнно, чья рука подаетъ гинею въ то время, какъ другая, чисто для проформы, принимаетъ ничтожнѣйшую долю фартинга.

Онъ долго не можетъ найти подходящей квартиры. Онъ не любитъ дѣтей. Онъ привыкъ къ порядку. У него методическія привычки, онъ непрочь помѣститься въ небольшей благочестивой семьѣ. Условіями онъ не стѣсняется, желаетъ только, чтобы ему представляли счетъ ежемѣсячно перваго числа (теперь второе) и покорнѣйше проситъ хозяйку ни подъ какимъ видомъ не забывать этого и доставлять ему счетъ и росписку въ полученіи аккуратно въ десять часовъ утра перваго числа, не откладывая до второго.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, нашъ дѣловой человѣкъ нанимаетъ контору въ приличномъ, но отнюдь не модномъ кварталѣ. Онъ ничего такъ не презираетъ, какъ тщеславія. Гдѣ много наружнаго блеска,—говоритъ онъ,—тамъ рѣдко бываетъ что-нибудь прочное внутри. Изрѣченіе это производитъ такое сильное впечатлѣніе на хозяйку, что она записываетъ его для памяти на поляхъ фамильной Библіи рядомъ съ притчами Соломона.

Послѣ этого онъ печатаетъ нижеслѣдующее объявленіе въ главныхъ шестипенсовыхъ городскихъ листкахъ. Дешевые, однопенсовые, отвергаются, какъ недостаточно «респектабельные» и еще потому, что въ нихъ приходится уплачивать за объявленія впередъ. Нашъ дѣловой человѣкъ стоитъ за то, что всякая работа должна оплачиваться по исполненіи.

«ТРЕБУЕТСЯ.—Намѣреваясь предпринять въ этомъ городѣ обширныя торговыя операціи, нуждаемся въ услугахъ трехъ или четырехъ толковыхъ и опытныхъ приказчиковъ, которымъ будемъ выплачивать хорошее жалованье. Требуются солидныя рекомендаціи, главнымъ образомъ со стороны честности. Такъ какъ обязанности, о которыхъ идетъ рѣчь, соединены съ значительной отвѣтственностью, и черезъ руки нашихъ служащихъ будутъ проходить большія суммы денегъ, то каждый приказчикъ имѣетъ внести залогъ въ пятьдесятъ долларовъ. Всякому, кто явится безъ залога и удостовѣренія въ порядочномъ поведеніи, будетъ отказано. Предпочтеніе оказывается религіознымъ молодымъ людямъ. Яв-

ляться между десятью и одиннадцатью или четырьмя и пятью пополудни въ контору гг.

Босъ, Косъ, Носъ, Штосъ & К°
№ 110. Догъ—Стритъ.

До тридцать перваго числа это объявленіе приводитъ въ контору господъ Босъ, Косъ, Носъ, Штосъ и К° человѣкъ пятнадцать, двадцать религіозныхъ молодыхъ людей. Но нашъ дѣловой человѣкъ не торопится заключать условія—дѣловые люди никогда не торопятся—и только послѣ самаго строгаго экзамена по части благочестія и нравственности, условіе заключается и пятьдесятъ долларовъ принимаются, единственно въ видахъ предосторожности, почтенной фирмой Босъ, Косъ, Носъ, Штосъ и Компанія. Утромъ перваго числа слѣдующаго мѣсяца хозяйка не представляетъ счета своему постояльцу—неаккуратность, за которую почтенный глава фирмы на «осъ», безъ сомнѣнія, распушилъ бы ее на всѣ корки, если бы ему заблагоразсудилось продлить свое пребываніе въ городѣ на день или на два собственно для этой цѣли.

Когда бы то ни было, на долю полиціи достается много хлопотъ, но въ концѣ концовъ, ей остается только торжественно объявить, что дѣловой человѣкъ «навострилъ лыжи», выраженіе, равнозначущее, по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ, формулѣ N. E. I., подъ которой въ свою очередь подразумѣвается классическая фраза non est inventus (не найденъ). Между тѣмъ молодые люди, всѣ до единаго, въ значительной степени утрачиваютъ свое благочестіе, а хозяйка покупаетъ лучшую индѣйскую резинку цѣною въ шиллингъ и тщательно стираетъ изрѣченіе, которое какой-то дуракъ написалъ въ большой фамильной библіи рядомъ съ притчами Соломона.

Ангелъ Необычайнаго.

Былъ холодный ноябрскій вечеръ. Я только что уписалъ весьма плотный обѣдъ, въ которомъ не послѣднюю роль играли неудобоваримые трюфели, и сидѣлъ одинъ въ столовой, упираясь ногами въ каминную рѣшетку, а локтями въ небольшой столикъ, на которомъ помѣщались разныя разности по части дессерта и довольно пестрая батарея винъ и ликёровъ. Передъ обѣдомъ я читалъ «Леонида» Гловера, «Эпигоніаду» Вильки, «Паломничество» Ламартина, «Колумбіаду» Барлоу, «Сицилію» Тукермана и «Достопримѣчательности» Гризвольда. Немудрено, что я чувствовалъ теперь нѣкоторое отупѣніе. Я пытался прояснить свои мысли съ помощью лафита, когда же это не удалось, взялся за газету. Внимательно пробѣжавъ столбецъ «о квартирахъ, сдающихся въ наймы», стол-

бецъ «о пропавшихъ собакахъ» и два столбца «о сбѣжавшихъ женахъ и ученикахъ», я храбро принялся за передовую статью и прочелъ ее съ начала до конца, не понимая ни слова. Вообразивъ, что она написана на китайскомъ языкѣ, я снова прочелъ ее съ конца до начала съ такимъ же результатомъ. Я уже хотѣлъ бросить съ отвращеніемъ

Этотъ томъ изъ четырехъ страницъ, счастливую книгу,
Которую даже критика не критикуетъ,

когда вниманіе мое было привлечено слѣдующей замѣткой:

«Пути къ смерти многочисленны и странны. Одна Лондонская газета сообщаетъ о господинѣ, который скончался вслѣдствіе необыкновенной причины. Онъ забавлялся игрой «Метать дротикъ», которая заключается въ томъ, что играющій выдуваетъ иглу изъ тонкой трубочки. Онъ вложилъ иглу въ трубочку не тѣмъ концемъ и набирая воздуху, чтобъ дунуть посильнѣе, втянулъ ее себѣ въ ротъ. Игла проникла въ легкія и черезъ нѣсколько дней онъ умеръ».

Прочитавъ эту замѣтку, я пришелъ въ страшное бѣшенство, самъ не знаю почему.—Это пошлая выдумка,—воскликнулъ я,—жалкое вранье, нелѣпое измышленіе какого-нибудь несчастнаго писаки, какого-нибудь поганаго изобрѣтателя сенсаціонныхъ происшествій. Эти молодцы разсчитываютъ на поразительное легковѣріе нашего вѣка и затрачиваютъ все свое остроуміе на измышленіе возможныхъ, но невѣроятныхъ происшествій, необычайныхъ случаевъ, какъ они выражаются. Но для мыслящаго ума (подобнаго моему,—прибавилъ я въ скобкахъ, безсознательно приставивъ палецъ къ носу), для спокойнаго созерцательнаго пониманія, какимъ обладаю я, ясно съ перваго взгляда, что крайнее умноженіе необычайныхъ случаевъ въ послѣднее время,—что оно-то и есть самый необычайный случай. Я съ своей стороны намѣренъ отнынѣ не вѣрить ничему «необычайному».

— Mein Gott, какой ше ви глюпый!—отвѣчалъ чей-то голосъ,—самый замѣчательный голосъ, какой только приходилось мнѣ когда-нибудь слышать. Я подумалъ было, что у меня просто звенитъ въ ушахъ—какъ бываетъ иногда у людей изрядно нагрузившихся—но звукъ напоминалъ скорѣе гудѣнье пустой бочки, когда по ней колотятъ палкой. Я бы и приписалъ его этой причинѣ, если бъ не слышалъ членораздѣльныхъ словъ. Я отнюдь не отличаюсь нервностью, а нѣсколько стаканчиковъ Лафита, которые я пропустилъ, еще придали мнѣ храбрости, такъ что я ничуть не испугался, а спокойно поднялъ глаза и внимательно осмотрѣлъ комнату.

— Хм! — продолжалъ тотъ же голосъ, — ви написался, какъ свинья, если не видите, что я сишу противъ васъ.

Тутъ я догадался взглянуть прямо по направленію моего носа, точно—увидѣлъ передъ собою, за столомъ, существо неописуемое. Туловище его состояло изъ винной бочки или чего-то въ этомъ родѣ, совершенно фальстафовскаго вида. Къ нижнему концу его были прикрѣплены два боченка, повидимому, служившіе вмѣсто ногъ. Вмѣсто рукъ болтались двѣ довольно длинныя бутылки, горлышками впередъ. Голова чудовища имѣла видъ Гессенской кружки, напоминающей огромную табакерку, съ дырой посреди крышки. Табакерка (увѣнчанная воронкой, напоминавшей каску, надвинутую на глаза) помѣщалась на бочкѣ, такъ что дыра приходилась прямо противъ меня; и изъ этой дыры, напоминавшей съёженный ротикъ сердитой старой дѣвы, странное существо выпускало какіе-то шипящіе и свистящіе звуки, очевидно считая ихъ за осмысленную рѣчь.

— Я вишу,—сказало оно,—что ви палисался, какъ свинья, потому что сидите тамъ и не видите, что я сишу сдѣсь, и я вишу, что ви глюпъ, какъ гусь, потому что не вѣрите касетѣ. Это истинная прафта—каштое слофо прафта.

— Кто вы такой, скажите пожалуйста? — спросилъ я съ достоинствомъ, хотя чувствовалъ нѣкоторое смущеніе,—какъ вы сюда попали? и о чемъ вы толкуете?

— Какъ я попаль сюта, — отвѣчала фигура, — это не ваше тѣло; а гофорю я, что мнѣ шелательно гофорить, а кто я такой ви долшенъ самъ уфитѣть.

— Вы пьяный бродяга,—отвѣчалъ я,—я вотъ сейчасъ позвоню и велю васъ вытолкать въ шею!

— Хе! хе! хе!—засмѣялся гость,—хо! хо! хо! ви не мошете это стѣлать.

— Не могу сдѣлать?—возразилъ я,—что вы хотите сказать? Чего я не могу сдѣлать?

— Посфонить колокольшикъ,—отвѣчалъ онъ, пытаясь усмѣхнуться своимъ отвратительнымъ ртомъ.

Я хотѣлъ было исполнить свою угрозу, но бездѣльникъ стукнулъ меня по лбу горлышкомъ одной изъ своихъ бутылокъ, и я снова повалился въ кресло. Я былъ совершенно ошеломленъ и въ первую минуту не зналъ, что дѣлать. Между тѣмъ онъ продолжалъ:

— Видите, лючше вамъ ситѣть спокойно; и теперь ви узнаете, кто я такой. Я Ангелъ Необычайнаго.

— Довольно необычайный ангелъ, — рѣшился я замѣтить,— однако, я всегда думалъ, что ангелы бываютъ съ крыльями.

— Крылья!—воскликнулъ онъ съ негодованіемъ,—что мнѣ тѣлать съ крыльями. Mein Gott! ви, кашется, думаете, что яципленокъ.

— Нѣтъ,—о, нѣтъ,—возразилъ я, испугавшись,—вы не цыпленокъ, вовсе нѣтъ.

— Карошо, сидите ше смирно, или я опять утарю васъ кулакомъ. У цыпленокъ есть крылья, и у сова есть крылья, и у шертенокъ есть крылья, и у глафный Teufel есть крылья. У ангелъ не пыфаетъ крылья, а я ангелъ необычайнаго.

— Вы явились ко мнѣ по дѣлу?

— По тѣлу!—воскликнуло чудище,—какой ви невѣша, спрашиваетъ о тѣлѣ у тшентльмена и ангела!

Такихъ рѣчей я не могъ вынести даже отъ ангела. Собравшись съ мужествомъ, я схватилъ солонку и швырнулъ ее въ голову непрошенному гостю. Но или онъ уклонился, или я промахнулся,—только солонка пролетѣла мимо и разбила стеклянный колпакъ надъ часами, стоявшими на каминѣ. Что касается ангела, то въ отвѣтъ на мое нападеніе онъ нѣсколько разъ стукнулъ меня по лбу горлышкомъ бутылки, и я смирился. Стыжусь сознаться, но отъ боли или отъ волненія у меня даже выступили слезы на глазахъ.

— Mein Gott,—сказалъ ангелъ необычайнаго, видимо тронутый моимъ огорченіемъ,—Mein Gott, этотъ каспадинъ или отшень пьянъ, или отшень огоршенъ. Не слѣтуетъ пить такое крѣпкое вино, нушно потпафлять воты. Пейте вотъ это и не плашьте, не плашьте!

Съ этими словами онъ дополнилъ мой стаканъ (въ которомъ было на одну треть портвейна) какой-то безцвѣтной жидкостью изъ своей руки—бутылки. Я замѣтилъ, что на этихъ бутылкахъ были этикетки съ надписью «Kirschenwässer».

Любезность ангела значительно смягчила меня; и съ помощью воды, которую онъ усердно подливалъ въ мой портвейнъ, я, наконецъ, оправился настолько, что могъ слушать его странныя рѣчи. Я не возьмусь повторить все, что онъ мнѣ разсказывалъ, но изъ его словъ я заключилъ, что онъ геній, которому подвѣдомственны contretemps человѣчества, и на обязанности котораго лежитъ устройство необычайныхъ случаевъ, изумляющихъ скептика. Разъ или два я попытался выразить свое полнѣйшее недовѣріе къ его росказнямъ, но, замѣтивъ, что онъ сердится не на шутку, счелъ болѣе благоразумнымъ молчать и не мѣшать ему разглагольствовать. Онъ говорилъ очень долго, а я сидѣлъ, откинувшись на спинку кресла и закрывъ глаза, жевалъ виноградъ и разбрасывалъ вѣточки по комнатѣ. Вдругъ ангелъ почему-то возмутился моимъ поведеніемъ. Онъ всталъ въ страшномъ гнѣвѣ, нахлобучилъ воронку еще ниже на глаза, изрыгнулъ какое-то ругательство, пробормоталъ какую-то угрозу, которой я не понялъ, и въ заклю-

ченіе отвѣсилъ мнѣ низкій поклонъ и ушелъ, пожелавъ мнѣ, словами архіепископа въ Жиль Блазѣ, «beaucoup de bonheur et un peu plus de bon sens».

Его уходъ очень обрадовалъ меня. Нѣсколько—очень немного—стакановъ лафита, которые я пропустилъ, нагнали на меня сонливость и мнѣ хотѣлось вздремнуть четверть часика или минутъ двадцать. Въ шесть часовъ мнѣ нужно было во что бы то ни стало отправиться по важному дѣлу. Срокъ страховки моего дома кончился наканунѣ; возникли кое-какія недоразумѣнія, и рѣшено было, что я явлюсь къ шести часамъ въ контору общества для переговоровъ о возобновленіи страховки. Взглянувъ на часы, стоявшіе на каминѣ (я такъ отяжелѣлъ, что не въ силахъ былъ достать карманные часы), я съ удовольствіемъ убѣдился, что могу подремать еще двадцать пять минутъ. Часы показывали половину шестого, до страховой конторы было не болѣе пяти минутъ ходьбы; а больше двадцати пяти минутъ я никогда не спалъ послѣ обѣда. Итакъ, я совершенно спокойно расположился заснуть.

Всхрапнувъ въ свое полное удовольствіе, я снова взглянулъ на часы, и готовъ былъ повѣрить въ возможность необычайныхъ случаевъ, убѣдившись, что, вмѣсто моихъ положенныхъ пятнадцати или двадцати минутъ, проспалъ всего три, такъ какъ часы показывали безъ двадцати семи минутъ шесть. Я снова заснулъ и, проснувшись вторично, съ изумленіемъ увидѣлъ, что и теперь было безъ двадцати семи минутъ семь. Я вскочилъ, чтобы осмотрѣть часы, и убѣдился, что они остановились. Я досталъ карманные часы: оказалась половина восьмого. Я проспалъ два часа и, очевидно, опоздалъ. Ничего,—подумалъ я,—схожу завтра утромъ и объяснюсь, но что такое случилось съ часами? Осмотрѣвъ ихъ, я убѣдился, что одна изъ виноградныхъ вѣточекъ, которыя я разбрасывалъ по комнатѣ во время рѣчи ангела, попала въ часы и, по странной случайности, засѣла въ скважинѣ для ключа, остановивъ такимъ образомъ движеніе минутной стрѣлки.

— Ага!—сказалъ я,—вотъ оно что. Дѣло ясно. Самый обыкновенный случай, какіе бываютъ время отъ времени!

Я не думалъ больше объ этомъ происшествіи и въ свое время улегся въ постель. Поставивъ свѣчу на столикъ, подлѣ кровати, и попытавшись прочесть нѣсколько страницъ трактата «О Вездѣсущіи Божества», я, къ несчастью, заснулъ почти въ ту же минуту, забывъ погасить свѣчу.

Во снѣ меня преслѣдовалъ ангелъ необычайнаго. Мнѣ казалось, что онъ стоитъ передъ кроватью, раздвигаетъ занавѣски и страшнымъ, глухимъ голосомъ пустой бочки угрожаетъ мнѣ жестокой местью за презрительное отношеніе къ нему. Въ заключеніе своей

длинной рѣчи онъ снялъ съ головы воронку, вставилъ ее мнѣ въ глотку и вылилъ въ меня цѣлый океанъ киршвассера изъ бутылки, замѣнявшей ему руку. Агонія сдѣлалась невыносимой и я проснулся какъ разъ во время, чтобы увидѣть крысу, которая, вытащивъ горѣвшую свѣчку изъ подсвѣчника, уносила ее въ зубахъ,—но слишкомъ поздно, чтобы помѣшать ей унести свѣчу въ свою норку. Вскорѣ послышался сильный удушливый запахъ—домъ загорѣлся. Пламя распространялось съ невѣроятной быстротой и через нѣсколько минутъ охватило всю постройку. Мнѣ невозможно было выбраться изъ комнаты иначе какъ въ окно. Впрочемъ, на улицѣ живо собралась толпа, принесли лѣстницу. Я сталъ быстро спускаться по ней, какъ вдругъ огромная свинья, жирное брюхо которой, да и вся вообще наружность, положительно напоминали моего посѣтителя, какъ вдругъ, говорю я, свинья, до тѣхъ поръ мирно дремавшая въ лужѣ, рѣшила, что ей необходимо почесать лѣвое плечо, и притомъ непремѣнно о лѣстницу. Въ ту же минуту я полетѣлъ внизъ и сломалъ себѣ руку.

Это несчастье, потеря страховой преміи и еще болѣе серьезная потеря волосъ, которые начисто сгорѣли во время пожара, настроили меня на серьезный ладъ, такъ что въ концѣ концовъ я рѣшилъ жениться. Была у меня на примѣтѣ богатая вдовушка, только что потерявшая седьмого мужа, и на ея-то сердечныя раны рѣшился я излить бальзамъ брачнаго обѣта. Она застѣнчиво пролепетала «да» въ отвѣтъ на мои мольбы. Я бросился къ ея ногамъ въ порывѣ благодарности и обожанія. Она наклонилась ко мнѣ и ея роскошныя кудри смѣшались съ моими, которыя я взялъ на прокатъ у Гранжана. Не понимаю, какъ перепутались наши волосы, но такъ случилось. Я всталъ съ сіяющей лысиной, безъ парика; она въ гнѣвѣ и негодованіи, опутанная чужими волосами. Такъ разбились мои надежды вслѣдствіе случайности, которую невозможно было предвидѣть, случайности, впрочемъ, весьма естественной.

Какъ бы то ни было, я, не падая духомъ, рѣшился аттаковать менѣе жестокое сердце. Судьба благопріятствовала мнѣ въ теченіе нѣкотораго времени, но снова мои надежды лопнули по милости самаго обыкновеннаго случая. Встрѣтивъ мою возлюбленную на бульварѣ, среди городской élite, я хотѣлъ было привѣтствовать ее изящнѣйшимъ поклономъ, какъ вдругъ мнѣ запорошило глаза какой-то дрянью, такъ что на минуту я совсѣмъ ослѣпъ. Когда я протеръ глаза, владычица моего сердца уже исчезла, до глубины души оскорбленная моей, какъ она думала, умышленной небрежностью. Пока я стоялъ, ошеломленный внезапностью этого происшествія (которое, впрочемъ, могло бы случиться со всякимъ

смертнымъ) и все еще протирая глаза, ко мнѣ подошелъ ангелъ необычайнаго и предложилъ свою помощь съ любезностью, какой я вовсе не ожидалъ отъ него. Онъ очень внимательно и ловко осмотрѣлъ мой глазъ. Объявивъ, что въ него попали чистые «пустяки», онъ вытащилъ эти «пустяки» (въ чемъ бы они ни состояли).

Теперь я разсудилъ, что мнѣ пора умереть (такъ какъ судьба очевидно рѣшилась преслѣдовать меня) и, остановившись на этомъ рѣшеніи, отправился къ ближайшей рѣкѣ. Тутъ я раздѣлся (находя вполнѣ основательнымъ умереть въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ родился) и съ разбѣга кинулся въ рѣку. Единственной свидѣтельницей моего поступка была одинокая ворона, которая, по всей вѣроятности, наѣлась вымоченныхъ въ водкѣ зеренъ, опьянѣла и отстала отъ своихъ товарищей. Какъ только я очутился въ водѣ, этой птицѣ пришла фантазія схватить самую необходимую часть моей одежды и улетѣть. Отложивъ въ виду этого самоубійство, я просунулъ свои нижнія конечности въ рукава сюртука и пустился въ погоню за воровкой со всей быстротой, какой требовалъ случай и позволяли обстоятельства. Но злая судьба по прежнему преслѣдовала меня. Я бѣжалъ во всю прыть, задравъ голову къ верху и не спуская глазъ съ похитителя моей собственности, какъ вдругъ почувствовалъ, что terra firma ускользнула изъ подъ моихъ ногъ.

Дѣло въ томъ, что я свалился въ пропасть и, безъ сомнѣнія, разбился бы въ дребезги, если бы не успѣлъ схватиться за конецъ длинной веревки, висѣвшей изъ пролетавшаго мимо воздушнаго шара.

Опомнившись и сообразивъ, въ какомъ ужасномъ положеніи я нахожусь, я принялся кричать изо всѣхъ силъ, чтобы увѣдомить объ этомъ аэронавта. Но долгое время я кричалъ напрасно. Дуракъ не могъ—или подлецъ не хотѣлъ замѣтить меня. Между тѣмъ шаръ быстро поднимался, а мои силы еще быстрѣе падали. Я уже хотѣлъ покориться моей судьбѣ и спокойно шлепнуться въ море, какъ вдругъ услыхалъ вверху глухой голосъ, напѣвавшій арію изъ какой-то оперы. Взглянувъ вверхъ, я увидѣлъ ангела необычайнаго. Онъ облокотился на бортъ лодочки, курилъ трубку и, повидимому, благодушествовалъ, вполнѣ довольный собою и вселенной. Я не могъ говорить отъ истощенія и только жалобно смотрѣлъ на него.

Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ онъ смотрѣлъ, не говоря ни слова. Наконецъ, заботливо передвинувъ трубку изъ праваго угла въ лѣвый, удостоилъ заговорить.

— Кто ви такой,—спросилъ онъ,—какого шорта ви тамъ тѣлаете?

Въ отвѣтъ на эту жестокую и лицемѣрную выходку, я могъ только сказать: помогите!

— Помогите!—отозвался негодяй,—не хочу. Вотъ путилка,—помогите самъ сепѣ,—и шортъ васъ потери!

Съ этими словами онъ бросилъ тяжелую бутылку съ киршвассеромъ, которая попала мнѣ на голову и, какъ мнѣ показалось, вышибла изъ нея весь мозгъ. Подъ вліяніемъ этой идеи, я хотѣлъ бросить веревку и испустить духъ, но остановился, услышавъ крикъ ангела:

— Терпштесь,—кричалъ онъ,—зашѣмъ спѣшить? Хотите еще путилка или ви уше тресвый и пришли въ шуства?

Я поспѣшилъ дважды кивнуть головой. Первый разъ отрицательно, въ знакъ того, что не хочу второй бутылки, а второй—утвердительно, въ знакъ того, что я дѣйствительно трезвъ и положительно пришелъ въ чувство. Такимъ путемъ мнѣ удалось нѣсколько смягчить ангела.

— Знашитъ, ви наконецъ пофѣрили?—спросилъ онъ.—Ви, наконецъ, пофѣрили въ необычайное?

Я снова кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— И ви пофѣрили въ меня, ангела необычайнаго?

Я снова кивнулъ.

— И ви согласенъ, что ви пьяница и дуракъ?

Я еще разъ кивнулъ.

— Полошите-ше вашу лѣфую руку въ правый карманъ прюкъ, въ знакъ подшиненія ангелу необычайнаго.

Этого требованія я, очевидно, не могъ исполнить: во-первыхъ, моя лѣвая рука была сломана при паденіи съ лѣстницы, слѣдовательно, если бы я выпустилъ веревку изъ руки, то выпустилъ бы ее совсѣмъ. Во-вторыхъ, мои брюки унесла ворона. Итакъ, я, къ крайнему своему сожалѣнію, принужденъ былъ покачать головой въ знакъ того, что не могу въ настоящую минуту исполнить весьма справедливое требованіе ангела. Но какъ только я это сдѣлалъ...

— Упирайся же «sum teuffeel»,—заревѣлъ ангелъ. Съ этими словами онъ вытащилъ острый ножикъ и перерѣзалъ веревку, на которой я висѣлъ. Мы пролетали въ эту минуту надъ моимъ домомъ (который во время моихъ странствованій былъ очень красиво отстроенъ за ново) такъ что, полетѣвъ внизъ, я попалъ какъ разъ въ трубу и очутился въ каминѣ столовой.

Когда я пришелъ въ себя (такъ какъ паденіе совершенно оглушило меня) было четыре часа утра. Моя голова покоилась въ золѣ камина, а ноги на обломкахъ опрокинутаго столика, среди остатковъ дессерта, разбитыхъ стакановъ, опрокинутыхъ бутылокъ и пустого кувшина изъ подъ киршвассера. Такъ отомстилъ за себя ангелъ необычайнаго.

Mellonta Tauta.

Воздушный шаръ «Жаворонокъ».
1-го апрѣля, 2848.

— Ну, дорогой другъ, въ наказаніе за ваши грѣхи извольте поскучать надъ длиннымъ болтливымъ письмомъ. Да, предупреждаю васъ, въ наказаніе за всѣ ваши продерзости письмо будетъ до нельзя скучнымъ, многорѣчивымъ, безсвязнымъ и безтолковымъ. Къ тому же я изнываю на грязномъ воздушномъ шарѣ, съ компаніей человѣкъ въ сто или двѣсти всякой canaille, предпринявшей это путешествіе ради удовольствія (удивительныя понятія объ удовольствіи у нѣкоторыхъ людей), и по крайней мѣрѣ, въ теченіе мѣсяца не прикоснусь къ terra firma. Не съ кѣмъ поговорить. Нечего дѣлать. Кому нечего дѣлать, тому есть время переписываться съ друзьями. Итакъ, вы видите, почему мнѣ вздумалось писать вамъ — причина тому моя ennui и ваши грѣхи.

Итакъ, надѣвайте очки и приготовляйтесь скучать. Я буду писать вамъ каждый день, въ теченіе этого проклятаго путешествія.

Охъ! Ужели изобрѣтеніе никогда не зародится подъ человѣческимъ черепомъ. Ужели мы навсегда обречены на безчисленныя неудобства воздушнаго шара? Ужели никто не придумаетъ болѣе удобнаго способа передвиженія? Это путешествіе черепашьимъ шагомъ — истинная пытка. Представьте себѣ, мы пролетаемъ не болѣе сотни миль въ часъ. Даже птицы обгоняютъ насъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя. Увѣряю васъ, я ничуть не преувеличиваю. Конечно, наше движеніе кажется еще медленнѣе, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, потому что у насъ нѣтъ масштаба для опредѣленія нашей скорости; къ тому же мы летимъ по вѣтру. Когда намъ попадается на встрѣчу воздушный шаръ, мы имѣемъ возможность опредѣлить скорость своего движенія и убѣждаемся, что дѣло идетъ довольно сносно. Не смотря на привычку къ этому способу передвиженія, я все-таки каждый разъ испытываю легкое головокруженіе, когда встрѣчный шаръ пролетаетъ какъ разъ надъ нашими головами. Онъ всегда кажется мнѣ огромной хищной птицей, готовой броситься на насъ и унести въ своихъ когтяхъ. Одинъ пролетѣлъ сегодня на разсвѣтѣ, такъ близко надъ нами, что задѣлъ своимъ канатомъ за сѣтку, которая поддерживаетъ нашу корзину, и не на шутку испугалъ насъ. Нашъ капитанъ говоритъ, что если бы шаръ былъ устроенъ изъ предательскаго пропитаннаго лакомъ «шелка», который употреблялся пятьсотъ или тысячу лѣтъ тому

назадъ, мы неминуемо потерпѣли бы крушеніе. Этотъ шелкъ, по его словамъ, приготовлялся изъ внутренностей какого-то земляного червя. Червя откармливали тутовыми ягодами, — нѣчто въ родѣ арбуза—а затѣмъ, когда онъ дѣлался достаточно жирнымъ, толкли въ ступкѣ. Получавшееся такимъ образомъ тѣсто называлось папирусомъ и, подвергнутое цѣлому ряду операцій, превращалось въ «шелкъ». Странно, что этотъ послѣдній считался весьма цѣннымъ матеріаломъ для женскихъ нарядовъ. Изъ него же устраивались обыкновенно воздушные шары. Впослѣдствіи былъ найденъ матеріалъ лучшаго качества. Онъ добывался изъ пушка на плодахъ растенія, называемаго ботаниками Euphorbium, а въ то время извѣстнаго подъ именемъ «Молочая». Этотъ послѣдній сортъ шелка назывался букингамъ, по причинѣ своей прочности, и пропитывался растворомъ каучука — вещества, которое въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ современную гуттаперчу. Этотъ каучукъ назывался также резинкой или гумиластикомъ и, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ разряду грибовъ. Говорите послѣ этого, что я плохой антикварій!

Кстати о канатахъ. — Кажется, въ эту самую минуту, нашъ канатъ сбросилъ за бортъ человѣка съ одного изъ маленькихъ электрическихъ судовъ, которыми кишитъ океанъ подъ нами.

Эта шлюпка въ шесть тысячъ тоннъ, повидимому, до безобразія переполнена пассажирами. Слѣдовало бы запретить принимать на такія маленькія суда болѣе опредѣленнаго числа людей. Разумѣется, этому господину не позволили снова взойти на судно, и вскорѣ онъ исчезъ изъ вида вмѣстѣ съ своимъ спасательнымъ снарядомъ. Я радуюсь, дорогой другъ, что мы живемъ въ такомъ просвѣщенномъ вѣкѣ, когда личность ставится ни во что. Человѣчество должно заботиться только о массахъ. Кстати о человѣчествѣ. Извѣстно-ли вамъ, что идеи нашего безсмертнаго Виггнса о соціальномъ устройствѣ вовсе не такъ оригинальны, какъ думаютъ его современники. Пундитъ увѣряетъ меня, что тѣ же самые взгляды были высказаны болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ Ирландскимъ философомъ Фурье. Вы знаете, Пундитъ не можетъ ошибаться. Такъ съ каждымъ днемъ подтверждается глубокое замѣчаніе Индуса Аріесъ-тоттля (цитированное Пундитомъ)—«и такъ мы должны согласиться, что не однажды, не дважды, не нѣсколько разъ, а почти безконечно повторяются въ человѣчествѣ однѣ и тѣ же идеи».

2-го апрѣля. Переговаривались сегодня съ электрическимъ катеромъ, станціей плавучаго телеграфа. Говорятъ, что когда Моржъ впервые изобрѣлъ этотъ телеграфъ, никто не вѣрилъ возможности проложить проволоки по морю. А теперь мы не въ

силахъ понять, въ чемъ тутъ могло быть затрудненіе. Такъ измѣняется міръ. Tempora mutantur — простите мнѣ эту Этрусскую цитату! Что бы мы стали дѣлать безъ атлантическаго телеграфа. Мы остановились на нѣсколько минутъ разспросить катеръ и узнали въ числѣ прочихъ пріятныхъ новостей, что гражданская война свирѣпствуетъ въ Африкѣ, а чума успѣшно опустошаетъ Юропу и Эйшеръ. Не удивительно, что въ эпоху, не озаренную свѣтомъ истинной философіи, люди считали войну и моровую язву бѣдствіями. Знаете-ли вы, что въ древнихъ храмахъ молились объ избавленіи человѣчества отъ этихъ бѣдствій (!).

Трудно понять, какимъ принципомъ руководствовались наши предки. Повидимому, они не понимали въ своей слѣпотѣ, что истребленіе миріадъ отдѣльныхъ личностей прямая выгода для массы!

3-го апрѣля. Истинное удовольствіе взобраться по веревочной лѣстницѣ на верхушку шара, и оттуда обозрѣвать окружающій міръ. Въ корзинѣ вашъ кругозоръ стѣсненъ; вы не видите, что дѣлается наверху, но здѣсь (гдѣ я пишу въ настоящую минуту), на верхушкѣ шара, вы можете видѣть съ роскошно меблированной площадки все, что происходитъ вокругъ по всѣмъ направленіямъ. Въ настоящую минуту воздухъ кишитъ аэростатами, которые представляютъ очень оживленную картину; отовсюду доносится гулъ милліонъ человѣческихъ голосовъ. Говорятъ, что когда Желтый или Фіолетовый (какъ называетъ его Пундитъ), котораго считаютъ первымъ аэронавтомъ, доказывалъ возможность плавать въ атмосферѣ по всѣмъ направленіямъ, поднимаясь и опускаясь, пока не попадется благопріятное теченіе, — современники не хотѣли его слушать. Они считали его талантливымъ безумцемъ, потому что тогдашніе философы (!) признали его мысль неосуществимой. Мы же рѣшительно не въ состояніи понять, какимъ образомъ такая простая вещь могла ускользнуть отъ проницательности тогдашнихъ savants. Но во всѣ времена развитіе знаній встрѣчало сильнѣйшія препятствія со стороны такъ называемыхъ людей науки. Конечно, наши ученые не такіе рутинеры. О! я могу разсказать вамъ презабавныя вещи на эту тему. Знаете-ли вы, что не болѣе тысячи лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ метафизики согласились признать нелѣпымъ странное мнѣніе, отяготѣвшее надъ умами тогдашнихъ людей,— будто есть только два возможныхъ пути къ постиженію Истины. Можете вы этому повѣрить?—Повидимому, дѣло происходило такъ. Давно, давно, въ незапамятныя времена, жилъ турецкій (а можетъ быть индѣйскій) философъ Аріесъ Тоттль. Этотъ господинъ ввелъ, или, по крайней мѣрѣ, пропагандировалъ такъ называемый дедуктивный или апріорный методъ изслѣдованія. Ис-

ходнымъ пунктомъ для него служили такъ называемыя аксiомы, или «очевидныя истины», изъ которыхъ онъ «логически» выводилъ слѣдствiя. Главные его послѣдователи были: нѣкто Невклидъ и нѣкто Кантъ. Арiесъ Тоттль неограниченно господствовалъ надъ умами, до появленiя нѣкоего Гогга, который предложилъ совершенно противуположную систему, названную имъ индуктивной или à posteriori. Она основывалась на ощущенiяхъ. Гоггъ совѣтовалъ наблюдать, анализировать и классифицировать факты—Instantia rerum, какъ ихъ вычурно называли—постепенно переходя къ общимъ законамъ. Короче сказать, система Арiесъ Тоттля основывалась на noumena; система Гогга на phenomena. Эта послѣдняя система возбудила при своемъ появленiи такой восторгъ, что Арiесъ Тоттль на время потерялъ кредитъ, но въ концѣ концовъ возвратилъ утраченное значенiе и раздѣлялъ владычество въ царствѣ истины съ своимъ соперникомъ. Ученые рѣшили, что Аристотелевскiй и Баконовскiй методы — единственные возможные пути къ познанiю истины. «Баконовскiй»—тоже что «Гогговскiй»: первое прилагательное чаще употребляется, какъ болѣе благозвучное и внушительное.

Могу васъ увѣрить, дорогой другъ, что я излагаю исторiю этого предмета на основанiи безусловно надежныхъ авторитетовъ. Вы сами понимаете, что такое очевидно нелѣпое мнѣнiе должно было страшно тормозить развитiе истиннаго знанiя,—которое почти всегда подвигается впередъ интуитивно, скачками.

Напротивъ, древнiй методъ заставлялъ изслѣдованiе двигаться ползкомъ; и въ теченiе многихъ столѣтiй увлеченiе выше означенными методами, въ особенности Гогговскимъ, было такъ велико, что въ сущности прекратилось всякое мышленiе, заслуживающее этого названiя. Никто не смѣлъ высказать истину, если былъ обязанъ ею только собственному духу. Если даже эта истина была очевидно истиной,—ее отвергали: тогдашнiе тупоголовые savants смотрѣли только на путь, которымъ она была достигнута. Они не хотѣли даже взглянуть на цѣль.—«Средство»! восклицали они, — покажите намъ средство! И если средства не подходили подъ категорiю Арiеса (т. е. Барана), ни подъ категорiю Гогга, то этого было довольно: тогдашнiе savants называли «теоретика» глупцомъ и знать не хотѣли ни его, ни его истины.

Между тѣмъ, ихъ пресмыкающаяся система не могла добраться до истины даже въ теченiе многихъ вѣковъ, такъ какъ устраняла воображенiе, а это зло не возмѣщалось надежностью древнихъ методовъ изслѣдованiя. Ошибка этихъ Гурманцевъ, этихъ Ранцузовъ, этихъ Ангельчанъ, этихъ Амрикановъ (послѣднiе, между прочимъ, наши прямые предки) совершенно тождественна съ

ошибкой мудреца, который вообразилъ бы, что чѣмъ ближе онъ поднесетъ предметъ къ глазамъ, тѣмъ лучше его разсмотритъ. Эти господа ослѣпляли себя деталями. Когда они разсуждали по Гогговски—ихъ «факты» далеко не всегда были фактами—вещь сама по себѣ не важная, если бъ не предполагалось, что они были фактами, и должны быть фактами, потому что казались таковыми. Когда же они разсуждали по методу Барана, ихъ путь врядъ-ли былъ прямѣе бараньяго рога, потому что у нихъ не было ни одной аксіомы, которая въ дѣйствительности была бы аксіомой. Только крайняя слѣпота мѣшала имъ замѣтить это, потому что, уже въ ихъ время многія изъ «установленныхъ» аксіомъ были отвергнуты. Напримѣръ: «ex nihilo nihil fit; «тѣло не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ его нѣтъ»; «существованіе антиподовъ невозможно»; «тьма не можетъ образоваться изъ свѣта», всѣ эти, и десятки другихъ подобныхъ положеній, считавшихся въ началѣ безспорными аксіомами, были признаны не состоятельными уже въ ту эпоху, о которой я говорю. Какимъ абсурдомъ является послѣ этого ихъ упорная вѣра въ «аксіомы», какъ въ незыблемыя основы Истины! Но даже въ сочиненіяхъ ихъ сильнѣйшихъ мыслителей не трудно найти доказательства пустоты и безсодержательности ихъ пресловутыхъ аксіомъ. Кто былъ ихъ сильнѣйшій логикъ? Позвольте, пойду спрошу Пундита, и сейчасъ вернусь... Вотъ она! Эта книга написана почти тысячу лѣтъ тому назадъ, и переведена недавно съ англійскаго языка, который, замѣчу мимоходомъ, былъ, если не ошибаюсь, зародышемъ Амриканскаго. Пундитъ увѣряетъ, что это умнѣйшій изъ древнихъ трактатовъ по логикѣ. Авторъ его (пользовавшійся въ свое время большою извѣстностью) нѣкто Миллеръ или Милль. Но заглянемъ въ трактатъ!

Ага! «Представимость или непредставимость»,—говоритъ мистеръ Милль, «отнюдь не можетъ считаться критеріумомъ несомнѣнной истины». Какой здравомыслящій человѣкъ нашего времени вздумаетъ оспаривать этотъ трюизмъ? Можно только удивляться, почему мистеръ Милль счелъ необходимымъ высказать такую очевидную вещь. Пока все обстоитъ благополучно. Но повернемъ страницу. Что мы на ней находимъ? «Взаимныя противорѣчія не могутъ быть оба истинны», т. е. не могутъ совмѣстно существовать въ дѣйствительности. Мистеръ Милль подразумѣваетъ подъ этимъ, что, напримѣръ, дерево можетъ быть или деревомъ или не деревомъ, а отнюдь не можетъ быть разомъ деревомъ и не деревомъ. Очень хорошо; но я спрашиваю почему? Онъ отвѣчаетъ—и никакого другого отвѣта не даетъ, «такъ какъ невозможно представить себѣ, чтобы два взаимно исключающія положенія были оба истинными». Но это вовсе не отвѣтъ, ибо самъ

же онъ только что высказалъ труизмъ: «представимость или не представимость отнюдь не могутъ считаться критеріумомъ очевидной истины».

Но меня возмущаетъ не столько логика этихъ древнихъ ученыхъ, логика, по ихъ же сознанію, безпочвенная, несостоятельная и фантастическая—сколько нелѣпое и торжественное veto, наложенное ими на всѣ другіе пути къ уразумѣнію Истины на всѣ другія средства къ ея постиженію, всѣ, кромѣ двухъ нелѣпыхъ тропинокъ, по которымъ они заставляютъ ползти или карабкаться Душу, одаренную стремленіемъ парить.

Между прочимъ, дорогой другъ, я думаю, что эти древніе догматики затруднились бы опредѣлить, какимъ изъ двухъ путей была добыта величайшая и возвышеннѣйшая изъ познанныхъ ими истинъ? Я подразумѣваю законъ Тяготѣнія. Ньютонъ обязанъ имъ Кеплеру. Кеплеръ утверждалъ, что его три закона были угаданы,—три закона законовъ, приведшіе великаго Ангельскаго математика къ его принципу, началу всѣхъ началъ, за которымъ уже начинается Царство Метафизики. Кеплеръ угадывалъ, то-есть воображалъ. Онъ былъ типичный «теоретикъ», слово, имѣющее нынѣ почетное значеніе, а въ то время презрительный эпитетъ. Точно также затруднились бы эти старые кроты растолковать, какимъ изъ двухъ «путей» разгадчикъ шифровъ добирается до разгадки запутанной криптограммы, какимъ изъ двухъ путей Шампольіонъ привелъ человѣчество къ познанію важныхъ и почти безчисленныхъ истинъ, разобравъ Іероглифы.

Еще слово о томъ же предметѣ, и я перестану докучать вамъ. Не правда-ли, чрезвычайно странно, что эти рутинеры, вѣчно разглагольствуя о путяхъ къ Истинѣ,—упустили изъ виду, дѣйствительно прямой и широкій путь—путь Связности? Не странно-ли, что они не могли уразумѣть изъ твореній Божіихъ, что совершенная связность должна быть абсолютной истиной! Какъ быстро мы двинулись впередъ съ тѣхъ поръ, какъ признали это положеніе! Изслѣдованіе было отнято у кротовъ и возложено на истинныхъ, и единственно истинныхъ мыслителей—людей съ пылкимъ воображеніемъ. Эти послѣдніе создаютъ теоріи. Воображаю, какое презрѣніе возбудили бы эти слова въ нашихъ прародителяхъ, если бъ они могли заглянуть въ мое письмо? Эти люди, говорю я, создаютъ теоріи и ихъ теоріи просто исправляются, сокращаются, систематизируются, и очищаются мало по малу отъ всего безсвязнаго, пока, наконецъ, совершенная связность не превратитъ ихъ въ абсолютную и безспорную истину.

4 апрѣля. Новый газъ дѣлаетъ чудеса въ связи съ новымъ способомъ приготовленія гуттаперчи. Какъ безопасны, покойны,

и во всѣхъ отношеніяхъ удобны наши современные аэростаты! Вотъ приближается къ намъ громадный шаръ со скоростью полуторaста миль въ часъ. Онъ переполненъ пассажирами, тамъ ихъ человѣкъ триста или четыреста, и тѣмъ не менѣе онъ паритъ на высотѣ мили, поглядывая на насъ бѣдныхъ съ горделивымъ презрѣніемъ. Впрочемъ, сто или даже двѣсти миль въ часъ не особенно быстрое путешествіе. Помните нашъ переѣздъ по желѣзной дорогѣ черезъ Канадійскій материкъ по триста миль въ часъ?—вотъ путешествіе! Ничего не видѣть,—и ничего не дѣлать, только пить, ѣсть и развлекаться флиртомъ въ великолѣпныхъ вагонахъ. Помните, какое странное впечатлѣніе мы испытали, когда случайно увидѣли внѣшніе предметы на полномъ ходу вагона? Все казалось однимъ цѣлымъ—сплошною массой. Я съ своей стороны предпочитаю путешествіе на медленномъ поѣздѣ, по сто миль въ часъ. Тутъ, по крайней мѣрѣ, допускаются стеклянныя окна, можно даже отворять ихъ и получить довольно ясное представленіе о странѣ, по которой путешествуешь... Пундитъ увѣряетъ, будто путь для великой Канадійской дороги былъ намѣченъ въ большей или меньшей степени около девятисотъ лѣтъ тому назадъ! Онъ утверждаетъ даже, что и въ настоящее время можно видѣть слѣды дороги, относящіеся къ этой отдаленной эпохѣ. Рельсовъ, повидимому, было только два; на нашей дорогѣ ихъ, какъ вамъ извѣстно, двѣнадцать, къ которымъ будетъ прибавлено четыре или пять новыхъ. Эти древніе рельсы были очень легки и помѣщались на близкомъ разстояніи другъ къ другу, что по нашимъ современнымъ понятіямъ совершенно неправильно, если не опасно. Даже нынѣшняя ширина колеи, пятьдесятъ футовъ, считается не вполнѣ надежной, безопасной. Я, съ своей стороны, не сомнѣваюсь, что какая-нибудь дорога должна была существовать въ эти отдаленныя времена. Для меня совершенно очевидно, что Сѣверный и Южный Канадійскіе материки были когда-то, конечно, не менѣе семисотъ лѣтъ тому назадъ,—соединены; слѣдовательно, Канадійцы должны были по необходимости проложить желѣзную дорогу черезъ континентъ.

5 апрѣля. Я просто умираю отъ скуки. Единственный человѣкъ въ нашей компаніи, съ которымъ можно разговаривать, Пундитъ; но онъ, бѣдняга, умѣетъ говорить только о древностяхъ. Онъ цѣлый день пытался убѣдить меня, что древніе Амриканы управляли собою сами,—слыхалъ-ли кто-нибудь о подобной нелѣпости?—образуя родъ конфедераціи, гдѣ каждый былъ самъ по себѣ, какъ «луговыя собаки», о которыхъ мы читаемъ въ баснѣ. По его словамъ, они исходили изъ самой странной идеи, какую только можно себѣ представить—именно, что всѣ люди рождаются

равными и свободными—и это въ виду законовъ градацiи, столь очевидно налагающихъ свою печать на всѣ явленiя духовнаго и матерiальнаго мiра. Каждый «вотировалъ», какъ они называли это, то есть занимался общественными дѣлами, пока, наконецъ, не выяснилось, что дѣло, которое касается всѣхъ, никого не касается, и что «Республика» (такъ назывался этотъ нелѣпый порядокъ) есть въ сущности отсутствiе всякаго правительства. Самодовольство философовъ, изобрѣтшихъ эту «Республику», было впервые нарушено поразительнымъ открытiемъ, что всеобщая подача голосовъ даетъ поводъ къ самымъ мошенническимъ продѣлкамъ, съ помощью которыхъ любое количество голосовъ можетъ быть собрано партiей, достаточно безчестной, чтобы не стыдиться обмана. Послѣ такого открытiя не трудно было сообразить, что при подобныхъ условiяхъ мошенничество должно взять верхъ. Пока философы, устыдившiеся своей глупости, измышляли новыя теорiи, дѣло приняло совершенно неожиданный оборотъ по милости господина по имени Чернь. Онъ захватилъ правленiе въ свои руки и установилъ такой деспотизмъ, въ сравненiи съ которымъ тираннiя баснословныхъ Зерона и Геллофагабала является невинной и желанной. Говорятъ, будто этотъ Чернь (кстати сказать, иностранецъ) былъ гнуснѣйшiй изъ людей, когда либо населявшихъ землю. Гигантскаго роста, наглый, хищный, грязный, онъ соединялъ въ себѣ желчь быка съ сердцемъ гiены и мозгомъ павлина. Въ концѣ концовъ собственная энергiя погубила его, доведя до полнаго истощенiя. Тѣмъ не менѣе онъ принесъ свою долю пользы, какъ и всякое, даже худшее, зло; онъ далъ человѣчеству урокъ, котораго оно никогда не забудетъ: научилъ его сообразоваться во всемъ съ естественными аналогiями.

6-го апрѣля. Ночью любовались Альфой Лиры. Въ зрительную трубку нашего капитана она является подъ угломъ въ полъ градуса и напоминаетъ наше солнце, какимъ оно является для невооруженнаго глаза въ облачный день. Альфа Лиры гораздо больше нашего солнца, но очень походитъ на него своими пятнами, атмосферой и многими другими особенностями. По словамъ Пундита, только въ прошломъ столѣтiи было заподозрѣно двойственное отношенiе между этими двумя мiрами. Очевидное движенiе нашей системы въ мiровомъ пространствѣ, по мнѣнiю древнихъ астрономовъ, совершалось (странно сказать!) по орбитѣ, центромъ которой является чудовищная звѣзда въ серединѣ млечнаго пути. Вокругъ этой звѣзды или, во всякомъ случаѣ, вокругъ центра тяжести, общаго всѣмъ звѣздамъ Млечнаго Пути и предполагаемаго вблизи Альцiоны въ Плеядахъ, вращаются всѣ эти мiры, въ томъ числѣ и наша система, перiодъ обращенiя ко-

торой равняется 117.000.000 лѣтъ. Мы, съ нашими телескопами, съ нашими приспособленіями, затрудняемся понять самую основу подобной идеи. Ее высказалъ впервые нѣкто Медлеръ. По всей вѣроятности, создавая свою дикую гипотезу, онъ руководился главнымъ образомъ аналогіей; но въ такомъ случаѣ надо было довести аналогію до конца. Положимъ, онъ высказалъ мысль о громадномъ центральномъ тѣлѣ; и въ этомъ отношеніи былъ послѣдователенъ. Но это центральное тѣло динамически должно быть больше всѣхъ окружающихъ тѣлъ вмѣстѣ взятыхъ. Если такъ, то является вопросъ: почему же мы его не видимъ? именно мы, находящіеся въ серединѣ этого роя, по близости отъ того мѣста, гдѣ должно находиться чудовищное центральное солнце. Быть можетъ, астрономъ отвѣтитъ, что это тѣло не свѣтящееся. Вотъ уже аналогія оборвалась. Но если даже мы допустимъ не свѣтящееся центральное тѣло, то все-таки оно должно быть видимо, вслѣдствіе отраженнаго свѣта безчисленныхъ роевъ солнцъ, окружающихъ его по всѣмъ направленіямъ. Такимъ образомъ, въ концѣ концовъ авторъ гипотезы приходитъ къ признанію простаго центра тяжести, общаго всѣмъ этимъ вращающимся мірамъ, но здѣсь опять таки аналогія обрывается. Правда, наша система вращается вокругъ общаго центра тяжести, но это происходитъ въ связи съ существованіемъ и вслѣдствіе существованія матеріальнаго солнца, масса котораго превосходитъ остальную систему. Математическій кругъ есть кривая, состоящая изъ безконечнаго множества прямыхъ линій, и это представленіе о кругѣ—представленіе, которое въ нашей земной геометріи является чисто математическимъ въ отличіе отъ практическаго, нагляднаго, — это представленіе есть единственная практическая идея по отношенію къ Гигантскимъ кругамъ, съ которыми намъ приходится имѣть дѣло, по крайней мѣрѣ въ воображеніи, если только мы допустимъ, что наша и всѣ остальныя системы вращаются вокругъ извѣстнаго пункта въ центрѣ млечнаго пути. Пусть попытается самая могучая фантазія представить себѣ этотъ невообразимый кругъ! Безъ всякаго парадокса можно сказать, что сама молнія, вѣчно двигаясь по окружности этого круга, будетъ вѣчно мчаться по прямой линіи. Допустить, что движеніе нашего солнца по такой окружности, что направленіе нашей системы при такой орбитѣ можетъ сколько нибудь замѣтно отклониться отъ прямой линіи хотя бы въ милліонъ лѣтъ, допустить это было бы совершенною нелѣпостью; а между тѣмъ, древніе астрономы воображали, будто имъ удалось замѣтить подобное уклоненіе, совершившееся въ теченіе короткаго періода ихъ астрономической исторіи, т. е. чистаго нуля, точки, какихъ-нибудь двухъ или трехъ тысячъ лѣтъ! Рѣшительно

непонятно, какъ подобныя соображенія не навели ихъ на мысль объ истинномъ положеніи вещей, т. е. о двойномъ обращеніи нашего солнца и Альфы Лиры вокругъ общаго центра тяжести.

Апрѣль. Ночью продолжали наши астрономическія развлеченія. Любовались пятью Нептуріанскими астероидами и съ большимъ интересомъ наблюдали установку двухъ огромныхъ Карнизовъ въ новомъ храмѣ Дафны на лунѣ. Забавно думать, что такія крошечныя существа, какъ лунные жители, такъ непохожіе на людей, далеко превосходятъ насъ по части механики. Трудно также представить себѣ, что чудовищныя массы, съ которыми такъ легко справляются эти существа, въ дѣйствительности вовсе не тяжелы, въ чемъ убѣждаетъ насъ разумъ.

8-го апрѣля. Eureka! Пундитъ въ восторгѣ. Сегодня мы встрѣтили воздушный шаръ изъ Канадіи, который бросилъ намъ послѣдніе №№ газетъ; въ нихъ мы нашли чрезвычайно любопытныя сообщенія, относительно Канадійскихъ или скорѣе Амриканскихъ древностей. Вамъ, по всей вѣроятности, извѣстно, что въ послѣднее время работники расчищали мѣсто для новыхъ фонтановъ въ Парадизѣ, главномъ увеселительномъ саду императора. Парадизъ, повидимому, былъ въ буквальномъ смыслѣ островомъ съ незапамятныхъ временъ, т. е. его сѣверную границу всегда составляла рѣчка или, вѣрнѣе сказать, узкій морской рукавъ. Постепенно расширяясь, этотъ рукавъ достигъ своей настоящей ширины въ милю. Длина острова девять миль, ширина измѣняется въ различныхъ мѣстахъ. Лѣтъ восемьсотъ тому назадъ, вся его площадь (по словамъ Пундита) была застроена домами, причемъ нѣкоторые имѣли по двадцати этажей: земля (по совершенной непонятной причинѣ) цѣнилась необыкновенно высоко въ этой мѣстности. Но опустошительное землетрясеніе 2050 г., уничтожило и засыпало этотъ городъ (онъ былъ слишкомъ великъ, чтобы называться деревней) такъ основательно, что нашимъ антикваріямъ, даже самымъ настойчивымъ, ни разу не удалось найти какихъ-нибудь данныхъ (въ видѣ монетъ, медалей или надписей), на основаніи которыхъ можно бы было получить хоть отдаленное представленіе о привычкахъ, образѣ жизни etc. etc. etc. обитателей города. Намъ было извѣстно только, что они принадлежали къ племени Никербокеровъ, дикарей, которыми кишѣла страна, когда ее впервые открылъ Рикордеръ Риккеръ, рыцарь Золотаго Руна. У нихъ была своего рода цивилизація, существовали различныя искусства и науки. Они отличались остроуміемъ во многихъ отношеніяхъ, но были одержимы маніей постройки зданій, называемыхъ на древне-амриканскомъ языкѣ «церквами», родъ пагоды, предназначенной для служенія двумъ идоламъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Богатства и Моды.

Говорятъ, что подъ конецъ девять десятыхъ всего острова были застроены этими пагодами. Ихъ женщины отличались безобразнымъ развитіемъ той части тѣла, которая помѣщается ниже спины, и что всего страннѣе, эта уродливость считалась въ то время красотой. Какимъ-то чудомъ сохранились два или три изображенія тогдашнихъ женщинъ. Дѣйствительно, онѣ имѣютъ очень курьезный видъ, напоминаютъ нѣчто среднее между индѣйскимъ пѣтухомъ и драмадеромъ. Вотъ все, что намъ было извѣстно до сихъ поръ о древнихъ Кникербокерахъ. Во время послѣднихъ раскопокъ въ императорскомъ саду (который, какъ вамъ извѣстно, занимаетъ весь островъ), рабочіе отрыли гранитную глыбу кубической формы въ нѣсколько сотъ футовъ вѣсомъ, очевидно, искусственно обтесанную. Она хорошо сохранилась и, повидимому, почти не была повреждена землетрясеніемъ. На одной изъ ея сторонъ оказалась мраморная доска, а на доскѣ (можете себѣ представить) надпись! Пундитъ въ экстазѣ. Когда подняли доску, подъ ней оказалось углубленіе, а въ немъ свинцовый ящикъ съ медалями, длиннымъ спискомъ именъ, какими-то бумагами, вродѣ газетъ и тому подобными предметами, представляющими глубокій интересъ въ глазахъ антикварія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это американскія древности, принадлежавшія племени Кникербокеровъ. Газеты переполнены снимками медалей, надписей etc. etc. Я списываю для вашего развлеченія Кникербокерскую надпись на мраморной доскѣ:

Этотъ Угловой Камень Памятника
ДЖОРЖУ ВАШИНГТОНУ
положенъ съ подобающими церемоніями
19-го Октября 1847,
въ годовой день сдачи
Лорда Корнваллиса
Генералу Вашингтону въ Іорктоунѣ
A. D. 1781
заботами
Общества сооруженія Памятника Вашингтону
въ городѣ Нью-Іоркѣ.

Это буквальный переводъ, сдѣланный Пундитомъ, такъ что ошибки не можетъ быть. Эти немногія слова даютъ намъ возможность сдѣлать нѣсколько интересныхъ выводовъ; между прочимъ, тотъ, что тысячу лѣтъ назадъ настоящіе памятники вышли изъ употребленія. Въ то время, какъ и нынѣ, ограничивались простымъ указаніемъ намѣренія воздвигнуть памятникъ; воздви-

гали только краеугольный камень и онъ «въ своемъ безотрадномъ одиночествѣ» (простите мнѣ эту цитату изъ великаго Американскаго поэта Бентона!) являлся достаточнымъ свидѣтельствомъ великодушнаго намѣренія. Что касается достопамятной сдачи, о которой упоминается въ этой удивительной надписи, то мы ясно видимъ изъ нея, кто, когда и какъ сдался. Гдѣ? въ Іорктоунѣ (гдѣ бы онъ ни находился). Кто? Лордъ Корнваллисъ (безъ сомнѣнія, какой-нибудь богатый хлѣботорговецъ). Онъ сдался. Надпись упоминаетъ о сдачѣ, кого? «Лорда Корнваллиса». Возникаетъ вопросъ, зачѣмъ понадобилась дикарямъ его сдача. Безъ сомнѣнія, они были людоѣды, принимая въ соображеніе это обстоятельство, заключаемъ, что они предназначали его на колбасы. Какъ онъ сдался, совершенно ясно. Надпись говоритъ объ этомъ вполнѣ опредѣленно. Лордъ Корнваллисъ сдался (на колбасы) «заботами Общества сооруженія Памятника Вашингтону». Это было, безъ сомнѣнія, благотворительное учрежденіе для постановки краеугольныхъ камней... Небо! что это? А, понимаю, шаръ лопнулъ и мы летимъ въ море. Спѣшу прибавить, что, судя по снимкамъ надписей etc., были въ то время два великіе человѣка, Джонъ кузнецъ и Захарія портной.

До свиданія. Мнѣ все равно, получите вы это письмо или нѣтъ: я пишу для собственнаго удовольствія. Впрочемъ, я вложу это письмо въ бутылку и брошу ее въ море. Будьте здоровы.

Пундита.

Потеря дыханія.

Разсказъ не то Блеквудовскій, не то нѣтъ.

О! не дыши и т. д.
Мелодіи Мура.

Самое упорное бѣдствіе уступаетъ непреодолимому мужеству философіи, какъ самый неприступный городъ—неутомимой бодрости врага. Салманассаръ,—читаемъ мы въ Библіи,—три года стоялъ подъ Самаріей, и она сдалась. Сарданапалъ—смотри у Діодора—семь лѣтъ отсиживался въ Ниневіи;—и все ни къ чему. Троя пала въ концѣ второго люстра; а Азотъ,—по словамъ Аристея, который даетъ въ этомъ честное слово благороднаго человѣка,—отворилъ Псамметиху ворота, продержавъ ихъ на запорѣ пятую часть столѣтія.

— Ахъ, ты, вѣдьма!.. Ахъ, ты, хрычевка!.. Ахъ, ты, чертовка!— сказалъ я моей женѣ на другое утро послѣ нашей свадьбы.—Ахъ, ты, колдунья!.. Ахъ, ты, баба-яга!.. Ахъ, ты, негодница!.. Ахъ, ты, ушатъ всякой гадости!.. Ахъ, ты, смазливая квинтэссенція всяческой

мерзости!—Ахъ, ты... Ахъ, ты...—тутъ я поднялся на цыпочки, схватилъ ее за горло, приложилъ губы къ ея уху и готовился изрыгнуть новый и болѣе сильный эпитетъ, который, безъ сомнѣнія, убѣдилъ бы мою супругу въ ея ничтожествѣ,—какъ вдругъ, къ моему крайнему изумленію и ужасу, почувствовалъ, что мнѣ не передохнуть.

Фразы: «я не въ силахъ духъ перевести», «не передохнуть» и т. п. весьма часто употребляются въ обыкновенномъ разговорѣ. Но я никогда не слыхалъ, чтобы такое ужасное происшествіе случилось bona fide и на дѣлѣ. Вообразите же,— если, конечно, вы одарены хоть крупицей воображенія,—вообразите себѣ мое удивленіе, мой ужасъ, мое отчаяніе.

Но мой добрый геній никогда не покидаетъ меня. Въ минуты самаго крайняго волненія я сохраняю чувство приличія, et le chemin de passions me conduit—какъ выражается лордъ Эдуардъ въ «Юліи», говоря о самомъ себѣ—à la philosophie veritable. Я не могъ въ первую минуту опредѣлить вполнѣ точно, что такое со мной случилось, но, во всякомъ случаѣ, рѣшился скрыть отъ жены это приключеніе, пока дальнѣйшій опытъ не укажетъ мнѣ размѣры постигшаго меня бѣдствія. Итакъ, моментально замѣнивъ разъяренное и разстроенное выраженіе моего лица маской лукаваго и кокетливаго благодушія, я потрепалъ мою благовѣрную по щечкѣ, поцѣловалъ въ другую, и не говоря ни слова (Фуріи! я не могъ), оставилъ ее, изумленную моимъ дурачествомъ, выпорхнувъ изъ комнаты легкимъ pas de Zéphyr.

И вотъ я въ своемъ boudoir'ѣ—куда благополучно добрался — ужасный образчикъ печальныхъ послѣдствій раздражительности— живой, но съ признаками мертваго—мертвый, но съ наклонностями живого—существо спокойное, но бездыханное.

Да! бездыханное. Серьезно говорю: мое дыханіе прекратилось совершенно. Оно не могло бы пошевелить пера, или отуманить поверхность зеркала. Жестокая судьба! Впрочемъ, за первымъ припадкомъ подавляющей скорби послѣдовало нѣкоторое облегченіе. Я убѣдился на опытѣ, что способность рѣчи, такъ внезапно отнявшаяся у меня, когда я бесѣдовалъ съ женой, не вполнѣ утрачена мною, и если бы въ моментъ этого интереснаго кризиса я догадался понизить голосъ до низкихъ горловыхъ звуковъ, то могъ бы еще выразить ей свои чувства. Эти звуки (горловые) зависѣли, какъ я убѣдился, не отъ воздушнаго тока, производимаго дыханіемъ, а отъ особенныхъ спазмодическихъ сокращеній горловыхъ мускуловъ.

Бросившись въ кресло, я погрузился въ глубокія размышленія. Размышленія, конечно, не утѣшительнаго свойства. Меня обуревали

тысячи смутныхъ и плаксивыхъ фантазій, мелькнула даже мысль о самоубійствѣ; но характерная черта извращенной человѣческой природы — отталкивать ясное и доступное ради отдаленнаго и двусмысленнаго. Такъ и я испугался самоубійства, какъ ужаснѣйшей жестокости, между тѣмъ какъ пестрая кошка громко мурлыкала на коврѣ, а ньюфаундлендъ усердно визжалъ подъ столомъ, очевидно хвастаясь силой своихъ легкихъ и издѣваясь надъ моимъ безсиліемъ.

Подавленный роемъ смутныхъ опасеній и надеждъ, я услышалъ, наконецъ, шаги моей жены, которая спускалась по лѣстницѣ. Убѣдившись, что она ушла, я съ замирающимъ сердцемъ вернулся на мѣсто происшествія.

Затворивъ дверь на замокъ, я усердно принялся за поиски. Возможно, думалъ я, что предметъ моихъ поисковъ спрятался гдѣ-нибудь въ уголку, или шмыгнулъ въ какой-нибудь сундукъ или комодъ. Можетъ быть, онъ имѣетъ парообразную, или даже вполнѣ осязаемую форму. Большинство философовъ разсуждаютъ совершенно не философично о многихъ пунктахъ философіи. Однако же, Вильямъ Годвинъ говоритъ въ своемъ «Мандевиллѣ», что «только невидимыя вещи реальны»: это какъ разъ подходитъ къ данному случаю. Не торопитесь, справедливый читатель, признавать мои утвержденія черезчуръ нелѣпыми. Анаксагоръ, если помните, утверждалъ, что снѣгъ черенъ, и я самъ убѣдился въ справедливости его мнѣнія.

Долго и упорно продолжалъ я поиски, но мизерной наградой за мою настойчивость и трудолюбіе были только наборъ фальшивыхъ зубовъ, двѣ пары сѣдалищныхъ костей, глазъ и пачка billets-doux мистера Вѣтрогона къ моей женѣ. Замѣчу, что это явное доказательство пристрастія моей супруги къ м-ру В. не особенно огорчило меня. Мистриссъ Выбейдухъ не могла не восхищаться чѣмъ-либо, совершенно непохожимъ на меня. Это было совершенно естественно. Я, какъ всѣмъ извѣстно, при крѣпкомъ и плотномъ сложеніи отличаюсь малымъ ростомъ. Мудрено-ли, что жердеобразная фигура моего пріятеля, при его вошедшей въ пословицу долговязости, нашла достодолжную оцѣнку въ глазахъ мистриссъ Выбейдухъ. Но вернемся къ дѣлу.

Какъ я уже сказалъ, мои поиски оказались безуспѣшными. Ящикъ за ящикомъ, комодъ за комодомъ, уголокъ за уголкомъ были обысканы безъ всякаго результата. Однажды, впрочемъ, мнѣ показалось, что я нашелъ свою пропажу, именно когда, роясь въ платяномъ шкафу, я нечаянно разбилъ флаконъ Гранжановскаго Масла Архангеловъ, которое, кстати сказать, обладаетъ очень пріятнымъ запахомъ, такъ что я беру на себя смѣлость рекомендовать его вамъ.

Съ стѣсненнымъ сердцемъ вернулся я свой въ boudoir, обдумать, какимъ способомъ обмануть мнѣ проницательность жены, пока не улажу всего, что нужно для отъѣзда изъ страны, на что я твердо рѣшился. Я надѣялся, что подъ чуждымъ небомъ, среди незнакомыхъ людей, мнѣ удастся скрыть свое несчастіе, — несчастіе, которое еще сильнѣе, чѣмъ нищета, дѣйствуетъ на массу и навлекаетъ на человѣка справедливое негодованіе добродѣтельныхъ и счастливыхъ. Я не долго думалъ. Обладая природной живостью, я повторилъ въ умѣ всю трагедію «Метамора». Я припомнилъ, что декламація этой драмы, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ мѣстахъ ея, которыя относятся къ самому герою, вовсе не требуетъ именно тѣхъ тоновъ, которыхъ недоставало моему голосу, что въ ней все время господствуетъ монотонный низкій горловой звукъ.

Я началъ съ прогулокъ по берегамъ одного извѣстнаго болота —не изъ подражанія подобнымъ же прогулкамъ Демосѳена, а для своихъ собственныхъ спеціальныхъ цѣлей. Вооружившись такимъ образомъ съ головы до ногъ, я постарался убѣдить жену, что воспылалъ внезапной страстью къ театру. Это удалось на диво; и вскорѣ я могъ свободно отвѣчать на любой вопросъ или замѣчаніе цитатами изъ трагедіи, произнося ихъ гробовымъ тономъ квакающей лягушки. Къ довершенію удовольствія, я убѣдился, что всѣ мѣста трагедіи одинаково подходятъ для этой цѣли. Какъ водится, произнося эти тирады, я поглядывалъ искоса, скалилъ зубы, дергалъ колѣнями, дрыгалъ ногами, вообще продѣлывалъ всю ту мимику, которая справедливо считается принадлежностью хорошаго актера. Конечно, мои знакомые поговаривали, будто на меня слѣдуетъ надѣть смирительную рубашку,—зато ни одинъ изъ нихъ не догадался, что я потерялъ дыханіе.

Покончивъ, наконецъ, съ дѣлами, я рано утромъ усѣлся въ почтовую карету, увѣривъ предварительно моихъ знакомыхъ, будто мнѣ необходимо отправится въ . . . . . . по важному дѣлу.

Карета была биткомъ набита, но въ сумракѣ ранняго утра я не могъ разглядѣть лица моихъ спутниковъ. Не оказывая никакого сопротивленія, я позволилъ усадить себя между двумя джентльменами колоссальныхъ размѣровъ; тогда какъ третій, еще большаго объема, попросивъ извиненія за свою вольность, навалился на меня всѣмъ тѣломъ и моментально заснулъ, заглушивъ мои гортанные вопли о помощи храпомъ, который заставилъ бы покраснѣть ревъ быка Фалариса. Къ счастью, состояніе моихъ дыхательныхъ способностей исключало всякую возможность задушенія.

Какъ бы то ни было, съ наступленіемъ дня, когда мы приближались къ предмѣстьямъ города, мой мучитель проснулся и, поправивъ воротничекъ, дружески благодарилъ меня за любезность.

Видя, что я остаюсь безъ движенія (всѣ мои члены были вывихнуты и голова свернута на бокъ), онъ встревожился и, разбудивъ остальныхъ пассажировъ, сообщилъ имъ очень рѣшительнымъ тономъ, что, по его мнѣнію, къ нимъ подсунули ночью мертвеца подъ видомъ живого и правоспособнаго пассажира; при этомъ, въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ ткнулъ меня въ правый глазъ.

Послѣ этого всѣ, одинъ за другимъ (всего было девять человѣкъ) сочли своимъ долгомъ подергать меня за ухо. Молодой, начинающій врачъ приложилъ къ моимъ губамъ карманное зеркальце и, убѣдившись, что я не дышу, подтвердилъ мнѣніе моего гонителя. Тогда всѣ объявили, что не потерпятъ подобнаго обмана и не согласны путешествовать со всякой падалью.

Итакъ, меня выбросили у воротъ гостинницы «Ворона» (мимо которой дилижансъ проѣзжалъ въ эту минуту) причемъ лѣвое заднее колесо переломило мнѣ обѣ руки. Я долженъ отдать справедливость кондуктору; онъ былъ настолько добросовѣстенъ, что выбросилъ самый большой изъ моихъ чемодановъ, причемъ, къ несчастью, попалъ мнѣ прямо въ голову и раздробилъ черепъ самымъ любопытнымъ и замѣчательнымъ образомъ.

Хозяинъ «Вороны», человѣкъ гостепріимный, убѣдившись, что содержимое моего чемодана вознаградитъ его за хлопоты, послалъ за хирургомъ и уступилъ меня ему за десять долларовъ.

Покупатель отнесъ меня къ себѣ и немедленно принялся за операцію. Однако, отрѣзавъ мнѣ оба уха, онъ замѣтилъ во мнѣ признаки жизни. Тогда онъ позвонилъ и послалъ за сосѣднимъ аптекаремъ, чтобы обсудить сообща это обстоятельство. Въ ожиданіи, что его подозрѣнія подтвердятся, онъ разрѣзалъ мнѣ животъ и вынулъ изъ него различныя внутренности, имѣя въ виду изслѣдовать ихъ впослѣдствіи.

Аптекарь высказалъ мнѣніе, что я дѣйствительно померъ. Я постарался опровергнуть это мнѣніе самыми бѣшеными тѣлодвиженіями, судорогами и прыжками: дѣло въ томъ, что операціи хирурга до нѣкоторой степени вернули мнѣ власть надъ моимъ тѣломъ. Но всѣ эти движенія были приписаны дѣйствію гальванической баттареи, съ помощью которой аптекарь произвелъ рядъ весьма любопытныхъ опытовъ, которыми я съ своей стороны крайне заинтересовался. Во всякомъ случаѣ я былъ жестоко огорченъ, убѣдившись, что не смотря на всѣ попытки заговорить, не могу даже разинуть ротъ; тѣмъ менѣе опровергнуть остроумныя, но фантастическія теоріи аптекаря, которыя при другихъ обстоятельствахъ я безъ труда разбилъ бы въ пухъ и прахъ, такъ какъ хорошо знакомъ съ Гиппократовской патологіей.

Не придя ни къ какому опредѣленному заключенію, врачи рѣ-

шили отложить меня для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Я былъ перенесенъ на чердакъ; супруга врача надѣла на меня чулки и панталоны, а самъ врачъ связалъ мнѣ руки и стянулъ челюсти носовымъ платкомъ, затѣмъ замкнулъ дверь снаружи и ушелъ обѣдать, предоставивъ мнѣ размышлять въ уединеніи.

Я вскорѣ съ восхищеніемъ замѣтилъ, что могъ бы говорить, если бы мой ротъ не былъ завязанъ носовымъ платкомъ. Утѣшаясь этимъ соображеніемъ, я повторилъ про себя нѣсколько строкъ изъ «Вездѣсущія Божія», что обыкновенно дѣлалъ передъ сномъ, какъ вдругъ двѣ кошки, алчнаго и подозрительнаго вида, выскочили изъ отверстія въ стѣнѣ, распѣвая аріи à la Catalani и, усѣвшись другъ противъ дружки на моей физіономіи, предались неприличной распрѣ, съ большимъ ущербомъ для моего носа.

Но какъ потеря ушей возвела на престолъ Кира персидскаго Мага, какъ утрата носа помогла Зопиру овладѣть Вавилономъ, такъ потеря нѣсколькихъ унцій физіономіи спасла мое тѣло. Раздраженный болью и пылая негодованіемъ, я разомъ порвалъ свои узы и повязку. Я прошелся по чердаку, бросая презрительные взгляды на дерущихся и распахнувъ, къ ихъ крайнему ужасу и отчаянію, ставни, ловко выбросился изъ окна.

Въ это самое время изъ городской тюрьмы везли на висѣлицу, устроенную въ предмѣстьи, извѣстнаго грабителя дилижансовъ В—, который замѣчательно походилъ на меня лицомъ. Въ виду его крайней дряхлости и продолжительной болѣзни онъ былъ избавленъ отъ оковъ и лежалъ въ телѣжкѣ палача (которая проѣзжала въ эту минуту какъ разъ подъ окнами хирурга) въ висѣличномъ костюмѣ, очень похожемъ на мой,—подъ надзоромъ заснувшаго возницы и двухъ пьяныхъ рекрутовъ шестого пѣхотнаго полка.

Надо же было мнѣ, выскочивъ изъ окна, попасть прямо въ телѣжку. В— малый очень остроумный не преминулъ воспользоваться удобнымъ случаемъ. Вскочивъ на ноги, онъ спрыгнулъ съ телѣжки и во мгновеніе ока исчезъ изъ вида. Рекруты, разбуженные шумомъ, не могли сообразить, въ чемъ дѣло. Увидавъ человѣка, походившаго какъ двѣ капли воды на преступника и стоявшаго во весь ростъ на телѣжкѣ, они вообразили, что мошенникъ (подразумѣвая В—) собирается удрать (ихъ подлинное выраженіе) и, сообщивъ другъ другу свои мнѣнія на этотъ счетъ, хватили по чаркѣ водки, а затѣмъ сбили меня съ ногъ прикладами ружей.

Вскорѣ мы прибыли на мѣсто назначенія. Разумѣется, никто не сказалъ ни слова въ мою защиту. Рокъ судилъ мнѣ висѣлицу. Итакъ, я покорился судьбѣ не безъ горечи, но въ общемъ довольно

равнодушно. Будучи немного циникомъ по натурѣ, я обладалъ всѣми чувствами собаки. Палачъ надѣлъ мнѣ петлю на шею. Доска упала—я повисъ.

Не стану описывать свои ощущенія на висѣлицѣ, хотя безъ сомнѣнія могъ бы сообщить много интереснаго на эту тему, тѣмъ болѣе, что никто еще не сказалъ ничего путнаго объ этомъ предметѣ. Дѣло въ томъ, что изобразить чувства повѣшеннаго можетъ лишь тотъ, кто былъ повѣшенъ. Авторъ можетъ судить лишь о томъ, что онъ самъ испыталъ. Такъ Маркъ Антоній написалъ трактатъ о пьянствѣ.

Замѣчу, во всякомъ случаѣ, что я не умеръ. Не имѣя дыханія, я не могъ задохнуться; и если бы не узелъ подъ моимъ лѣвымъ ухомъ, я не испытывалъ бы ни малѣйшаго неудобства. Правда, меня сильно дернула веревка, когда опускная доска ускользнула изъ подъ моихъ ногъ, но этотъ толчекъ только вправилъ мнѣ шею, вывихнутую толстымъ джентльменомъ въ дилижансѣ.

Во всякомъ случаѣ я не хотѣлъ разочаровать публику. Говорятъ, мои конвульсіи были необычайны. Мои судороги были неподражаемы. Толпа кричала bis. Мужчины падали въ обморокъ, женщинъ уносили въ истерикѣ. Пинкситъ воспользовался случаемъ, чтобы исправить свою удивительную картину «Марсіасъ, съ котораго сдираютъ кожу заживо».

Когда я достаточно позабавилъ толпу, рѣшили снять меня съ висѣлицы, тѣмъ болѣе, что настоящій преступникъ былъ въ это время пойманъ и узнанъ,—фактъ, къ сожалѣнію, оставшійся неизвѣстнымъ для меня.

Разумѣется, ко мнѣ отнеслись съ большимъ сочувствіемъ и такъ какъ никто не предъявилъ правъ на мое тѣло, то рѣшено было похоронить меня въ общественномъ склепѣ.

Тутъ меня и положили послѣ надлежащихъ церемоній. Могильщикъ ушелъ и я остался одинъ. Стихъ изъ «Недовольнаго» Марстона—

«Смерть хорошій малый, ея домъ открытъ для всѣхъ»,

вспомнился мнѣ въ эту минуту и показался очевидной ложью.

Какъ бы то ни было, я сбросилъ крышку съ своего гроба и вылѣзъ вонъ. Помѣщеніе оказалось очень сырымъ и мрачнымъ, меня начинала томить скука. Чтобы развлечься, я сталъ прогуливаться среди гробовъ, разставленныхъ кругомъ. Я снималъ съ нихъ крышки, одну за другой, и предавался размышленіямъ о бренныхъ останкахъ, которые въ нихъ заключались.

— Вотъ этотъ — говорилъ я, наткнувшись на распухшій, одутловатый, круглый трупъ,— вотъ этотъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ несчастный, злополучный человѣкъ. Его постигла жестокая

участь: онъ могъ ковылять, а не ходить, онъ брелъ по жизненному пути не какъ разумное существо, а подобно слону, не какъ человѣкъ, а какъ носорогъ.

— Его попытки двигаться впередъ терпѣли неудачу, а его круговращательная походка представляла жалкое зрѣлище. Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ дѣлалъ два вправо и два влѣво. Онъ могъ читать только стихотворенія Краббе. Онъ не имѣлъ понятія о чудесахъ пируэта. Для него pas de papillon былъ чисто абстрактной идеей. Онъ никогда не взбирался на вершину горы. Онъ никогда не обозрѣвалъ великолѣпную столицу съ высокой башни. Жара была его смертный врагъ. Въ лучшее время года онъ терпѣлъ худшія муки. Ему грезилось пламя и удушливый дымъ—горы, нагроможденныя на горы, Пеліонъ на Оссѣ. Онъ страдалъ одышкой, этимъ все сказано. Онъ не признавалъ игры на духовыхъ инструментахъ. Онъ изобрѣлъ самодвижущійся вѣеръ, виндзейль и вентиляторъ. Онъ покровительствовалъ фабриканту мѣховъ Дюпону и умеръ жалкою смертью, пытаясь затянуться сигарой. Его участь глубоко интересуетъ меня, его судьба возбуждаетъ мои искреннія симпатіи. Но здѣсь—продолжалъ я, презрительно вытаскивая изъ гроба длинную, сухопарую фигуру, странная наружность которой показалась мнѣ непріятно знакомой,—здѣсь лежитъ негодяй, не заслуживающій ни малѣйшаго сожалѣнія.—Говоря это и желая разсмотрѣть фигуру поближе, я взялъ ее за носъ большимъ и указательнымъ пальцами, привелъ въ сидячее положеніе и держалъ въ такомъ видѣ, продолжая свой монологъ.

— Не заслуживающій,—повторилъ я,—ни малѣйшаго сожалѣнія. Кому прійдетъ въ голову сожалѣть о тѣни? къ тому же развѣ онъ не воспользовался всѣми благами, достающимися на долю смертнаго? Онъ изобрѣтатель высокихъ монументовъ, башни для литья дроби, громоотводовъ, пирамидальныхъ тополей. Его трактатъ о «Тѣняхъ» и «Оттѣнкахъ» обезсмертилъ его. Онъ рано поступилъ въ училище и изучалъ пневматику. Затѣмъ онъ вернулся домой, говорилъ безъ умолку и игралъ на альпійскомъ рожкѣ. Онъ поощрялъ игру на волынкѣ. Капитанъ Барклай, который шелъ противъ времени, не рѣшился бы пойти противъ него. Онъ умеръ славною смертью, вдыхая газъ, laevique flatu corrupitur,—подобно fama pudicitiae Іеронима *). Онъ былъ безъ сомнѣнія...

— Какъ вы можете? Какъ... вы... можете?—Перебилъ объектъ моихъ разсужденій, задыхаясь и отчаяннымъ усиліемъ срывая по-

*) Tenera res in feminis fama pudicitiae, et quasi flos pulcherrimus, cito ad levem marcessit auram, levique flatu corrupitur, maxime etc.—Hieronymus ad Salvinam. (Деликатная вещь—добрая слава женщинъ, и, какъ прекраснѣйшій цвѣтокъ, вянетъ отъ легкаго вѣтра, отъ легкаго дуновенія портится).

вязку, стягивающую его челюсть. — Какъ вы можете, мистеръ Выбей духъ, такъ адски жестоко дергать меня за носъ! Развѣ вы не видите ,что у меня завязанъ ротъ,—и должны же вы знать— если что-нибудь знаете— какой у меня избытокъ дыханія! Если же не знаете, садитесь, увидите сами.—Въ моемъ положеніи очень пріятно развязать кому-нибудь ротъ—побесѣдовать съ кѣмъ-нибудь—потолковать съ господиномъ вродѣ васъ, который не станетъ прерывать разсужденій джентельмена.—Перерывы несносны, ихъ нужно запретить,— не правда-ли?—не отвѣчайте, прошу васъ, —довольно одному говорить за разъ. — Въ свое время я кончу и тогда можете начать вы. —За какимъ чортомъ, сударь, вы забрались въ это мѣсто?—Ни слова, умоляю васъ!—Самъ попалъ сюда, —ужасный случай!—Слыхали, конечно?—страшное несчастье!— шелъ подъ вашими окнами—не такъ давно—вы тогда помѣшались на театрѣ—невѣроятное приключеніе!—Слышу: «уловилъ дыханіе» — придержите языкъ, говорятъ вамъ!—улавливаю чье-то дыханіе—а у меня и своего избытокъ — встрѣчаю на углу Болтуна,—дайте же сказать слово!—не могу издать звука,—падаю въ припадкѣ эпилепсіи.—Чортъ побери дураковъ!—приняли меня за мертваго и стащили сюда,—ловкая штука, нечего сказать!—слышалъ все, что вы говорили обо мнѣ,— каждое слово ложь,—ужасная!—поразительная!—оскорбительная!—отвратительная!—непонятная, et cetera, et cetera, et cetera, et cetera.

Не возможно себѣ представить мое изумленіе при этой неожиданной рѣчи; и мою радость, когда я мало по малу убѣдился, что дыханіе, такъ удачно пойманное этимъ джентельменомъ, (въ которомъ я не замедлилъ узнать моего сосѣда Вѣтрогона), было мое собственное дыханіе, утерянное мною во время разговора съ моей женой. Мѣсто, время и обстоятельства не оставляли сомнѣнія на этотъ счетъ. Я, однако,не выпустилъ немедленно обонятельный органъ мистера В—а, а продолжалъ держаться за него все время, пока изобрѣтатель пирамидальныхъ тополей удостоивалъ меня своими объясненіями.

Поступая такимъ образомъ, я руководился благоразуміемъ, которое всегда составляло мою отличительную черту. Я понималъ, что на пути къ моему спасенію могутъ возникнуть многочисленныя затрудненія, для преодолѣнія которыхъ потребуется крайнее напряженіе силъ съ моей стороны. Есть много людей, думалъ я, склонныхъ оцѣнивать блага, доставшіяся на ихъ долю,—хотя бы совершенно безполезныя для нихъ, хотя бы причинявшія имъ только безпокойство и огорченіе,—въ прямомъ отношеніи съ выгодами, которыя извлекутъ другіе отъ пріобрѣтенія этихъ благъ или они сами, отказавшись отъ нихъ. Въ данномъ случаѣ можетъ ока-

заться то же самое. Если я выражу безпокойство по поводу дыханія, отъ котораго мистеръ Вѣтрогонъ радъ бы былъ избавиться въ настоящую минуту, то этимъ самымъ рискую сдѣлаться жертвой его скупости. Есть негодяи на этомъ свѣтѣ, подумалъ я со вздохомъ, готовые сыграть штуку даже съ ближайшимъ сосѣдомъ. Къ тому же (это замѣчаніе изъ Эпиктета) именно въ то время, когда человѣкъ жаждетъ сбросить съ себя грузъ бѣдствій, у него всего меньше охоты облегчать отъ подобнаго груза другихъ.

Подъ вліяніемъ этихъ соображеній, я продолжалъ держать за носъ мистера В. и обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью:

— Чудовище! — сказалъ я тономъ глубочайшаго негодованія,— чудовище и вдвойнѣ-дышащій идіотъ! какъ смѣешь ты, котораго небу угодно было покарать двойнымъ дыханіемъ, какъ смѣешь ты обращаться ко мнѣ съ фамильярной рѣчью стараго знакомаго? «Я лгу», въ самомъ дѣлѣ! и «придержите языкъ», конечно!— прекрасныя выраженія, что и говорить, при обращеніи къ джентльмену съ однимъ дыханіемъ! и это въ то самое время, когда я могу облегчить бѣдствіе, столь справедливо постигшее тебя, взявъ на себя избытокъ твоего жалкаго дыханія.

Подобно Бруту, я остановился въ ожиданіи отвѣта, съ которымъ мистеръ Вѣтрогонъ обрушился на меня точно смерчъ. Протестъ слѣдовалъ за протестомъ, оправданіе за оправданіемъ. Не было условій, на которыя бы онъ не соглашался и не было условій, которыми бы я не воспользовался.

Когда, наконецъ, мы столковались, мой пріятель передалъ мнѣ дыханіе, а я (тщательно разсмотрѣвъ его) выдалъ росписку въ полученіи—не сейчасъ, а позднѣе.

Я увѣренъ, что многіе будутъ порицать меня за слишкомъ бѣглый отчетъ о такой неосязаемой сдѣлкѣ. Они, безъ сомнѣнія, скажутъ, что я долженъ былъ гораздо подробнѣе распространиться о происшествіи, которое (съ этимъ нельзя не согласиться) можетъ бросить свѣтъ на многія интереснѣйшія отрасли естественной философіи.

На это я, къ сожалѣнію, ничего не могу возразить. Я долженъ ограничиться намекомъ, не болѣе. Были обстоятельства... но, по здравомъ размышленіи, я думаю, что гораздо лучше не распространяться о дѣлѣ столь деликатномъ, повторяю, столь деликатномъ и въ то же время затрогивающемъ интересы третьяго лица, ехидную злость котораго я вовсе не желаю навлечь на себя.

Вскорѣ послѣ нашей сдѣлки намъ удалось выбраться изъ подземелья. Соединенныя силы нашихъ голосовъ были достаточно велики. «Ножницы», органъ Вига, напечатали статью о «природѣ и происхожденіи подземныхъ шумовъ». Отвѣтъ, опроверженіе, воз-

раженіе и оправданіе, появился на столбцахъ «Демократической Газеты». Чтобы разрѣшить споръ, отворили склепъ, и тутъ появленіе мистера Вѣтрогона и меня показало, что обѣ стороны ошибались.

Заканчивая этотъ отчетъ о нѣкоторыхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ въ жизни, вообще богатой приключеніями, считаю своимъ долгомъ еще разъ обратить вниманіе читателя на достоинства той безразличной философіи, которая является вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ щитомъ противъ бѣдствій невидимыхъ, неощутимыхъ и не вполнѣ понятныхъ. Совершенно въ духѣ этой мудрости древніе евреи вѣрили, что врата райскія обязательно растворяются передъ грѣшникомъ или праведникомъ, у которыхъ достаточно хорошія легкія и довольно увѣренности, чтобы крикнуть «аминь». Равнымъ образомъ, когда чума опустошала Аѳины и всѣ средства были перепробованы безъ успѣха, Эпименидъ (по словамъ Лаэрція) совершенно въ духѣ этой мудрости посовѣтовалъ воздвигнуть алтарь и храмъ «истинному Богу».

Литтльтонъ Барри.

Дѣловой человѣкъ.

Методъ—душа дѣла.
Старинная поговорка.

Я дѣловой человѣкъ. Я методическій человѣкъ. Въ концѣ концовъ методъ важная вещь. Но я отъ всей души презираю эксцентрическихъ дураковъ, которые толкуютъ о методѣ, не понимая его, цѣпляясь за его букву и упуская изъ вида духъ. Эти молодцы всегда дѣлаютъ самыя неподходящія вещи методически, какъ они выражаются. Но это, по моему мнѣнію, положительный парадоксъ. Методъ прилагается только къ ординарному и очевидному и не можетъ быть примѣненъ къ outré. Какую опредѣленную идею можно связать съ такими выраженіями, какъ «методическій Джэкъ о'Дэнди» или «систематическій Вилли Мотылекъ?»

Быть можетъ, мои взгляды на этотъ предметъ не отличались бы такою ясностью, если бы со мной не случилось еще въ раннемъ дѣтствѣ весьма счастливое происшествіе. Однажды, когда я производилъ больше шума чѣмъ обыкновенно, добродушная старая кормилица—ирландка (я не забуду ее въ моемъ завѣщаніи) схватила меня за ноги, покружила въ воздухѣ, выбранила «проклятымъ пискленкомъ» и хватила головой о ножку кровати. Это происшествіе, говорю я, рѣшило мою будущность и создало мое благополучіе. На затылкѣ у меня разомъ вскочила шишка, кото-

рая оказалась превосходнымъ органомъ порядка. Отсюда положительная страсть къ системѣ и аккуратности, создавшая изъ меня замѣчательно дѣлового человѣка.

Если есть на землѣ что-либо ненавистное для меня, такъ это геній. Ваши геніи набитые дурни; чѣмъ больше генія, тѣмъ больше глупости, и изъ этого правила нѣтъ никакихъ исключеній. Сдѣлать изъ генія дѣлового человѣка такъ же невозможно, какъ добиться денегъ отъ жида, или мушкатныхъ орѣховъ отъ сосновой шишки. Эти созданія вѣчно сбиваются съ пути, ради какого-нибудь фантастическаго предпріятія, или смѣшной спекуляціи, совершенно расходясь съ «цѣлесообразностью вещей» и въ сущности не занимаясь никакимъ дѣломъ, достойнымъ этого названія. Такимъ образомъ, вы можете живо опредѣлить ихъ характеры по ихъ занятіямъ. Если вы встрѣтите человѣка, который мѣтитъ въ купцы или фабриканты, или затѣваетъ торговыя операціи съ хлопкомъ и табакомъ, или другія столь же эксцентрическія предпріятія, или намѣренъ сдѣлаться бакалейщикомъ, мыловаромъ и т. п., или претендуетъ на званіе юриста, кузнеца, врача, вообще на какую-нибудь необычайную профессію, знайте,—это геній, то есть, въ силу тройнаго правила, оселъ.

Я отнюдь не геній, я аккуратный дѣловой человѣкъ. Мой Дневникъ и приходо-расходная книга доказываютъ это какъ нельзя яснѣе. Они ведутся безукоризненно, вы можете повѣрить мнѣ на слово; и въ отношеніи аккуратности и пунктуальности меня не перещеголяютъ часы. Мало того, мои занятія всегда согласовались съ обыкновенными привычками моихъ ближнихъ. Я, однако, вовсе не обязанъ этимъ моимъ крайне слабоумнымъ родителямъ, которые, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы изъ меня генія, если бы мой ангелъ хранитель не явился своевременно ко мнѣ на выручку. Въ біографіи правда—все, а въ автобіографіи тѣмъ болѣе; и все-таки читатель, пожалуй, не повѣритъ, какъ бы я ни увѣрялъ, что мой простякъ родитель помѣстилъ меня на шестнадцатомъ году въ контору одного, какъ онъ выражался, «почтеннаго коммиссіонера и торговца желѣзнымъ товаромъ, обдѣлывавшаго важныя дѣла». Важныя благоглупости! Какъ бы то ни было, результатомъ этой безумной выходки было то, что дня черезъ три меня доставили обратно въ мою тупоголовую семью, въ сильнѣйшей горячкѣ, съ жестокими и опасными болями въ затылкѣ, въ области моего органа порядка. Чуть было совсѣмъ не пропалъ я въ то время. Но хотя мнѣ пришлось много страдать, я въ общемъ былъ благодарный мальчикъ. Я избавился отъ грозившей мнѣ участи «почтеннаго коммиссіонера и торговца желѣзнымъ товаромъ» и чувствовалъ глубокую благодарность къ опухоли, явившейся

орудіемъ моего спасенія, и къ добродушной женщинѣ, снабдившей меня этимъ орудіемъ.

Большею частью мальчики покидаютъ родной домъ десяти или двѣнадцати лѣтъ, но я дождался шестнадцати. Я бы можетъ быть и тогда не ушелъ, если бы моя матушка не выразила намѣренія пустить меня по москательной части. По москательной части! какъ вамъ это нравится? Я рѣшилъ распроститься съ семьей и попытаться найти какое-нибудь приличное занятіе, которое избавило бы меня отъ старческаго своенравія моихъ родителей и отъ опасности сдѣлаться въ концѣ концовъ геніемъ. Попытка моя сразу увѣнчалась успѣхомъ и, когда мнѣ стукнуло восемнадцать лѣтъ, я занималъ важную и прибыльную должность Ходячаго Объявленія при торговомъ домѣ.

Я могъ исполнять обременительныя обязанности, связанныя съ этой профессіей, только благодаря строгой систематичности, составлявшей основную черту моего характера. Точный методъ характеризовалъ мои дѣйствія, равно какъ и мои счеты. Въ моей профессіи методъ, а не деньги, создавалъ человѣка: по крайней мѣрѣ, ту часть его, которая не была сдѣлана портнымъ (я служилъ у портного). Каждое утро, въ девять часовъ, я заходилъ къ нему за костюмомъ, предназначеннымъ для того дня. Въ десять часовъ я уже прогуливался по какому-нибудь людному бульвару. Методичность, съ которой я поворачивалъ во всѣ стороны свою пріятную особу, чтобы дать возможность публикѣ послѣдовательно осмотрѣть всѣ части костюма, приводила въ восторгъ свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ людей. Дня не проходило, чтобы я не привелъ кліента въ магазинъ моихъ патроновъ гг. Крой и Выкрой. Я говорю объ этомъ съ гордостью, но и со слезами на глазахъ, потому что фирма проявила самую черную неблагодарность. Ни одинъ порядочный человѣкъ, знакомый съ этой профессіей, не сочтетъ нескромнымъ небольшой счетецъ, изъ-за котораго мы поссорились и разстались. Впрочемъ, объ этомъ пунктѣ я съ гордымъ самодовольствомъ предоставляю судить самому читателю. Вотъ мой счетъ: Отъ гг. Крой и Выкрой, портныхъ, слѣдуетъ Петеру Профиту, Ходячему объявленію:

			Долл.	Пен.
Іюля	10.	—Прогулка и приводъ заказчика . . .	—	25
»	11.	— тоже—тоже—тоже	—	25
»	12.	—За одну ложь, второго разбора; подержанное черное сукно, проданное за тускло зеленое	—	25
»	13.	—За одну ложь, перваго разбора, высшаго		

		Долл.	Пен.
	качества; выдалъ дрянной полусатинъ за тонкое сукно	—	75
Іюля	20.—За покупку новаго бумажнаго воротничка, чтобы сѣрый жилетъ рѣзче бросался въ глаза	—	2
Августа	15.—За прогулку въ короткомъ пальто на двойной подкладкѣ. (термом. 76° въ тѣни)	—	25
»	16.—Простоялъ три часа на одной ногѣ, чтобы показать новаго фасона штрипки, по $12^1/_2$ центовъ съ ноги за часъ	—	$37^1/_2$
»	17.—Прогулка по обыкновенію и приводъ большого (жирнаго) заказчика . .	—	50
Августа	18.— Тоже—тоже (заказчикъ сред. велич.)	—	25
»	19.— Тоже—тоже (маленькій заказчикъ) .	—	6
		2	$96^1/_2$

Разногласіе возникло главнымъ образомъ изъ-за двухъ пенни за воротничекъ. Честное слово, это не дорогая плата за воротничекъ. Я никогда не видывалъ такихъ чистенькихъ и миленькихъ воротничковъ; навѣрно, благодаря ему были проданы три сѣрыхъ жилета. Какъ бы то ни было, старшій пайщикъ фирмы согласился выдать мнѣ только пенни, да еще взялъ на себя трудъ показать мнѣ, какимъ образомъ можно вырѣзать четыре такихъ же точно воротничка изъ листка почтовой бумаги. Нужно-ли говорить, что я настаивалъ ради принципа. Дѣло есть дѣло и должно дѣлаться дѣловымъ образомъ. Не было никакой системы въ зажиливаніи у меня пенни: чистѣйшій обманъ на пятьдесятъ процентовъ, никакого метода. Я немедленно оставилъ службу у гг. Крой и Выкрой и занялся профессіей Бѣльма на Глазу,—одна изъ самыхъ прибыльныхъ, почтенныхъ и независимыхъ обыкновенныхъ профессій.

Моя безусловная честность, экономія и строгая дѣловитость снова нашли себѣ примѣненіе на этомъ поприщѣ. Дѣла мои процвѣтали и вскорѣ я пріобрѣлъ извѣстность. Дѣло въ томъ, что я никогда не затѣвалъ блестящихъ, экстравагантныхъ операцій, а придерживался старой испытанной рутины. Безъ сомнѣнія, я и понынѣ занимался бы этимъ ремесломъ, если бъ не происшествіе, помѣшавшее мнѣ привести въ исполненіе одну изъ самыхъ обыкновенныхъ операцій, связанныхъ съ нашей профессіей. Всякій разсудительный человѣкъ знаетъ, что если какому-нибудь старому скрягѣ, или расточительному наслѣднику, или корпораціи банкротовъ вздумается выстроить дворецъ, то никакія силы въ мірѣ не

остановятъ ихъ. Это обстоятельство служитъ основой нашихъ операцій. Узнавъ, что постройка рѣшена и мѣсто для нея облюбовано, мы покупаемъ въ этомъ самомъ мѣстѣ или тутъ же рядомъ небольшой клочекъ земли. Затѣмъ мы дожидаемся, пока дворецъ будетъ выстроенъ на половину, нанимаемъ моднаго архитектора и поручаемъ ему соорудить лачугу поэффектнѣе и погрязнѣе какъ разъ противъ дворца: какой-нибудь общедоступный кабинетъ, или свиной хлѣвъ, или изящную фантастическую постройку въ Эскимосскомъ, Кикапусскомъ, Готтентотскомъ стилѣ. Разумѣется, продавая эту постройку, мы не можемъ взять менѣе пятисотъ процентовъ на затраченную сумму. Можемъ-ли? — спрашиваю я васъ. Спрашиваю, какъ дѣловой человѣкъ. И что же! нашлась корпорація бездѣльниковъ, которая предложила мнѣ поступить именно такъ, именно такъ! Разумѣется, я не отвѣчалъ на ихъ нелѣпое предложеніе, но счелъ своимъ долгомъ въ ту же самую ночь выпачкать сажей всю ихъ постройку. За это безтолковые подлецы упрятали меня въ тюрьму, а когда я вышелъ изъ нея, представители нашей профессіи не пожелали водиться со мною.

Профессія Жертвы Оскорбленія Дѣйствіемъ, за которую я принялся, оказалась не совсѣмъ подходящей къ моему деликатному сложенію; но я взялся за дѣло съ легкимъ сердцемъ, находя и здѣсь поддержку въ строгой методической аккуратности, внѣдренной въ меня восхитительной старушкой-кормилицей—по истинѣ, я былъ бы гнуснѣйшимъ изъ людей, еслибъ не упомянулъ о ней въ моемъ завѣщаніи. Соблюдая строжайшую систему въ своихъ поступкахъ и аккуратность въ веденіи книгъ, я избѣжалъ многихъ серьезныхъ затрудненій, и въ концѣ концовъ устроился весьма прилично. Немного найдется людей, какой угодно профессіи, которые обдѣлывали бы столько хорошенькихъ дѣлишекъ, какъ я. Я сейчасъ приведу страничку-другую изъ моего дневника; это избавитъ меня отъ необходимости трубить самому о своихъ успѣхахъ—вещь, достойная презрѣнія, на которую неспособенъ человѣкъ возвышеннаго ума. Ну, а Дневникъ не можетъ лгать.

«Янв. 1. Новый годъ. Встрѣтилъ Снапа на улицѣ—въ подпитіи. Зам. онъ подойдетъ. Немного погодя встрѣтилъ Груффа—пьянъ, какъ стелька. Зам. тоже годится. Записалъ обоихъ въ Приходо-Расходную Книгу, и открылъ текущій счетъ у каждаго.

«Янв. 2. Встрѣтилъ Снапа на Биржѣ, подошелъ къ нему и наступилъ на ногу. Взмахнулъ кулакомъ и сбилъ меня съ ногъ. Прекрасно!—я снова всталъ. Небольшое разногласіе съ Багомъ, моимъ адвокатомъ. Я хочу требовать тысячу за побои, онъ увѣряетъ, что за тумакъ не высудишь болѣе пятисотъ. Зам. надо развязаться съ Багомъ—никакой системы.

«Янв. 3. Пошелъ въ театръ позондировать Груффа. Увидалъ его въ ложѣ второго яруса между двухъ дамъ: толстой и тоненькой. Смотрѣлъ на нихъ въ бинокль, пока старая леди покраснѣла и что-то шепнула Груффу. Тогда отправился къ нимъ въ ложу, и сунулъ въ нее носъ. Не захотѣлъ дернуть—не беретъ. Высморкался и попытался снова—не беретъ. Усѣлся, сталъ подмигивать тоненькой леди, и съ удовольствіемъ почувствовалъ, что онъ хватаетъ меня за шиворотъ, поднимаетъ на воздухъ и швыряетъ въ партерръ. Шея вывихнута, правая нога сломана. Вернулся домой въ восторгѣ, выпилъ бутылку шампанскаго и отмѣтилъ за Груффомъ пять тысячъ. Багъ говоритъ,—высудимъ.

«Фев. 15. Покончилъ сдѣлку съ мистеромъ Снапомъ. Получено всего пятьдесятъ центовъ см. Журналъ.

«Фев. 16. Подлецъ Груффъ уплатилъ пять долларовъ. Расходы по веденію дѣла—четыре доллара двадцать пять центовъ. Чистый барышъ—см. журналъ—семьдесятъ пять центовъ».

Изъ этого ясно, что я получилъ, въ самый короткій промежутокъ времени, не менѣе одного доллара двадцати пяти центовъ—съ однихъ только Снапа и Груффа. Честью клянусь, что эти выдержки изъ Дневника сдѣланы на удачу.

Но весьма старинная пословица говоритъ вполнѣ справедливо, что деньги вздоръ въ сравненіи съ здоровьемъ. Я убѣдился, что эта профессія слишкомъ тяжела для моего деликатнаго сложенія. Въ концѣ концовъ меня изуродовали до потери образа человѣческаго, такъ что мои знакомые перестали узнавать Петера Профита. Въ виду этого я рѣшилъ приняться за что-нибудь другое. Я занялся расчисткой грязи на улицахъ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ оставался при этомъ занятіи.

Худшая сторона этой профессіи та, что за нее берется много народа, и такимъ образомъ создается сильная конкурренція. Всякій олухъ, у котораго не хватаетъ мозгу для профессіи ходячаго анонса, или бѣльма на глазу, или жертвы оскорбленія дѣйствіемъ, считаетъ себя способнымъ расчищать грязь передъ прохожими. Но ничего не можетъ быть нелѣпѣе мнѣнія, будто расчистка грязи не требуетъ ума. А безъ системы и подавно ничего не добьешься въ этой профессіи. У меня дѣло пошло какъ по маслу, благодаря моей привычкѣ къ методу. Во-первыхъ, я выбралъ перекрестокъ не зря, а хорошенько осмотрѣвшись, во-вторыхъ, никогда не являлся съ метлой въ какой либо другой части города. Далѣе я завелъ маленькаго пуделя. Все это заслужило мнѣ репутацію человѣка, на котораго можно положиться; а это, позвольте вамъ сказать, половина успѣха въ нашемъ дѣлѣ. Никто не переходилъ моего перекрестка, загрязнивъ панталоны, и всякій совалъ мнѣ

мѣдную монету. И такъ какъ мои дѣловыя привычки въ этомъ отношеніи были всѣмъ извѣстны, я избавился отъ понуканій. Я бы не вытерпѣлъ понуканій. Я никому не навязываюсь, пусть же и меня оставятъ въ покоѣ. Но, разумѣется, я не могъ ничего подѣлать противъ мошенничества банковъ. Ихъ крахи причиняли мнѣ много убытка. А вѣдь банки—не личности; это корпораціи,—у корпораціи же, какъ всѣмъ извѣстно, нѣтъ ни тѣла, которое можно оттузить, ни души, которую можно послать въ преисподнюю.

Я заработывалъ денежки этимъ ремесломъ, да какъ-то, въ несчастную минуту, вздумалъ заняться чисткой сапогъ—профессія, сходная съ предыдущей, но далеко не столь почтенная. Впрочемъ, у меня было отличное мѣстечко въ центрѣ города и превосходная вакса и щетка. Моя собачка тоже хорошо отъѣлась, ознакомилась со всѣми тонкостями профессіи и, смѣю сказать, понимала ихъ какъ нельзя лучше. Обыкновенно дѣло происходило такъ:—Помпей, вывалявшись въ грязи, садился у дверей магазина и поджидалъ какого-нибудь дэнди въ блестящихъ, какъ зеркало, сапогахъ. Затѣмъ бросался къ нему на встрѣчу и терся о его ботфорты. Дэнди изрыгалъ проклятіе и оглядывался, нѣтъ-ли по близости чистильщика сапогъ. По близости находился я съ ваксой и щетками. Все облаживалось въ одну минуту и я получалъ сикспенсъ. Въ теченіе нѣкотораго времени дѣло шло сносно. Я не жаденъ, но моя собака оказалась жадной. Я удѣлялъ ей треть доходовъ, а она требовала половину. На это я не могъ согласиться,—мы поссорились и разстались.

Я попробовалъ ходить съ шарманкой и, могу сказать, довольно успѣшно. Это простое, легкое дѣло, не требующее особенныхъ способностей. Вы можете завести шарманку съ однимъ мотивомъ, а для того, чтобы привести ее въ порядокъ, достаточно открыть механизмъ, и хорошенько ударить по немъ три-четыре раза молоткомъ. Это улучшаетъ тонъ шарманки и приспособляетъ его для дѣловыхъ цѣлей. Затѣмъ, вы надѣваете ее на спину и бродите по улицамъ. Если замѣтите, что передъ какимъ-нибудь домомъ настлана солома, а дверной молотокъ обернутъ кожей,—остановитесь, и начинайте вертѣть ручку шарманки съ такимъ видомъ, словно вы собираетесь играть до второго пришествія. Вскорѣ отворится окно и кто-нибудь броситъ вамъ сикспенсъ съ требованіемъ: «Получи и убирайся» etc. Я знаю, что многіе шарманщики «убираются» за эту сумму, но я, съ своей стороны, затратилъ на шарманку слишкомъ значительный капиталъ, чтобы «убираться» меньше чѣмъ за шиллингъ.

Это занятіе доставляло мнѣ хорошій доходъ, но во многихъ отношеніяхъ не удовлетворяло меня, такъ что я рѣшилъ бросить

его. Дѣло въ томъ, что у меня не было обезьянки, — къ тому же американскія улицы такъ грязны, демократическая чернь такъ нахальна, и несносныхъ уличныхъ мальчишекъ такая бездна.

Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ я оставался безъ работы и наконецъ занялся Фальшивой Почтой. Обязанности здѣсь очень просты и небезвыгодны. Напримѣръ, рано утромъ я заготовлялъ фальшивыя письма. Написавъ нѣсколько строкъ болѣе или менѣе таинственнаго содержанія, я подписывалъ «Томъ Добсонъ» или «Бобби Томкинсъ». Сложивъ, запечатавъ, наклеивъ фальшивую марку какой-нибудь отдаленной мѣстности, — Нью-Орлеанъ, Бенгалія, Ботани-Бей и т. п.,—я отправлялся въ обходъ, дѣлая видъ, что страшно спѣшу. Я всегда заходилъ въ богатые дома, отдавалъ письмо и получалъ плату. Никто не откажется заплатить за письмо—люди такъ глупы,—а пока оно будетъ распечатано, я успѣю свернуть за уголъ. Самое скверное, что эта профессія требуетъ усиленной ходьбы и бѣготни. Кромѣ того, меня не на шутку мучила совѣсть. Я не выношу, когда бранятъ неповинныхъ людей,— а вскорѣ весь городъ проклиналъ Тома Добсона и Бобби Томкинса самыми страшными клятвами. Я съ отвращеніемъ умылъ руки и бросилъ это дѣло.

Моя восьмая и послѣдняя операція была Кошководство. Это занятіе оказалось пріятнымъ, доходнымъ и очень простымъ. Какъ извѣстно, кошки рѣшительно наводнили страну, такъ что въ послѣднюю достопамятную сессію законодательнаго собранія была подана петиція объ уничтоженіи этого зла, съ безчисленными и почтенными подписями. Собраніе оказалось на высотѣ своего положенія и, разсмотрѣвъ много мудрыхъ и полезныхъ проектовъ, издало Кошачій Актъ. Въ первоначальной формѣ законъ назначалъ извѣстную плату за кошачью голову (четыре пенса за штуку), но Сенатъ замѣнилъ «головы» хвостами. Разумность этой поправки была такъ очевидна, что палата приняла ее nem. con.

Какъ только губернаторъ обнародовалъ билль, я затратилъ все свое состояніе на покупку Васекъ и Машекъ. Сначала я предложилъ имъ питаться мышами (дешевая пища), но онѣ подняли такой гвалтъ, что я счелъ болѣе благоразумнымъ раскошелиться и сталъ кормить ихъ устрицами и черепахами. Теперь ихъ хвосты приносятъ мнѣ изрядный доходъ, такъ какъ я нашелъ способъ при помощи Макассароваго масла получать три выводка въ годъ. Я съ удовольствіемъ убѣдился, что животныя вскорѣ привыкли обходиться безъ хвоста. Въ виду этого я считаю себя богатымъ человѣкомъ и приторговываю дачу на рѣкѣ Гудсонъ.

Человѣкъ, котораго изрубили на куски.

Разсказъ о послѣдней экспедиціи противъ племенъ Богабу и Кикапу.

Pleurez, pleurez, mes yeux, et fondez vous en eau!
La moitié de ma vie a mis l'autre en tombeau.
Corneille.

-Не могу припомнить, когда и гдѣ я впервые познакомился съ этимъ писанымъ красавцемъ—бригаднымъ генераломъ Джономъ А. Б. С. Смитомъ. Кто-то познакомилъ меня съ этимъ джентльменомъ—въ этомъ я увѣренъ—на какомъ-то собраніи, это я знаю навѣрное, по какому-то важному поводу, безъ сомнѣнія, въ какомъ-то мѣстѣ, въ этомъ я убѣжденъ, но гдѣ именно, рѣшительно не могу припомнить. Дѣло въ томъ, что наше знакомство сопровождалось съ моей стороны нѣкоторымъ тревожнымъ смущеніемъ, по милости котораго я не сохранилъ никакихъ опредѣленныхъ впечатлѣній о времени и мѣстѣ. Я по природѣ нервенъ—это нашъ семейный недостатокъ, отъ котораго я не могу отдѣлаться. Въ особенности волнуетъ меня тайна—самый легкій намекъ на нее, самый ничтожный пунктъ, котораго я не могу опредѣлить—приводитъ меня въ жалкое смущеніе.

Было нѣчто замѣчательное—да, замѣчательное, хотя этотъ эпитетъ далеко не выражаетъ моего мнѣнія—во всемъ обликѣ господина, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ былъ около шести футовъ ростомъ и необыкновенно внушительной наружности. Видъ его—въ высшей степени distingué—говорилъ о прекрасномъ воспитаніи и родовитомъ происхожденіи. Я распространяюсь объ этомъ предметѣ—о наружности Смита—съ чувствомъ грустнаго удовольствія. Его вьющіеся волоса сдѣлали бы честь Бруту; я никогда не видѣлъ такихъ роскошныхъ кудрей, такого красиваго оттѣнка. Они были черные, какъ смоль, также какъ и его несравненные усы. Какъ видите, объ этихъ послѣднихъ я не могу говорить безъ восторга, безъ всякаго преувеличенія—это была прекраснѣйшая пара усовъ въ подлунной. Во всякомъ случаѣ она обрамляла и частью оттѣняла невыразимой красоты ротъ. Въ немъ находились удивительно ровные, блестящей бѣлизны зубы. Изъ-за нихъ раздавался поразительно звонкій, музыкальный, сильный голосъ. Глаза моего новаго знакомца также отличались необыкновенной красотой Каждый изъ нихъ стоилъ пары обыкновенныхъ органовъ зрѣнія. Они были темно-каріе, огромные и блестящіе; и время отъ времени чуть-чуть косили, что придаетъ особенную выразительность

взгляду. Бюстъ генерала несомнѣнно былъ прекраснѣйшій изъ всѣхъ, мною видѣнныхъ. Вы не замѣтили бы ни малѣйшаго изъяна въ удивительной пропорціональности очертаній. Это рѣдкое обстоятельство особенно рельефно выставляло на видъ пару плечей, которыя вызвали бы краску стыда на лицѣ мраморнаго Аполлона. Я питаю страсть къ красивымъ плечамъ и, могу сказать, никогда еще не видалъ подобнаго совершенства. Руки были также безукоризненны. Нижнія конечности не менѣе великолѣпны. Въ самомъ дѣлѣ онѣ представляли nec plus ultra красивыхъ ногъ. Каждый знатокъ въ подобнаго рода вещахъ согласился бы, что ноги хороши. Онѣ не были слишкомъ мясисты, ни слишкомъ малы, ни слишкомъ массивны, ни слишкомъ хрупки. Нельзя себѣ представить что-нибудь изящнѣе изгиба его os femoris, а легкая выпуклость на задней сторонѣ fibula была именно такова, какой она должна быть при совершенно пропорціональной икрѣ. Желалъ бы я, чтобы мой юный и талантливый другъ, скульпторъ Чипончипино увидѣлъ ноги бригаднаго генерала Джона А. Б. С. Смита.

Но хотя такихъ безусловно красивыхъ людей не на каждомъ шагу встрѣтишь, я все-таки не могъ убѣдить себя, что поразившее меня замѣчательное нѣчто, — что странное впечатлѣніе de je ne sais quoi, производимое моимъ новымъ знакомцемъ, — зависѣло вполнѣ или хоть сколько-нибудь отъ самаго совершенства его тѣлесной красоты. Можетъ быть, оно зависѣло отъ его манеръ, но и въ этомъ я не былъ увѣренъ. Была какая-то натянутость, чтобъ не сказать деревянность въ его осанкѣ, — извѣстная степень размѣренной и, если можно такъ выразиться, прямолинейной точности, сопровождавшей каждое его движеніе. При болѣе мизерной фигурѣ это производило бы самое отталкивающее впечатлѣніе жеманства, напыщенности или принужденности, но въ данномъ случаѣ, благодаря громадному росту этого джентльмена, казалось весьма естественнымъ чувствомъ достоинства, hauteur.

Пріятель, любезно представившій меня генералу Смиту, прошепталъ мнѣ на ухо нѣсколько словъ объ этой личности: — Замѣчательный человѣкъ — весьма замѣчательный человѣкъ — одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей нашего вѣка. Любимецъ женщинъ — главнымъ образомъ благодаря репутаціи героя.

— Въ этомъ отношеніи не имѣетъ соперниковъ человѣкъ отчаянной храбрости, — одно слово, головорѣзъ, — говорилъ мой другъ, еще болѣе понизивъ голосъ при этихъ словахъ и поразивъ меня своимъ таинственнымъ тономъ.

— Одно слово, головорѣзъ? Вѣроятно, онъ проявилъ свою храбрость въ послѣдней кампаніи противъ индѣйцевъ Бугабу и Кикапу?

Мой другъ вытаращилъ глаза:—Господи!—Чортъ побери!—Чудеса храбрости!—неужели вы не слыхали?—вѣдь онъ—человѣкъ...

— Человѣкъ Божій, какъ поживаете? что подѣлываете? душевно радъ васъ видѣть! — перебилъ въ эту минуту генералъ, пожимая руку моему пріятелю и привѣтствуя меня церемоннымъ, но вѣжливымъ поклономъ. Я подумалъ (и теперь думаю), что мнѣ еще не приходилось слышать такого звучнаго голоса и видѣть такихъ прекрасныхъ зубовъ, но долженъ сознаться, мнѣ былъ непріятенъ перерывъ именно въ эту минуту, когда нашептыванія моего друга возбудили во мнѣ крайній интересъ къ герою Бугабусской и Кикапусской кампаніи.

Какъ бы то ни было, блестящій разговоръ бригаднаго генерала Джона А. Б. С. Смита вскорѣ разсѣялъ мою досаду. Мой другъ тотчасъ ушелъ и нашъ продолжительный tête-à-tête оказался для меня не только пріятнымъ, но и истинно поучительнымъ. Мнѣ никогда еще не приходилось бесѣдовать съ такимъ краснорѣчивымъ и образованнымъ человѣкомъ. Но съ весьма понятной скромностью онъ не коснулся темы, которая наиболѣе занимала меня въ данную минуту—я подразумѣваю таинственныя обстоятельства Бугабусской войны. Я съ своей стороны счелъ неделикатнымъ заводить разговоръ на эту тему, хотя мнѣ очень этого хотѣлось. Я замѣтилъ также, что галантный солдатъ касался преимущественно научныхъ вопросовъ и съ увлеченіемъ толковалъ о быстрыхъ успѣхахъ механическихъ изобрѣтеній въ наше время. О чемъ бы я ни заговаривалъ, онъ неизмѣнно возвращался къ этой темѣ.

— Это ни съ чѣмъ не сравнится,—говорилъ онъ,—мы удивительные люди и живемъ въ удивительномъ вѣкѣ. Парашюты и желѣзныя дороги, волчьи ловушки и скорострѣльныя ружья! Наши пароходы на всѣхъ моряхъ, а почтовый аэростатъ Нассау вскорѣ начнетъ регулярные перелеты (двадцать фунтовъ стерлинговъ въ одинъ конецъ) между Лондономъ и Тимбукту. А кто измѣритъ громадное вліяніе великихъ открытій въ области электро-магнетизма на общественную жизнь, искусство, торговлю, литературу? Это еще не все, повѣрьте мнѣ. Нѣтъ конца прогрессу изобрѣтеній. Самыя изумительныя, самыя остроумныя и, смѣю сказать, мистеръ... мистеръ... Томсонъ, если не ошибаюсь—самыя полезныя, самыя полезнѣйшія механическія изобрѣтенія выростаютъ ежедневно какъ грибы, если можно такъ выразиться, или, употребляя болѣе картинное выраженіе, какъ... да... саранча... какъ саранча, мистеръ Томсонъ... среди насъ и... э... э... а... вокругъ насъ.

Конечно, моя фамилія не Томсонъ; но все-таки, врядъ-ли нужно говорить, что я разстался съ генераломъ Смитомъ, проникнутый усиленнымъ интересомъ къ его личности генерала, высокимъ

уваженіемъ къ его разговорнымъ способностямъ и глубочайшимъ сознаніемъ выгодъ и привиллегій, которыми мы пользуемся, живя въ вѣкъ механическихъ изобрѣтеній.

Мое любопытство, однако, осталось неудовлетвореннымъ и я рѣшился разспросить знакомыхъ о бригадномъ генералѣ и въ особенности о достопамятныхъ происшествіяхъ, quorum pars magna fuit въ теченіе Бугабусской и Кикапусской кампаніи.

Первый представившійся случай, которымъ я (horresco referens) воспользовался безъ зазрѣнія совѣсти, имѣлъ мѣсто въ церкви достопочтеннаго доктора Друммуммуппа, гдѣ я очутился въ воскресенье, какъ разъ во время проповѣди, не только на скамьѣ, но и рядомъ съ моимъ достойнымъ и экспансивнымъ другомъ, миссъ Табитой Б. Мы переглянулись, а затѣмъ начали, sotto voce, оживленный tête-á-tête.

— Смитъ!—отвѣчала она на мой очень серьезный вопросъ,— Смитъ!.. не генералъ-ли Джонъ А. Б. С?.. Господи, я думала, что вы знаете о немъ! Удивительно изобрѣтательный вѣкъ! Ужасное дѣло!.. Какіе кровожадные злодѣи эти Кикапу!.. дрался какъ герой... чудеса храбрости... безсмертная слава. Смитъ! Бригадный генералъ Джонъ А. Б. С!.. да вѣдь это человѣкъ...

— Человѣкъ,—рявкнулъ во всю глотку докторъ Друммуммуппъ, ударивъ кулакомъ по каѳедрѣ такъ, что она чуть не разлетѣлась въ дребезги—человѣкъ, рожденный женщиной, является и увядаетъ, какъ былинка въ полѣ; вѣкъ его кратокъ!.. Я отлетѣлъ на конецъ скамейки, замѣтивъ по краснорѣчивымъ взорамъ проповѣдника, что его гнѣвъ, едва не оказавшійся роковымъ для каѳедры, былъ вызванъ нашимъ перешептываньемъ. Нечего дѣлать, я покорился судьбѣ и претерпѣлъ мученичество—прослушалъ въ благовѣйномъ молчаніи эту превосходную проповѣдь.

Поздно вечеромъ я заглянулъ въ Рентипольскій театръ и, въ полной увѣренности получить всѣ нужныя мнѣ свѣдѣнія, зашелъ въ ложу двухъ изящнѣйшихъ образчиковъ любезности и всезнанія, миссъ Арабеллы и Миранды Когносценти. Превосходный трагикъ Климаксъ отламывалъ Яго передъ многочисленной публикой, такъ что я не безъ труда объяснилъ, что мнѣ требуется, тѣмъ болѣе, что наша ложа была ближайшая къ кулисѣ и приходилась какъ разъ надъ сценой.

— Смитъ!— сказала миссъ Арабелла, уразумѣвъ, наконецъ, чего я добиваюсь,—Смитъ?.. генералъ Джонъ А. Б. С?

— Смитъ?—задумчиво спросила Миранда,—Боже мой, видали вы когда-нибудь такую прекрасную фигуру?

— Никогда, сударыня, но скажите мнѣ...

— Такую неподражаемую грацію?

— Никогда, честное слово!.. но будьте добры, объясните мнѣ...

— Такое знаніе драматическихъ эффектовъ?

— Сударыня!

— Такое пониманіе истинныхъ красотъ Шекспира? Взгляните на эту ногу.

— Чортъ!—и я обратился къ ея сосѣдкѣ.

— Смитъ?—сказала она,—генералъ Джонъ А. Б. С.?—Ужасная исторія, неправда-ли?—какіе негодяи эти Бугабу—настоящіе дикари, но мы живемъ въ изобрѣтательномъ вѣкѣ!—Смитъ!—О, да! великій человѣкъ!.. отчаянная голова... безсмертная слава... чудеса храбрости! Никогда не слыхали? (Эти слова произнесены почти со стономъ). Господи!—вѣдь это человѣкъ...

— Человѣкъ ты или нѣтъ?—Ужель въ тебѣ ни сердца нѣтъ, ни смысла?—завылъ Климаксъ мнѣ въ ухо, потрясая кулакомъ передъ моей физіономіей, такъ что я рѣшительно не могъ и не хотѣлъ выдержать. Я тотчасъ оставилъ ложу миссъ Когносценти, отправился за кулисы, и задалъ бездѣльнику такую трепку, о которой онъ навѣрно будетъ помнить до смертнаго дня.

Я былъ увѣренъ, что на soirée хорошенькой вдовушки мистриссъ Кэтликъ О'Трумпъ не можетъ случиться ничего подобнаго. Итакъ, усѣвшись за карточный столикъ, vis-á-vis съ прелестной хозяйкой, я обратился къ ней съ вопросами, разрѣшеніе которыхъ было такъ важно для моего душевнаго спокойствія.

— Смитъ?—сказала она—генералъ Джонъ А. Б. С.? Ужасное дѣло, не правда-ли?—вы сказали бубны?—отъявленные негодяи эти Кикапу!—мы играемъ въ вистъ, мистеръ Тэттль, прошу помнить—правда, нашъ вѣкъ—вѣкъ изобрѣтеній по преимуществу, (par excellence, какъ говорятъ французы!) о, истинный герой!.. отчаянная голова!.. нѣтъ червей, мистеръ Тэттль?.. это невѣроятно!.. безсмертная слава... чудеса храбрости!.. Никогда не слыхали!!.. Господи, да вѣдь это тотъ...

— Тоттъ?.. Капитанъ Тоттъ?—взвизгнула какая-то бабенка въ дальнемъ углу комнаты.—Вы говорите о капитанѣ Тоттѣ и его дуэли?.. о... я должна узнать... говорите... продолжайте, мистриссъ О'Трумпъ!.. разсказывайте!—И мистриссъ О'Трумпъ принялась разсказывать, и пошла, и пошла, все о какомъ-то капитанѣ Тоттѣ, котораго застрѣлили, или повѣсили, или должны были застрѣлить и повѣсить. Да! Мистриссъ О'Трумпъ пошла, а я—я ушелъ. У меня не было шансовъ услышать что-нибудь въ этотъ вечеръ о бригадномъ генералѣ Джонѣ А. Б. С. Смитѣ.

Я, однако, утѣшался надеждой, что не вѣчно же судьба будетъ противъ меня, и рискнулъ на новую попытку на раутѣ у обворожительнаго ангельчика, прелестной мистриссъ Пируэттъ.

— Смитъ?—сказала мистриссъ Пируэттъ,—когда мы вертѣлись, выдѣлывая изящные pas de zéphyr — Смитъ?.. генералъ Джонъ А. Б. С.?.. Какъ ужасна эта Бугабусская кампанія, не правда-ли?.. что за звѣри эти индѣйцы!.. Какъ вы держите носки! стыдитесь... какой храбрецъ, бѣдняга!.. Но въ наше время такія удивительныя изобрѣтенія... Охъ, я совсѣмъ задыхаюсь...отчаянная голова... чудеса храбрости... никогда не слыхали!!.. можетъ-ли быть... сядемте, я вамъ разскажу... вѣдь это человѣкъ (man)...

— Ман-Фредъ *),—говорю я вамъ,—взвизгнула миссъ Синій Чулокъ, пока я усаживалъ мистриссъ Пируэттъ. — Слыхано-ли что-нибудь подобное? Говорятъ вамъ, Ман-Фредъ, а вовсе не Ман-Фертъ.—Тутъ миссъ Синій Чулокъ подозвала меня самымъ безцеремоннымъ образомъ и мнѣ волей неволей пришлось рѣшить споръ относительно заглавія извѣстной драматической поэмы лорда Байрона. Хотя я отвѣтилъ очень быстро, что настоящее заглавіе Ман-Фертъ, а вовсе не Ман-Фредъ, но когда вернулся къ мистриссъ Пируэттъ, ея и слѣдъ простылъ; такъ что я поплелся домой, обуреваемый сильнѣйшей злобой противъ всего рода Синихъ Чулковъ.

Дѣло приняло, какъ видите, весьма серьезный оборотъ; я рѣшился зайти къ моему пріятелю мистеру Теодору Синивэтъ, зная, что здѣсь навѣрно получу какія-нибудь точныя свѣдѣнія.

— Смитъ?—сказалъ мой другъ со свойственнымъ ему характернымъ растягиваніемъ слоговъ.—Смитъ?.. а?.. генералъ Джонъ А. Б. С.? Ужасная исторія это дѣло съ Кикапу-у-у-у?.. не правда-ли? Скажите? какъ по вашему?.. отча-а-а-янная голова... ужасная жалость, честное слово... удивительно изобрѣтательный вѣкъ!.. чу-у-удеса храбрости!.. кстати, слыхали вы о капитанѣ Т-о-о-оттѣ.

— Къ чорту капитана Тотта!—сказалъ я,—пожалуйста, продолжайте вашъ разсказъ.

— Х-мъ!... о, да!... совершенно la même chose, какъ говорятъ во Франціи. Смитъ, э? бригадный генералъ Джонъ А... Б... С? Слушайте (тутъ мистеръ Синивэтъ счелъ почему-то необходимымъ приставить палецъ къ носу)—слушайте, вы взаправду, говоря по совѣсти, ничего не слыхали о Смитѣ, а? Смитъ? Джонъ А... Б... С? Но, Боже мой, вѣдь это человѣкъ...

— Мистеръ Синивэтъ,—сказалъ я умоляющимъ тономъ,—это человѣкъ въ маскѣ?

— Нѣ-ѣ-ѣ-ѣтъ!—произнесъ онъ глубокомысленно,—и не человѣкъ съ лу-у-у-ны.—Я усмотрѣлъ въ этомъ отвѣтѣ умышленное и прямое оскорбленіе и немедленно ушелъ въ бѣшенствѣ, рѣшив-

*) Непереводимая игра словами: man (человѣкъ) и Manfred.

шись вызвать моего друга мистера Синивэта на дуэль за его неблагородное поведеніе и невоспитанность.

Какъ бы то ни было, я не зналъ, откуда мнѣ получить требуемыя свѣдѣнія. Оставалось одно средство. Я рѣшилъ обратиться къ первоисточнику. Рѣшилъ отправиться къ самому генералу и попросить объясненія ужасной тайны. Тутъ, по крайней мѣрѣ, не можетъ быть мѣста для недоразумѣній. Я буду кратокъ, ясенъ, выразителенъ—сухъ, какъ пирожная корка, точенъ, какъ Тацитъ или Монтескьё. Я пришелъ рано утромъ, генералъ еще одѣвался, но я сослался на дѣло, нетерпящее отсрочки, и старикъ-негръ, слуга, провелъ меня въ спальню. Войдя въ комнату, я, разумѣется, сталъ искать глазами хозяина, но не сразу нашелъ его. У ногъ моихъ на полу валялся какой-то большой и странный съ виду узелъ и, будучи въ довольно мрачномъ настроеніи духа, я сердито оттолкнулъ его ногой.

— Хмъ! э-хмъ! вы очень вѣжливы, нечего сказать!—проговорилъ узелъ тоненькимъ голоскомъ, напоминавшимъ нѣчто среднее между пискомъ и свистомъ,—самымъ смѣшнымъ и нелѣпымъ голоскомъ, какой мнѣ когда-либо приходилось слышать.

— Э... хмъ! вы очень вѣжливы, что и говорить!

Я буквально заоралъ отъ ужаса и отлетѣлъ въ самый отдаленный уголъ комнаты.

— Господи!—снова пропищалъ узелъ,—что... что... что... что съ вами, милѣйшій? вы, кажется, вовсе не знаете меня.

Что могъ бы я отвѣтить на это—что? Я опустился въ кресло и, разинувъ ротъ, выпучивъ глаза, ожидалъ разрѣшенія этой загадки.

— Странно, однако, что вы не знаете меня, а? — прошипѣлъ узелъ. Я замѣтилъ теперь, что онъ, повидимому, занятъ надѣваніемъ чулокъ. Но я видѣлъ только одну ногу.

— Странно, однако, что вы не знаете меня, а? Помпей, дай другую ногу!—Тутъ Помпей подалъ узлу вполнѣ обутую пробковую ногу, которую тотъ привинтилъ въ одно мгновеніе, послѣ чего всталъ и выпрямился передо мною.

— Да, кровавое было дѣло,—продолжало это существо, какъ будто разговаривая съ самимъ собою,—но, имѣя дѣло съ Бугабу и Кикапу, надо впередъ разсчитывать, что не отдѣлаешься царапиной. Помпей, подай руку—спасибо. Томасъ (обращаясь ко мнѣ) рѣшительно первый мастеръ по части пробковыхъ ногъ, но если вамъ понадобится рука, милѣйшій, совѣтую обратиться къ Бишопу.—Въ это время Помпей привинтилъ ему руку.

— Да, жаркое было дѣло, нечего сказать. Живѣй, собака, дай же грудь и плечи. Петтитъ дѣлаетъ наилучшія плечи, но за грудью нужно обратиться къ Дюкро.

— За грудью!—сказалъ я.

— Помпей, дашь ты мнѣ, наконецъ, парикъ? Скальпированіе скверная штука, но вы можете получить великолѣпную шевелюру у Де-Л'Орма.

— Шевелюру!

— Зубы, негръ, гдѣ мои зубы? У Пармли вы найдете прекрасный наборъ зубовъ; высокія цѣны, но превосходная работа. Я проглотилъ нѣсколько превосходныхъ зубовъ, когда здоровенный индѣецъ уложилъ меня-прикладомъ.

— Прикладомъ! уложилъ! глазамъ не вѣрю!

— А, да-да-да, глаза—Помпей, мошенникъ, привинти же глаза. Этотъ докторъ Вильямъ просто молодецъ, вы не повѣрите, какъ отлично я вижу глазами его работы.

Теперь я замѣтилъ, что передо мною находится не кто иной, какъ мой новый знакомый, бригадный генералъ Джонъ А. Б. С. Смитъ. Манипуляціи Помпея произвели громадную перемѣну въ его наружности. Голосъ, однако, по прежнему смущалъ меня, но вскорѣ и эта загадка разъяснилась.

— Помпей,—прошипѣлъ генералъ,—ты, кажется, не намѣренъ подать мнѣ нёбо, черный бездѣльникъ.

Негръ, пробормотавъ какое-то извиненіе, подошелъ къ господину, открылъ ему ротъ съ увѣреннымъ видомъ барышника, осматривающаго зубы лошади,—очень ловко вставилъ туда какой-то странный механизмъ. Выраженіе лица генерала измѣнилось мгновенно и поразительно. Когда онъ снова заговорилъ, его голосъ звучалъ такъ же мелодично, какъ при нашей первой встрѣчѣ.

— Чортъ бы побралъ этихъ мошенниковъ!—сказалъ онъ такимъ звучнымъ тономъ, что я даже вздрогнулъ при этой неожиданной перемѣнѣ голоса,—чортъ бы побралъ этихъ мошенниковъ! Они не только выломали мнѣ нёбо, но и отрѣзали добрыхъ семь восьмыхъ языка. Въ Америкѣ не найдется такого мастера по части этого рода механизмовъ, какъ Бонфонти. Я могу рекомендовать васъ его попеченіямъ—(тутъ генералъ поклонился) —и, повѣрьте, сдѣлаю это съ величайшей охотой!

Я поблагодарилъ его за любезность и немедленно откланялся, такъ какъ узналъ въ чемъ дѣло получилъ разъясненіе тайны, мучившей меня такъ долго. Разгадка была очевидна. Дѣло совершенно ясно. Бригадный генералъ Джонъ А. Б. С. Смитъ былъ человѣкъ—былъ человѣкъ, котораго изрубили на куски.

Конецъ II-го тома.

Содержаніе II тома.